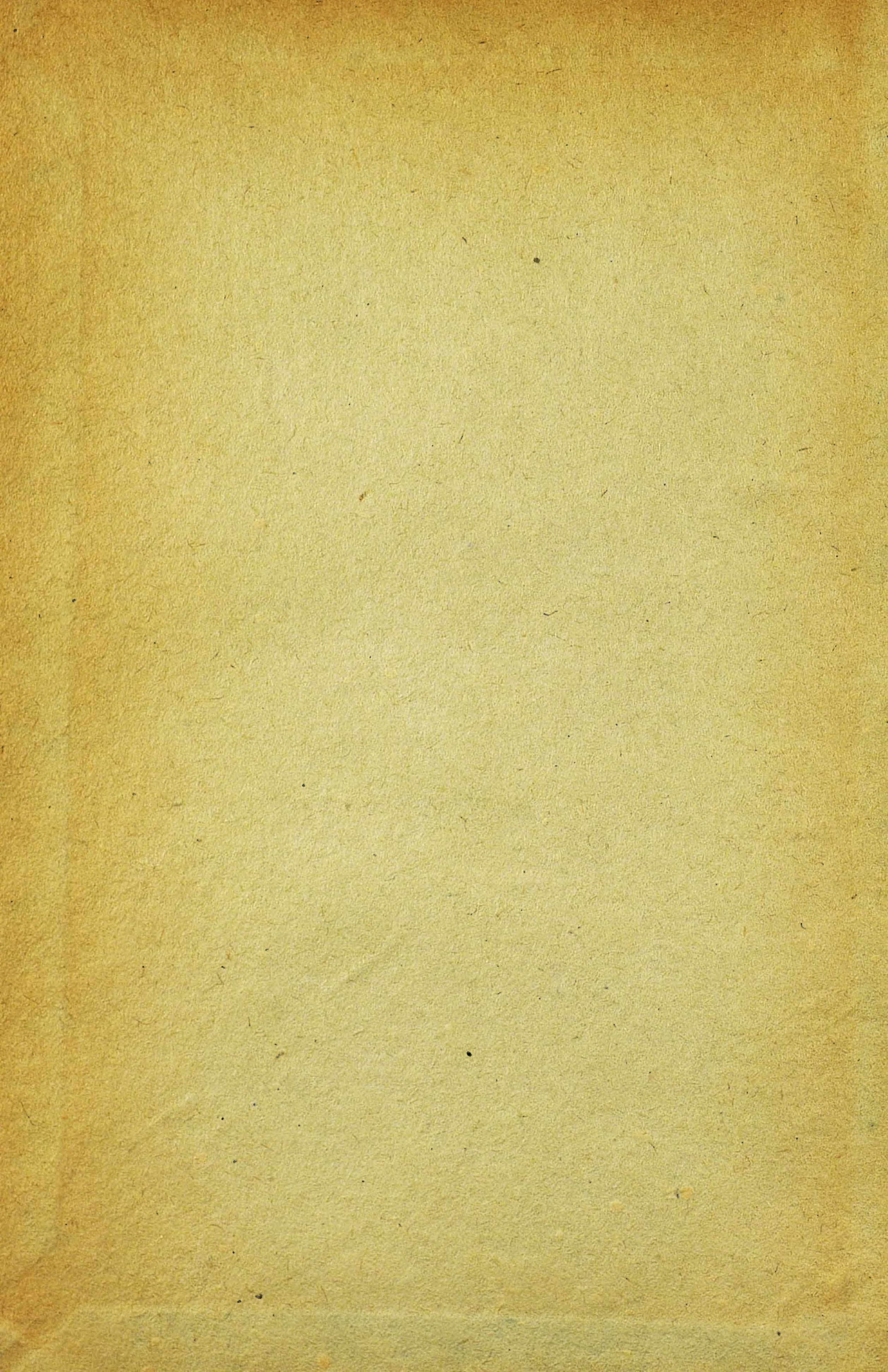

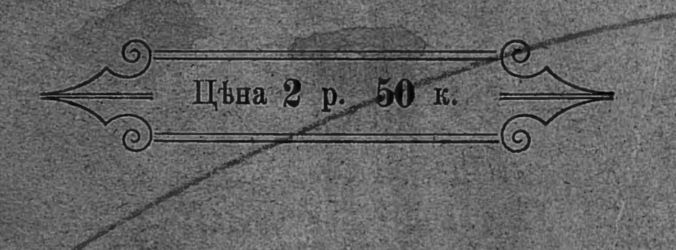

ПАДЕНІЕ КРѢПОСТНОГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.

Сочиненіе И. ИВАНЮКОВА,

профессора С.-Петербургскаго Политехническаго Института.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

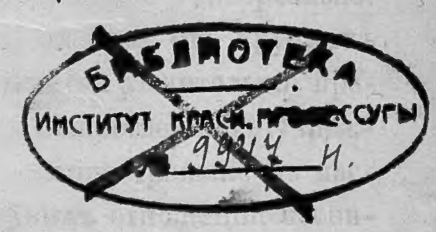

Изданіе Товарищества «Общественная Польза».
С.-Петербургъ, Б. Подъяческая, 39, с. д.

ПАДЕНІЕ
КРѢПОСТНОГО ПРАВА
ВЪ РОССІИ.

Сочиненіе И. ИВАНЮКОВА,
Профессора С.-Петербургскаго Политехническаго Института.

Изданіе 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества „Общественная Польза".
1903.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.

Предисловіе къ 2-му изданію.

Первое изданіе настоящей книги давно уже разошлось. По недостатку досуга, съ одной стороны, и въ виду продолжающагося спроса на книгу, — съ другой, я рѣшаюсь выпустить второе изданіе ея съ незначительными лишь измѣненіями.

Авторъ.

Изъ предисловія къ 1-му изданію.

Уничтоженіе крѣпостного права въ Россіи составляетъ колоссальный переворотъ во всемъ соціальномъ строѣ ея. Съ этого момента Россія вступила въ новую эпоху развитія. Общественный бытъ, покоившійся на рабствѣ, замѣнился бытомъ, въ основаніе котораго положенъ принципъ гражданской равноправности. Россія, по своимъ гражданскимъ порядкамъ, сблизилась съ Западомъ, вошла въ систему европейскихъ государствъ. И, что всего замѣчательнѣе, этотъ колоссальный переворотъ совершился мирнымъ путемъ и безъ всякой постепенности. Бывшій рабъ, безъ переходовъ, разомъ, получилъ всѣ права свободнаго гражданскаго состоянія, право занимать любую должность въ государствѣ, право быть судьею надъ своимъ вчерашнимъ господиномъ.

Значеніе крѣпостного права въ русской жизни было универсально. Это право обусловливало всѣ стороны быта, начиная отъ крупныхъ и кончая самыми мелкими. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи. Прогрессъ общественныхъ учрежденій, накопленіе національнаго богатства, распространеніе въ массахъ просвѣщенія, усовершенствованіе семейныхъ отношеній, воспитанія, нравовъ, понятій, словомъ улучшеніе какой бы то ни было стороны общественной жизни не были возможны при немъ. Вотъ

почему общественные порядки Россіи крѣпостного права осуждены были окаменѣть, существовать въ прежнемъ видѣ, не подвигаясь ни шагу впередъ. И ничто не въ силахъ было измѣнить этого положенія, пока крѣпостное право составляло основу нашей общественной и гражданской жизни; ибо это былъ гордіевъ узелъ, къ которому сходились всѣ язвы русской жизни.

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права пала вѣковая перегородка, отдѣлявшая одну часть русскаго народа отъ другой, устранилась главная преграда къ развитію. Крестьянскою реформою измѣняется базисъ государственнаго зданія; на мѣсто юридической подчиненности однихъ сословій другимъ ставится принципъ гражданской равноправности; сословія переходятъ въ классы. Измѣненіе базиса государственнаго зданія логически вызвало реформу всѣхъ тѣхъ государственныхъ учрежденій, конструкція которыхъ всецѣло покоилась на крѣпостномъ правѣ. Реформы: земская, городская, судебная, военная, народнаго образованія были логическимъ слѣдствіемъ уничтоженія крѣпостного права. Принципіальный характеръ всѣхъ этихъ реформъ одинъ и тотъ же: уничтоженіе сословныхъ привилегій. Въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ крестьяне, мѣщане, купцы, дворяне встрѣтились, какъ равные по закону; исчезла сословность въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ; мировые судьи явились выборными отъ всего населенія; въ ряды преобразованнаго войска дворяне стали поступать наравнѣ съ крестьянами; преимущество сокращенныхъ сроковъ службы дано не происхожденію, а образованію; въ принципѣ признана за государствомъ обязанность заботиться о народномъ образованіи столько же, какъ и объ образованіи прочихъ классовъ.

Остаются еще два важныя государственныя учрежденія, стоящія въ противорѣчіи съ принципомъ гражданской равноправности, сдѣлавшимся со времени крестьянской реформы краеугольнымъ камнемъ новаго государственнаго зданія Россіи. Это — податная система и Уложеніе о наказаніяхъ. Необходимость коренного преобразованія ихъ была высказана какъ въ литературѣ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ, еще во время обсужденія крестьянской реформы. Тогда же была назначена комиссія для преобразованія податной системы, а нѣсколько позже — комиссія для пересмотра Уложенія о наказаніяхъ. Не мѣсто здѣсь говорить о причинахъ, почему законо-

дательныя работы по этимъ двумъ важнымъ отраслямъ государственной жизни не дали пока никакого результата. Замѣтимъ только, что вина не комиссій, если единственный результатъ многолѣтнихъ ихъ работъ заключается лишь въ изданныхъ ими матерьялахъ, и далѣе, что сохраненіе до настоящаго дня отжившихъ уголовнаго кодекса и податной системы никакъ не можетъ быть объяснено сущностью самого дѣла, трудностью задачи. Сорокъ лѣтъ—срокъ слишкомъ достаточный для самаго внимательнаго, для самаго солиднаго преобразованія ихъ.

Но, несомнѣнно, мы наканунѣ этихъ реформъ. Въ литературѣ, въ обществѣ существуетъ единодушное убѣжденіе въ настоятельности преобразованія уголовнаго кодекса и податной системы. О необходимости болѣе справедливаго распредѣленія податного бремени высказались недавно провинціальные комитеты, созванные для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности. Наука и литература разработали податной вопросъ съ такою полнотою, которая исключаетъ возможность добросовѣстнаго разногласія, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ.

Не менѣе важными, чѣмъ непосредственные результаты крестьянской реформы, представляются косвенныя ея послѣдствія, отчасти уже обнаружившіяся, отчасти грядущія. Физіономія общества измѣнилась. Прежде всего, что самое главное, уменьшилась общественная инерція, вытекавшая изъ крѣпостныхъ порядковъ. Общество стало менѣе безгласнымъ, менѣе пассивнымъ. Самоуправленіе, изъ призрачнаго, сдѣлалось до извѣстной степени реальнымъ; земскія собранія, городскія думы, избирательные съѣзды пріучили общество къ обсужденію своихъ интересовъ, къ завѣдыванію своими дѣлами. Государственные вопросы стали для образованной публики предметомъ живого интереса.

Крестьянская реформа оказала уже народу значительное благо въ дѣлѣ гражданской равноправности. Но экономическое положеніе народа, это фактическое основаніе возможности пользоваться благами культуры, иначе сказать — фактическій базисъ для осуществленія на дѣлѣ гражданской равноправности продолжаетъ быть крайне неудовлетворительнымъ. Земства, наука и литература неутомимо указываютъ мѣропріятія, легко осуществимыя, для разлитія матеріальнаго

благосостоянія, а съ нимъ вмѣстѣ и просвѣщенія въ народѣ. Главнѣйшія изъ этихъ мѣропріятій суть: организація переселеній крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній на свободныя государственныя земли, устройство кредитныхъ учрежденій для сельскаго населенія, какъ для общихъ цѣлей, такъ и для покупки крестьянами помѣщичьихъ и государственныхъ земель; податная реформа; пересмотръ выкупныхъ платежей для исправленія ошибочныхъ разсчетовъ, вкравшихся въ крестьянскую реформу, и приведеніе ихъ въ соотвѣтствіе съ дѣйствительной доходностью земель; мѣры къ развитію кустарной промышленности; фабричное законодательство по образцу западно-европейскихъ; широкое распространеніе общаго и техническаго образованія въ народѣ.

Ближайшія государственныя задачи Россіи намѣчены ясно, практично. Выполненіе ихъ легко и не можетъ сопровождаться ни малѣйшимъ потрясеніемъ общественнаго быта.

Благодаря обилію земли въ Россіи,—причемъ треть ея принадлежитъ государству,—наше отечество, въ отношеніи легкости проведенія мѣръ къ разлитію въ народѣ благосостоянія, поставлено въ несравненно болѣе счастливое положеніе, нежели Западъ. Мы вѣримъ, что не далеко уже то время, когда Россія воспользуется своимъ земельнымъ богатствомъ.

Сознаніе, что крѣпостное право представляетъ тормазъ, безъ устраненія котораго невозможно дальнѣйшее развитіе Россіи, распространялось въ нашемъ обществѣ по мѣрѣ усиливавшагося на него вліянія идей и просвѣщенія Запада. Изслѣдованіе исторіи распространенія въ Россіи западно-европейскихъ идей есть въ то же время изслѣдованіе причинъ паденія крѣпостного права и способа отмѣны его. Хотя предлагаемое сочиненіе имѣетъ предметомъ лишь время крестьянской реформы, но изъ него достаточно видно наростаніе причинъ, вызвавшихъ реформу, а такъ же—какъ много мы обязаны примѣру и опыту Запада въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостного права.

Положеніе о новыхъ условіяхъ сельскаго быта вырабатывали правительство, губернскіе дворянскіе комитеты и литература. Изложеніе хода работъ ихъ по всѣмъ предметамъ устройства крестьянскаго быта — уже не говоря о томъ, что потребовало бы не менѣе пятидесяти объемистыхъ томовъ — совершенно не нужно для цѣли настоя-

щаго сочиненія. Цѣль предлагаемаго труда: выяснить отношеніе правительства, дворянства и литературы — этихъ трехъ дѣятелей въ крестьянской реформѣ — къ преобразованію сельскаго быта. А для этого, достаточно изложить ходъ реформы въ ея основныхъ чертахъ и отношеніе этихъ общественныхъ элементовъ къ самымъ центральнымъ вопросамъ реформы, опредѣлившимъ всѣ остальные, какъ логическое изъ нихъ слѣдствіе.

Отсюда порядокъ изложенія настоящаго сочиненія слѣдующій:

Событія, предшествовавшія высочайшимъ рескриптамъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Дѣятельность правительства, дворянства и литературы по изданіи упомянутыхъ высочайшихъ рескриптовъ до учрежденія редакціонныхъ комиссій.

Главныя начала, положенныя редакціонными комиссіями въ основаніе работъ.

Характеристика проэктовъ положеній губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Депутаты губернскихъ комитетовъ и обсужденіе ими, совмѣстно съ редакціонными комиссіями, вопросовъ: а) о правѣ собственности крестьянъ на землю, б) объ основаніяхъ для опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ и повинностей, в) о выкупѣ крестьянами земли въ собственность, д) о сохраненіи за помѣщиками вотчинной полиціи.

Отношеніе депутатовъ и дворянства къ редакціоннымъ комиссіямъ и событія, имѣющія тѣсную связь съ крестьянской реформой, совершившіяся по окончаніи депутатами работъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ.

Окончательный проэктъ Положенія объ устройствѣ крестьянъ, выработанный редакціонными комиссіями.

Измѣненія его, сдѣланныя въ государственномъ совѣтѣ.

Обнародованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Матерьялами настоящему сочиненію служили:

«Первое изданіе матерьяловъ редакціонныхъ комиссій». 1859 и 1860 г., 18 томовъ.

«Второе изданіе матерьяловъ редакціонныхъ комиссій». 1860 г. 3 тома.

«Матерьялы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Императора Александра II». 3 тома. 1-й томъ изданъ въ 1860 году, 2-й—въ 1861 году, 3-й—въ 1862 году.

«Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Матерьялы для исторіи освобожденія крестьянъ. По оффиціальнымъ источникамъ составилъ Александръ Скребицкій». Изданіе продолжалось съ 1862 по 1868 годъ. 4 тома.

Статьи по крестьянскому вопросу, напечатанныя въ «Атенеѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Журналѣ Землевладѣльцевъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Современникѣ», «Сельскомъ Благоустройствѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Экономическомъ Указателѣ», за время отъ 1857 по 1862 годъ.

Статьи по крестьянскому вопросу въ Россіи, напечатанныя въ заграничныхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, за время съ 1857 по 1862 годъ; а также брошюры и книги по крестьянской реформѣ, изданныя за-границей.

«Современная Лѣтопись», 1864 годъ, № 7. Здѣсь помѣщена статья Н. Семенова: «Взглядъ Якова Ивановича Ростовцева на дѣло освобожденія крестьянъ».

«Русскій Вѣстникъ», 1864 г., №№ 10 и 11. Статья Н. Семенова. «Дѣятельность Я. И. Ростовцева въ редакціонной комиссіи по крестьянскому дѣлу».

«Русскій Вѣстникъ», 1867 г., № 2. Статья Н. Семенова: «Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія по крестьянскому дѣлу въ Петербургѣ въ 1859 году. По изданнымъ и неизданнымъ документамъ».

«Русская Старина», 1880 г. Февраль. Статья Я. А. Соловьева: «Крестьянское дѣло».

«Русская Старина», 1880 годъ. Апрѣль. «Посмертныя записки Я. И. Ростовцева».

Un Homme d'Etat Russe (Nicolas Milutine) p. Anat. Leroy-Beaulieu. 1884.

I.

Умолчаніе о крѣпостномъ правѣ въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Императора Александра II.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ губернскимъ предводителямъ дворянства.—Высочайшій манифестъ по поводу заключенія мира.—Рѣчь Государя московскимъ предводителямъ дворянства.—Толки въ народѣ объ „освобожденіи". —Крестьянскія волненія.—Переговоры министра внутреннихъ дѣлъ съ предводителями дворянства о преобразованіи сельскаго быта.—Учрежденіе „секретнаго комитета".—Отношеніе комитета къ дѣлу крестьянской реформы.—Вялая дѣятельность комитета.—Предположенія комитета на счетъ программы работъ по улучшенію быта крестьянъ.—Всеподданнѣйшее ходатайство дворянства литовскихъ губерній объ „освобожденіи крестьянъ", давшее рѣшительный толчекъ ходу работъ по преобразованію сельскаго быта.

Императоръ Александръ II, еще будучи наслѣдникомъ престола, считался сторонникомъ идеи уничтоженія *личнаго* крѣпостного права и рѣшительнаго улучшенія быта крестьянъ. А потому понятно, съ какимъ напряженнымъ интересомъ ожидали всѣ классы общества манифеста о восшествіи на престолъ Императора Александра II. Полагали, что вновь вступившій Императоръ заявитъ въ немъ свой взглядъ на крѣпостное право. Но ожиданія не сбылись. О крѣпостномъ правѣ въ манифестѣ не было сказано ни слова.

Первый документъ, давшій поводъ къ толкамъ о взглядахъ правительства на крѣпостное право, былъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, отъ 28-го августа 1855 года, къ губернскимъ предводителямъ дворянства. Въ этомъ циркулярѣ, изданномъ по поводу назначенія Ланскаго министромъ, между прочимъ было сказано: „Всемилостивѣйшій Государь нашъ повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству". Эта фраза о ненарушимомъ охраненіи правъ дворянства была истолковываема дворянствомъ, обществомъ, какъ относящаяся къ крѣпостному праву. Болѣзненно отозвался этотъ циркуляръ въ сердцахъ людей движенія, гуманныхъ стремленій; сторонники же сохраненія существующаго—эгоистическая или невѣжественная часть дворянства—пришли въ восторгъ отъ циркуляра. Въ Пе-

тербургѣ, въ англійскомъ клубѣ—клубѣ знатнаго и богатаго дворянства—циркуляръ разбирали на расхватъ, и директоръ департамента общихъ дѣлъ, по просьбѣ членовъ, напечаталъ второе изданіе его. Спустя годъ, точно также на расхватъ, народъ раскупалъ въ сенатской лавкѣ указъ о совершеніи записей на увольненіе помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, полагая, что это указъ о вольности.

Но неопредѣленность по вопросу о программѣ новаго царствованія продолжалась не долго. Она разсѣялась высочайшимъ манифестомъ 19-го марта 1856 года, изданнымъ по поводу заключенія мира съ западными державами. Этотъ интересный актъ заключался слѣдующими знаменательными словами, въ которыхъ всѣ увидѣли намѣреніе Императора совершить освобожденіе крестьянъ и другія важныя реформы. „Сіи уступки (часть Бессарабіи и нейтралитетъ Чернаго моря) не важны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы, отъ Бога Намъ ввѣренной. Да будутъ сіи выгоды вполнѣ достигнуты совокупными стараніями Нашими и всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ. При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ“.

Спустя нѣсколько дней послѣ объявленія манифеста, Государь отправился въ Москву. Графъ Закревскій, тогдашній московскій генералъ-губернаторъ и ярый приверженецъ порядковъ крѣпостного права, докладывалъ Государю, что въ народѣ и между дворянствомъ распространился слухъ, будто готовится освобожденіе крестьянъ, вслѣдствіе чего просилъ Государя принять депутатовъ отъ московскаго дворянства и успокоить ихъ. Государь принялъ предводителей московскаго дворянства и сказалъ имъ: „Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для

соображеній“ (Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія. Т. I. стр. 114). Слова эти быстро разнеслись въ публикѣ, однихъ ошеломили, другихъ несказанно обрадовали; и съ этого времени начинается рѣшительный поворотъ въ исторіи русскаго крѣпостного состоянія.

Важное, вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности, значеніе словъ Государя, что „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ смѣняться снизу“, объясняется тогдашнимъ настроеніемъ народа, его лихорадочнымъ ожиданіемъ освобожденія.

Русскій народъ никогда не мирился съ крѣпостнымъ состояніемъ. Бунтами, частными волненіями и преступленіями онъ протестовалъ противъ лишенія его свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ никогда не переставалъ надѣяться, что „Царь“ дастъ ему свободу. И рѣдко эта надежда была такъ повсемѣстно распространена, достигала такой сильной степени развитія, какъ въ восточную войну и при восшествіи на престолъ Императора Александра II. Достаточно было распустить въ селахъ нелѣпый слухъ въ родѣ того, что помѣщики скрываютъ царскій указъ о свободѣ, достаточно было кому либо истолковать правительственное распоряженіе въ смыслѣ освобожденія крестьянъ, и немедленно начинались броженіе умовъ, волненія, быстро распространявшіяся на большой районъ. Убѣдительными примѣрами настроенія умовъ въ народѣ въ это время и напряженнаго ожиданія имъ свободы могутъ служить крестьянскія волненія, вызванныя указомъ 3-го апрѣля 1854 года о морскомъ ополченіи и манифестомъ 29-го января 1855 года о народномъ ополченіи. Какъ прочтеніе указа, такъ и прочтеніе манифеста сопровождались распространеніемъ въ народѣ слуховъ, что помѣщичьи крестьяне, которые добровольно пойдутъ въ ополченіе, получатъ волю съ ихъ семействами и избавятся навсегда отъ власти помѣщиковъ. Слухи породили волненія, и правительство вынуждено было принимать во многихъ мѣстахъ рѣшительныя мѣры, употреблять военную силу, толковать и объяснять указъ и манифестъ объ ополченіи. Крестьянскія волненія 1854—1855 годовъ распространились на весьма значительный районъ; они имѣли мѣсто въ губерніяхъ Рязанской, Владимірской, Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Воронежской, Кіевской. Вотъ нѣсколько примѣровъ этихъ волненій.

Первыя движенія крестьянъ произошли въ Рязанской губерніи. Крестьяне массами сходились въ уѣздные города записываться въ ополченіе. Начальство отсылало ихъ назадъ, многихъ арестовывали и наказывали розгами за самовольную отлучку изъ имѣнія; при

этомъ нерѣдко бывали случаи ослушанія и насильственныхъ дѣйствій со стороны крестьянъ. Объясняя поступки мѣстнаго начальства подкупленностью ихъ помѣщиками, толпы крестьямъ изъ Рязани отправились въ Москву для объявленія своего желанія поступить въ ополченіе. Вооруженные дубинами, они,—на вопросъ станового, что за люди? отвѣчали угрозами, чтобъ ѣхалъ прочь, или убьютъ его. Посланы были войска для задержанія этихъ партій и возвращенія ихъ на мѣсто. Этотъ случай вызвалъ высочайшее повѣленіе о принятіи самыхъ строгихъ мѣръ для внушенія крестьянамъ настоящаго смысла указа 3-го апрѣля, а отъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ циркуляръ, что, безъ согласія помѣщиковъ, крестьяне не могутъ поступать въ ополченіе.

Въ разныхъ мѣстахъ *Воронежской губерніи* возникли толки, что царь призываетъ всѣхъ крестьянъ ополчиться на защиту отечества, что семейства ополчившихся получатъ свободу отъ крѣпостного состоянія, что мѣстныя начальства, изъ угожденія помѣщикамъ, дѣйствуютъ вопреки царскимъ распоряженіямъ. Почти ежедневно являлись къ губернатору, въ Воронежъ, цѣлыя партіи съ изъявленіемъ желанія вступить въ службу. Возвращенные на мѣста, они уклонялись отъ работъ на помѣщика. Крестьяне Бобровскаго уѣзда, села *Масловки*, совершенно отказались отъ повиновенія господамъ, прекратили работы и на увѣщанія мѣстнаго начальства отозвались, что оставаться во власти помѣщиковъ не хотятъ и приказаній ихъ исполнять не будутъ, что желаютъ поступить въ службу и отправили о томъ ходатаевъ въ Петербургъ, и что до распоряженій оттуда никакихъ приказаній мѣстнаго начальства исполнять не намѣрены. Когда виновнѣйшіе были задержаны, толпа бросилась на солдатъ съ крикомъ: не выдадимъ товарищей! При этой схваткѣ 9 человѣкъ солдатъ были ранены. Подобныя же волненія возникли въ селѣ *Петровкѣ*, а вслѣдъ за тѣмъ между крестьянами княгини Гагариной, Бэма, Боровкова и Вульфертъ. Волненія были подавляемы войсками, учреждались военносудныя комиссіи, виновнѣйшихъ наказывали шпицрутенами, многихъ ссылали въ Сибирь. Изъ Петербурга командированъ былъ въ Воронежскую губернію, по высочайшему повелѣнію, князь Багратіонъ, для разсмотрѣнія дѣла и принятія энергическихъ мѣръ.

По объявленіи высочайшаго манифеста объ ополченіи, крестьяне графовъ Браницкихъ и другіе, Таращанскаго, Коневскаго и Васильковкаго уѣздовъ, приняли этотъ манифестъ за поголовный вызовъ на службу и охотно послѣдовали ему съ той мыслью, что, по исполненіи въ мартѣ 1855 года присяги на вѣрноподданство восшедшему на престолъ Государю и внесеніи въ списокъ присягавшихъ, они бу-

дутъ считаться казаками, свободными отъ помѣщичьей власти. Эти толки и послѣдовавшія отъ нихъ волненія обнаружились наиболѣе въ тѣхъ мѣстахъ Кіевской губерніи, кои входили въ составъ прежней Украйны. Въ убѣжденіи, что отъ крестьянъ скрываютъ царскій указъ, призывающій ихъ на службу въ качествѣ казаковъ съ освобожденіемъ чрезъ это отъ крѣпостного состоянія, они всюду требовали отъ своихъ священниковъ объявленія имъ сего указа, записи въ списокъ желающихъ поступить въ службу казаками и донесенія о томъ начальству. Въ одномъ селѣ Браницкаго толпа до 700 человѣкъ бросилась на солдатъ, усмирявшихъ ихъ. Въ *Сквирскомъ* уѣздѣ, въ большомъ селеніи Березной, собралось съ дрекольями до 1000 человѣкъ крестьянъ, которые на вразумленія начальства объявили, что дотолѣ не придутъ въ повиновеніе и не выпустятъ задержанныхъ ими священниковъ, пока послѣдніе не объявятъ имъ царскаго указа о казачествѣ и освобожденіи отъ господской власти. При первомъ движеніи войска, толпа съ крикомъ бросилась на солдатъ. Съ обѣихъ сторонъ много было убитыхъ и раненыхъ. Подобныя же волненія обнаружились въ уѣздахъ: *Кіевскомъ, Звенигородскомъ, Чигиринскомъ, Уманскомъ* и *Черкасскомъ*. Въ мѣстечкѣ *Корсунь*, Коневскаго уѣзда, толпа до 4000 крестьянъ объявила командированнымъ чиновникамъ, что не хотятъ служить помѣщикамъ, и вступила въ рукопашный бой съ присланною военною командою. Толки и волненія приняли такой угрожающій характеръ, что въ мѣста особенно сильнаго движенія отправились высшіе чины администраціи: генералъ-губернаторъ, начальникъ губерніи, окружной начальникъ корпуса жандармовъ и другіе. Всюду употреблялись въ дѣло военныя команды, которыя, въ крайнихъ случаяхъ, при нападеніи крестьянъ, дѣлали залпы, и число убитыхъ и раненыхъ было весьма значительно (Матер. д. упраздн. крѣп. сост. Т. I. Гл. IV.)

Таковъ характеръ крестьянскихъ волненій въ 1854 и 1855 годахъ, имѣвшихъ мѣсто во многихъ губерніяхъ и уѣздахъ Россіи. Эти волненія показываютъ, какъ напряженно было въ народѣ ожиданіе близкаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости, и какую легко воспламеняющуюся почву представляло крестьянское сословіе въ это время. А потому совершенно понятны слова Императора, сказанныя московскому дворянству, что „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу“.

По возвращеніи Государя изъ Москвы въ Петербургъ, Ланскому было высочайше поручено соединить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ всѣ производившіяся въ разное время и въ разныхъ вѣдомствахъ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, а товарищу

министра внутреннихъ дѣлъ Левшину составить для Государя историческую записку о крѣпостномъ правѣ въ Россіи и въ особенности о мѣрахъ, принятыхъ къ ограниченію его со времени Петра I.

Между тѣмъ, приблизилось время коронаціи, на которую были созваны со всѣхъ губерній представители дворянства. По повелѣнію Его Величества, министръ внутреннихъ дѣлъ ведетъ во время коронаціи переговоры съ предводителями дворянства о крестьянскомъ дѣлѣ. Видя общее несочувствіе со стороны предводителей къ дѣлу, Ланской останавливается на мысли начать преобразованіе съ западныхъ губерній.

Вскорѣ послѣ коронаціи произошелъ слѣдующій замѣчательный случай, который еще разъ и очень ясно показалъ правительству, какъ жаждутъ и ожидаютъ крѣпостные крестьяне свободы. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ разсматривался въ государственномъ совѣтѣ возбужденный сенатомъ вопросъ о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Положено было, въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановить:— „Гражданскія палаты, немедленно по полученіи указовъ правительствующаго сената объ увольнительныхъ договорахъ помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные, водворенные на собственныхъ земляхъ, вносятъ сіи договоры въ крѣпостныя свои книги, и затѣмъ, оставляя подлинный договоръ для храненія въ палатѣ, выдаютъ участвующимъ сторонамъ списки съ тѣхъ договоровъ за подписью присутствующихъ и скрѣпою секретаря палаты, съ учиненіемъ надлежащей о совершеніи договора публикаціи". Указъ сената съ объявленіемъ о семъ постановленіи поступилъ въ декабрѣ въ продажу въ сенатскую лавку съ слѣдующимъ заголовкомъ: „По вопросу о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ".—Вдругъ въ городѣ разнесся слухъ, что вышелъ указъ о вольности и что его продаютъ въ сенатѣ. Толпы народа бросились въ сенатскую лавку за дорогимъ указомъ, и въ теченіи 3-хъ дней не было въ лавкѣ отбоя, а на сенатской площади народъ толпился цѣлое утро, такъ что, наконецъ, полиція вынуждена была принять мѣры къ водворенію порядка. Указъ перепродавали въ мелочныхъ лавкахъ, и цѣна его доходила до 3-хъ рублей. Множество экземпляровъ послано крестьянами во внутрь губерній, и цѣлый годъ спустя еще о немъ толковали по деревнямъ. Министръ юстиціи графъ Панинъ пришелъ отъ этого происшествія въ негодованіе. Управляющаго сенатскою типографіею уволилъ и сдѣлалъ премудрое распоряженіе, чтобы впредь никакіе указы не продава-

лись безъ особаго на то разрѣшенія. По его же распоряженію, въ губерніяхъ отбирали отъ крестьянъ указъ, а нѣкоторые усердные губернаторы даже задерживали крестьянъ, у которыхъ находили указъ. (Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія Т. I. стр. 119—121).

Въ теченіе лѣта и осени 1856 года, всѣ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ были вынуты изъ архивовъ времени предшествовавшихъ царствованій и переданы въ министерство внутреннихъ дѣлъ; отчетъ о нихъ и историческая записка составлены. Надлежало дать дальнѣйшее движеніе крестьянскому вопросу. Съ этой цѣлью образуется, подъ предсѣдательствомъ Императора, секретный комитетъ для обсужденія мѣръ по устройству быта крестьянъ. Въ составъ комитета вошли слѣдующія лица: князь Орловъ, предсѣдатель государственнаго совѣта, съ правомъ предсѣдательства и въ комитетѣ при отсутствіи Государя; министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, графъ Блудовъ, министръ финансовъ Брокъ, графъ В. Ѳ. Адлербергъ, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ, главно-управляющій путями сообщенія Чевкинъ и члены государственнаго совѣта: князь П. П. Гагаринъ, баронъ М. А. Корфъ и генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ. Производителемъ дѣлъ комитета назначенъ государственный секретарь Бутковъ.

3-го января 1856 года было первое засѣданіе этого комитета. Императоръ изъяснилъ присутствовавшимъ, что вопросъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи давно занимаетъ правительство, что это состояніе почти отжило свой вѣкъ, и предложилъ собранію вопросъ: слѣдуетъ-ли приступить теперь же къ какимъ-либо мѣрамъ для освобожденія крѣпостныхъ людей?

При обсужденіи этого вопроса, комитетъ призналъ, что, уже помимо того, что крѣпостное состояніе само по себѣ есть зло, требующее исправленія, безотлагательная необходимость въ преобразованіи быта крѣпостныхъ людей вызывается еще тѣмъ, что крестьяне находятся въ настоящее время въ какомъ-то ожиданіи, и что вообще въ Россіи замѣчается броженіе умовъ относительно освобожденія крестьянъ. Поэтому, комитетъ вполнѣ убѣжденъ, что для упроченія благосостоянія государства необходимо немедленно приступить къ составленію предложеній о началахъ, на которыхъ можетъ совершиться въ Россіи освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ; *впрочемъ, освобожденіе постепенное, безъ крупныхъ и рѣзкихъ переворотовъ*, по плану, тщательно и зрѣло во всѣхъ подробностяхъ обдуманному.

Государь одобрилъ это разсужденіе и поручилъ комитету составить предположенія о преобразованіи быта крѣпостныхъ людей.

Хотя комитетъ отвѣчалъ утвердительно на вопросъ Государя о своевременности приступить къ мѣрамъ для освобожденія крѣпостныхъ людей, но сдѣланная комитетомъ оговорка о необходимости *постепенности* въ освобожденіи открывала ему возможность ограничиться самыми несущественными мѣропріятіями по крестьянскому дѣлу. Принципъ *постепеннаго освобожденія* представлялъ крайнюю эластичность въ своемъ примѣненіи. Все зависѣло отъ сочувствія членовъ комитета идеѣ освобожденія крестьянъ.

Каково же было отношеніе комитета къ крестьянской реформѣ? Большинство членовъ комитета, съ княземъ Орловымъ во главѣ, не скрывали, что подъ „освобожденіемъ постепеннымъ" они понимали длинный рядъ маленькихъ шаговъ впередъ въ этомъ направленіи, такъ что полная отмѣна крѣпостного права должна была, по ихъ мысли, совершиться лишь спустя значительное количество времени, какъ результатъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ отъ помѣщичьей власти. Сверхъ того, сердечнаго отношенія даже къ первымъ маленькимъ шагамъ преобразованія у нихъ не было, а потому работа въ комитетѣ шла очень вяло.

Первымъ распоряженіемъ комитета было вытребовать обратно изъ министерства внутреннихъ дѣлъ всѣ сосредоточенныя въ немъ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, а также собрать частные проекты, которые въ то время ходили въ рукописяхъ по рукамъ и изъ коихъ замѣчательнѣйшіе были проекты Кавелина, Кошелева и Ю. Самарина. Изъ всѣхъ этихъ проектовъ и записокъ Бутковъ началъ составлять синоптическую вѣдомость; а комитетъ призналъ, что общее его присутствіе безполезно прежде разсмотрѣнія частныхъ проектовъ и доклада ему о нихъ. И вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть проекты отдѣльно каждымъ членомъ комитета и составить самостоятельное мнѣніе, была избрана комиссія изъ членовъ: Ростовцева, Корфа и Гагарина, на которую возложили разсмотрѣніе проектовъ и составленіе доклада.

Ростовцевъ и Корфъ начали съ того, что докладными записками, поданными Государю, стали отказываться отъ участія въ занятіяхъ комитета; и мотивы этого отказа характеристичны: первый ссылался на совершенное свое незнаніе крестьянскаго быта; а второй—на то, что, не имѣя помѣстій въ русскихъ губерніяхъ, онъ не можетъ судить о нуждахъ этихъ губерній. На этихъ запискахъ послѣдовали высочайшія резолюціи, которыми Государь просилъ означенныхъ членовъ комитета остаться въ немъ и исполнять возложенныя на нихъ обязанности по мѣрѣ силъ и возможности.

Ростовцевъ, Корфъ и Гагаринъ занялись разсмотрѣніемъ переданныхъ имъ проектовъ, коихъ набралось около 100. Въ этомъ

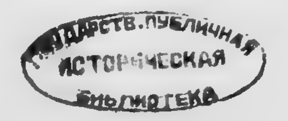
разсмотрѣніи прошла вся первая половина зимы 1857 года. Къ концу ея, означенные три члена сообщили другъ другу свои работы и заключенія. Между ними оказалось такое разногласіе во взглядахъ, что ничего общаго нельзя было составить и потому три записки ихъ внесены въ общее присутствіе комитета. Комитетъ положилъ передать записки прочимъ членамъ для прочтенія и соображенія, и когда всѣ члены прочтутъ записки, то вновь собраться и разсудить, что дѣлать дальше.

Удивляться-ли тому, что лица, избранныя членами комитета по такому важному дѣлу, какъ преобразованіе крестьянскаго быта, нисколько не были къ нему подготовлены, не имѣли никакого, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, плана дѣйствій?

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда весною 1857 года Государь отправился за-границу, приказавъ прислать ему записки 3-хъ членовъ.

Между тѣмъ, въ теченіе этого лѣта, въ литературѣ начали проявляться первые признаки того движенія, которымъ въ скоромъ времени она ознаменовала свое горячее и крайне полезное участіе въ крестьянскомъ вопросѣ. Объ освобожденіи крѣпостныхъ говорить еще запрещалось; а потому литература подняла другіе важные вопросы, относящіеся къ крестьянскому быту. И на первый планъ выдвинулся вопросъ о поземельной собственности въ Россіи и общинномъ пользованіи землею. Обсужденіе его началось съ полемики между „Современникомъ“ и „Экономическимъ Указателемъ“, въ которой вскорѣ приняли участіе и другіе журналы. Въ это же время, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, явились статьи Гакстгаузена объ отмѣнѣ и выкупѣ помѣщичьихъ господскихъ правъ въ Пруссіи и Австріи.

Во время отсутствія Государя комитетъ собирался рѣдко и притомъ занимался лишь второстепенными вопросами, относящимися болѣе до ограниченія нѣкоторыхъ правъ помѣщиковъ надъ крестьянами. Чтобы возбудить сужденіе по главнымъ, кореннымъ вопросамъ, министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, записку, въ коей поставленъ былъ рядъ вопросовъ, долженствовавшихъ вести къ опредѣленію основныхъ началъ будущаго устройства крестьянъ. Этою запиской предлагалось доставить крестьянамъ права свободнаго состоянія по прошествіи переходнаго времени, которое не должно было превышать 12-ти лѣтъ, и далѣе признавался невозможнымъ, въ принципѣ, выкупъ личности крѣпостныхъ людей, равно какъ и совершенное лишеніе крестьянъ права на землю; почему какъ средство разрѣшенія крестьянскаго вопроса, предлагалось предоставить крестьянамъ въ собственность, за извѣстное вознагражденіе въ пользу помѣщиковъ, „усадебную осѣдлость“. Эти

предложенія министра встрѣтили въ комитетѣ сильнѣйшую оппозицію и были оставлены безъ движенія.

Между тѣмъ, Государь возвратился изъ за-границы на короткое время. Убѣжденіе его въ необходимости дать дѣлу рѣшительное движеніе еще болѣе усилилось во время путешествія по Западной Европѣ. Онъ былъ недоволенъ дѣятельностью комитета. Въ видахъ усиленія прогрессивной партіи комитета, къ которой принадлежали Блудовъ, Ланской и Ростовцевъ, былъ назначенъ членомъ комитета Великій князь Константинъ Николаевичъ. Великій Князь усердно принялся за дѣло. Онъ имѣлъ отдѣльныя совѣщанія съ наиболѣе вліятельными членами комитета, Орловымъ, Ланскимъ, Чевкинымъ, Ростовцевымъ. Другіе вліятельные члены не были на лицо. Долгорукій находился за-границей съ Императрицей, Блудовъ купался въ морѣ, а Муравьевъ объѣзжалъ государственныя имущества, увѣряя вездѣ дворянство, что ничего не будетъ.

Комитетъ начиналъ приходить къ слѣдующимъ заключеніямъ. Предполагалось: улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ (слово—упраздненія крѣпостной зависимости, или просто—освобожденіе крестьянъ комитетъ нашелъ не соотвѣтствующимъ смыслу его предначертаній) произвести съ должною осторожностью и постепенностью и для сего работы комитета раздѣлить на три періода. Первый періодъ посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ, недостающихъ у комитета и безъ которыхъ невозможно составить предположенія на прочныхъ основаніяхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ черезъ сношеніе съ мѣстными властями и опытными, по его усмотрѣнію, помѣщиками, но безъ огласки. При этомъ возбужденъ былъ вопросъ: слѣдуетъ-ли назначить министру внутреннихъ дѣлъ какой-либо срокъ на собираніе данныхъ? Комитетъ призналъ, что назначеніе срока было-бы стѣсненіемъ для министра, а потому предоставилъ исполненіе этого порученія его полному усмотрѣнію. Въ теченіе же перваго періода издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать крестьянъ ихъ на волю цѣлыми селеніями на условіяхъ, независимыхъ отъ правилъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ; для чего подготовить проекты условій и представить въ государственный совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ работъ составить, на основаніи собранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ на переходное время, которое должно продолжаться неменѣе 10-ти лѣтъ. Въ теченіе переходнаго времени предоставить крестьянамъ право выкупа усадьбы, т. е. огорода, коноплянника и выгона въ полную личную собственность. Размѣры выкупной суммы должны быть опредѣлены „Положе-

ніемъ". Въ теченіе того же переходнаго времени, часть пахатной земли оставить во временномъ владѣніи крестьянъ на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены „Положеніемъ", т. е. за оброкъ или барщину; по окончаніи же переходнаго періода, вся пахатная земля остается въ рукахъ помѣщиковъ, съ которыми крестьяне насчетъ пользованія ею могутъ заключать добровольныя условія. Для обсужденія лучшаго способа примѣненія сихъ началъ къ разнымъ мѣстностямъ, просить предводителей представить свои соображенія. Третій періодъ работъ комитета будетъ посвященъ разработкѣ вопросовъ объ окончательномъ устройствѣ крестьянъ, т. е. о предоставленіи имъ всѣхъ правъ собственнаго состоянія.

На этомъ журналѣ комитета, составленномъ 18-го августа, послѣдовала слѣдующая собственноручная резолюція Государя: „Исполнить. Да поможетъ намъ Богъ повести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желаемой цѣли. Благодарю гг. членовъ за этотъ первый ихъ трудъ и надѣюсь на ихъ помощь въ будущемъ къ разрѣшенію этого жизненнаго вопроса" [1]).

Для исполненія журнала 18-го августа и указанія тѣхъ мѣръ, кои долженствовали быть приняты, какъ для смягченія и облегченія крестьянскаго состоянія, такъ и для успѣха взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, составлены были и разосланы членамъ комитета слѣдующіе 14 вопросовъ.

1) Можно-ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ браки безъ согласія помѣщика?

2) Можно-ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщика?

3) Можно-ли ограничить права помѣщиковъ относительно разбора споровъ и жалобъ между ихъ крестьянами?

4) Въ какой мѣрѣ можно ограничить права помѣщиковъ относительно наказаній крестьянъ?

---

[1]) Примѣчаніе. Копія съ журнала 18-го августа была послана Муравьеву, который получилъ ее въ Нижнемъ-Новгородѣ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, онъ представилъ записку, въ которой утверждалъ, что дѣло это хотя само по себѣ и полезное, но преждевременное, и что настоящее положеніе вещей можетъ продлиться еще на многіе годы.

Помѣщаемъ еще одну замѣтку, которая показываетъ отношеніе къ печати и гласному обсужденію крестьянскаго дѣла людей, поставленныхъ во главѣ его. Одному члену комитета подана была записка о великой пользѣ, которую могла бы принести печатная гласность для разъясненія начатаго дѣла, для котораго, какъ сознавалъ самъ комитетъ, правительство не имѣетъ необходимыхъ данныхъ. Записка эта признана революціонною, такъ какъ заключаетъ въ себѣ конституціонныя стремленія.

5) Должно-ли лишить помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь?

6) Слѣдуетъ-ли ограничить права помѣщиковъ относительно отдачи крестьянъ въ рекруты?

7) Должно-ли лишить помѣщиковъ права вмѣшательства въ отправленіе крестьянами повинностей и податей?

8) Какія принять мѣры для болѣе точнаго опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ?

9) Можно-ли допустить жалобы крѣпостныхъ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ?

10) Можно-ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право откупаться на волю за особо опредѣленную цѣну?

11) Какія мѣры должны принять нынѣ же для уменьшенія числа дворовыхъ людей?

12) Какія принять мѣры для большаго успѣха въ заключеніи взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?

13) Независимо отъ всѣхъ изложенныхъ выше мѣръ, не слѣдуетъ-ли принять нынѣ-же еще нѣкоторыя мѣры для облегченія какъ крѣпостного состоянія, такъ и взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?

14) Какимъ порядкомъ приступить къ исполненію тѣхъ облегчительныхъ мѣръ, кои комитетомъ будутъ окончательно избраны и Государемъ утверждены? („Матерьялы для упраздненія крѣпостного состоянія". Т. I. Гл. III).

Эти вопросы вполнѣ выясняютъ намъ воззрѣнія комитета на ближайшія задачи преобразованія крестьянскаго быта. Эти задачи комитетъ видѣлъ *лишь въ смягченіи крѣпостного состоянія*, въ нѣкоторомъ уменьшеніи власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Освобожденіе же крѣпостныхъ крестьянъ откладывалось имъ въ долгій ящикъ.

Пока комитетъ обсуждалъ эти вопросы, случилось происшествіе, давшее рѣшительный толчекъ дѣлу и измѣнившее планы комитета. Происшествіе это заключалось въ прибытіи въ Петербургъ генералъ-губернатора Назимова съ адресомъ отъ дворянъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній, въ которомъ они ходатайствовали объ „*освобожденіи* крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, *сохранивъ неприкосновенными права помѣщиковъ на земли*".

II.

Главныя основанія первоначальнаго плана крестьянской реформы, высказанныя въ высочайшемъ рескриптѣ 20-го ноября 1857 года и дополнительномъ къ нему *„отношеніи"* министра внутреннихъ дѣлъ. — Высочайшій рескриптъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора *Игнатьева.* — Слово *„освобожденіе"* замѣняется выраженіемъ *„улучшеніе быта"*. — Медленность въ заявленіи губернскими дворянствами всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о разрѣшеніи имъ заняться „улучшеніемъ быта крестьянъ".—Торжественный обѣдъ въ Москвѣ по поводу высочайшаго рескрипта виленскому генералъ-губернатору. — Первыя ходатайства дворянствъ провинціальныхъ русскихъ губерній. — Программа занятій губернскихъ комитетовъ.—Вліяніе рескриптовъ на умы народа. — Необычайный подъемъ общественнаго движенія.—Преобразованіе „секретнаго комитета" въ „главный комитетъ по крестьянскому дѣлу".—Учрежденіе „земскаго отдѣла" при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Рѣчи, сказанныя Государемъ дворянствамъ.—Начало видной роли въ крестьянской реформѣ Я. И. Ростовцева.—Извлеченіе изъ всеподданнѣйшихъ писемъ его.

Выше было упомянуто о переговорахъ министра внутреннихъ дѣлъ, во время коронаціи, съ предводителями дворянства. При этихъ переговорахъ, предводители изъ западныхъ губерній проявили большую сговорчивость, нежели ихъ сотоварищи изъ губерній великорусскихъ и малорусскихъ. По крайней мѣрѣ, на словахъ они выражали сочувствіе мысли упраздненія крѣпостного состоянія. Поэтому, на нихъ и на генералъ-губернатора Назимова было возложено, съ согласія государя, порученіе возбудить дворянства Виленской, Ковенской и Гродненской губерній къ заявленію передъ правительствомъ ходатайства о разрѣшеніи имъ заняться составленіемъ проекта освобожденія крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ предводителямъ и Назимову было поручено заявить дворянамъ, что, если они не согласятся оказать правительству требуемое отъ нихъ содѣйствіе, то результатомъ будетъ реформа инвентарнаго положенія въ западныхъ губерніяхъ, которая можетъ уменьшить права и выгоды помѣщиковъ еще болѣе, нежели это сдѣлано уже существующими тамъ инвентарями. На этой альтернативѣ, предложенной дворянству западныхъ губерній, Ланской, главнымъ образомъ, основывалъ свои надежды на успѣхъ дѣла.

Когда предводители и Назимовъ сообщили дворянству желанія и намѣренія правительства, то оказалось, что дворянство, хотя и недовольное существующими инвентарями, не было однако-же расположено лишить себя обязательнаго труда крестьянъ, и только послѣ долгихъ споровъ и сужденій рѣшено было ходатайствовать о примѣненіи къ западнымъ губерніямъ положенія о крестьянахъ, дѣйствующаго въ сосѣдней Курляндской губерніи. Съ этимъ-то результатомъ и пріѣхалъ Назимовъ въ Петербургъ во второй половинѣ октября.

Три субботы къ ряду (комитетъ собирался только по субботамъ) комитетъ занимался разсмотрѣніемъ предположеній, привезенныхъ Назимовымъ. Голоса раздѣлились. Большинство членовъ стояло за планъ преобразованія, намѣченный въ журналѣ 18-го августа, и потому полагали отказать ходатайству литовскаго дворянства; князь Гагаринъ и Чевкинъ, не желавшіе освобожденія съ землею, склонялись, съ нѣкоторыми оговорками, на ходатайство; великій князь, Ланской, Ростовцевъ и Блудовъ стояли за необходимость немедленнаго оффиціальнаго заявленія правительствомъ, что оно приступило къ преобразованію крестьянскаго быта и при томъ на началахъ обезпеченія крестьянамъ прочной осѣдлости. Государь раздѣлилъ послѣднее мнѣніе, и 20-го ноября 1857 года появился высочайшій рескриптъ въ отвѣтъ на ходатайство литовскаго дворянства. Въ основаніе рескрипта и дополнительнаго отношенія къ нему министра внутреннихъ дѣлъ положены были тѣ же соображенія, которыя заключались въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, вносимой имъ уже прежде въ комитетъ.

Ланской, получивъ высочайшее разрѣшеніе о разсылкѣ къ губернаторамъ и предводителямъ копій съ рескрипта и дополнительнаго отношенія къ нему, въ одну ночь напечаталъ и рескриптъ и отношеніе; а на другой день (21 ноября) разослалъ ихъ во всѣ концы Россіи. Такимъ образомъ, мѣры къ новому устройству быта крестьянъ не могли быть локализированы, чего желали противники освобожденія; носились слухи, что они пытались исходатайствовать разрѣшеніе пріостановиться разсылкой виленскихъ рескрипта и отношенія, но уже было поздно.

Рескриптъ генералъ-губернатору Назимову былъ первымъ, получившимъ оффиціальную гласность, шагомъ правительства на пути великой реформы [1]).

Вотъ содержаніе этого знаменитаго рескрипта:

„Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до Моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ этими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній.

Одобряя вполнѣ намѣренія этихъ представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія Моимъ

---

[1]) Дополнительное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ было разослано съ надписью „секретно". Этимъ устранялась только возможность обсужденія литературою отношенія министра, такъ какъ не могли же остаться въ секретѣ главныя основанія, на которыхъ дворянство приглашалось составить проектъ новаго крестьянскаго положенія.

видамъ и желаніямъ, Я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи которыхъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю:

1. Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному комитету, а потомъ, для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ, одну общую комиссію въ г. Вильнѣ.

2. Каждому губернскому комитету состоять, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерній, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи, по непосредственному назначенію начальника оной; и

3. Общей комиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ трехъ губернскихъ комитетовъ, по ихъ выбору, б) одного опытнаго помѣщика, по вашему назначенію, и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ комиссіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе этихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

Комитеты эти, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую комиссію. Комиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія, съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе этого важнаго дѣла

вообще во ввѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, Я предоставляю вамъ дать, какъ губернскимъ комитетамъ этихъ трехъ губерній, такъ и общей комиссіи, нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи этой обязанности. Составленный общею комиссіею проектъ вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая, такимъ образомъ, дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ мною началахъ, Я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое этому сословію призваніемъ его къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло это будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ".

На другой день по объявленіи рескрипта министръ внутреннихъ дѣлъ отправилъ генералъ-губернатору Назимову дополнительное отношеніе къ рескрипту. Заявивъ въ немъ высочайшую волю, чтобы губернскіе комитеты кончили порученныя имъ работы въ шестимѣсячный срокъ, со дня ихъ открытія, а общая комиссія—въ тотъ же срокъ со времени поступленія въ нее составленныхъ губернскими комитетами проектовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщаетъ далѣе свои соображенія, могущія служить пособіемъ губернскимъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ. Приведемъ тѣ изъ этихъ соображеній, которыя заключаютъ въ себѣ крупныя указанія на существовавшій въ это время планъ крестьянской реформы.

I. Уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ должно быть совершено не вдругъ, а постепенно. Для этого крестьяне должны быть сначала въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки къ землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ или свободномъ, когда правительство разрѣшитъ имъ переходы изъ одной мѣстности въ другую, съ надлежащими ограниченіями и условіями. Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ, по усмотрѣнію губернскихъ комитетовъ, не свыше 12-ти лѣтъ.

II. На основаніи началъ, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдлость, пріобрѣтаемая ими, въ теченіе опредѣленнаго срока, въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику. При подробномъ развитіи и примѣненіи этихъ основаній, необходимо принять къ соображенію слѣдующее:

1. Усадебную осѣдлость крестьянина составляютъ изба или хата, въ которой онъ живетъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и землею подъ оными.

2. Право свободнаго состоянія и право собственности на эту осѣдлость пріобрѣтаются крестьянами не иначе, какъ по взносѣ ими, въ продолженіе переходнаго срока, выкупа, сумма котораго не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемой ими въ собственность осѣдлости.

3. Уплата эта можетъ быть произведена или деньгами, или особыми работами, независимо отъ тѣхъ, которыя крестьяне обязаны отбывать за земли, имъ отводимыя въ пользованіе на основаніи пар. 5 этой статьи.

4. Вся остальная затѣмъ земля должна быть раздѣлена, по способу пользованія оной, па господскую и па отведенную въ пользованіе крестьянамъ.

5. Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянамъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ, но должна постоянно оставаться въ пользованіи крестьянъ вообще, или за отбываніе ими для помѣщика натуральныхъ повинностей и работъ, или же за плату помѣщику оброка деньгами или произведеніями.

6. Количество земли, предоставляемой на этомъ основаніи въ пользованіе крестьянъ для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, слѣдуетъ опредѣлить по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ.

7. Порядокъ пользованія этой землею установляется также сообразно мѣстнымъ обычаямъ. Тамъ, гдѣ существуетъ общинное устройство, слѣдуетъ, не нарушая онаго, сохранить каждому семейству право па надѣлъ землею, стараясь не допускать частаго дробленія или передѣла полей. Тамъ, гдѣ существуетъ подворное пользованіе землею и гдѣ земля, отведенная въ пользованіе крестьянамъ, раздѣлена на поселки или фермы съ хозяевами и батраками, надо принять мѣры къ возможному обезпеченію осѣдлости батраковъ и къ положительному опредѣленію отношеній ихъ къ хозяевамъ.

8. Отправленію натуральныхъ повинностей и работъ или платѣ оброка въ пользу помѣщика могутъ подлежать только тѣ крестьяне, которые надѣлены землею; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ крестьяне раздѣляются на хозяевъ и батраковъ или безземельныхъ работниковъ, эти послѣдніе не могутъ быть требуемы па работу иначе, какъ за вознагражденіе.

9. Размѣръ какъ оброка, такъ натуральныхъ повинностей и работъ долженъ быть положительно опредѣленъ соотвѣтственно пространству и качеству отведенной въ пользованіе крестьянъ земли.

10. Натуральныя повинности и работы отправляются па основаніи особыхъ урочныхъ положеній, которыя должны быть составлены губернскими комитетами на основаніяхъ сколь возможно простыхъ и несложныхъ; и

11. Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка, помѣщику предоставляется право обращать неисправнаго плательщика на работы натурою; при неисправности же крестьянина въ исполненіи работъ натурою, помѣщикъ можетъ лишить его того участка земли, которымъ этотъ крестьянинъ пользуется.

III. Вотчинная полиція оставляется помѣщику; крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами

каждаго общества и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ или составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

IV. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя въ каждомъ уѣздѣ присутствія. Для этого было бы полезно примѣнить, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, постановленія, существующія въ остзейскихъ губерніяхъ, сколько примѣненіе ихъ окажется возможнымъ и удобнымъ по мѣстнымъ особенностямъ, составу управленія и порядку судопроизводства вообще въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской.

V. Со введеніемъ новаго положенія, когда оно будетъ утверждено:

1. Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, равно и переселеніе крестьянъ противъ воли ихъ въ другія имѣнія, должны быть прекращены; а съ другой стороны, крестьянамъ, до окончательнаго вступленія ихъ въ свободное состояніе, не можетъ быть дозволено оставлять имѣніе безъ разрѣшенія помѣщика, на землѣ котораго они водворены.

2. Обращеніе крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ прекратить; и вмѣстѣ съ тѣмъ, принять мѣры къ постепенному сначала уменьшенію, а потомъ и уничтоженію этого класса людей, посредствомъ обращенія ихъ въ крестьянъ съ надѣломъ землею, или перечисленіе ихъ въ свободное состояніе съ согласія помѣщиковъ. Подробности по этому предмету требуютъ особаго на мѣстѣ развитія и разсмотрѣнія, и

3. Во все время переходнаго состоянія, помѣщикамъ предоставляется право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты или отдавать въ распоряженіе правительства для переселенія въ другія губерніи, но не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, которыя будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія". (Скребицкій. „Крестьянское дѣло" Т. I, стр. IV—VIII).

Сообщая свои соображенія губернскимъ комитетамъ, министръ пояснилъ при этомъ, что если комитеты, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаютъ неудобнымъ принять какія-либо изъ этихъ соображеній, то поручается имъ, въ своихъ окончательныхъ мнѣніяхъ, объяснить подробно причины, препятствующія ихъ принятію.

„Неизмѣнными же и неприкосновенными должны остаться лишь главныя начала устройства крестьянскаго быта, указанныя въ высочайшемъ рескриптѣ. Въ этихъ началахъ, т. е. *въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей*, заключается то незыблемое основаніе, на которомъ должно воздвигнуться предназначаемое великое дѣло".

Вотъ съ какимъ неожиданнымъ сюрпризомъ для литовскаго дворянства Назимовъ возвратился въ Вильно.

Удивленіе и неудовольствіе дворянства были не малыя; но дѣлать было нечего, приходилось покориться неумолимой судьбѣ.

Рескриптъ и отношеніе министра на имя Назимова показываютъ

намъ, въ чемъ заключались главныя основанія первоначальнаго плана крестьянской реформы. По этому плану—съ момента обнародованія положенія о крестьянахъ, личное крѣпостное право отмѣнялось *лишь въ смыслѣ произвольнаго распоряженія помѣщикомъ личностью крестьянинъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялась крѣпость крестьянъ къ землѣ на время не свыше 12-ти лѣтъ. Время это названо переходнымъ. Крестьянамъ оставлялась ихъ усадебная осѣдлость, пріобрѣтаемая въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, имъ предоставлялось въ пользованіе надлежащее, по мѣстнымъ условіямъ, для обезпеченія ихъ быта, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику. Размѣръ, какъ оброка, такъ и натуральныхъ повинностей и работъ, долженъ быть положительно опредѣленъ губернскими комитетами соотвѣтственно пространству и качеству отведенной въ пользованіе крестьянъ земли. (Въ отношеніи министра, какъ видимъ, ничего не сказано о важнѣйшемъ вопросѣ, долженъ-ли размѣръ оброка и проч. оставаться вѣчно неизмѣннымъ). Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка, помѣщику предоставляется право обращать неисправнаго плательщика на работы натурою; при неисправности же крестьянина въ исполненіи работъ натурою, помѣщикъ можетъ лишить его того участка земли, которымъ этотъ крестьянинъ пользуется. Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ, но должна *постоянно* оставаться въ пользованіи крестьянъ вообще. Общественный или подворный порядокъ пользованія крестьянами отведенной имъ землей установляется сообразно мѣстнымъ обычаямъ. По истеченіи переходнаго времени, въ теченіе котораго совершается выкупъ усадьбъ, крестьяне пріобрѣтаютъ всѣ личныя права свободнаго состоянія. Дальнѣйшимъ разъясненіемъ министра было указано, что еслибы выкупъ усадьбъ не успѣлъ совершиться въ теченіе переходнаго времени, все-таки, съ окончаніемъ его, крестьяне получаютъ всѣ личныя права, предоставленныя другимъ свободнымъ сословіямъ, на крестьянахъ остаются лишь долговыя обязательства, и до окончательнаго за усадьбы платежа они не считаются полными ихъ владѣльцами. Какъ во время переходнаго состоянія, такъ и по истеченіи его, помѣщикамъ оставляется вотчинная полиція; объемъ же содержанія ея предоставляется опредѣлить губернскимъ комитетамъ. Рядомъ съ вотчинной полиціей помѣщиковъ устанавливается и крестьянское самоуправленіе съ опекою надъ нимъ помѣщика; а именно крестьяне распредѣляются на сельскія общества, завѣдываніе мірскими дѣлами каждаго общества и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ или составленнымъ изъ кре-

стьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

Выразился-ли въ рескриптѣ и отношеніи министра планъ реформы съ такою ясностью, чтобы устранить всякія сомнѣнія на счетъ будущаго устройства крестьянскаго сословія? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Одна изъ важнѣйшихъ сторонъ реформы, именно земельное устройство крестьянъ, не была выяснена съ надлежащею опредѣленностью. Изъ рескрипта и отношенія министра нельзя вывести съ полной очевидностью, во-первыхъ, теряютъ-ли крестьяне право на выкупъ усадьбъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на пользованіе ими, если не приступятъ къ нему въ теченіе переходнаго времени, во-вторыхъ, отводимые крестьянамъ надѣлы поступаютъ къ нимъ въ безсрочное или временное пользованіе. Между тѣмъ, очевидно, въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заключался основный смыслъ реформы. Тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ ихъ опредѣлялось освобожденіе крестьянъ съ землей или безъ земли. Неопредѣленность по этимъ вопросамъ рескрипта и отношенія министра дала возможность реакціонной партіи въ Петербургѣ продолжать агитацію за обезземеленіе крестьянъ—нѣсколькимъ губернскимъ комитетамъ [1] составить проекты, по которымъ крестьяне лишались земли по истеченіи переходнаго времени, а дворянскимъ депутатамъ, стоявшимъ за обезземеленіе крестьянъ, обвинять редакціонныя коммисіи въ нарушеніи высочайшаго рескрипта.

Просмотримъ, на какихъ словахъ рескрипта и отношенія министра могли обосновать губернскіе комитеты и депутаты ихъ свое предложеніе освобожденія крестьянъ безъ земли. Обратимся сначала къ рескрипту.

Въ отношеніи усадьбъ рескриптъ говоритъ:

„Крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго срока пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа“.

Отсюда, не безъ основанія, выводили, что за крестьянами утверждается лишь *временное* владѣніе ихъ усадьбами, на пріобрѣтеніе которыхъ въ собственность, посредствомъ выкупа, имъ открывается *срочное* право. При безсрочномъ владѣніи не было бы повода къ дарованію права выкупа „въ теченіе опредѣленнаго времени“, потому что не было основанія ограничивать право выкупа при неограниченномъ правѣ владѣнія. Ограниченіе права выкупа опредѣленнымъ временемъ показываетъ срочность пользованія, право

[1]) Астраханскій, вологодскій, курскій, новогородскій, олонецкій, тамбовскій херсонскій, виленскій, ковенскій и гродненскій.

на которое, въ случаѣ невыкупа, должно прекратиться съ истеченіемъ извѣстнаго времени, иначе какой былъ бы интересъ крестьянамъ выкупать усадьбы, когда и безъ того они остаются навсегда владѣльцами ихъ. Получивъ усадьбы въ безсрочное владѣніе, крестьяне по существу дѣла сдѣлались бы собственниками ихъ, а право собственности помѣщиковъ исчезло бы совершенно и безъ всякаго вознагражденія, что̀ противорѣчитъ словамъ рескрипта о сохраненіи за помѣщиками права собственности на всю землю. Только срочность права пользованія можетъ служить побужденіемъ къ выкупу усадьбъ.

Далѣе, въ отношеніи надѣленія крестьянъ землею, противники освобожденія крестьянъ съ землею говорили слѣдующее [1]): Въ рескриптѣ выражено, что „предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику“. Это мѣсто ничего не говоритъ о томъ, предоставляется-ли крестьянамъ земля въ срочное или безсрочное пользованіе. Но основываясь на другихъ словахъ рескрипта, подтверждающихъ ненарушимость права собственности помѣщиковъ на всѣ принадлежащія имъ земли, очевидно это право собственности было бы нарушено при безсрочномъ правѣ пользованія крестьянъ за однажды опредѣленныя повинности. Въ сводѣ нашихъ законовъ нѣтъ опредѣленія о безсрочномъ пользованіи чужой собственностью противъ воли собственника. Съ установленіемъ безсрочнаго права пользованія крестьянъ, право собственности на землю уже совершенно утрачено собственникомъ. Прежній собственникъ превращается въ законнаго обладателя той повинности, которую крестьяне обязаны ему платить и, сверхъ того, онъ навсегда лишается участія въ выгодахъ отъ постоянно возрастающей цѣнности земли и несетъ потери отъ постояннаго пониженія цѣнности денегъ. А потому подобная мѣра съ ея дальнѣйшей обстановкой близка къ понудительному безвозмездному отчужденію поземельной собственности, что совершенно противорѣчитъ словамъ рескрипта о ненарушимости права собственности помѣщиковъ на всю землю.

Необходимость временнаго надѣленія крестьянъ землею обусловливается сохраненіемъ *крѣпости* крестьянъ къ землѣ на переходное время. Если крестьяне остаются крѣпки на время къ землѣ и, слѣдовательно, не пользуясь правомъ передвиженія, принуждены отыскивать средства существованія единственно на мѣстѣ водворенія, то очевидна необходимость обезпечить имъ средства къ жизни, что̀

[1]) См. часть XII, гл. XIX, Матеріалы редакціонныхъ коммиссій.

можетъ быть достигнуто лишь отводомъ имъ надлежащаго количества земли. Но этотъ срочный отводъ земли ради государственной необходимости нимало не нарушаетъ права собственности, такъ какъ, въ виду предоставленія губернскимъ комитетамъ права опредѣлить размѣръ оброка и работъ за пользованіе крестьянами землею въ теченіе переходнаго времени, онъ можетъ быть подведенъ подъ 575 статью X тома. Съ прекращеніемъ же крѣпости крестьянъ къ землѣ само собою прекращается и обусловливаемое существованіемъ этого факта слѣдствіе, и двухсторонняя обязательность надѣловъ должна замѣниться свободнымъ договоромъ.

Правда, продолжали они (Ibid), въ пояснительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ сказано (въ ст. 5): „земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра, и обмѣнъ ея или части оной, съ присоединеніемъ къ господскимъ полямъ, не можетъ быть допущенъ иначе, какъ съ согласія міра". Этими словами довольно опредѣлительно высказывается мысль о безсрочности права крестьянъ на пользованіе отведенными имъ землями. Но спрашивается: было-ли это соображеніе министра обязательно для губернскихъ комитетовъ? Нимало. Во-первыхъ, комитеты могли основываться только на словахъ рескрипта, торжественно подтверждавшихъ ненарушимость права собственности помѣщиковъ, и отношеніе министра не могло нарушать смыслъ рескрипта. Во-вторыхъ, это отношеніе состоитъ изъ двухъ, совершенно отдѣльныхъ частей: первая, безусловно-обязательная, по высочайшему повелѣнію, установляетъ правила для избранія членовъ и для производства работъ въ губернскихъ комитетахъ; вторая же, не обязательная, а только вспомогательная, содержитъ соображенія министра въ видѣ пособія для занятій комитетовъ, и вышеприведенная ст. 5 помѣщена въ числѣ такихъ необязательныхъ соображеній. Самъ министръ прямо объясняетъ въ своемъ отношеніи необязательность этихъ соображеній. Далѣе, и сама 5 статья отношенія министра многими комитетами объяснялась, какъ имѣющая силу только для переходнаго времени. Въ рескриптѣ и отношеніи министра, говорили эти комитеты, сохраняется на время крѣпость крестьянъ къ землѣ. Въ этомъ положеніи дѣла, соображенія министра внутреннихъ дѣлъ, какъ относящіяся къ занятіямъ губернскихъ комитетовъ, получившихъ порученіе составить проекты положенія для переходнаго времени, совершенно правильны и необходимы; никто не сомнѣвается, что временное ограниченіе права собственности, за соотвѣтственное вознагражденіе, правомъ пользованія крестьянъ въ теченіе переходнаго времени, когда бытъ ихъ и возможность добывать средства существованія ограничены при-

крѣпленіемъ къ извѣстному мѣсту, совершенно справедливо и неизбѣжно. Но никакъ нельзя сказать этого о предоставленіи крестьянамъ права безсрочнаго пользованія помѣщичьими землями по совершенной отмѣнѣ крѣпостного состоянія, дарующей имъ возможность передвиженія, труда, заработковъ.

Изъ изложеннаго мы видимъ, что рескриптъ давалъ возможность истолковывать правительственный планъ реформы въ смыслѣ безземельнаго освобожденія крестьянъ. А такъ какъ и въ послѣдующее время, въ періодъ работъ губернскихъ комитетовъ, не было издано высочайшаго постановленія, которымъ было бы указано опредѣлительно, что крестьяне сохраняютъ за собою земли и по истеченіи переходнаго времени, то работы комитетовъ шли въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Одни комитеты, или убѣжденные въ невозможности, опасности лишенія крестьянъ земли, или усматривая матерьяльныя выгоды въ выкупѣ крестьями надѣловъ, составляли проекты на основѣ земельнаго освобожденія, другіе же безземельнаго. Такимъ образомъ, по самому основному вопросу крестьянской реформы не было единства въ комитетскихъ проектахъ. Эта неопредѣленность рескрипта и отсутствіе въ послѣдующее время высочайшаго разъясненія о правахъ крестьянъ на землю дала возможность делегатамъ отъ комитетовъ, желавшихъ безземельнаго освобожденія, отстаивать послѣднее и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Ссылаясь на объявленную рескриптомъ неприкосновенность помѣщичьей земли, они обвиняли редакціонныя комиссіи въ нарушеніи высочайшей воли, хотя, очевидно, эта ссылка была безцеремоннымъ софизмомъ, такъ какъ делегаты не могли не знать, что основы работъ редакціонныхъ комиссій хорошо извѣстны Императору. Но своими протестами, агитаціей, обвиненіями редакціонныхъ комиссій во всевозможныхъ *измахъ* (см. „Крестьянское дѣло", Скреб. т. I гл. VIII), они надѣялись повліять на ходъ работъ редакціонныхъ комиссій въ желаемомъ ими направленіи.

Теперь спрашивается: какой строй поземельныхъ отношеній создавали рескриптъ и отношеніе министра, если ихъ объяснять въ смыслѣ сохраненія за крестьянами *безсрочнаго* пользованія надѣлами? Помѣщики, по рескрипту, сохраняли право собственности на всю землю, крестьянамъ же предоставлялось въ пользованіе опредѣленное количество земли, за которое они платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику. Такимъ образомъ, всѣ частныя населенныя земли оставались въ собственности помѣщиковъ, но раздѣлялись на два разряда: на господскія и крестьянскія. На земли господскія помѣщики сохраняли право собственности полное, на земли же крестьянскія имъ оставлялось лишь ограниченное право собственности.

Слѣдовательно, рескриптъ вводилъ въ наше законодательство новое юридическое начало: вѣчную и потомственную совмѣстность правъ собственника и владѣтеля на одно и то же имущество. Право собственности раздроблялось: часть изъ него, состоящая въ полученіи установленнаго правительствомъ оброка или работы натурою, оставлялись собственнику, другая, состоящая въ потомственномъ пользованіи землей, отдавалась крестьянину. И пока крестьянинъ исполнялъ установленныя за землю повинности, онъ не могъ быть лишенъ ея. Какъ видимъ, вводимыя рескриптомъ новыя поземельныя отношенія заключали въ себѣ всѣ аттрибуты феодальной собственности. Сверхъ того, новымъ поземельнымъ отношеніямъ предназначалось рескриптомъ проявить феодальный строй, черезъ который прошла западная Европа, и въ томъ, что за помѣщиками оставлялась вотчинная власть и опека надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ.

Какое колоссальное различіе между первоначальнымъ планомъ реформы и дѣйствительнымъ ея разрѣшеніемъ! Между тѣмъ и этотъ планъ реформы съ феодальнымъ характеромъ казался охранителямъ, какъ увидимъ ниже, слишкомъ крутымъ переворотомъ; они пророчили смуты и общее экономическое потрясеніе государства. И весьма вѣроятно, будь этотъ планъ приведенъ въ исполненіе, пророчества охранителей сбылись бы. Но они сбылись бы не по причинѣ несвоевременности реформы, а по причинѣ ея палліативности, вслѣдствіе обманутыхъ надеждъ народа. Выше мы видѣли, въ какомъ напряженномъ ожиданіи освобожденія отъ помѣщичьей власти находился народъ во время вступленія на престолъ Императора. Государю было извѣстно настроеніе народа. „Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, сказалъ онъ предводителямъ московскаго дворянства:—нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ отмѣняться снизу“. Со времени объявленія рескрипта, народъ терпѣливо ожидалъ своего освобожденія отъ крѣпостнаго ига. Водворившееся съ этого момента вдругъ и повсемѣстно и не нарушившееся вплоть до объявленія манифеста 19 февраля 1861 года спокойствіе народа, по истинѣ цивическое, поразило всѣхъ и причиняло не малую досаду врагамъ реформы. Въ этомъ спокойствіи выразилась вѣра народа въ Царское слово. Во все время работы комитетовъ и позже—редакціонныхъ комиссій, въ народѣ только и было разговоровъ, что вотъ, вотъ скоро ему будетъ дана „чистая воля“. Подъ „чистой волей“ народъ разумѣлъ освобжденіе отъ власти помѣщиковъ и барщины. А о томъ, что мірская земля должна остаться за міромъ, не было въ народѣ и сомнѣнія. *Право крестьянъ на владѣемую ими землю было общимъ народнымъ сознаніемъ.* „Мы

господскіе, а земля наша", говорилъ народъ во все время существованія крѣпостного права. И какъ сильно были бы разрушены надежды народа, осуществись первоначальный проектъ преобразованій, сохранявшій за помѣщиками право собственности на крестьянскую землю безъ установленія начала выкупа и удерживавшій на неопредѣленныя времена барщину и вотчинную полицію помѣщиковъ. Крестьяне не увидѣли бы свободы въ своемъ новомъ положеніи. Несовмѣстима свобода личности съ обязательнымъ трудомъ, исполняемымъ при полицейскомъ надзорѣ прежняго помѣщика! Удержанное преобладаніе одного сословія надъ другимъ неизбѣжно повело бы за собой повтореніе большей части явленій крѣпостного времени. Право вмѣшательства помѣщика въ дѣла крестьянскаго міра и каждаго крестьянина въ отдѣльности не скоро могло бы потерять характеръ произвола, съ которымъ оно срослось послѣ долгой привычки. Власть помѣщика, сложившуюся вѣками, невозможно было преобразовать однимъ почеркомъ пера, она невольно, силою человѣческой природы и по старой памяти, стала бы переступать постановленные предѣлы и практиковать прежнія традиціонныя отношенія къ крестьянамъ. Съ другой стороны, крестьянину не легко было бы понять различіе между прежнимъ полновластіемъ помѣщика и званіемъ и правами начальника, присвояемыми этому помѣщику закономъ. Онъ продолжалъ бы видѣть въ помѣщикѣ того же барина и, такимъ образомъ, не усматривая въ новомъ положеніи прекращенія своей зависимости, ощутилъ бы при самомъ началѣ реформы разочарованіе, послѣдствія чего могли быть страшны и печальны. Что такія послѣдствія представляли большую вѣроятность, свидѣтельствомъ могутъ служить волненія среди крестьянъ, имѣвшія мѣсто въ 29 губерніяхъ по обнародованіи Положенія 19-го февраля 1861 года. Причины всѣхъ этихъ волненій были повсемѣстно однѣ и тѣ же: Положеніе 19-го февраля установило переходное время съ барщиной и оброками въ пользу помѣщиковъ впредь до заключенія сдѣлки о выкупѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ, редакція Положенія, изобиловавшая юридическими тонкостями, не была приноровлена къ пониманію крестьянъ. Послѣднее повело за собой толкованія крестьянами переходнаго положенія, какъ состоянія постояннаго, что вызвало сомнѣнія въ подлинности „Положенія", и, какъ слѣдствіе, уклоненіе отъ исполненія установленныхъ въ немъ правилъ; далѣе—военныя команды и волненія. Крестьяне успокоились, получивъ удовлетворительныя разъясненія о „срочности обязательнаго періода" и о путяхъ выхода изъ него. Изъ этого повсемѣстнаго волненія можно видѣть, какія событія ожидали Россію, не будь введено въ крестьянскую реформу выдвинутое и разработанное обществомъ начало

выкупа крестьянами земельныхъ угодій и, съ тѣмъ вмѣстѣ, полнаго освобожденія крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Что же касается экономической стороны первоначальнаго проекта реформы, то, очевидно, барщинный трудъ, по своему качеству и малой производительности, былъ бы, вслѣдствіе уменьшенія страха крестьянъ передъ помѣщикомъ, хуже обязательнаго труда при крѣпостномъ правѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ бы источникомъ постоянныхъ столкновеній и нескончаемыхъ жалобъ, сутяжничества между крестьянами и помѣщиками. Эту истину хорошо понимали многіе комитеты. При обзорѣ комитетскихъ положеній редакціонными комиссіями, оказалось, что на сторонѣ выкупа большее число комитетовъ; однако, нельзя было не замѣтить, что вопросъ не вполнѣ разъясненъ: въ иныхъ комитетахъ возникло разногласіе; далѣе, одни комитеты предлагали добровольный выкупъ, другіе обязательный выкупъ. Но чѣмъ болѣе разъяснялся крестьянскій вопросъ, тѣмъ сильнѣе сознавалось въ обществѣ, что выкупъ долженъ быть общею мѣрою и мѣрою обязательною. За общій и обязательный выкупъ стояли не только тѣ, которые, сочувствуя интересамъ народа, видѣли въ немъ единственное средство къ скорому уничтоженію крѣпостного права, рѣшительный шагъ къ устройству сельскихъ общинъ, но и тѣ, которые имѣли въ виду лишь интересы помѣщиковъ. Но, зная жизнь народа и не лишенные здраваго смысла, они понимали опасность и даже невозможность освободить крестьянъ безъ земли, а въ сохраненіи барщинныхъ и оброчныхъ отношеній видѣли, наравнѣ съ опасностью, обоюдныя потери какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ. Это убѣжденіе въ необходимости обязательнаго выкупа зрѣло и усиливалось столь же быстро, какъ быстро въ первое время развилась идея о выкупѣ. „Изъ проектовъ губернскихъ положеній видно, говоритъ финансовая комиссія:—что наибольшее число дворянскихъ комитетовъ склонялось въ пользу выкупа *добровольнаго*; со времени же представленія означенныхъ проектовъ, какъ явствуетъ изъ отзывовъ членовъ губернскихъ комитетовъ, число приверженцевъ не только выкупа вообще, но и выкупа обязательнаго, значительно увеличилось“ („Матерьялы редакціонной комиссіи“ ч. XI, стр. 132). Дѣйствительно изъ 69 депутатовъ, бывшихъ на сторонѣ выкупа вообще, 58 желали, чтобы ему придали значеніе общей мѣры. Къ такому выводу приводила логика вещей, которой не понимала воинствующая и охранительная партія, состоявшая преимущественно изъ не знавшаго народа и его условій жизни, знатнаго и чиновнаго дворянства, наполнявшаго ряды сановной бюрократіи, противодѣйствующаго между прочимъ не только выкупу, преслѣдуя выраженіе этой идеи въ литературѣ, но и вообще сколько-нибудь существенному преобразованію сельскаго быта.

Такимъ образомъ, въ исторіи крестьянской реформы повторилось хорошо извѣстное исторіи всѣхъ народовъ явленіе. Ближайшіе совѣтники верховной власти, консерваторы всякихъ оттѣнковъ противятся реформѣ ради охраненія порядка, предупрежденія смуты, не вѣдая того, что именно своимъ противодѣйствіемъ назрѣвшему въ соціальной жизни движенію они вызываютъ смуту.

Мы видѣли, что пріѣздъ въ Петербургъ Назимова былъ обстоятельствомъ, давшимъ толчекъ крестьянской реформѣ. Слѣдующій фактъ, ускорившій дѣло, заключается въ ходатайствѣ петербургскаго дворянства, которое, какъ самое близкое къ трону, было ранѣе другихъ побуждено къ подачѣ прошенія о дозволеніи ему „приступить къ составленію предположеній объ улучшеніи быта его крестьянъ". Что только близостью къ трону и непосредственнымъ на него вліяніемъ Императора, а не великодушнымъ стремленіемъ отказаться отъ отжившихъ сословныхъ привилегій, можно объяснить фактъ, что это дворянство первое выступило съ ходатайствомъ—очевиднымъ свидѣтельствомъ тому служитъ составленный петербургскимъ комитетомъ проектъ положенія о крестьянахъ. Ни въ одномъ комитетскомъ проектѣ, за исключеніемъ развѣ костромского, не выразились такъ ярко поползновенія крайней помѣщичьей партіи. Проектъ „Положенія" петербургскаго дворянства стремился сохранить весь букетъ и матерьяльные интересы крѣпостныхъ порядковъ, присоединивъ къ нимъ чуждные русской жизни юридическіе институты, въ родѣ майоратовъ, привилегій рыцарскихъ имѣній и другіе остатки феодализма, которыми пользуется остзейско-прусское юнкерство. Фактъ этотъ многозначателенъ. Титулованное, чиновное дворянство первой столицы Россіи и здѣсь, какъ и всегда, разошлось съ требованіями народной жизни и обнаружило полное незнаніе Россіи.

Отвѣтомъ на ходатайство петербургскаго дворянства былъ высочайшій рескриптъ, 5-го декабря 1857 г., с.-петербургскому военному генералъ-губернатору Игнатьеву. Приводимъ этотъ рескриптъ, такъ какъ въ немъ есть отличія отъ рескрипта, даннаго генералъ-губернатору Назимову. Рескриптъ Игнатьеву послужилъ типомъ рескриптамъ, даннымъ губернаторамъ всѣхъ прочихъ губерній Европейской Россіи; исключеніе сдѣлано только для трехъ юго-западныхъ губерній (Кіевской, Волынской и Подольской), гдѣ была образована такая же общая комиссія, какъ и въ литовскихъ губерніяхъ.

Дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ.

*

Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, Я предоставляю дворянскому сословію С.-Петербургской губерніи приступить къ составленію проекта положенія, на основаніи котораго подобныя похвальныя намѣренія могутъ быть приведены въ исполненіе, соотвѣтственно Моимъ видамъ и желаніямъ, впрочемъ, не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для этого повелѣваю открыть теперь же въ С.-Петербургской губерніи особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ С.-Петербургской же губерніи, по непосредственному назначенію вашему.

Комитету этому, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ С.-Петербургской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе этихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при ихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе этого важнаго дѣла по С.-Петербургской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проектъ, съ нужными по разнымъ мѣстностямъ уѣздовъ С.-Петербургской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая, такимъ образомъ, дворянству С.-Петербургской губерніи средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною твердыхъ началахъ, Я увѣренъ, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое этому сословію призваніемъ его къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло это будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вамъ предоставляется строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ должномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ".

Мы видѣли что дворяне литовскихъ губерній ходатайствовали объ „освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“, на что въ рескриптѣ было сказано: „Одобряя вполнѣ намѣренія представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія Моимъ видамъ и желаніямъ, Я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи которыхъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе“. Дворянство же Петербургской губерніи ходатайствовало о дозволеніи ему приступить къ составленію предположеній *лишь* „объ улучшеніи быта ихъ крестьянъ“. Соотвѣтственно этому измѣняется и рескриптъ Игнатьеву сравнительно съ рескриптомъ 20-го ноября: „Дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ.

„Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, Я предоставляю дворянскому сословію С.-Петербургской губерніи приступить къ составленію проекта положенія, на основаніи котораго подобныя похвальныя намѣренія могутъ быть приведены въ исполненіе, соотвѣтственно Моимъ видамъ и желаніямъ...“

Вслѣдствіе этого измѣненія во второмъ рескриптѣ, въ дополнительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ Игнатьеву, слово „освобожденіе“ замѣнено „улучшеніемъ быта“. Съ этого времени выраженіе „улучшеніе быта“ дѣлается оффиціальнымъ.

И, дѣйствительно, оно болѣе соотвѣтствовало первоначальному плану объ устройствѣ быта крестьянъ. Не говоря уже о „крѣпости“ крестьянъ къ землѣ на переходное время, но и далѣе—сохраненіе барщины и вотчинной полиціи, продолжавшей юридическое господство одного класса надъ другимъ, не согласовались съ требованіями свободнаго состоянія. И когда, впослѣдствіи, редакціонныя комиссіи отвергли сохраненіе за помѣщиками вотчинной полиціи, установили краткій срокъ для перехода съ барщины на оброкъ и вообще создавали „Положеніе“ въ смыслѣ полнаго освобожденія крестьянъ, то они подверглись, равно какъ и въ вопросѣ о надѣлахъ, обвиненіямъ со стороны охранительной партіи въ нарушеніи высочайшаго рескрипта.

Ланской, препровождая 8-го декабря губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства высочайшій рескриптъ и свое отношеніе Игнатьеву (которое, за исключеніемъ замѣны слова „*освобожденіе*“ выраженіемъ „*улучшеніе быта*“, мало чѣмъ отличалось отъ отношенія Назимову), объяснилъ, „что правительство желаетъ,

чтобы были извѣстны начала, которыми оно руководится въ тѣхъ случаяхъ когда дворянство само вызывается содѣйствовать новому устройству быта поселянъ" („Крестьянское дѣло". Скребицкій. Т. I. ст. XIV). Это мѣсто весьма знаменательно. Оно показываетъ намъ, какъ нерѣшительны были первые шаги правительства въ крестьянской реформѣ, съ какою осторожностью относилось оно къ дворянскимъ интересамъ. Разрѣшивъ уже четыремъ губерніямъ открытіе комитетовъ для составленія проектовъ новаго устройства крестьянскаго быта, объявивъ основанія этого устройства, оно, тѣмъ не менѣе не рѣшается распространить эти мѣры на прочія мѣстности Россіи иначе, какъ съ согласія дворянъ. Разумѣется, трудно думать, чтобы правительство не сознавало всю невозможность такого положенія дѣлъ, чтобы рѣшеніе вопроса о томъ, получатъ ли крестьяне каждой данной губерніи личныя права, или останутся въ прежней крѣпостной зависимости, зависѣло отъ желанія помѣщиковъ. Оно не могло не понимать, что подобное положеніе дѣлъ крайне опасно, что оно, неминуемо вызвало бы волненіе крестьянъ. И надо думать, что только надежда, что дворяне не рѣшатся воспротивиться высочайшей волѣ, такъ ясно выразившейся въ рескриптѣ и дополнительномъ отношеніи министра, побуждала правительство испробовать сначала путь косвеннаго на воздѣйствія на дворянство, дать дѣлу такія формы, какъ будто иниціатива исходитъ изъ нѣдръ самого дворянства, а не съ высоты престола.

Послѣ рескрипта Игнатьеву Государь и сочувствующіе реформѣ съ нетерпѣніемъ ждали ходатайствъ отъ провиціальныхъ русскихъ дворянствъ. Разсчитывали, что московское дворянство подастъ примѣръ. Но въ сердцѣ Россіи владычествовалъ графъ Закревскій, другъ князя Орлова, ревностный защитникъ крѣпостного права. Онъ совѣтовалъ дворянству не спѣшить, ждать перемѣны въ дѣлахъ, заявляя, что имѣетъ на этотъ счетъ вѣрныя свѣдѣнія изъ Петербуга, а, между тѣмъ, въ то же время усиливалъ караулы и держалъ войска на-готовѣ. За послушаніе дворянства этому доброму совѣту, оно впослѣдствіи, какъ увидимъ, выслушало горькія слова отъ Государя.

Не такъ отнеслась къ доброй вѣсти объ освобожденіи крестьянъ другая аристократія Москвы—аристократія мысли. 28-го декабря 1857 г., въ Москвѣ, въ залахъ купеческаго собранія, собралось на-скоро до 180 человѣкъ, ученыхъ, литераторовъ и людей другихъ сословій. Одушевленіе собравшихся, по словамъ очевидцовъ, непередаваемо. Многіе плакали отъ радости. Первый тостъ былъ провозглашенъ за здравіе Государя редакторомъ „Русскаго Вѣстника" Катковымъ въ рѣчи, которая начиналась слѣдующими словами: „Бы-

ваютъ эпохи, когда всякому ясно чувствуется присутствіе Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго слышатся явственно отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, отвѣты, вносящіе миръ и благоволеніе въ сердца людей, возстановляющіе смыслъ, правду и равновѣсіе въ жизни—эпохи, когда силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда люди, съ усиленнымъ біеніемъ своего собственнаго сердца, сливаются въ общемъ дѣлѣ и общемъ чувствѣ, благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи. Благодареніе Богу: намъ суждено жить въ такую эпоху!" Рѣчь заключалась такъ: „Да почіетъ благословеніе Божіе на Царѣ нашемъ и на всѣхъ Его начинаніяхъ! Да царствуетъ Онъ долго, и долго, да будетъ источникомъ правды и блага для нашей родины! Отъ полноты сердца всѣхъ и каждаго провозглашаю тостъ за здравіе Государя Императора" (Матер. для упраздн. крѣп. права Т. I. Гл. V).

Въ этой первой рѣчи ни рескрипты, ни предметъ ихъ не названы по имени. Благодаря положенію, принятому въ этомъ дѣлѣ графомъ Закревскимъ, и распущеннымъ слухамъ, опасались послѣдствій обѣда. Это чувство многихъ удержало отъ участія на немъ. И, дѣйствительно, оказалось, что, вслѣдствіе представленія графа Закревскаго, петербургское правительство осталось недовольнымъ московскою демонстраціею: Кокореву за рѣчь сдѣланъ выговоръ и подобные обѣды запрещены.

Изъ другихъ рѣчей, болѣе замѣчательными были рѣчи Павлова, Кавелина и Кокорева. Павловъ предложилъ тостъ „за здравіе Того, кто призываетъ Россію на подвигъ правды и добра". Рѣчь начиналась словами: „Господа, новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало. Мы дожили, мы присутствуемъ при второмъ преобразованіи Россіи"... „Мы собрались здѣсь для выраженія глубокаго, искренняго сочувствія святому дѣлу"... „Нѣтъ, не можетъ статься, величіе, слава, прочность и благоденствіе нашей дорогой родины зависятъ не отъ тѣхъ учрежденій, въ основѣ которыхъ лежатъ неправда и ложь, а отъ того направленія, которое указываетъ намъ Тотъ, чье имя долженъ и можетъ произносить съ гордостью каждый русскій. Встрѣтимъ же высокую мысль, одушевленную единымъ благомъ народа, съ тою просвѣщенною готовностью, которой можно уже требовать отъ Россіи... Измѣненіе нашихъ экономическихъ отношеній возбудитъ въ насъ самодѣятельность, отсутствіе которой есть одинъ изъ нашихъ главныхъ недостатковъ. Провозгласимъ же, господа, отъ чистаго сердца „многія лѣта", и еще разъ поднимемъ бокалы во славу Тому, кто призываетъ Россію на подвигъ правды и добра!" (Ibid).

Послѣ рѣчи Бабста, говорившаго о томъ, что наступило время

для всѣхъ гражданъ государства отозваться на благія начинанія державнаго Освободителя народнаго труда, всталъ пріѣхавшій на короткое время въ Москву профессоръ петербургскаго университета Кавелинъ.

„Не прошло еще полутора года съ тѣхъ поръ, сказалъ онъ:— какъ многіе изъ насъ праздновали дѣло гражданской мудрости, ознаменовавшее начало новаго царствованія. Мы разстались тогда съ радостью и надеждами въ сердцѣ, предчувствуя много добраго въ будущемъ. Теперь мы знаемъ о великодушномъ призывѣ Государя къ дворянству, послѣдовавшемъ 20-го ноября. Этого 20-го ноября чаяли многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ истинно просвѣщенныхъ людей“... „Будемъ надѣяться, что дворянство окажется способнымъ обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей“. (Ibid.).

Наконецъ, седьмая и послѣдняя рѣчь на обѣдѣ, сначала краткая, а потомъ дополненная письменно, принадлежала одному изъ значительнѣйшихъ представителей русскаго купечества, В. А. Кокореву. Рѣчь начиналась слѣдующими словами: „Свѣтъ и тьма—въ вѣчной борьбѣ. Одолѣваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется человѣчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ. Одолѣваетъ тьма—настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ человѣчество, вянетъ тѣло, ноетъ духъ, умаляется сила народная. Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта; но за то сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало. Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II. Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи Царя вывести нашихъ братьевъ-крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними насъ почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена теперь и согрѣта вся русская земля. Вотъ подъ какимъ яркимъ освѣщеніемъ приближаемся мы къ новому 1858 году. Для 15.000.000 людей восходитъ заря гражданской полноправности. Отъ этого мы всѣ вступаемъ въ новую жизнь, перерождаемся, пульсы наши бьютъ иначе: ровно, твердо, сильно. Мы можемъ теперь сравнить свое положеніе съ людьми, подошедшими къ горѣ, по которой надо взобраться кверху. Не мало на этомъ непротоптанномъ пути мы встрѣтимъ колючихъ растеній. Но намъ ли бояться препятствій въ то время, когда на горѣ стоитъ нашъ Царь

и призываетъ насъ къ себѣ? Мы видимъ это сквозь открывшіеся промежутки частокола. И та гора, къ которой подвело насъ время, есть гора упованія. Царь уповаетъ на народъ, народъ уповаетъ на Царя... Первое и главное зерно обновленія—судьба 15.000.000 крестьянъ—вложено Царемъ въ общественную мысль. Да ниспошлетъ Провидѣніе всѣмъ открывающимся комитетамъ о крестьянахъ чистоту въ намѣреніяхъ и ясность въ воззрѣніяхъ, а главное, такую простоту въ опредѣленіи новыхъ началъ, которая была бы понятна всѣмъ и выражала бы очевидную удобопримѣняемость къ жизни. Этому трудному дѣлу вѣрнѣйшій другъ и помощникъ—свѣтозарная гласность мнѣній, сообщаемыхъ изъ каждой мѣстности во всеобщее свѣдѣніе широковѣщательнымъ печатнымъ словомъ“. Затѣмъ, рѣчь обращается къ купечеству съ надеждой, что оно, само недавно вышедшее изъ крестьянъ, не откажетъ составить фондъ для пособія крестьянамъ выкупать усадьбы. „Будемъ откровенны и искренни въ такіе великіе дни отечественныхъ событій и скажемъ правду. Вѣдь всѣ наши капиталы сложились главнымъ образомъ отъ крестьянъ. Это замѣчаніе всего болѣе относится къ виннымъ откупщикамъ; ихъ капиталы составились уже чисто изъ трудовыхъ крестьянскихъ денегъ. Какой прекрасный случай возблагодарить крестьянъ за богатства, ими же сообщенныя!“ Рѣчь закончилась тостомъ „за драгоцѣнное здоровье перваго примѣродателя въ дѣлѣ гражданскаго мужества, перваго воодушевителя на пути къ свѣту, за сердечнаго нашего Царя Александра Николаевича!“ (Ibid.).

Праздникъ кончился тѣмъ, что гости долго стояли передъ портретомъ Государя: раздавались крики „ура“ и перешли, наконецъ, въ народный гимнъ „Боже, царя храни!“

Вотъ тѣ чувства, золотыя чувства, выраженіе которыхъ запрещала администрація; вотъ представители той живой, честной литературы, которая подвергалась стѣсненіямъ въ обсужденіи вопросовъ историческаго переворота, вопросовъ полнаго преобразованія государственнаго и соціальнаго быта Россіи! Спрашивается: гдѣ же были настоящіе сподвижники царской мысли—въ дворянствѣ, большинство котораго надо было толкать *только еще* для заявленія ходатайства о разрѣшеніи заняться „улучшеніемъ быта крестьянъ“, или въ литературѣ, обнаруживавшей въ полномъ смыслѣ энтузіазмъ при первой вѣсти о великомъ дѣлѣ? Литература, бывшая въ то время вѣрнымъ отголоскомъ передовой Россіи, ликовала и превозносила до небесъ благородныя чувства Самодержца, призывающаго народъ къ новой жизни и открывающаго для Россіи врата широкаго будущаго. Но этотъ шумъ, этотъ восторгъ пробудившагося общества были не въ интересѣ охранителей, испугали рутину. Они указали

на попытки литературы подать свой голосъ въ дѣлѣ разрѣшенія колоссальнаго преобразованія, какъ на опасное явленіе, и литература была стѣснена. Цензурнымъ предписаніемъ главнаго комитета по дѣламъ печати, отъ 22-го апрѣля 1858 года, запрещалось пропускать статьи, въ которыхъ излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицейской ихъ власти, въ которыхъ доказывается польза выкупа крестьянами земли въ собственность и многихъ другихъ. Цензурѣ дозволялось пропускать къ печатанію только тѣ чисто ученыя теоретическія, историческія и статистическія сочиненія и статьи, гдѣ обсуживаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, статьи, непротивныя духу и направленію программы, данной губернскимъ комитетамъ (между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, програма эта почти вся состояла изъ вопросовъ, а не изъ положительныхъ постановленій), не вдаваясь отнюдь въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. (Матер. для исторіи упраздн. крѣп. состоянія. Т. I., стр. 245—248). И что же оказалось въ результатѣ? Литературѣ было воспрещено обсуждать первоначальный проектъ, и между тѣмъ само правительство, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, увидѣло необходимость отказаться отъ него; и важнѣйшіе вопросы, поднятые литературою и подвергшіеся преслѣдованію, были впослѣдствіи положены редакціонными комиссіями въ основу крестьянской реформы, и даже самое проведеніе реформы въ томъ улучшенномъ видѣ, какъ она явилась на свѣтъ, было возможно, лишь благодаря содѣйствію намѣреніямъ Императора со стороны умнаго, благороднаго и просвѣщеннаго меньшинства въ губернскихъ комитетахъ. А это меньшинство, создавшее *опору волѣ Императора*, преслѣдовало тѣ же цѣли, какія съ самаго начала поставила литература, но писать о которыхъ было дозволено лишь тогда, когда правительство подъ вліяніемъ убѣдительныхъ доводовъ, изложенныхъ въ проектахъ меньшинства дворянскихъ комитетовъ, пришло къ сознанію необходимости измѣнить первоначальный планъ устройства крестьянскаго быта. Большое счастіе, что въ работахъ надъ крестьянской реформою было дано участіе общественному элементу, благодаря чему свѣтлыя мысли, преслѣдовавшіяся въ литературѣ, все-таки могли найти себѣ выраженіе въ губернскихъ комитетахъ, а потомъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Иначе, онѣ остались бы подъ спудомъ и исходъ преобразованія былъ бы иной и, вѣроятно, весьма неблагопріятный. Традиціи прежняго порядка воспитали въ насъ въ такой степени антипатію къ свободной мысли, опасеніе свободнаго слова, интересъ въ устраненіи литературы отъ участія въ жи-

ыхъ вопросахъ соціальной жизни, что даже въ періодъ такой трудной и колоссальной реформы, какъ крестьянская, когда правительство переходило отъ одного плана къ другому, подчиняясь вліянію то охранителей, то прогрессистовъ, когда настоятельно требовалось просвѣщенное, безкорыстное обсужденіе дѣла—литературу стиснули въ узкія рамки. Прошло болѣе года послѣ изданія перваго рескрипта, и все-таки въ правительственной средѣ продолжала существовать еще такая неопредѣленность насчетъ плана реформы, что одинъ изъ самыхъ главныхъ и ревностныхъ дѣятелей реформы, Я. И. Ростовцевъ, назначенный предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, принимая одного изъ правительственныхъ членовъ комиссій, открыто заявилъ: „Мы всѣ (т. е. члены редакціонныхъ комиссій отъ правительства)—люди новые въ этомъ дѣлѣ. Это такой громадный переворотъ, котораго никто не предвидѣлъ, а готовиться было некогда; мы должны въ продолженіе нашихъ занятій всѣ учиться; намъ нужны всѣ свѣдѣнія; мы пойдемъ постепенно, а не вдругъ. Я имѣю такой планъ. Къ намъ уже начинаютъ поступать проекты губернскихъ комитетовъ, мы должны ихъ обозрѣвать и въ то время мы будемъ знакомиться съ дѣломъ. Сначала мы, такъ сказать, оболванимъ нашъ проектъ, это будетъ черновая работа, потомъ будутъ вызваны депутаты отъ губерній, они намъ помогутъ, мы тогда опять пройдемъ все сначала, чтобъ усовершенствовать, и это будетъ второй періодъ, а ихъ можетъ быть будетъ три и четыре, а можетъ быть и пять, пока мы не приведемъ нашего труда въ такой видъ, что дѣло можетъ пойти въ ходъ. Можетъ быть, даже надо будетъ приводить его въ исполненіе постепенно, по частямъ, тогда можно будетъ видѣть недостатки и своевременно поправлять ихъ. Я всѣмъ этимъ очень озабоченъ, мы должны помогать другъ другу всѣми силами, намъ надо имѣть въ виду все, что было писано у насъ по этому предмету, все прочесть, что было напечатано и за-границей. Мы ни одной строчки не должны упустить изъ виду, меня самого беретъ иногда страхъ, и я за это дѣло принимаюсь съ молитвою, чтобы Богъ насъ вразумилъ“. (Соврем. Лѣтопись. 1864 г., № 7).

Читатель, надѣемся, извинитъ насъ за это небольшое отступленіе отъ порядка изложенія. О положеніи литературы въ періодъ крестьянской реформы рѣчь впереди; но есть предметы, на которые полезно при удобномъ случаѣ обращать вниманіе читателя. Теперь вернемся къ ходатайствамъ дворянствъ о разрѣшеніи имъ открыть комитеты для составленія предположеній объ улучшеніи быта крестьянъ.

Начальники губерній, усердствуя видамъ Государя, склоняли дворянство къ скорѣйшему выраженію своей готовности приняться за улучшеніе быта крестьянъ. Первый успѣлъ въ этомъ Нижего-

родскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ, старый массонъ и либералъ 1824 г., поплатившійся каторжною работою, другъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского.

Побуждаемое его совѣтами, нижегородское дворянство уже 17 декабря 1857 года подписало всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ изъявило „единодушное желаніе принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнять Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать". Радость Государя при полученіи перваго ходатайства изъ русскихъ провинціальныхъ губерній свидѣтельствуется тѣми теплыми выраженіями, въ какихъ Царь благодарилъ нижегородское дворянство въ рескриптѣ на имя губернатора Муравьева.

За нижегородскимъ послѣдовало московское дворянство. Но въ своемъ ходатайствѣ оно сдѣлало слѣдующую оговорку: „Московское дворянство проситъ всемилостивѣйшаго соизволенія на открытіе комитета для составленія проекта правилъ, *которыя комитетомъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстности Московской губерніи*". Отвѣтъ Государя, послѣдовавшій 16 января, былъ прямо направленъ на эту оговорку, и холодный тонъ его свидѣтельствуетъ о впечатлѣніи, произведенномъ позднимъ отзывомъ дворянства. „Московское дворянство, сказано въ рескриптѣ:—изъявляя полную готовность содѣйствовать Моимъ видамъ и намѣреніямъ, проситъ разрѣшенія приступить къ составленію по Московской губерніи проекта положенія объ устройствѣ быта своихъ крестьянъ. *Признавая необходимымъ, чтобы проектъ сей былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ и чтобы*"... За симъ слѣдуютъ тѣ же постановленія, какъ и въ предыдущихъ рескриптахъ.

Затѣмъ начали поступать адресы прочихъ губерній, на которые слѣдовали высочайшіе рескрипты. Рядъ послѣдующихъ рескриптовъ и министерскихъ отношеній въ отвѣтъ на подаваемыя дворянствами прошенія о разрѣшеніи приступить къ устройству быта крестьянъ былъ только географическимъ развитіемъ началъ, высказанныхъ въ первыхъ двухъ рескриптахъ и дополнительныхъ отношеніяхъ министра съ незначительными измѣненіями, вызванными мѣстными особенностями нѣкоторыхъ губерній. Вслѣдъ за рескриптами, послѣдовали избранія въ члены дворянскихъ комитетовъ и открытія ихъ, а 21 апрѣля 1858 г. препровождена была къ начальникамъ губерній подробная программа занятій губернскихъ комитетовъ, составленная и разсмотрѣнная по повелѣнію Императора въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Укажемъ на самую существенную часть этой программы.

Обязанность, возложенная программою на губернскіе комитеты, заключается: *въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ*, на основаніяхъ, указанныхъ въ высочайшихъ рескриптахъ, и въ *начертаніи общаго объ этомъ положенія.* При исполненіи этой задачи занятія комитетовъ раздѣляются на предварительныя и окончательныя.

Къ предварительнымъ занятіямъ относятся:

1. Собраніе свѣдѣній и, 2. Уѣздныя совѣщанія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ таковыя предназначены.

По выборѣ членовъ въ губернскій комитетъ порядкомъ, для этого предписаннымъ, губернскій предводитель дворянства, какъ предсѣдатель этого комитета, составляетъ одну общую программу, по которой должны быть собраны свѣдѣнія о всѣхъ дворянскихъ имѣніяхъ. Программы эти, напечатанныя въ потребномъ числѣ экземпляровъ, разсылаются черезъ уѣздныхъ предводителей во всѣ дворянскія имѣнія; а членамъ и кандидатамъ комитета поручается каждому въ опредѣленномъ для него участкѣ наблюсти, чтобы свѣдѣнія были составлены со всею вѣрностью и въ самый непродолжительный срокъ.

Мѣстныя обстоятельства каждой губерніи ближе всего укажутъ, какія именно свѣдѣнія будутъ нужны для работъ каждаго губернскаго кометета.

Полученныя свѣдѣнія соединяются въ одинъ общій сводъ по каждому уѣзду и въ томъ видѣ вносятся въ губернскій комитетъ.

Уѣздныя совѣщанія дѣлаются при самомъ выборѣ членовъ и касаются только способовъ исполненія основныхъ началъ, предначертанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, и указаній, содержащихся въ циркулярныхъ предписаніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, потребностями, промыслами и занятіями жителей уѣзда. Мнѣнія, на уѣздныхъ совѣщаніяхъ принятыя, представляются губернскому комитету.

Окончательныя занятія губернскихъ комитетовъ заключаются:

1. Въ составленіи общаго свода о настоящемъ положеніи дворянскихъ имѣній въ губерніи. Сводъ этотъ составляется изъ отдѣльныхъ сводовъ, которые будутъ представлены отъ каждаго уѣзда.

2. Въ составленіи общаго свода предметамъ, обратившимъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

3. Въ разсмотрѣніи и обсужденіи всѣхъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Предметы эти разсматриваются послѣдовательно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены ниже, и окончательное по каждому постановленіе вносится въ журналъ. Журналы эти составляются особою редакціонною комиссіею, о которой сказано будетъ ниже, и въ послѣдствіи, по мѣрѣ дальнѣйшихъ занятій комитета, могутъ быть измѣняемы; но о каждой подобной перемѣнѣ долженъ быть постановленъ журналъ съ подробнымъ объясненіемъ уваженій, вызвавшихъ перемѣну; и наконецъ

4. Въ начертаніи самаго проекта положенія. Трудъ этотъ поручается особой редакціонной комиссіи, составленной изъ трехъ и не болѣе четырехъ членовъ комитета.

Проектъ для удобнѣйшаго разсмотрѣнія и соображенія въ главномъ

комитетѣ, имѣетъ во всѣхъ губерніяхъ одну общую форму, съ раздѣленіемъ на главы, отдѣленія и параграфы.

Параграфы содержатъ точное и ясное изложеніе установленныхъ правилъ безъ всякихъ разсужденій и объясненій причинъ, побудившихъ принять то или другое положеніе.

Причины эти и уваженія, содержащіяся въ журналахъ, излагаются въ послѣдствіи въ особой запискѣ (подъ заглавіемъ: обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ) и присоединяются къ проекту въ видѣ особаго приложенія.

Всѣ работы, какъ предварительныя, такъ и окончательныя, продолжаются не болѣе шести мѣсяцевъ.

Самый проектъ положенія имѣетъ слѣдующую форму:

ПОЛОЖЕНІЕ

объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ NN губерніи.

I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные. II. Сущность срочно-обязаннаго положенія. III. Поземельныя права помѣщиковъ. IV. Усадебное устройство крестьянъ. V. Надѣлъ крестьянъ землею. VI. Повинности крестьянъ. VII. Устройство дворовыхъ людей. VIII. Образованіе сельскихъ обществъ. IX. Права и отношенія помѣщиковъ. X. Порядокъ и способы исполненія.

Глава I. *О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные.* Прекращеніе личнаго крѣпостного права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ. Дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ, лично и по имуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ. Исчисленіе этихъ правъ по своду законовъ. Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ *срочно-обязанными.*

Глава II. *Сущность срочно-обязаннаго положенія.* Оставленіе крестьянъ, временно, крѣпкими къ землѣ. Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами или селеніями. Дозволеніе перехода въ другія сословія отдѣльно лицу или семейству.

Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику. Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія (переходнаго состоянія), не зависящій отъ выкупа усадебъ.

Глава III. *Поземельныя права помѣщиковъ.* Неприкосновенность правъ собственности помѣщиковъ на всю землю. Хозяйственное устройство по усмотрѣнію. Право залога и продажи. Права помѣщика на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ его имѣнія, кромѣ выкупленныхъ усадебъ.

Глава IV. *Усадебное устройство крестьянъ.* Въ чемъ заключается усадьба: 1. Усадебныя строенія, и 2. Усадебныя земли. Оцѣнка усадьбы. Право крестьянъ на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность чрезъ выкупъ. Право крестьянъ пользованія ими до выкупа. Выкупъ усадебъ по утвержденной оцѣнкѣ *вдругъ* или *постепенно,* деньгами или работою. Удобнѣйшіе способы для выкупа усадебъ. Пользованіе потомственно усадьбою, съ платежомъ опредѣленныхъ процентовъ съ оцѣночной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества. Право продажи или передачи крестьянами усадебъ только однимъ членамъ сельскаго общества или помѣщику, съ согласія общества.

Глава V. *Надѣлъ въ пользованіе крестьянъ пахатною землею и другими угодьями.* Основаніе надѣла по душамъ, тягламъ или работникамъ. Наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ. Какія имѣнія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаются малоземельными, какія среднеземельными, и какія многоземельными. Опредѣленіе правъ крестьянскаго общества и членовъ его на пользованіе отведенною имъ землею. Право возведенія хозяйственныхъ строенія съ согласія общества и помѣщика. Случаи перемѣны нарѣзанныхъ крестьянамъ земель и правила, для этого постановляемыя.

Глава VI. *Повинности крестьянъ.* Раздѣленіе повинностей на двѣ категоріи: казенныя и помѣщичьи.

Отдѣленіе I. *Казенныя повинности.* Повинности денежныя. Повинности натуральныя. Способъ раскладки ихъ по душамъ, тягламъ, работникамъ или поземельнымъ участкамъ. Порядокъ взиманія. Обезпеченіе исправнаго выполненія круговою отвѣтственностью сельскаго общества.

Отдѣленіе II. *Повинности помѣщику.* Повинность денежная (оброкъ). Повинность натуральная (поденная работа). Размѣръ ихъ, основанный на цѣнности усадебъ, поземельныхъ угодій и промышленныхъ выгодъ мѣстности. Порядокъ отправленія повинностей. Опредѣленіе и введеніе урочныхъ работъ. Обезпеченіе исправности отправленія повинностей круговою отвѣтственностью сельскаго общества и мѣрами взысканія съ неисправныхъ. Служба крестьянъ, обреченныхъ попеченіямъ помѣщиковъ для разныхъ ремеслъ и хозяйственныхъ должностей. Степень вознагражденія ихъ за излишніе рабочіе дни и срокъ ихъ службы.

Глава VII: *Устройство дворовыхъ людей.*

Отдѣленіе I. *Дворовые люди, приписанные къ домамъ и капиталамъ.* Порядокъ обязательной ихъ службы. Жалованье и содержаніе ихъ. Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

Отдѣленіе II. *Дворовые люди, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ.* Дворовые люди, составляющіе домашнюю прислугу. Дворовые люди, должностные при помѣщичьемъ хозяйствѣ. Порядокъ обязательной службы тѣхъ и другихъ. Жалованье и содержаніе ихъ. Способы и правила перехода въ свободныя сословія. Причисленіе дворовыхъ, по возможности, къ сельскимъ обществамъ, съ надѣленіемъ въ такомъ случаѣ землею. Призрѣніе стариковъ, вдовъ и сиротъ изъ дворовыхъ людей вообще.

Глава VIII. *Образованіе сельскихъ обществъ.* Общества въ селахъ и деревняхъ разнопомѣстнаго владѣнія. Соединеніе мелкопомѣстныхъ селеній въ одно общество или причисленіе ихъ къ большимъ селеніямъ. Наименьшій составъ общества, опредѣляемый числомъ душъ или усадьбъ. Распредѣленіе поземельныхъ угодій между членами общества, разверстка казенныхъ и господскихъ повинностей. Полицейское устройство въ обществахъ. Общественное управленіе, составъ его и предметы занятій.

Глава IX. *Права и отношенія помѣщиковъ.* Присвоеніе помѣщику званія начальника общества. Права и отношенія его къ обществу: а) по сельскому благоустройству и порядку; б) по внутреннему управленію; в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами; г) по отправленію крестьянами повинностей; д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ.

Глава X. *Порядокъ и способы исполненія новаго положенія.*

(„Крестьянское дѣло“. Скребицкій. Т. I. стр. XXVI—XXX).

Программа эта была составлена Ростовцевымъ, раздѣлявшимъ еще въ это время мнѣнія сторонниковъ сохраненія помѣщичьей власти надъ крестьянами, и Позеномъ, бывшимъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ различныхъ учрежденій крѣпостного права.

Подобная программа вполнѣ соотвѣтствовала интересамъ партіи консервативной и партіи, желавшей освобожденія безъ земли, составлявшей большинство въ губернскихъ комитетахъ. Первая партія въ неопредѣленныхъ, но легко примѣнимыхъ къ ея воззрѣніямъ указаніяхъ программы находила точку опоры. Вторая имѣла возможность ссылаться, что программа предоставила комитетамъ выработать проекты „положенія" лишь на срочно-обязанный періодъ, а, слѣдовательно, и указаніе о надѣленіи крестьянъ землею распространяется лишь на это время, что, по ея толкованію, вполнѣ согласно также съ смысломъ рескрипта. Меньшинство же въ комитетахъ, не имѣя, по смыслу программы, возможности преслѣдовать свой идеалъ крестьянской реформы, состоявшій въ предоставленіи крестьянамъ земли въ полную собственность и совершенномъ освобожденіи ихъ отъ власти помѣщиковъ, обратило всѣ свои усилія на достиженіе двухъ цѣлей: надѣленіе крестьянъ землею въ постоянное пользованіе, въ такомъ размѣрѣ, который дѣйствительно обезпечивалъ бы ихъ бытъ, и сокращеніе вотчинной власти помѣщиковъ до возможнаго минимума. На этихъ пунктахъ и сосредоточилась, главнымъ образомъ, борьба между большинствомъ и меньшинствомъ. Впослѣдствіи, когда комитетамъ разрѣшено было заняться обсужденіемъ вопросовъ о предоставленіи крестьянамъ земли въ собственность и о способахъ, равно и размѣрахъ выкупа ея, эти вопросы увеличили собою серію предметовъ, изъ-за которыхъ происходила въ комитетахъ самая горячая борьба между большинствомъ и меньшинствомъ.

Пока комитеты работаютъ и готовятъ намъ матерьялъ для характеристики ихъ стремленій, посмотримъ, какое вліяніе произвели рескрипты на умы народа и провинціальное общество.

Мы съ умысломъ употребили такое общее выраженіе, какъ „вліяніе на умы народа", а не другое какое-либо болѣе точное, хотя бы, напримѣръ, сужденіе народа о рескриптахъ. Народъ не имѣлъ въ то время, да и въ настоящее время, за исключеніемъ развѣ гласныхъ въ земствѣ, не имѣетъ публичныхъ органовъ для выраженія своихъ мыслей и желаній. У него нѣтъ своихъ литературныхъ органовъ, „митинговъ"; коллективное „челомъ бить" воспрещено уложеніемъ о наказаніяхъ. О бесѣдахъ народа на сельскихъ сходкахъ газеты ничего не сообщали, кромѣ общаго мѣста, что „народъ ликуетъ". Поэтому, единственный матерьялъ для сужденія о настроеніи на-

рода вслѣдъ за объявленіемъ рескриптовъ представляютъ донесенія начальниковъ губерній.

Выше мы говорили уже, что толки о свободѣ, ожиданіе манифеста о ней были сильно распространены въ народѣ уже въ первое время по вступленіи Императора на престолъ. Ожиданіе это становилось все болѣе напряженнымъ. Въ концѣ 1857 года изъ многихъ губерній получались донесенія, что крестьяне ждутъ объявленія о свободѣ къ новому году. Такое ожиданіе едва ли не было общее по всей Россіи; церкви на новый годъ были особенно полны крестьянами, надѣявшимися услышать въ этотъ день чтеніе манифеста объ уничтоженіи крѣпостного состоянія. Губернаторы доносили, что между крестьянами началъ распространяться *опасный* слухъ, что помѣщики скрываютъ полученный будто бы указъ о свободѣ. Поэтому, министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ печатать рескрипты въ губернскихъ вѣдомостяхъ и распространять послѣднія въ народѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ начальникамъ губерній неутомимо возбуждать дворянства къ скорѣйшей подачѣ ходатайствъ, заявляя имъ взглядъ правительства, что не въ поспѣшности, какъ думаютъ помѣщики нѣкоторыхъ губерній, а въ медленности изъявленія желанія на открытіе дворянскихъ комитетовъ, заключается опасность.

Распоряженіе министра о печатаніи рескриптовъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ и разсылкѣ ихъ по селамъ было въ высшей степени цѣлесообразно. Благодаря этой мѣрѣ, разсѣялись неосновательныя ожиданія манифеста, въ крестьянахъ явилась увѣренность на скорое улучшеніе ихъ быта и, что всего важнѣе, прекратились слухи, что помѣщики скрываютъ указъ о свободѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стали исчезать и опасенія крестьянскихъ волненій, нарушеній общественнаго порядка. Отъ начальниковъ губерній начали поступать благопріятныя увѣдомленія. Такъ, одинъ изъ генералъ-губернаторовъ доносилъ: „я твердо убѣжденъ, что крестьяне, ожидая и предвидя измѣненіе своего положенія къ лучшему, никогда не посягнутъ на какія-либо преступныя дѣйствія". („Матеріалы для исторіи упраздн. крѣпостн. состоянія", т. I, гл. VI). Отъ другого полученъ былъ отзывъ, что „неблагонамѣренныя толки начинаютъ затихать, встревоженные умы видимо успокоиваются" (Ibid.). Донесенія же, полученныя въ половинѣ февраля, единогласно свидѣтельствовали, что полное спокойствіе между крестьянами ничѣмъ не нарушается. Начальникъ одной изъ губерній писалъ, что „помѣщичьи крестьяне тише и спокойнѣе, чѣмъ когда-либо" (Ibid.). Смыслъ этихъ донесеній совершенно ясенъ. Пока крестьяне не получили увѣренности, что бытъ ихъ будетъ улучшенъ, повсюду существовали опасенія смуты, но какъ

только были объявлены и распространены въ народѣ рескрипты, сейчасъ же водворилось спокойствіе.

Тѣмъ не менѣе, фракція петербургскаго правительства, враждебная реформѣ, не пренебрегала воспользоваться отдѣльными незначительными безпорядками, состоявшими большею частію въ неповиновеніи крестьянъ помѣщику, случавшемся въ разныхъ мѣстахъ и ограничившемся, за исключеніемъ двухъ случаевъ, предѣлами одного имѣнія. Составляя *преувеличенные* доклады о безпорядкахъ и называя ихъ волненіями крестьянъ, они силились доказать, вопреки очевидному смыслу губернаторскихъ донесеній, что эти „волненія“ суть слѣдствіе возбужденныхъ въ народѣ надеждъ на свободу и пророчествовали общую смуту, страшное потрясеніе государственнаго порядка если реформа будетъ осуществлена.

Для уничтоженія неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго этими секретными, невѣрно составленными сообщеніями, министръ внутреннихъ дѣлъ еженедѣльно докладывалъ Государю о всѣхъ случаяхъ безпорядковъ. Не ограничившись этимъ, онъ представилъ въ общемъ очеркѣ свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ неповиновенія помѣщичьихъ крестьянъ, со времени опубликованія мѣръ къ устройству крестьянскаго быта по іюль 1858 года. Какъ еженедѣльныя записки, такъ и общій очеркъ за семь мѣсяцевъ, были доложены не только Государю, но и доведены до свѣдѣнія главнаго комитета. Свѣдѣнія эти съ очевидною ясностью показали, что всѣ опасенія волненій и безпорядковъ не оправдались, что пущенные слухи о нихъ ложны; общественный порядокъ былъ сохраненъ, и сохраненъ благодаря именно данной народу увѣренности въ близкомъ улучшеніи его быта, что почти всѣ случаи неповиновенія ограничились предѣлами одного имѣнія или были легко возстановляемы безъ употребленія военной силы, что не было ни одного случая убійства помѣщиковъ ихъ крестьянами, тогда какъ въ предшествовавшіе годы число такихъ случаевъ обыкновенно простиралось среднимъ числомъ ежегодно до *тринадцати*. Этимъ способомъ у враговъ крестьянскаго дѣла было отнято одно изъ средствъ противодѣйствія—возбужденіе опасеній о сохраненіи общественнаго спокойствія.

Кто же, спрашивается, были дѣйствительные защитники сохраненія общественнаго порядка—сторонники или противники крестьянской реформы? Донесенія начальниковъ губерній даютъ на этотъ вопросъ очевидный отвѣтъ. Только крайнимъ ослѣпленіемъ, рутинерскою близорукостью охранительной партіи можно объяснить непониманіе ею того факта, что, противодѣйствуя реформѣ, она тѣмъ самымъ работала въ интересахъ смуты, а можетъ быть, и страшнаго потрясенія государства.

Нечего и говорить, что, рядомъ съ меньшинствомъ просвѣщеннаго и благороднаго дворянства, всѣ сословія встрѣтили рескрипты, какъ начало новой эры русской жизни. Надо читать газеты и журналы того времени, чтобы понять, какое оживленное общественное движеніе было вызвано рескриптомъ. Общество какъ бы проснулось послѣ долгаго сна. Настроеніе его поднялось до уровня великаго значенія переживаемой эпохи. Выдвинулась обличительная литература, имѣвшая въ это время въ полномъ смыслѣ слова значеніе органа общественнаго покаянія. Среди энтузіазма минуты въ обществѣ явилась, поистинѣ, жажда къ водворенію справедливыхъ общественныхъ учрежденій, а также стремленіе къ нравственному очищенію и самоусовершенствованію. То былъ торжественный, восторженный національный порывъ, когда Императоръ, народъ, духовенство, купечество и интеллигентныя силы общества соединились въ дружномъ ожиданіи близкаго и радостнаго будущаго.

Провинція ожила. Толки и сужденія о разрѣшаемомъ вопросѣ не ограничивались стѣнами комитетовъ; ими было занято не только все, безъ исключенія, сословіе землевладѣльцевъ, но и лица, не имѣвшія поземельной собственности изъ всѣхъ вообще сословій.

„И въ роскошныхъ палатахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, говорится въ одной изъ газетъ того времени („Сѣверная Пчела“, 1860 г. № 1-й):—и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ—вездѣ слышались одни разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ. Люди, прежде никогда ничего не читавшіе, начали учиться, начали слѣдить за литературой. Въ два послѣднія года (1858 и 1859) провинція росла не по днямъ, а по часамъ: взгляды ея расширились и прояснились. Въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, водкѣ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки, журналы и газеты. Вездѣ и повсюду люди развивались, выходили изъ темныхъ норъ апатіи и невѣжества. Долго жившіе въ провинціяхъ и оставившіе ихъ года три-четыре до этого времени, глазамъ и ушамъ своимъ не вѣрятъ, глядя на обновленную, и переродившуюся свою родину. Вездѣ пробудилась и воспрянула умственная дѣятельность, и проснувшаяся русская земля внимательно всматривается въ условія своей жизни. Вотъ какіе результаты уже принесъ крестьянскій вопросъ, даже до своего окончательнаго разрѣшенія...“

Надо читать „внутреннія обозрѣнія“ тогдашнихъ журналовъ чтобы понять то одушевленіе, ту лихорадочную дѣятельность, тѣ свѣтлыя надежды на быстрый ходъ Россіи, какими было проникнуто современное общество. Вотъ, напримѣръ, какъ заканчиваетъ декабрь-

ская книжка „Библіотеки для чтенія“ обозрѣніе 1858 года: „Неизгладимыми буквами запишется этотъ годъ въ страницахъ русской хроники, и потомки наши будутъ говорить о немъ, какъ объ началѣ обновленія, преобразованія и явнаго стремленія впередъ. Никто не забудетъ, что незадолго до начала этого года произнесено Государемъ слово объ освобожденіи крестьянъ, великое слово, долженствующее принести великіе плоды и поставить Россію на степень разумно-свободнаго государства. Мы видѣли, съ какимъ рвѣніемъ занялись всѣ осуществленіемъ мысли правительства; мы видѣли, какъ люди добра и науки стремились каждый принести свою часть для общаго блага. Конечно, находились, и въ большомъ количествѣ, приверженцы старины, закоренѣлые рутинеры, но они скоро умолкли, не потому, что они сознали всю неосновательность и противуестественность своихъ сужденій, но потому, что имъ совѣстно стало стоять противъ общаго настроенія умовъ, и потому, что они поняли, что время ихъ прошло и совладать съ новыми убѣжденіями невозможно.

„Крестьянскій вопросъ, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ на первомъ мѣстѣ между всѣми вопросами, занимавшими русское общество въ этомъ году. Будто пробужденныя имъ, закипѣли и другія отрасли нашей дѣятельности. Между ними главную роль играла дѣятельность торговая и промышленная. До тѣхъ поръ тихая, проявляющаяся въ обыкновенныхъ формахъ купеческой покупки и продажи, она вдругъ охватила всю Россію, громадные капиталы пришли въ движеніе, сотни проектовъ стали появляться одинъ за другимъ...

„Быстро шло также наше умственное развитіе; ученая литература обогатилась многими замѣчательными статьями, имѣвшими большею частью интересъ практическій и современный; въ этомъ случаѣ, главнымъ органомъ гласности служилъ „Русскій Вѣстникъ“, которому всѣ мы должны принести полную и совершенную благодарность...

„Если-бъ мы хотѣли сдѣлать перечень всего того, что сдѣлано въ 1858 году, то долго бы не кончили. Поэтому, разставаясь съ читателями до будущаго года, желаемъ имъ не отставать отъ общаго движенія и надѣемся, что въ насъ всѣхъ уже не умолкнетъ пробудившійся голосъ правды и добра, и что никто изъ насъ уже не положитъ знамени съ прекраснымъ девизомъ: впередъ! впередъ!“

Таково всепроникающее, животворное значеніе осуществленія реформъ, вызванныхъ назрѣвшими условіями жизни; таково благотворное вліяніе привлеченія общества къ участію въ общественныхъ дѣлахъ! Устраненное же отъ нихъ, оно засыпаетъ въ бездѣйствіи, впадаетъ въ апатію, силы его не только пропадаютъ даромъ, но и

мельчають, что отражается на всѣхъ сторонахъ жизни: семейной, умственной, нравственной, экономической; словомъ, бюрократизмъ и ограниченія дѣятельности общества узкою сферою домашнихъ интересовъ неизбѣжно ведутъ за собою измельчаніе и опошленіе его. И кто говоритъ, что *самодѣятельность* общества и народа является полезною лишь по достиженіи націею значительнаго развитія цивилизаціи, тотъ или умышленно обманываетъ, или совсѣмъ не знаетъ исторіи.

Губернскіе комитеты представляли общественные органы для работъ по устройству крестьянскаго быта. Рядомъ съ нимъ были образованы первоначально два правительственныя учрежденія. 8-го января 1858 года состоялось высочайшее повелѣніе о преобразованіи прежняго (секретнаго) комитета въ *главный комитетъ по крестьянскому дѣлу* въ томъ же составѣ членовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ графа Панина и съ назначеніемъ въ помощники государственному секретарю Буткову исправлявшаго должность статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго. Въ указѣ сената, коимъ обнародовано это распоряженіе, сказано: „Государь Императоръ, въ 8-й день января 1858 года, высочайше соизволилъ учредить, въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи и подъ своимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи“.

Спустя четыре мѣсяца, при главномъ комитетѣ была учреждена особая комиссія для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ. Въ составъ ея вошли министры Ланской и Муравьевъ, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ и графъ Панинъ; управленіе дѣлами возложено на С. М. Жуковскаго. Комиссіи предоставлено было право приглашать въ свои засѣданія членовъ, командированныхъ губернскими комитетами, и требовать отъ нихъ всѣ необходимыя для комиссіи свѣдѣнія, объясненія и мнѣнія. Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ губернскимъ комитетамъ, что имъ высочайше предоставлено, по составленіи проекта, избрать, по своему усмотрѣнію, и прислать въ Петербургъ двухъ членовъ для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта. Изъ этой комиссіи развились, спустя семь мѣсяцевъ, редакціонныя комиссіи, но съ большими полномочіями, другимъ составомъ и инымъ направленіемъ.

4-го марта открытъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *Земскій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета*, подъ предсѣдатель-

ствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина, изъ непремѣннаго члена Я. А. Соловьева, Н. А. Милютина (бывшаго тогда директоромъ хозяйственнаго департамента), свиты генералъ-майора Исакова и графа Бобринскаго. Два послѣдніе, получивъ вскорѣ другое назначеніе, оставили земскій отдѣлъ. Земскій отдѣлъ назначенъ былъ для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ имперіи; сюда же поступили на предварительное разсмотрѣніе проекты губернскихъ комитетовъ.

Открытіе его было чрезвычайно важно, именно вслѣдствіе назначенія туда Милютина и Соловьева, занимающихъ безспорно видное мѣсто въ числѣ немногихъ правительственныхъ дѣятелей, обнаружившихъ умъ и преданность дѣлу крестьянской реформы. Милютинъ и Соловьевъ съ начала и до конца стояли за разрѣшеніе крестьянскаго дѣла въ томъ видѣ, какъ оно было выработано редакціонными комиссіями. Оба эти въ полномъ смыслѣ слова государственные дѣятели много способствовали тому историческому значенію, которое пріобрѣло министерство Ланского въ дѣлѣ крестьянской реформы; съ открытіемъ же земскаго отдѣла, эти лица, такъ сказать офиціально становились у самаго источника, благодаря чему вліяніе ихъ на ходъ крестьянскаго дѣла сдѣлалось еще болѣе значительнымъ. Комитетскія положенія, тотчасъ по составленіи, вмѣстѣ съ отзывами начальниковъ губерній, поступали въ министерство внутреннихъ дѣлъ на предварительное разсмотрѣніе земскаго отдѣла; такимъ образомъ, члены его ближе всѣхъ могли слѣдить за ходомъ предпринятой реформы. Они энергично пользовались удобствомъ своего положенія и кромѣ своихъ заключеній о томъ, дѣйствительно ли проектъ того или другого губернскаго комитета улучшаетъ бытъ крестьянъ, какъ того требуютъ рескрипты, поддерживали также убѣдительными записками всѣ прогрессивныя стремленія меньшинства въ комитетахъ, идущія далѣе началъ, изложенныхъ въ рескриптахъ. Въ то же время земскій отдѣлъ доставлялъ министру внутреннихъ дѣлъ фактическія данныя для борьбы съ охранительной партіей.

Чтобы уяснить значеніе правительственныхъ распоряженій и намѣреній по крестьянскому дѣлу, слѣдовавшихъ за открытіемъ главнаго комитета и земскаго отдѣла, необходимо коснуться, насколько при настоящихъ условіяхъ это возможно, махинацій охранительной партіи изъ среды высшаго петербургскаго чиновничества, предпринятыхъ ею вслѣдъ за первыми рескриптами. „Хотя не совсѣмъ сознательно, говоритъ авторитетный современникъ Я. А. Соловьевъ: — но представители охранительной помѣщичьей партіи начали стре-

миться къ осуществленію какъ бы напередъ составленнаго плана. Цѣлями стремленія были: или совершенное оставленіе дѣла, или, если уже этого нельзя, то *безземельное* освобожденіе крестьянъ съ полученіемъ вознагражденія за личную свободу крѣпостныхъ людей. Средствомъ къ достиженію цѣлей была принята система застращиванія волненіями крестьянъ, демократическою революціей, общимъ экономическимъ потрясеніемъ государства. Кромѣ того, всѣ усилія напрягались къ тому, чтобы оттѣснить отъ крестьянскаго дѣла всѣхъ людей, сочувствовавшихъ освобожденію. Ко всему этому присоединилась безпощадная критика тѣхъ началъ и въ особенности тѣхъ министерскихъ соображеній, которыя были сообщены виленскому генералъ-губернатору въ дополнительномъ къ рескрипту отношеніи... Центры охранительной партіи показывали, что имъ удалось убѣдить въ „*непрактичности*"—любимое выраженіе *М. Н. Муравьева*—„сдѣланныхъ по виленскому генералъ-губернаторству распоряженій". („Русская Старина". Февраль 1880 г.). Вліяніе этой агитаціи вскорѣ обнаружилось въ данной губернскимъ комитетамъ „программѣ" занятій. Составленная, какъ мы видѣли, въ весьма неопредѣленныхъ указаніяхъ, она открывала широкій просторъ толкованіямъ ея въ пользу помѣщичьихъ интересовъ. Изъ нея легко можно было вывести и лишеніе крестьянъ земли по истеченіи „срочно-обязаннаго" періода, и выкупъ личности крѣпостныхъ людей, и столь широкія вотчинныя права и полицію помѣщиковъ, при которыхъ зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ сохранилась бы въ очень значительной степени.

Чтобы придать болѣе значенія застращиваніямъ волненіями крестьянъ, охранители настаивали на необходимости сильныхъ военно-полицейскихъ мѣръ. Съ этою цѣлью состоялись въ главномъ комитетѣ предположенія о раздѣленіи всей Россіи на нѣсколько генералъ-губернаторствъ, съ назначеніемъ въ оныя довѣренныхъ лицъ съ большими полномочіями. Говорили уже объ избранныхъ генералъ-губернаторахъ. Но слухъ объ этомъ распоряженіи сильно волновалъ общественное мнѣніе, неудовольствіе выражалось очень громко, и нѣсколько статей въ этомъ смыслѣ появилось въ иностранныхъ журналахъ, между прочимъ въ русскихъ корреспонденціяхъ „Le Nord". Другое предположеніе главнаго комитета, того же характера, относилось къ устройству военнаго уѣзднаго управленія и военной полиціи, которыя предполагалось сосредоточить въ рукахъ уѣзднаго начальника, преимущественно изъ военныхъ. Уѣздныхъ начальниковъ предполагалось облечь такою обширною властью, что имъ дали въ обществѣ очень мѣткое названіе „уѣздныхъ губернаторовъ". Такимъ образомъ предполагалось покрыть всю Россію

желѣзною сѣтью военной власти, среди которой долженствовало совершиться освобожденіе крестьянъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ непрестанно вело, особенно по земскому отдѣлу, упорную борьбу противъ препятствій къ свободному и правильному развитію дѣла, выставленныхъ противниками освобожденія. Оно было совершенно одно и должно было вести борьбу съ сильными врагами, не пренебрегавшими никакими средствами для нападеній на министерство. Министерство, со своей стороны, не ограничивалось разрушеніемъ козней враговъ крестьянскаго дѣла; оно употребляло всѣ усилія, чтобы вывести дѣло на прежнюю дорогу, а потомъ и показать путь къ дальнѣйшему его развитію. Бѣглый очеркъ дѣятельности министерства за это время покажетъ намъ заслуги его въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Разославъ губернаторамъ предположенія главнаго комитета о военной уѣздной полиціи, оно просило ихъ прислать возможно скорѣе отзывы объ этой мѣрѣ. Губернаторы знали неблагопріятный взглядъ министра на эту мѣру и при томъ они не могли сочувствовать проекту, уменьшающему ихъ власть и значеніе. А потому можно себѣ представить, какъ единодушно и энергично возстали они противъ такого проекта—и на этотъ разъ были правы. Отзывы губернаторовъ были представлены министромъ Государю. Вмѣстѣ съ тѣмъ для противодѣйствія умышленно распространяемымъ ложнымъ слухамъ и секретнымъ, невѣрно составленнымъ, крайне преувеличеннымъ докладамъ о неповиновеніи крестьянъ, министръ, какъ мы уже говорили, еженедѣльно докладывалъ Государю о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а спустя нѣкоторое время представилъ общій очеркъ ихъ.

Но заслуга министерства заключается не въ одномъ разъясненіи истины, но и въ мѣрахъ, принятыхъ къ успокоенію народа. Возражая на требованія строгихъ полицейскихъ мѣръ, учрежденія генералъ-губернаторствъ и самовластной должности уѣзднаго начальника, окруженнаго военно-полицейскими чинами, министръ настаивалъ на опубликованіи въ губернскихъ вѣдомостяхъ рескриптовъ и распространеніи ихъ въ народѣ, указывая на эту мѣру, какъ на средство сохранить общественный порядокъ. Ему со всѣхъ сторонъ говорили, что нужно дѣйствовать постепенно, осторожно, не торопиться, а онъ своими предписаніями—согласно волѣ Государя Императора—торопилъ дворянство къ скорѣйшему представленію адресовъ, поставляя предводителямъ на видъ, что не отъ поспѣшности, а отъ медленности въ изъявленіи согласія дворянъ на освобожденіе крестьянъ можно ожидать пагубныхъ послѣдствій.

Но, несмотря на послѣдовавшую подачу дворянствомъ всѣхъ гу-

берній требуемыхъ адресовъ и сохраненіе спокойствія въ народѣ, въ ожиданіи обѣщанной ему свободы, реакціонная партія все еще не теряла надежды ниспровергнуть дѣло. Въ средѣ ея была составлена записка, наполненная искаженными статистическими данными и невѣрными историческими фактами, посредствомъ которыхъ хотѣли доказать, что предпринятое преобразованіе опасно для государства, и что въ немъ „таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи“. Въ запискѣ, между прочимъ, доказывалось также, что производительность земли до того уменьшится, что отпускъ хлѣба за-границу вовсе прекратится, а внутри Россіи не будетъ доставать хлѣба для внутренняго потребленія. Въ заключеніе записка совѣтуетъ, „какъ можно болѣе замедлить ходъ дѣла, и, вмѣсто прочнаго устройства быта крестьянъ, приготовить только свѣдѣнія для инвентарей“. Записка эта шефомъ жандармовъ была представлена Государю и, по высочайшему повелѣнію, была передана министру внутреннихъ дѣлъ для внесенія ея на обсужденіе главнаго комитета. „Представленная записка, говоритъ Я. А. Соловьевъ („Русская Старина“. 1880, февраль):—не могла выдержать серьёзной критики; но при той обстановкѣ, при которой она поступила въ министерство внутреннихъ дѣлъ, пренебрегать ею было нельзя; тѣмъ болѣе, что требовалось также заключеніе и отъ министра государственныхъ имуществъ, одного изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ предпринятаго преобразованія“. Въ составленномъ земскимъ отдѣломъ подробномъ разборѣ препровожденной записки, опровергнуты были всѣ приведенныя въ ней данныя, примѣры и факты. При полученіи въ главномъ комитетѣ представленій Ланского, дѣло это было оставлено безъ всякихъ послѣдствій.

Министерство, направляя, черезъ посредство земскаго отдѣла, комитетскія занятія, не только зорко слѣдило за уклоненіями отъ обнародованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта, но пошло далѣе въ развитіи этихъ началъ.

Земскій отдѣлъ въ своихъ работахъ былъ всегда солидаренъ съ благородными стремленіями меньшинствъ въ комитетахъ и лучшихъ органовъ литературы. Онъ упорно боролся съ попытками къ установленію особаго вознагражденія помѣщиковъ за потерю крѣпостного права на людей. Онъ доказывалъ необходимость сохраненія за крестьянами всего количества земли, которымъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Имъ непрестанно высказывалось, какъ основное положеніе, что вмѣстѣ съ сохраненіемъ „существующаго надѣла“, повинности должны быть уменьшены: безъ этого не можетъ послѣдовать „улучшеніе быта крестьянъ“. Пользуясь ходатайствомъ нѣсколькихъ губернскихъ комитетовъ и все болѣе распространяю

щимся взглядомъ о необходимости выкупа не одной усадебной, но вообще всей земли, онъ приготовилъ обстоятельную записку о громадной важности разрѣшенія реформы въ этомъ смыслѣ, почему и предлагалъ предложить губернскимъ комитетамъ обсудить этотъ вопросъ.

Таковъ характеръ дѣятельности земскаго отдѣла. Совершенно обратное представляетъ направленіе работъ главнаго комитета. Вплоть до осени 1858 года, когда стремленія меньшинствъ въ губернскихъ комитетахъ и литературы оказали уже въ значительной степени вліяніе на расширеніе и проясненіе пониманія о правильномъ и безопасномъ исходѣ крестьянской реформы не только въ общественной, но и въ правительственной средѣ — работы комитета были проникнуты духомъ крѣпостныхъ порядковъ. Останавливаться на этихъ работахъ нѣтъ надобности, такъ какъ, во-первыхъ, ни одно изъ существенныхъ предположеній комитета за это время не было проведено въ жизнь, и во-вторыхъ, касаясь почти исключительно вопросовъ административной организаціи, они имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ крестьянскому дѣлу въ тѣсномъ смыслѣ слова. Единственное существенное предположеніе комитета, которое, хотя также отвергнутое впослѣдствіи редакціонными комиссіями, но, будучи разослано губернскимъ комитетамъ, осталось не безъ вліянія на ихъ работы, относилось къ устройству крестьянскаго управленія. По этому предложенію, крестьянское управленіе должно было состоять изъ двухъ инстанцій: сельскаго общества и волости. Каждое помѣщичье имѣніе долженствовало составить сельское общество, начальникомъ котораго являлся владѣлецъ имѣнія. Нѣсколько имѣній или сельскихъ обществъ имѣли образовать волость, въ размѣрѣ до десяти тысячъ и болѣе ревизскихъ душъ. Во главѣ волости предназначался начальникъ, избираемый помѣщиками имѣній, входящихъ въ составъ волости, изъ среды себя. За начальникомъ сельскаго и волостного общества сохранялось значительное число правъ, которыми пользовались помѣщики при крѣпостномъ состояніи; за ними сохранялось даже право, въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: за грубость, безчинство, пьянство и т. п., подвергать крестьянъ наказанію до десяти ударовъ розгами и трехдневному содержанію подъ арестомъ.

Чувствительный ударъ надеждамъ реакціонеровъ остановить преобразованіе былъ нанесенъ лѣтнимъ путешествіемъ Государя по Россіи. Путешествіе это, первое послѣ вступленія на престолъ, было весьма торжественно и разсѣяло ходившіе въ провинціяхъ слухи о реакціонерномъ поворотѣ начатаго дѣла. Въ первый разъ, послѣ войны и объявленія рескриптовъ, Императоръ сталъ лицомъ къ

лицу съ своимъ дворянствомъ. Давно уже на Руси утратился обычай бесѣды Государей съ сословіями объ общихъ народныхъ интересахъ. Но теперь минута была слишкомъ торжественна, задуманное дѣло слишкомъ серьезно, необходимо было высказаться, еще разъ заявить всенародно волю Императора и тѣмъ разсѣять ложные слухи и надежды на благопріятный для помѣщиковъ поворотъ дѣла. Для характеристики высочайшихъ обращеній къ дворянствамъ, достаточно привести рѣчи Государя сказанныя тверскому, нижегородскому и московскому дворянствамъ.

„Господа! обратился Государь къ тверскому дворянству: — Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало Мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны, при составленіи ополченія, и Мнѣ понятны жертвы дворянъ. Теперь Я поручилъ вамъ дѣло, важное для Меня и для васъ—дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое довѣріе. Лицамъ, изъ вашей среды избраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ; обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобы было безобидно для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ Моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе Мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ; поэтому Я увѣренъ, что вы будете стараться устроить ихъ такъ, чтобы было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы Меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положеніе комитетовъ поступитъ, черезъ министровъ, на Мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя, наша цѣль одна—общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете Мои ожиданія и Мое къ вамъ довѣріе—убѣжденъ, что вы Мнѣ будете содѣйствовать, но не препятствовать“. (Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія. Т. I. Гл. VIII).

Подобная же рѣчь была сказана Императоромъ въ Нижнемъ Новгородѣ, куда онъ прибылъ во время ярмарки и огромнаго стеченія народа, который въ теченіе четырехъ дней пребыванія Государя въ городѣ не переставалъ окружать его и сопровождать восторженными криками. Но въ словахъ, обращенныхъ къ нижегородскому дворян-

ству, въ первый разъ слышится упрекъ и побужденіе къ болѣе согласному и дружному дѣйствію губернскаго комитета. Основаніемъ къ этому послужили словесныя оскорбленія, наносимыя изъ среды защитниковъ помѣщичьихъ интересовъ (во главѣ которыхъ находился богатый помѣщикъ и долго бывшій губернскимъ предводителемъ С. В. Шереметевъ) либеральному меньшинству, въ которомъ, между прочимъ, энергично дѣйствовалъ А. Н. Карамзинъ, сынъ исторіографа и въ свое время защитника крѣпостного права.

„Я слышу съ сожалѣніемъ, сказалъ Государь:—что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль; устраните ихъ; Я надѣюсь на васъ; надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ и тогда общее дѣло это пойдетъ" (Ibid.).

Въ Москву Государь прибылъ 25-го августа. 31-го числа Государь принялъ дворянство и въ слѣдующихъ горькихъ словахъ выразилъ ему неудовольствіе за поздній отзывъ на царскій призывъ къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ. „Мнѣ, господа, пріятно, когда Я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и, къ сожалѣнію, благодарить теперь васъ Я не могу. Вы помните, когда Я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я долго думалъ, и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній, даны Мною рескрипты, Я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется; но отозвалось нижегородское, а Московская губернія—не первая, не не вторая, даже не третья. Это Мнѣ было прискорбно, потому что Я горжусь тѣмъ, что я родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда я былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю. Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ; но вы, для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ, что могу, дайте же Мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышу, что комитетъ много уже сдѣлалъ, Я читалъ извлеченіе изъ его занятій, многое Мнѣ кажется хорошо; одно Я замѣтилъ, что написано объ усадьбѣ. Я подъ усадебной осѣдлостью понимаю не одно строеніе, но и всю усадебную землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы Я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете Мою къ вамъ довѣренность" (Ibid.).

Это знаменательное путешествіе Государя по Россіи, рѣчи, сказанныя имъ дворянствамъ, имѣли огромный отголосокъ по всей Россіи. Реакціонная партія, до сихъ поръ не терявшая надежды остановить преобразованіе сельскаго быта, поняла, что разсчеты ея на это разрушены. Отнынѣ она вступаетъ въ новую фазу агитаціи. Цѣлями стремленій ея становится: подавить распространяющуюся въ обществѣ болѣе и болѣе мысль о выкупѣ крестьянской земли въ собственность, удержать въ возможно большихъ размѣрахъ вотчинную власть помѣщиковъ и выгородить дворянство, какъ привилегированное сословіе, отъ прочихъ классовъ чрезъ расширеніе его политическихъ правъ, вѣнцомъ которыхъ должна быть дворянская государственная дума, члены которой выбираются дворянскими собраніями изъ крупныхъ землевладѣльцовъ. Въ это же время усиливается значеніе тѣхъ изъ немногихъ лицъ высшаго правительства, которые сочувствовали преобразованію. Подъ давленіемъ все рѣшительнѣе высказывающейся воли Императора, и подъ давленіемъ все болѣе усиливающагося движенія въ обществѣ, нетерпѣливо ожидающаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ смыслѣ совершеннаго освобожденія и съ землею, измѣняется, съ осени 1858 года, и направленіе работъ въ главномъ комитетѣ. Но прежде изложенія этихъ работъ, необходимо остановиться на дѣятельности одного изъ членовъ главнаго комитета—Я. И. Ростовцева, всеподданнѣйшія письма котораго были положены въ основу ближайшихъ работъ главнаго комитета, и который съ этого времени начинаетъ играть видную роль въ крестьянской реформѣ.

Генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, будучи членомъ секретнаго крестьянскаго комитета, просилъ Государя объ увольненіи его изъ комитета, такъ какъ онъ совершенно незнакомъ съ крестьянскимъ бытомъ и никогда не занимался вопросомъ освобожденія крестьянъ. Въ просьбѣ ему было отказано. Оставшись въ комитетѣ, Ростовцевъ усердно изучалъ иностранную литературу и русскія рукописныя записки, а потомъ и печатныя статьи по освобожденію крестьянъ. По натурѣ пылкій и не утратившій добрыхъ чувствъ, онъ вскорѣ пристрастился къ дѣлу и до самой смерти горячо преслѣдовалъ освобожденіе крестьянъ съ землею. Ростовцевъ внимательно слѣдилъ за русской литературой, слушалъ совѣты и мнѣнія своихъ просвѣщенныхъ сотрудниковъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ и, благодаря этому, взгляды его на крестьянскую реформу постоянно совершенствовались, а во время его дѣятельности, въ качествѣ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, стояли уже на уровнѣ воззрѣній просвѣщенной части общества.

Лѣто 1858 года Ростовцевъ жилъ за-границею на водахъ и на-

писалъ оттуда Государю четыре письма; всѣ они относятся къ крестьянскому дѣлу и дышатъ живѣйшимъ къ нему участіемъ. Выписки самыхъ существенныхъ мѣстъ изъ писемъ покажутъ намъ тогдашній взглядъ Ростовцева на дѣло и значеніе этихъ писемъ въ ближайшихъ работахъ главнаго комитета.

„Познакомившись съ заграничными способами устройства крестьянъ, пишетъ Ростовцевъ въ первомъ письмѣ:—я убѣдился, что ни одинъ изъ нихъ для Россіи не годится. Здѣсь заботятся не объ освобожденіи крестьянъ, а о надѣленіи ихъ поземельною собственностью. Россіи же предлежитъ двѣ задачи: первая—собственно освобожденіе крестьянъ, вторая—надѣленіе ихъ землею.

„Надѣленіе крестьянъ землею нынѣ же, и Вы, Государь, и комитетъ признали невозможнымъ, ибо выкупъ у помѣщиковъ обошелся бы правительству отъ 1½ до 2-хъ милліардовъ рублей. У правительства нѣтъ и малой части такихъ баснословныхъ богатствъ, а выпускъ облигацій и заемъ произвелъ бы въ Россіи финансовую революцію, какъ во Франціи. Вслѣдствіе сего было рѣшено озаботиться исполненіемъ только первой задачи (освобожденія крестьянъ), предоставивъ развитію историческому разрѣшить вторую, на основаніи опыта, а не утопій, и тѣмъ не погубить Россіи. На вызовъ Вашего Императорскаго Величества петербургское дворянство отвѣчало легкимъ инвентаремъ, въ родѣ губерній, отъ Польши возвращенныхъ, а литовскія губерніи прислали съ своимъ генералъ-губернаторомъ адресъ объ освобожденіи крестьянъ *только* съ сельскими орудіями.

„Комитетъ положилъ и Ваше Величество утвердили: по невозможности освободить крестьянъ съ землею, ни безъ земли, оставить имъ, при освобожденіи, дома ихъ, огороды и ихъ пашни въ *постоянное пользованіе*. Затѣмъ личная свобода должна дать крестьянину свободу труда, какъ источникъ дальнѣйшаго духовнаго развитія и улучшенія матеріальнаго.

„Сверхъ того, надобно включить въ освобожденіе крестьянъ и такіе элементы, которые постоянно, въ историческомъ развитіи, усиливали бы возможность для крестьянъ дѣлаться поземельными собственниками безъ потрясенія государства, безъ посредничества огромныхъ капиталовъ правительства, которыхъ оно не имѣетъ и никогда имѣть не будетъ, и безъ нарушеній правъ дворянъ-помѣщиковъ".

Въ запискѣ, приложенной къ письму, указывались слѣдующія главныя начала въ дополненіе къ прежнимъ мѣрамъ правительства, на объясненіе которыхъ въ комитетѣ Ростовцевъ просилъ у Государя разрѣшенія:

1) Покупку дворянскихъ населенныхъ имѣній предоставить

всѣмъ сословіямъ, даже вольнымъ крестьянамъ, но съ тѣмъ, чтобы при самой покупкѣ имѣнія, крестьяне, водворенные въ немъ, получали въ собственность, на взаимныхъ полюбовныхъ условіяхъ, и усадьбы съ огородами, гдѣ живутъ, и землю которую для себя обрабатываютъ;

2) предоставить дворянамъ-помѣщикамъ заключать всякія условія съ ихъ крестьянами насчетъ ихъ земли;

3) для предупрежденія возмущеній и безпорядковъ, новое положеніе обнародовать съ предисловіемъ, въ которомъ, сказать, что оно, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ недостатки, а потому, еслибы въ примѣненіи Положенія на мѣстѣ встрѣтились какія либо неудобства, то есть, еслибы состояніе крестьянина въ повинностяхъ его, какъ личныхъ, такъ и денежныхъ, не улучшилось противу прежняго, то мірской общинѣ представляется входить о томъ съ жалобой прямо къ начальнику губерніи, который передастъ ее для разсмотрѣнія въ губернскую или уѣздную расправу [1]).

4) поставить губернскимъ комитетамъ въ обязанность объяснять въ своихъ проектахъ, въ чемъ именно они улучшаютъ бытъ крестьянъ.

5) при разсмотрѣніи этихъ проектовъ имѣть въ виду, чтобы бытъ крестьянъ дѣйствительно былъ улучшенъ, барщина облегчена, опредѣлены способы довольства крестьянъ лѣсомъ;

6) чтобы до введенія новаго положенія новыя необходимыя власти были уже устроены на мѣстѣ. (Матер. д. упраздн. крѣпост. права. Т. I. гл. X. и „Крестьян. дѣло“, Скреб. Прилож. къ 1-му т. стр. 908—925).

Во второмъ письмѣ Ростовцевъ говоритъ объ условіяхъ, необходимыхъ для успѣха обнародованія новаго положенія. Такими необходимыми условіями онъ считаетъ слѣдующія три:

1) Чтобы крестьянинъ, по изданіи Положенія, немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшился;

2) чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены;

3) чтобы мѣстныя власти ни на минуту не колебались.

„Для сего необходимо, пишетъ онъ: — чтобы патріархальная власть помѣщика, державшая доселѣ въ спокойствіи всю Россію, но при новомъ порядкѣ вещей уже невозможная, замѣнилась другою надежною властью, т. е. совокупными дѣйствіями міра, помѣщика и правительства; чтобы достоинство помѣщика было въ глазахъ кре-

---

[1]) Редакц. ком. дали этимъ учрежденіямъ названіе губернскихъ и уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ.

стьянъ возвышено, чтобы всѣ отношенія крестьянъ и къ помѣщику, и къ мѣстному начальству, и между собою были опредѣлены и опредѣлены точно“ (Ibid).

Для разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ онъ предлагаетъ, чтобы кромѣ двухъ депутатовъ отъ каждаго комитета, были назначены въ комиссію главнаго комитета постоянные члены изъ знающихъ помѣщиковъ отъ всѣхъ губерній. Это предположеніе о привлеченіи къ дѣлу опытныхъ помѣщиковъ осуществилось при учрежденіи редакціонныхъ комиссій и оказало, какъ увидимъ, важное и благотворное вліяніе на исходъ крестьянской реформы.

Третье письмо входитъ въ разныя подробности будущаго Положенія о крестьянахъ. Вотъ его начало и нѣкоторыя мѣста, особенно обращающія на себя вниманіе:

„Съ молитвою и любовью изложилъ я все, что имѣю счастье при семъ Вашему Величеству представить. Чрезвычайно трудно интересы двухъ сословій поставить въ равновѣсіе, безъ столкновеній. Это самая важная задача въ нашемъ дѣлѣ. Не знаю, до какой степени Богъ сподобилъ меня успѣть въ этомъ... Но это только канва, требующая развитія. Надобно быть чрезвычайно осторожнымъ въ изложеніи подробностей. Главную осмотрительность слѣдуетъ соблюсти въ постановленіяхъ для мірской общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра. И то и другое каждая община опредѣлитъ сама лучше всякихъ законодательныхъ теорій. О наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать — это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастью, не употребляются“. За симъ слѣдуетъ рядъ предположеній. При опредѣленіи личныхъ правъ крестьянъ и крестьянскаго управленія сказано: какъ гражданинъ, крестьянинъ долженъ имѣть права, равныя правамъ всѣхъ свободныхъ податныхъ сословій.

Община управляется міромъ. Мірской староста назначается помѣщикомъ изъ 2-хъ избранныхъ кандидатовъ.

Такимъ образомъ, мѣстная власть надъ личностью крестьянина и надъ хозяйственнымъ и домашнимъ его бытомъ сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ.

Дѣйствія міра троякія:

1) Совѣщательныя, общимъ собраніемъ міра.

2) Судебныя, посредствомъ избранныхъ добросовѣстныхъ.

3) Исполнительныя, посредствомъ избраннаго старосты и его помощниковъ.

Общее собраніе міра состоитъ изъ всѣхъ тяглыхъ крестьянъ. Міръ обсуживаетъ и разрѣшаетъ слѣдующіе вопросы:

1) Мѣропріятія касательно исполненія общихъ государственныхъ законовъ.

2) Раскладку податей и повинностей государственныхъ, помѣщичьихъ и общественныхъ, деньгами, произведеніями земли и трудомъ.

3) Распредѣленіе между крестьянами земель и угодій.

4) Назначеніе и сдачу въ рекруты.

5) Принятіе мѣръ къ предупрежденію неисполненія обязанностей со стороны сочленовъ.

6) Опредѣленіе мѣръ карательныхъ противъ недостойныхъ сочленовъ.

7) Увольненіе крестьянина изъ общины.

8) Принятіе крестьянина или лица другого сословія въ общество.

9) Составленіе и расходованіе общественнаго капитала.

10) Учрежденіе и содержаніе общественныхъ заведеній призрѣнія школъ.

11) Общественные выборы.

Міръ за каждаго крестьянина отвѣчаетъ круговою порукою. Начальникъ всей общины есть помѣщикъ, владѣлецъ имѣнія, на землѣ котораго община водворена. Но помѣщикъ имѣетъ дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей. Если опредѣленіями и дѣйствіями мірскихъ властей помѣщикъ будетъ недоволенъ, то обращается къ мировому судьѣ, въ случаѣ же общихъ безпорядковъ, прямо къ начальнику уѣзда. Власть помѣщика состоитъ въ попечительствѣ и наблюденіи.

1) Ходатайство за крестьянъ вообще и отдѣльно за каждаго по нуждамъ ихъ внѣ деревни и по ихъ процессамъ. Заступничество за нихъ передъ мѣстною властью.

2) Главное распоряженіе школами, больницами, богадѣльнями и т. п.

3) Главный надзоръ за своевременнымъ исполненіемъ міромъ общихъ государственныхъ повинностей.

4) Главное наблюденіе за исправнымъ состояніемъ сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, дорогъ, мостовъ, переправъ и т. п.

Оскорбленіе помѣщика и членовъ его семейства, нанесенное крестьяниномъ, судится какъ преступленіе уголовное, какъ оскорбленіе отца. За буйство на сходѣ начальникъ общины (помѣщикъ) можетъ буйныхъ лишить права голоса на срокъ отъ 6-ти мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. Послѣ двухъ выговоровъ, сдѣланныхъ мірскому старостѣ, по жалобѣ помѣщика, мировымъ судьею, помѣщикъ можетъ смѣнить старосту.

Помѣщикъ имѣетъ право выслать изъ своего имѣнія крестьянина, признаннаго имъ вреднымъ и опаснымъ, на слѣдующихъ уловіяхъ: 1) крестьянинъ высылается со всѣмъ своимъ семействомъ;

2) семейство поселяется на казенныхъ земляхъ; 3) расходы по переселенію взыскиваются съ помѣщика; 4) міръ повинностей выселеннаго крестьянина на себя не принимаетъ и долгъ послѣдняго въ повиностяхъ къ помѣщику исключается изъ общественной повинности крестьянъ.

Крестьянинъ можетъ жаловаться на помѣщика лишь съ разрѣшенія добросовѣстныхъ.

Мировыхъ судей избираютъ крестьяне изъ помѣщиковъ, черезъ что въ лицѣ мірнаго судьи соединяются элементы обоихъ сословій.

Уѣздная расправа, съ разрѣшенія губернской власти, можетъ смѣнить недостойнаго помѣщика-начальника общины и опредѣлить на мѣсто его другого, съ назначеніемъ новому начальнику части дохода, причитающагося владѣльцу съ имѣнія.

Отсутствующій помѣщикъ можетъ уполномочить вмѣсто себя другое лицо.

Половина засѣдателей уѣздной расправы должна быть избираема изъ крестьянъ (Ibid).

Таковы въ главныхъ чертахъ основанія, на которыхъ Ростовцевъ въ своихъ первыхъ трехъ запискахъ предлагалъ установить новый порядокъ вещей, новыя взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Основанія эти, по своему характеру, какъ читатель видитъ, почти всецѣло примыкаютъ къ „началамъ“, возвѣщеннымъ рескриптами и дополнительнымъ къ нимъ отношеніямъ министра. Они устанавливаютъ феодальное устройство сельскаго быта съ дѣленіемъ поземельной собственности на полную (господскія земли) и не полную (крестьянскія земли), съ барщиною и денежными повинностями, съ вотчинными правами и опекою помѣщиковъ надъ крестьянами. Единственный шагъ впередъ состоитъ въ мысли о пользѣ содѣйствовать крестьянамъ въ пріобрѣтеніи ими надѣловъ въ собственность. Но мѣры, предлагаемыя для этого, весьма палліативны, представляютъ слишкомъ частный характеръ. Изъ писемъ видно тоже, что авторъ ихъ желаетъ возможно уменьшить объемъ вотчинной власти помѣщиковъ. „Помѣщикъ, по его предложенію, имѣетъ дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей“. Но, въ развитіи своихъ основаній, авторъ не выдерживаетъ строго этого принципа. Не говоря уже о предоставляемой помѣщику власти смѣнять сельскихъ старшинъ, лишать буйныхъ права голоса, ему предоставляется такое важное право, какъ выселеніе крестьянина изъ имѣнія. Затѣмъ помѣщику открывается широкое вмѣшательство въ дѣла міра, которое на практикѣ всего чаще вело бы не къ установленію патріархальныхъ, добродушныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, на что разсчитываетъ авторъ, а къ столкновеніямъ между ними.

Когда Ростовцевъ, назначенный предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, познакомился съ проектами губернскихъ комитетовъ и особенно проектами меньшинствъ, а также съ мнѣніями опытныхъ и просвѣщенныхъ членовъ-экспертовъ въ комиссіяхъ, то онъ понялъ всю незрѣлость этой „канвы“, по его выраженію, и отказался отъ нея. Крестьянская реформа служитъ поучительнымъ урокомъ, какую пользу можетъ оказать правительству просвѣщенное русское общество, когда его привлекаютъ къ участію въ разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Представители общества указали правительству всю несостоятельность и даже опасность его первоначальнаго плана и крестьянская реформа была совершена на началахъ, пропагандировавшихся русскою интеллигенціею. Какимъ положеніемъ о крестьянахъ подарилъ бы Россію главный комитетъ, будь дѣло отдано исключительно въ его руки, если одинъ изъ самыхъ преданныхъ преобразованію членовъ комитета, и притомъ человѣкъ недюжиннаго ума и трудолюбія, только тѣмъ и не помѣшалъ правильному разрѣшенію реформы, что былъ способенъ оцѣнить и подчиниться воззрѣніямъ просвѣщенной части общества! Исполненные противорѣчій и сами въ себѣ и другъ другу циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ, за послѣднія 12 лѣтъ, по вопросу такой громадной важности, какъ крестьянскія переселенія, а также судьба податной реформы, безусловная необходимость которой высказана самимъ правительствомъ уже двадцать лѣтъ назадъ, служатъ превосходнымъ образчикомъ разрѣшенія государственныхъ вопросовъ въ канцеляріяхъ и чиновничьихъ комиссіяхъ.

Какъ ни незрѣло было пониманіе Ростовцевымъ въ это время основаній, на которыхъ должна совершиться крестьянская реформа, все-таки, имѣя въ виду высказанныя имъ мысли о необходимости содѣйствовать переходу надѣловъ крестьянъ въ ихъ собственность и стремленій его ограничить вотчинную власть помѣщиковъ, принявъ за правило, „что помѣщикъ имѣетъ дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей“—воззрѣнія Ростовцева были шагомъ впередъ сравнительно съ содержаніемъ программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ. Еще большій шагъ впередъ дѣлаетъ Ростовцевъ въ своемъ четвертомъ письмѣ.

Четвертое и послѣднее письмо его посвящено преимущественно предположеніямъ объ устройствѣ выкупа крестьянскихъ земель. Не прошло мѣсяца послѣ перваго письма, въ которомъ Ростовцевъ рѣшительно отвергалъ возможность выкупа, т. е. самаго основного момента реформы, и мысли его въ этомъ отношеніи значительно перемѣнились.

„Смѣю думать, пишетъ онъ:—что пріобрѣтеніе крестьянами по-

земельной собственности можетъ совершиться прочно и даже скоро, на основаніи слѣдующихъ и главныхъ началъ, или имъ подобныхъ:

„Выкупъ и продажу земли не дѣлать обязательными ни для крестьянъ, ни для помѣщиковъ.

„Дать крестьянамъ всѣ возможные способы къ полученію денегъ для покупки земли.

„Стараться, чтобы при покупкѣ земли крестьяне платили всю сумму по оцѣнкѣ сполна.

„Не воспрещать помѣщикамъ сдѣлокъ съ крестьянами на срокъ, безъ посторонняго вмѣшательства.

„Посредниками взаимныхъ сдѣлокъ обоихъ сословій могутъ быть опекунскіе совѣты, министерство государственныхъ имуществъ, приказы общественнаго призрѣнія, губернскіе банки изъ капиталовъ дворянства, частныя общества, доходъ которыхъ обезпеченъ денежными капиталами или недвижимыми имуществами.

„При этомъ и правительство должно оказать содѣйствіе выкупу земель; но, конечно, помощи съ этой стороны не можетъ быть большой; она ограничивается раскладкою долговъ опекунскому совѣту и денежнымъ пособіемъ крестьянамъ однодворцевъ и мелкопомѣстныхъ, имѣющихъ до 20 и 25 душъ, и дворовымъ людямъ".

Письмо оканчивается разсужденіемъ объ общинномъ владѣніи землею.

„Въ литературномъ мірѣ, сказано въ письмѣ:—высказались теперь два мнѣнія, какъ устроить бытъ крестьянъ: міромъ или отдѣльными семействами. Много и pro и contra. Но историческая жизнь Россіи и нынѣшнія условія коренного ея переходнаго состоянія вопросъ этотъ разрѣшаютъ очень просто. Общинное устройство нынѣ. въ настоящую минуту, ей необходимо; для народа нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы патріархальную власть помѣщика. Безъ міра помѣщикъ не соберетъ своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни барщиною, а правительство своихъ податей и повинностей. Вопросъ этотъ или правильнѣе переворотъ историческаго крестьянскаго народнаго быта не можетъ быть рѣшенъ теоріями; онъ можетъ быть рѣшенъ только исторіею. Если русское общество, историческимъ ходомъ своей жизни, ощутитъ потребность въ раздробленіи поземельной собственности на отдѣльныя лица (въ чемъ, однако же, я сомнѣваюсь), то пособить этому будетъ очень легко: тогда, въ извѣстный моментъ, достаточно будетъ только одного высочайшаго указа, чтобы міръ раздѣлилъ свои угодья между своими сочленами въ потомственное владѣніе сихъ послѣднихъ. Вообще, Государь, во всякомъ дѣлѣ гораздо легче раздробить, чѣмъ соединить" (Ibid).

По возвращеніи Ростовцева изъ-за границы, въ началѣ октя-

бря, одновременно съ возвращеніемъ Императора въ Петербургъ изъ путешествія по Россіи, означенныя письма составили предметъ конфиденціальныхъ совѣщаній его съ Государемъ. Къ этимъ совѣщаніямъ, происходившимъ въ гатчинскомъ дворцѣ, приглашенъ былъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской.

III.

Правила, данныя главному комитету въ руководство для разсмотрѣнія, утвержденія и обнародованія положеній губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ. — Принципіальное измѣненіе первоначально задуманнаго плана крестьянской реформы. — Заявленіе правительствомъ, что личность крестьянина и обязательный его трудъ выкупу не подлежатъ. — Разрѣшеніе губернскимъ комитетамъ составить положеніе о выкупѣ крестьянами въ собственность полевыхъ земель. — Учрежденіе редакціонныхъ комиссій. — Составъ редакціонныхъ комиссій.

Въ октябрѣ 1858 года, когда происходили упомянутыя нами конфиденціальныя совѣщанія въ Гатчинскомъ дворцѣ, нѣкоторые изъ губернскихъ комитетовъ успѣли окончить свои работы и представили проекты; работы другихъ были въ полномъ разгарѣ дѣятельности или приближались къ концу. Поэтому, правительству предстояло опредѣлить *основанія и послѣдовательность занятій* при разсмотрѣніи проектовъ. Въ этихъ видахъ Государь воспользовался заграничными письмами къ Нему Ростовцева и поручилъ составить въ систематическомъ порядкѣ подробное изъ нихъ извлеченіе, которое, по высочайшему повелѣнію, было напечатано и разослано ко всѣмъ членамъ главнаго комитета на разсмотрѣніе.

Затѣмъ, въ засѣданіи главнаго комитета 18-го октября 1858 года было приступлено къ обсужденію тѣхъ изъ помѣщенныхъ въ этомъ извлеченіи предположеній, которыя опредѣляютъ порядокъ разсмотрѣнія, утвержденія и обнародованія положеній губернскихъ комитетовъ. Послѣ бывшихъ по этому предмету сужденій, Императоръ повелѣлъ принять къ руководству слѣдующія правила:

> При разсмотрѣніи и впослѣдствіи при обнародованіи всѣхъ законодательныхъ по настоящему дѣлу работъ, соблюсти непремѣнно три условія:
>
> 1) Чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ,
>
> 2) Чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены,
>
> и 3) Чтобы сильная властъ ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отъ чего ни на минуту же общественный порядокъ не нарушался.
>
> На основаніи этого правила, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, нынѣ же особымъ циркуляромъ, предложить всѣмъ вообще губернскимъ комитетамъ, чтобы они, при представленіи составленныхъ ими проектовъ, непремѣнно объясняли во всей полности, чѣмъ состояніе помѣщичьихъ

крестьянъ улучшается въ будущемъ, объявивъ комитетамъ, что въ справедливости ихъ показаній Императоръ вполнѣ полагается на ихъ дворянскую честь.

Проекты губернскихъ комитетовъ поступаютъ первоначально въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Это министерство разсматриваетъ каждый проектъ отдѣльно, повѣряя при этомъ:

а) Нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо отступленій отъ началъ и указаній, высочайше утвержденныхъ собственно для крестьянскаго вопроса; б) нѣтъ ли въ немъ отступленій вообще отъ духа государственныхъ узаконеній; и в) дѣйствительно ли улучшается ими бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, и и въ чемъ именно?

Министръ внутреннихъ дѣлъ, сдѣлавъ по каждому проекту свои отмѣтки и замѣчанія, вноситъ его въ такомъ видѣ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу.

На главный комитетъ возлагается задача составить одно общее для всей Россіи положеніе, съ необходимыми, по разнымъ мѣстностямъ, дополненіями, измѣненіями и частными положеніями.

При окончательной обработкѣ всѣхъ вообще положеній, должны быть принимаемы въ соображеніе всѣ полезныя мысли губернскихъ комитетовъ.

Какъ комиссіи, такъ и главному комитету, предоставляется право приглашать въ свои засѣданія, для необходимыхъ объясненій и совѣщаній, не только членовъ, избранныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, но и всѣхъ тѣхъ лицъ (экспертовъ), которыя своими познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ могутъ принести пользу разсматриваемому дѣлу. Такихъ лицъ и комитетъ, и комиссія могутъ, съ высочайшаго разрѣшенія Его Величества, вызвать въ С.-Петербургъ. Кромѣ того, и комиссіи, и комитету предоставляется право также вызвать въ столицу, съ высочайшаго разрѣшенія: а) нѣкоторыхъ губернаторовъ, и б) нѣкоторыхъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, назначенныхъ губернаторами, которые по своей опытности и по своимъ познаніямъ могутъ быть полезны въ настоящемъ дѣлѣ.

(„Крестьянское дѣло", Скребицкій, т. I, стр. LVI—LVIII).

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ главнаго комитета, 19-го, 24-го и 29 ноября 1858 года, имъ были обсужены тѣ *главныя основанія, которыми онъ долженъ руководствоваться,* какъ при разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ, такъ и въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ. Выработанныя комитетомъ и утвержденныя 4-го декабря 1858 года Императоромъ *начала* были слѣдующія:

1. При обнародованіи новаго положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ предоставляются этимъ крестьянамъ права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя, по имуществу и по праву жалобы.

2. Крестьяне эти входятъ въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ.

3. Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ, по народному обычаю, уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдываетъ и этими угодьями.

4) Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію или нарушенію ими обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. При опредѣленіи подробностей устройства міра и учрежденій, посредствомъ которыхъ онъ долженъ дѣйствовать, а также отношеній міра къ помѣщику, обратить вниманіе: а) на постановленія по этому предмету, изложенныя въ сводѣ законовъ, и б) на IX главу программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, сообразивъ, можетъ ли эта глава оставаться въ прежнемъ видѣ, или ее слѣдуетъ измѣнить.

5. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей.

6. Міръ отвѣчаетъ круговою порукою за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ.

7. Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками. Для этого слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій, и б) опредѣлить условія прекращенія срочно-обязаннаго положенія крестьянъ. При этомъ Императоръ повелѣлъ:

а) Чтобы съ 1859 года все превышеніе въ доходахъ съ государственныхъ имуществъ противъ настоящаго поступало на содѣйствіе крестьянамъ къ выкупу ихъ угодій;

б) Чтобы комиссія сообразила, можно ли прекращеніе срочно-обязаннаго положенія опредѣлить такъ: срочно-обязанное положеніе прекращается какъ для міра вообще, такъ и для крестьянина отдѣльно, когда или цѣлымъ обществомъ, или по одиночкѣ выкупятъ у помѣщика ту землю, которая, вслѣдствіе высочайшихъ рескриптовъ, будетъ имъ опредѣлена въ пользованіе, или когда крестьянинъ выкупитъ у помѣщика такія угодья, которыя, на основаніи тѣхъ же рескриптовъ, могутъ обезпечивать ему исправную уплату податей и повинностей.

8. При обнародованіи Положенія постановить, что земли ненаселенныя, принадлежащія дворянамъ, могутъ пріобрѣтать и впредь, на основаніи существующихъ постановленій, лица всѣхъ сословій; если же на землѣ будутъ водворены крестьяне, то лица, не имѣющія нынѣ права владѣть имѣніями населенными, могутъ пріобрѣтать покупкою и такія земли, съ тѣмъ только, чтобы, при самой покупкѣ имѣнія, одновременно съ совершеніемъ купчей, крестьяне, въ имѣніи водворенные, получали въ собственность усадьбы, пахатныя земли и прочія угодья за выкупъ, по любовному соглашенію. При этомъ обсудить и опредѣлить мѣры, которыя должны быть приняты для огражденія крестьянъ отъ притѣсненій со стороны покупщика, особенно при уплатѣ опредѣленнаго по взаимному соглашенію выкупа.

9. Подобныя же условія предоставить заключать и самимъ помѣщикамъ, буде пожелаютъ.

10. Мелкопомѣстнымъ дворянамъ, которые при освобожденіи крестьянъ понесутъ убытки или разстройство въ хозяйствѣ, оказать нѣкоторое пособіе со стороны правительства.

11. При разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ, сообразить и опредѣлять способы и порядокъ устройства дворовыхъ людей.

(„Крестьянское дѣло", Скребицкій, т. I, стр. LIX—LXI) [1].

Разсматривая содержаніе и значеніе этихъ началъ, мы прежде всего должны замѣтить, что каждый, сличивъ ихъ съ приведенными нами выше извлеченіями изъ всеподданнѣйшихъ писемъ Ростовцева, убѣдится, что начала эти, указанныя главному комитету, какъ руководство для его работъ, цѣликомъ взяты изъ писемъ. Далѣе, начала эти представляютъ значительный шагъ правительства впередъ въ дѣлѣ уясненія себѣ программы реформы. До установленія этихъ началъ, правительствомъ были высказаны только слѣдующія основныя положенія реформы: 1) прекращеніе личнаго крѣпостного права, 2) помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа, 3) временное предоставленіе въ пользованіе крестьянъ такого количества земли, которое, смотря по мѣстнымъ условіямъ, обезпечиваетъ ихъ бытъ, и выполненіе ими обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ; за эту землю крестьяне платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику, 4) крестьяне пользуются землею во все время переходнаго состоянія, которое прекращается, когда правительство разрѣшитъ имъ свободное переселеніе изъ одной мѣстности въ другую, съ надлежащими ограниченіями и условіями, 5) помѣщикамъ предоставляется вотчинная власть.

Рядомъ съ этими основными положеніями, правительство выразило сочувствіе, но только сочувствіе, ходатайствамъ тверского и калужскаго комитетовъ заняться составленіемъ особаго положенія о выкупѣ крестьянами въ собственность ихъ полевыхъ земель. Увѣдомивъ всѣ прочіе комитеты о разрѣшеніи, данномъ тверскому и калужскому комитету, выработать предположенія о выкупѣ крестьянами полевыхъ угодій, правительство не предписало комитетамъ послѣдовать примѣру тверского и калужскаго дворянствъ.

Что же касается приведенной нами выше программы, принятой, по повелѣнію Императора, въ руководство дворянскими комитетами, то она, за исключеніемъ указанныхъ пяти основныхъ положеній, предоставляетъ разрѣшеніе всѣхъ перечисленныхъ въ ней вопросовъ усмотрѣнію комитетовъ.

---

[1]) Начала эти не были опубликованы, а потому, хотя губернскіе комитеты и знали ихъ содержаніе, но принять ихъ во вниманіе въ своихъ работахъ или не принимать вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія комитетовъ.

Совсѣмъ другое значеніе, сравнительно съ этой програмой, имѣютъ „начала“, данныя въ руководство главному комитету. Во-первыхъ, ими устанавливаются не только вопросы, подлежащіе обсужденію главнаго комитета, но и указывается *направленіе*, въ какомъ должны быть рѣшены эти вопросы. Во-вторыхъ, эти начала значительно измѣняютъ, сравнительно съ прежде установленными, разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Первоначальная мысль преобразованія сельскаго быта, высказанная въ рескриптахъ и программѣ для занятій губернскихъ комитетовъ, заключалась въ надѣленіи крестьянъ землею въ пользованіе. „Начала же“ устанавливаютъ цѣль предоставленія крестьянамъ земли въ собственность. И для этого главному комитету предлагается сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій. Вслѣдствіе такого измѣненія въ направленіи крестьянской реформы, само собою долженъ измѣниться и характеръ переходнаго состоянія, въ теченіе котораго крестьяне находятся въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ за пользованіе ихъ землею. Если по первоначальному предположенію „переходное состояніе“, т. е. обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, должно было длиться до объявленія свободы переселенія, то въ силу новаго принципа, высказаннаго въ „началахъ“, заключающагося въ предоставленіи крестьянамъ надѣловъ въ собственность, обязательныя отношенія (названныя въ „началахъ“ „срочно-обязаннымъ положеніемъ“) должны естественно прекратиться, какъ для міра вообще, такъ и для крестьянина отдѣльно, когда эти послѣдніе выкупятъ у помѣщика ту землю, которая, по высочайшимъ рескриптамъ, будетъ имъ опредѣлена въ пользованіе. Далѣе, такъ какъ съ прекращеніемъ „срочно-обязаннаго“ положенія прекращаются повинности крестьянъ къ помѣщикамъ, наличность которыхъ служила главною опорою для доказательства необходимости сохранить за помѣщиками власть надъ крестьянами и вмѣшательство въ хозяйственныя распоряженія міра, то, въ виду выраженнаго въ „началахъ“ намѣренія правительства содѣйствовать крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій, само собой возникалъ вопросъ: есть ли надобность сохранить одно изъ основныхъ положеній рескриптовъ, предоставляющее помѣщику вотчинную власть? почему „начала“ предписываютъ главному комитету сообразить: можетъ ли IX глава программы, данной губернскимъ комитетамъ, оставаться въ прежней силѣ, или ее слѣдуетъ измѣнить. Причемъ и на „срочно-обязанное“ время „начала“ ограничиваютъ объемъ и значеніе помѣщичьей власти, постановляя: „помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей“.

Таково принципіальное измѣненіе „началами“ первоначально задуманнаго исхода крестьянской реформы. Другія статьи „началъ“ указываютъ разрѣшеніе нѣкотораго числа самыхъ существенныхъ сторонъ крестьянской реформы. А именно ими утверждается: 1) *крестьянское самоуправленіе*, 2) *общинное пользованіе землею*, гдѣ оно, по народному обычаю, уже существуетъ, 3) *круговая порука міра* за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ, 4) *отмѣна дворянской привилегіи исключительнаго владѣнія населенными землями* черезъ предоставленіе лицамъ всѣхъ сословій права покупать такія земли. Это постановленіе вызвало со стороны защитниковъ сохраненія за дворянами значенія привилегированнаго сословія ожесточенныя нападки; они видѣли, не безъ основанія, въ этомъ постановленіи уничтоженіе обособленности и значенія дворянства.

Выраженное въ „началахъ“ измѣненіе воззрѣній правительства на преобразованіе крестьянскаго быта было отвѣтомъ на вопросы, поставленные общественною жизнью. Главныя измѣненія правительственнаго взгляда—правительственное заявленіе о выкупѣ, иная постановка вопроса о вотчинной полиціи и крестьянскомъ самоуправленіи—вызваны были литературой и трудами лучшихъ представителей дворянства въ губернскихъ комитетахъ. Къ сожалѣнію, „начала“ эти были приняты тогда, когда уже всѣ комитеты давно принялись за работу; четыре изъ нихъ (нижегородскій, петербургскій, виленскій и подольскій) уже представили свои Положенія, другіе заканчивали ихъ. Несомнѣнно, не будь либеральное меньшинство въ комитетахъ стѣснено „программой“, оно заявило бы свои воззрѣнія на исходъ крестьянской реформы такъ же рѣшительно, какъ оно выразило ихъ впослѣдствіи въ редакціонныхъ комиссіяхъ.

Начала, данныя Императоромъ въ руководство главному комитету, играли въ ходѣ крестьянской реформы важное значеніе. Но такое ихъ значеніе обусловилось главнымъ образомъ тѣмъ, что примѣненіе ихъ къ дѣлу составленія проекта Положенія не осталось, къ счастію для Россіи, въ рукахъ главнаго комитета, а было передано въ учрежденныя вскорѣ редакціонныя комиссіи. Послѣднія энергично воспользовались высказанной въ „началахъ“ мыслью о „необходимости стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками“, а также постановленіемъ—„сообразить, можетъ ли IX глава „программы“ (о вотчинной власти) оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуетъ ее измѣнить“. Это далеко неопредѣленное отношеніе „началъ“ къ двумъ центральнымъ вопросамъ крестьянской реформы, которымъ легко могъ воспользоваться главный комитетъ въ интересахъ стремленій помѣщичьей партіи,

развязали редакціоннымъ комиссіямъ руки и дали имъ возможность, ссылаясь на „начала", провести выкупную операцію и отмѣну вотчинной власти и вмѣшательства помѣщиковъ въ дѣла крестьянскаго міра.

Одновременно съ начертаніемъ „началъ" въ руководство главному комитету были объявлены слѣдующія два важныя правительственныя распоряженія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, усматривая изъ губернаторскихъ вѣдомостей о занятіяхъ комитетовъ, что нѣкоторые комитеты вошли въ разсмотрѣніе вопроса *о личномъ выкупѣ крестьянъ,* просилъ начальниковъ губерній обратить вниманіе комитетовъ, что предложеніе это не можетъ быть допущено, ибо Императоръ неоднократно уже призналъ, что *„личность крестьянина и обязательный его трудъ выкупу подлежать не могутъ"*. Этимъ циркуляромъ министра были остановлены поползновенія дворянства получить отъ государства выкупъ за личность и обязательный трудъ крестьянъ.

Другое правительственное распоряженіе было сдѣлано по поводу ходатайства тверскимъ комитетомъ о разрѣшеніи ему присоединить къ выкупу усадьбъ и выкупъ полевыхъ угодій. Большинство членовъ этого комитета, желая предоставить крестьянамъ въ собственность, посредствомъ выкупа и полевыя угодья, для достиженія этой цѣли положило, что подъ усадебною осѣдлостью слѣдуетъ разумѣть не однѣ усадебныя земли, но все количество земли, необходимое для обезпеченія быта крестьянъ.

По этому вопросу министръ входилъ съ представленіемъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, при чемъ изложилъ, между прочимъ, слѣдующія свои соображенія:

„Означенное толкованіе тверскимъ комитетомъ выраженія „усадебная осѣдлость" принято имъ только, какъ средство къ осуществленію мысли о предоставленіи крестьянамъ всѣхъ угодій въ собственность. Слѣдовательно, въ предстоящемъ вопросѣ надо различать двѣ стороны: самую цѣль тверского комитета замѣнить выкупъ усадебъ выкупомъ вообще крестьянскихъ угодій и путь, который онъ избралъ для достиженія цѣли, форму, въ которую онъ ее облекъ.

„Относительно послѣдняго вопроса надлежитъ замѣтить, что въ настоящее время, вслѣдствіе неоднократныхъ объясненій, которыя Его Императорскому Величеству угодно было сдѣлать, письменно и изустно, значеніе слова: „усадебная осѣдлость" получило вполнѣ опредѣленный смыслъ, не подлежащій никакимъ произвольнымъ толкованіямъ, именно о томъ, въ которомъ выраженіе это употреблено въ отношеніи министра къ с.-петербургскому генералъ-губернатору отъ 5-го декабря 1857 г.

„Что же касается до цѣли тверского комитета замѣнить выкупъ усадебъ выкупомъ вообще крестьянскихъ угодій, то хотя въ ней нѣтъ вѣрности буквѣ высочайшаго рескрипта, но есть согласіе съ его духомъ и цѣлью: улучшить и обезпечить бытъ крестьянъ. Подобныя постановленія состоялись уже не въ одномъ тверскомъ, но и другихъ дворянскихъ комитетахъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ".

Главный комитетъ, согласно съ заключеніемъ министра, постановилъ: „не стѣснять тверского дворянскаго комитета въ изысканіи средствъ къ предоставленію крестьянамъ, по желанію помѣщиковъ, и полевой земли въ собственность".

Въ видахъ предупрежденія недоразумѣній, министръ, считая полезнымъ поставить въ извѣстность о таковой Высочайшей волѣ всѣ остальные комитеты, объявилъ объ этомъ въ ноябрѣ начальникамъ губерній.

(„Крестьянское дѣло". Скребицкій. Т. I, стр. XLV).

Но въ то же время, и даже еще позже, по поводу ходатайства, 6-го марта 1859 года, калужскаго комитета по предмету выкупа крестьянами ихъ полевыхъ земель, правительство заявляло, что не пришло еще къ окончательному рѣшенію: можетъ ли оно и въ какой степени дать съ своей стороны гарантіи для выкупа. А потому „правительство", сказано въ разъясненіи министра внутреннихъ дѣлъ, „отдавая полную справедливость благороднымъ намѣреніямъ калужскаго комитета, предоставляетъ ему, независимо отъ общаго проекта, составить и другой проектъ о порядкѣ выкупа крестьянами въ собственность ихъ полевыхъ земель и угодій" (Ibid. стр. XLVI).

Кто первый подалъ мысль о выкупѣ, сказать, конечно, невозможно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые выдвигаются сами собою, логикою явленій. Такіе вопросы возникаютъ вдругъ въ головахъ многихъ, въ разныхъ концахъ страны и быстро дѣлаются общимъ достояніемъ, о которомъ начинаютъ толковать всѣ. *Мысль, что только выкупъ можетъ повести къ правильному, безопасному и окончательному разрѣшенію крестьянскаго вопроса распространялась все болѣе.*—„Развяжите насъ съ крестьянами окончательно, хотя бы путемъ обязательнаго выкупа"—такое требованіе высказывалось въ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ даже людьми, заботившимися только о помѣщичьихъ интересахъ, и именно ради этихъ интересовъ. Высказывавшіе это требованіе понимали, что лишеніе крестьянъ земли едва ли возможно и можетъ вызвать страшную смуту, а разсчетъ на правильное исполненіе барщины и оброковъ представлялъ мало шансовъ въ виду измѣнившагося, со времени рескриптовъ, настроенія умовъ въ народѣ и возбужденныхъ въ немъ ожи-

даній. Эти именно мысли были высказаны въ московскомъ комитетѣ, поручившемъ комиссіи изъ своей среды составить проектъ выкупа. Идею о выкупѣ раздѣляли многіе, также въ виду полученія денежнаго капитала, необходимаго для заведенія хозяйства на новыхъ основаніяхъ. Одно достовѣрно, что *иниціатива по вопросу о выкупѣ принадлежитъ обществу, а не правительству*, какъ это заявлено и въ трудахъ финансовой редакціонной комиссіи. „Мысль о выкупѣ угодій, поступающихъ въ крестьянскій надѣлъ, говоритъ комиссія въ своихъ предварительныхъ соображеніяхъ:—высказана была первоначально въ проектахъ и запискахъ частныхъ лицъ. Такихъ проектовъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1856 года, находится нынѣ въ разсмотрѣніи редакціонныхъ комиссій 61". Въ печатной литературѣ вопросъ о выкупѣ возбужденъ преимущественно съ начала 1858 года, но скоро, впрочемъ, пріостановленъ цензурой. Въ губернскихъ комитетахъ починъ принадлежитъ нижегородскому комитету. Еще въ началѣ 1858 года, нижегородскій комитетъ, а вслѣдъ за нимъ виленскій и ковенскій, ходатайствовали о дозволеніи обсудить вопросъ объ учрежденіи мѣстныхъ банковъ для выкупа крестьянскихъ надѣловъ, но разрѣшеніе на это не получили. 27-го мая, того же года, состоялся журналъ московскаго комитета о составленіи выкупного проекта. Кромѣ того, вопросъ о выкупѣ поднятъ былъ и на многихъ уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ при выборѣ членовъ въ мѣстные комитеты по крестьянскому дѣлу.

„Началами", данными главному комитету въ руководство при разсмотрѣніи проектовъ губернскихъ комитетовъ, заключается правительственная дѣятельность въ 1858 году по крестьянскому вопросу. Казалось, порядокъ занятій опредѣленъ окончательно, роли правительства и дворянства назначены. Но не прошло двухъ съ половиною мѣсяцевъ, и планъ организаціи правительственныхъ учрежденій для составленія „Положенія" былъ рѣшительно измѣненъ учрежденіемъ редакціонныхъ комиссій.

Мы видѣли, что предварительное разсмотрѣніе губернскихъ проектовъ было поручено учрежденной при главномъ комитетѣ особой комиссіи изъ четырехъ его членовъ: князя Гагарина, Ростовцева, Ланского и Муравьева. Этой комиссіи высочайше предоставлено было „порядокъ разсмотрѣнія сихъ проектовъ учредить по собственному ея усмотрѣнію и распоряженію".

Руководствуясь этимъ, Ростовцевъ внесъ 26-го января 1859 года въ комиссію главнаго комитета записку, *„объ учрежденіи особыхъ комиссій для составленія сводовъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ"*. Приводимъ записку цѣликомъ, чтобы читатель могъ убѣдиться, въ какой значительной степени она легла въ *основаніе* организаціи редакціонныхъ комиссій.

„При предстоящемъ Высочайше утвержденной (при главномъ комитетѣ) комиссіи составленіи сводовъ проектированныхъ губернскими комитетами Положеній, я полагаю необходимымъ раздѣлить трудъ этотъ на два отдѣла:

1. Отдѣлъ общихъ законоположеній для всей Имперіи, куда должны войти Положенія:

а) о личныхъ правахъ крестьянъ, какъ срочно-обязанныхъ, такъ и свободныхъ; б) о поземельныхъ правахъ помѣщиковъ; в) о дворовыхъ людяхъ и г) объ образованіи сельскихъ обществъ.

2. Отдѣлъ законоположеній, примѣняющихся къ различію мѣстныхъ условій, въ который войдутъ Положенія:

а) объ усадьбахъ; о надѣлѣ и вообще о полевыхъ участкахъ; в) о повинностяхъ крестьянъ и г) о переходѣ крестьянъ изъ срочно-обязаннаго въ свободное сельское сословіе посредствомъ выкупа или иными путями.

Такому раздѣленію труда должны соотвѣтствовать и двѣ комиссіи.

1. Комиссія общихъ законоположеній, которая можетъ состоять изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и II-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, и изъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

2. Комиссія частныхъ законоположеній или экспертовъ, избранныхъ главнымъ комитетомъ изъ представителей отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ, и II-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, и изъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

Къ этимъ двумъ комиссіямъ должно присовокупить еще:

3. Финансовую, въ вѣдѣніи министерства финансовъ, изъ лицъ, спеціально изучившихъ финансовыя науки, практически знающихъ Россію; лица эти назначаются по особому Высочайшему повелѣнію.

Первымъ двумъ комиссіямъ, для сбереженія времени, должно быть вмѣнено въ обязанность, вмѣстѣ съ отчетливымъ и систематическимъ составленіемъ свода, предоставлять и свои окончательныя заключенія.

Данными для составленія этихъ сводовъ и заключеній, кромѣ Положеній губернскихъ комитетовъ, должны служить:

а) Высочайше уже утвержденныя на этотъ предметъ положенія; б) мнѣнія главнаго комитета и членовъ комиссіи, при главномъ комитетѣ состоящей; в) мѣстныя свѣдѣнія, собранныя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ; г) нынѣ существующія законоположенія имперіи; эти послѣднія только для соображеній комиссій съ общимъ духомъ законодательства.

При составленіи сводовъ должно принять во вниманіе различіе проектовъ положеній, могущее произойти:

1. Отъ рѣзкаго различія между хозяйственнымъ бытомъ помѣщичьихъ имѣній, въ мѣстностяхъ чисто земледѣльческихъ и чисто промысловыхъ.

2. Отъ того, что многіе комитеты не имѣли въ виду разрѣшенія правительства разсуждать о выкупѣ крестьянами земли.

Пяти или десяти вышедшихъ проектовъ положеній уже будетъ, по мнѣнію моему, достаточно для того, чтобы комиссіи могли приступить къ работѣ. Эти первые проекты опредѣлятъ рамки занятій комиссій, въ которыя, впослѣдствіи, будутъ вноситься Положенія другихъ комитетовъ, по мѣрѣ ихъ поступленія. Я не сомнѣваюсь, что эти вступающіе проекты будутъ постепенно улучшаться и становиться совершеннѣе первыхъ: 1) потому, что послѣдніе губернскіе комитеты будутъ уже имѣть въ виду несо-

вершенства работы первыхъ; 2) потому, что понятія о вопросѣ освобожденія крестьянъ становятся вообще все зрѣлѣе и яснѣе, и 3) что соображенія о выкупѣ крестьянами земель въ собственность измѣнятъ, можетъ быть, и самыя начала хозяйственныхъ и административныхъ соображеній, изложенныя въ проектахъ Положеній, первоначально представленныхъ.

Такъ какъ Государемъ Императоромъ разрѣшено главному комитету не стѣсняться безусловно, для пользы дѣла и для блага общаго, Высочайше уже одобренными предположеніями комитета, то о всѣхъ подобныхъ коренныхъ измѣненіяхъ началъ комиссія главнаго комитета можетъ входить со всеподданнѣйшимъ докладомъ, черезъ главный комитетъ, для испрашиванія на такіе случаи окончательныхъ Высочайшихъ повелѣній".

(„Крестьянское дѣло". Скребицкій. Т. I, стр. LXI—LXIII).

Комиссія главнаго комитета, одобривъ записку и препровождая ее на усмотрѣніе Императора, предлагала назначить предсѣдателемъ новыхъ редакціонныхъ комиссій С. М. Жуковскаго. Императоръ одобрилъ предположенія комиссіи въ главныхъ основаніяхъ, но при этомъ повелѣлъ „предсѣдательство въ редакціонныхъ комиссіяхъ попоручить генералъ-адъютанту Ростовцеву, если онъ согласится принять эту обязанность на себя".

(„Русская Старина", февраль 1880 г.).

Ростовцевъ на объявленную ему княземъ Орловымъ высочайшую волю отвѣчалъ нижеслѣдующимъ письмомъ на имя князя А. Ѳ. Орлова:

„Милостивый государь князь Алексѣй Ѳеодоровичъ! Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ комиссіи составленія сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и всѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній „если только я буду на это согласенъ", какъ изволилъ выразиться Его Величество, принимаю не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга.

Съ молитвою—къ Богу, чтобы Онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя;

съ благоговѣніемъ—къ Государю, удостоивающему меня такого святого призванія;

со страхомъ—передъ Россіею и потомствомъ;

съ чувствомъ долга—передъ моею совѣстью.

Да проститъ мнѣ Богъ и Государь, да проститъ мнѣ Россія и потомство, если я подымаю на себя ношу не по моимъ силамъ; но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ.

Этотъ отзывъ мой на призывъ Государя почтительнѣйше прошу васъ повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ, создающимъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало.

„Съ душевнымъ уваженіемъ и искреннею преданностью честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою І. Ростовцевъ".

14-го февраля 1859 г.

Государь соизволилъ написать на этомъ письмѣ, 15 февраля 1859 года:

„Искренно благодарю его, что онъ принялъ на себя эту тяжелую обузу.—Къ благороднымъ его чувствамъ Я давно привыкъ. Да поможетъ ему Богъ оправдать Мое довѣріе и Мои надежды“ (Ibid.).

17 февраля 1859 года, князь Орловъ объявилъ высочайшее повелѣніе объ учрежденіи „редакціонныхъ комиссій для составленія общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости“, слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, разсмотрѣвъ журналъ комиссіи, учрежденной при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, отъ 4-го февраля, относительно порядка предварительныхъ работъ по составленію законоположеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, Высочайше одобривъ предположенія комиссіи въ главныхъ основаніяхъ, соизволилъ повелѣть:

1. Для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ Общаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся, учредить двѣ редакціонныя комиссіи.

2. На одну изъ сихъ комиссій возложить составленіе проектовъ общихъ положеній, а на другую — мѣстныхъ, которыя должны быть примѣнены къ особенностямъ каждой мѣстности и изданы совокупно съ общими положеніями.

3. Предсѣдателемъ и непосредственнымъ начальникомъ обѣихъ редакціонныхъ комиссій назначить члена главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, генералъ-адъютанта генералъ-лейтенанта Ростовцева.

4. Управляющему дѣлами сего главнаго комитета дѣйствительному статскому совѣтнику Жуковскому и состоящему при этой комиссіи члену центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, коллежскому совѣтнику Соловьеву быть непремѣнными членами обѣихъ редакціонныхъ комиссій.

5. Редакціонную комиссію общихъ Положеній составить изъ чиновниковъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ и отъ II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, на которое возлагается разсмотрѣніе проектовъ собственно для соображенія съ общимъ духомъ законодательства. Чиновники сіи назначаются по соглашенію сихъ министровъ и главноуправляющаго съ предсѣдателемъ обѣихъ редакціонныхъ комиссій.

6. Редакціонную комиссію мѣстныхъ положеній составить: а) изъ экспертовъ, избранныхъ предсѣдателемъ обѣихъ комиссій изъ членовъ губернскихъ комитетовъ или другихъ опытныхъ помѣщиковъ, по его ближайшему усмотрѣнію, и б) изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, назначенныхъ сими министрами по соглашенію съ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій.

7. Предоставить министрамъ и главноуправляющему II-мъ отдѣленіемъ избрать въ составъ комиссіи чиновниковъ вполнѣ способныхъ, опытныхъ въ дѣлопроизводствѣ, знакомыхъ съ дѣйствующими узаконеніями объ управленіи свободныхъ сословій и практически знающихъ устройство оныхъ. О лицахъ, ими по соглашенію съ предсѣдателемъ редакціонныхъ

комиссій избранныхъ, они доводятъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и главнаго комитета по крестьянскому дѣлу.

8. Равнымъ образомъ и объ экспертахъ, избранныхъ въ составъ редакціонныхъ комиссій предсѣдателемъ оныхъ, а также о всѣхъ вообще лицахъ и чиновникахъ, имъ въ комиссіи опредѣленныхъ, онъ доводитъ до свѣдѣнія Государя Императора и главнаго комитета. Эксперты вызываются въ составъ комиссій именемъ Его Императорскаго Величества.

9. Предсѣдателю обѣихъ редакціонныхъ комиссій предоставить полное право дать симъ комиссіямъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію, соотвѣтственно пользѣ и важности порученнаго комиссіямъ дѣла. На этомъ же основаніи ему предоставляется: распредѣлить занятіе между обѣими комиссіями и между всѣми ихъ членами и чиновниками; установить порядокъ производства въ оныхъ работъ и дѣлъ; образовать канцеляріи; опредѣлить въ составъ ихъ нужное число чиновниковъ и писцовъ; указать всѣ способы, необходимые для успѣха дѣйствій комиссій. Равнымъ образомъ предсѣдателю редакціонныхъ комиссій предоставить право соединять обѣ комиссіи въ одинъ составъ или одно присутствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ необходимо для разсмотрѣнія предметовъ, требующихъ общаго и совокупнаго обсужденія; и

10. Работы редакціонныхъ комиссій, по окончаніи оныхъ, вносятся предсѣдателемъ ихъ въ комиссію, учрежденную при главномъ комитетѣ, которая и представляетъ такія работы, съ своими замѣчаніями, въ главный комитетъ. Если, при производствѣ редакціонными комиссіями работъ, встрѣтятся какіе-либо вопросы, требующіе особаго разрѣшенія по существу дѣла, то предсѣдатель сихъ комиссій такіе вопросы вноситъ на предварительное разсмотрѣніе комиссіи главнаго комитета. Редакціонныя комиссіи, вмѣстѣ съ отчетливымъ и систематическимъ составленіемъ сводовъ изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ, обязаны постановить свои окончательныя заключенія и начертать проекты положеній, руководствуясь: высочайшими повелѣніями, на сей предметъ послѣдовавшими, высочайше утвержденными положеніями главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ и постановленіями комиссіи сего комитета. При этомъ редакціонныя комиссіи должны принять въ соображеніе: а) письменныя мнѣнія членовъ комиссіи главнаго комитета и замѣчанія министерства внутреннихъ дѣлъ по проектамъ губернскихъ комитетовъ; б) мѣстныя свѣдѣнія, собранныя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ; в) нынѣ существующія законоположенія въ имперіи; сіи послѣднія для соображеній комиссій съ общимъ духомъ законодательства“ (Ibid.).

Сличая предположеніе главнаго комитета объ организаціи редакціонныхъ комиссій съ высочайшимъ повелѣніемъ объ учрежденіи ихъ, мы видимъ, что они различны только въ двухъ пунктахъ, но за то въ весьма существенныхъ въ практическомъ смыслѣ. Одно изъ этихъ различій касается объема правъ, широты задачи, предоставленной редакціоннымъ комиссіямъ; другое—объема правъ предсѣдателя этихъ комиссій.

По предложенію главнаго комитета, на редакціонныя комиссіи возлагалась только *предварительная работа составленія сводовъ изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ;* по высочайшему же повелѣнію,

редакціонныя комиссіи имѣютъ задачею не только составить своды изъ проектовъ комитетовъ, но и *начертать проектъ общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.* Такимъ образомъ, *самое важное дѣло составленія перваго проекта законоположенія передается отъ главнаго комитета редакціоннымъ комиссіямъ.* Важность этой перемѣны, вліяніе ея на судьбу крестьянской реформы станутъ для читателя очевидны, когда онъ познакомится, изъ дальнѣйшаго изложенія, съ личнымъ составомъ редакціонныхъ комиссій, представлявшимъ по своимъ воззрѣніямъ на *коренныя* основанія реформы, совершенную противоположность реакціонному, зараженному дворянскими сословными интересами направленію большинства членовъ главнаго комитета.

По этой же причинѣ, весьма важное значеніе имѣло и другое измѣненіе, сдѣланное Императоромъ въ предложеніи главнаго комитета, а именно, предоставленіе избранія *членовъ-экспертовъ* въ редакціонныя комиссіи единственно *усмотрѣнію* предсѣдателя этихъ комиссій. вмѣсто предполагавшагося назначенія ихъ главнымъ комитетомъ, Благодаря этой перемѣнѣ, Ростовцевъ получилъ возможность пригласить въ комиссіи людей прогрессивнаго направленія, людей, относившихся съ участіемъ къ интересамъ крестьянства.

Вѣсть объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій и о назначеніи предсѣдателемъ ихъ Ростовцева произвела, по свидѣтельству современниковъ, весьма благопріятное впечатлѣніе во всѣхъ кружкахъ, сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ. „Всеподданнѣйшія письма“ и дѣятельность Ростовцева въ крестьянскомъ дѣлѣ по возвращеніи изъ-за границы сблизили съ нимъ людей прогрессивнаго направленія. Враги дѣла молчали, а такія личности, какъ *Муравьевъ*, всѣми силами старались показать полную готовность содѣйствовать ему въ исполненіи возложенной на него трудной обязанности.

Вскорѣ послѣ открытія редакціонныхъ комиссій состоялось высочайшее повелѣніе (отъ 27-го апрѣля 1859 года) объ образованіи финансовой комиссіи, слѣдующаго содержанія:

„1. Къ двумъ редакціоннымъ комиссіямъ, учрежденнымъ для составленія Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, присоединить еще третью, для разсмотрѣнія предположеній о финансовыхъ мѣрахъ къ облегченію крестьянамъ выкупа земельныхъ угодій и для обсужденія—какіе способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ въ выкупѣ.

2. Комиссію эту составить подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, генералъ-адъютанта Ростовцева:

а) изъ членовъ, избранныхъ предсѣдателемъ комиссій изъ лицъ, спеціально изучившихъ финансовыя науки, практически знающихъ Россію, и б) изъ представителей, съ тѣми же условіями, отъ министерства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и вѣдомства опе-

кунскихъ совѣтовъ, назначенныхъ министрами и статсъ-секретаремъ по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи, по соглашенію ихъ съ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій.

3. О всѣхъ лицахъ, избранныхъ и назначенныхъ въ составъ комиссіи, предсѣдателю довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Лица, избранныя въ составъ комиссіи, вызываются именемъ Его Величества.

4. Внутреннее устройство финансовой комиссіи и порядокъ производства въ оной работъ предоставить распоряженію предсѣдателя на тѣхъ же основаніяхъ, какъ сіе высочайше ему предоставлено въ отношеніи редакціонныхъ комиссій; и

5. Работы комиссіи, по окончаніи ихъ, предсѣдателю вносить въ комиссію главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, для разсмотрѣнія въ сей комиссіи, съ приглашеніемъ въ оную министра финансовъ, и для внесенія потомъ въ главный комитетъ" (Ibid.).

Все различіе въ назначеніи членовъ въ редакціонныя комиссіи и въ состоящую при нихъ финансовую комиссію состояло въ томъ, что члены въ комиссіи приглашались безъ обозначенія отдѣленія, въ которомъ они будутъ присутствовать—такихъ отдѣленій было три: юридическое, административное и хозяйственное, а членами финансовой комиссіи прямо назначались въ эту комиссію. При томъ члены юридическаго, административнаго и хозяйственнаго отдѣленій комиссій обязаны были принимать участіе во всѣхъ засѣданіяхъ общаго присутствія, а члены финансовой комиссіи—только въ засѣданіяхъ по дѣламъ финансовымъ, хотя большая часть бывала въ общемъ присутствіи и по дѣламъ другихъ отдѣленій.

Теперь посмотримъ, какъ образовался личный составъ редакціонныхъ комиссій. По высочайшему повелѣнію, предсѣдателю комиссій предстояло избрать членовъ изъ чиновниковъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и отъ II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, всего числомъ семь, по соглашенію съ главными начальниками сихъ вѣдомствъ, и членовъ-экспертовъ, по его усмотрѣнію, изъ помѣщиковъ. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ предсѣдатель могъ быть стѣсненъ условіемъ полученія согласія министровъ, съ которыми ему надлежало войти въ соглашеніе. И дѣйствительно, это обстоятельство не осталось безъ вліянія на назначеніе членовъ отъ министерства государственныхъ имуществъ. Я. А. Соловьевъ, съ которымъ Ростовцевъ совѣщался касательно назначенія членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, совѣтовалъ ему просить министра государственныхъ имуществъ назначить лицъ, занимавшихся кадастромъ, какъ, напримѣръ, *А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго*, тогда директора департамента сельскаго хозяйства и предсѣдателя центральной комиссіи кадастра, и *К. И. Домонтовича*—тогда правителя дѣлъ этой комиссіи

но *М. Н. Муравьевъ* не благоволилъ къ нимъ, и потому въ члены отъ министра государственныхъ имуществъ были назначены: *В. И. Булыгинъ* (кандидатъ Муравьева) и *Н. Н. Павловъ* (кандидатъ Ростовцева).

При выборѣ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ Ростовцевъ остановился на *А. К. Гирсѣ*, котораго онъ зналъ и по семейнымъ своимъ связямъ, и по географическому обществу. Другой членъ *Н. А. Милютинъ* былъ выбранъ имъ по рекомендаціямъ.

Члены отъ министерства юстиціи и II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи были назначены, по желанію Ростовцева, оберъ-прокуроры сената *М. Н. Любощинскій*, *Н. П. Семеновъ* (братъ П. П. Семенова, завѣдывавшаго дѣлами редакціонныхъ комиссій) и бывшій профессоръ московскаго университета *Н. В. Калачовъ*.

Итакъ, всѣхъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ было: два непремѣнныхъ, по двое отъ трехъ министерствъ, и одинъ отъ II-го отдѣленія, всего 9 человѣкъ. Къ этому вскорѣ присоединился *И. П. Арапетовъ* отъ образованнаго при министерствѣ удѣловъ комитета для устройства крестьянъ разныхъ вѣдомствъ; а въ концѣ существованія редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ еще другой членъ отъ II-го отдѣленія *А. Н. Поповъ*. Назначеніе послѣдняго послѣдовало по иниціативѣ Н. А. Милютина, съ цѣлью содѣйствія редакціоннымъ комиссіямъ въ кодификаціонныхъ работахъ. Такимъ образомъ, всѣхъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ было 11.

При выборѣ *членовъ-экспертовъ отъ разныхъ губерній* положено было за правило приглашать членовъ, принадлежащихъ въ губернскихъ комитетахъ къ *прогрессивному* меньшинству. На основаніи сего были назначены: *Г. П. Галаганъ* и *В. В. Тарновскій* (изъ черниговскаго комитета); *Н. И Желѣзновъ* (изъ новгородскаго); *Ю. Ѳ. Самаринъ* (изъ самарскаго); *А. Н. Татариновъ* (изъ симбирскаго) и князь *В. А. Черкасскій* (изъ тульскаго). Но Ростовцеву и его единомышленникамъ не удалось провести вполнѣ свою мысль—пригласить членами въ редакціонныя комиссіи лицъ, принадлежащихъ въ губернскихъ комитетахъ къ прогрессивному меньшинству. Мы говорили уже, что консервативная партія въ Петербургѣ, убѣдившись въ невозможности остановить реформу, употребляла всѣ усилія, чтобы направить ее сообразно сословнымъ интересамъ дворянства, направить ее такъ, чтобы дворянство сохранило возможно болѣе привилегій и понесло возможно меньшія матеріальныя потери. Учрежденіе редакціонныхъ комиссій, подъ предсѣдательствомъ Ростовцева, было для этой партіи новымъ сильнымъ ударомъ. Теперь она сосредоточила свою агитацію на проведеніи въ члены редакціонныхъ комиссій представителей охранительнаго начала. И вслѣдствіе ея происковъ въ комиссію были

приглашены: *графъ П. П. Шуваловъ* (губернскій предводитель дворянства и предсѣдатель петербургскаго комитета), *В. В. Апраксинъ* (губернскій предводитель дворянства и предсѣдатель орловскаго комитета) и *М. П. Позенъ* (составитель „программы" для губернскихъ комитетовъ и членъ полтавскаго комитета).

Кромѣ членовъ изъ великорусскихъ и малороссійскихъ губернскихъ комитетовъ, необходимо было также вызвать членовъ-экспертовъ отъ комитетовъ западныхъ губерній. Задача эта требовала болѣе подробныхъ изслѣдованій, потому что въ западныхъ комитетахъ не было проектовъ меньшинства. Ростовцевъ обратился къ Я. А. Соловьеву и просилъ его рекомендовать членовъ-экспертовъ изъ западныхъ губерній. Соловьевъ, зная *Колошина* и *Шульца*—членовъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ общихъ комиссіяхъ виленской и кіевской—за людей, сочувствующихъ видамъ Ростовцева, предполагая въ нихъ знакомство съ воззрѣніями помѣщиковъ западныхъ губерній на крестьянскій вопросъ, обратился къ нимъ за указаніями. Вотъ что они писали ему („Русская Старина". Февраль. 1880 г.):

Колошинъ (отъ 3-го апрѣля 1859 г.): „Изъ членовъ общей виленской комиссіи, если нѣкоторые и говорятъ по-русски, то ни одинъ, за исключеніемъ русскаго Порошина, не умѣетъ отчетливо написать свои мысли по-русски. Да при томъ каждый разсматриваетъ крестьянскій вопросъ съ помѣщичьей точки зрѣнія". Въ другомъ письмѣ (отъ 12-го апрѣля): „Если же выбирать изъ мѣстныхъ дворянъ (а не изъ числа членовъ общей комиссіи), то по Виленской губерніи можно бы пригласить Гелинга (написавшаго въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ" двѣ статьи, но врага усадебъ) или Ясинскаго, представившаго при подписаніи виленскаго проекта, что такой проектъ не улучшитъ быта крестьянъ". Въ третьемъ письмѣ (отъ 16-го апрѣля) Колошинъ указывалъ еще на двухъ лицъ: „Гегевича, который въ виленскомъ комитетѣ держался постоянно идеи вѣчнаго чинша, и за мнѣнія свои по крестьянскому дѣлу удостоенъ здѣшнимъ дворянствомъ названія „краснаго"... Кромѣ того, по справедливости можно указать еще на Шишко. Съ нимъ я разговаривалъ; онъ горячій защитникъ чинша. Его также здѣсь не любятъ". На основаніи этой рекомендаціи, въ члены-эксперты отъ виленскаго генералъ-губернаторства былъ выбранъ *Гегевичъ*; но онъ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ оппонентовъ большинства редакціонныхъ комиссій и свои противоположные взгляды на крестьянское дѣло развилъ подробно въ особыхъ мнѣніяхъ.

Шульцъ настоятельно рекомендовалъ кіевскаго губернскаго предводителя *Ярошинскаго*, который и былъ приглашенъ. Но, за избра-

ніемъ Ярошинскаго, редакціоннымъ комиссіямъ нужно было имѣть члена-эксперта изъ Волынской или Подольской губерніи. О составѣ этихъ комитетовъ Шульцъ писалъ, что „въ подольскомъ комитетѣ лучшимъ членомъ былъ Гурскій, но онъ, по болѣзни, въ Петербургъ не поѣдетъ. Въ числѣ членовъ тамъ больше надежныхъ нѣтъ, а изъ помѣщиковъ (не членовъ комитета) есть Гробянка—человѣкъ умный, образованный и либеральный... Онъ давнишній эманципаторъ, искренно сочувствующій всѣмъ видамъ и дѣйствіямъ Государя". Далѣе Шульцъ продолжаетъ: „По Волынской губерніи лучше другихъ членъ нашей общей кіевской комиссіи Хонскій, да кажется и все тутъ"... На основаніи этихъ отзывовъ, былъ избранъ въ члены-эксперты Гробянка, который, по словамъ Я. А. Соловьева, „оказался, впрочемъ, мало полезнымъ, хотя и не особенно вреднымъ, потому что не съ такимъ упорствомъ поддерживалъ польско-помѣщичьи интересы, съ какимъ защищалъ ихъ Гегевичъ".

Наконецъ, послѣдній представитель западныхъ губерній былъ членъ минскаго комитета *Залѣсскій*. Въ имѣющихся у насъ матеріалахъ нѣтъ указаній о поводахъ къ назначенію его. По словамъ Соловьева, „онъ вышелъ либеральнѣе всѣхъ своихъ сотоварищей изъ западныхъ губерній и оказывалъ помощь редакціоннымъ комиссіямъ прямымъ своимъ содѣйствіемъ".

Остальные члены-эксперты не принадлежали къ составу губернскихъ комитетовъ; попали же они въ редакціонныя комиссіи по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и члены комитетовъ.

По сочувствію къ крестьянскому дѣлу были приглашены *П. А. Булгаковъ* (бывшій въ это время генералъ-провіантмейстеромъ, а передъ тѣмъ губернаторомъ); князь *С. П. Голицынъ* (написавшій брошюру по крестьянскому дѣлу, подъ заглавіемъ: „Печатная правда"); *П. П. Семеновъ* (тогда молодой ученый, составившій себѣ извѣстность путешествіемъ въ Среднюю Азію) и *Н. П. Шишковъ* (извѣстный сельскій хозяинъ Рязанской и Тульской губерній).

По проискамъ консервативной партіи: князь *Б. Д. Голицынъ* и князь *Ѳ. И. Паскевичъ*; сюда же слѣдуетъ причислить казанскаго помѣщика и редактора „Журнала Землевладѣльцевъ" *А. Д. Желтухина*.

Такимъ образомъ, всѣхъ членовъ-экспертовъ было приглашено:

Изъ членовъ губернскихъ комитетовъ	12
Изъ дворянъ-помѣщиковъ, не бывшихъ членами комитета . .	8
Всего	20

Слѣдовательно, вдвое больше числа правительственныхъ членовъ. Но это отношеніе нѣсколько измѣнялось тѣмъ, что князь *Б. Д. Го-*

лицынъ и *Шишковъ* вовсе не присутствовали въ комиссіяхъ, хотя послѣдній и присылалъ предсѣдателю свои мнѣнія по доставляемымъ ему трудамъ редакціонныхъ комиссій. Такъ что, въ дѣйствительности число членовъ-экспертовъ, присутствовавшихъ въ комиссіяхъ, было 18.

Изъ этого числа къ прогрессивному направленію принадлежали 11 членовъ, къ консервативному—7 членовъ.

Въ финансовую комиссію членами поступили: отъ министерства финансовъ *Ю. А. Гагемейстеръ* и *М. Х. Рейтернъ* (не задолго до закрытія редакціонныхъ комиссій); отъ вѣдомства опекунскихъ совѣтовъ *Н. А. Христофари*; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ *Н. А. Милютинъ*, и отъ министерства государственныхъ имуществъ *Е. И. Ламанскій*. Въ члены-эксперты были приглашены: *Н. Х. Бунге*, *А. П. Заблоцкій-Десятовскій*, *К. И. Домонтовичъ* и *М. П. Позенъ*. Эти имена показываютъ, что Ростовцевъ составилъ финансовую комиссію изъ лицъ, которыя въ то время были лучшими представителями финансовъ, или въ наукѣ, или въ административной практикѣ. Таковы Бунге, Гагемейстеръ, Заблоцкій-Десятовскій, Милютинъ, Рейтернъ, Домонтовичъ; Позена считали знатокомъ финансовой практики; Ростовцевъ, Бутковъ и нѣкоторые другіе.

Всѣхъ членовъ финансовой комиссіи было девять; но изъ этого числа, чтобы не показать вдвое, надо исключить Милютина и Позена—перваго, какъ уже находившагося въ составѣ редакціонныхъ комиссій, а втораго включивъ въ общій счетъ членовъ-экспертовъ изъ помѣщиковъ.

Такимъ образомъ, редакціонныя комиссіи имѣли слѣдующій составъ:

Правительственныхъ членовъ.	11
Членовъ-экспертовъ	18
Членовъ финансовой комиссіи	7
Всего	36

Изъ предыдущаго изложенія можно было видѣть, что большинство членовъ было прогрессивнаго направленія; консервативное меньшинство состояло: изъ пяти членовъ-экспертовъ коренныхъ русскихъ губерній, двухъ членовъ-экспертовъ изъ западныхъ губерній и одного правительственнаго члена (Булыгина); и если даже сюда причислить двухъ или трехъ колебавшихся въ своихъ мнѣніяхъ членовъ, то самое большое меньшинство могло доходить до 11 человѣкъ, слѣдовательно, составляло менѣе трети общаго состава комиссій; но число это и сила оппозиціи еще болѣе уменьшились за выбытіемъ вскорѣ изъ комиссіи графа Шувалова, князя Паскевича и Позена.

Охарактеризовавъ личный составъ редакціонныхъ комиссій, намъ слѣдуетъ теперь приступить къ описанію распредѣленія членовъ по отдѣленіямъ: юридическому, административному и хозяйственному и вообще къ организаціи и содержанію работъ въ комиссіяхъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому предмету, скажемъ объ отношеніи литературы эпохи преобразованія къ крестьянскому вопросу.

IV.

Роль литературы въ крестьянской реформѣ.—Цензурныя условія, которыми была обставлена литература въ отношеніи свободы обсужденія вопросовъ крестьянской реформы.—Выясненныя литературою начала возможно лучшаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса.—Особый характеръ „Журнала Землевладѣльцевъ".—Сочувствіе крестьянской реформѣ извѣстной части дворянства и объясненіе этого факта.—Итоги рѣшеній литературою самыхъ существенныхъ сторонъ преобразованія сельскаго быта: 1) Переходное состояніе. 2) Надѣленіе крестьянъ полевою землею въ собственность. 3) Выкупъ. 4) Вотчинная, полиція. 5) Общинное землевладѣніе.

Литература служитъ всецѣло отраженіемъ общества, его интересовъ и стремленій, всецѣло выраженіемъ ума, знаній, талантовъ, словомъ, *генія* націи лишь въ томъ случаѣ, если она не стѣснена цензурою и за проступки подчинена одной только судебной юрисдикціи. Но когда печатное выраженіе мысли сковано въ болѣе или менѣе тѣсныя рамки, когда изъяты изъ обсужденія тѣ или другіе запросы человѣческаго духа, тогда для правильнаго отношенія къ литературѣ, а слѣдовательно, и къ современному ей обществу, для правильнаго сужденіи о сдѣланномъ ею, о ея заслугахъ, необходимо принять во вниманіе условія, стѣснявшія свободу печатнаго слова. А потому, изображая роль литературы въ крестьянскомъ вопросѣ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлаемъ указаніе и на тѣ цензурныя условія, въ которыяона ставилась въ отношеніи свободы обсужденія крестьянскаго дѣла.

Съ изданіемъ рескриптовъ, литература впервые получила возможность говорить прямо, безъ обиняковъ, о крѣпостномъ правѣ и обсуждать вопросы новаго устройства сельскаго быта; и она воспользовалась этою возможностью съ энергіею и знаменательнымъ единодушіемъ, внесла въ обсужденіе массы разнообразныхъ вопросовъ знаніе дѣла, практичность и широту воззрѣній, и сослужила крестьянскому дѣлу великую службу. „Современникъ", „Отечественныя Записки", „Библіотека для чтенія", „Русскій Вѣстникъ", „Атеней", словомъ, почти всѣ журналы и газеты начали печатать замѣчательныя статьи по крестьянскому вопросу. Въ Москвѣ былъ открытъ особый еженедѣльный журналъ, исключительно посвященный дѣлу

преобразованія сельскаго быта. Органъ этотъ, подъ заглавіемъ: „Сельское Благоустройство", редижировался А. И. Кошелевымъ, и въ немъ принимали постоянное участіе князь Черкасскій и Ю. Самаринъ, бывшіе впослѣдствіи самыми дѣятельными членами редакціонныхъ комиссій. Первая январьская книжка „Сельское Благоустройство" начиналась слѣдующимъ предисловіемъ:

„Приступая къ новому, великому, самому значительному дѣлу нашей новѣйшей исторіи—къ такому дѣлу, которое должно обновить насъ, пересоздать наши частныя и общественныя отношенія и устройство—къ дѣлу, могущему и имѣющему исцѣлить нашъ бытъ отъ язвъ, такъ сильно истощающихъ лучшіе соки русской жизни, все больнѣе нами чувствуемыхъ и яснѣе сознаваемыхъ—мы должны вполнѣ проникнуться убѣжденіемъ, что такая животворная задача разрѣшается лишь въ духѣ мира и любви къ ближнимъ. Только непросвѣщенное и недальновидное своекорыстіе можетъ искать своихъ выгодъ въ стѣсненіяхъ и бѣдствіяхъ другого; разумное себялюбіе необходимо приходитъ къ сознанію, что благо личное неразрывно соединено съ благомъ общественнымъ, отъ него зависитъ и на немъ утверждается...

„Приводимъ не разъ уже сказанное правило, давно принятое обществами, ранѣе насъ выступившими на историческое поприще: *общее дѣло всего народа есть частное дѣло каждаго изъ его членовъ.*

„Примитесь же дружно за предлежащее намъ дѣло, люди разныхъ мнѣній! соединитесь во имя великой задачи, выдвинутой государственною жизнью нашего отечества и благовременно сознанной мудростью и благодушіемъ нашего Царя! Имъ поданъ высокій примѣръ. Онъ призвалъ насъ всѣхъ къ дѣлу; пусть и каждый изъ насъ словомъ и дѣломъ призываетъ всѣхъ и каждаго къ разъясненію и утвержденію собственныхъ своихъ мнѣній объ основной задачѣ нашего времени".

„Русскій Вѣстникъ", открывая въ мартовской книжкѣ журнала особый отдѣлъ для крестьянскаго вопроса, предпослалъ ему предисловіе, въ которомъ высказана программа воззрѣній журнала на желаемое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. *И эта программа, шедшая дальше началъ рескрипта, дѣйствительно осуществилась.*

Преобразованіе сельскаго быта, говорится въ предисловіи, есть, безъ сомнѣнія, самый важный вопросъ въ нашемъ отечествѣ. Всѣ интересы общества, и нравственные, и вещественные, сосредоточились теперь въ этомъ великомъ дѣлѣ. „Никто, отъ трона до хижины, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ нему; въ каждомъ вызываетъ оно какую-нибудь мысль, какое-нибудь побужденіе, которое ищетъ заявить себя; у каждаго есть какое-нибудь слово, которое хо-

четъ сказаться. „Русскій Вѣстникъ“ не можетъ не посвятить этому вопросу серьезнаго вниманія и не открыть своихъ страницъ для различныхъ возбуждаемыхъ имъ мнѣній“. Затѣмъ, сказавъ о важномъ значеніи для правильности разрѣшенія вопроса того факта, что преобразованіе совершается не темнымъ канцелярскимъ путемъ, но открыто, гласно, всенародно, журналъ приглашаетъ общество доставлять ему всякаго рода мнѣнія и замѣчанія о крестьянскомъ вопросѣ, хотя бы самыя краткія и отрывочныя“. Единственное условіе для обнародованія ихъ въ нашемъ журналѣ, которое мы ставимъ, продолжаетъ предисловіе, заключается въ искреннемъ и полномъ согласіи съ главнымъ смысломъ вопроса. Только тогда чужое мнѣніе можетъ найти себѣ мѣсто на страницахъ нашего журнала, когда оно будетъ вполнѣ проникнуто чувствомъ необходимости и справедливости великаго преобразованія, которому пробилъ, наконецъ, часъ въ нашемъ отечествѣ. Мы принимаемъ всякое замѣчаніе касательно способовъ будущаго устройства крестьянскаго быта, хотя бы и не совсѣмъ согласное съ нашими собственными воззрѣніями. Это вопросъ по преимуществу практическій, тѣсно связанный съ множествомъ обстоятельствъ и отношеній, которыя должны быть принимаемы въ расчетъ. Но допуская разнообразіе и даже разнорѣчіе мнѣній по этому вопросу въ его частностяхъ, мы заранѣе отвергаемъ все сколько-нибудь направленное къ тому, чтобы умалить значеніе вопроса, которое, во всей своей силѣ, должно оставаться выше всякаго сомнѣнія и колебанія.

„*Гражданская полноправность крестьянина*—вотъ что должно быть высшею цѣлью стремленій. Все другое должно подчиниться этой главной цѣли, все другое должно быть отброшено, какъ скоро окажется радикально несогласнымъ съ этой цѣлью. Затѣмъ мы радушно встрѣтимъ всякое мнѣніе, которому будетъ угодно пройти въ эти ворота. Мы допускаемъ въ означенныхъ предѣлахъ самое полное разнообразіе мнѣній, хотя сами, тѣмъ не менѣе, руководствуемся опредѣленными воззрѣніями и считаемъ долгомъ теперь же вкратцѣ намѣтить ихъ сущность.

„По нашему мнѣнію, преобразованіе должно прежде всего войти въ существующее положеніе дѣла. Такъ какъ оно предпринимается въ интересахъ не теоріи, а дѣйствительности, *то и должно какъ можно тѣснѣе примкнуть къ разнобразію условій, данныхъ въ дѣйствительности.* Требуется измѣнить существующія отношенія, слѣдовательно, напередъ требуется изученіе всего разнообразія этихъ отношеній. Въ различныхъ мѣстностяхъ трудъ и земля цѣнятся различно: это различіе должно быть положено въ основаніе дѣла. Какаялибо общая норма, одинаковая для всѣхъ мѣстностей—не только цѣ-

лой Россіи, но даже одной какой-нибудь губерніи, а во многихъ случаяхъ и одного какого-нибудь уѣзда—будетъ по необходимости соединяться съ нарушеніемъ интересовъ либо помѣщичьихъ, либо крестьянскихъ, и съ потрясеніемъ существующаго хозяйства. Какъ надѣлъ землею крестьянъ, такъ и повинности съ нихъ за пользованіе землею, должны видоизмѣняться по различнымъ мѣстностямъ и, по нашему мнѣнію, сколь можно болѣе согласоваться съ существующими теперь отношеніями". (Слѣдуетъ аргументація)... „Дѣло обойдется безъ ломки, и работою комитетовъ будетъ только приведеніе въ извѣстность находящихся въ крестьянскомъ пользованіи полей и угодій, и несомыхъ крестьянами тягостей. Безъ сомнѣнія, здѣсь долженъ быть положенъ предѣлъ. Могутъ оказаться имѣнія, въ которыхъ означенныя отношенія установлены чисто однимъ произволомъ помѣщика, и совершенно не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ; для приведенія этихъ отношеній къ надлежащей нормѣ необходимо соображать положеніе крестьянъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ или даже въ цѣломъ уѣздѣ.

„Далѣе. Помѣщичьи крестьяне въ настоящее время отбываютъ свои повинности двоякимъ образомъ—барщиною или оброкомъ. Оброкъ, безъ сомнѣнія, ближе къ предположенной цѣли улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, чѣмъ барщина. Слѣдовательно, дальнѣйшимъ шагомъ должно быть замѣненіе обязательнаго труда оброкомъ.

„Наконецъ, третьимъ шагомъ, который долженъ окончательно приблизить дѣло къ его рѣшенію, была бы капитализація оброка посредствомъ банковъ. Этимъ устраняется всякая запутанность и неясность между помѣщикомъ и крестьяниномъ, и они становятся другъ къ другу въ отношенія вполнѣ чистыя и желанныя. Банкъ является посредникомъ между ними. Помѣщикъ не тяготится крестьянами и получаетъ часть своего дохода въ видѣ процентовъ банка; а крестьянинъ не тяготится помѣщикомъ и вноситъ свои повинности въ банкъ, а не прямо въ руки помѣщика. Неправильное состояніе частнаго кредита у насъ принесетъ въ этомъ дѣлѣ свою пользу и будетъ много способствовать оборотамъ земскихъ банковъ. Въ настоящее время рѣдкій помѣщикъ не согласится взять, за право собирать оброкъ въ 20 р., облигацію въ 250 р., приносящую 5%, ибо такую облигацію, достаточно гарантированную, можно всегда продать al pari. А крестьянинъ, платя 5% интереса, 1% погашенія и 1% издержекъ администраціи и застрахованія недоимки, будетъ платить 17 р. 50 к. вмѣсто 20 р. и получитъ возможность приберегать 2 р. 50 к. на черный день.

„Безъ сомнѣнія, одновременный прямой и полный выкупъ, тамъ,

гдѣ онъ возможенъ, былъ бы вѣрнѣйшимъ и лучшимъ способомъ для осуществленія реформы. Его слѣдуетъ облегчать и поощрять всякими мѣрами...

„Открывая въ нашемъ журналѣ настоящую рубрику для крестьянскаго вопроса, мы будемъ по возможности развивать и пояснять наши мнѣнія. Подъ этой рубрикой будутъ, во-первыхъ, помѣщаться наши замѣтки и обозрѣнія всего, что представитъ литература замѣчательнаго по этому вопросу; во-вторыхъ, замѣтки со стороны и письма изъ различныхъ мѣстностей, касающіяся какихъ-либо пунктовъ настоящаго и будущаго устройства крестьянъ и сообщающія болѣе или менѣе интересныя свѣдѣнія о ходѣ самаго дѣла, разнаго рода наблюденія и опыты".

До половины апрѣля журналы и газеты пользовались большою свободой въ разработкѣ вопросовъ крестьянскаго дѣла. Въ нихъ было помѣщено, въ числѣ статей, касавшихся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ преобразованія, много статей, доказывавшихъ историческое право крестьянъ на землю и безусловную необходимость не только во имя справедливости, но и по соображеніямъ политическимъ и экономическимъ первостепенной важности, вести дѣло къ тому, чтобы крестьянъ сдѣлать собственниками не одной усадебной, но и полевой земли. Вдругъ, во второй апрѣльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" особаго отдѣла: „Крестьянскій вопросъ" не оказалось, и, вмѣсто него, напечатано было отъ редакціи слѣдующее объявленіе:

„Редакція „Русскаго Вѣстника", *по нѣкоторымъ обстоятельствамъ*, отлагаетъ въ этомъ нумерѣ, *а можетъ быть, и въ слѣдующемъ*, продолженіе открытаго ею отдѣла, подъ заглавіемъ: „Крестьянскій вопросъ". Такъ какъ статьи и письма по вопросу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ были доставлены въ редакцію по ея собственному вызову, и такъ какъ она приняла на себя обязанность обнародовать ихъ, то она считаетъ своимъ долгомъ объявить при этомъ случаѣ, что она отнюдь не уклоняется отъ исполненія своей обязанности и воспользуется *первою возможностью*, чтобы дать полученнымъ ею корреспонденціямъ и замѣткамъ гласность, для которой онѣ предназначены. Исполненные живѣйшаго желанія служить, по мѣрѣ нашихъ силъ и средствъ, великому дѣлу, мы, напротивъ, покорнѣйше просимъ гг. помѣщиковъ, которые пожелаютъ избрать насъ посредниками между ними и русскою публикою, о сообщеніи намъ и впредь своихъ замѣчаній. Какъ тѣмъ, что уже доставлено намъ съ разныхъ концовъ Россіи, такъ и тѣмъ, что будетъ и впредь доставляемо, мы не преминемъ воспользоваться со всею добросовѣстностью и будемъ служить вѣрно, на основаніяхъ, объявленныхъ

нашимъ журналомъ, обмѣну мыслей и соображеній, хотя бы они и не были согласны съ нашими собственными взглядами".

Что же такое случилось, что заставило „Русскій Вѣстникъ" пріостановить такъ внезапно едва открытый отдѣлъ для крестьянскаго вопроса?

Случилось слѣдующее происшествіе.

Еще до учрежденія „секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу", въ публикѣ и правительствѣ обращалось много частныхъ записокъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ числѣ ихъ была и записка профессора Кавелина, обращавшая на себя вниманіе знаніемъ предмета, глубиной мысли и прекраснымъ изложеніемъ. О достоинствахъ ея можно уже судить потому, что всѣ тѣ начала, которыя въ ней указаны, были впослѣдствіи защищаемы и проводимы просвѣщенною частью нашего общества, всѣми вліятельными литературными органами и окончательно легли въ основаніе трудовъ редакціонныхъ комиссій.

Въ январѣ 1858 г., когда литературное движеніе по крестьянскому вопросу было уже въ полномъ разгарѣ, журналъ „Современникъ" просилъ у Кавелина записку для печати. Кавелинъ напечаталъ въ февральской и апрѣльской книжкахъ этого журнала статью подъ заглавіемъ: „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта", вторая часть которой заключала въ себѣ упомянутую записку. Надо замѣтить, что Кавелинъ читалъ въ это время лекціи русскаго права Наслѣднику Цесаревичу, каковымъ порученіемъ были недовольны многія лица высшаго правительства и въ томъ числѣ шефъ жандармовъ. Первая часть статьи прошла благополучно. Но, при появленіи второй части, въ которой въ особенности говорилось о выкупѣ полевой земли и необходимости замѣнить сословныя административныя привилегіи общимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, нашли возможнымъ заявить о ней въ главномъ комитетѣ, какъ о произведеніи совершенно противномъ видамъ правительства и возмутительномъ. Шефу жандармовъ поручено было изслѣдовать дѣло. Панаевъ, редакторъ „Современника", и Кавелинъ были призваны къ нему для объясненій. Вытребована была подлинная рукопись, изъ которой сдѣлали сборныя выписки, съ включеніемъ даже мѣстъ вычеркнутыхъ или измѣненныхъ въ рукописи самимъ авторомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что цензору, пропустившему статью, былъ сдѣланъ выговоръ, а министру просвѣщенія Ковалевскому повелѣно дать по цензурному управленію слѣдующій циркуляръ: „Въ апрѣльской книжкѣ журнала „Современникъ" напечатана статья: „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта". Не говоря уже о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ выраженіяхъ и сужденіяхъ автора сей статьи о столь важномъ государ-

ственномъ вопросѣ, въ ней главная мысль состоитъ въ томъ, что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими реcприптами, касательно устройства быта крестьянъ, при освобожденіи ихъ изъ крѣпостного состоянія, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются. Находя такое направленіе статей о помѣщичьихъ крестьянахъ противнымъ высочайше установленнымъ для цензуры ихъ правиламъ, я покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о недопущеніи къ печати статей вышеизъясненнаго содержанія и вообще о строгомъ соблюденіи предписанныхъ правилъ". (Матеріалы для упраздненія крѣпостного состоянія Т. I., стр. 245).

Вслѣдъ за симъ 22-го апрѣля, составленъ въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу и переданъ министру народнаго просвѣщенія къ подписанію и исполненію еще другой циркуляръ слѣдующаго содержанія:

„Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться статьи, относящіяся до предпринятаго улучшенія и устройства крестьянскаго быта, гдѣ предлагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ, излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицейскихъ ихъ власти; помѣщаются противу дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія и, наконецъ, стараются доказать право собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на пріобрѣтеніе усадьбъ въ собственность безъ выкупа. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные разсказы случаевъ злоупотребленія помѣщичьей власти... Кромѣ того дошло до высочайшаго свѣдѣнія, что цензура, разрѣшая къ печатанію статьи, написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ" (!!!). (Мы не могли провѣрить, насколько такой слухъ былъ основателенъ, но одно уже существованіе его и указаніе на него главнаго комитета служатъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ духа времени и тогдашняго настроенія общественнаго мнѣнія). „Поэтому, признавая необходимымъ, чтобы при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса не были рѣшительно допускаемы къ напечатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы и помѣщиковъ, и крестьянъ, предписывается: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ указанныхъ уже по сему предмету Его Императорскимъ Величествомъ. Съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, цензурѣ дозволяется допускать къ печатанію только тѣ чисто ученыя теоретическія, историческія и статистиче-

скія сочиненія и статьи, гдѣ обсуживаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, статьи, не противныя духу и направленію означенной программы, не вдаваясь отнюдь въ сужденіе о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается, чтобы цензура, разрѣшая печатаніе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатать статьи, написанныя въ пользу помѣщиковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще сочиненія кои могутъ возбуждать одно сословіе противъ другого, но всегда обращая строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія". (Ibid. стр. 246 и 7).

Вслѣдствіе этого циркуляра, литература лишилась возможности обсуждать прямо, безъ обиняковъ, и всесторонне коренные вопросы преобразованія, а именно вопросы о выкупѣ полевыхъ угодій и о вотчинной полиціи помѣщиковъ. Вопросъ же о вотчиной полиціи помѣщиковъ представлялъ, само собою разумѣется, вопросъ о личныхъ гражданскихъ правахъ крестьянъ, т. е. вопросъ объ ограниченномъ или полномъ освобожденіи крестьянъ.

Но литература наша издавна уже выработала эзопскую форму рѣчи, подъ прикрытіемъ которой проводила желаемую мысль, а читатели пріобрѣли навыкъ „читать между строкъ". Проводить разными косвенными способами мысли о необходимости выкупа полевыхъ угодій и полнаго освобожденія крестьянъ было тѣмъ удобнѣе, что сами цензора сочувствовали этимъ идеямъ. И дѣйствительно, мысль о выкупѣ сквозитъ во всѣхъ журналахъ вплоть до времени снятія съ нея оковъ. Вопросъ же вотчинной полиціи помѣщиковъ литература, не нарушая цензурныхъ правилъ, могла обсуждать и рѣшать въ смыслѣ сохраненія за помѣщиками весьма незначительной доли административной власти.

Въ такихъ цензурныхъ условіяхъ находилась литература по отношенію къ крестьянскому дѣлу въ продолженіе семи мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ правительство, наконецъ убѣдилось въ необходимости допустить выкупъ крестьянами полевыхъ угодій и разрѣшило губернскимъ комитетамъ и литературѣ разработать этотъ вопросъ (въ отношеніи губернскихъ комитетовъ время уже было упущено, такъ какъ многіе изъ нихъ заканчивали работы и данный имъ срокъ истекалъ; нѣкоторые же уже отослали составленныя ими положенія въ Петербургъ); и далѣе, правительство усомнилось въ надобности и пользѣ сохраненія за помѣщиками вотчинной полиціи, что и выражено было въ приведенномъ нами выше декабрьскомъ журналѣ главнаго комитета.

Такимъ образомъ, съ декабря 1898 г., рамки литературы въ отношенiи обсужденiя крестьянскаго дѣла расширяются, ей даруется право писать о выкупѣ полевой земли и сомнѣваться въ пользѣ сохраненiя за помѣщиками вотчинной полицiи, въ отношенiи же обсужденiя литературою другихъ, тѣсно соприкасающихся съ преобразованiемъ крестьянскаго быта сторонъ общественной жизни какъ напримѣръ, новаго устройства полицiи, суда крестьянскаго самоуправленiя, учрежденiй, получившихъ впослѣдствiи названiе земскихъ—здѣсь, въ этой области, литература продолжала находиться въ крайнихъ цензурныхъ тискахъ, и только шопотомъ, обинякми, намеками говорила объ этихъ предметахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на предоставленную литературѣ большую свободу обсужденiя крестьянскаго вопроса, самый фактъ представленiя статей на предварительную цензуру имѣлъ слѣдствiемъ прекращенiе влiятельнаго и прекрасно дирижировавшагося органа, посвященнаго при томъ исключительно крестьянскому дѣлу. Мы говоримъ о журналѣ „Сельское Благоустройство", прекратившемся на 2-мъ № 1859 года. Въ началѣ 1859 года вышло распоряженiе, чтобы статьи по крестьянскому вопросу, помимо общей цензуры, поступали еще на предварительную цензуру главнаго комитета, и редакцiямъ приходилось ждать мѣсяцы резолюцiй комитета. Общiе журналы, печатая статьи по разнымъ предметамъ, могли выходить въ свѣтъ не ожидая возвращенiя изъ комитета статей по крестьянскому вопросу. Спецiальный же органъ по крестьянскому дѣлу вполнѣ зависѣлъ въ этомъ отношенiи отъ любезности и трудолюбiя цензоровъ. Благодаря этому, „Сельское Благоустройство" опаздывало выходомъ въ свѣтъ часто на два и на три мѣсяца. Вотъ объясненiе самой редакцiи журнала о причинахъ прекращенiя ея органа. „Выпуская, наконецъ, въ апрѣлѣ февральскiй № „Сельскаго Благоустройства", мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявляемъ, что рѣшились прекратить наше изданiе. Журналъ, имѣющiй исключительно предметомъ крестьянское дѣло, такъ быстро у насъ развивающееся, долженъ выходить своевременно: статьи запоздалыя неминуемо утрачиваютъ свое значенiе. Не имѣя возможности, *по причинамъ, совершенно отъ редакцiи независящимъ*, выпускать книжки въ срокъ и въ надлежащемъ составѣ, мы предпочитаемъ отказаться отъ изданiя, чѣмъ представлять нашимъ читателямъ статьи неполныя по содержанiю и ослабленныя позднимъ появленiемъ. Прекращая „Сельское Благоустройство", мы, впрочемъ, предоставляемъ себѣ помѣщать въ „Русской Бесѣдѣ" тѣ статьи по крестьянскому дѣлу, которыя заключаютъ въ себѣ интересъ не быстро-проходящiй, и которыя, по выполненiи всѣхъ формальностей, сохранятъ еще нѣкоторое значенiе. Искренно благодаримъ нашихъ почтенныхъ со-

трудниковъ и подписчиковъ за ихъ содѣйствіе къ успѣху „Сельскаго Благоустройства“. Мы покидаемъ ежемѣсячную бесѣду съ ними неохотно, вслѣдствіе рѣшенія, принятаго нами не мгновенно, а послѣ трехъ-мѣсячныхъ ожиданій и размышленій“.

Указавъ на цензурныя условія, какими была обставлена литература въ отношеніи крестьянскаго вопроса, обрисуемъ теперь въ самыхъ *общихъ* чертахъ отношеніе къ дѣлу преобразованія тогдашнихъ большихъ литературно-политическихъ журналовъ („Современника“, „Русскаго Вѣстника“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Библіотеки для чтенія“, „Атенея“) и трехъ спеціальныхъ органовъ, изъ которыхъ два, „Сельское Благоустройство“ и „Журналъ Землевладѣлецъ“, издававшіеся въ Москвѣ, были посвящены исключительно крестьянскому вопросу, а третій, „Экономическій Указатель“, издававшійся въ Петербургѣ, имѣлъ задачею обсужденіе вообще экономическихъ вопросовъ. Затѣмъ мы подведемъ итоги рѣшеніямъ литературою самыхъ существенныхъ сторонъ крестьянской реформы.

Мы уже говорили, что литература обнаружила поистинѣ ликованіе въ виду приступа правительства къ преобразованію крестьянскаго быта. Ни одинъ печатный органъ не нарушалъ единодушія ея въ этомъ дѣлѣ. (О „Журналѣ Землевладѣльцевъ“, изданіе котораго началось лишь съ апрѣля 1858 года, будетъ сказано особо). Журналы энергично принялись за выясненіе началъ возможно лучшаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Всѣ они сходились въ томъ, во-первыхъ, что освобожденіе крестьянъ отъ власти помѣщиковъ должно быть совершено въ полной мѣрѣ и, во-вторыхъ, что крестьяне должны получить въ собственность, путемъ выкупа, не только усадебную землю, но и полевыя угодья [1]). Но, очевидно, разрѣшеніе второй задачи, трудной, колоссальной, заключало въ себѣ массу частныхъ вопросовъ. Укажемъ лишь на главные. Литература обсуждала: а) что понимать подъ усадьбой, б) что принять за основаніе для опредѣленія размѣра крестьянскихъ надѣловъ, в) способы

[1]) Было мнѣніе и о безвозмездномъ надѣленіи крестьянъ землею. Но высказывать его печатно въ Россіи не дозволялось. А потому оно могло найти себѣ мѣсто только въ органахъ, издаваемыхъ за-границей. Характеристично отношеніе журнала „К......“ къ этой мысли, показывающее его реальное направленіе. Вотъ что писалъ по этому поводу одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ журналѣ „О......“:

„Внутренно я очень согласенъ на безвозмездное надѣленіе крестьянъ землею. Въ этомъ предложеніи есть столько широко-благороднаго, что мудрено ему не сочувствовать. Но опытъ доказываетъ, что примѣненіе его невозможно... На безвозмездное надѣленіе землею согласятся развѣ нѣсколько отдѣльныхъ личностей!“.

оцѣнки усадебной осѣдлости и полевыхъ угодій, г) способы выкупа, д) размѣры и формы (оброкъ и барщина) крестьянскихъ повинностей въ переходное время, до выкупа у помѣщика усадебныхъ и полевыхъ земель, е) основанія для оцѣнки барщиннаго труда, ж) общинное владѣніе землею. Всѣ эти вопросы касались самымъ прямымъ, непосредственнымъ образомъ имущественныхъ интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ, противоположныхъ между собой въ каждой изъ перечисленныхъ категорій. Но что самое знаменательное, отличающее крестьянскую реформу, *въ виду формы ея совершенія*, особымъ историческимъ значеніемъ, весьма важнымъ для соціолога, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне усложнявшее разрѣшеніе ея, это—что *противоположность интересовъ между крестьянами и помѣщиками въ крестьянской реформѣ вытекли изъ права собственности. Для реформы требовалось нарушить право собственности помѣщиковъ, такъ какъ сводъ законовъ не заключалъ въ себѣ ни одной статьи, благодаря которой можно было бы поставить реформу на юридическую почву.* У помѣщиковъ, вопреки желанію большинства ихъ, отнимали право собственности на обязательный трудъ крестьянъ, безъ всякаго вознагражденія, и право собственности на часть ихъ земли за вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣлялся правительствомъ. Статьи объ экспропріаціи, имѣвшіяся въ Сводѣ Законовъ, не подходили для обоснованія такой экспропріаціи [1]). Отсутствіе юридическихъ опредѣленій для экспропріаціи, выдвинутой силою вещей въ крестьянской реформѣ, открывало значительный просторъ мнѣніямъ по всѣмъ вопросамъ преобразованія, изъ коихъ имущественные вопросы можно свести въ двѣ самыя общія рубрики: количество земли, которое должно быть предоставлено въ собственность крестьянъ, и вознагражденіе помѣщиковъ за нее. Всѣ органы печати признавали право государства совершить экспропріацію, не взирая на то, что она не могла быть поставлена на юридическую почву. Всѣ они видѣли окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ предоставленіи крестьянамъ права собственности не только на усадебныя, но и на полевыя земли, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ они раздѣляли мысль о вознагражденіи землевладѣльцевъ за отходящія отъ нихъ земли. Но какъ только мы входимъ въ сферу вопросовъ о количествѣ земли, какое слѣдуетъ

---

[1]) Вопросъ о собственности въ крестьянской реформѣ представляетъ крайне поучительный интересъ. Онъ служитъ рѣдкостнымъ примѣромъ для доказательства неудовлетворительности, неполноты существующихъ въ юриспруденціи теорій о собственности и экспропріаціи ея. Подробное изложеніе этого вопроса будетъ нами сдѣлано при описаніи борьбы изъ-за права собственности помѣщиковъ на землю между редакціонными комиссіями съ одной стороны и депутатами отъ губернскихъ комитетовъ—съ другой.

предоставить крестьянамъ въ собственность, и о размѣрахъ вознагражденія за нее, то находимъ здѣсь значительное различіе въ мнѣніяхъ разныхъ органовъ печати. *Исходное положеніе, которое признавалось всѣми, состояло въ томъ, что помѣщики должны быть вознаграждены справедливымъ образомъ за отходящія отъ нихъ земли, и въ то же время всѣ соглашались, что опредѣленіе количества земли, долженствующей отойти къ крестьянамъ, и вознагражденіе за нее должно непремѣнно обусловливаться тѣмъ соображеніемъ, чтобы матеріальное положеніе крестьянъ улучшилось, хотя бы это вело за собой имущественныя жертвы для помѣщиковъ.* Но такъ какъ та граница, тѣ условія, съ осуществленіемъ которыхъ наступаетъ улучшеніе матеріальнаго быта крестьянъ, сравнительно съ состояніемъ его при крѣпостномъ правѣ, могли быть понимаемы различно, то отсюда и различіе въ мнѣніяхъ, которыхъ держались литературные органы насчетъ размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ, величины повинностей и выкупа. Въ виду отсутствія точной опредѣленности въ дѣлѣ согласованія двухъ требованій: справедливаго вознагражденія помѣщиковъ за земли и улучшенія матеріальнаго быта крестьянъ— элементъ чувствъ, большая или меньшая симпатія журнала къ судьбѣ народа естественно, можетъ быть часто и безсознательно, получили участіе при обсужденіи и разрѣшеніи относившихся сюда вопросовъ. Наибольшаго въ имущественномъ отношеніи въ интересахъ крестьянъ желали: „Современникъ", „Сельское Благоустройство" и „Атеней"; въ меньшей мѣрѣ, хотя и незначительно, „Русскій Вѣстникъ" и „Отечественныя Записки"; послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ „Библіотека для чтенія", гдѣ крестьянскій отдѣлъ велъ экономистъ манчестерской школы Тернеръ [1]), и „Экономическій Ука-

---

[1]) По поводу нѣсколькихъ статей, напечатанныхъ въ „Современникѣ" и „Сельскомъ Благоустройствѣ" о необходимости жертвъ со стороны помѣщиковъ въ интересахъ народа и общаго блага, Тернеръ писалъ въ іюньской книжкѣ „Библіотеки для чтенія": „Справедливость взаимная и обоюдная—вотъ главное основаніе, на которомъ можетъ послѣдовать рѣшеніе современнаго нашего жизненнаго вопроса, удовлетворительнаго устройства быта и положенія сельскаго народонаселенія. Милость и благодѣяніе могутъ значительно облегчить рѣшеніе въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, но требовать ихъ, какъ необходимую уступку, какъ основаніе всего новаго устройства, несправедливо и непримѣнимо, какъ это уже съ самаго начала выразилъ г. Безобразовъ въ своей интересной статьѣ: „Благотворительность и общественная экономія".

„Искать одному сословію своихъ выгодъ въ стѣсненіи и обѣднѣніи другого сословія—несправедливо, безнравственно и противно самымъ элементарнымъ понятіямъ экономической науки. Въ то же время, требованіе отъ одного сословія въ пользу другого чрезвычайныхъ жертвъ, *болѣе чѣмъ сколько неизбѣжно нужно для рѣшенія предстоящей соціальной задачи*, не менѣе несправедливо и не менѣе отдаляло бы возможность скораго и удовлетворительнаго рѣшенія".

*

затель“, издававшійся докторомъ политической экономіи Вернадскимъ, также горячимъ поклонникомъ индивидуалистической системы народнаго хозяйства.

Таково было направленіе этихъ журналовъ. Но ошибочно было бы думать, что редакціи отказывали въ помѣщеніи статей, несогласныхъ съ направленіемъ журнала. Такихъ статей было множество, но редакціи всегда сопровождали ихъ оговорками о своемъ несогласіи или даже и немедленными возраженіями. По нѣкоторымъ же вопросамъ, какъ, напримѣръ, общинному землевладѣнію, основаніямъ для оцѣнки земель (принять ли за основаніе оброки или продажную цѣнность земли, или валовой доходъ крестьянъ съ земли за послѣднія 10 лѣтъ) редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ и „Русскаго Вѣстника“, повидимому, не имѣли окончательно установившихся воззрѣній и печатали статьи діаметрально противоположнаго характера, безъ всякихъ оговорокъ.

Указавъ общій характеръ отношенія означенныхъ журналовъ къ крестьянской реформѣ, намъ слѣдуетъ сказать о журналѣ, стоявшемъ одиноко въ литературномъ мірѣ славной эпохи крестьянской реформы, а именно о „Журналѣ Землевладѣльцевъ“.

Этотъ журналъ, издававшійся въ Москвѣ пензенскимъ помѣщикомъ Желтухинымъ, былъ единственнымъ литературнымъ органомъ, защищавшимъ юридическіе институты крѣпостного права и исключительно помѣщичьи интересы. Въ предисловіи, помѣщенномъ въ первой книжкѣ журнала, вышедшей въ апрѣлѣ 1858 года, вполнѣ выраженъ взглядъ редакціи на крестьянскій вопросъ. „Не освобожденіе крестьянъ, читаемъ въ предисловіи:—или уничтоженіе крѣпостного состоянія, какъ неправильно выражаются иностранные писатели, а за ними и нѣкоторые русскіе литераторы, указано высочайшею волею, а прочное и притомъ постепенное улучшеніе ихъ быта. Въ этихъ словахъ, постоянно встрѣчаемыхъ во всѣхъ царскихъ рескриптахъ, во всѣхъ отношеніяхъ министра болѣе, чѣмъ простое освобожденіе (?). И крестьяне вполнѣ понимаютъ это; понимаютъ, что невозможно разомъ освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости; что не многія общества, не только отдѣльныя лица сумѣютъ вдругъ обойтись безъ всякой поддержки, защиты и руководства, которыя

Какъ видимъ, г. Тернеръ тоже не отрицалъ необходимости жертвъ для разрѣшенія крестьянскаго дѣла, но желалъ только, чтобы ихъ было потребовано не болѣе, чѣмъ сколько неизбѣжно. Но въ томъ-то и дѣло, что это *„сколько“* не могло подлежать никакому точному измѣренію, а потому въ рѣшеніе этого вопроса неизбѣжно входила вся сумма индивидуальныхъ особенностей разрѣшающаго. Слѣдовательно, споръ могъ быть не о принципѣ, а только о конкретномъ примѣненіи его.

они привыкли находить у помѣщиковъ; что не этой опекой, не этимъ попечительствомъ тяготились они, а произволомъ—равно страшнымъ для крѣпостного и для свободнаго человѣка; что съ достиженіемъ гражданскаго совершеннолѣтія, имъ нужно пріобрѣсти умѣнье распоряжаться собою, своею собственностію и имѣть болѣе средствъ, необходимыхъ для жизни".

„Журналъ Землевладѣльцевъ" постоянно заявлялъ, что „не надо забывать, что, въ силу высочайшихъ рескриптовъ, мы должны заниматься *не освобожденіемъ крестьянъ, а улучшеніемъ ихъ быта*". А такъ какъ въ 1-й главѣ высочайше утвержденной программы губернскимъ комитетамъ было сказано: „Прекращеніе личнаго крѣпостного права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ", то и крѣпостническій литературный органъ не могъ уже защищать сохраненіе существовавшаго личнаго крѣпостного права, т. е. произвольнаго распоряженія помѣщикомъ личностью крестьянина; ему оставалось только основываясь на IX главѣ программы губернскимъ комитетамъ, предлагающей обсудить и установить права помѣщика по званію начальника крестьянскаго общества, защищать возможно большее расширеніе этихъ правъ вплоть до сѣченія помѣщиками крестьянъ за дерзость, иначе сказать, по своему усмотрѣнію. И это называлось прекращеніемъ *личнаго* крѣпостного права. Что касается другихъ важнѣйшихъ вопросовъ преобразованія сельскаго быта, „Журналъ Землевладѣльцевъ" защищалъ:

1) возможно меньшіе размѣры крестьянской усадебной осѣдлости;

2) надѣленіе крестьянъ полевою землею лишь въ пользованіе и не болѣе одной десятины на душу;

3) барщинный трудъ;

4) высокіе оброки;

5) незаконность и вредъ нормированнаго правительствомъ выкупа крестьянами полевыхъ угодій;

6) обезземеленіе крестьянъ по истеченіи переходнаго времени;

7) вредъ общиннаго землевладѣнія.

При этомъ защита журналомъ всѣхъ этихъ положеній прикрывалась, гдѣ только было возможно, радѣніемъ объ интересахъ крестьянъ, которымъ, какъ, вѣроятно, замѣтилъ читатель, проникнуто и предисловіе. Такъ, напримѣръ, во 2-й книжкѣ журнала имѣется большая и, надо сознаться, мѣстами іезуитски тонко написанная статья С. Ш., авторъ которой утверждаетъ, что онъ въ разговорахъ съ крестьянами успѣлъ удостовѣриться въ томъ, что они весьма недовольны дошедшими до нихъ предположеніями объ обращеніи земли въ ихъ собственность, со взысканіемъ съ нихъ соразмѣрнаго

вознагражденія помѣщику. „Насильственное обращеніе земли въ собственность крестьянъ съ выкупомъ оной у помѣщика, продолжаетъ С. Ш.:—есть *нарушеніе права противу помѣщика и противу крестьянина*, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой того не желаютъ. Такая мѣра, если бы она была принята ранѣе, нежели въ ней окажется дѣйствительная надобность, составила бы переломъ въ бытѣ русскаго народа, всегда для него тягостный. Преждевременное, искусственное укрѣпленіе настоящей, неправильно распредѣленной осѣдлости нашего народа не только нынѣ имѣло бы весьма невыгодное для общаго блага государства дѣйствіе, но вредныя сей мѣры послѣдствія были бы въ теченіе цѣлаго столѣтія ощутительны, ибо оно всегда представляло бы важныя препятствія къ правильному распредѣленію народонаселенія въ разныхъ краяхъ и мѣстностяхъ государства, сообразно съ дѣйствительною въ томъ потребностью", Шестая книжка, въ отзывѣ о брошюрѣ Голицына „Печатная Правда". навязываетъ крестьянамъ слѣдующія мысли: „Но подумайте хорошенько, на что намъ покупать усадьбу? Господинъ надѣлилъ насъ съ избыткомъ и ее отъ насъ не отымаетъ, да и со стариковъ за усадьбы ничего не беретъ".

Всѣ журналы въ своихъ обозрѣніяхъ статей по крестьянскому вопросу выставляли на видъ разсужденія, помѣщавшіяся въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ", и снимали съ нихъ маску лицемѣрія, подъ которой скрывалось стремленіе сохранить, насколько возможно, учрежденія и духъ крѣпостного права.

Фактъ, что въ сферѣ литературы нашелся только одинъ органъ, въ которомъ просвѣчивались стремленія сохранить, съ нѣкоторыми улучшеніями, бытъ, подвергавшійся преобразованію, обращаетъ на себя вниманіе. Въ чемъ искать объясненія этого факта? Объяснить его тѣмъ, что огромное большинство дворянства желало уничтоженія крѣпостного права, невозможно. Мы видѣли, какую медлительность обнаружило дворянство въ подачѣ адресовъ. И далѣе, подавая ихъ, оно послѣдовало примѣру не литовскаго дворянства, ходатайствовавшаго *объ освобожденіи* крестьянъ, а петербургскаго, ходатайствовавшаго только *объ улучшеніи быта.* Возможны ли были эти факты, если бы даже не повсемѣстно, а только въ нѣсколькихъ губерніяхъ большинство дворянства желало освобожденія крестьянъ? Правда, отношеніе дворянства къ реформѣ постепенно измѣняется съ момента, когда крестьянскій вопросъ сдѣлался предметомъ гласнаго обсужденія. Сознаніе о необходимости реформы усиливалось все болѣе и болѣе. Литература и либеральное меньшинство дворянства, существовавшее, какъ показываютъ проекты губернскихъ комитетовъ, во многихъ губерніяхъ, имѣли громадное значеніе въ дѣлѣ

измѣненія понятій. Это либеральное меньшинство дворянства, принадлежавшее почти исключительно къ среднему дворянству, прошло университеты и воспиталось на литературѣ 40-хъ годовъ. Уступающее числомъ, оно доминировало образованіемъ, широтой кругозора, наглядною правдою и практичностью защищаемыхъ имъ идей.

Въ третьей четверти 1859 года, когда прибыли въ Петербургъ депутаты отъ губернскихъ комитетовъ, общественное сознаніе о необходимости покончить окончательно съ крѣпостнымъ правомъ настолько прояснилось, что изъ 80-ти депутатовъ перваго и второго призывовъ большинство высказалось за обязательный выкупъ. Разумѣется, далеко не всѣ изъ нихъ, даже и не большая часть, стояли за выкупъ ради интересовъ крестьянъ, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ другія требованія; но, тѣмъ не менѣе, требованіе выкупа большинствомъ депутатовъ показываетъ, что къ этому времени мысль о необходимости развязать помѣщиковъ съ крестьянами, что это единственный выходъ изъ запутаннаго положенія, выгодный для обѣихъ сторонъ, сдѣлалась господствующею. Но, повторяемъ, что эта мысль сдѣлалась господствующимъ убѣжденіемъ только въ половинѣ 1859 года, и, слѣдовательно, во всей силѣ остается вопросъ: почему классъ землевладѣльцевъ, господствовавшій, располагавшій самыми обширными средствами, и большинство котораго въ первые годы преобразованія было за возможно большее сохраненіе крѣпостного быта, не могъ создать болѣе одного органа, который хотя бы лицемѣрно защищалъ удержаніе крѣпостныхъ порядковъ? Не мѣшали ли этому направленію цензурныя постановленія? Нисколько. Напротивъ, циркуляръ по цензурѣ министра Ковалевскаго, отъ 22 апрѣля, предписывалъ цензорамъ, „чтобы они не препятствовали печатанію статей, написанныхъ въ пользу помѣщиковъ".

Объясненіе указаннаго факта мы видимъ въ слѣдующемъ. Вѣра въ полезность и необходимость крѣпостного права давно уже была пошатнута въ умахъ дворянства. Значительное большинство его понимало, что это право доживаетъ свои послѣдніе дни, но привычка къ обстановкѣ, въ которой оно воспиталось, выгоды, извлекаемыя изъ привилегіи, побуждали его, по возможности, отдалять часъ развязки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, та часть дворянства, которая получила научное и литературное образованіе, училась въ университетахъ, которая могла выступить на литературную арену, вообще говоря, горячо сочувствовала реформѣ. Но и тѣ изъ литературно-образованныхъ дворянъ, эгоистическія наклонности коихъ брали верхъ надъ убѣжденіемъ, понимали невозможность сразить печатно, гласно защитниковъ уничтоженія крѣпостного права. Они могли дѣйствовать въ губернскихъ комитетахъ при закрытыхъ дверяхъ, аги-

тировать въ Петербургѣ въ бюрократической средѣ, но выступать публично противъ благороднаго и воочію полезнаго и осуществимаго дѣла было крайне неразсчетливо, не обѣщало побѣды въ литературной борьбѣ. Многое изъ того, что проводилось втихомолку, въ узенькихъ кружкахъ, стыдились или боялись выставлять публично. Въ то время живого общественнаго движенія это значило сдѣлаться притчею въ языцѣхъ во всѣхъ литературныхъ органахъ, а слѣдовательно, и въ публикѣ. Время это столь недавнее, что многіе изъ читателей засвидѣтельствуютъ, что мнѣніе *интеллигенціи* было въ то время такою *силою* и *властію*, что жалѣвшіе о разрушающемся бытѣ не рѣшались высказывать своихъ сожалѣній не только публично, въ литературѣ, но и въ частныхъ салонахъ и гостинныхъ. Всѣ либеральничали; одни по убѣжденію, другіе лицемѣрно. Слово „крѣпостникъ“ получило оскорбительное значеніе. Молодое образованное поколѣніе ликовало отъ крестьянской реформы и было охвачено либеральными демократическими идеями. Единственный литературный представитель отжившаго строя открещивался отъ приписыванія ему защиты крѣпостного права; „улучшеніе быта крестьянъ“, уничтоженіе произвола помѣщиковъ составляетъ нашу задачу“, говорилъ онъ. Для защиты крѣпостныхъ порядковъ ему понадобились новыя названія, лицемѣріе. Въ журналахъ и газетахъ того времени находимъ много заявленій, что такой-то проситъ не смѣшивать его съ однофамильцемъ, авторомъ статьи въ крѣпостническомъ духѣ. Объясненіе молчанія сторонниковъ крѣпостного быта боязнью общественнаго мнѣнія нерѣдко встрѣчается въ современной преобразованію литературѣ. „Приверженцы старины, говоритъ обозрѣватель „Библіотеки для чтенія“ (декабрь 1858 г.):—должны были скоро умолкнуть: имъ совѣстно стало стоять противъ общаго настроенія умовъ, они поняли, что время ихъ прошло и совладать съ новыми убѣжденіями невозможно. „Русскій Вѣстникъ“ (№ 13, 1858 г.), характеризуя „Журналъ Землевладѣльцевъ“, говоритъ, между прочимъ: несомнѣнно, что часъ крѣпостного права пробилъ, и пробилъ безвозвратно; самые крайніе защитники его нисколько не опасны, а потому мы очень желали бы, ради возстановленія національнаго единодушія, чтобы они высказались безъ обиняковъ и тѣмъ дали литературѣ возможность окончательно разбудить ихъ и раскрыть имъ въ должномъ свѣтѣ ихъ дѣйствительные интересы и непремѣнную зависимость частнаго благосостоянія отъ благосостоянія общаго. То же самое говорилъ въ 1858 году знаменитый русскій публицистъ въ своемъ заграничномъ органѣ. „Гнилое, своекорыстное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ не опасно. Что они могутъ противупоставить, когда противъ нихъ *власть* и *свобода*, образован-

ное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе. И пуще всего общественное мнѣніе. Лишь бы теперь нашимъ плантаторамъ и ихъ противникамъ позволено было вполнѣ высказаться, помѣряться. И тутъ, какъ во всемъ, поневолѣ бьешься въ другое *великое иское* современной Россіи — въ *гласность*. Гласность ихъ казнитъ... Посмотрѣли бы мы, au grand jour, на этихъ защитниковъ розогъ и дарового крестьянскаго труда. Выходите же на арену, выходите изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ, Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины; попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться. Помѣряемтесь!"

Цѣннымъ указаніемъ на то, какъ трудно было защищать публично крѣпостные порядки, бороться противъ господствующаго литературнаго движенія, служитъ слѣдующій фактъ. Защитники крѣпостныхъ порядковъ желали создать, рядомъ съ „Журналомъ Землевладѣльцевъ", другой литературный органъ въ Петербургѣ. Въ числѣ пайщиковъ было много сановныхъ лицъ петербургскаго дворянства и бюрократіи. Но журналъ не состоялся, *потому что не нашли редактора*.

Литература чувствовала свою силу въ крестьянскомъ дѣлѣ и для пораженія вліянія скрытыхъ враговъ его въ губернскихъ комитетахъ и въ бюрократіи, для направленія дѣла на путь правильнаго разрѣшенія и проясненія въ послѣднемъ отношеніи общественнаго сознанія, она просила объ одномъ: „Гласности больше гласности дайте литературѣ!" Литература убѣдительно доказывала, какіе драгоцѣнные плоды принесли выводъ крестьянскаго дѣла изъ бюрократическихъ канцелярій и комиссій на божій свѣтъ и гласность, даже та ограниченная, которая была предоставлена ей. Она указывала, что самое спокойствіе народа, которымъ, при столь огромномъ и существенномъ преобразованіи, наслаждается Россія, есть явленіе не случайное. Это спокойствіе есть результатъ гласности, какая дана была высочайшимъ рескриптамъ. Гласное обсужденіе вопросовъ государственной жизни тѣмъ болѣе важно и необходимо въ интересахъ дѣла, что литература есть выразитель мысли самой просвѣщенной части общества. Притомъ, не стѣсненная программами и формами, она можетъ разсматривать вопросы съ болѣе обширныхъ точекъ зрѣнія и искать самаго правильнаго, наилучшаго разрѣшенія вопроса. Только путемъ свободной литературы есть возможность узнать мнѣніе просвѣщеннаго общества. Только при свободѣ печатнаго слова, ни одна дѣльная мысль, ни одно полезное указаніе не останутся невысказанными. Какъ мы уже знаемъ, рамки литературы въ обсужденіи крестьянскаго дѣла были расши-

рены къ концу 1858 года и, благодаря этому, она получила возможность открыто, ясно и всесторонне обсуждать способы разрѣшенія крестьянскаго вопроса, шедшіе гораздо далѣе первоначальнаго правительственнаго проекта, и этимъ сильно способствовала образованію общественнаго убѣжденія, что конечная цѣль реформы должна быть надѣленіе крестьянъ землею въ собственность и дарованіе имъ полной свободы.

Кто были сотрудники въ журналахъ эпохи преобразованія? Кто писалъ въ нихъ статьи по крестьянскому вопросу, всѣ проникнутыя одной мыслью: уничтоженія дворянскихъ привилегій? Сотрудники и авторы статей были большею частію дворяне-помѣщики. Съ ними солидарно дѣйствовали либеральныя меньшинства въ губернскихъ комитетахъ. И извѣстно, эта пропаганда и работа интеллигентнаго меньшинства русскаго дворянства, направленная на уничтоженіе привилегій своего сословія, проявилась не единственно въ эпоху крестьянской реформы. Она течетъ живою струею со времени царствованія Александра I. Она заявляетъ себя и въ современной литературѣ, въ идеалахъ дворянской учащейся молодежи, въ земствѣ. Недавно еще большинство земствъ высказалось за уничтоженіе привилегіи дворянства не платить подати и за введеніе подоходнаго налога. На этотъ фактъ много разъ было указываемо въ нашей литературѣ, но намъ не случалось встрѣчать всесторонняго разъясненія его. Нерѣдко приходится слышать и читать, что такое отношеніе дворянства или, точнѣе, его части, самой просвѣщенной, какъ въ отношеніи ума, такъ и чувствъ къ своимъ привилегіямъ составляетъ особенность русской исторіи, и объясненіе этой особенности одни видятъ въ русской славянской натурѣ, другіе въ отсутствіи въ русской государственной жизни чувства сословности и вражды между общественными классами.

Прежде всего мы отмѣтимъ фактическую неточность указаннаго мнѣнія. Несправедливо, что сколько-нибудь значительное проявленіе въ дворянскомъ сословіи безкорыстнаго стремленія къ уничтоженію сословныхъ привилегій составляетъ нашу національную особенность. Ограничимся указаніемъ на такіе два крупные примѣра, какъ событія, совершившіяся во французскомъ національномъ собраніи, 4-го августа 1789 года, и реформы въ Пруссіи Штейна и Гарденберга.

Отношенія между составными частями національнаго собранія 1789 года были слѣдующія: *Въ духовенствѣ* насчитывалось 48 архіепископовъ и епископовъ, 37 аббатовъ и канониковъ, 208 приходскихъ священниковъ (всего 293 чел.). *Въ дворянствѣ*: 1 принцъ крови, 28 чиновниковъ, 252 дворянина (всего 281 чел.). Стало быть фео-

дальные землевладѣльцы составляли большинство. *Въ третьемъ сословіи*: 18 мэровъ, 62 судьи, 16 врачей, 176 мѣщанъ и крестьянъ и 272 адвоката (544 челов.). Какъ видимъ, дворянство и высшее духовенство составляли весьма значительную, по числу, часть собранія.

Несмотря на это, въ утреннемъ засѣданіи собранія, 4-го августа, знаменитая *декларація о человѣческихъ правахъ*, въ смыслѣ пролога къ конституціи, была принята не только единогласно, но и съ восторгомъ. Вечеромъ того же дня вошелъ на трибуну герцогъ *Ноайль* и предложилъ объявить немедленно, не ожидая составленія конституціи, что всѣ подати, подобно всѣмъ общественнымъ повинностямъ, распредѣляются между всѣми равномѣрно, всѣ феодальныя права выкупаются по извѣстной умѣренной оцѣнкѣ; барщина, выморочное право и другія личныя обязанности прекращаются безъ вознагражденія.

Затѣмъ вошелъ на трибуну герцогъ *д'Эгильонъ*. Онъ поддерживалъ предложеніе Ноайля и прибавилъ, что помѣщичьи права, какъ „обременительный налогъ, вредящій земледѣлію и обращающій села въ пустыни", должны быть выкуплены по умѣренной оцѣнкѣ, насчетъ государства.

Какъ видитъ читатель, эти предложенія представляютъ болѣе радикальную отмѣну феодальныхъ правъ, сравнительно со способомъ отмѣны помѣщичьихъ правъ у насъ. При этомъ не лишнее замѣтить, что Ноайли и Эгильоны принадлежали къ самымъ знатнымъ и богатымъ фамиліямъ Франціи и, дѣлая такія предложенія, жертвовали громадными суммами и значительными привилегіями.

„Съ невыразимою радостью, говорится въ офиціальномъ отчетѣ:—былъ принятъ этотъ примѣръ самопожертвованія". Всѣми овладѣлъ энтузіазмъ; докладъ летитъ за докладомъ; возбужденіе ростетъ съ каждой новой рѣчью. Нансійскій епископъ подаетъ духовенству примѣръ пожертвованія своими феодальными правами, и лишь только другой епископъ, шартрскій, потребовалъ уничтоженія права охоты, какъ вдругъ подымается дворянство и въ одинъ голосъ заявляетъ свое немедленное отреченіе отъ этой привилегіи. Вслѣдъ за дворянствомъ встаетъ и духовенство, чтобы выразить и свое согласіе на отмѣну привилегіи, и подымается такая буря ликованій, что нужно было на время прервать засѣданіе. Вслѣдъ затѣмъ снова открылось зрѣлище. Когда дворянству и духовенству уже нечѣмъ было жертвовать, явились провинціи, города и корпораціи и сложили свои привилегіи. Изумленно смотрѣли всѣ, какъ въ одну ночь уничтоженъ вѣковой порядокъ вещей.

Вотъ существенныя слѣдствія достопамятнаго засѣданія: уничтоженіе крѣпостного состоянія, помѣщичьихъ правъ, вотчиннаго права,

исключительнаго права на охоту, отмѣна десятинъ, равномѣрность налоговъ, доступъ всѣмъ къ гражданскимъ и военнымъ должностямъ, уничтоженіе торговли должностями, уничтоженіе всѣхъ городскихъ и провинціальныхъ привилегій, церковныхъ аннатовъ, скопленія въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ приходовъ и синекуръ, введеніе дарового судопроизводства, преобразованіе цеховъ и прекращеніе всѣхъ незаконныхъ пенсій („Исторія французской революціи“ Гейссера).

Еще болѣе поучительный примѣръ представляютъ намъ реформы Штейна и Гарденберга въ Пруссіи. Болѣе поучительный потому, что въ эпоху этихъ реформъ третье сословіе не пріобрѣло еще той силы, какъ во Франціи, чтобы властно требовать отмѣны феодальнаго порядка и дворянскихъ привилегій. И, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ мѣста предположенію, что лѣвая партія дворянства, побуждавшая и поддерживавшая эти реформы, дѣйствовала такъ единственно въ силу политическаго благоразумія, заставляющаго добровольно соглашаться на уступки для предупрежденія смутъ и насильственнаго переворота. Нѣтъ, эта партія стояла за реформы Штейна и Гарденберга въ силу измѣнившихся въ ея средѣ *правовыхъ* понятій.

Громадный переворотъ французскаго соціальнаго строя оказалъ сильнѣйшее вліяніе на умы какъ въ цѣлой Европѣ, такъ и въ Пруссіи. Образованное общество въ Пруссіи, ея литература, университеты заговорили о необходимости осуществить мирнымъ путемъ тѣ новыя соціальныя учрежденія, которыя Франція установила путемъ революціи. Дворянство раздѣлилось на двѣ партіи: *лѣвую*, желавшую реформъ, и *правую*, агитировавшую противъ нихъ. Главный элементъ второй партіи составляло бранденбургское дворянство, имѣвшее еще со временъ кулачнаго права репутацію самаго грубаго и невѣжественнаго дворянства во всей Германіи. Бранденбургское дворянство, по словамъ Гервинуса, сохранило вплоть до XIX-го столѣтія всѣ олигархическія привычки и понятія среднихъ вѣковъ. Штейнъ и Гарденбергъ, стоявшіе въ эпоху наполеоновскихъ войнъ во главѣ правительства, поддерживаемые образованнымъ общественнымъ мнѣніемъ, лѣвою партіею дворянства, провели основные законы—„мирную революцію“, по ихъ выраженію—измѣнившіе всецѣло общественный строй Пруссіи. Крѣпостное право и вотчинныя права дворянства были отмѣнены; объявлены собственностью крестьянъ всѣ дворы и земли, которыя находились у нихъ только въ пользованіи, а не на правѣ полной собственности; организованъ обязательный выкупъ работъ и установлена полная свобода отчужденія, наслѣдованія и дробленія поземельной собственности. Далѣе, отмѣнена была свобода дворянства и коренныхъ имѣній отъ налоговъ; конфискованы духовныя имѣнія, уничтожено цеховое устройство;

городамъ даны свободныя муниципальныя учрежденія; введена полная свобода промышленности. Только въ отношеніи введенія конституціи не удалось сломить отвращеніе Фридриха Вильгельма III къ реформамъ. И несмотря на столь крупныя реформы, лѣвая партія дворянства была въ такой степени проникнута демократическими идеями и признавала „равенство движущею силою вѣка“, что шла далѣе программы министровъ-реформаторовъ. Такъ, напримѣръ, когда вызваны были въ Берлинъ представители дворянства, по поводу составленнаго Штейномъ проекта конституціи, въ которомъ онъ предоставлялъ дворянскимъ помѣстьямъ особыя права, то бургграфъ фонъ-Бруннекъ отвергъ, отъ имени лѣвой партіи дворянства, всякое различеніе дворянскихъ помѣстій отъ недворянскихъ, и объявилъ, что дворянскія помѣстья не должны имѣть ни особыхъ привилегій, ни особыхъ представителей. Мало этого, между друзьями Штейна были такіе дворяне, притомъ знатные, какъ, напримѣръ, фонъ-Шенбергъ, фонъ-Гефель, фонъ-Шпигель, Кайюсъ-Ревентловъ, которые открыто высказывали, что были бы рады упраздненію дворянскаго сословія и принимали эту развязку, какъ необходимое слѣдствіе возникшей, развивающейся и все болѣе и болѣе распространяющейся въ обществѣ идеи „гражданскаго равенства“ (Исторія девятнадцатаго вѣка. Гервинусъ. Т. II. Пруссія).

Чѣмъ же объяснить безкорыстное жертвованіе дворянствомъ своими привилегіями въ эпохи, которыя мы выбрали для примѣра, какъ самыя подходящія, по существу отмѣняемыхъ привилегій, къ эпохѣ крестьянской реформы у насъ? Причины этого факта заключаются *во вліяніи гуманно-прогрессивныхъ идей.* Этотъ соціальный факторъ—вліяніе гуманно-прогрессивныхъ идей не былъ до сихъ поръ всесторонне разсмотрѣнъ, а потому и недостаточно оцѣнена его важная роль въ жизни человѣчества. Значеніе этого фактора въ соціальной жизни, игравшаго значительную роль въ греческой и римской цивилизаціи, прогрессивно усиливается въ новѣйшей исторіи Европы, и мы убѣждены, что ему *предстоитъ* въ дальнѣйшемъ ходѣ историческаго развитія замѣнять все болѣе и болѣе *элементъ борьбы,* имѣвшій до нынѣ преобладающее значеніе въ дѣлѣ измѣненія соціальныхъ формъ жизни.

Правильное пониманіе роли гуманно-прогрессивныхъ идей въ жизни человѣчества было затемнено въ послѣднее время слишкомъ прямолинейнымъ перенесеніемъ теоріи Дарвина о „борьбѣ за существованіе“ изъ міра животнаго въ міръ человѣческій. При приложеніи этой теоріи къ соціальной жизни, большинство упускало изъ виду громадное значеніе въ человѣческихъ дѣлахъ идеи и чувства *правды.* Вслѣдствіе этого возникли превратныя понятія какъ о

человѣческой природѣ, такъ и о покоющейся на ней исторіи жизни человѣчества.

Справедливо, что до сихъ поръ, говоря вообще, исторія развитія соціальныхъ формъ жизни представляла борьбу общественныхъ классовъ за лучшее привилегированное соціальное положеніе. Но, для правильнаго пониманія характера этой борьбы, очень важно не упускать изъ виду, что побѣдители въ соціальной борьбѣ, господствующіе классы, создавая выгодные для себя общественные порядки, не понимаютъ ясно характера общественныхъ отношеній и обосновываютъ свое соціальное положеніе на какомъ-нибудь правовомъ элементѣ, а не единственно на фактѣ силы. Дѣятельность господствующихъ классовъ въ сферѣ данныхъ юридическихъ формъ всегда признавалась ими вполнѣ *правовою, не только формально* (юридически),*но и по совѣсти.* И возможность такого пониманія ими своей дѣятельности объясняется тѣмъ, что обоснованіе юридическихъ привилегій и фактическихъ монополій они видятъ *не въ силѣ, а въ какомъ-либо отвлеченномъ правовомъ принципѣ.* Современному сознанію рабская организація труда представляется вопіющею несправедливостью, жестокостью. Но было бы несправедливо переносить наши взгляды въ эпоху существованія рабства. Не только обычная мысль, но величайшій изъ мыслителей, Аристотель, признавали рабство справедливымъ институтомъ. Сама природа, говоритъ Аристотель, создала рабство. Въ человѣческой природѣ встрѣчаются личности, на столько же уступающія другимъ, на сколько тѣло уступаетъ душѣ, или на сколько животное стоитъ ниже человѣка; это суть существа, способныя къ одному только физическому труду и неспособныя ни на какое болѣе совершенное занятіе. Существа эти самою природою осуждены на рабство, ибо самое лучшее для нихъ это повиноваться... Изъ этихъ принциповъ мы должны, стало быть, заключить, что природа создаетъ однихъ людей для свободы, а другихъ для рабства, что *польза и справедливость* требуютъ, чтобы рабъ повиновался.—По мнѣнію другого генія античнаго міра, Платона, занятіе физическимъ трудомъ, промыслами, торговлею унижаютъ предающихся имъ людей. Гражданинъ, который унизится до того, что станетъ торговать въ лавкѣ, долженъ быть наказанъ за подобное преступленіе.—Физическій трудъ безчеститъ и позоритъ гражданина, говоритъ Ксенофонтъ. Такимъ образомъ у Платона и Ксенофонта, *привилегія переходитъ уже въ чувство чести.* Такое же отождествленіи привилегій съ понятіемъ о чести находимъ и въ средніе вѣка и въ новой исторіи. Землевладѣніе, служившее въ средніе вѣка исключительнымъ источникомъ богатства привилегированнаго класса, наложило свою печать на понятіе чести и нравственности. Вести

промышленное предпріятіе, заниматься торговлею считалось для господствующаго класса позорнымъ и безчестнымъ и приличнымъ казалось извлекать доходы только изъ поземельной собственности. Слѣды этихъ воззрѣній сохраняются и до настоящаго времени.

Постепенное, но постоянное измѣненіе въ условіяхъ жизни, достигнувъ существенныхъ размѣровъ, порождаетъ новыя идеи, новыя правовыя понятія, которыя расшатываютъ вѣру въ истинность правового базиса привилегій господствующихъ классовъ и оказываютъ сообразно условіямъ времени большее или меньшее вліяніе на воззрѣнія и чувства этихъ классовъ. Члены господствующихъ классовъ, освободившіеся, подъ вліяніемъ новыхъ соціальныхъ идей, отъ традиціонныхъ взглядовъ, становятся въ ряды сторонниковъ уничтоженія привилегій, убѣжденія въ правовомъ основаніи которыхъ они болѣе не имѣютъ. Главный контингентъ авангарда изъ господствующихъ классовъ, протестующихъ противъ привилегій, всегда и всюду составляла самая образованная часть привилегированныхъ сословій, какъ раньше другихъ окунувшаяся въ міръ идей и просвѣщенія. И если духъ сомнѣнія въ правотѣ тѣхъ или другихъ формъ общественной жизни, въ правотѣ привилегій господствующихъ классовъ, до сихъ поръ съ большимъ трудомъ проникалъ въ эти классы, то главныя причины этому лежатъ, во-первыхъ, въ томъ, что само изслѣдованіе и правильное пониманіе соціальныхъ явленій есть дѣло новое, результатъ новѣйшей исторіи и притомъ даже и то, что уже выработано наукою, составляло до сихъ поръ достояніе самаго незначительнаго просвѣщеннаго меньшинства, во-вторыхъ, личный интересъ оказываетъ сильное *безсознательное* вліяніе на образъ мыслей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго сословія. Но сила просвѣщенія, расширяющая кругозоръ, побѣждаетъ препятствія къ правильному пониманію вещей, создаваемыхъ личнымъ интересомъ. И дѣйствіе этой силы въ наше время быстро возрастаетъ какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Развитіе ея въ геометрической прогрессіи есть безспорнѣйшій и важнѣйшій соціальный законъ. И только недостаточность распространенія просвѣщенія въ средѣ господствующихъ классовъ, а не *сознательно-эгоистическое* желаніе удержать привилегіи, была причиною, что большинство господствующаго класса теряло свои привилегіи только подъ давленіемъ силы. Реальный смыслъ общественныхъ порядковъ и субъективное пониманіе ихъ современниками—двѣ вещи разныя. Люди гораздо лучше своихъ учрежденій.

Всѣ условія развитія новѣйшей исторіи ускоряютъ измѣненіе понятій во всѣхъ общественныхъ классахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и измѣненіе въ воззрѣніяхъ господствующихъ классовъ на свои при-

вилегіи, будутъ ли эти привилегіи юридическія или фактическія. Быстро идущее возростаніе городской жизни, примѣненіе пара и электричества къ путямъ сообщенія, болѣе и болѣе увеличивающаяся тѣсная умственная связь между всѣми цивилизованными государствами, неимовѣрно возростающее распространеніе прессы во всѣхъ слояхъ общества, сообщающей ежедневныя событія всего міра—все это расширяетъ кругозоръ людей, усиливаетъ распространеніе просвѣщенія и измѣняетъ правовыя понятія господствующихъ классовъ. Это безпримѣрное еще въ исторіи увеличеніе сношеній между людьми, и обусловливаемое сношеніями расширеніе кругозора и распространеніе просвѣщенія, и есть причина, почему въ наше время воззрѣнія каждаго новаго поколѣнія значительно разнятся съ воззрѣніями отцовъ. Совсѣмъ иное было при патріархальномъ бытѣ съ его ничтожными сношеніями, разложеніе котораго началось въ западной Европѣ лишь съ XVI столѣтія. Въ то время городское населеніе составляло весьма незначительную часть общаго населенія, да и самые города были очень миніатюрны; громадное большинство людей никогда не выѣзжало изъ того мѣста, гдѣ родилось, и неоткуда было имъ получить свѣдѣнія о томъ, что дѣлается внѣ небольшого родного округа. При этихъ патріархальныхъ условіяхъ, люди сотни лѣтъ пребывали въ однихъ и тѣхъ же традиціонныхъ понятіяхъ и обычаяхъ.

Широко развившіяся сношенія между людьми оказываютъ наиболѣе сильное вліяніе въ дѣлѣ измѣненія правовыхъ понятій у господствующихъ классовъ, въ странахъ, идущихъ, такъ сказать, въ хвостѣ цивилизаціи и пользующихся поэтому опытомъ піонерныхъ государствъ. Въ этихъ послѣднихъ, которыми до сихъ поръ были по преимуществу Франція и Англія, путемъ постепенныхъ измѣненій въ условіяхъ жизни, главнымъ образомъ въ условіяхъ экономическихъ, нарождались и нарождаются новыя соціально-реформаторскія идеи, затрогивающія интересы господствующихъ классовъ. Враждебному отношенію большинства господствующихъ классовъ къ этимъ идеямъ, помимо уже указанныхъ причинъ (недостаточность просвѣщенія и вліяніе на образъ мыслей и поступки личнаго интереса), особенно способствовало и способствуетъ такое положеніе дѣлъ, когда новые общественные порядки, проповѣдуемые народившимися идеями, нигдѣ еще не реализованы. А потому господствующіе классы склонны смотрѣть совершенно *искренно*, *по убѣжденію*, на реформаторскія идеи, какъ на такія, выполненіе которыхъ принесло бы только одинъ вредъ, или же какъ на невыполнимыя утопіи. Отсюда понятно, почему реализація новыхъ соціальныхъ формъ жизни въ государствахъ, являющихся піонерами цивилизаціи, всегда

сопровождалась борьбою, насиліями и господствующіе классы уступали только силѣ. Совершенно иное впечатлѣніе на господствующіе классы производятъ идеи, осуществившіяся въ одномъ и, тѣмъ болѣе, въ нѣсколькихъ государствахъ и давшія благотворные результаты. Фактъ всегда производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, нежели идея о немъ. И далѣе, доказанная опытомъ примѣнимость и благотворность идеи, рѣшительная перемѣна въ національныхъ воззрѣніяхъ страны, совершившей существенныя измѣненія въ общественномъ строѣ, значительно уменьшаютъ затрудненія, препятствующія господствующимъ классамъ относиться безпристрастно къ соціально-реформаторскимъ идеямъ; а сторонникамъ этихъ идей даютъ сильное оружіе для ихъ защиты. Кто не знаетъ, какое громадное вліяніе на измѣненіе правовыхъ понятій господствующихъ классовъ оказалъ французскій переворотъ конца прошлаго столѣтія. Измѣненіе это произошло не только во всей Европѣ, но и въ государствахъ Южной Америки. Съ момента этого переворота во всѣ классы общества быстро проникаютъ идеи о необходимости отмѣны остатковъ феодализма и равенствѣ гражданскихъ правъ. И образованное дворянство вездѣ не только сочувствуетъ этимъ идеямъ, но и является проводникомъ ихъ, борцомъ за нихъ.

Неизбѣжный фактъ вліянія литературы и общественнаго строя государствъ, ушедшихъ впередъ по пути цивилизаціи, на менѣе взрослыя націи играетъ громадную роль въ ходѣ развитія русскаго государства и русскаго просвѣщенія. Со временъ Петра начинаетъ отражаться на Россіи вліяніе западно-европейской цивилизаціи и съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ увеличивавшагося сближенія съ Западной Европой, вліяніе это все болѣе возростаетъ. Въ высшей степени благотворнымъ вліяніе это является со времени французскаго переворота, реализировавшаго гуманистическія идеи XVIII вѣка. Всѣмъ извѣстно сильное вліяніе этихъ идей на образованное дворянство въ александровскую эпоху. Идеи, умственная пища Запада, становятся также достояніемъ русской интеллигенціи. Въ 40-хъ годахъ образуется уже интеллигентный слой, не уступающій развитіемъ самой передовой умственной средѣ на Западѣ. Этотъ слой пережилъ мыслью и сердцемъ страданія, неудачи, опыты европейской жизни и они послужили ему такимъ же урокомъ, какъ и для западно-европейской мысли. Понявъ противорѣчіе современныхъ западно-европейскихъ порядковъ съ общепризнанными правовыми идеями нашего времени, съ посылками французскаго переворота, онъ пересталъ слѣпо восхищаться западною цивилизаціею и сталъ солидаренъ только съ критическимъ направленіемъ западной мысли. Въ то же время этотъ интеллигентный слой, состоявшій преимуще-

ственно изъ дворянъ, всецѣло посвятилъ себя на проведеніе путемъ литературы выработанныхъ имъ идей въ общественное сознаніе. Съ этого времени русская литература является первостепеннымъ цивилизующимъ элементомъ; на ней воспитываются молодыя поколѣнія. Литература расширяетъ общественный кругозоръ, указываетъ обществу идеалы и ближайшія цѣли дѣятельности, воспитываетъ чувство человѣческаго достоинства.

Крѣпостное право было первымъ камнемъ, который надо было сдвинуть, чтобы расчистить путь къ свободной жизни и дальнѣйшему прогрессу. И вотъ на устраненіе этого колоссальнаго, вѣкового тормаза и были, главнымъ образомъ, направлены всѣ усилія литературы 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Съ паденіемъ крѣпостного права пересоздался весь общественный строй и расширились задачи русской жизни. И здѣсь, въ преслѣдованіи новыхъ, поставленныхъ русскою жизнью задачъ, жизненный опытъ и научные выводы Запада представляютъ богатый матеріалъ *для руководства*, чѣмъ и пользуются обильно лучшіе и наиболѣе вліятельные органы нашей литературы. Они вносятъ въ обсужденіе современныхъ задачъ русской жизни европейскій опытъ и болѣе чѣмъ у насъ развившуюся на западѣ науку. И этотъ путь—путь литературы и науки—есть самый могучій и полезный въ дѣлѣ вліянія на Россію западно-европейской цивилизаціи.

Гуманно-прогрессивныя, соціально-реформаторскія идеи распространялись у насъ, какъ мы видѣли, не тѣми общественными классами, для которыхъ осуществленіе этихъ идей было выгодно, а образованною частью дворянства—единственнаго сословія въ Россіи, въ которое до сихъ поръ сколько-нибудь значительно проникло просвѣщеніе — протестовавшей, во имя правды, противъ окружающей дѣйствительности и собственныхъ привилегій. Итакъ, *не личный интересъ, а идея* вліяла на образъ мыслей и поступки образованнаго меньшинства. Подобные же примѣры мы находимъ въ исторіи западной Европы. Изъ предшествующаго изложенія можно видѣть, какія обстоятельства всего сильнѣе способствуютъ измѣненію въ господствующихъ классахъ понятій о правдѣ и о лучшихъ формахъ общественнаго строя. Эти обстоятельства, главнымъ образомъ, суть: качественный и количественный прогрессъ просвѣщенія и существенныя измѣненія соціальнаго строя, совершившіяся въ государствахъ, идущихъ во главѣ цивилизаціи. Реализація новыхъ, болѣе справедливыхъ соціальныхъ порядковъ въ передовыхъ государствахъ оказывала всегда сильнѣйшее вліяніе на измѣненіе правовыхъ понятій господствующихъ классовъ и въ другихъ странахъ. Причина этого факта очевидна: доказанная опытомъ удобопримѣ-

нимость и благотворность новыхъ соціальныхъ формъ жизни парализуетъ безсознательное вліяніе на воззрѣнія личнаго интереса и измѣняетъ ихъ. Но такое же дѣйствіе на формированіе понятій, убѣжденіе людей производитъ наука. И если мы, рядомъ съ этимъ положеніемъ, сопоставимъ психологическій фактъ, что мотивъ къ согласованію поступковъ съ убѣжденіями есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ мотивовъ человѣческой дѣятельности, то придемъ къ заключенію, что, по мѣрѣ развитія соціальной науки и распространенія ея въ обществѣ, должны измѣняться какъ правовыя понятія, такъ и способы реализаціи новыхъ соціальныхъ порядковъ. Соціальная наука еще и въ настоящее время не вышла изъ періода младенчества, а потому и не могла имѣть могущественной власти надъ умами. До сихъ поръ существовали только соціальныя теоріи, враждовавшія между собою; да и онѣ были извѣстны только небольшому числу научно-образованныхъ людей. Не говоря уже о массахъ, но и большинство такъ называемаго образованнаго общества пріобрѣтало въ отношеніи основныхъ устоевъ общественныхъ порядковъ традиціонныя воззрѣнія воспитавшей ихъ среды. Вотъ почему господствующіе классы проявляли до нынѣ такую склонность смотрѣть на всякую соціально-реформаторскую идею, какъ на посягательство на ихъ законныя права, или какъ на идею, выполненіе которой принесло бы одно зло. Отсюда естественна и ни мало не предосудительна ихъ борьба противъ соціальныхъ реформъ. Но ходъ новѣйшей исторіи европейскихъ народовъ выдвинулъ на первый планъ, какъ злобу дня, жизненные вопросы чисто соціальнаго свойства. Какъ слѣдствіе этого: множество ученыхъ умовъ и сравнительно большая часть образованной публики обращаютъ, въ настоящее время, свое вниманіе на изученіе явленій соціальной жизни. Соціальные вопросы стали предметомъ обсужденія прессы, парламентовъ, ученыхъ обществъ, конгрессовъ. Можно надѣяться, что уже недалеко то время, когда соціальная наука достигнетъ той ступени развитія, что положенія ея будутъ имѣть ту же достовѣрность и доказательность, какъ положенія наукъ физической природы, а слѣдовательно, сдѣлаются столь же властными и обязательными. По мѣрѣ развитія соціальной науки и проникновенія ея въ общественное сознаніе, элементъ борьбы въ дѣлѣ измѣненія соціальныхъ условій жизни, игравшій до сихъ поръ преобладающую роль, будетъ болѣе и болѣе замѣняться элементомъ просвѣщеннаго наукою сознанія. И этому второму элементу предлежитъ, по естественному ходу вещей, сдѣлаться господствующимъ, а, можетъ быть, и единственнымъ руководителемъ въ установленіи соціальныхъ условій жизни, покоющихся на солидарности и гармоніи интересовъ людей.

Предшествующее изложеніе имѣло цѣлью указать основной тонъ отношеній литературы къ крестьянской реформѣ. Но чтобы дать отчетливое представленіе о разработкѣ литературою вопросовъ, возбужденныхъ реформою, необходимо, по крайней мѣрѣ, подвести итоги рѣшеніямъ ею самыхъ существенныхъ сторонъ преобразованія сельскаго быта.

Всѣ сочиненія и статьи по предмету преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ можно подвести подъ три главныя категоріи. Въ однѣхъ описывается исторія крестьянскаго сословія и различные способы упраздненія крѣпостного права въ разныхъ государствахъ; работы эти имѣли цѣлью, съ одной стороны, указать на такія мѣры западно-европейскихъ правительствъ, которыми полезно было бы воспользоваться; съ другой—предостеречь наше правительство отъ ошибочныхъ мѣръ, навлекшихъ бѣдствія на другія страны [1]). Въ другихъ статьяхъ заключаются разсужденія о тѣхъ общихъ началахъ, юридическихъ, хозяйственныхъ, административныхъ, которыя должны лечь въ основаніе правильнаго разрѣшенія крестьянской реформы. Третьи статьи, наконецъ, болѣе детальнаго содержанія, излагаютъ лишь мѣстныя свѣдѣнія о сельско-хозяйственномъ устройствѣ имѣній въ разныхъ краяхъ Россіи; эти статьи служили, во-первыхъ, пособіемъ при опредѣленіи частностей и подробностей въ предполагаемыхъ правилахъ объ устройствѣ крестьянскаго быта и, во-вторыхъ, имѣли значеніе указаній частнымъ хозяевамъ удобнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ способовъ къ преобразованію хозяйствъ, сообразно съ новыми условіями. Для нашей цѣли достаточно остановиться на статьяхъ второй категоріи и разсмотрѣть рѣшеніе ими самыхъ существенныхъ сторонъ преобразованія.

1) *Переходное состояніе.* По правительственному плану, уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ должно было совершаться постепенно. Періодъ времени, пока крестьяне остаются въ крѣпостномъ состояніи, названный переходнымъ, предполагался въ 12 лѣтъ. По истеченіи этого періода, должно было наступить окончательное устройство сельскаго быта; крестьяне получаютъ тогда всѣ права свободнаго состоянія. Что же касается до поземельнаго ихъ устройства, то, какъ мы знаемъ, редакція правительственнаго плана, своею неопредѣленностью, не давала точнаго отвѣта на этотъ колоссальной важности вопросъ. Редакція была такова, что правительственный

---

[1]) Статьи по этому вопросу, обратившія на себя особенное вниманіе, были: г. Чичерина „О французскихъ крестьянахъ“, печатавшіяся въ „Атенеѣ“ (1858 г. №№ 1—4) и Ю. Самарина „Упраздненіе крѣпостного права въ Пруссіи“. „Сельское Благоустройство“. 1858. №№ 1, 2, 3 и 11.

планъ объяснялся одинаково удобно какъ въ смыслѣ сохраненія за крестьянами вѣчнаго пользованія предоставленными имъ надѣлами, такъ и въ смыслѣ прекращенія права крестьянъ на пользованіе землею по истеченіи переходнаго времени. Но и при толкованіи правительственнаго плана въ первомъ смыслѣ, болѣе благопріятномъ для крестьянъ, крестьяне, и по истеченіи переходнаго періода, остались бы къ помѣщикамъ въ обязательныхъ отношеніяхъ, исполняя на нихъ работы или платя оброки за землю, которую, притомъ, они всегда считали своею принадлежностью; такое положеніе дѣлъ несомнѣнно было бы обильно столкновеніями и причиною вражды между двумя классами—народомъ и высшимъ сословіемъ.

Совершенно инымъ было господствующее воззрѣніе литературы на устройство крестьянскаго быта. Литература видѣла въ выкупѣ крестьянами надѣловъ въ полную собственность безусловно-необходимое условіе правильнаго разрѣшенія реформы. А отсюда и пониманіе ею переходнаго состоянія было другое: оно было шире правительственнаго. Подъ переходнымъ состояніемъ литература понимала такое, пока продолжаются обязательныя имущественныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, въ видѣ отбыванія работы или платежа оброковъ. Такимъ образомъ, то положеніе крестьянскаго быта, которое въ правительственномъ планѣ называлось окончательнымъ, литературою понималось какъ переходное. Вмѣстѣ съ тѣмъ литература настаивала, что срокъ переходнаго состоянія долженъ быть возможно непродолжительнымъ, такъ какъ, говорила она, по общему убѣжденію, при настоящемъ положеніи умовъ, нельзя уже положиться на правильное выполненіе работъ и повинностей и вообще на прочность отношеній, основанныхъ на обоюдной зависимости, одинаково тягостной для обѣихъ сторонъ и предупредить безчисленныя раздражительныя столкновенія между полусвободными поселянами и прежними ихъ неограниченными властителями; такое положеніе дѣлъ, основанное на обоюдно тягостной зависимости помѣщиковъ и крестьянъ, не только не устраняетъ, но еще увеличиваетъ и усложняетъ трудности настоящаго порядка вещей и возбуждаемыя имъ опасенія. Только ожиданіе и увѣренность въ скоромъ выходѣ изъ этого ненормальнаго положенія можетъ устранить безпокойства и волненія. Къ счастію, нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы срокъ переходнаго состоянія сдѣлать короткимъ. Срокъ этотъ можетъ продолжаться не болѣе того времени, сколько требуется, во-первыхъ, для примѣненія къ отдѣльнымъ мѣстностямъ установленныхъ правительствомъ различныхъ общихъ нормъ въ отношеніи размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ и выкупной суммы за нихъ, во-вторыхъ, для размежеванія крестьянской земли отъ гос-

подской. Крестьяне районовъ, гдѣ эти операціи выполнены, получаютъ немедленно право, при помощи правительственной гарантіи или мѣстныхъ банковъ, выкупить у помѣщиковъ на основаніи установленныхъ нормъ, предоставленные имъ надѣлы. Съ момента выкупа всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами прекращаются и нѣтъ уже болѣе основанія для сохраненія между этими двумя классами какой-либо опредѣленной сословной подчиненности. На время переходнаго состоянія законъ долженъ замѣнить произволъ помѣщиковъ надъ личностью и имуществомъ крестьянъ, иначе сказать, личное крѣпостное право, въ тѣсномъ смыслѣ слова, должно уничтожиться съ момента обнародованія Положенія о крестьянахъ.

2) *Надѣленіе крестьянъ полевою землею въ собственность.* „Журналъ Землевладѣльцевъ" былъ единственнымъ органомъ, стоявшимъ внѣ единогласнаго признанія литературою необходимости надѣленія крестьянъ полевою землею въ собственность. Основаніе этому надѣленію одни видѣли въ *историческомъ правѣ* крестьянъ на землю, большинство въ *политико-экономической необходимости* въ *общественной пользѣ*. Но такъ какъ первые признавали, что право собственности крестьянъ на землю умалилось въ эпоху крѣпостного состоянія въ право пользованія землею, то и имъ, въ вопросѣ предоставленія крестьянамъ земли въ полную собственность, пришлось ссылаться на принципъ общественной пользы. Политико-экономическую необходимость надѣленія крестьянъ землею въ собственность литература основывала на томъ, что только этимъ путемъ можно достигнуть солиднаго развитія богатства и благосостоянія страны; превращеніе же нашихъ осѣдлыхъ крестьянъ въ безкровныхъ батраковъ или полусвободныхъ, находящихся въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ земледѣльцевъ, повергло бы государство въ самыя ужасныя бѣдствія, которыя, отразившись во всемъ и вездѣ, окончательно отозвались бы разорительно и на экономическихъ интересахъ самихъ помѣщиковъ. Если государственные интересы могли требовать въ одно время отъ одного сословія такой жертвы, которая поглотила совершенно его личность и сдѣлалась для него источникомъ тяжкихъ страданій, то, очевидно, они могутъ въ другое время требовать отъ другого сословія (въ пользу котораго происходила первая перемѣна) тоже жертвы, если отъ нея зависитъ благополучіе и устойчивость государственнаго устройства, тѣмъ болѣе, что эта жертва чисто матеріальная и не очень тягостная въ большей части случаевъ.

Обосновавъ такими соображеніями необходимость надѣленія крестьянъ полевою землею въ собственность, литература весьма под-

робно разработывала вопросъ о размѣрахъ надѣла. Мнѣнія были различны. Множество статей защищали установленіе нормальныхъ надѣловъ, различныхъ для разныхъ мѣстностей; но еще большее число статей отстаивали сохраненіе существующихъ надѣловъ съ небольшими лишь измѣненіями чрезъ установленіе maximum'a и minimum'a размѣровъ надѣла.

Принципіальное основаніе для опредѣленія размѣра надѣла было уже дано высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ сказано, что крестьянамъ должно быть предоставлено такое количество земли, какое по мѣстнымъ удобствамъ, достаточно для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ. Но примѣненіе этого принципіальнаго основанія къ дѣлу открывало широкій просторъ различію въ мнѣніяхъ. Во-первыхъ, подъ „мѣстными удобствами" можно было понимать не только качества почвы, но и заработки на сторонѣ, дающіе крестьянамъ средства къ жизни; и сообразно съ величиною послѣднихъ (опредѣленіе этой величины тоже допускало много произволу) можно было, не нарушая смысла рескрипта, уменьшать размѣры надѣловъ. Далѣе, что понимать подъ обезпеченіемъ быта?—обезпеченіе удовлетворенія крестьянскихъ потребностей; но, очевидно, воззрѣнія на потребности крестьянъ и на условія, обезпечивающія удовлетвореніе ихъ, могутъ быть весьма различны. Вслѣдствіе большой неопредѣленности принципіальнаго основанія для опредѣленія размѣра надѣла, высказанныя въ литературѣ предположенія о нормахъ его были весьма разнообразны. Наименьшія величины надѣловъ въ среднемъ выводѣ 1 десятина на душу предлагались въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ"; статьи съ защитою наибольшихъ надѣловъ, въ среднемъ выводѣ 4 десятины на душу для малоземельныхъ губерній и гораздо больше для многоземельныхъ, печатались, главнымъ образомъ, въ „Современникѣ", „Сельскомъ Благоустройствѣ" и „Атенеѣ"; редакціонныя же статьи этихъ трехъ журналовъ защищали сохраненіе существующихъ надѣловъ. Доводы, высказанные въ литературѣ въ пользу сохраненія существующихъ надѣловъ, были слѣдующіе:

Искусственное опредѣленіе нормы надѣла, различной для каждой мѣстности, представляетъ чрезвычайныя трудности, требуетъ много времени, отчего затянется дѣло разрѣшенія крестьянской реформы, открываетъ большой просторъ личнымъ воззрѣніямъ. Всѣ эти невыгоды очевидны, ибо для искусственнаго опредѣленія нормы надѣла слѣдуетъ опредѣлить нужды крестьянина, исчислить дѣйствительную производительность поземельнаго надѣла, по крайней мѣрѣ, въ каждой отдѣльной полосѣ Россіи, наконецъ, оцѣнить, хотя бы съ приблизительною достовѣрностью, степень выгоды, извлекаемой крестья-

нами изъ вспомогательныхъ промысловъ, служащихъ восполненіемъ дохода получаемаго отъ земли.

Но если бы даже норма надѣла и была, дѣйствительно, удобоопредѣлима, то и въ такомъ случаѣ повсемѣстное и сколько-нибудь скорое приведеніе ея въ исполненіе встрѣтитъ на дѣлѣ почти непреодолимыя препятствія по недостатку необходимыхъ для введенія ея межевыхъ и кадастровыхъ средствъ. Эти средства, конечно нужны также для утвержденія за крестьянами существующаго надѣла и для производства въ послѣднемъ самыхъ необходимыхъ измѣненій, но въ несравненно меньшей степени.

Всѣ эти громадныя трудности, задержка осуществленія реформы, произволъ устраняются черезъ сохраненіе существующихъ надѣловъ. Существующіе надѣлы не есть явленіе произвольное, лишенное разумнаго основанія, ибо они установились сами собою, путемъ самымъ естественнымъ, указавшимъ, при какомъ количествѣ земли крестьяне могутъ добывать средства существованія, платить подати и выполнять повинности. Система существующихъ, надѣловъ ни мало не опровергается указаніемъ на исключительные случаи существованія слишкомъ малыхъ надѣловъ, для исправленія которыхъ можетъ и долженъ быть установленъ *minimum*. Можно поэтому съ совершенною достовѣрностью сказать, что существующій нынѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, крестьянскій надѣлъ есть за немногими исключеніями, лучшее и даже единственное правильное практическое мѣрило того количества земли которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, огромная выгода системы существующихъ надѣловъ передъ искусственною нормою надѣловъ, заключается въ томъ, что она не потребуетъ большой ломки крестьянскаго и господскаго хозяйства, неизбѣжно влекущей за собой имущественное разстройство. Это соображеніе особенно приложимо къ той нормѣ, которая уменьшаетъ средніе существующіе надѣлы. При такомъ общемъ сокращеніи крестьянскаго надѣла, при такомъ общемъ потрясеніи всѣхъ хозяйственныхъ условій сельскаго быта, было бы, безъ всякаго сомнѣнія, совершенно невозможно для правительства отвѣчать за сохраненіе общественнаго спокойствія.

На возраженіе, что сохраненіе существующихъ надѣловъ было бы, во-первыхъ, несправедливостью въ отношеніи къ щедрымъ помѣщикамъ, до нынѣ предоставлявшимъ крестьянамъ большіе, несоразмѣрные съ повинностями надѣлы; во-вторыхъ, безнравственнымъ награжденіемъ тѣхъ владѣльцевъ, которые заблаговременно и нерѣдко черезмѣрно сократили крестьянское земельное пользованіе, отвѣчали: одни—предложеніемъ установленія minimum'a и maximum'a на-

дѣла, другіе (въ числѣ ихъ „Современникъ“ и заграничныя русскія изданія) — только minimum'а, такъ какъ сокращеніе крестьянскаго надѣла противорѣчило бы основной мысли преобразованія улучшенію быта крестьянъ.

Очень характерное возраженіе противъ сохраненія существующихъ надѣловъ нашло себѣ пріютъ на страницахъ „Журнала Землевладѣльцевъ“. Журналъ этотъ утверждалъ, что при сохраненіи существующихъ надѣловъ, помѣщики не найдутъ свободныхъ рукъ для обработки своихъ земель. И для того чтобы помѣщичьи земли не запустѣли, необходимо уменьшить существующіе надѣлы. Несостоятельность этого возраженія опровергалась простою ссылкою на излишекъ времени, оставшійся у крестьянъ за обработкою своихъ земель для обработки господскихъ запашекъ. Предполагать же, что крестьянинъ, получивъ свободу и существующій надѣлъ, будетъ такъ матеріально обезпеченъ, что не захочетъ заработать лишней копейки, есть совершенный абсурдъ. Не допуская такой близорукости въ авторахъ этого возраженія, полемизировавшіе склонялись къ предположенію, что въ возраженіи скрывается иная мысль, а именно: дешевыя рабочія руки. Дѣйствительно съ уменьшеніемъ крестьянскихъ надѣловъ противъ существующихъ рынокъ продажи труда расширится и цѣна на трудъ упадетъ [1]). Но желать этого можетъ только тотъ, кто сочувствуетъ развитію въ Россіи батрачества и не видитъ несправедливости въ принесеніи въ жертву уже и безъ того богатому и достаточному сословію сословія бѣднаго, тяжелымъ трудомъ заработывающаго свой хлѣбъ.

Въ литературѣ проводилось еще третье мнѣніе объ основаніяхъ для опредѣленія размѣровъ надѣловъ. Это мнѣніе признавало трудность и важные недостатки опредѣленія нормальныхъ надѣловъ на основаніи исчисленія дѣйствительной производительности почвы и получаемыхъ крестьянами заработковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно пологало, что одно установленіе minimum'а и maximum'а надѣловъ недостаточно для исправленія всѣхъ случайностей, установленныхъ произволомъ крѣпостного права, нарушающихъ дѣйствительную потребность крестьянина въ землѣ для обезпеченія его быта. Парализованіе этихъ случайностей достигается гораздо полнѣе, если принять за *норму* надѣла для каждой мѣстности среднюю величину всѣхъ существующихъ надѣловъ въ этой мѣстности.

---

[1]) Дѣйствительно, эта мысль и высказана депутатами отъ губернскихъ комитетовъ, защищавшими малые размѣры надѣловъ. Но господствующій тонъ литературы въ эпоху крестьянской реформы былъ въ такой степени благороденъ, что мысль эта нашла для себя неудобнымъ явиться въ печати во всей своей наготѣ.

Если вопросъ о томъ, какое изъ двухъ основаній для опредѣленія размѣровъ крестьянскаго надѣла—сохраненіе ли существующихъ надѣловъ съ небольшими измѣненіями или среднее число—болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина, могъ представляться спорнымъ, то зато въ пользу мнѣнія о сохраненіи существующихъ надѣловъ говорили такіе два важныя соображенія, какъ устраненіе большой ломки крестьянскихъ хозяйствъ и меньшее требованіе на межевыя и кадастровыя средства, слишкомъ бѣдныя въ то время въ Россіи. А до размежеванія земель не могло осуществиться и преобразованіе условій сельскаго быта во всей его полнотѣ.

Сила доводовъ была на сторонѣ сторонниковъ сохраненія существующаго надѣла съ небольшими измѣненіями; и общественное мнѣніе стало склоняться къ такому рѣшенію одного изъ основныхъ вопросовъ реформы. Литература разсмотрѣла вопросъ о надѣлахъ со всѣхъ сторонъ и подготовила правительству почву для его рѣшенія.

3) *Выкупъ.* Высочайшимъ рескриптомъ былъ предначертанъ выкупъ крестьянами въ собственность лишь усадебной осѣдлости, полевая же земля должна была оставаться у крестьянъ только на правѣ пользованія. Литература въ самомъ уже началѣ обсужденія крестьянскаго дѣла пошла дальше правительственнаго плана и разъясняла необходимость организаціи выкупа и полевой земли. Она доказывала, что только такимъ путемъ крѣпостное право будетъ отмѣнено не только на словахъ, но и на дѣлѣ; и будутъ устранены непріязненныя столкновенія, которыя иначе совершенно раздѣлятъ помѣщиковъ съ крестьянами, тогда какъ интересы всего государства и собственныя выгоды помѣщиковъ настоятельно требуютъ взаимнаго добраго согласія. Вскорѣ послѣдовало запрещеніе писать о выкупѣ полевой земли. Но литература сумѣла проводить эту мысль различными косвенными путями. Въ то же время, разсуждая о выкупѣ усадебъ, она разработывала вопросы выкупной финансовой операціи и распространяла въ обществѣ пониманіе, что для организаціи выкупа при помощи государства не только не потребуется *милліарда* рублей, какъ обыкновенно думали, но почти никакихъ финансовыхъ затратъ. Отъ государства не требуется ничего другого, какъ дать свою гарантію въ уплатѣ помѣщикамъ процентовъ на выкупныя свидѣтельства; проценты же эти государство будетъ получать съ крестьянъ, слѣдовательно, оно явится только передаточною инстанціею. Выпускъ выкупныхъ свидѣтельствъ не можетъ произвести паденія курса бумажныхъ денегъ.

Мысль о предоставленіи крестьянамъ въ собственность ихъ на-

дѣловъ, посредствомъ выкупа, и прекращеніе такимъ путемъ всякихъ обязательныхъ отношеній ихъ къ помѣщикамъ все болѣе проникала въ общественное сознаніе. Въ губернскихъ комитетахъ возникли предположенія о выкупѣ полевой земли, сначала робко и нерѣшительно, но потомъ развиваясь все болѣе и болѣе, такъ что подъ конецъ комитетскихъ занятій желаніе выкупа сдѣлалось господствующимъ мнѣніемъ. Въ самой правительственной средѣ первоначально предположенный планъ преобразованія мало по малу началъ утрачивать исключительное преобладаніе. Предположеніе Тверского комитета о выкупѣ полевой земли уже не были безусловно отвергнуты, какъ предположенія ранѣе ходатайствовавшихъ о томъ комитетовъ—нижегородскаго, виленскаго и ковенскаго—а признаны вѣрными духу, хотя и противными буквѣ высочайшаго рескрипта. Представленіе калужскаго комитета о дозволеніи ему составить не срочно-обязанный, а выкупной проектъ, было разрѣшено высочайшимъ повелѣніемъ: составить оба проекта. Въ журналѣ главнаго комитета 4-го декабря 1858 года сказано: „необходимо стараться, чтобы крестьяне дѣлались постепенно поземельными собственниками; для сего слѣдуетъ сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій". Членъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, Ростовцевъ, бывшій въ началѣ приверженцемъ и поборникомъ „*обязаннаго положенія*", авторъ „программы губернскимъ комитетамъ", познакомившись ближе съ крестьянскимъ вопросомъ и литературою о немъ, сдѣлался рѣшительнымъ сторонникомъ *выкупа полевыхъ земель*. По поводу срочно-обязаннаго положенія онъ писалъ: „Срочно-обязанный періодъ, въ томъ смыслѣ, какъ его доселѣ разумѣютъ, т. е. съ барщинною работою, будетъ и для помѣщиковъ и для Россіи чрезвычайно труденъ. Соединить права свободнаго человѣка съ требованіемъ отъ него обязательнаго труда, безъ сильной власти на мѣстѣ, составляетъ такое искусственное условіе, что исхода его, какъ относительно обоюдныхъ недоразумѣній двухъ сословій, такъ и относительно государственнаго хозяйства, и предвидѣть во всѣхъ подробностяхъ невозможно. Посему не только полезно, но даже необходимо, чтобы правительство старалось срочно-обязаннаго періода избѣжать вовсе, или, по крайней мѣрѣ, по возможности сократить. Вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ можно будетъ почитать *благополучно-оконченнымъ* только тогда, когда крестьянское общество *будетъ собственникомъ-владѣльцемъ своей надѣльной земли*, а помѣщикъ удовлетворенъ за уступленный имъ надѣлъ и совершенно отмежеванъ отъ равноправнаго съ нимъ по поземельному своему владѣнію сосѣда — крестьянскаго общества" (Записка

Я. И. Ростовцева. „Дополненіе къ статьѣ: Ходъ и исходъ крест. вопроса").

На необходимости выкупа полевыхъ земель сходились люди самыхъ разнородныхъ чувствъ и воззрѣній. Даже крѣпостники, не лишенные здраваго смысла, стали понимать, что разъ уже уничтоженіе крѣпостного права сдѣлалось неизбѣжнымъ, то выкупъ полевыхъ земель есть наилучшая развязка вопроса. Противниками выкупа были только люди, у которыхъ закоренѣлость въ предразсудкахъ господствующаго сословія заглушала и чувство справедливости и голосъ разсудка.

Съ декабря 1858 года, вопросъ о выкупѣ полевыхъ земель исключается изъ числа опасныхъ темъ и литература получаетъ возможность открыто обсуждать его. Сначала мнѣніе литературы о томъ: долженъ ли выкупъ быть добровольнымъ или обязательнымъ не было рѣшительное. А потому много статей было посвящено разсмотрѣнію условій выкупа, при которыхъ крестьяне пожелаютъ купить, а помѣщики согласятся продать крестьянамъ землю. Но чѣмъ болѣе разъяснялся крестьянскій вопросъ, тѣмъ сильнѣе и общнѣе становилось убѣжденіе, что выкупъ долженъ имѣть значеніе *общей*, а слѣдовательно *обязательной* мѣры. Въ доказательство этого положенія литература приводила самые вѣскіе доводы. Ради чего, спрашивала она, общественное мнѣніе считаетъ выкупъ необходимою мѣрою? Ради сокращенія періода срочно-обязанныхъ отношеній. Но, очевидно, все, что говорилось противъ срочно-обязаннаго положенія и въ пользу выкупа, относится лишь къ выкупу, какъ *общей* мѣрѣ, къ выкупу *обязательному*. Если полагаютъ, что и добровольный выкупъ будетъ имѣть на практикѣ значеніе общей мѣры, то нѣтъ основанія не дать ему характера обязательности, представляющей преимущества, какъ въ отношеніи опредѣленности совершенія такой важной государственной мѣры, такъ и въ отношеніи правильныхъ финансовыхъ разсчетовъ; въ противномъ же случаѣ, добровольный выкупъ есть не что иное, какъ признаніе и освященіе срочно-обязаннаго положенія. И въ такомъ случаѣ онъ противорѣчитъ цѣли, которую преслѣдуетъ, или заключаетъ въ себѣ замаскированное средство къ сохраненію для желающихъ обязательныхъ отношеній. Дилемма такова: или крестьянскій вопросъ будетъ разрѣшенъ окончательно путемъ обязательнаго выкупа, или разрѣшеніе его остановится на полъ-дорогѣ. Какъ ни очевидны выгоды выкупа и невыгоды срочно-обязаннаго положенія для обѣихъ сторонъ, какъ бы успѣшно ни пошелъ добровольный выкупъ, а значительное число помѣщиковъ не приступитъ къ нему. Это неизбѣжно, потому что въ многочисленномъ сословіи непремѣнно будутъ личности заблуждающіяся, не

понимающія собственныхъ интересовъ. А отъ этого непониманія будутъ страдать, какъ интересы крестьянъ, такъ и общіе государственные интересы. Говорятъ, что обязательный выкупъ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ гражданскаго кодекса. Но не менѣе противорѣчитъ имъ и предоставленіе крестьянамъ земли въ пользованіе за опредѣленныя правительствомъ повинности. До сихъ поръ въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса принципъ обязательности игралъ главную роль; иначе и быть не могло: принципъ обязательности неизбѣженъ въ такомъ дѣлѣ, какъ крестьянское, ибо это вопросъ обще-государственный, „Сводомъ Законовъ" не предусмотрѣнный, а участвуютъ въ немъ интересы прямо противоположные. И по срочно-обязанному положенію для помѣщиковъ *обязательно*: освободить крестьянъ, надѣлить ихъ землею, продать имъ усадьбы; для крестьянина *обязательно*: взять надѣлъ и платить за него установленныя повинности. Важнѣйшее практическое возраженіе противъ обязательнаго выкупа это, что единовременный выпускъ выкупныхъ свидѣтельствъ можетъ значительно понизить ихъ цѣнность, если помѣщики разомъ и въ громадныхъ размѣрахъ бросятъ ихъ на рынокъ для продажи. Но то же самое можетъ случиться и при добровольномъ выкупѣ, разъ онъ получитъ на практикѣ значеніе не только общей, а хотя бы и господствующей мѣры — а таково именно предположеніе и желаніе всѣхъ искреннихъ сторонниковъ выкупа.

Въ теченіе 1859 года, когда открытое обсужденіе вопроса о выкупѣ полевыхъ земель стало возможно, быстро зрѣло въ обществѣ и среди дворянства убѣжденіе о необходимости обязательнаго выкупа. Мы уже приводили заключеніе финансовой комиссіи, въ которомъ сказано, что изъ обзора проектовъ губернскихъ положеній видно, что наибольшее число дворянскихъ комитетовъ склонялись въ пользу выкупа *добровольнаго*; со времени же представленія означенныхъ проектовъ (большинство изъ нихъ представлено въ началѣ 1859 года), какъ явствуетъ изъ отзывовъ членовъ губернскихъ комитетовъ, число приверженцевъ не только выкупа вообще, но и выкупа *обязательнаго, значительно увеличилось*".

Какъ извѣстно, положеніе 19-го февраля 1861 года установило обязательность выкупа только для крестьянъ. Но невыгоды срочнообязаннаго положенія неувѣренность въ правильномъ отбываніи крестьянами повинностей, а также нужда въ деньгахъ при новыхъ условіяхъ хозяйства, имѣли слѣдствіемъ, что заявленіе помѣщиками согласія на выкупъ стало господствующимъ явленіемъ и выкупная операція пошла сразу быстрыми шагами. Но ошибочно было бы отсюда выводить, что устраненіе положеніемъ 19-го февраля прин-

ципа обязательности выкупа для помѣщиковъ не имѣло неблагопріятныхъ послѣдствій. Дѣло въ томъ, что однимъ изъ мотивовъ для введенія въ крестьянскую реформу такъ называемыхъ „нищенскихъ“ надѣловъ было дать крестьянамъ возможность выйти изъ срочно-обязаннаго положенія, въ случаѣ несогласія помѣщика на выкупъ. Далѣе, при обязательности выкупа для обѣихъ сторонъ, по всей вѣроятности, не случились бы тѣ прискорбныя и повсемѣстныя крестьянскія волненія, стоившія много горя народу, которыя имѣли мѣсто вслѣдъ за обнародованіемъ положенія.

Выкупъ крестнянами полевой земли въ собственность не входилъ до конца 1858 года, въ предначертанія правительства, а потому литература, выставляя его какъ желательную и крайне необходимую мѣру, въ то же время должна была разработывать вопросы преобразованія примѣнительно къ правительственному плану. Правительственный планъ говорилъ о выкупѣ усадьбъ и предоставленіи крестьянамъ за повинности земли въ пользованіе. Отсюда масса статей была помѣщена въ журналахъ о томъ, что понимать подъ усадьбой, какъ опредѣлить цѣнность ея, что принять за основаніе для опредѣленія размѣра повинностей за пользованіе полевою землею. Но разработка этихъ вопросовъ должна была совершенно измѣниться и она потеряла свое первоначальное важное значеніе съ момента измѣненія правительственнаго плана въ направленіи выкупа крестьянами полевой земли. Поэтому, не останавливаясь на обсужденіи литературою этихъ вопросовъ, замѣтимъ только, что въ предположеніяхъ по нимъ выразилось большее или меньшее сочувствіе литературныхъ органовъ интересамъ народа. Такъ, напримѣръ, въ вопросъ: что понимать подъ усадьбой? редакціонныя статьи „Сельскаго Благоустройства“, „Современника“, „Атенея“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Русскаго Вѣстника“ включали въ понятіе усадьбы и крестьянскій выгонъ; „Журналъ Землевладѣльцевъ“ и „Библіотека для чтенія“ включали только строенія, сады и огороды. Почти такое же раздѣленіе журналовъ, съ точки зрѣнія большей или меньшей защиты интересовъ крестьянина, было и по вопросамъ опредѣленія цѣнности усадьбы и размѣра повинностей за пользованіе полевою землею.

Но когда цѣлью реформы былъ поставленъ выкупъ крестьянами полевой земли, то тѣмъ самымъ должны были измѣниться и способы оцѣнки земли для выкупа и опредѣленіе размѣра крестьянскихъ повинностей на переходное время. Просматривая огромное количество статей о способахъ оцѣнки земли, приходишь къ выводу, что всѣ эти способы въ сущности сводились къ одному изъ трехъ главныхъ и единственныхъ оцѣночныхъ элементовъ, а именно:

1) Рыночная цѣна земли.

2) Производительность и доходность земли, т. е. количество четвертей разнаго хлѣба, которое она въ состояніи дать при извѣстной обработкѣ, назначивъ при томъ нормальныя оцѣночныя цѣны на каждый сортъ хлѣба.

3) Существующее устройство, а именно средній оброкъ, платимый въ каждомъ мѣстѣ за извѣстное количество земли, или приведенная къ денежной единицѣ средняя норма барщинной повинности, отбываемой за пользованіе надѣломъ.

Въ отношеніи перваго элемента—рыночной цѣны земли—въ литературѣ указывалась его малая приложимость къ Россіи. Въ странахъ, гдѣ вся земля кадастрована и обработывается наемнымъ трудомъ, не трудно для каждой мѣстности опредѣлить среднюю стоимость земли разнаго качества и среднюю цѣну труда работника. Совсѣмъ другое въ странѣ, гдѣ земля отдѣльно почти никогда не продавалась (за исключеніемъ мѣстностей въ окрестностяхъ городовъ и т. п.), гдѣ имѣнія оцѣнивались не по количеству земли, а по душамъ, гдѣ наемная работа встрѣчалась только рѣдко—въ такой странѣ оцѣнка земли вещь весьма трудная по причинѣ отсутствія необходимыхъ для того элементовъ.

Второй оцѣночный элементъ могъ быть принятъ за основаніе, если бы дѣло шло о распредѣленіи между населеніемъ временныхъ тягостей Но онъ совершенно не годится въ основаніе для выкупной операціи, долженствующей продолжаться значительное количество времени. Съ измѣненіемъ въ путяхъ сообщенія произойдутъ существенныя измѣненія въ цѣнахъ на хлѣбъ для цѣлыхъ обширныхъ районовъ и, такимъ образомъ, платимыя крестьянами выкупныя суммы не будутъ находиться ни въ какомъ соотвѣтствіи ни съ цѣною, ни съ доходностью земли. Въ виду этихъ соображеній, господствовавшее мнѣніе отдавало предпочтеніе среднему оброку, платимому въ каждой мѣстности за извѣстное количество земли. Но при этомъ раздавалось много голосовъ, что средній оброкъ долженъ быть быть пониженъ сообразно сложенію съ помѣщиковъ разнообразныхъ матеріальныхъ вспомоществованій крестьянамъ, нести которыя они были обязаны и вынуждены при крѣпостномъ правѣ.

Принявъ за основаніе для выкупной операціи средніе оброки, оставалось для опредѣленія размѣра выкупной суммы, слѣдуемой помѣщику, и размѣра ежегодныхъ выкупныхъ платежей крестьянами, капитализировать изъ тѣхъ или другихъ % существующіе средніе оброки. Большинство защищавшихъ средніе оброки какъ основаніе для выкупной операціи, принимали приблизительно цифру 6 рублей, какъ среднюю норму ежегоднаго платежа крестьяниномъ

выкупной суммы за существующій надѣлъ [1]). Такъ какъ эта цифра включала въ себѣ и процентъ погашенія (1%), то выходило, что крестьяне въ 37 лѣтъ уплатятъ сполна всю выкупную сумму. При такомъ разсчетѣ, владѣлецъ 1,000 душъ долженъ былъ получить въ среднемъ выводѣ капиталъ въ сто тысячъ рублей, приносящій ежегодно, въ теченіе 37 лѣтъ, процентами пять тысячъ рублей. Многіе помѣщики признавали, что, если не брать исключительныхъ случаевъ, пять тысячъ рублей есть обыкновенный оброкъ съ 1,000 душъ.

Рядомъ съ предположеніемъ положить въ основаніе выкупной операціи средніе оброки, литература представляетъ также не мало статей, высказывавшихъ опасеніе, что при такой системѣ уплата крестьянами выкупной суммы будетъ для нихъ слишкомъ тяжела. Кто не знаетъ, говорилось въ литературѣ, что въ общемъ оброки крестьянъ, устанавляемые крѣпостнымъ правомъ, были очень обременительны. Предѣлъ требованій помѣщиками оброковъ съ крестьянъ ограничивался одной лишь невозможностью получить больше. Съ освобожденіемъ же крестьянъ, тягость платежа выкупной суммы, вычисленной по среднимъ оброкамъ, увеличится еще вслѣдствіе прибавки къ прежнему среднему оброку процента погашенія. А потому предлагалось установить *нормальные* оброки и повинности и по нимъ опредѣлить какъ общую выкупную сумму, такъ и размѣръ ежегоднаго платежа ея. Для установленія нормальныхъ оброковъ и повинностей слѣдуетъ вычислить, какъ велики могли быть

---

[1]) „Современникъ", въ рядѣ статей „О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа", цифрами доказывалъ, что умѣренность требованій помѣщиковъ въ дѣлѣ выкупа составляетъ ихъ собственный интересъ. Ибо ихъ выгода не въ томъ, чтобы празднымъ образомъ издерживать проценты, уплачиваемые за выкупъ, а въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе получить самый капиталъ выкупа и употребить его на улучшеніе хозяйства при новыхъ условіяхъ Сильнѣйшимъ средствомъ къ достиженію такого результата представляется возможно большая умѣренность въ требованіяхъ кредиторовъ, какъ относительно величины капитала, такъ и относительно процентовъ, слѣдующихъ на него до выкупа облигацій. Ибо чѣмъ умѣреннѣе будутъ эти требованія, тѣмъ большій процентъ можно употребить на погашеніе. „Мы начали—говорится въ одной изъ этихъ статей (1858 г., № 11)—свои соображенія о необходимости умѣренной цифры выкупа исключительно въ выгодахъ должника. Но нечувствительно пришли мы къ выводу, что также осязательна эта выгода и для разсчетливаго кредитора. Мы не говорили о пожертвованіяхъ со стороны кредиторовъ, опытъ отучилъ насъ отъ подобныхъ мечтаній. Но ариѳметика показываетъ намъ, что алчность вовсе не есть разсчетливость, что, напротивъ, истинно разсчетливъ только тотъ, кто по возможности умѣренъ въ своихъ требованіяхъ, и мы желали бы теперь хотя только того, чтобы кредиторы какъ можно точнѣе разсчитывали, какіе шансы ихъ ожидаютъ при умѣренности и какіе при неумѣренности требованій".

они безъ злоупотребленій помѣщичьей власти и отъ какихъ расходовъ освободитъ помѣщиковъ отмѣна крѣпостного права.

По поводу этихъ основательныхъ соображеній, оптимисты замѣчали, что свободный трудъ поднимаетъ настолько производительность крестьянскаго хозяйства, что уплата прежнихъ среднихъ оброковъ даже съ надбавкою процента погашенія не будетъ тягостна для крестьянъ.

Наконецъ, въ цензурной русской литературѣ намеками, въ заграничныхъ русскихъ изданіяхъ мотивированно высказывалось воззрѣніе, что для уменьшенія тягости платежа крестьянами выкупной суммы, часть ея должна быть разложена на всѣ сословія. Это должно быть сдѣлано тѣмъ болѣе въ виду того, что народъ, у котораго насильно отняли свободу и окружили порядками вѣковаго горя, страданій, имѣетъ право на смягченіе послѣдствій этихъ порядковъ, и далѣе—отъ отмѣны крѣпостного права выигрываютъ всѣ сословія.

4) *Вотчинная полиція.* Въ рескриптахъ было сказано, что „помѣщикамъ предоставляется вотчинная полиція". Глава девятая „программы" губернскимъ комитетамъ, относившаяся къ правамъ помѣщиковъ по предмету вотчинной полиціи, заключала въ себѣ слѣдующія рубрики: „Присвоеніе помѣщику званія начальника общества. Права и отношенія его къ обществу: а) по сельскому благоустройству и порядку, б) по внутреннему управленію, в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами, г) по отправленію крестьянами повинностей, д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ".

Въ виду ясно выраженнаго правительствомъ намѣренія сохранить за помѣщиками полицейскую власть, литературѣ не разрѣшалось проводить мысль о ненужности и вредѣ предоставленія помѣщикамъ вотчинной полиціи. Одинъ лишь „Журналъ Землевладѣльцевъ" полагалъ, что „лучшей полиціи, какъ помѣщичья, невозможно образовать, и притомъ она для Россіи родная, а потому помѣщикъ долженъ остаться начальникомъ общества" (№ 22, 1859 г.). Прочіе журналы были противнаго мнѣнія; но, въ виду цензурныхъ условій, они могли высказаться только за возможно меньшее сохраненіе полицейской власти помѣщиковъ и вмѣшательства ихъ въ крестьянскія дѣла. „Цѣль реформы, говоритъ „Русскій Вѣстникъ":—*должна состоять въ томъ, чтобы отмѣнить подчиненіе лица лицу, поддерживаемое государственною властью, въ области чисто частныхъ, нравственныхъ и экономическихъ отношеній, которыя, по природѣ своей, должны быть совершенно свободны* (№ 16, 1858 г.). „Сельское Благоустройство", перечисляя мѣры, долженствующія лечь въ основаніе реформы, на первый планъ выставляло: „уничтоженіе крѣпостного права со всѣми

его послѣдствіями“ (№№ 2 и 4, 1858 г.). Такіе же тезисы (но безъ развитія во всей ихъ полнотѣ, вслѣдствіе цензурныхъ условій) были высказываемы и прочими журналами. Полицейскую и судебную власть помѣщиковъ предлагали передать частью крестьянскимъ обществамъ (самоуправленію), частью общей полиціи, заявляя при этомъ настоятельную необходимость въ реформѣ ея, и, наконецъ, частью учрежденіямъ мѣстнаго всесословнаго самоуправленія (нынѣшнія земскія и мировыя учрежденія), которыя ограничатъ вмѣшательство въ общественныя дѣла бюрократіи и сблизятъ между собою сословія.

Въ теченіе 1858 года, въ высшемъ правительствѣ измѣняются воззрѣнія по всѣмъ основнымъ вопросамъ реформы, въ томъ числѣ и по предмету сохраненія за помѣщиками правъ вотчинной полиціи. Это измѣненіе воззрѣній въ отношеніи вотчинной полиціи выразилось офиціально въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ параграфахъ журнала главнаго комитета, отъ 4-го декабря 1858 года. Въ этихъ параграфахъ говорится: „Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и въ его избранныхъ. При опредѣленіи подробностей устройства міра и учрежденій, посредствомъ которыхъ онъ долженъ дѣйствовать, а также отношеній міра къ помѣщику, обратить вниманіе: а) на постановленія по этому предмету, изложенныя въ „Сводѣ Законовъ“, и б) на IX-ю главу программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, сообразивъ: можетъ ли эта глава оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуетъ ее измѣнить. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей“.

Съ декабря 1858 года литература получаетъ возможность высказываться вполнѣ по вопросу о вотчинной полиціи. Защита полной отмѣны полицейской власти помѣщиковъ дѣлается для литературы тѣмъ легче, что къ этому времени усиливается сознаніе о необходимости періода времени срочно-обязанныхъ отношеній и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ падаетъ одно изъ самыхъ вѣскихъ основаній для сохраненія вотчинной полиціи, какъ вызываемой обязательными отношеніями крестьянъ и правомъ собственности помѣщиковъ на земли, которыми пользуются крестьяне. Отнынѣ выкупъ и полная отмѣна вотчинной полиціи всегда разсматриваются литературою совмѣстно, какъ два вопроса, находящіеся между собою въ тѣсной зависимости. Но не меньшее, если еще не большее, сравнительно съ помѣщичьей полиціей, зло видѣла литература въ вмѣшательствѣ въ дѣла крестьянскаго міра бюрократическаго элемента. А потому возможно

большее огражденіе крестьянскаго міра отъ соприкосновенія съ бюрократіей было лозунгомъ всѣхъ журналовъ, не исключая и „Журнала Землевладѣльцевъ". „При образованіи сельской общины, говоритъ „Современникъ":—болѣе всего надобно стараться о томъ, чтобы поставить ее, по возможности, въ самостоятельное положеніе и оградить ее не только отъ произвола помѣщика, у котораго для нея выкупаются земли, но и отъ всякаго излишняго вмѣшательства мѣстной администраціи. Что такого рода Self-governement у насъ возможенъ, доказывается примѣрами многихъ оброчныхъ имѣній, въ которыхъ владѣльцы и управители не бываютъ по нѣскольку лѣтъ, а между тѣмъ, крестьяне, подъ управленіемъ выбираемыхъ ими самими старостъ, которые только для формы утверждаются помѣщикомъ, безнедоимочно уплачиваютъ какъ подати, такъ и лежащій на нихъ оброкъ, иногда довольно тяжелый, и, сверхъ того, нерѣдко достигаютъ значительной степени благосостоянія. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ для подобныхъ имѣній бываетъ то, если владѣлецъ занимаетъ болѣе или менѣе значительное мѣсто въ службѣ или носитъ особенно громкое имя, такъ какъ въ этомъ случаѣ имя его ограждаетъ крестьянъ отъ притѣсненія мѣстныхъ властей, которымъ иногда бывало довольно одного какого-нибудь повода—совершеннаго въ деревнѣ преступленія или даже найденнаго на землѣ ея мертваго тѣла—чтобы обременить всю деревню. Если при крѣпостномъ состояніи крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, умѣли такъ хорошо вести свои дѣла тамъ, гдѣ имъ никто не мѣшалъ, то тѣмъ болѣе можно ожидать счастливаго результата отъ самоуправленія ихъ, когда, сдѣлавшись членами самостоятельной общины, они почувствуютъ свое достоинство... Міръ самъ сумѣетъ хорошо справиться съ своими дѣлами. Необходимо только, *чтобы ему не мѣшали*" (№ 7, 1859 г.).

Такое же единодушное стремленіе оградить крестьянъ отъ соприкосновенія съ бюрократіей встрѣчаемъ мы и въ отзывахъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ. Но болѣе свободные въ выраженіи своихъ мнѣній, нежели литература, депутаты открыто и всесторонне нападали на слишкомъ обширную роль бюрократическаго элемента въ государствѣ и смѣло мрачными красками рисовали дѣятельность бюрократіи. Это непріязненное отношеніе всего русскаго общества къ бюрократіи, о которомъ намъ придется говорить при изложеніи отзывовъ депутатовъ, представляетъ весьма поучительную страницу въ исторіи крестьянской реформы.

5) *Общинное землевладѣніе.* Вопросъ объ общинномъ замлевладѣніи, о сохраненіи или устраненіи его при выкупѣ крестьянами земли въ собственность, былъ предметомъ самаго оживленнаго об-

сужденія и полемики въ литературѣ эпохи преобразованія. Журналы, солидарные по всѣмъ главнымъ вопросамъ крестьянской реформы, расходились въ своихъ воззрѣніяхъ на общинное землевладѣніе. Одни, „Библіотека для чтенія", „Экономическій указатель", „Журналъ Землевладѣльцевъ", видѣли въ немъ порядокъ, свойственный лишь патріархальному быту, когда, благодаря обилію земли, не требуется искусственное увеличеніе ея плодородія, и являющійся при извѣстной густотѣ населенія сильнымъ тормазомъ для развитія сельско-хозяйственной культуры, а слѣдовательно и національнаго богатства; въ послѣднемъ положеніи находится уже, по ихъ мнѣнію, значительное число селъ въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ Россіи. Общинному владѣнію эти журналы противуполагали институтъ *неограниченной частной собственности*, какъ единственный производительный элементъ народнаго хозяйства и прогресса вообще. Другіе—„Русскій Вѣстникъ", „Отечественныя Записки", „Атеней", не высказывали рѣшительнаго мнѣнія по этому вопросу и помѣщали на своихъ страницахъ статьи какъ апологетовъ, такъ и противниковъ общиннаго землевладѣнія. Третьи—„Современникъ", „Сельское Благоустройство", явились горячими защитниками этой формы владѣнія землею.

Различіе въ воззрѣніяхъ защитниковъ и противниковъ общиннаго землевладѣнія касалось двухъ вопросовъ: во-первыхъ, каково общее соціальное значеніе общиннаго землевладѣнія, во-вторыхъ, каково должно быть отношеніе къ нему законодательства въ данную минуту.

Сначала скажемъ о второмъ вопросѣ. Всѣ почти журналы сходились въ томъ убѣжденіи, что всякое насильственное измѣненіе существующаго и глубокоукоренившагося въ народѣ общиннаго быта было бы не только неумѣстно, но даже въ высшей степени вредно. Но затѣмъ ставился другой вопросъ: во многихъ случаяхъ необходимы будутъ правительственныя мѣры, дающія извѣстное направленіе развитію народнаго быта; должны ли эти мѣры дѣйствовать въ духѣ поддержанія общиннаго землевладѣнія, или должны онѣ облегчать расширеніе начала частной собственности?

Противники общиннаго землевладѣнія, а также всѣ видящіе въ немъ лишь извѣстный моментъ историческаго развитія, долженствующій непремѣнно исчезнуть ради успѣховъ цивилизаціи, отвѣчали, что развитіе начала частной собственности должно быть искомымъ результатомъ. На первое время они предлагали предоставить не только крестьянскимъ обществамъ, *но и отдѣльнымъ крестьянамъ* право выкупать землю въ личную собственность. Пусть мірское владѣніе землею, говорили они, будетъ предоставлено есте-

ственному своему ходу. Пусть крестьяне, которые хотятъ выкупать землю отдѣльно отъ другихъ, выкупаютъ отдѣльно; пусть тѣ общины, которыя захотятъ раздѣлить мірскую землю на участки въ личную собственность, получатъ на это разрѣшеніе. Практическія потребности, жизненныя столкновенія сами собою будутъ приспособлять старый порядокъ къ новому.

Сторонники общиннаго землевладѣнія, видѣвшіе въ сохраненіи его одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственной политики, стояли за поддержаніе его со стороны законодательства. Такъ напримѣръ, для дѣйствительности рѣшенія общины подѣлить землю на участки въ личную собственность они полагали не простое большинство, а двѣ трети голосовъ членовъ общины. Они находили крайне вреднымъ предоставленіе отдѣльнымъ крестьянамъ права выкупа у помѣщиковъ въ собственность частей общиннаго поля, между прочимъ, уже и потому, что, при такомъ позволеніи, богатые крестьяне выкупятъ первые и выкупятъ лучшія земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ они указывали, что принадлежность крестьянина къ общинѣ ни мало не нарушаетъ его личной свободы. Крестьянину должна быть предоставлена полная свобода жить гдѣ угодно и заниматься любымъ дѣломъ. Надѣлъ же свой онъ можетъ всегда отдать въ пользованіе другому. Но, благодаря принадлежности къ общинѣ, онъ найдетъ въ ней пристанище въ житейскихъ невзгодахъ, и дѣти его не потеряютъ исконное русскому народу право на землю.

Такъ разрѣшался литературой вопросъ общиннаго землевладѣнія съ практической его стороны, при тѣхъ условіяхъ русской жизни, въ какихъ застала ее крестьянская реформа.

Теперь укажемъ воззрѣнія литературы на общинное землевладѣніе въ его общемъ соціальномъ значеніи.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, какъ каждому извѣстно, распадается на большое количество отдѣльныхъ вопросовъ и каждый изъ нихъ, при этомъ, имѣетъ самъ по себѣ важное значеніе. Уже одно перечисленіе главныхъ рубрикъ укажетъ на обширность вопроса объ общинномъ землевладѣніи. Во-первыхъ, исторія общиннаго землевладѣнія и причины его исчезновенія у однихъ народовъ и сохраненія у другихъ. Во-вторыхъ, роль общиннаго землевладѣнія въ сельскохозяйственной области. Въ-третьихъ, значеніе общиннаго землевладѣнія для общаго строя соціальной жизни. Всѣ эти вопросы были подняты нашею литературою, а роль общиннаго землевладѣнія въ сельскохозяйственной области обсуждалась даже съ большой подробностью. Только въ весьма объемистомъ томѣ можно было бы изложить всѣ существенные вопросы общиннаго землевладѣнія, обсуждавшіеся въ нашей литературѣ эпохи преобразованія.

Рамки нашего сочиненія обязываютъ насъ ограничиться *лишь изложеніемъ тезисовъ* противниковъ и сторонниковъ общиннаго землевладѣнія.

Тезисы противниковъ всего полнѣе были формулированы г. Вернадскимъ въ „Экономическомъ Указателѣ" и г. Тернеромъ въ „Библіотекѣ для чтенія". Въ полемикѣ съ „Современникомъ", защищавшимъ общинное владѣніе, г. Вернадскій доказывалъ, что принципъ этого владѣнія заключаетъ въ себѣ много сторонъ, практически признанныхъ неудобными и непроизводительными. Вотъ доводы, на которыхъ онъ основывалъ свое мнѣніе:

1) Общинный принципъ пользованія землею отнимаетъ право хозяйственной иниціативы отъ частнаго лица и передаетъ его общинѣ.

2) Не могутъ легко распространиться полезныя измѣненія за недостаткомъ *образцовъ*.

3) Община умаляетъ интересъ къ своимъ дѣламъ и начинаніямъ въ своихъ членахъ. Только тамъ можетъ предпріятіе быть ведено съ достаточной энергіей и успѣхомъ, гдѣ лицо дѣйствуетъ на свой рискъ и въ свою пользу.

4) Общинное распоряженіе обыкновенно стѣснено различными и часто противоположными взглядами членовъ общины и необходимо требуетъ предварительныхъ переговоровъ, собраній и т. п.

5) Пользованіе общинною землею, соединяя лица, но не силы рабочихъ, дѣлаетъ невозможнымъ правильное раздѣленіе занятій и труда, связывая дѣятельность всѣхъ однимъ только родомъ занятій.

6) Общинное пользованіе землею препятствуетъ накопленію капиталовъ, насильно перенося ихъ, въ видѣ орудій, скота и т. п., съ мѣста на мѣсто.

7) Производство, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, въ общинномъ хозяйствѣ уступаетъ массѣ производства въ частныхъ хозяйствахъ.

8) Общинное устройство необходимо должно стѣснить свободу движенія и перехода съ мѣста на мѣсто.

9) Также точно это устройство собственности дѣлаетъ невозможною свободу перехода участковъ земли изъ рукъ въ руки, что необходимо, во многихъ случаяхъ, для самого хозяйства.

10) Уменьшаетъ и стѣсняетъ черезъ это сбытъ произведеній.

11) Наконецъ, вслѣдствіе общинной системы, при вѣроятномъ обезпеченіи содержанія для каждаго члена общины, членъ этотъ не считаетъ своей обязанностью соразмѣрять размѣры своей семьи съ средствами пропитанія.

Г. Тернеръ резюмировалъ свои мнѣнія относительно общиннаго владѣнія землею слѣдующимъ образомъ:

1) Дикое охотничье состояніе народа доставляло обезпеченность

въ средствахъ существованія всѣмъ своимъ членамъ, но только до тѣхъ поръ, пока лѣса не истощились; впослѣдствіи каждый членъ громаднаго семейства тоже имѣлъ вѣрное и беззаботное существованіе, но только до тѣхъ поръ, пока луга не истощились; точно также и въ осѣдлый періодъ общественное владѣніе можетъ доставлять обезпеченіе всѣмъ сельскимъ жителямъ только до тѣхъ поръ, пока земля еще не истощена и пока народонаселеніе еще рѣдко. Но съ развитіемъ богатства, промышленности и съ приращеніемъ народонаселенія, общинное владѣніе должно сдѣлаться само собой невозможнымъ, какъ менѣе производительное. Тогда единственнымъ исходомъ изъ него служитъ: *личная поземельная собственность*. Отсюда слѣдуетъ, что общинное владѣніе не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія и потому постепенно должно перейти въ частную собственность.

2) Этотъ переходъ долженъ совершиться естественнымъ путемъ постепеннаго преобразованія, и потому нельзя и думать о насильственномъ превращеніи общиннаго владѣнія въ личную собственность.

3) Также вредно было бы сдерживать общинное владѣніе насильственными законодательными мѣрами тамъ, гдѣ оно, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, уже стало вырождаться въ личную собственность.

4) Въ большей части мѣстъ переходъ этотъ начнется не скоро и будетъ совершаться цѣлымъ рядомъ переходовъ.

5) За то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже теперь показываются симптомы перехода къ личной собственности.

6) Сдерживать эти переходы значило бы сдерживать естественное развитіе Россіи.

7) Потому что производительность земли при общинномъ владѣніи не можетъ быть такъ сильна, какъ при личной собственности.

8) А между тѣмъ, чѣмъ болѣе страна производитъ, тѣмъ жители ея богаче: *распредѣленіе же богатствъ играетъ только вторую роль, слѣдующую за производствомъ*.

Защитники общиннаго землевладѣнія, возражая на объясненіе исчезновенія этой формы владѣнія землею на Западѣ путемъ естественнаго процесса, вызываемаго самою природою этого факта—доказывали, что общинное владѣніе даже въ той несовершенной формѣ, въ какой оно находится въ Россіи, не препятствуетъ успѣхамъ сельскохозяйственной культуры и разъясняли громадное благотворное и всепроникающее значеніе этой формы владѣнія землею въ соціальной жизни. Вотъ ихъ тезисы:

1) На Западѣ общинное землевладѣніе разрушалось насильственно

въ интересахъ высшихъ классовъ. Феодализмъ завоевалъ землю и нашелъ для себя выгоднымъ разрушить сельскую общину и общинное землевладѣніе.

2) Общинное землевладѣніе не препятствуетъ не только къ введенію всякаго выгоднаго сѣвооборота, по востребованію обстоятельствъ, но и вообще всякаго рода сельско-хозяйственныхъ усовершенствованій.

3) Распространяя благо поземельной собственности на все земледѣльческое сословіе, общинное землевладѣніе представляетъ менѣе элементовъ къ излишнему измельчанію участковъ, нежели институтъ частной собственности, и препятствуетъ сосредоточенію земли въ рукахъ немногихъ.

4) Не уступая въ возрастаніи стоимости и доходности землямъ личнаго владѣнія, общинное землевладѣніе имѣетъ то преимущество передъ нимъ, что составляетъ прочную основу солидарности общественныхъ отношеній и устойчивости соціальнаго быта.

5) Передѣлы земли не суть существенная принадлежность общиннаго землевладѣнія; они и на нашихъ глазахъ становятся постепенно все рѣже и рѣже, а современемъ, несомнѣнно, совершенно исчезнутъ.

6) Общинное землевладѣніе вовсе не отнимаетъ у личности свободы жить гдѣ угодно и заниматься любымъ дѣломъ.

7) Земледѣльческая община одна обезпечиваетъ отъ земледѣльческаго пролетаріата и содѣйствуетъ къ ограниченію пролетаріата вообще.

8) Важнѣйшая сущность, важнѣйшая мысль общиннаго землевладѣнія, изъ которой проистекаютъ всѣ остальныя благотворныя соціальныя слѣдствія, состоитъ въ правѣ каждаго на землю и въ пропорціональности надѣла къ рабочимъ силамъ. Эти два факта— право каждаго на землю и пропорціональность надѣла къ рабочимъ силамъ, нуждамъ и тягостамъ—удовлетворяютъ требованіямъ справедливости, обезпечиваютъ общее благосостояніе и разрѣшаютъ одинъ изъ труднѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ: *обоснованіе дохода на трудѣ*. При общинномъ землевладѣніи земля не можетъ достаться въ руки того, кто въ ней не нуждается или не способенъ приложить къ ней личный трудъ, и наоборотъ, кому она нужна, и кто желаетъ приложить къ ней свой трудъ, получаетъ ее.

9) Благодаря сохранившемуся у нашего народа общинному землевладѣнію, его юридическія понятія, юридическій бытъ гораздо выше, идеальнѣе юридическихъ понятій и юридическаго быта, основанныхъ на принципѣ римской собственности.

Возвышая принципъ общиннаго владѣнія надъ принципомъ лич-

ной собственности, защитники перваго естественно должны были высказать свой взглядъ на цивилизацію Запада, цѣликомъ развивавшуюся въ новѣйшее время на принципѣ неограниченной частной собственности на орудія производства. И эта цивилизація дала имъ сильнѣйшее оружіе для защиты общиннаго землевладѣнія и право сказать, что всѣ желающіе расширенія у насъ сферы личной собственности на землю суть люди мало понимающіе современное состояніе западно-европейской цивилизаціи.

Еще надавно, говорили защитники общиннаго владѣнія, менѣе полвѣка тому назадъ, въ двадцатыхъ и даже тридцатыхъ годахъ, западные люди высокомѣрно принимали свой бытъ за идеалъ всѣхъ народовъ; они соглашались, что въ немъ надобно кое-что почистить, но въ фондѣ никто не сомнѣвался. Казалось, столъ западной цивилизаціи ломился отъ богатства. Политическая экономія, абсолютная философія, развитіе промышленности, вѣра въ прогрессъ на базисѣ индивидуализма... казалось, западный міръ открылъ тайны „Абсолюта“ въ философіи исторіи, правильнаго устройства соціальной жизни и рвался впередъ къ полному осуществленію добытыхъ истинъ. Политики и доктринеры радовались, до какихъ-де просвѣщенныхъ вѣковъ мы дожили—и мы вѣрили въ западный бытъ во всей его цѣлости и мы тянулись къ нему.

Но все измѣнилось съ удивительной быстротой. Философія оказалась не абсолютной, политическая экономія—экономической статистикой. Прогрессъ, республика, а потомъ и демократія, всѣ эти цвѣты изящные, прекрасные оканчивающагося лѣта поблекли на старомъ стеблѣ, который подломился и не могъ доставить свѣжихъ соковъ. Люди, казалось, устроились такъ хорошо, знали такъ много въ соціальной механикѣ и вдругъ оказывается, что они знаютъ мало, что основаніе устройства ихъ никуда не годится. Что же всѣ усилія, труды, доктрины, борьба—все это было бредомъ? Да, отвѣчали славянофилы. Нѣтъ, отвѣчали люди, занимавшіе средину между славянофилами и слѣпыми приверженцами Запада; западно-европейская цивилизація, говорили они, рядомъ заблужденій выработала также много прочнаго и это прочное останется. Прочное въ ней все то, что выработалось изъ сознанія равноправности, свободы и достоинства *личности* и съ успѣхомъ реализировало это сознаніе.

Западный міръ, дойдя въ настоящей его цивилизаціи близко уже къ предѣлу, самъ указалъ, что ему мѣшаетъ къ дальнѣйшему развитію, но уже въ новыхъ формахъ; и если не выставилъ еще ясной и общепризнанной положительной программы, то отрицательно опредѣлилъ свое *искомое*. Случайное распредѣленіе богатствъ, орудій работы, оставленное ему въ наслѣдство и укрѣпленное всѣми но-

выми средствами современной „*свободной конкуренціи*", ставитъ стѣну, которую до сихъ поръ нельзя было взять никакими приступами. Трудъ съ одной стороны, капиталъ—съ другой, работа съ одной стороны, машина,—съ другой, голодъ съ одной стороны, сосредоточеніе богатствъ—съ другой. Мирнымъ или насильственнымъ путемъ будутъ разрѣшены въ будущемъ эти трудныя задачи—это зависитъ отъ многихъ условій; но пока, какъ извѣстно, указанныя соціальныя противорѣчія порождали гражданскія войны и западный міръ наканунѣ новыхъ. Итакъ вотъ къ чему пришелъ онъ!

Западъ дойдя до кризиса, помогъ намъ увидѣть и оцѣнить кладъ, лежавшій подъ ногами нашими. Этотъ кладъ заключается въ сохранившемся у нашего народа общинномъ бытѣ.

Общинный бытъ, покоющійся на общинномъ землевладѣніи есть самый важный основной фактъ русской жизни. И это потому, что экономическая сторона общественной жизни есть главнѣйшая, существеннѣйшая, единая спасающая. До сихъ поръ люди все толковали о политическихъ формахъ. Но тѣ, которые сказали міру: ты печешься о второстепенномъ, самое же главное *экономическое устройство*, тѣ первые поняли тайну правильнаго развитія соціальной жизни. Свести политическіе вопросы на экономическіе—въ этомъ вся задача современности.

И неужели, въ виду переживаемаго Западомъ кризиса, мы не воспользуемся его опытомъ, не воспользуемся счастливо сохранившимся въ нашемъ народѣ сознаніемъ *о правѣ каждаго работника на землю?* Тѣмъ болѣе, что это сознаніе у насъ гораздо больше чѣмъ право, оно—фактъ; оно больше, чѣмъ признано, оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ, онъ его мѣряетъ десятинами, и для него его право на землю—естественное послѣдствіе *рожденія и работы*. Право каждаго на пожизненное обладаніе землею до того вросло въ понятія народа русскаго, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось повидимому безсмысленной поговоркой: *мы господскіе, а земля наша.*

И это не все. Сверхъ признанія права каждаго на землю, въ народномъ бытѣ нашемъ есть другое начало, необходимо пополняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло бы своего полнаго развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля, на пользованіе которой каждый имѣетъ право, съ тѣмъ вмѣстѣ не принадлежитъ *никому лично и потомственно.*

Далѣе право на землю и общинное владѣніе ею предполагаютъ крѣпкое *мірское устройство*, какъ родоначальную и великую основу самоуправленія, долженствующаго развиться на немъ. Крѣпость мірского управленія свидѣтельствуется уже тѣмъ, что оно уцѣлѣло даже подъ гнетомъ крѣпостного права.

И такъ элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ, элементы стародавніе, но сознаніе важнаго значенія коихъ только теперь начинаетъ распространяться, элементы, *встрѣчающіеся съ западными стремленіями экономическаго преобразованія*—состоятъ изъ трехъ началъ, изъ:

1) права каждаго на землю,

2) общиннаго владѣнія ею,

3) мірского управленія.

На этихъ началахъ и только на нихъ можетъ совершиться правильное развитіе будущей Руси.

Современная русская община разумѣется не есть идеалъ, но она представляетъ условія общественной жизни, въ которыхъ таятся зачатки иного развитія права собственности, экономическихъ отношеній и выборнаго самоуправленія, чѣмъ тѣ понятія, юридическія и экономическія отношенія, которыя представляетъ латино-германская жизнь. Сами западные экономисты, изъ числа людей искреннихъ и освободившихся отъ традицій, удрученные своей общественной жизнью, признали, что на Западѣ развитіе права собственности дошло до невыносимаго гнета и увидѣли свѣтъ въ общинномъ началѣ.

Изъ сказаннаго никакъ не слѣдуетъ, чтобы намъ перестать учиться западной наукѣ или выдумывать свою; во-первыхъ, наука по той мѣрѣ и наука, по которой она не принадлежитъ никакой странѣ, а во-второй наука Запада столько же наша, сколько и его. Историческія формы западной жизни, въ одно и то же время будучи несравненно выше политическаго устройства Россіи, не соотвѣтствуютъ больше современной нуждѣ, современному пониманію. Это пониманіе развилось на Западѣ; но съ той минуты, какъ оно было сознано и высказано, оно сдѣлалось общечеловѣческимъ достояніемъ всѣхъ понимающихъ. И именно потому, что въ самомъ западномъ мірѣ явилось святое сомнѣніе, отъ того онъ не можетъ заживо сдѣлаться форфоровой куклой, какъ Китай; несомнѣнно, Западъ переживетъ кризисъ и обновится въ новыхъ болѣе гармоническихъ формахъ жизни.

Въ виду переживаемаго западнымъ міромъ кризиса, источникъ котораго его современная экономическая организація, отравляющая всѣ прочія стороны общественной жизни, въ виду начавшейся въ немъ борьбы изъ-за *основъ* соціальной жизни, возникаетъ страна, имѣющая только маску и то плохую западной гражданской жизни, только ея фасадъ, народный бытъ не развитый, но нисколько не похожій на народный бытъ европейскихъ народовъ. Что же дѣлать этой странѣ? Слѣдуетъ ли ей пройти всѣ фазы западной жизни для того, чтобы дойти въ потѣ лица, съ подгибающимися ко-

лѣнами, черезъ рѣки крови, до того же выхода, до той же идеи будущаго устройства и невозможности современныхъ формъ, до которыхъ дошла Европа? И притомъ, зная впередъ, что все это не въ *самомъ дѣлѣ*, а только для какого-то искуса! Да развѣ это не безумно?

Развѣ путь европейскаго развитія—единый возможный, необходимый, такъ что каждому народу, гдѣ бы онъ ни жилъ, какіе бы антецеденты ни имѣлъ, должно пройти имъ какъ младенцу прорѣзываніемъ зубовъ, сростаніемъ черепныхъ костей, и пр.? Не есть ли онъ самъ частный случай развитія, который сложился и образовался подъ вліяніями индивидуальными, вслѣдствіе извѣстныхъ событій, при извѣстныхъ элементахъ, при извѣстныхъ помѣхахъ и отношеніяхъ. А въ такомъ случаѣ, не странно ли намъ повторять теперь всю длинную метаморфозу западной исторіи, *зная напередъ* le secret de la comédie, т. е., что со всѣмъ этимъ развитіемъ, рано или поздно, насъ также причалитъ къ той межѣ, передъ которой стоитъ теперь западный міръ.

Западная цивилизація пошатнулась. Передовая русская мысль поняла сокровенный смыслъ этой цивилизаціи и потому она кончила ученическое подражаніе; она выходитъ изъ петровской школы преклоненія передъ всѣмъ западнымъ, становится на свои ноги, не хочетъ твердить больше чужихъ задовъ, не хочетъ повторять исторіи Запада *оптомъ*.

Европа перешла отъ сѣверныхъ проселковъ къ хорошимъ шоссе, а отъ нихъ къ желѣзнымъ дорогамъ. У насъ и теперь прескверные пути сообщенія; что же намъ сперва дѣлать шоссе, а потомъ желѣзныя дороги?

Задача новой эпохи, въ которую мы входимъ, состоитъ въ томъ, чтобы на основаніяхъ науки сознательно развить элементы нашего общиннаго самоуправленія до полной свободы лица, минуя тѣ промежуточныя формы, которыми по необходимости шло, плутая по извѣстнымъ путямъ, развитіе Запада.

Не воспользоваться опытомъ Западной Европы, чтобы тихо, безкровно развивать лучшія формы нашей жизни, сбиться съ дороги, когда она такъ ясна, было бы великое безуміе и несчастіе.

Въ такомъ широкомъ объемѣ, всесторонне обсуждался въ литературѣ эпохи преобразованія вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. И не ошиблись защитники общиннаго землевладѣнія, придавъ ему громадное значеніе, поставивъ его на высоту основного вопроса русской жизни. Какъ извѣстно, вопросъ объ общинномъ землевладеніи занимаетъ въ настоящее время одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ жизни и литературѣ. Много силъ посвящено разработкѣ его. За послѣднія тридцать лѣтъ, изслѣдователи общиннаго земле-

владѣнія собрали много статистическаго матеріала, указали различныя жизненныя формы этого порядка владѣнія, въ значительной степени освѣтили элементы, враждебные общинному быту, явились замѣчательныя работы по исторіи общиннаго землевладѣнія. Словомъ, общинное землевладѣніе разработывается нашею литературою неутомимо и съ убѣжденіемъ въ огромномъ значеніи этого факта въ русской жизни.

Мы разсмотрѣли роль литературы въ крестьянской реформѣ и рѣшенія ею самыхъ крупныхъ вопросовъ преобразованія. Въ концѣ 1858 года измѣняется правительственный планъ преобразованія сельскаго быта и измѣняется въ направленіи, указанномъ литературою. Замѣчательно единство воззрѣній литературы по всѣмъ крупнымъ вопросамъ реформы показываетъ, что природа вещей, входившихъ въ реформу, легко раскрывала свою логику; хотя, разумѣется, для раскрытія ея требовались тѣ два элементарныя условія, безъ наличности которыхъ невозможно правильное воззрѣніе даже на самыя незамысловатыя соціальныя явленія,—требовались: просвѣщенный умъ и искреннее преслѣдованіе общаго блага. Эти два элемента внесла литература въ обсужденіе вопросовъ преобразованія и тѣмъ оказала крестьянскому дѣлу великую услугу.

V.

Открытіе редакціонной комиссіи.—Внутренняя организація комиссіи и организація производства работъ.—Главныя начала, положенныя комиссіей въ основаніе своихъ работъ.—Характеристика проектовъ „Положеній" губернскихъ комитетовъ.—Вызовъ въ Петербургъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ.—Агитація противъ редакціонной комиссіи.—Проектъ всеподданнѣйшаго адреса сенатора Безобразова.—Письмо къ Ростовцеву гр. Орлова-Давыдова.—Всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ о воззрѣніяхъ на крестьянское дѣло, присланныхъ губернскими комитетами депутатовъ.—Инструкція, опредѣлявшая занятія депутатовъ въ редакціонной комиссіи.—Впечатлѣніе инструкціи на депутатовъ.—Всеподданнѣйшее ходатайство депутатовъ и отвѣтъ на него.—Депутаты раздѣляются на группы сообразно воззрѣніямъ ихъ на крестьянское дѣло.—Всеподданнѣйшіе адресы депутатовъ, представленные ими по окончаніи своихъ занятій въ редакціонной комиссіи.—Рѣшенія на адресы главнаго комитета.—Впечатлѣніе, произведенное этими рѣшеніями на дворянство и депутатовъ.—Депутаты второго призыва.

Открытіе редакціонныхъ комиссій послѣдовало 4-го марта 1859 года. Къ первому засѣданію комиссій собралось 10 членовъ, получившихъ уже назначеніе и бывшихъ въ то время въ Петербургѣ. Въ этотъ только разъ, за все время предсѣдательства Ростовцева, члены комиссій собрались въ присутствіе въ форменныхъ или простыхъ фракахъ и въ орденахъ, кто ихъ имѣлъ. Всякое стѣсненіе или

принужденіе были изгнаны изъ собранія. Подавали чай, курили и бесѣда шла свободно. Ростовцевъ открылъ засѣданіе нѣсколькими вступительными словами и въ заключеніе сказалъ: „Мы приступаемъ къ дѣлу щекотливому. Мы можемъ быть разныхъ мнѣній и взглядовъ. Между нами могутъ произойти горячіе и раздражительные споры и несогласія, а потому мы всѣ должны заранѣе простить другъ другу огорченія, если-бъ у насъ вышло что-нибудь непріятное, и я первый теперь же прошу у всѣхъ васъ прощенія, если-бы неумышленно, хотя однимъ словомъ, кого-нибудь обидѣлъ" („Дѣят. Я. И. Ростовцева". „Русс. В." 1864 г., окт., стр. 470). Затѣмъ были прочитаны высочайше утвержденные журналы главнаго комитета отъ 26-го октября и 4-го декабря, какъ содержащіе въ себѣ послѣдній взглядъ правительства на планъ предстоящей реформы.

Черезъ день послѣ открытія комиссій, всѣ наличные члены ихъ должны были представиться Государю. Когда члены собрались у Ростовцева, послѣдній просилъ ихъ, прежде сбора во дворцѣ, ѣхать съ нимъ къ председателю главнаго комитета, князю Орлову, говоря, что онъ уже прежде хотѣлъ сдѣлать ему эту любезность представленіемъ лично своихъ сотрудниковъ. По прибытии къ князю, Ростовцевъ пошелъ въ его кабинетъ и довольно долго съ нимъ бесѣдовалъ. Когда потомъ они вышли вмѣстѣ въ залу, гдѣ стояли члены, князь Орловъ произнесъ, обращаясь ко всѣмъ, слѣдующія слова: „Господа, на васъ лежитъ трудная обязанность распутать дѣло сложное и запутанное. Такъ уже сдѣлалось, пойти назадъ невозможно; вы должны идти по тому направленію, которое дано ему; вамъ остается исполнить то, что вамъ указано; а что вы не такъ сдѣлаете, мы поправимъ—и такъ, дай Богъ вамъ успѣха!" (Ibid., стр. 492).

Изъ дома князя Орлова члены отправились въ Зимній дворецъ, По выходѣ Государя, Ростовцевъ представилъ каждаго члена особо. Затѣмъ, Государь вышелъ на середину комнаты и взволнованнымъ голосомъ произнесъ: „Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ. Я буду умѣть оцѣнить его. Это дѣло щекотливое, Я знаю; Мой выборъ палъ на васъ, обо всѣхъ васъ Я слышалъ отъ вашего предсѣдателя: онъ Мнѣ всѣхъ рекомендовалъ. Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ Я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а Я васъ не забуду. Прощайте!" [1]) (Слова

[1]) По поводу словъ Государя и князя Орлова, членъ редакціонной комиссіи, Я. А. Соловьевъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе въ статьѣ „Крестьянское дѣло"

Государя и князя Орлова тогда же были записаны Н. П. Семеновымъ и помѣщены въ его статьѣ „Дѣятельность Я. И. Ростовцева", напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1864 г. октябрь).

Согласно плану нашего труда, указанному въ предисловіи, мы не будемъ излагать въ хронологическомъ порядкѣ ходъ занятій редакціонныхъ комиссій, обнимающій собой восемнадцать большихъ томовъ (Матер. ред. ком.). Помимо уже того, что такое изложеніе утомило бы читателя, главное, наша цѣль: выяснить значеніе, характеръ дѣятельности редакціонныхъ комиссій въ крестьянской реформѣ—можетъ быть достигнута путемъ гораздо болѣе простымъ, сокращеннымъ и интереснымъ. Для достиженія этой цѣли достаточно разсмотрѣть главныя начала, положенныя редакціонными комиссіями въ основаніе работъ и проведеніе этихъ началъ въ самыхъ коренныхъ вопросахъ реформы, характеромъ рѣшенія которыхъ опредѣлялись всѣ остальные. Эти вопросы суть: 1) право собственности крестьянъ на землю, 2) основанія для опредѣленія крестьянскихъ надѣловъ и повинностей, 3) выкупъ крестьянами земли въ собственность, 4) вотчинная полиція помѣщиковъ.

Съ 4-го марта 1859 года почти вся дѣятельность по крестьянскому дѣлу сосредоточилась въ редакціонныхъ комиссіяхъ до ихъ закрытія, 10-го октября 1860 года, когда весь проектъ Положеній о крестьянахъ былъ внесенъ въ главный комитетъ.

Излагая дѣятельность редакціонныхъ комиссій, мы вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомимся съ проектами Положеній губернскихъ комитетовъ, изъ коихъ редакціонныя комиссіи сдѣлали, въ самомъ началѣ своихъ работъ, систематическіе своды и извлекли много полезныхъ указаній, особенно изъ проектовъ меньшинства; а также ознакомимся

помѣщенной въ „Русской Старинѣ", февраль 1880 года: „Слова, обращенныя къ членамъ редакціонныхъ комиссій Государемъ и княземъ Орловымъ, необыкновенно характеристичны. Оба они сознаютъ трудность дѣла; оба призываютъ Бога въ помощь комиссіямъ, но въ этомъ-то и заключается сходство ихъ рѣчей. Затѣмъ, князь Орловъ, указывая на начало дѣла, говоритъ: „Такъ уже сдѣлалось пойти назадъ невозможно"; поэтому онъ замѣчаетъ, что на насъ лежитъ обязанность „распутать сложное и запутанное дѣло"; предвидитъ въ нашихъ трудахъ ошибки, которыя обѣщаетъ „поправить". Напротивъ, изъ словъ Государя видно, что онъ предпринялъ освобожденіе крестьянъ не случайно, какъ думалъ князь Орловъ, а изъ желанія „блага Россіи". Онъ не зналъ насъ лично, но обо всѣхъ насъ слышалъ отъ нашего предсѣдателя, и, на основаніи сообщенныхъ ему свѣдѣній, „выборъ" его „палъ" на насъ, слѣдовательно, также не случайно, но сознательно. Онъ поручилъ дѣло людямъ либеральнаго направленія, потому что былъ увѣренъ, что мы „любимъ Россію" такъ же, какъ онъ „ее любитъ". Онъ намекалъ намъ на ошибки, но выражалъ надежду, что съ нами онъ приведетъ дѣло „къ благополучному окончанію".

съ мнѣніями депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, съ борьбой значительнаго числа ихъ съ редакціонными комиссіями и, наконецъ, съ тѣмъ, какія измѣненія сдѣлали редакціонныя комиссіи въ своихъ предварительныхъ заключеніяхъ подъ вліяніемъ мыслей и указаніи депутатовъ.

Приступая къ изложенію дѣятельности редакціонныхъ комиссій, необходимо сказать нѣсколько словъ о внутренней организаціи комиссій и организаціи производства работъ. Высочайшимъ повелѣніемъ было постановлено: учредить *двѣ редакціонныя комиссіи*; на одну изъ этихъ комиссій возложить составленіе проектовъ *общихъ* положеній, а на другую—положеній *мѣстныхъ*, которыя должны быть примѣнены къ особенностямъ каждой мѣстности и изданы совокупно съ общими положеніями; редакціонныя комиссіи составить изъ чиновниковъ министерствъ и II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, а комиссію мѣстныхъ положеній— а) изъ экспертовъ, избранныхъ предсѣдателемъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, или другихъ опытныхъ помѣщиковъ и б) изъ представителей министерствъ.

Но при первомъ же приступѣ къ занятіямъ такое раздѣленіе редакціонныхъ комиссій оказалось неудобнымъ. Во-первыхъ, устраненіе экспертовъ изъ общей комиссіи лишило бы эту комиссію мѣстныхъ представителей, во-вторыхъ, не допускало одного общаго присутствія, соединенія всѣхъ силъ при разработкѣ каждаго вопроса. Необходимость устранить эти важные недостатки была признана единогласно. И средство къ устраненію ихъ заключалось въ томъ же высочайшемъ повелѣніи, которое раздѣлило редакціонныя комиссіи на двѣ. Въ одной изъ статей этого повелѣнія было сказано: „Предсѣдателю обѣихъ редакціонныхъ комиссій предоставить право дать симъ комиссіямъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію. Равнымъ образомъ предоставить право соединять обѣ комиссіи въ одинъ составъ или одно присутствіе, въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ необходимо для разсмотрѣнія предметовъ, требующихъ общаго и совокупнаго обсужденія“. Основываясь на этомъ, было рѣшено раздѣлить комиссіи на три отдѣленія: 1) *юридическое*, къ которому относилось опредѣленіе правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей, а также поземельныя права помѣщиковъ, 2) *административное*, объемлющее внутреннее устройство крестьянскихъ обществъ и отношенія ихъ къ помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ, и 3) *хозяйственное*, объемлю-

щее всѣ поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, т. е. вопросы объ усадьбахъ, надѣлѣ, повинностяхъ и выкупѣ. [1])

Вмѣстѣ съ тѣмъ было положено, что отдѣленія будутъ разсматривать проекты губернскихъ комитетовъ и составлять свои предположенія, каждое спеціально по своему предмету, и затѣмъ вносить доклады на обсужденіе и утвержденіе общаго присутствія комиссій.

Финансовая комиссія составляла какъ бы *четвертое* отдѣленіе редакціонныхъ комиссій. Члены этого четвертаго отдѣленія были назначены и приглашены прямо въ означенную комиссію. Что же касается до членовъ собственно редакціонныхъ комиссій, то каждый изъ нихъ выбралъ для себя то или другое отдѣленіе, согласно своему желанію и сообразно своей спеціальности. На волю каждаго предоставлялось принять участіе въ занятіяхъ двухъ или даже всѣхъ трехъ отдѣленій [2]).

Въ отношеніи порядка работъ въ отдѣленіяхъ было положено, что предварительно заключеній отдѣленій по каждому отдѣльному вопросу должно быть отчетливое изученіе и сравненіе всѣхъ положеній губернскихъ комитетовъ [3]). Поэтому доклады отдѣленій общему присутствію комиссій должны заключать въ себѣ слѣдующія части: 1) содержаніе проектовъ губернскихъ комитетовъ, 2) обзоръ основаній, принятыхъ губернскими комитетами, 3) отзывы начальниковъ губерній на проекты губернскихъ комитетовъ, 4) замѣчанія министерства внутреннихъ дѣлъ и членовъ комиссіи при главномъ комитетѣ, 5) высочайшія повелѣнія, данныя въ руководство по крестьянскому дѣлу, 6) соображенія отдѣленій и 7) заключенія.

---

[1]) *Юридическое* отдѣленіе составляли: Апраксинъ, Булыгинъ, Домонтовичъ Жуковскій, Калачовъ, Любощинскій, Соловьевъ.

Административное отдѣленіе—Апраксинъ, Булгаковъ, кн. Голицынъ, Гечевичъ, Гирсъ, Гробянка, Желтухинъ, Жуковскій, Залѣсскій, Самаринъ, Н. Семеновъ, Соловьевъ, Татариновъ, кн. Черкасскій, Ярошинскій.

Хозяйственное отдѣленіе—Аропетовъ, Галаганъ, Гечевичъ, кн. Голицынъ, Гробянка, Домонтовичъ, Желѣзновъ, Жуковскій, Заблоцкій-Десятовскій, Залѣсскій, Милютинъ, Павловъ, кн. Паскевичъ, Самаринъ, П. Семеновъ, Соловьевъ Тарновскій, Татариновъ, кн. Черкасскій, гр. Шуваловъ, Ярошинскій.

Большинство членовъ въ хозяйственномъ отдѣленіи, точно такъ же, какъ и въ административномъ, составляли члены-эксперты изъ помѣщиковъ; ихъ было 14 изъ общаго числа 21-го члена отдѣленія.

[2]) Такимъ образомъ, редакціонныя комиссіи слились въ одну, хотя оффиціально сохранили множественное число. Отнынѣ мы будемъ говорить: редакціонная комиссія.

[3]) Изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ былъ составленъ редакціонными комиссіями „систематическій сводъ“ комитетскихъ заключеній по каждому отдѣльному вопросу преобразованія. Этотъ „сводъ“ составилъ большую часть I-го и весь VII томъ „Перваго изданія матеріаловъ редакціонныхъ комиссій“.

Сверхъ того, отдѣленія должны были извлечь всѣ полезныя мысли разбросанныя какъ въ печатной литературѣ по крестьянскому вопросу, такъ и во множествѣ рукописныхъ частныхъ мнѣній, находившихся въ архивѣ комиссіи. Для устройства сколь возможно полной библіотеки книгъ, статей, брошюръ и журналовъ, относящихся къ крестьянскому вопросу предсѣдателемъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) препроводить изъ главнаго комитета и министерства внутреннихъ дѣлъ въ редакціонную комиссію всѣ частные проекты по крестьянскому вопросу, 2) пріобрѣтены спеціальные журналы по крестьянскому дѣлу, а также и всѣ статьи по этому же предмету, помѣщенныя во всѣхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ, 3) выписаны всѣ иностранныя сочиненія и брошюры, относящіяся до освобожденія крестьянъ и законоположеній о нихъ въ европейскихъ государствахъ (до 600 книгъ), 4) сдѣлано сношеніе съ редакторами русскихъ журналовъ объ отпечатаніи впредь для редакціонной комиссіи отдѣльными оттисками всѣхъ поступающихъ къ нимъ статей по крестьянскому дѣлу въ числѣ 100 экземпляровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предсѣдателемъ было сообщено, что изъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи будутъ присылать въ комиссію одинъ экземпляръ „Колокола", „для того, замѣтилъ онъ:—чтобы мы всѣ знали, что о насъ будутъ писать за-границей; я буду васъ просить, чтобы вы и изъ „Колокола" заимствовали и приняли въ соображеніе все, что только можетъ быть полезно и примѣнимо къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проекта положеній". У одного изъ членовъ вырвались слова: „Какъ, неужли заимствовать у Герцена?" Ростовцевъ отвѣчалъ: „Что намъ за дѣло до личностей. Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться" („Русск. Вѣстн.", окт. 1864 г.).

По сношеніи предсѣдателя съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, были вытребованы изъ губерній подлинныя свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, которыя, на основаніи программы для занятій губернскихъ комитетовъ, были представлены въ комитеты каждымъ помѣщикомъ. Для того, чтобы сдѣлать свѣдѣнія эти полезными для комиссіи, ихъ надо было разобрать и, сведя въ общія однообразной формы вѣдомости, напечатать. Эта работа была поручена Домонтовичу. По представленному имъ соображенію оказалось, что на печатаніе всѣхъ свѣдѣній потребовалось бы весьма много времени, ибо свободныя вѣдомости составили бы 700 печатныхъ листовъ. Положено было сдѣлать извлеченіе только изъ свѣдѣній объ имѣніяхъ съ населеніемъ въ 100 и болѣе душъ.

Въ эти извлеченія вошли слѣдующія данныя:

1. Число душъ крѣпостныхъ людей мужескаго пола: а) крестьянъ, б) дворовыхъ.

2. Число дворовъ.

3. Число тяголъ: а) оброчныхъ; б) издѣльныхъ; в) состоящихъ частію на оброкѣ, частію на барщинѣ.

4. Пространство земли, состоящей въ пользованіи крестьянъ: а) усадебной, какъ всей вообще, такъ и причитающейся на каждую душу; б) пахатной, какъ всей вообще, такъ и причитающейся на каждую душу; в) сѣнокоса; г) выгона; д) кустарника; е) лѣса; ж) всего удобной и неудобной; з) всей удобной, причитающейся на душу.

5. Пространство земли, не состоящей въ пользованіи крестьянъ

а) всего удобной и неудобной,

б) кустарника и лѣса.

6. Повинности крестьянъ, платящихъ оброкъ:

а) величина денежнаго оброка съ души и съ тягла;

б) добавочныя повинности къ денежному оброку произведеніями и работами.

Извлеченія изъ „*свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ*" представляютъ громадную массу матеріаловъ о дореформенномъ положеніи помѣщичьихъ имѣній. Они составили шесть большихъ томовъ и изданы подъ заглавіемъ „*Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ*".

Далѣе комиссія постановила: когда общее присутствіе придетъ къ заключеніямъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ „Положеній о крестьянахъ", тогда должны быть вызваны депутаты отъ губернскихъ комитетовъ, которымъ будетъ представленъ трудъ комиссіи. Сообразно сдѣланнымъ депутатами замѣчаній, отдѣленія могутъ измѣнить и дополнить заключенія общаго присутствія и въ этомъ усовершенствованномъ видѣ трудъ ихъ входитъ вновь и уже окончательно на обсужденіе общаго присутствія.

Возникъ вопросъ о степени гластности занятій редакціонной комиссіи. Члены комиссіи единогласно согласились съ слѣдующимъ мнѣніемъ предсѣдателя, записаннымъ въ печатномъ журналѣ общаго присутствія: „Занятія эти составляютъ дѣло всей Россіи— дѣло, съ которымъ тѣсно связано и спокойствіе, и благосостояніе цѣлаго государства, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Опытъ показалъ, что хотя поднятый вопросъ и живо затронулъ интересъ всего народа, но Россія, въ полномъ довѣріи къ своему Государю, осталась спокойною; что спокойствіе это можно частію приписать и нѣкоторой гласности, съ которою, съ самаго начала, по высочайшему повелѣнію, было ведено дѣло. Притомъ же комиссіи, совершая трудъ столь близкій интересамъ всѣхъ сословій, обязаны честнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ всею Россіей. Дать этотъ отчетъ успокоить всѣхъ и каждаго можно только

посредствомъ полной откровенности, потому что, гдѣ дѣло ведется открыто, тамъ нѣтъ мѣста ни превратнымъ слухамъ, ни ложнымъ опасеніямъ, ни нелѣпымъ толкованіямъ. Наконецъ на комиссіяхъ лежитъ святая обязанность уяснить вопросъ и самимъ себѣ со всѣхъ сторонъ. Какъ бы ни былъ добросовѣстенъ трудъ комиссіи, какъ бы ни было велико стремленіе ихъ быть безпристрастными и не односторонними; они, при всей опытности своихъ членовъ, врядъ ли избѣгнутъ такихъ ошибокъ, которыя, при примѣненіи къ дѣйствительной мѣстной жизни, могутъ оказать неблагопріятное вліяніе на успѣхъ дѣла. А потому, и здѣсь необходимо предаться общему суду, призвать на помощь общее участіе, которое прольетъ свѣтъ на каждую оставшуюся въ тѣни сторону вопроса, дополнитъ недостающіе факты и исправить во-время каждую ошибку комиссіи". Поэтому предсѣдатель предложилъ: 1) журналы и труды комиссіи печатать въ значительномъ количествѣ экземпляровъ; 2) экземпляры разсылать членамъ главнаго комитета, министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, генералъ-губернаторамъ, начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства (послѣднимъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ); 3) предварить сихъ лицъ, что труды комиссіи будутъ предъявлены депутатамъ губернскихъ комитетовъ, для сообщенія съ ихъ стороны замѣчаній; 4) просить всѣхъ этихъ лицъ сообщить свои замѣчанія къ опредѣленному сроку на особомъ на каждой главѣ мѣстѣ, и по возможности кратко. (Вт. изд. мат. ред. ком. т. I, жур. № 8)".

Послѣ организаціи внутренняго устройства комиссіи и порядка работъ, членамъ комиссіи, для единства въ направленіи работъ по отдѣленіямъ, надлежало сговориться насчетъ общихъ руководящихъ началъ, при свѣтѣ которыхъ отдѣленія приступятъ къ занятіямъ.

Уже въ первомъ засѣданіи комиссіи предсѣдатель заявилъ, что два журнала главнаго комитета, высочайше утвержденные 26-го октября и 4-го декабря 1858 года, *должны послужить главнымъ руководствомъ для предстоящихъ работъ* (Мат. ред. ком. т. I, журн. № 1).

Но, какъ мы уже видѣли, журналы эти не представляли точно опредѣленныхъ началъ преобразованія. Журналъ 26-го октября говорилъ единственно лишь о порядкѣ разсмотрѣнія проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ и составленіи законоположеній, слѣдовательно, относился къ формальной сторонѣ дѣла. Журналъ 4-го декабря, рядомъ съ опредѣленными указаніями на нѣкоторыя стороны преобразованія, рѣшеніе другихъ коренныхъ вопросовъ реформы предоставлялъ усмотрѣнію учрежденія, долженствующаго выработать законоположенія о новомъ устройствѣ сельскаго быта.

Такъ, къ числу точно опредѣленныхъ постановленій, относились слѣдующія: 1) при обнародованіи новаго положенія о крестьянахъ, послѣднимъ предоставляются права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя, по имуществу и по праву жалобы. 2) Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ, по народному обычаю, уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдываетъ и этими угодьями. 3) Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и въ его избранныхъ. 4) Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей. 5) Міръ отвѣчаетъ круговою порукою за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленію повинностей, казенныхъ и помѣщичьихъ. 6) При обнародованіи „Положенія“ постановить, что земли, ненаселенныя, принадлежащія дворянамъ, могутъ пріобрѣтать и впредь, на основаніи существующихъ постановленій, лица всѣхъ сословій; если же на землѣ водворены крестьяне, то лица, не имѣющія нынѣ права владѣть имѣніями населенными—могутъ пріобрѣтать покупкою и такія земли, съ тѣмъ только, чтобы при самой покупкѣ имѣнія, одновременно съ совершеніемъ купчей, крестьяне, въ имѣніи водворенные, получали въ собственность усадьбы, пахатныя земли и прочія угодья за выкупъ, по полюбовному соглашенію.

Постановленія журнала, не представлявшія опредѣленности, были слѣдующія: 1) При опредѣленіи отношеній міра къ помѣщику обратить вниманіе на IX главу программы, данной въ руководство губернскимъ комитетомъ—сообразивъ: можетъ ли эта глава оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуетъ ее измѣнить. 2) Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками. Для этого слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу земельныхъ ихъ угодій, и б) опредѣлить условія прекращенія срочно-обязаннаго положенія крестьянъ. При этомъ Императоръ повелѣлъ, чтобы комиссіи сообразили: можно ли прекращеніе срочно-обязаннаго положенія опредѣлить такъ: срочно-обязанное положеніе прекращается, какъ для міра вообще, такъ и для крестьянина отдѣльно, когда они, или цѣлымъ обществомъ, или по одиночкѣ, выкупятъ у помѣщика ту землю, которая, вслѣдствіе высочайшихъ рескриптовъ, будетъ имъ опредѣлена въ пользованіе, или когда крестьянинъ выкупитъ у помѣщика такія угодья, которыя, на основаніи тѣхъ же рескриптовъ

могутъ обезпечивать исправную уплату податей и повинностей. 3) При разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ сообразить и опредѣлить способы и порядокъ устройства дворовыхъ людей.

Изъ изложеннаго видно, что главный комитетъ остановился въ недоумѣніи относительно начертанія началъ по такимъ центральнымъ вопросамъ реформы, какъ мѣры къ содѣйствію крестьянамъ выкупа поземельныхъ ихъ угодій и сохранить ли за помѣщиками, и если сохранить, то насколько, положеніе начальниковъ сельскихъ обществъ и вытекающія изъ этого положенія права вотчинной полиціи. Въ отношеніи столь же важнаго вопроса объ условіяхъ прекращенія срочно-обязаннаго положенія, въ журналѣ главнаго комитета высказано лишь мнѣніе, слѣдовательно, и по этому вопросу существовала та же неопредѣленность воззрѣній. Итакъ, журналы главнаго комитета, вмѣненные редакціонной комиссіи въ обязательное руководство въ ея работахъ, по отсутствію или неопредѣленности началъ относительно важнѣйшихъ вопросовъ преобразованія, открывали комиссіи широкій просторъ для того или иного способа рѣшенія вопросовъ выкупа, срочно-обязаннаго положенія и вотчинной полиціи; способами же рѣшенія этихъ вопросовъ всецѣло обусловливался характеръ крестьянской реформы.

Первыя засѣданія общаго присутствія комиссіи были посвящены уясненію и установленію тѣхъ общихъ началъ преобразованія, которыя еще или вовсе не были опредѣлены правительствомъ, или были намѣчены имъ не съ достаточной опредѣленностью. Укажемъ на важнѣйшія заключенія комиссіи.

Крестьяне должны быть освобождены съ землей. И это постановленіе не было лишь повтореніемъ прочно установившагося и высказаннаго правительствомъ взгляда. Фактъ почти невѣроятный: прошло уже болѣе года со дня объявленія перваго рескрипта, учрежденія главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, многіе губернскіе комитеты уже окончили свои занятія, работы другихъ подходили къ концу—и правительство еще не высказалось опредѣленно относительно первой буквы крестьянскаго вопроса: съ землею или безъ земли будетъ совершено освобожденіе крестьянъ. Неопредѣленность выраженій въ правительственныхъ распоряженіяхъ по этому первому вопросу реформы была такова, что въ губернскихъ комитетахъ, какъ мы уже имѣли случай говорить, одни объясняли, что правительство высказалось за безземельное освобожденіе крестьянъ, другіе—за земельное; и сообразно этимъ толкованіямъ составлялись губернскими комитетами проекты положеній. Даже, какъ увидимъ ниже, въ самой средѣ редакціонной комиссіи произошли разногласія по этому предмету. Два члена, графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ,

основываясь на журналѣ главнаго комитета отъ 4-го декабря, предлагали мѣры, ведущія къ безземельному освобожденію крестьянъ. Мало того, существуетъ весьма вѣское указаніе, что у правительства, дѣйствительно, не составилось еще и ко времени учрежденія редакціонной комиссіи окончательнаго рѣшенія по этому фундаментальному вопросу. А именно, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій комиссіи, Ростовцевъ, высказавшись за необходимость освобожденія крестьянъ съ землей, прибавилъ: *„если хотятъ отнять у крестьянъ землю, то пусть это дѣлаютъ теперь же. Зачѣмъ оставлять ее у нихъ на 12 лѣтъ?*[1]*). Это значитъ прежде отдать, а потомъ отнимать“*. („Рус. Вѣстн.“, 1864 г., окт.).

Выкупъ. Вопросъ объ организаціи выкупа крестьянами полевой земли въ собственность былъ затронутъ уже во второмъ засѣданіи комиссіи, когда предсѣдатель предложилъ на обсужденіе ея извлеченныя изъ печатныхъ и литографированныхъ его мнѣній нѣкоторыя основныя мысли, которыя, по его убѣжденію, не безполезно было бы принять къ соображенію. Въ этомъ засѣданіи присутствовали только десять человѣкъ, изъ коихъ восемь правительственныхъ членовъ и два члена-эксперта. Остальные члены-эксперты или еще не были назначены, или не успѣли прибыть въ Петербургъ. Относительно выкупа Ростовцевымъ было высказано слѣдующее: „Выкупъ крестьянами земель въ свою собственность необходимъ; безъ него освобожденіе крестьянъ совершиться не можетъ; чѣмъ скорѣе онъ произойдетъ, тѣмъ Россія будетъ спокойнѣе и счастливѣе. Главная идея выкупа должна, по моему убѣжденію, состоять въ томъ, чтобы крестьяне, *по полюбовномъ соглашеніи съ помѣщикомъ о выкупѣ земли*, заплатили за нее оброкомъ, не превышающимъ ихъ повинностей“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заявлялъ, что „выкупъ немедленный и обязательный былъ бы наиполезнѣйшій, если бы только онъ былъ признанъ возможнымъ и справедливымъ“ (Записка Ростовцева: „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“, см. Скреб. т. I. Приложенія). Засѣданіе постановило, что вопросъ о выкупѣ остается открытымъ до пріѣзда всѣхъ членовъ редакціонной комиссіи.

Спустя недѣлю, въ четвертомъ засѣданіи комиссіи, при чтеніи проекта журналовъ первыхъ засѣданій, предсѣдатель просилъ прибавить къ статьѣ о выкупѣ, что *„выкупъ долженъ совершаться по полюбовному соглашенію между помѣщиками и крестьянами, что это необходимо вслѣдствіе его особыхъ соображеній“*, которыхъ онъ, однако,

---

[1]) Какъ мы уже говорили, срокомъ не свыше 12 лѣтъ опредѣлялось переходное состояніе въ инструкціи министра внутреннихъ дѣлъ, разосланной въ поясненіе рескриптовъ 1857 года.

не сообщилъ (Дѣятельность Я. И. Ростовцева. „Рус. Вѣстн." 1864 г., окт.). Несмотря на такое странное, ничѣмъ не мотивированное заявленіе предсѣдателя, наличные члены комиссіи (большинство коихъ были пока еще правительственные), послѣ нѣсколькихъ возраженій, согласились на измѣненіе постановленія по одному изъ фундаментальныхъ вопросовъ реформы, согласно желанію предсѣдателя.

Къ слѣдующему засѣданію прибыло нѣсколько новыхъ членовъ-экспертовъ. Однимъ изъ вновь прибывшихъ было сдѣлано возраженіе противъ предложеній предсѣдателя о выкупѣ, какъ оно формулировано въ журналѣ. Предсѣдатель снова подтвердилъ, что выкупъ не обязателенъ, а предоставляется добровольному соглашенію, и прибавилъ: *„это редакція самого Государя"* (Ibid. стр. 497.).

Затѣмъ, 20-го мая, открывая засѣданія финансовой комиссіи, Ростовцевъ заявилъ: „Выкупъ крестьянами земли долженъ быть, на основаніи *Высочайшей* воли, не *обязательный*, а *полюбовный*, т. е. выкупъ не можетъ происходить безъ формальнаго согласія помѣщика продать, а крестьянина купить поземельныя угодья, за исключеніемъ усадьбъ, продажа коихъ обязательна для тѣхъ помѣщиковъ, которые не изъявятъ согласія на продажу угодій полевыхъ.

Выкупъ крестьянами полевыхъ земель можетъ происходить двоякимъ способомъ: „или по частнымъ сдѣлкамъ помѣщиковъ съ крестьянами на собственныя средства сихъ послѣднихъ, или съ посредствомъ правительства по полюбовнымъ сдѣлкамъ, имъ утвержденнымъ" (Матер. ред. ком., т. I, журн. 16). Финансовой комиссіи поручалось разработать проектъ выкупа, исходя изъ этихъ началъ.

Срочно-обязанное положеніе. Власть помѣщика надъ крестьянами. Надѣлы и повинности. Эти вопросы были обсуждены и основныя начала ихъ рѣшенія были установлены сначала въ экстренномъ собраніи членовъ-редакторовъ комиссіи, а потомъ въ двухъ засѣданіяхъ общаго присутствія 6-го и 8-го мая. Къ этому времени большинство членовъ-экспертовъ было уже на лицо и предсѣдатель долженъ былъ убѣдиться, что при этомъ составѣ комиссіи ему не такъ легко проводить свои воззрѣнія на основанія долженствующаго совершиться преобразованія, какъ это имѣло мѣсто въ первыхъ засѣданіяхъ, когда большинство членовъ были правительственные. Разскажемъ со словъ очевидца объ этихъ характерныхъ засѣданіяхъ [1]).

4-го мая члены-редакторы комиссіи были приглашены въ экстренное собраніе въ домѣ Ростовцева. Послѣдній намѣревался сдѣлать

---

[1]) Объ этихъ засѣданіяхъ сообщаетъ членъ редакціонной комиссіи Н. Семеновъ въ своей статьѣ: „Дѣятельность Я. И. Ростовцева", „Русск. Вѣстникъ", 1864 г., октябрь.

въ слѣдующемъ общемъ собраніи комиссіи важное предложеніе о сущности и цѣли срочно-обязаннаго періода. Ростовцевъ желалъ прежде посовѣтоваться объ этомъ съ нѣкоторыми членами и подвергнуть свое предложеніе ихъ предварительному обсужденію. Предложеніе Ростовцева въ сущности было слѣдующаго содержанія:

„Положенія комиссіи должны имѣть прежде всего въ виду не срочно-обязанный, *но окончательный періодъ.*

Слѣдуетъ положить, какія именно ограниченія въ правахъ свободнаго сельскаго сословія должны быть допущены *на переходное время,* и какая постепенность можетъ привести весь вопросъ къ окончательному разрѣшенію.

Необходимо сдѣлать *точное опредѣленіе переходнаго (срочно-обязаннаго) періода и тѣхъ видовъ, въ которыхъ онъ будетъ проявляться.*

Сообразно съ высочайше утвержденнымъ журналомъ главнаго комитета въ декабрѣ, развивая основную мысль Государя Императора, я (предсѣдатель) полагаю возможнымъ опредѣлить срочно-обязанное или переходное время слѣдующимъ образомъ:

Срочно-обязанный періодъ начнется со времени объявленія крестьянамъ ихъ личныхъ правъ и полюбовнаго выкупа земель съ посредничествомъ правительства.

Срочно-обязанный періодъ есть то время, въ которое крестьяне остаются еще къ помѣщику въ обязательныхъ отношеніяхъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока цѣлое общество:

1) Не выкупитъ окончательно достаточнаго количества земли для обезпеченія своего быта и для уплаты повинностей безъ содѣйствія правительства, или не приступитъ къ этому выкупу съ содѣйствіемъ правительства.

Или 2) не обратится въ городское сословіе, при образованіи изъ промысловыхъ и торговыхъ селеній мѣстечекъ.

Или 3) по соглашенію съ помѣщикомъ, не переселится на землю, помѣщику не принадлежащую.

Необходимо опредѣлить одинъ общій срокъ (напримѣръ, не болѣе 12-ти лѣтъ), по истеченіи котораго правительство для приведенія срочно-обязаннаго періода къ окончанію, приметъ мѣры, согласныя съ обстоятельствами и потребностями того времени.

Срочно-обязанные крестьяне, обращаемые преимущественно въ *поселянъ-собственниковъ,* подчиняются исключительно уѣздному начальству; тѣ же, которые воспользуются при выкупѣ содѣйствіемъ правительства, будутъ въ условномъ отношеніи къ правительству, не срочно-обязанномъ, а въ отношеніи должника къ кредитору.

Срочно-обязанный періодъ можетъ проявляться въ трехъ видахъ различныхъ степеней развитія правъ крестьянскаго сословія:

1) Отъ объявленія личныхъ правъ до образованія сельскаго общественнаго управленія. Въ этомъ видѣ административная власть помѣщика должна оставаться въ своей силѣ, и быть ограничена только личными правами крестьянъ и нѣкоторымъ облегченіемъ повинностей.

2) Отъ образованія сельскаго общественнаго управленія до перехода издѣльнаго имѣнія съ барщины на оброкъ (въ продолженіи, примѣрно, трехъ лѣтъ, отъ обнародованія Положенія) [1]). Здѣсь помѣщики остаются еще *полными распорядителями обязательныхъ работъ*, но въ предѣлахъ законоположеній.

3) Отъ уничтоженія барщины до прекращенія всѣхъ обязательныхъ отношеній крестьянскаго общества къ помѣщикамъ. Въ этомъ промежуткѣ времени всѣ хозяйственныя распоряженія *сосредоточиваются уже въ рукахъ міра*, а за помѣщикомъ остается покровительство, въ опредѣленныхъ случаяхъ, надъ крестьянскимъ обществомъ.

Во время всего срочно-обязаннаго періода, разборъ недоразумѣній подлежитъ мировымъ судьямъ и уѣзднымъ расправамъ *съ самаго времени ихъ учрежденія.*

Основываясь на вышеизложенномъ, я полагаю необходимымъ:

1) При опредѣленіи правъ крестьянскаго сословія и устройства сельскихъ обществъ, имѣть въ виду преимущественно періодъ окончательный, т. е. свободное сельское состояніе.

2) Принять въ соображеніе упомянутые три вида срочно-обязаннаго положенія: а) *вступительный*, б) *барщинный* и в) *оброчный.*

3) Сообразно съ отличительными свойствами этихъ формъ срочно-обязаннаго періода, сдѣлать необходимымъ временныя ограниченія и измѣненія окончательныхъ правъ свободнаго сословія, такъ чтобы переходъ отъ одного вида къ другому представилъ строгую постепенность, какъ въ пріобрѣтеніи крѣпостнымъ сословіемъ правъ свободнаго сельскаго сословія, такъ и въ развитіи его самоуправленія.

4) Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть постоянно въ виду, чтобы:

а) Повинности крестьянъ были съ самаго начала срочно-обязаннаго періода возможно облегчены, и

б) Размѣръ крестьянскаго надѣла былъ до начала выкупа кре-

---

[1]) Въ запискѣ „Дополненіе къ статьѣ ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса", Ростовцевъ высказалъ, что періодъ сохраненія барщиннаго труда надо стараться сдѣлать *возможно краткимъ*. „Соединить, говоритъ онъ:—права свободнаго человѣка съ требованіемъ отъ него обязательнаго труда, *безъ сильной власти на мѣстѣ*, составляетъ такое искусственное условіе, что исхода его, какъ относительно обоюдныхъ недоумѣній двухъ сословій, такъ и относительно государственнаго хозяйства, и предвидѣть во всѣхъ подробностяхъ невозможно".

стьянами земель сохраненъ съ необходимыми только изъятіями и ограниченіями.

По прочтеніи предложенія, было обращено вниманіе на два предмета: на сохраненіе власти помѣщика надъ крестьянами послѣ обнародованія и на выраженіе: „должны быть по возможности облегчены повинности“.

По первому предмету было представлено, что, со времени обнародованія Положенія, крестьяне дѣлаются, по закону, свободными, а предполагаемое, хотя и временное, сохраненіе власти помѣщика будетъ продолженіемъ ихъ крѣпостной зависимости, и что въ этомъ нельзя не замѣтить явнаго противорѣчія дѣйствительности съ буквой и со смысломъ закона. На такое возраженіе предсѣдатель замѣтилъ: „На это я согласиться не могу, потому что, не установивъ власти міра надъ крестьянами, нельзя еще уничтожить власти помѣщика и допустить совершенную анархію, хотя бы то было не только на годъ, но и на полгода, и на три дня: одна власть должна быть смѣнена другою тотчасъ, немедленно“. Что въ возраженіи не было плана анархіи, и что оно было справедливо—лучшимъ свидѣтельствомъ тому служитъ, что впослѣдствіи при изданіи Положенія о крестьянахъ, съ момента обнародованія Положенія, власть помѣщиковъ прекращалась. Возраженіе не было поддержано большинствомъ и оно на этотъ разъ осталось безъ послѣдствій.

По второму предмету—объ уменьшеніи повинностей *по возможности*—были сдѣланы сильныя возраженія со стороны нѣсколькихъ членовъ, настойчиво требовавшихъ исключенія слова *по возможности*; они находили, что облегченіе повинностей должно быть сдѣлано непремѣнно и безусловно. Слова *по возможности* были исключены.

Мая 6-го было созвано общее присутствіе комиссіи. Предсѣдатель самъ прочелъ предложеніе, представленное уже членамъ-редакторамъ въ экстренномъ собраніи 4-го мая. По выслушаніи предложенія, одинъ изъ членовъ спросилъ: обязательно ли и въ какой мѣрѣ это предложеніе для членовъ комиссіи? Предсѣдатель отвѣчалъ: „оно дается въ руководство редакторамъ, потому что надо дать имъ общее указаніе власти какъ вести трудъ“. Другой членъ сказалъ: Что значитъ, что, послѣ уничтоженія барщины, до прекращенія всѣхъ обязательныхъ отношеній, крестьяне будутъ подъ покровительствомъ помѣщиковъ? Онъ находилъ, что это покровительство есть нѣкоторое ограниченіе правъ крестьянъ. Предсѣдатель объяснилъ: „Тутъ необходима постепенность: административная власть помѣщиковъ оставляется въ самое первое время образованія мѣстныхъ учрежденій; въ оброчныхъ имѣніяхъ въ то время уже устраняется всякое

распоряженіе помѣщика, оно сосредоточивается въ рукахъ міра, а покровительство помѣщика остается въ присутственныхъ мѣстахъ для огражденія крестьянъ, когда, напримѣръ, у нихъ будутъ дѣла и тяжбы по безграматству и незнанію ихъ производства, крестьянинъ можетъ просить защиты помѣщика". Предсѣдателю было предложено, не признаетъ ли онъ полезнымъ дать прочесть и сообразить предложеніе тѣмъ изъ членовъ, которые не могли вникнуть въ его смыслъ, такъ какъ успѣли это сдѣлать члены-редакторы, которые читали и обсуждали его предложеніе предварительно, и выразили свое сочувствіе. Предсѣдатель возразилъ съ нетерпѣніемъ: „Переписывать мое предложеніе и разсылать всѣмъ нѣтъ возможности: это еще оттянетъ у насъ время". Вслѣдъ за тѣмъ онъ прибавилъ: „Впрочемъ, если угодно всѣмъ собраться, хоть три раза, чтобы еще прочесть его и обсуживать вмѣстѣ, я на это согласенъ. Я прошу только объ одномъ; не задерживать дѣла; работы не должны останавливаться, а безъ разрѣшенія сомнѣній нельзя продолжать работъ". Одинъ изъ членовъ спросилъ его: къ какому сроку прикажетъ онъ обсудить свое предложеніе? Предсѣдатель назначилъ срокомъ слѣдующее засѣданіе общаго присутствія. Одинъ членъ выразилъ желаніе прочесть это предложеніе у себя дома, на досугѣ, другой далъ мысль разослать его членамъ въ корректурныхъ листахъ, чтобы время не было потеряно. Предсѣдатель отвѣчалъ: „Я не желалъ бы, чтобы оно читалось порознь, а всѣми вмѣстѣ; тутъ нуженъ обмѣнъ мнѣній, и въ такомъ случаѣ, односторонніе взгляды отпадаютъ". Тогда раздался голосъ одного члена: „Если намъ будутъ приказывать, и мнѣнія не свободны, то тогда и разговаривать не о чемъ" [1]). Перешли къ чтенію отчета о занятіяхъ отдѣленій. По окончаніи чтенія, предсѣдатель обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами: „Я смотрю на учрежденіе комиссіи такъ: у насъ все должно оканчиваться порядкомъ коллегіальнымъ, т. е. словеснымъ, а не письменнымъ; если каждый будетъ писать особое мнѣніе, то мы будемъ завалены разборомъ собственныхъ мнѣній и никогда не кончимъ, я повторяю: при разсужденіи вопросовъ вмѣстѣ, всѣмъ собраніемъ, одностороннія мнѣнія отпадаютъ". Многіе члены не были удовлетворены такимъ

---

[1]) Это былъ голосъ Александра Николаевича Татаринова. Открытый характеръ и прямота его дѣйствій, говоритъ его сотрудникъ, Н. Семеновъ:—соединенные съ обширнымъ и проницательнымъ умомъ, внушили Я. И. Ростовцеву особое къ нему уваженіе. Когда послѣдній замѣчалъ, что Татариновъ сдѣлалъ движеніе, и какъ будто хочетъ возражать, онъ иногда самъ останавливался и говорилъ: „вы хотѣли, кажется, что-то сказать, Александръ Николаевичъ?". Выслушивая разныя мнѣнія, онъ обыкновенно спрашивалъ Татаринова: „что вы скажете?".

способомъ веденія дѣла. Затѣмъ, завѣдывавшій дѣлами прочелъ записку, отъ 5-го апрѣля 1859 года, подъ названіемъ: „*Нелѣпые толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ*", подписанную неизвѣстнымъ, именовавшимъ себя Корибутъ-Дашкевичъ. Авторъ былъ арестантъ, содержавшійся тогда въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ. Въ этой запискѣ изложено было въ чемъ состоятъ ожиданія крестьянъ отъ обѣщанной имъ воли, и какъ они понимали тогда смыслъ рескриптовъ 1857 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснено было, между прочимъ, что крестьяне затвердили только двѣнадцати-лѣтній выкупъ (это былъ срокъ, назначавшійся для переходнаго состоянія въ инструкціи министерства внутреннихъ дѣлъ, разосланной въ дополненіе рескриптовъ), считая, что этотъ выкупъ усадебъ будетъ сдѣланъ по самымъ дешевымъ для нихъ цѣнамъ, причемъ полагали, что полевая земля поступитъ, сверхъ того, уже безвозмездно въ ихъ собственность; что слѣдующія слова инструкціи: „*Крестьяне должны оставаться болѣе или менѣе крѣпки землѣ*", они растолковали такъ: „хочешь, такъ живи на этой землѣ, а не хочешь, такъ уѣзжай и платить помѣщику не будешь". Для предотвращенія безпорядковъ и приготовленія къ безропотному принятію реформы, авторъ предлагалъ: напечатать на полулистѣ изложеніе тѣхъ началъ, на которыхъ предполагается основать улучшеніе быта крестьянъ, языкомъ понятнымъ простолюдину, съ объясненіемъ, что это сдѣлано по высочайшей волѣ, и разослать эти листки во всѣ помѣщичьи имѣнія, и въ волостныя и сельскія правленія государственныхъ крестьянъ. Свою записку авторъ заключилъ такими словами: „Я говорю это изъ-за рубежа моей могилы, говорю отъ полноты желанія добра отчизнѣ, не изъ жажды славы и наградъ—онѣ не нужны уже мнѣ. Живому мертвецу осталось въ удѣлъ одно—стараться быть полезнымъ чѣмъ можно, стремиться къ этому всей силой воли, если только и это святое право человѣка не отнимутъ люди".

Эта записка произвела впечатлѣніе на собраніе. По поводу фразы, приведенной изъ инструкціи министерства внутреннихъ дѣлъ, *что крестьяне должны быть, въ состояніи переходномъ болѣе или менѣе крѣпки землѣ*", предсѣдатель, послѣ нѣкотораго общаго молчанія замѣтилъ: „Это намъ урокъ, какъ нужно быть осторожну и ясно выражаться въ редакціи положеній для народа". Общее заключеніе предсѣдателя и многихъ присутствовавшихъ было то, что надо скорѣе дѣлать дѣло.

По предложенію предсѣдателя, черезъ день должно было состояться экстренное собраніе. Отъ этого засѣданія Ростовцевъ уклонился, чтобы не показать и виду (какъ онъ это объяснилъ), что желаетъ стѣснять въ чемъ бы то ни было свободное обсужденіе

членами комиссіи его предложенія и тѣхъ возраженій, которыя могли быть имъ вызваны. Поэтому онъ просилъ завѣдывавшаго дѣлами комиссіи немедленно по окончаніи присутствія дать ему подробный словесный отчетъ о ходѣ преній и успѣхѣ принятія его предложенія. Во все время засѣданія Ростовцевъ сидѣлъ у себя дома, и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ его исхода. Онъ поручилъ одному изъ членовъ (старшему тогда въ чинѣ П. Булгакову) заступить его мѣсто въ этомъ экстренномъ собраніи. Булгаковъ прочелъ предложеніе предсѣдателя. По выслушаніи его уже въ третій разъ въ общемъ присутствіи, и послѣ продолжительныхъ преній, члены, за исключеніемъ двухъ, высказались въ его пользу, и, такимъ образомъ, оно прошло значительнымъ большинствомъ голосовъ и получило значеніе постановленія редакціонной комиссіи (Матеріалы редакціонной комиссіи т. I журналъ № 13, 14, 15.) [1]).

Разсмотримъ разногласіе двухъ членовъ, князя Паскевича и графа Шувалова, съ большинствомъ редакціонной комиссіи, по вопросу объ условіяхъ прекращенія срочно-обязаннаго положенія, въ виду того, что пренія по поводу этого разногласія хорошо выясняютъ мотивированный взглядъ редакціонной комиссіи на основныя начала преобразованія.

Сущность мнѣнія двухъ членовъ, не согласившихся съ предложеніемъ предсѣдателя, заключалась въ слѣдующемъ.

Въ предложеніи предсѣдателя, говорили два члена, сливаются двѣ цѣли, достиженіе которыхъ подчинено совершенно различнымъ условіямъ, а именно: прекращеніе крѣпостного права и полюбовный выкупъ земель крестьянами у помѣщиковъ.

Между тѣмъ, вопросъ о прекращеніи крѣпостного права не можетъ быть поставленъ въ зависимость ни отъ полюбовнаго выкупа ни отъ какой бы то ни было сдѣлки; разрѣшеніе крѣпостого права

---

[1]) Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ слѣдующій характеристическій фактъ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій комиссіи, когда были на лицо почти единственно правительственные члены, предсѣдатель не только заявилъ, но и просилъ „*непремѣнно включить въ журналъ оговорку, что каждому изъ членовъ предоставляется полная свобода высказывать свои убѣжденія*“.

Намъ, русскимъ, это заявленіе предсѣдателя понятно. Но „*европеецъ*“ остановится предъ этимъ заявленіемъ, какъ передъ загадочнымъ іероглифомъ. Разъ образована законодательная комиссія, скажетъ онъ, развѣ тѣмъ самымъ уже не сказано, что члены, при обсужденіи дѣла, свободны въ выраженіи своихъ мнѣній.

Впрочемъ, Я. И. Ростовцевъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что его заявленіе было дѣйствительно излишнее при томъ личномъ составѣ, какой представляла редакціонная комиссія. Большинство членовъ были люди не служившіе, съ независимымъ характеромъ.

требуетъ примѣненія мѣръ, подлежащихъ безусловно осуществленію; необходимо, чтобы даруемыя крестьянамъ гражданскія права не были стѣснены имущественными отношеніями, обязательно возложенными на крестьянское населеніе; вещественный же бытъ крестьянъ будетъ обезпеченъ, если за ними будетъ удержано, на условіяхъ справедливыхъ и постоянныхъ, право безсрочнаго пользованія отводимыми имъ землями.

Достиженіе, на этихъ началахъ, нравственнаго и вещественнаго обезпеченія крестьянъ, въ срокъ положительно опредѣленный и возможно непродолжительный, и составляетъ ту часть крестьянскаго вопроса, въ разрѣшеніи которой должны проявляться законодательная власть и обязательное посредничество правительства.

Если, затѣмъ, обратиться къ выкупу земель крестьянами, то онъ, по положительному указанію правительства, есть не что иное, какъ добровольная сдѣлка, происходящая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по взаимному соглашенію прикосновенныхъ сторонъ. Здѣсь правительство ничего не предписываетъ ни помѣщикамъ, ни крестьянамъ, но содѣйствуетъ своимъ кредитомъ заключеніямъ обоюдновыгодныхъ сдѣлокъ.

Между тѣмъ, подчиненіе крестьянскаго вопроса выкупу и неопредѣленное указаніе на будущіе мѣры правительства, въ случаѣ неуспѣшности этой операціи, могутъ возбудить въ общественномъ мнѣніи предложеніе объ окончательной обязательности выкупа. Подобная неопредѣлительность должна значительно препятствовать водворенію того спокойствія, того безспорнаго сознанія чужого права, безъ которыхъ не можетъ успѣшно совершиться предстоящее преобразованіе.

Поэтому, необходимо, чтобы со времени положительнаго разграниченія имущественныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, *право собственности помѣщиковъ*, съ тѣми ограниченіями, которыя будутъ признаны справедливыми, *право пользованія крестьянъ* въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно будетъ имъ предоставлено, *вошли немедленно* въ составъ общихъ гражданскихъ правъ, пользующихся безусловнымъ покровительствомъ правительства и закона. Только при соблюденіи этого условія, заключаемыя между помѣщикомъ и крестьянами выкупныя сдѣлки будутъ имѣть характеръ сдѣлокъ, дѣйствительно добровольныхъ, совершенію которыхъ не будетъ препятствовать ожиданіе какого-то неопредѣлительнаго преобразованія. Тогда же, съ другой стороны, содѣйствіе правительства своими капиталами, или своимъ кредитомъ принесетъ ожидаемую пользу. Тогда какъ указаніе на неопредѣленныя будущія мѣры правительства, въ случаѣ неуспѣшности добровольнаго выкупа,

какъ бы угрожая будущимъ обязательнымъ выкупомъ, породитъ между крестьянами ложные толки о томъ, что помѣщики принуждены будутъ отдать имъ со временемъ землю за безцѣнокъ или даромъ. Распространеніе подобныхъ понятій, не говоря о тѣхъ непріятныхъ столкновеніяхъ, которыя оно породитъ между помѣщиками и крестьянами, уже одно достаточно, чтобы воспрепятствовать заключенію всякихъ полюбовныхъ сдѣлокъ и окончательному успѣху добровольнаго выкупа.

На основаніи сказаннаго, члены выражаютъ сожалѣніе о томъ, что въ начертаніи началъ, долженствующихъ служить общимъ руководствомъ комиссіи, не упоминается объ установленіи *положительнаго срока для освобожденія крестьянъ*, независимо отъ выкупа, отъ всякихъ имущественныхъ обязательствъ, *ими добровольно не принятыхъ*, и что, съ другой стороны, *вопросъ о выкупѣ* не поставленъ совершенно *отдѣльно отъ опредѣленія личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ*.

А потому, два члена полагали, что при томъ тревожномъ ожиданіи, въ которомъ находится нынѣ крестьянское населеніе, для охраненія общественнаго спокойствія необходимо назначить переходному состоянію срокъ, положительно опредѣленный и значительно сокращенный противу прежняго двѣнадцати-лѣтняго.

По наступленіи этого срока, крестьяне должны получить дѣйствительную свободу. Обезпеченіе же быта крестьянъ осуществляется предоставленіемъ въ безсрочное ихъ пользованіе опредѣленныхъ земельныхъ угодій за справедливую повинность, однажды на всегда установленную, при чемъ за крестьянами, какъ за людьми свободными, должно оставаться право принимать землю, или отказаться отъ нея, по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ будетъ достигнуто, возможно скорымъ и легкимъ путемъ, не только освобожденіе крестьянъ отъ прямой или косвенной крѣпостной зависимости, но и положительное обезпеченіе ихъ быта на мѣстахъ настоящаго ихъ водворенія; въ то же время, предполагаемая мѣра, хотя и сопряжена съ нѣкоторымъ ограниченіемъ права собственности помѣщика, но не влечетъ за собою принудительнаго отчужденія этого права и не выходитъ изъ предѣловъ тѣхъ пожертвованій, коихъ можно ожидать отъ дворянства при настоящемъ преобразованіи.

Итакъ, разногласіе наше съ предложеніемъ предсѣдателя, говорятъ члены въ заключеніи, существенно состоитъ въ слѣдующемъ:

По смыслу предложенія предсѣдателя, окончательное освобожденіе крестьянскаго сословія поставлено въ зависимость отъ выкупа, который, хотя и предлагается въ видѣ добровольной мѣры, но, со-

ставляя существенный общій исходъ крестьянскому вопросу, тѣмъ самымъ принимаетъ характеръ принудительный.

По нашему же убѣжденію, необходимо, чтобы дѣйствительное освобожденіе крестьянъ съ правомъ безсрочнаго поземельнаго пользованія было достигнуто въ опредѣленный и продолжительный срокъ, независимо отъ выкупа, который, при содѣйствіи государственнаго кредита, долженъ быть безусловно предоставленъ добровольному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ (Крест. дѣло. Скребицкій. Т. I, стр. LXXXVIII до CIII).

По поводу отдѣльнаго мнѣнія князя Паскевича и графа Шувалова, редакціонной комиссіей было высказано слѣдующее:

Комиссія, неуклонно слѣдуя началамъ, высочайшею волею указаннымъ, постановила даровать немедленно крестьянамъ *личную свободу и упрочить ихъ поземельный надѣлъ*, за опредѣленныя въ пользу помѣщиковъ повинности.

Но, какъ подобныя обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами должны имѣть исходъ, то редакціонной комиссіи предложены къ тому слѣдующія средства:

1. Покупка крестьянами земель безъ содѣйствія правительства.
2. Выкупъ ими земель съ помощью отъ правительства.
3. Обращеніе крестьянскихъ обществъ въ городское сословіе, посредствомъ образованія изъ промышленныхъ селеній мѣстечекъ, и
4. Дозволеніе крестьянамъ переселиться на земли, не принадлежащія помѣщику.

Ни одно изъ этихъ средствъ не есть принудительное; слѣдовательно, могутъ оказаться крестьяне, которые не воспользуются этими предоставленными имъ способами; а потому для приведенія срочно-обязаннаго періода къ окончанію, комиссія опредѣлила срокъ этому періоду.

Комиссія не безъ недоумѣнія выслушала сообщенное предсѣдателемъ письмо графа Шувалова, въ которомъ изъяснено, что развитіе и примѣненіе началъ, принятыхъ комиссіей, согласно предложенію предсѣдателя, не можетъ привести къ спокойному и справедливому осуществленію предначертаній Императора по крестьянскому вопросу, не должно повлечь за собою безполезное стѣсненіе свободы крестьянъ, потрясеніе имущественныхъ правъ и возбужденіе опасныхъ столкновеній.

Комиссія глубоко убѣждена, что указанныя Императоромъ и ею разработываемыя начала не могутъ повести къ подобнымъ послѣдствіямъ.

Этихъ послѣдствій, по убѣжденію комиссіи, можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, если бы, наоборотъ, дѣло освобожденія крестьян-

скаго сословія совершилось не на тѣхъ началахъ, которыя утверждены высочайшею властію, изложены въ журналѣ главнаго комитета 4-го декабря 1858 года и положены въ основаніе всѣхъ трудовъ комиссіи. Такихъ послѣдствій можно ожидать отъ тѣхъ проектовъ, которые клонятся, въ той или другой формѣ, къ освобожденію крестьянъ *безъ земли* и къ болѣе или менѣе постепенному образованію изъ нихъ *класса свободныхъ, но бездомныхъ и безземельныхъ работниковъ.*

Эта послѣдняя цѣль, не всегда ясно выраженная, можетъ достигаться различнымъ образомъ: нѣкоторые предлагаютъ прямо освобожденіе крестьянъ отъ земли, другіе указываютъ на косвенныя мѣры, которыя неизбѣжно приведутъ къ тому же. Такъ, напримѣръ, немедленное дарованіе крестьянамъ права отказываться отъ поземельнаго надѣла, безъ указанія имъ дальнѣйшаго правильнаго исхода ихъ обязательныхъ отношеній, обратилось бы, безъ сомнѣнія, къ ущербу самихъ крестьянъ. Желая скорѣе освободиться отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній и увлекаясь отдаленными надеждами, иногда даже нелѣпыми слухами, они могутъ безрасчетно покинуть свои поля, къ явному разстройству помѣщичьяго хозяйства и съ опасностію для государственнаго спокойствія. Съ другой стороны, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля пріобрѣла особенную цѣнность, могутъ быть и со стороны землевладѣльца употребляемы болѣе или менѣе насильственныя мѣры, чтобы, заставивъ крестьянъ отказаться отъ надѣла, воспользоваться имъ съ большею для себя выгодою.

Вотъ почему комиссія почитаетъ выкупъ крестьянской земли главнымъ исходомъ вопроса и, не дѣлая его обязательнымъ, желала бы оставить его такъ, чтобы въ большей части случаевъ онъ могъ удобно совершиться *для обоюдныхъ пользъ.*

Но далѣе, выкупъ, равно какъ и другіе, предложенные комиссіею способы добровольнаго соглашенія могутъ не состояться повсемѣстно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія не можетъ признать ни *безсрочное пользованіе землею,* ни *право отказа отъ поземельнаго надѣла* окончательнымъ общимъ исходомъ крестьянскаго вопроса. Она не можетъ признать этого потому, что взаимныя обязательства тогда только могутъ составлять правильныя юридическія отношенія, когда они заключены по добровольному соглашенію; между тѣмъ, безсрочное пользованіе опредѣляется не добровольнымъ согласіемъ, а положительнымъ закономъ; вслѣдствіе чего такія взаимнопринудительныя отношенія не могутъ считаться выраженіемъ правильнаго государственнаго быта; допущеніе же права отказываться отъ поземельнаго надѣла повело бы къ обезземеленію крестьянъ. Отсюда

комиссія полагаетъ, что правительство будетъ поставлено въ необходимость, по истеченіи назначеннаго для обязательныхъ отношеній срока, принять мѣры, согласныя съ обстоятельствами и потребностями того времени. Заявленіе этого въ своихъ журналахъ (которые не должно смѣшивать съ окончательнымъ крестьянскимъ положеніемъ) комиссія признала не только безвреднымъ, но даже необходимымъ, дабы постоянно имѣть эту цѣль въ виду при послѣдующихъ работахъ. Комиссія надѣется, что дальнѣйшія изслѣдованія разъяснятъ болѣе и болѣе этотъ сложный вопросъ, и даже укажутъ на возможность принятія тѣхъ или другихъ мѣръ, предстоящихъ правительству, какъ, напримѣръ: постепеннаго улучшенія условій крестьянскаго поземельнаго кредита, установленія облегчительныхъ условій для приписки къ многоземельнымъ казеннымъ селеніямъ, распродажи пустопорожнихъ казенныхъ земель дробными участками и т. п.

На основаніи всего вышеизложеннаго, редакціонная комиссія выразила убѣжденіе, что указанное предложеніе предсѣдателя, какъ заключающее въ себѣ лишь программу для дальнѣйшихъ работъ, не требовало, во время его принятія, никакихъ измѣненій, ни дополненій; что же касается до вопроса о правѣ перехода крестьянъ, то онъ уже разработывается въ отдѣленіяхъ комиссіи и будетъ обсужденъ въ свое время по внимательномъ разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ. (Ibid. стр. XCVII).

Князь Паскевичъ и графъ Шуваловъ остались при особыхъ мнѣніяхъ ими выраженныхъ, и потому находили участіе въ трудахъ комиссіи не только весьма затруднительнымъ для себя, но, по всей вѣроятности, и совершенно безполезнымъ для общаго успѣха работъ, почему просили предсѣдателя представить на благоусмотрѣніе Государя ихъ ходатайство объ увольненіи отъ званія члена-эксперта.

На это ходатайство послѣдовала слѣдующая резолюція Государя: „Исполнить по мнѣнію большинства, но желаю, чтобы и два члена оставались въ комиссіи, надѣясь, что, принеся въ жертву свое личное мнѣніе, они съ прежнимъ усердіемъ будутъ участвовать въ работахъ комиссіи, для довершенія великаго дѣла, ей порученнаго“ (Ibid. стр. CIII).

Этой резолюціей *впервые была высказана ясно мысль Государя*, чтобы освобожденіе крестьянъ непремѣнно сопровождалось надѣленіемъ ихъ полевою землей въ собственность. Редакціонная комиссія ссылалась, какъ мы видѣли, на журналъ главнаго комитета, отъ 4-го декабря, какъ признавшій за основное начало, что *общимъ и окончательнымъ* исходомъ реформы должно быть надѣленіе крестьянъ землею въ собственность. Но эта ссылка редакціонной комиссіи не удивитъ читателя, который внимательно прочелъ этотъ журналъ. Журналъ

этотъ, какъ и всѣ предшествовавшіе ему правительственные акты по преобразованію крестьянскаго быта, не представлялъ опредѣленности насчетъ общаго и окончательнаго исхода реформы. Два члена, предлагавшіе мѣры, которыя вели къ обезземеленію крестьянъ, ссылались на журналъ 4-го декабря съ не меньшимъ правомъ, какъ и редакціонная комиссія, выставлявшая его въ защиту своихъ предначертаній о надѣленіи крестьянъ землею, какъ объ единственномъ и общемъ исходѣ реформы. Въ виду этой неопредѣленности правительственныхъ актовъ насчетъ фундаментальныхъ вопросовъ реформы, читатель можетъ судить, какое важное значеніе имѣло то обстоятельство, въ какія руки попадетъ дѣло составленія законоположеній преобразованія сельскаго быта.

По установленіи редакціонной комиссіей основныхъ началъ, отдѣленія занялись разработкою отдѣльныхъ вопросовъ по принадлежности. Для этого имъ прежде всего нужно было изучить предположенія губернскихъ комитетовъ. На эту предварительную работу употреблено отдѣленіями, при весьма усидчивомъ трудѣ почти цѣлыхъ три мѣсяца. Что же спрашивается, дали, какую помощь оказали редакціонной комиссіи проекты Положеній губернскихъ комитетовъ?

Въ обществѣ до сихъ поръ существуетъ легенда, будто комитетскія „Положенія" представляютъ цѣликомъ безобразный и ни къ чему не годный хламъ крѣпостническихъ тенденцій, въ которомъ только кое-гдѣ, въ головѣ случайно замѣшавшихся единицъ, мелькала здравая мысль и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу; будто Положеніе 19-го февраля *сочинилъ* кружокъ умныхъ и честныхъ либераловъ, а общество тутъ не при чемъ и скорѣе мѣшало.

Причина породившая такую легенду, понятна. Она коренится въ господствующемъ характерѣ комитетскихъ положеній. Всѣмъ было извѣстно, что эти положенія проникнуты въ высокой степени сословными помѣщичьими интересами, многіе изъ нихъ стремились удержать въ измѣненныхъ формахъ духъ крѣпостного права и потому совершенно расходились съ предначертаніями редакціонной комиссіи. Отсюда естественно вытекало заключеніе что комитетскія положенія представляли для редакціонной комиссіи ни на что не нужный хламъ. Отсутствіе работъ по исторіи крестьянской реформы позволило этому заключенію распространиться и сохранить до настоящаго времени значеніе общаго мѣста. Между тѣмъ, такое воззрѣніе на значеніе комитетскихъ положеній для работъ редакціонной комиссіи совершенно невѣрно.

Что оно невѣрно, въ этомъ убѣдится каждый кто дастъ себѣ трудъ сравнить „Систематическій сводъ комитетскихъ положеній" съ постановленіями редакціонной комиссіи. Изслѣдователь увидитъ, что

всѣ статьи Положенія, редактированнаго комиссіею, можно подыскать порознь въ отдѣлахъ комитетскихъ положеній. Эти Положенія, съ разныхъ точекъ зрѣнія, исчерпали вопросъ о будущихъ взаимныхъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, представили много богатаго матеріала о сельскомъ бытѣ, массу практическихъ указаній и, наконецъ, заключали въ себѣ воззрѣнія на коренные вопросы реформы даже болѣе правильныя сравнительно съ тѣми, которыя защищались и были проведены редакціонной комиссіей.

Что комитетскія положенія, помимо уже того, что доставили редакціонной комиссіи громадную помощь заключавшимся въ нихъ богатымъ матеріаломъ о разнообразныхъ мѣстныхъ условіяхъ сельскаго быта и массою практическихъ указаній—предложили также комиссіи цѣлые проекты наилучшаго, при данныхъ условіяхъ, разрѣшенія реформы, которыми комиссія обильно пользовалась при составленіи своего проекта законоположеній, это объясняется тѣмъ что многія положенія губернскихъ комитетовъ не представляютъ единства воззрѣній.

Въ губернскихъ комитетахъ сошлись люди стараго и новаго времени; одни—упорные донкихоты умирающаго крѣпостного права собравшіе на его защиту весь грузъ вѣковыхъ преданій и отчаянные крики, что гибнутъ собственность и право, шатаются основы самодержавія и волны демократической революціи готовы затопить Россію; другіе—страстные и энергическіе борцы, вынесшіе изъ стѣнъ аудиторій стремленіе къ благамъ цивилизаціи, дѣятельное меньшинство, всецѣло отдавшееся поставленной задачѣ, какъ осуществленію завѣтныхъ думъ, упрочивающихъ благоденствіе отечества, и, наконецъ, люди третьей, самой значительной по числу, категоріи понимавшіе, что часъ крѣпостного права пробилъ, и направившіе свои усилія, главнымъ образомъ, на защиту интересовъ своего кармана. Серьезная дѣятельность комитетскихъ меньшинствъ, составившихъ отдѣльные проекты, въ которыхъ они дали разумный и честный отвѣтъ просвѣщеннаго общества на задачи преобразованія, тождественный съ отвѣтомъ литературы, служила редакціонной комиссіи свѣточемъ при разрѣшеніи вопросовъ реформы. И большая часть изъ статей выработаннаго редакціонной комиссіей положенія встрѣчается отдѣльно въ трудахъ комитетскихъ меньшинствъ.

Помимо важнаго значенія для редакціонной комиссіи проектовъ меньшинствъ, призваніе общества къ участію въ разрѣшеніи вопросовъ преобразованія, порученіе ему предварительной мѣстной разработки ихъ, принесло еще другую громадную пользу. Только благодаря этой предварительной мѣстной разработкѣ вопросовъ пре-

образованія, Положеніе 19-го февраля вышло настолько полное, что оно давало отвѣтъ на всѣ требованія самой сложной, обширной и коренной реформы; тогда какъ сочиненные въ канцеляріяхъ уставы по самой незначительной отрасли управленія, требуютъ немедленно безконечныхъ разъясненій, дополненій и измѣненій. Выводъ изъ такого факта очень ясенъ. Правильное разрѣшеніе вопросовъ, поставленныхъ народною жизнью, возможно только *снизу*, а *сверху* требуется одно лишь постоянное и добросовѣстное стремленіе къ общему благу, примиряющее односторонность мѣстныхъ взглядовъ съ интересами цѣлаго. Безъ всякаго сомнѣнія, такой выводъ не новый; но чѣмъ больше общество убѣждается на дѣлѣ, что таковъ общій смыслъ всѣхъ удававшихся реформъ его прежней и современной жизни, тѣмъ болѣе крѣпнетъ въ немъ потребность самодѣятельности, увѣренность въ собственныхъ силахъ, стремленіе выйти изъ состоянія опеки.

Таково важное значеніе работъ губернскихъ комитетовъ въ ихъ цѣломъ въ дѣлѣ крестьянской реформы.

Но если мы посмотримъ на комитетскія положенія съ другой точки зрѣнія, съ цѣлью выяснить составъ дворянскаго сословія въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ, съ цѣлью резюмировать отношеніе этого сословія къ поставленной временемъ реформѣ, тогда получится заключеніе весьма неблагопріятное для большинства сословія и рѣзкій отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ о направленіи и духѣ трудовъ комитетовъ окажется совершенно вѣрнымъ.

Въ концѣ іюля 1859 года, когда почти всѣ губернскіе комитеты окончили уже свои работы, министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ Государю записку о результатахъ этихъ трудовъ и о духѣ и направленіи, въ которомъ дѣйствовали комитеты [1]). Мнѣнія, выражавшіяся въ комитетахъ, министръ раздѣлилъ на три категоріи.

Къ первой категоріи отнесена большая часть комитетовъ, изъ коихъ одни въ цѣломъ составѣ, въ другихъ большинство состояло изъ людей, не сочувствовавшихъ видамъ правительства и, вслѣдствіе невѣжества и застарѣлыхъ привычекъ, старавшихся, во что бы то ни стало, сохранить крѣпостное право надъ крестьянами. Сюда причислены комитеты костромской, воронежскій, черниговскій, курскій, большинство московскаго и другіе.

Ко второй категоріи отнесены комитеты въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ с.-петербургскомъ, выразились взгляды и предположенія, основанныя на чуждыхъ Россіи учрежденіяхъ и понятіяхъ, пре-

---

[1]) Всѣхъ комитетовъ было въ дѣйствіи 48, въ которыхъ участвовали 1377 членовъ.

имущественно англо-саксонской аристократіи и ея отношеній къ земледѣльческому классу. Представители этого мнѣнія допускали личное освобожденіе крестьянъ, но съ сохраненіемъ за дворянствомъ полнаго права на землю вотчинныхъ правъ надъ крестьянами и исключительнаго первенства дворянства надъ прочими сословіями.

Наконецъ, третью категорію составляли комитеты какъ-то: тверской, харьковскій и меньшинство комитетовъ нижегородскаго, симбирскаго, самарскаго, тульскаго, владимірскаго, ярославскаго, калужскаго, вятскаго и другихъ, представители коихъ, глубоко вникнувъ въ сущность и дѣло реформы, вполнѣ и добросовѣстно поддерживали виды правительства и дѣйствовали либерально въ отношеніи крестьянъ.

Упорство комитетовъ первыхъ двухъ категорій министръ приписывалъ между прочимъ вліянію нѣкоторыхъ высшихъ лицъ и *членовъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу*, поддерживавшихъ мнѣніе, выраженное, между прочимъ, въ одной запискѣ, поданной около этого времени Государю, что *„тайная цѣль либераловъ, настаивающихъ на освобожденіи крестьянъ, есть произвести въ Россіи демократическую революцію“* (Матер. для ист. упразд. крѣп. сост. Т. I, стр. 316).

Изъ всѣхъ комитетовъ самымъ крайнимъ защитникомъ крѣпостного права является костромской. Но любопытнѣе всего, что по отношенію къ охраненію сословныхъ правъ и интересовъ, по жестокости отношенія къ судьбѣ народа, къ его экономическому и нравственному положенію, по стремленіямъ поставить народъ въ гнетущую соціальную зависимость отъ дворянства, рядомъ съ костромскимъ комитетомъ является петербургскій. Это, конечно, не имѣло мѣста въ отношеніи къ внѣшней формѣ, округленности редакціи, къ способамъ мотивированія постановленій. Но если вникнуть во внутреннюю сущность петербургскаго проекта, то откроемъ въ немъ тѣ же самыя крайнія стремленія сохранить весь букетъ и матеріальный интересъ крѣпостныхъ порядковъ, какъ и въ костромскомъ, только подкрашенныя заграничнымъ оттѣнкомъ остзейско-прусскаго юнкерства. Это фактъ многознаменательный: титулованное и чиновное дворянство на окраинѣ Россіи столицы и здѣсь разошлось съ требованіями народной жизни, и разошлось болѣе, нежели какое-либо другое дворянство презираемое чиновною аристократіею провинціи. Мы уже не говоримъ о сопоставленіи петербургскаго проекта съ тверскимъ, харьковскимъ и проектами меньшинствъ значительнаго числа комитетовъ, которые поняли и честно, неся въ жертву свои привилегіи и матеріальныя выгоды, заявили, чего требуетъ благо Россіи и благо русскаго сермяжнаго народа. При такомъ со-

поставленіи, кажется, что эти проекты написаны въ разныя эпохи, въ разныхъ странахъ!

Итакъ, петербургскій и костромской комитеты выяснились типическими представителями крайней помѣщичьей партіи. На одномъ съ ними уровнѣ стоятъ немногіе другіе. Ближе всего подходятъ комитеты московскій и симбирскій. Тѣмъ рельефнѣе выдвигаются заслуги меньшинствъ въ этихъ двухъ комитетахъ.

Преслѣдованію сословныхъ привилегій и интересовъ большинствомъ московскаго комитета меньшинство противупоставило стремленіе къ полному и возможно скорому освобожденію крестьянъ съ землей. Для чего оно, и при томъ первое, за долго до усвоенія мысли о выкупѣ правительствомъ, выработало опредѣленный проектъ выкупной операціи и слѣдующими словами закончила обзоръ основанія своего полнаго проекта:—„изъ семи мѣсяцевъ занятій въ комитетѣ мы вынесли убѣжденіе, что только *одинъ выкупъ усадьбъ и полевой земли въ собственность крестьянъ, съ предоставленіемъ помѣщику законнаго и безобиднаго вознагражденія*, можетъ прекратить крѣпостное право на дѣлѣ, и что всякое срочно-обязанное положеніе должно приготовлять имѣніе къ такому выкупу“. Кромѣ того, московское меньшинство въ то еще время первое возбудило вопросы: объ участіи правительства и другихъ сословій въ выкупѣ, съ цѣлью облегченія крестьянъ; о чрезмѣрномъ отягощеніи ихъ повинностями; о замѣнѣ подушной подати подоходнымъ налогомъ со всѣхъ сословій; о преобразованіи завѣдыванія земскимъ мѣстнымъ хозяйствомъ и многимъ другимъ. Большинство симбирскаго комитета составило проектъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, по истеченіи двѣнадцатилѣтняго срочно-обязаннаго періода. Во главѣ симбирскаго комитета стояли графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ, извѣстный своими инсинуаціями на редакціонную комиссію и ея предсѣдателя, и Д. Н. Шидловскій, публицистическая дѣятельность котораго прекратилась съ кончиною газеты „Вѣсть“. Меньшинство изъ 5 членовъ противупоставило этому проекту добросовѣстное разрѣшеніе вопроса о надѣлѣ, уступая крестьянамъ землю въ размѣрахъ, обезпечивающихъ ихъ бытъ. Кромѣ того, это меньшинство высказало неопровержимую истину, что одинъ обязательный выкупъ есть окончательный, справедливый и безопасный исходъ крестьянской реформы.

Упорная, страстная борьба велась между меньшинствомъ и большинствомъ въ губернскихъ комитетахъ. Здѣсь сошлись лицомъ къ лицу защитники старыхъ порядковъ и провозвѣстники новаго времени, сошлись люди, радикально расходившіеся въ воззрѣніяхъ на основы соціальнаго строя; одни—стремившіеся сохранить сословныя привилегіи и оставить народъ въ подчиненномъ положеніи дворян-

ству, другіе—защищавшіе начала гражданской равноправности и самостоятельнаго экономическаго положенія крестьянъ. Оттого въ скромной и негласной обстановкѣ комитетскихъ засѣданій часто разыгрывалась великая и серьезная историческая драма, въ которую обѣ стороны вносили весь запасъ энергіи и страсти. Борьба сопровождалась взаимною ненавистью и озлобленіемъ; необходилось безъ брани, угрозъ и кулаковъ. Такъ, напримѣръ, въ комитетахъ рязанскомъ, тульскомъ и самарскомъ члены отъ правительства Кошелевъ, князь Черкасскій и Самаринъ были доведены до крайняго положенія. А. И. Кошелевъ принужденъ былъ обратиться къ правительству за помощью и большинству рязанскаго комитета былъ сдѣланъ высочайшій выговоръ. Самаринъ въ началѣ былъ до того тѣснимъ большинствомъ, что вынужденъ былъ завестись револьверомъ и окружить себя тѣлохранителями изъ своихъ дворовыхъ. Его рѣшительность обезоружила его противниковъ, которые, наконецъ, оставили его въ покоѣ. Кн. Черкасскій на губернскихъ выборахъ, послѣдовавшихъ вскорѣ по закрытіи тульскаго комитета, подвергся большимъ непріятностямъ и съ трудомъ выбрался изъ залы, едва не понеся побоевъ (Матер. для ист. упразд. крѣпост. сост. Т. I гл. V). Раздоры и скандалы въ губернскихъ комитетахъ доходили до свѣдѣнія высшаго правительства. Самъ Монархъ являлся для ихъ прекращенія. Мы уже имѣли случай говорить о рѣчи Государя нижегородскому дворянству по поводу столкновеній въ губернскомъ комитетѣ. Предсѣдатели комитетовъ, принадлежавшіе повсюду къ большинству, позволяли себѣ даже незаконныя дѣйствія. Такъ они отказывали членамъ меньшинства въ занесеніи ихъ мнѣній и записокъ въ протоколы. Послѣдніе жаловались въ Петербургъ и министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ по губерніямъ циркуляръ, начинавшійся слѣдующими словами: „До свѣдѣнія моего дошло, что предсѣдателями нѣкоторыхъ дворянскихъ комитетовъ мнѣнія меньшинства членовъ, непринятыя большинствомъ, оставляются безъ всякаго движенія, чѣмъ не рѣдко побуждаютъ справедливыя неудовольствія и жалобы“. Затѣмъ слѣдуетъ предписаніе, чтобы мнѣнія меньшинства записывались въ журналахъ или представлялись особо (Ibid.).

За малыми исключеніями во главѣ крѣпостнической партіи стояли богатые, чиновные, титулованные землевладѣльцы, которые продолжали свое противодѣйствіе реформѣ и агитировали для искаженія ея вплоть до изданія Положенія 19-го февраля.

Такимъ образомъ, въ крестьянской реформѣ, какъ и всегда, наши представители крупнаго землевладѣнія показали себя категоріею своекорыстною, близорукою въ политическомъ смыслѣ, не способ-

ною подняться на высоту идей и чувствъ блага Россіи и народныхъ интересовъ. Не мудрено, поэтому, что крупное землевладѣніе въ Россіи всегда возбуждало и возбуждаетъ къ себѣ враждебныя отношенія общества, литературы и народа. Все либеральное меньшинство въ комитетахъ принадлежало къ мѣстному среднему дворянству. Эта же среда поставила, въ лицѣ первыхъ мировыхъ посредниковъ, живую, разумную силу, умѣло примирявшую отвлеченный смыслъ закона съ безпрестанно возникавшими требованіями и недоразумѣніями пережитой, тревожной эпохи.

Если комитетскія меньшинства могли вести упорную и открытую борьбу съ большинствами, могли заявить объ условіяхъ правильнаго разрѣшенія реформы и составить отдѣльные проекты, то только потому, что они имѣли возможность свободно высказываться по вопросамъ преобразованія. Мы видѣли, что меньшинства, въ своихъ проектахъ, пошли гораздо дальше правительственнаго плана. Но обстоятельства заставили правительство допустить въ комитетахъ свободу заявленія мнѣній. На основаніи губернаторскихъ донесеній, министръ внутреннихъ дѣлъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ представлялъ Императору, что хотя комитетскія меньшинства вышли въ своихъ предположеніяхъ изъ рамокъ указанной комитетомъ „программы" занятій, но духъ стремленій ихъ ближе къ видамъ Императора, нежели предположенія большинствъ. Поэтому, всѣ пущенныя въ то время обвиненія помѣщичьею партіею либеральнаго меньшинства въ анархическихъ намѣреніяхъ, въ подрываніи основъ, въ стремленіи разрушить государственный порядокъ, вызвать демократическую революцію, не вызывали преслѣдованій администраціи. Администрація, какъ всегда, слушалась приказаній свыше; а ей было объяснено министромъ внутреннихъ дѣлъ, что либеральное меньшинство дѣйствуетъ въ видахъ высшаго правительства. И вотъ, благодаря такому счастливому обстоятельству, администрація оставила въ покоѣ либеральное меньшинство и оно могло вести открытую борьбу въ комитетахъ, выйти изъ рамокъ „Программы", составить проекты преобразованія несравненно болѣе радикальные и совершенные, нежели правительственный проектъ. Такимъ образомъ, благодаря свободѣ слова, знанія, энергія, таланты, благородныя гражданскія чувства либеральныхъ меньшинствъ не пропали даромъ; высказанныя ими мысли объ условіяхъ правильнаго совершенія реформы постепенно разъясняли общественное сознаніе и дали сильную опору работамъ редакціонной комиссіи. Здѣсь, какъ и въ области литературы, воочію убѣждаемся, что только предоставленіе либеральной части общества свободы обсуждать государственные вопросы выяснило тѣ условія, которыя были безусловно необходимы для правильнаго и спокойнаго разрѣшенія реформы.

Отдѣленія редакціонной комиссіи, составивъ систематическій сводъ изъ проектовъ комитетскихъ положеній по 21-й губерніи, приступили къ обработкѣ заключеній по каждому отдѣльному вопросу преобразованія. Эту работу они разсчитывали окончить къ августу того же года. Было уже своевременно сдѣлать распоряженіе о вызовѣ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ въ Петербургъ. Въ іюнѣ министръ внутреннихъ дѣлъ извѣстилъ начальниковъ тѣхъ губерній, проекты которыхъ были уже разсмотрѣны редакціонной комиссіею, что депутаты приглашаются прибыть въ Петербургъ въ промежутокъ времени отъ 1-го до 15-го августа.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что правила о выборахъ депутатовъ, указанныя постановленіемъ главнаго комитета отъ 18-го октября 1858 года, были, по предложенію Ростовцева и министра внутреннихъ дѣлъ, измѣнены въ маѣ 1859 года. И поводомъ къ измѣненію ихъ было слѣдующее обстоятельство. Министерство внутреннихъ дѣлъ, получая свѣдѣнія о ходѣ занятій въ губернскихъ комитетахъ, увидѣло, что въ значительномъ числѣ комитетовъ мнѣнія раздѣлились по самымъ существеннымъ вопросамъ преобразованія, вслѣдствіе чего составлялись въ одномъ и томъ же комитетѣ иногда два различные проекта, а иногда даже и три. Такіе проекты для различенія ихъ между собой министерство стало называть, по числу членовъ, подписавшихся подъ каждымъ изъ нихъ, *проектами большинства* и *проектами меньшинства*, а если случалось болѣе двухъ мнѣній различныхъ въ существенныхъ основаніяхъ, то преобладающее называлось: *проектъ большинства*, а прочія: *первое меньшинство* и *второе меньшинство*. Болѣе трехъ различнымъ проектовъ одного и того же губернскаго комитета не встрѣчалось; но кромѣ того прилагались отдѣльныя мнѣнія. Въ проектахъ меньшинства выражались, какъ мы уже знаемъ, по преимуществу, предположенія, согласныя съ видами Ростовцева и земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ виду этого министръ внутреннихъ дѣлъ, „находя не только полезнымъ, но и необходимымъ, чтобы при окончательномъ обсужденіи губернскихъ проектовъ въ виду правительства были мнѣнія не только большинства, но и меньшинства каждаго комитета“, испросилъ высочайшее соизволеніе сдѣлать распоряженіе, дабы отъ тѣхъ губернскихъ комитетовъ, гдѣ мнѣнія раздѣлились и гдѣ составлены два проекта, одинъ по большинству голосовъ членовъ, а другой по меньшинству, были назначены, для представленія правительству нужныхъ объясненій, *одинъ* членъ отъ большинства, а *другой* отъ *меньшинства* комитета (Крест. дѣло. Скреб. Т. I, стр. II). Получивъ на это высочайшее разрѣшеніе, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ начальникамъ губерній, что „по тѣмъ комитетамъ,

гдѣ составлены особые проекты отъ большинства и меньшинства и уже избраны по два члена отъ большинства (согласно прежнему постановленію главнаго комитета, въ коемъ различія между большинствомъ и меньшинствомъ не полагалось), назначить изъ нихъ для прибытія въ Петербургъ получившаго при избраніи большее число голосовъ, а другого считать кандидатомъ къ нему; о назначеніи же для прибытія въ Петербургъ члена отъ меньшинства войдти въ сношеніе съ тѣми лицами, которые подписали проектъ меньшинства". (Ibid).

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ распоряженій были вызваны члены отъ двадцати одного губернскаго комитета въ числѣ 44 человѣкъ. Изъ нихъ одинъ членъ отъ московскаго, А. А. Валицкій, не прибылъ въ Петербургъ за отъѣздомъ его по болѣзни за границу, другой членъ новгородскаго (меньшинства), Н. И. Желѣзновъ, по присутствованію его въ редакціонной комиссіи (въ званіи члена-эксперта), отъ обязанности члена губернскаго комитета отказался. Поэтому число вызванныхъ членовъ губернскихъ комитетовъ должно было составить 42 человѣка. Если исключить затѣмъ еще пять депутатовъ отъ губерній Витебской и Минской, отчисленныхъ по распоряженію правительства къ депутатамъ второго приглашенія, и одного члена отъ второго меньшинства Симбирской губерніи, Ахматова, внезапно занемогшаго и потому не пріѣхавшаго въ Петербургъ, получимъ число 36 наличныхъ депутатовъ, исполнявшихъ свои обязанности по первому приглашенію изъ слѣдующихъ 19 губерній: Астраханской, Владимірской, Воронежской, Вятской, Костромской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Петербургской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Харьковской, Черниговской и Ярославской.

Относительно проектовъ большинства и меньшинства губернскихъ комитетовъ прибывшіе члены распредѣлились по губерніямъ такимъ образомъ: по *одному* проекту меньшинства семь членовъ изъ губерній: Владимірской, Нижегородской, Рязанской, Симбирской, Тамбовской, Тверской и Черниговской; по *другому* проекту меньшинства два члена изъ губерній: Владимірской и Рязанской.

Такимъ образомъ отъ меньшинства вообще находилось на-лицо 9 человѣкъ, слѣдовательно, остальные 27 членовъ были представителями проектовъ большинства каждаго губернскаго комитета.

Прежде изложенія дѣятельности депутатовъ въ редакціонной комиссіи скажемъ, съ какими чувствами къ этой комиссіи и надеждами они прибыли въ Петербургъ.

Большая часть депутатовъ были представителями консервативныхъ большинствъ въ комитетахъ. Они еще на мѣстѣ ознакоми-

лись съ направленіемъ трудовъ редакціонной комиссіи чрезъ разсылавшіеся по губерніямъ печатные экземпляры съ журналовъ. Различіе между ихъ воззрѣніями и предначертаніями редакціонной комиссіи было самое рѣшительное. Зимою 1859 года Петербургъ былъ наводненъ предводителями дворянства, членами комитетовъ, кончившихъ свои занятія, депутатами этихъ комитетовъ. Всѣ они вошли въ тѣсныя сношенія съ высшими чиновными лицами Петербурга, съ петербургскимъ дворянствомъ и возвращались домой съ надеждой провести преобразованіе сообразно интересамъ и желаніямъ большинства дворянства. Во многихъ губернскихъ комитетахъ явилось убѣжденіе, что разрѣшеніе крестьянскаго вопроса должно и будетъ принадлежать исключительно дворянству.

Пользуясь такимъ настроеніемъ умовъ, сенаторъ Безобразовъ и компанія сочинили проектъ адреса къ государю, ходившій по рукамъ подъ заглавіемъ: „Матеріалы для доставленія адреса отъ дворянства государю". Главная мысль адреса заключалась въ учрежденіи особаго дворянскаго собранія изъ выборныхъ отъ каждой губерніи, которому должно быть предоставлено разсмотрѣніе положеній, заготовленныхъ редакціонной комиссіею, и окончательное составленіе законоположеній реформы. „Собранію этому предоставить изъ числа сановниковъ, окружающихъ престолъ, избрать предсѣдателя, коему открыть прямо доступъ къ Вашему Величеству. Разсмотрѣнное и обсужденное положеніе представить на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества черезъ государственный совѣтъ. Собранію назначить мѣсто въ одной изъ залъ дворца и всѣмъ вѣдомствамъ повелѣть доставлять немедленно свѣдѣнія, какія для полноты разсмотрѣнія окажутся нужными; разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ возложить на трехъ опытныхъ сенаторовъ и министра юстиціи, коимъ поручить разъясненіе недоумѣній, какія въ собраніи возникнуть могутъ" (Матер. для ист. упразд. крѣпост. сост. Т. II, стр. 97—109).

Другой документъ, враждебный редакціонной комиссіи, ходившій въ это время по рукамъ и вызывавшій одобренія и сочувствіе дворянской партіи, была брошюра члена симбирскаго комитета, графа Орлова-Давыдова, напечатанная въ Парижѣ подъ заглавіемъ: „Lettre d'un député de Comité à Mr. le président de la Commission de rédaction, aide-de-camp général Rostovtzeff". Авторъ разослалъ письмо свое ко многимъ правительственнымъ лицамъ и членамъ главнаго комитета, за исключеніемъ лично Ростовцева, къ которому письмо было обращено. Тонъ письма рѣзкій. Авторъ усиливается доказать, что редакціонная комиссія превысила данную ей власть и самовластно расширила кругъ своихъ дѣйствій, которыя будто бы должен-

ствовали, по смыслу данной ей инструкціи, ограничиться простымъ техническимъ трудомъ, т. е. составленіемъ свода постановленій губернскихъ комитетовъ и выводомъ изъ нихъ заключеній, предложенныхъ большинствомъ. Онъ находитъ также крайне несправедливымъ, что въ то время, когда заботятся о возвышеніи массъ, ничего не дѣлаютъ для выгодъ высшей, образованнѣйшей и лучшей части народа. „И для чего, спрашиваетъ онъ:—ставить крестьянъ во враждебное отношеніе къ людямъ, на которыхъ до сихъ поръ они смотрѣли, какъ на отцовъ? Зачѣмъ отнимать у дворянства право избирать исправниковъ, которые составляютъ первую ступень self-governement'а, т. е. управленія посредствомъ большой собственности (par la grande propriété)". (Ibid, стр. 110—113).

Разсказывали, что въ одномъ изъ засѣданій главнаго комитета Государь обратился къ Ростовцеву съ вопросомъ: читалъ ли онъ письмо къ нему графа Орлова-Давыдова? Ростовцевъ отвѣчалъ, что такого письма не знаетъ, а читалъ какое-то письмо на французскомъ языкѣ, котораго самъ не получалъ, но видѣлъ у другихъ.— Ну, да, сказалъ Государь:—это оно-то и есть, про которое Я вамъ говорю.—„Да развѣ это письмо графа Орлова-Давыдова?"—Конечно, это всѣмъ извѣстно.—„Государь, это быть не можетъ!"—Отчего же быть не можетъ?—„Оттого, что графъ Орловъ аристократъ, воспитанный и просвѣщенный человѣкъ, а это письмо писано какимъ-то невѣждою" (Ibid, стр. 115).

Съ недобрыми чувствами къ редакціонной комиссіи и съ намѣреніемъ и надеждой уничтожить ея труды прибыло большинство депутатовъ въ Петербургъ. Передъ самымъ прибытіемъ ихъ министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ Государю записку о воззрѣніяхъ на крестьянское дѣло присланныхъ комитетами депутатовъ. Вотъ что онъ писалъ о нихъ:

„Обращаясь къ предстоящему прибытію избранныхъ комитетами членовъ, я признаю священнымъ долгомъ выразить, что большинство ихъ принадлежитъ къ послѣдователямъ двухъ первыхъ изъ объясненныхъ въ настоящей запискѣ мнѣній [1]). Нѣтъ никакого

[1]) Въ запискѣ отмѣчены три категоріи мнѣній, въ сущности слѣдующія: *первое* мнѣніе „тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ побуждаемые къ тому личными, матеріальными выгодами помѣщика. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянина, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства". *Второе* мнѣніе: „оно выдѣлилось изъ направленія личнаго, матеріальнаго интереса, вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ, и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе *сословнаго интереса*... Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства желаютъ создать у насъ дворянскую поземельную аристо-

сомнѣнія, что каждый изъ членовъ идетъ съ намѣреніемъ поддержать и, если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія выразятъ стремленіе дѣйствовать къ взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились въ единомышленныя и не образовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено. Согласно Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть.

„Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ: будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовію, съ какими оно произнесено Вами для блага современниковъ и потомства“. („Депутаты по крест. дѣлу“. „Рус. Вѣст.“. Н. Семенова).

Государь возвратилъ министру эту записку 8-го августа (слѣдовательно во время уже пребыванія въ Петербургѣ депутатовъ), съ

кратію, подобно англійской, и, вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую, не менѣе привилегированную, на началахъ феодальныхъ. Настоящая цѣль, которой держатся люди этого мнѣнія весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли“. Третье мнѣніе „принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостного права... Послѣдователи этого мнѣнія защищаютъ совершенную отмѣну помѣщичьей власти и выкупъ обязательный или не обязательный, всего или части крестьянскаго надѣла, въ полную собственность, на условіяхъ по возможности умѣренныхъ“.

слѣдующей собственноручной надписью: „Нахожу этотъ взглядъ правильнымъ и согласнымъ съ Моими собственными убѣжденіями. Прошу сообщить г-ну Ростовцеву“. На вопросъ, сдѣланный министру: списать ли для этого копію съ записки? онъ отвѣчалъ письменно: „Я не желаю, чтобы копіи ходили по рукамъ, а потому самъ передамъ для прочтенія“. (Матер. для ист. упразд. крѣпост. сост., стр. 318). Въ этихъ видахъ особо избранный чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ привозилъ записку къ Ростовцеву, который тутъ же, у себя въ кабинетѣ, прочелъ ее и тотчасъ возвратилъ привезшему. Записку тщательно скрывали. Ни князю Орлову, ни другимъ членамъ главнаго комитета она не была сообщена. Не зналъ про нее даже Жуковскій, помощникъ Буткова по крестьянскому дѣлу и бывшій въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Несмотря на всѣ принятыя предосторожности, въ мартѣ 1860 года, во время пребыванія въ Петербургѣ депутатовъ втораго призыва, въ городѣ заговорили о запискѣ; она ходила по рукамъ между депутатами и произвела большой шумъ, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

25-го августа депутаты были приглашены въ засѣданіе общаго присутствія редакціонной комиссіи. Предсѣдатель предъявилъ имъ высочайше-данную ему инструкцію, опредѣляющую образъ дѣйствій какъ его самого, такъ и депутатовъ въ предстоящихъ имъ занятіяхъ. Приведемъ самыя существенныя мѣста изъ этой инструкціи, такъ какъ она составляетъ основаніе и исходъ всей дѣятельности депутатовъ въ редакціонной комиссіи.

По случаю прибытія членовъ, избранныхъ нѣкоторыми комитетами, Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что общія начала по крестьянскому дѣлу указаны уже правительствомъ, мѣстнымъ же комитетамъ было высочайше предоставлено *примѣненіе общихъ началъ къ особенностямъ каждой губерніи*, *изволилъ* признать необходимымъ опредѣлить образъ дѣйствій какъ предсѣдателя редакціонной комиссіи, такъ и членовъ, избранныхъ губернскими комитетами.

1) Предсѣдатель редакціонной комиссіи долженъ прежде всего истребовать отъ каждаго изъ вызванныхъ членовъ *мѣстныя* свѣдѣнія и объясненія по такимъ вопросамъ, которые возникли впослѣдствіи, уже при разработкѣ крестьянскаго дѣла, въ нѣкоторыхъ лишь губернскихъ комитетахъ или въ самой редакціонной комиссіи, а потому ею не могли быть окончательно развиты прежде пополненія первоначальныхъ, необходимыхъ для того матеріаловъ.

2) По доставленіи членами губернскихъ комитетовъ отвѣтовъ на неразработанные еще вопросы, предсѣдатель редакціонной комиссіи предъявляетъ каждому изъ членовъ труды комиссіи уже разрабо-

танные, предлагая имъ вопросы, по коимъ требуются отъ каждаго члена *мѣстныя свѣдѣнія и объясненія.*

3) Такъ какъ сущность работы вызванныхъ членовъ заключается въ примѣненіи общихъ правилъ къ особенностямъ каждой губерніи, то каждый членъ представляетъ *особый по своей губерніи* письменный отвѣтъ на каждый вопросъ отдѣльно, или члены *одной губерніи* даютъ отвѣты за общимъ подписаніемъ.

4) Если примѣненіе общихъ правилъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ вызоветъ какія либо особыя соображенія, то каждому изъ вызванныхъ членовъ предоставляется, послѣ доставленныхъ положительныхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, представить предсѣдателю редакціонной комиссіи и означенныя соображенія.

5) При полученіи отвѣтовъ, предсѣдателю предоставляется, по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ надобности, приглашать, для словесныхъ объясненій, членовъ одной губерніи или нѣсколькихъ вмѣстѣ.

6) Дабы не останавливать дальнѣйшаго движенія работъ редакціонной комиссіи, предсѣдателю вмѣняется въ обязанность наблюсти, чтобы всѣ необходимыя свѣдѣнія и объясненія были доставлены отъ членовъ губернскихъ комитетовъ *не позже одного мѣсяца* со дня предъявленія имъ первыхъ вопросовъ.

7) По полученіи предсѣдателемъ редакціонной комиссіи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и объясненій, занятія вызванныхъ членовъ считаются оконченными, и предсѣдатель извѣщаетъ о томъ министра внутреннихъ дѣлъ.

8) Всѣ безъ исключенія отвѣты членовъ, какъ нынѣ вызванныхъ, такъ и тѣхъ, кои будутъ вызваны впослѣдствіи, вмѣстѣ съ заключеніями по нимъ редакціонной комиссіи, представляются на обсужденіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу одновременно съ проектомъ положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ проектъ этотъ должны быть включены всѣ тѣ соображенія вызванныхъ членовъ, которыя будутъ приняты редакціонной комиссіею. („Матер. Ред. Ком." Т. 1. Журн. № 45).

По окончаніи чтенія инструкціи и приложеній къ ней въ засѣданіи водворилось глубокое молчаніе. Тѣмъ временемъ секретарь принесъ и положилъ на столъ кипу инструкцій, предложивъ членамъ разобрать ихъ. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Впечатлѣніе на депутатовъ этого перваго засѣданія описано въ брошюрѣ: „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу", изданной въ 1860 году въ Лейпцигѣ и приписываемой весьма основательно рязанскому депутату А. И. Кошелеву.

„Депутаты, говоритъ авторъ брошюры:—были въ крайнемъ недоумѣніи. Они спрашивали себя и другъ друга: кѣмъ составлена

эта инструкція? Какъ могла она попасть въ государственную канцелярію? Кѣмъ она была разсмотрѣна и поднесена на высочайшее утвержденіе? Государь изволилъ говорить о депутатахъ, имѣющихъ прибыть въ С.-Петербургъ, *для присутствованія и общаго обсужденія при разсмотрѣніи положеній въ главномъ комитетѣ*; что же значитъ перемѣна, въ силу которой члены отъ комитетовъ обязаны только представить въ редакціонныя комиссіи мѣстныя свѣдѣнія и объясненія по вопросамъ, которые возникли впослѣдствіи, при разработкѣ крестьянскаго дѣла? Что значитъ то, что, по полученіи отвѣтовъ на упомянутые вопросы, предъявляются членамъ труды комиссій *съ предложеніемъ новыхъ вопросовъ*? Что значитъ, что члены обязаны представить *каждый по своей губерніи*, или члены *одной губерніи* за общимъ подписомъ, свои письменные отзывы? Съ какой цѣлью назначенъ для занятій депутатовъ срокъ, по краткости своей, невозможный? Почему не допущены офиціальныя собранія депутатовъ? Наконецъ, что значитъ явное устраненіе прежняго ихъ названія депутаты, и замѣна его другимъ: *члены*, избранные губернскими комитетами? Всѣ эти и многіе другіе къ нимъ прикосновенные вопросы сильно тревожили депутатовъ".

26-го августа депутаты собрались въ первый разъ въ домѣ петербургскаго депутата и губернскаго предводителя дворянства гр. Шувалова. Этотъ домъ былъ мѣстомъ и дальнѣйшихъ собраній и совѣщаній депутатовъ [1]). Результатомъ совѣщаній съ 26-го по 29-ое августа было рѣшеніе обратиться къ Государю съ всеподданѣйшимъ ходатайствомъ, въ которомъ просить „о дозволеніи депутатамъ имѣть общія совѣщанія въ такомъ порядкѣ, въ какомъ благоугодно будетъ указать Государю Императору, и о томъ, чтобы всѣ соображенія ихъ, какъ по предъявленнымъ имъ вопросамъ, такъ и вообще по существу крестьянскаго положенія, поступили на судъ высшаго правительства".

По поводу этого ходатайства Ростовцевымъ было объявлено депутатамъ, 3-го сентября, слѣдующее высочайшее повелѣніе:

„Его Императорское Величество прежде и нынѣ не встрѣчаетъ препятствія къ тому, чтобы члены губернскихъ комитетовъ совѣщались между собою; въ дѣлѣ столь важномъ и столь близко касающемся интересовъ дворянства Государь Императоръ изволилъ находить полезнымъ, чтобы члены губернскихъ комитетовъ помогали одинъ другому своею мѣстною опытностью; но подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера офиціальнаго".

---

[1]) Свѣдѣнія о совѣщаніяхъ депутатовъ и предпринятыхъ ими дѣйствіяхъ мы заимствуемъ изъ упомянутой выше лейпцигской брошюры.

„Затѣмъ Его Величество соизволилъ высочайше подтвердить, чтобы дальнѣйшія дѣйствія, какъ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, такъ и членовъ губернскихъ комитетовъ, неуклонно основывались на инструкціи 11-го августа, то есть члены губернскихъ комитетовъ, не касаясь общихъ началъ, должны ограничиваться примѣненіемъ оныхъ къ своимъ мѣстностямъ, для чего они и были вызваны въ Петербургъ, и мнѣнія свои они должны представить отдѣльно по каждой губерніи. Въ заключеніе Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣлъ предсѣдателю редакціонныхъ комиссій вновь объявить членамъ отъ губернскихъ комитетовъ, что всѣ отвѣты безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе главнаго комитета, какъ о томъ уже было сказано въ инструкціи 11-го августа“. (Матер. для ист. упразд. крѣп. сост. Т. II, стр. 131).

4-го сентября депутаты были представлены Императору въ Царскомъ Селѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Министръ называлъ каждаго депутата и Государь преимущественно спрашивалъ: гдѣ кто служилъ? Затѣмъ Государь сталъ посреди депутатовъ, сдвинувшихся вокругъ него, и произнесъ слѣдующія слова:

„Господа! Я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному для Меня и для васъ, и успѣха котораго, Я вполнѣ увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и Я; съ нимъ связано будущее благо Россіи; Я увѣренъ, что вѣрное Мое дворянство, всегда преданное Престолу, съ усердіемъ будетъ Мнѣ содѣйствовать. Я считалъ Себя первымъ дворяниномъ, когда еще былъ Наслѣдникомъ, Я гордился этимъ, горжусь этимъ и теперь, и не перестаю считать Себя въ вашемъ сословіи. Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ началъ Я это дѣло; съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ Я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разсѣялись. Я читалъ ваше письмо, представленное Мнѣ Яковомъ Ивановичемъ: отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія Мнѣ будутъ извѣстны; тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ редакціонной комиссіи, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальныя, хотя бы и не согласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ главный комитетъ и дойдутъ до Меня. Я знаю, вы сами, господа, убѣждены, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій. Но Я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія; надѣюсь, что довѣріе Мое къ вамъ вы оправдаете не однимъ словомъ, а на дѣлѣ. Прощайте, господа, до свиданія“.

*

По выслушаніи этихъ словъ воронежскій депутатъ, кн. Гагаринъ изъяснилъ Государю, что дворянство готово на жертвы, хотя бы онѣ простирались и до трети ихъ достоянія. На что Государь замѣтилъ: „Нѣтъ, такихъ значительныхъ жертвъ Я не требую; Я желаю, чтобы великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ. Прощайте, господа". (Ibid. стр. 134).

Затѣмъ депутаты, возвратившись въ отведенныя имъ комнаты, приглашены были къ обѣду за гофмаршальскій столъ. Это показалось страннымъ для всѣхъ. Многіе рѣшились тотчасъ же отправиться обратно въ Петербургъ. (Ibid. стр. 135).

Такимъ образомъ, юридическое положеніе депутатовъ по отношенію къ редакціонной комиссіи было окончательно опредѣлено положительно выраженной высочайшею волею. Несмотря на личное, увѣреніе Государя, что всѣ заключенія ихъ будутъ приняты въ должное вниманіе и поступятъ на разсмотрѣніе верховной власти, депутаты остались, однако же, недовольны, что свидѣтельствуется дальнѣйшими ихъ дѣйствіями.

Депутаты желали имѣть офиціальныя совѣщанія. Они желали образовать изъ себя родъ государственнаго учрежденія. Они понимали, что тогда ихъ коллективныя постановленія будутъ имѣть несравненно бо́льшее значеніе сравнительно съ ихъ мнѣніями, подаваемыми каждымъ отдѣльно, лишь въ качествѣ экспертовъ, и единственно по вопросу о примѣнимости общихъ правилъ къ особенностямъ каждой губерніи. Не безъ основанія полагали они, что тогда ихъ постановленія могутъ тягаться съ предначертаніями редакціонной комиссіи, особенно въ виду почти нескрываемаго направленія большинства членовъ главнаго комитета, который, предполагалось, явится оцѣнщикомъ проекта, выработаннаго во всей полнотѣ учрежденіемъ депутатовъ, и проекта редакціонной комиссіи.

Стремленіе придать полномочіямъ депутатовъ возложено большее значеніе и противопоставить ихъ притязанія предначертаніямъ редакціонной комиссіи, было выражено въ приведенной всеподданнѣйшей просьбѣ депутатовъ къ Императору, а потому понятны подписи большинства, видѣвшаго въ предначертаніяхъ редакціонной комиссіи рѣшительное умаленіе помѣщичьихъ правъ и матеріальныхъ интересовъ. Но странно видѣть подъ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ подписи и всѣхъ наличныхъ представителей либеральныхъ комитетскихъ меньшинствъ. Очевидно, усиливая значеніе сословныхъ притязаній большинста депутатовъ, значеніе ихъ полномочій, они тѣмъ самымъ уменьшали вѣроятность успѣха въ проведеніи защищаемыхъ ими основъ крестьянской реформы. Ни въ какихъ матеріалахъ мы ни нашли объясненія этого факта, если не считать,

что слѣдующія слова изъ лейпцигской брошюры имѣютъ такое значеніе: „Депутаты, говоритъ авторъ:—никакъ не думали, что ихъ призвали въ С.-Петербургъ для того, чтобы сидѣть каждому въ своей квартирѣ, отвѣчать на заданные вопросы и представлять справки. Такое недовѣріе къ нимъ правительства, такое неуваженіе въ нихъ лицъ, избранныхъ губернскими комитетами, составленными изъ выборныхъ отъ дворянства, такое униженное положеніе депутатовъ въ отношеніи къ редакціоннымъ комиссіямъ"... Съ большимъ основаніемъ можно предположить, что внутреннимъ мотивомъ, побудившимъ меньшинство подписаться, было задѣтое личное самолюбіе.

А, впрочемъ, самъ же авторъ лейпцигской брошюры высказываетъ соображеніе, которымъ, и помимо самолюбія, можетъ быть объясняема подпись меньшинствомъ всеподданнѣйшаго ходатайства. Авторъ брошюры полагалъ, что собраніе депутатовъ, будь только допущены офиціальные засѣданія," составило бы проектъ законоположеній о преобразованіи, лучшій сравнительно съ предначертаніями редакціонной комиссіи. Вотъ что онъ писалъ по этому предмету:

„Вообще, можно сказать, что всѣ депутаты, безъ исключенія, были за уничтоженіе крѣпостного состоянія; что всѣ они желали развязки скорѣйшей и окончательной, и что большинство изъ нихъ было одушевлено самыми миролюбивыми чувствами. Что касается до сопротивленій волѣ Государя, насчетъ освобожденія крестьянъ, до желанія затянуть дѣло и, подъ видомъ увольненія, устроить иное обязательное и столь же для крестьянъ тягостное положеніе, то такихъ намѣреній никто изъ депутатовъ рѣшительно не имѣлъ, и слухи, въ семъ смыслѣ распущенные, суть чистѣйшія клеветы. По окончаніи занятій въ губернскихъ комитетахъ, члены ихъ пожили въ своихъ деревняхъ, убѣдились въ невозможности удержать крѣпостное право, въ необходимости разрѣшить вопросъ въ скорѣйшемъ, по возможности, времени, и пріѣхали въ Петербургъ съ искреннимъ желаніемъ помочь Правительству въ установленіи новаго порядка вещей въ сельскомъ быту, на прочныхъ основаніяхъ... Какъ большинству депутатовъ члены редакціонной комиссіи казались людьми, желающими разорить дворянство, такъ и депутаты представлялись большинству членовъ редакціонной комиссіи крѣпостниками, пріѣхавшими отстаивать только свои губернскія положенія и одни интересы дворянства, въ самомъ тѣсномъ ихъ смыслѣ. Не правы въ этомъ были и тѣ, и другіе. Хотя редакціонная комиссія уклонилась во многихъ случаяхъ, въ ущербъ дворянства, отъ требованій справедливости, не слѣдовало, однако, упускать изъ виду, что она, имѣвши предъ собою проекты губернскихъ комите-

товъ, гдѣ, по большей части, мало обращали вниманія на интересы крестьянъ, была въ обязанности защитить послѣднихъ; что произвольныя дѣйствія первой были вызваны столь же произвольными дѣйствіями комитетовъ, и что, стало быть, депутаты должны были винить въ томъ не одну редакціонную комиссію, но и себя самихъ, или свои комитеты. Съ другой стороны, редакціонная комиссія, исполненная гнѣва противъ губернскихъ положеній, видѣла въ депутатахъ только представителей этихъ проектовъ... Между тѣмъ, по многимъ губерніямъ произошли въ Петербургѣ явленія неожиданныя; люди, которые въ губернскихъ комитетахъ, въ теченіе 6, 7 и 8 мѣсяцевъ, между собою боролись, и которыхъ проекты были весьма различны, согласились между собою и стали говорить въ одинъ голосъ... Почти всѣ депутаты сознавали необходимость надѣленія крестьянъ землею. Большинство ихъ, вопреки заключеніямъ редакціонной комиссіи, требовало обязательнаго выкупа, какъ единственнаго средства произвести освобожденіе на законномъ основаніи и удовлетворительно для помѣщиковъ и для крестьянъ... Второй пунктъ, вызвавшій общее неодобреніе со стороны депутатовъ, есть произвольное назначеніе высшихъ крестьянскихъ надѣловъ по губерніямъ. Редакціонная комиссія, желая дать своимъ выводамъ нѣкоторую, хотя наружную, правильность, составила вѣдомости крестьянскимъ существующимъ надѣламъ, но она исключила изъ этихъ списковъ всѣ имѣнія ниже 100 душъ, гдѣ, какъ извѣстно, надѣлы самые малые, и включила въ нихъ имѣнія оброчныя, гдѣ, по большей части, всѣ помѣщичьи земли числятся въ крестьянскомъ пользованіи. Посредствомъ такихъ произвольныхъ исключеній и включеній, цифры надѣловъ подняты были неправильно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и чрезмѣрно... Депутаты дѣлились на сторонниковъ нормальныхъ и существующихъ надѣловъ; за первые стояло большинство, но была возможность согласить эти два мнѣнія установленіемъ для существующаго надѣла границъ, близкихъ къ нормѣ. Что касается до повинностей, то онѣ не составляли существеннаго предмета разногласій между депутатами: тѣ изъ нихъ, которые всего усерднѣе отстаивали помѣщичьи интересы, не требовали высокихъ повинностей, лишь бы поземельные надѣлы были какъ можно ограниченнѣе; депутаты же, объявившіе себя за существующіе надѣлы, желали повинностей настоящихъ, достаточно вознаграждающихъ дворянство за отходящія отъ нихъ земли".

Приведенныя разногласія между депутатами и редакціонной комиссіей дѣйствительно существовали. Что же касается до другихъ указанныхъ въ брошюрѣ, существенныхъ пунктовъ разногласій, въ которыхъ-де право было на сторонѣ депутатовъ, какъ напри-

мѣръ, будто бы редакціонная комиссія вводила чиновничье вмѣшательство въ сельскія дѣла и стояла за чисто бюрократическое устройство всего уѣзднаго управленія, полиціи и суда; будто она хотѣла разрушить народные обычаи, и въ особенности общинное поземельное владѣніе и круговую поруку, эти нареканія на комиссію совершенно неосновательны, въ чемъ читатель убѣдится въ главахъ о надѣлѣ и вотчинной полиціи. А потому мы остановимся только на указанныхъ пунктахъ разногласія, которые несомнѣнно имѣли мѣсто.

Дѣйствительно какъ показываютъ матеріалы редакціонной комиссіи, большинство депутатовъ перваго призыва считало обязательный выкупъ самымъ цѣлесообразнымъ исходомъ реформы. И въ этомъ отношеніи ихъ воззрѣнія на условія правильнаго совершенія реформы были выше заключеній редакціонной комиссіи. Но выкупъ, даже и обязательный, могъ быть благодѣтеленъ для страны и народа лишь при условіи надѣленія крестьянъ достаточными надѣлами и за неотяготительные платежи. Каковы же были требованія депутатовъ въ отношеніи надѣла и выкупныхъ платежей? Изъ матеріаловъ редакціонной комиссіи видимъ, что большинство депутатовъ требовало значительнаго сокращенія предначертанныхъ комиссіей надѣловъ и повышенія повинностей, долженствующихъ служить основаніемъ для капитализаціи суммы выкупа. Въ виду этого, изъ двухъ золъ: съ одной стороны добровольнаго выкупа при условіяхъ, какими обставила его редакціонная комиссія, и съ предначертанными ею размѣрами надѣловъ и выкупныхъ платежей, и съ другой—обязательнаго выкупа съ размѣрами надѣловъ и выкупныхъ платежей, защищавшимися большинствомъ депутатовъ—въ интересахъ народа надо было выбирать первое. Авторъ брошюры высказываетъ надежду, что, если бы только были допущены офиціальныя совѣщанія, меньшинство либеральныхъ депутатовъ, стоявшихъ за сохраненіе существующихъ надѣловъ, оказали бы такое сильное вліяніе на большинство, что въ этомъ отношеніи непремѣнно послѣдовало бы соглашеніе. Но мы рѣшительно недоумѣваемъ, почему офиціальныя совѣщанія должны были привести къ такому результату. Напротивъ, не утонули ли бы въ офиціальныхъ совѣщаніяхъ мнѣнія либеральнаго меньшинства, или, записанные отдѣльно, не имѣли бы такого значенія въ глазахъ главнаго комитета, какъ въ глазахъ редакціонной комиссіи. Либеральнымъ депутатамъ не слѣдовало ни минуты упускать изъ виду, что они по духу своихъ стремленій ближе были къ членамъ редакціонной комиссіи, нежели къ главному комитету. Авторъ брошюры придаетъ большое значеніе тому, что депутаты ушли впередъ отъ тѣхъ проектовъ положеній, которые они

защищали въ губернскихъ комитетахъ, что, по окончаніи занятій въ комитетахъ, они пожили въ своихъ деревняхъ, убѣдились въ невозможности удержать крѣпостное право, въ необходимости разрѣшить вопросъ въ скорѣйшемъ, по возможности, времени и прибыли въ Петербургъ съ самыми миролюбивыми чувствами. Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что къ половинѣ 1859 г. между помѣщиками утвердилось убѣжденіе, что крѣпостное право уже не можетъ быть сохранено [1]), что большинство депутатовъ видѣло политическую необходимость *въ освобожденіи съ землею.* Но оставалось еще много весьма важныхъ вопросовъ, по преимуществу изъ сферы матеріальной: предстояло опредѣлить количество надѣла, размѣры выкупа, крестьянскія сервитуты, пользованіе крестьянами лѣсомъ и многимъ другимъ; и еще вопросъ громадной важности: о вотчинной полиціи помѣщиковъ. По всѣмъ этимъ предметамъ, какъ показываютъ „Матеріалы Редакціонной Комиссіи", *комиссія была гораздо безпристрастнѣе, преслѣдовала общее благо несравненно въ большей степени*, нежели большинство депутатовъ. Впрочемъ, съ этимъ

---

[1]) Въ передовой статьѣ „Сѣверной Пчелы", 1-го января 1860 года, такъ резюмировано измѣненіе во взглядахъ общества на крестьянскую реформу.

„Воззрѣніе на освобожденіе крестьянъ общества, въ высшей степени заинтересованнаго этимъ вопросомъ, значительно измѣнилось въ продолженіе двухъ лѣтъ, прошедшихъ отъ появленія первыхъ высочайшихъ рескриптовъ. И къ чести русскаго общества должно сказать, что такое измѣненіе было согласно съ прогрессомъ, съ политическими и экономическими потребностями страны и съ духомъ гуманности. При началѣ дѣла многими, и даже очень многими говорилось во всеуслышаніе, что мы просто погибнемъ безъ крѣпостного права, потеряемъ силу и значеніе въ кругу европейскихъ государствъ и должны будемъ отказаться отъ всякой самостоятельности. Но, по мѣрѣ развитія вопроса, такіе возгласы быстро стихали, и намъ случалось встрѣчать такихъ людей между нашими знакомыми, которые въ началѣ 1858 года произносили именно такіе приговоры Россіи, а теперь одни изъ нихъ стыдятся того, что были такъ близоруки, другіе считаютъ оскорбленіемъ напоминаніе объ ихъ прежнихъ мнѣніяхъ, а третьи просто увѣряютъ, что они съ роду этого не говаривали... Черезъ нѣсколько времени послышались другіе голоса, которые уже не пророчили погибели Россіи, не стояли уже за право владѣть живыми и мертвыми душами, но желали, чтобы освобожденіе крестьянъ было ограничено дарованіемъ имъ личной свободы, съ тѣмъ, чтобы вся земля, и усадебная, и полевая, осталась за нынѣшними землевладѣльцами: „Крестьянъ мы знать не хотимъ, освободите *насъ отъ нихъ*, а не ихъ отъ насъ". Но когда начавшееся дѣло, уже совершавшее свой историческій ходъ, указало, что такое желаніе нѣсколько эгоистично, и не совсѣмъ сообразно съ пользою общественною, передъ которою во всякомъ благоустроенномъ государствѣ должны умолкать частные интересы, тогда согласились, что дѣйствительно необходимо дать крестьянамъ усадьбы, но взявъ за нихъ *хорошія* деньги, наконецъ, общество сдѣлало еще шагъ, и въ 1859 году утвердилось всеобщее убѣжденіе, что *освобожденіе крестьянъ безъ надѣла, какъ усадьбами, такъ и полевыми угодьями невозможно*".

соглашается и самъ авторъ брошюры и справедливо замѣчаетъ, что иначе и быть не могло.

„Въ назначеніи редакціонной комиссіи огромныхъ крестьянскихъ надѣловъ (??), говоритъ авторъ брошюры: — депутаты видѣли окончательное уничтоженіе дворянства... Кто безпристрастно прочелъ труды комиссіи, кто вникъ въ смыслъ ея главныхъ постановленій и обратилъ вниманіе на ея заключеніе, тотъ, конечно, найдетъ нерасположеніе депутатовъ къ редакціонной комиссіи вполнѣ естественнымъ... Редакціонная комиссія, составляя предположенія, мало заботилась о правахъ помѣщиковъ, и считала ихъ достояніе матеріей, изъ которой слѣдовало выкроить крестьянское благосостояніе... Что депутаты защищали интересы своего сословія это весьма естественно"...

Но если таковъ былъ взглядъ большинства депутатовъ на весьма умѣренныя, а часто даже и недостаточныя предначертанія редакціонной комиссіи въ пользу интересовъ народа, то можно ли было имѣть какую-либо надежду, что проектъ законоположеній по предмету крестьянской реформы, составленный собраніемъ депутатовъ отъ дворянства, былъ бы безпристрастнѣе и совершеннѣе проекта редакціонной комиссіи, и не сдѣлали ли либеральные депутаты, желавшіе оберегать интересы крестьянъ, большой политической ошибки подписавшись подъ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ?

Чѣмъ бы ни руководилось правительство, противодѣйствуя стремленіямъ дворянства создать изъ своихъ выборныхъ родъ законодательнаго собранія, но такое его противодѣйствіе было благодѣтельно въ отношеніи интересовъ народа и государства. Дворянству не слѣдовало давать положеніе судьи въ собственномъ дѣлѣ. Задачи преобразованія сельскаго быта были громадны, сложны, трудны, онѣ превышали силы правительства; ему пришлось обратиться за помощью къ единственному образованному сословію въ Россіи. Это сословіе, хорошо знакомое съ условіями сельской жизни, могло представить массу практическихъ указаній и сообщить о мѣстныхъ особенностяхъ нашего обширнаго отечества. Далѣе, это сословіе представляло изъ себя весьма разноцвѣтную массу: группа просвѣщенныхъ людей, ненавистниковъ крѣпостныхъ порядковъ, занимала въ этомъ сословіи столь же видное мѣсто, какъ и группа ярыхъ крѣпостниковъ. Правительство ожидало отъ просвѣщенной части общества указанія условій правильнаго разрѣшенія реформы и не ошиблось въ своихъ разсчетахъ. Дворянство было приглашено высказаться, черезъ посредство губернскихъ комитетовъ, а потомъ депутатовъ, и просвѣщенное меньшинство его указало правительству тотъ же путь, какой указала и литература. Такимъ образомъ

правительство извлекло изъ дворянства все, что это сословіе могло дать лучшаго. Но такъ какъ это лучшее защищалось лишь меньшинствомъ, то не слѣдовало создавать учрежденій въ которыхъ могли бы получить господство стремленія большинства. Каждый депутатъ имѣлъ возможность свободно высказать свое мнѣніе о трудахъ редакціонной комиссіи, и, такимъ образомъ, ни одна дѣльная мысль не была подавлена, не осталась неизвѣстной редакціонной комиссіи. А это и все, что нужно было для успѣха реформы въ виду тѣхъ жизненныхъ условій, какія представляло преобразованіе крестьянскаго быта.

Въ виду этихъ условій не требовалось даже большой проницательности, чтобы намѣтить правильный образъ дѣйствій либеральныхъ депутатовъ. Этимъ депутатамъ надлежало тѣсно примкнуть къ редакціоной комиссіи, бороться совмѣстно съ нею противъ предположеній большинства депутатовъ и, въ тоже время, вліять на комиссію съ цѣлью достигнуть измѣненія его заключеній, которыя либеральные депутаты находили неправильными и вредными для дѣла и, главнымъ образомъ—замѣны добровольнаго выкупа выкупомъ обязательнымъ. Вмѣсто такого образа дѣйствій, либеральные депутаты примкнули къ агитаціи противъ редакціонной комиссіи и тѣмъ ослабили, если не совсѣмъ устранили свое вліяніе на комиссію.

Вслѣдъ за высочайшимъ отвѣтомъ на всеподданнѣйшее ходатайство, депутаты собрались у графа Шувалова. На этомъ засѣданіи произошло уже разъединеніе. Сначала депутаты предполагали раздѣлиться для совѣщаній, по свойствамъ губерній, на двѣ части, именно, на представителей промышленныхъ и на представителей земледѣльческихъ губерній. Но это оказалось неудобнымъ. И въ той и въ другой части оказывались убѣжденія весьма различныя и даже одни другимъ противоположныя. Послѣ нѣсколькихъ общихъ собраній образовались сами собой три кружка. Одинъ преимущественно изъ членовъ отъ промышленныхъ губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской, Тверской и Харьковской, съ требованіемъ обязательнаго выкупа и съ надѣленіемъ крестьянъ землею „въ достаточномъ количествѣ“ [1]). *Другой* состоялъ изъ членовъ отъ Рязанской, Тамбовской, Саратовской, одного депутата отъ Воронежской, одного отъ Черниговской и московскаго депутата. Всѣ члены этого кружка были расположены къ выкупу, хотя не всѣ признавали необходимость его обязательности, нѣкоторые не соглашались также на надѣленіе крестьянъ вполнѣ достаточнымъ ко-

---

[1]) Авторъ лейпцигской брошюры, изъ которой мы заимствуемъ свѣдѣнія о частныхъ совѣщаніяхъ депутатовъ, не указываетъ цифры надѣла.

личествомъ земли. *Въ третьемъ*, всѣхъ менѣе единодушномъ кружкѣ участвовали депутаты отъ губерній: Полтавской, С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, по одному члену отъ Воронежской, Симбирской и Черниговской. Первые два кружка имѣли постоянныя собранія по два, по три и по четыре раза въ недѣлю, въ нихъ были обсужены всѣ труды редакціонной комиссіи. Послѣдній кружокъ не имѣлъ постоянныхъ собраній, вскорѣ распался, и его члены составляли свои замѣчанія каждый особо. Между ними были люди, изъ которыхъ одни желали полнаго освобожденія крестьянъ безъ земли, другіе требовали безсрочнаго пользованія съ переоцѣнкой земли или повинностей.

Депутатамъ были предложены письменные вопросы по докладамъ отдѣленій и сообщены вышедшіе изъ типографіи 8-го сентября „Труды редакціонныхъ комиссій перваго періода", въ трехъ книгахъ. Впрочемъ, эти труды были имъ уже извѣстны раньше, такъ какъ редакціонная комиссія во все время своихъ занятій разсылала свои работы, по мѣрѣ отпечатанія, по губерніямъ. Срокъ доставленія депутатами отвѣтовъ назначался, по инструкціи 11-го августа, „не позже одного мѣсяца со дня предъявленія имъ первыхъ вопросовъ", т.-е. съ 25-го августа, слѣдовательно, этотъ срокъ истекалъ 25-го сентября. Депутаты обратились къ председателю редакціонной комиссіи съ просьбой объ отсрочкѣ, на что послѣдовало высочайшее разрѣшеніе, и срокъ продленъ до 10 октября. Съ 30-го сентября депутаты приглашались въ редакціонную комиссію для словесныхъ совѣщаній. Совѣщанія эти продолжались до 31-го октября.

Во все это время враждебныя отношенія между депутатами и редакціонной комиссіей не прекращались. По городу постоянно ходила брань депутатовъ противу комиссіи. Членовъ комиссіи называли красными, демократами, врагами дворянства, соціалистами, и т. п. Либеральные же депутаты обвиняли редакціонную комиссію въ бюрократизмѣ, въ стремленіи водворить въ сельскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ чиновничье вмѣшательство. „Хотя „бережно", говорится въ лейпцигской брошюрѣ, скрывалось отъ депутатовъ будущее устройство какъ земской полиціи, такъ и мировыхъ судей (мировыхъ посредниковъ), однако, слухи насчетъ назначенія всѣхъ этихъ чиновниковъ не по выбору сельскаго населенія вообще, а по произволу губернаторовъ, слухи насчетъ чисто бюрократическаго устройства всего уѣзднаго управленія полиціи и суда, сильно волновали членовъ губернскихъ комитетовъ и представляли имъ въ будущемъ совершенную невозможность жить въ деревняхъ... Я убѣжденъ, что правительство не имѣетъ въ виду усилить и возвеличить чиновничій элементъ, и вовсе не желаетъ лишить сельское населеніе участія въ

мѣстномъ управленіи, расправѣ и судѣ; но оно таитъ свои предположенія, а потому естественно, что муха кажется слономъ, и что депутаты видятъ въ замыслахъ администраціи то, чего навѣрное въ нихъ вовсѣ и нѣтъ... Почему бы не сообщить депутатамъ работы комиссій объ уѣздныхъ учрежденіяхъ? Почему бы не потребовать отъ нихъ на оныя замѣчаній? Такое къ нимъ довѣріе значительно бы ихъ успокоило, устранило бы много раздраженія въ ихъ отношеніяхъ къ правительству и навѣрное доставило бы ему много дѣльныхъ замѣчаній".

Агитація въ Петербургѣ депутатовъ, ихъ обвиненія на редакціонную комиссію, жадно подслушиваемыя и всюду повторяемыя безъ того уже враждебною редакціонной комиссіи публикой, не могли не имѣть вліянія на воспріимчивую и непривыкшую къ борьбѣ натуру Ростовцева. Въ концѣ октября онъ заболѣлъ желчною лихорадкой, которая вскорѣ положила его въ постель, а въ началѣ 1860 г. свела его въ могилу.

Нѣсколько дней спустя послѣ пріема депутатовъ въ Царскомъ Селѣ, Государь отправился путешествовать. Такъ что вся эта агитація противъ редакціонной комиссіи происходила въ отсутствіе Государя. Возвращенія ожидали къ 25 октября. Носились слухи, что противъ Ростовцева и комиссіи готовится гроза. Говорили, что шефомъ жандармовъ, кн. Долгоруковымъ, послана навстрѣчу Государя какая-то записка противъ редакціонной комиссіи. Всѣ тайные и явные недоброжелатели реформы и предначертаній редакціонной комиссіи были въ движеніи, подстрекая депутатовъ къ рѣшительной демонстраціи. (Матер. для ист. упразд. крѣп. сост. т. II, гл. V).

Между тѣмъ, эти послѣдніе получили отъ министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомленіе, что, за представленіемъ ими требовавшихся отъ нихъ отзывовъ, дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Петербургѣ болѣе для нихъ необязательно. Слѣдуя вліяніямъ и собственнымъ побужденіямъ, депутаты рѣшились, передъ выѣздомъ, попробовать нанести послѣдній ударъ редакціонной комиссіи.

Послѣдовало нѣсколько общихъ собраній депутатовъ: на первомъ было рѣшено подать адресъ Государю; на второмъ разсматривались написанные нѣкоторыми проекты адресовъ, но они были устранены; въ прежнемъ засѣданіи былъ представленъ рязанскимъ депутатомъ Кошелевымъ проектъ адреса, единогласно одобренный, такого содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„По Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества мы разсмотрѣли первоначальные матеріалы, составленные редакціонными комиссіями по крестьянскому дѣлу, и представили

предсѣдателю оныхъ наши объясненія и соображенія. Разногласіе въ мнѣніяхъ между означенными комиссіями и нами значительно, даже существенно. Къ тому же важная часть ихъ работъ еще не могла быть нами обсужена: порядокъ введенія новаго положенія еще не предположенъ; докладъ о казенныхъ повинностяхъ еще не оконченъ; составъ и кругъ дѣйствія мѣстныхъ учрежденій, имѣющихъ рѣшать всѣ дѣла между помѣщиками и крестьянами, еще не опредѣлены, почему обязанности, налагаемыя на насъ довѣріемъ Вашего Императорскаго Величества и сословія, къ коему мы принадлежимъ, рѣшають насъ всеподданнѣйше просить о нижеслѣдующемъ:

1. Дозволить намъ разсмотрѣть окончательные труды редакціонныхъ комиссій, до поступленія ихъ на обсужденіе главнаго комитета, и

2. Даровать намъ возможность представить сему комитету изустныя объясненія въ подтвержденіе изложенныхъ нами мнѣній.

„Искренно и глубоко сочувствуя великому преобразованію, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ предпринятому, и желая, чтобы оно, для блага отечества нашего, совершилось мирно и удовлетворительно для обоихъ сословій, въ семъ дѣлѣ преимущественно заинтересованныхъ, мы дерзаемъ сію нашу всеподданнѣйшую просьбу повергнуть къ стопамъ нашего Всемилостивѣйшаго Государя". (Матер. для ист. упразд. крѣп. сост. т. II, стр. 167).

Депутаты, разсказываетъ намъ авторъ лейпцигской брошюры, собрались на другой день для подписанія этого адреса, на бѣло переписаннаго; но вдругъ возникли опасенія и недоумѣнія. Не слишкомъ ли онъ рѣзокъ? Не изложена ли просьба слишкомъ требовательно? Не лучше ли оставить большій просторъ удовлетворенію просьбы депутатовъ? Хотя большинство было за прежде одобренный адресъ, но нѣкоторые члены объявили, что они его подписать не могутъ, и въ удовлетвореніе ихъ, приступлено было къ составленію новаго адреса. Послѣ долгихъ толковъ, исправленій и измѣненій, вышелъ слѣдующій адресъ, котораго вполнѣ не одобрялъ никто, но который былъ подписанъ всѣми. Какъ на губернскихъ выборахъ попадаютъ иногда въ губернскіе предводители люди, которыхъ никто для этого званія не имѣлъ въ виду—такъ состоялся и этотъ адресъ, который авторъ брошюры называетъ *глумовымъ*. Вотъ его содержаніе:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Какъ члены отъ дворянскихъ комитетовъ, мы исполнили Высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества и представили наши заключенія и соображенія на первоначальные труды редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу.

„Различествуя между собою въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ, мы пришли, однако, къ тому общему заключенію, что предположенія редакціонныхъ комиссій, въ настоящемъ ихъ видѣ, не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе тѣхъ основныхъ началъ, которыя съ благоговѣйною готовностью дворянство приняло въ руководство по крестьянскому дѣлу.

„Ревнуя оправдать довѣріе Всемилостивѣйшаго нашего Государя и имѣя въ виду, что объясненія и соображенія наши относятся только къ первоначальнымъ матеріаламъ упомянутыхъ комиссій, мы дерзаемъ всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о томъ, чтобы дозволено было намъ представить наши соображенія на окончательные труды редакціонныхъ комиссій до поступленія ихъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу". (Матер. для ист. упразд. крѣп. сост. т. II, стр. 169).

Изъ 36 депутатовъ подписали адресъ 18 человѣкъ. Отсутствіе подписей остальныхъ депутатовъ объясняется слѣдующими причинами: семеро выѣхали изъ Петербурга тотчасъ послѣ подачи своихъ замѣчаній и отвѣтовъ. Четверо, находившіеся на государственной службѣ, вовсе не участвовали въ депутатскихъ собраніяхъ. Одинъ пріѣхалъ въ собраніе, когда адресъ былъ уже отвезенъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Симбирскій депутатъ, г. Шидловскій, подалъ особый адресъ. Другой особый адресъ подали слѣдующіе пять депутатовъ: Тверской—г. Унковскій, Харьковскіе: гг. Хрущевъ и Шретеръ, и Ярославскіе: гг. Дубровинъ и Васильевъ.

Приводить длинное всеподданнѣйшее письмо г. Шидловскаго мы не будемъ, такъ какъ, подписанное лишь однимъ, оно по этому самому не представляетъ особеннаго значенія. И притомъ достаточно нѣсколько словъ, чтобы охарактеризовать его сущность. Г. Шидловскій прежде всего осуждаетъ вызовъ депутатовъ отъ меньшинствъ въ комитетахъ, такъ какъ они не представляютъ собою настоящихъ желаній и мнѣній дворянства. Далѣе, онъ жалуется, что редакціонная комиссія отвергла безъ всякихъ доказательствъ „Положенія" губернскихъ комитетовъ и составила предположенія не только не примѣнимыя къ Россіи, но и заставляющія опасаться за сохраненіе общественнаго порядка. Предположенія редакціонной комиссіи основаны на видимомъ стремленіи уничтожить сословное и имущественное значеніе дворянства, которое всегда было первымъ оплотомъ порядка и тѣхъ началъ, подъ сѣнію коихъ Россія доживаетъ свое тысячелѣтіе. „Въ виду такой опасности, продолжаетъ онъ:—и очевиднаго наплыва западныхъ идей, стремящихся къ потрясенію порядка въ государствѣ, сліяніе самодержавія съ дворянствомъ, какъ первымъ и самымъ естественнымъ

охраненіемъ Престола и Отечества—необходимо, Государь!.. Удостой призвать, Государь, къ поднятію Престола Твоего нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства и кончи, подъ личнымъ Твоимъ, Государь, предсѣдательствомъ дѣло, которое составитъ славу Царствованія Твоего". Это письмо было передано Государемъ министру внутреннихъ дѣлъ съ слѣдующей надписью: „вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ". (Ibid, стр. 176—180).

Адресъ, подписанный пятью депутатами, весьма характеристиченъ. Изъ него видно, введеніе какихъ реформъ считала либеральная часть нашего общества необходимымъ для благополучнаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла и преуспѣянія общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ адресѣ нѣтъ уже даже и намека на предоставленія выборнымъ отъ дворянства передѣлать постановленія редакціонной комиссіи, а только высказывается мнѣніе, что желательно измѣнить въ этихъ постановленіяхъ. Вотъ содержаніе этого адреса:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Державнымъ словомъ Вашего Императорскаго Величества объ освобожденіи крестьянъ, Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ въ исторіи нашего отечества. Ему предстоитъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій.

„Первый истекаетъ изъ любви Вашей, Государь, къ Россіи и ея счастію.

„Второй можетъ быть послѣдствіемъ неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа.

„Въ неизрѣченной милости Вашей, великодушный Монархъ къ дворянству, Вы призвали наше сословіе къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразовать бытъ земледѣльцевъ.

„Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданнически высказать Вашему Величеству мнѣнія наши о направленіи, полученномъ крестьянскимъ дѣломъ.

„Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ вамъ, Государь, и живой преданности къ Престолу и Отечеству.

„Да будетъ надъ нами судъ Вашего Величества.

„Согласно Высочайше утвержденной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ инструкціи, мы представили въ редакціонныя комиссіи наши подробныя соображенія и замѣчанія, но изъ внимательнаго изученія заключеній комиссій, мы убѣдились, что увеличеніемъ на-

дѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній, помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ; и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами, и когда сдѣлаются собственниками, ибо свобода личная не возможна безъ свободы имущественной.

„Въ установленыхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословій.

„Вѣруя въ благодушіе Вашего Величества, зная волю Вашу, Государь, чтобъ Россія шла путемъ мирнаго развитія, убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность, и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администрацiи, полиціи и суда, мы дерзаемъ, Государь, всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о нижеслѣдуещемъ:

1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

3. Учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства, и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ, и

4. Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

„Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше, Государь, наши откровенныя убѣжденія, въ полномъ унованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльной любви къ Престолу и Отечеству. (Ibid. стр. 172).

По полученіи этихъ адресовъ, Государь приказалъ разсмотрѣть ихъ въ главномъ комитетѣ. По разсмотрѣніи адресовъ, главный комитетъ постановилъ сдѣлать подписавшимъ адресы выговоръ черезъ губернаторовъ, съ оставленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ особымъ надзоромъ мѣстнаго начальства. (Ibid. стр. 187).

Это постановленіе правительства возбудило ропотъ неудовольствія не только въ средѣ дворянства, но и во всей либеральной части общества. Въ этомъ постановленіи всѣ увидѣли преслѣдованія за одно лишь свободное выраженіе мысли; увидѣли возвращеніе къ старому времени, когда *слово человѣческое считалось дерзостью, и мысль сама по себѣ подозрительной;* что думать и говорить (т. е. приказывать) должно только правительство, для подданнаго это роскошь и ведетъ лишь къ пересудамъ дѣла, *не касающагося до него.* Такое впечатлѣніе имѣло это постановленіе тѣмъ болѣе, что конецъ 1859 года былъ ознаменованъ правительственными распоряженіями и дѣйствіями, въ которыхъ всѣ усматривали признаки приближающейся реакціи. Объ этихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ умѣстнѣе будетъ сказать при изложеніи демонстрацій въ дворянскихъ собраніяхъ въ началѣ 1860 года. Пока замѣтимъ только, что эти дѣйствія, главнымъ образомъ, состояли въ усиленіи цензуры надъ печатью, въ запрещеніи журналовъ и газетъ, въ изданіи правилъ, *à la Магницкій*, для студентовъ университетовъ, въ начавшихся политическихъ арестахъ и административныхъ ссылкахъ по самымъ пустымъ предлогамъ. Высшіе правительственные посты занимали люди прежняго царствованія, и имъ было ново, непривычно, казалось опаснымъ начавшееся возбужденіе общественной самодѣятельности, нѣкоторое, по правдѣ сказать, самое ничтожное, расширеніе свободы слова. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ быстро начали исчезать ожиданія отъ правительства либеральной политики, которыми было проникнуто образованное общество въ первые четыре года нынѣшняго царствованія. Такое измѣнившееся настроеніе общества вело за собой и ослабленіе довѣрія къ трудамъ редакціонной комиссіи, какъ правительственнаго органа. Распространенію этихъ опасеній особенно способствовало то обстоятельство, что цензурѣ, вопреки желанію Ростовцева, было приказано не допускать разборы трудовъ редакціонной комиссіи. Такимъ образомъ, та сила, которая по своимъ стремленіямъ всего роднѣе была духу трудовъ редакціонной комиссіи, принуждена была молчать и правительство само лишило себя сильнаго адвоката въ самомъ важномъ изъ преобразованій. Но и тѣ, которые имѣли возможность близко ознакомиться съ трудами редакціонной комиссіи, знали благія ея намѣренія, опасались, что работы комиссіи будутъ существенно измѣнены, въ ущербъ народу,

главнымъ комитетомъ. Что и дѣйствительно случилось, какъ увидимъ ниже. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не переставали ходить слухи, что не совсѣмъ оставлено еще предположеніе главнаго комитета объ учрежденіи по всей Россіи генералъ-губернаторовъ и военной уѣздной полиціи, и передачи всѣхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ и другихъ земскихъ дѣлъ въ руки чиновниковъ. Надо читать заграничныя корреспонденціи этого времени, чтобы понять, какое сильное разочарованіе, какая грусть охватила просвѣщенное русское общество.

Но подавить реакціею разлившіяся въ обществѣ стремленія къ самодѣятельности, къ свободному проявленію мысли и силъ было уже невозможно. Новая среда, подкрадывавшаяся незамѣтно со времени Александра I, среда, вмѣстившая въ себя образованіе, университеты, всю умственную дѣятельность, книги, представляла уже значительный элементъ въ русской жизни. Въ этой средѣ начались броженія и протесты. Какъ всегда въ странахъ, гдѣ нѣтъ политической жизни, университетская молодежь первая выступаетъ съ протестами, такъ случилось и у насъ. Произошли безпорядки въ университетахъ. Стали образовываться тайные кружки. Въ то же время на дворянскихъ собраніяхъ губерній: Тверской, Рязанской, Владимірской, Ярославской, Орловской произошли демонстраціи по поводу взысканій, наложенныхъ на подписавшихъ адресы, и новаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, коимъ запрещалось дворянству на предстоящихъ выборахъ имѣть сужденіе по предметамъ, до крестьянскаго вопроса касающимся. Такъ какъ эти демонстраціи относятся уже къ 1860 году, то они будутъ изложены въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, въ связи съ другими современными имъ событіями. Теперь же скажемъ только нѣсколько словъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на депутатовъ и дворянство правительственными рѣшеніями на адресы, и какіе толки возбудили эти рѣшенія въ дворянской средѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ авторъ лейпцигской брошюры.

„Губернаторскія отношенія съ выговорами подписавшимъ адресы и отдачею нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства, распространенныя въ безчисленномъ множествѣ копій, произвели на дворянство самое раздражающее дѣйствіе. Ни „К....“, ни всѣ прочія запрещенныя книги не могли совершить того, что сдѣлали эти копіи. Всѣ заговорили: у насъ отнимаютъ принадлежащихъ намъ людей и даже часть крѣпостныхъ нашихъ земель, а за нами не хотятъ признать даже права обращаться къ правительству съ просьбами за общимъ подписомъ! Чего можно было прежде лишать насъ подкупленныхъ выгодами крѣпостного права, въ томъ теперь невозможно намъ отказывать. Теперь бояться и терять намъ нечего.

Пусть устранятъ насъ отъ мѣстнаго управленія и тогда мы увидимъ послѣдствія управленія чиновниками.

„И прежде дворянство было недовольно нѣкоторыми дѣйствіями правительства по крестьянскому вопросу; но, по крайней мѣрѣ, просвѣщенное меньшинство помѣщиковъ стояло на сторонѣ правительства и сильно ратовало въ его пользу. Теперь и этимъ послѣднимъ зажатъ ротъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могли они противопоставить слѣдующимъ соображеніямъ и толкамъ: возможно ли ставить депутатамъ въ вину, что они позволили себѣ, путемъ всеподданѣйшаго ходатайства, высказать свои мнѣнія на возможность измѣненій въ предположеніяхъ редакціонной комиссіи, и особенно въ дѣлѣ такой колоссальной важности, какъ полное преобразованіе сельскаго быта? Къ чему было теперь, при новыхъ, вполнѣ измѣнившихся обстоятельствахъ, выдвигать опять обветшалую непогрѣшимость власти? Другія времена—другія начала; а потому должны быть и иные нравы, иные обычаи. Провозглашенное уничтоженіе крѣпостного права какъ бы захлопнуло дверь—такъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ожидать—за прежними временами.

„Въ какой степени неполитичны, во вредъ правительству, были упомянутыя рѣшенія главнаго комитета, это видно уже изъ того, что для депутатовъ сдѣланные имъ выговоры получали значеніе медалей *за усердіе*. Дворянство вообще не было довольно дѣйствіями своихъ депутатовъ въ Петербургѣ, ибо находило, что они тамъ вели себя слишкомъ уклончиво; сдѣланные имъ выговоры убѣляли депутатовъ, и неудовольствіе противъ бюрократизма отъ того усиливалось и углублялось. Враждебное чувство противъ бюрократіи, говоритъ авторъ брошюры, въ Москвѣ и во внутренности Россіи ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства: нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ".

И авторъ брошюры оказался правъ въ своемъ предвидѣніи.

Въ настоящей главѣ были указаны главныя начала, положенныя редакціонной комиссіей въ основаніе работъ; характеръ проектовъ „Положеній" губернскихъ комитетовъ; составъ депутатовъ, раздѣленіе ихъ на группы и отношенія ихъ къ редакціонной комиссіи. Задача непосредственно слѣдующаго изложенія изобразить: какъ разрѣшали губернскіе комитеты, редакціонная комиссія и депутаты четыре коренные вопроса преобразованія: 1) о правѣ собственности крестьянъ на землю, 2) надѣлы и повинности, 3) выкупъ, 4) власть помѣщиковъ надъ крестьянами; чѣмъ мотивировали они свои предположенія; какое вліяніе оказали соображенія и притязанія депута-

товъ на измѣненіе редакціонной комиссіею первоначально составленныхъ ею предположеній. Только послѣ обстоятельнаго знакомства съ исторіею развитія и окончательнаго разрѣшенія этихъ четырехъ коренныхъ вопросовъ можно составить ясное, отчетливое представленіе о стремленіяхъ дворянства, о роли губернскихъ комитетовъ, депутатовъ, редакціонной комиссіи и другихъ правительственныхъ органовъ въ дѣлѣ крестьянской реформы. Сверхъ того, обстоятельное знакомство съ матеріалами и способами окончательнаго разрѣшенія крестьянской реформою вопросовъ о надѣлѣ, повинностяхъ и выкупѣ имѣетъ еще свою спеціальную важность: Во-первыхъ, оно служитъ для выводовъ о крестьянскомъ землевладѣніи и крестьянскихъ повиностяхъ *до* и *послѣ* уничтоженія крѣпостного права. Во-вторыхъ, зная, какія фактическія предположенія о цѣнности земли послужили основаніемъ для опредѣленія размѣровъ выкупныхъ платежей по разнымъ полосамъ и мѣстностямъ Россіи, можно изслѣдовать, насколько современная дѣйствительность разошлась съ предположеніями правительства въ дѣлѣ соразмѣрности выкупныхъ платежей съ цѣнностью земли, откуда и исходятъ заявленія о необходимости и справедливости переоцѣнки выкупа. Но предварительно изложенія указанныхъ вопросовъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о депутатахъ второго призыва, и вотъ по какимъ основаніямъ:

Выше было замѣчено, что депутаты были разбиты на двѣ группы вслѣдствіе неодновременнаго окончанія работъ въ губернскихъ комитетахъ. Депутаты второго призыва прибыли въ Петербургъ спустя четыре мѣсяца по окончаніи дѣятельности депутатовъ перваго призыва. А потому, если держаться хронологическаго порядка изложенія, пришлось бы излагать два раза совѣщанія редакціонной комиссіи съ депутатами по вопросамъ преобразованія. Чтобы избѣжать этого неудобства, мы дадимъ отчетъ о мнѣніяхъ депутатовъ одновременно по обѣимъ группамъ. Но для этого нужно теперь же сообщить читателю самыя необходимыя свѣдѣнія о депутатахъ второго призыва. Болѣе подробный очеркъ дѣятельности этихъ депутатовъ въ Петербургѣ будетъ сдѣланъ при изложеніи исторіи крестьянской реформы въ 1860 году.

Число вызванныхъ депутатовъ второго призыва было 45 человѣкъ. Изъ нихъ представителями комитетскихъ меньшинствъ было 8 человѣкъ отъ губерній: Вологодской, Витебской, Калужской, Курской, Орловской, Самарской и Тульской.

Изъ Москвы была послана депутатамъ безъименная записка, подъ заглавіемъ: „Письмо депутата перваго призыва къ депутатамъ второго приглашенія“ [1]). Всѣ знали, что авторъ этой записки тотъ

[1]) Письмо это напечатано во II томѣ „Матер. для исторіи упраздн. крѣп. сост. въ Россіи“.

же, что лейпцигской брошюры. Записка эта слишкомъ пространна, чтобы приводить ее цѣликомъ. Мы укажемъ только на тѣ мѣста ея, гдѣ проводятся не личныя мнѣнія автора, а дѣлаются указанія на взгляды по крестьянскому дѣлу, упрочившіеся къ этому времени среди значительной части депутатовъ перваго приглашенія и дворянства. Причемъ изъ депутатовъ перваго призыва одни держались приводимыхъ нами изъ записки взглядовъ съ самаго начала своей дѣятельности еще въ губернскихъ комитетахъ, а другіе пришли къ нимъ въ виду настроенія и все болѣе увеличивавшихся притязаній и ожиданій народа, все большаго и большаго разъясненія природы крестьянскаго вопроса литературою и вообще передовою русскою мыслью и, наконецъ, въ виду постановленій редакціонной комиссіи.

Авторъ записки прежде всего совѣтуетъ депутатамъ не развлекаться мелочами, но сосредоточить свои удары на нѣсколькихъ главныхъ, самыхъ существенныхъ положеній, на которыхъ покоится все зданіе, воздвигнутое редакціонной комиссіею. Самыя вредныя изъ главныхъ положеній, принятыхъ редакціонной комиссіею, авторъ записки, вмѣстѣ съ значительной частью своихъ единомышленниковъ, депутатовъ, считалъ слѣдующія:

„Первое, основное, противузаконное и для всѣхъ крайне невыгодное положеніе, принятое редакціонною комиссію, говоритъ онъ:— есть отдача помѣщичьихъ земель крестьянамъ въ безсрочное пользованіе за неизмѣнныя повинности.—Мы опровергли всѣ представленные комиссіею доводы въ пользу законности, справедливости и выгодъ предполагаемой мѣры, и доказали, что одинъ выкупъ приводитъ въ исполненіе благія намѣренія Государя Императора насчетъ упроченія осѣдлости за крестьянами, не нарушая при томъ правъ собственности, доставляя собственникамъ то вознагражденіе, на которое по законамъ они имѣютъ право. Возобновлять пренія по этому предмету безполезно; сама редакціонная комиссія сознала незаконность принятаго ею положенія и, при словесныхъ нашихъ преніяхъ въ ея засѣданіяхъ, она, въ оправданіе свое, ссылалась какъ на государственную необходимость этой мѣры, такъ и на то, что, въ журналѣ своемъ, № 38-й, она почти допустила обязательный выкупъ.—Вамъ надлежитъ теперь сказать по этому предмету единодушное слово. Можно было стоять и за невыпускъ, и за выпускъ добровольный, пока освобожденіе крестьянъ было дѣломъ келейнымъ и не вполнѣ уясненнымъ, но теперь, послѣ разработки этого вопроса въ редакціонной комиссіи, въ явный ущербъ дворянства, послѣ выпуска ея трудовъ въ количествѣ болѣе 3,000 экземпляровъ, и послѣ предположенія для барщины правилъ невозможныхъ, а для оброка начала его неизмѣнности, теперь одинъ

исходъ изъ затрудненій, представляемыхъ освобожденіемъ крестьянъ съ землею, есть выкупъ, и притомъ не иной какой, а просто-на-просто обязательный. Выкупъ добровольный есть или не сбыточная мечта благодушія, или замаскированное личное безземельное освобожденіе крестьянъ. Теперь тѣшить себя надеждой, что въ Россіи можно освободить крестьянъ безъ земли непозволительно, скажу болѣе—преступно. Еще можно было прежде увлекаться подобными фантазіями: многіе вовсе не знали, что такое русскій крестьянинъ; многіе думали, что его такъ же легко пожаловать въ бездомники, какъ эстонца или ливонца; сверхъ того, къ появленію этой остзейской или англійской аристократической мысли могло способствовать то обстоятельство, что слова „освобожденіе, уничтоженіе крестьянской зависимости, надѣленіе крестьянъ землею въ безсрочное пользованіе, неизмѣнность повинностей и проч.“, почти вовсе и никѣмъ не произносились у насъ въ Россіи и что смыслъ ихъ извѣстенъ былъ народу только въ силу однихъ желаній, хотя и горячихъ, но довольно неясныхъ. Теперь дѣло совершенно иное: съ высоты престола высказана благая, глубоко-истинная мысль, что крестьянинъ долженъ быть освобожденъ съ землею; многіе изъ дворянъ горячо взялись за распространеніе и утвержденіе этой великой истины; редакціонная комиссія развила ее до послѣднихъ крайностей. Неужели теперь еще можно быть за освобожденіе крестьянъ безъ земли? Нѣтъ! Теперь можно и должно хлопотать лишь объ одномъ: сохранить за крестьянами всѣ выгоды, предоставляемыя имъ редакціонною комиссіею; сверхъ того, наградить ихъ новыми выгодами, истекающими изъ выкупа; но все это произвести на счетъ помѣщиковъ, не съ отягощеніемъ крестьянъ, а посредствомъ государственнаго кредита, который, въ свою очередь, отъ того не только не долженъ пострадать, а напротивъ того, имѣетъ подняться и укрѣпиться. Въ этомъ заключается единственное средство противодѣйствовать гибельной теоріи редакціонной комиссіи объ отдачѣ земли крестьянамъ въ безсрочное пользованіе за неизмѣнныя повинности. Теперь возможенъ выборъ только между двумя путями: одинъ предлагается редакціонною комиссіею, но на немъ встрѣтятся запутанныя, многосложныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, борьба между этими сословіями, великія затрудненія помѣщиковъ по устройству вольнонаемныхъ хозяйствъ, нерадостный для крестьянъ вѣчный чиншъ, безъ отдѣленія изъ него части на постепенное пріобрѣтеніе земли въ собственность, и проч. Другой путь есть выкупъ; онъ долженъ намъ доставить вознагражденіе за то, что мы уступаемъ, устроить простыя и положительныя отношенія землевладѣльцевъ къ людямъ, вполнѣ свободнымъ, окончательно разрѣшить вопросъ

объ освобожденіи крестьянъ и проч. Не могу думать, чтобъ изъ васъ кто-либо сталъ колебаться въ избраніи послѣдняго пути. Теоріи о вѣчномъ чиншѣ, о вотчинныхъ правахъ и проч. должны быть рѣшительно сданы въ архивъ и не путать болѣе нашихъ понятій при толкахъ о крестьянскомъ вопросѣ. Многія губерніи еще прежде объявили себя за выкупъ обязательный; теперь другія губерніи подаютъ въ пользу его свои голоса. *Вамъ предлежитъ единодушно и настойчиво просить о выкупѣ обязательномъ*; всякое ваше разногласіе по этому дѣлу будетъ проступкомъ предъ Россіею настоящаго и будущаго.

„Второе весьма важное предположеніе, противъ котораго необходимо вамъ дружно возстать, есть огромный просторъ, допущенный редакціонною комиссіею между высшими и низшими крестьянскими надѣлами. Отсюда вышли произвольныя, а по нѣкоторымъ мѣстностямъ и ни съ чѣмъ несообразныя maximum'ы. Мы рѣзко и единодушно возстали противъ этого предположенія редакціонной комиссіи, доказывая, что оно несогласно съ требованіемъ высочайшихъ рескриптовъ, противно единогласному желанію всѣхъ губернскихъ комитетовъ и содержитъ въ себѣ нарушеніе правъ собственности, не вынужденное никакою государственною необходимостью. Но, къ сожалѣнію, мы сами ослабили дѣйствіе нашихъ доводовъ и усилій; согласные между собою въ опроверженіи правилъ по сему предмету, принятыхъ редакціонною комиссіею, мы вполнѣ разошлись въ томъ, чѣмъ ихъ слѣдовало замѣнить. Одни признавали необходимость утвержденія за крестьянами существующаго поземельнаго надѣла въ границахъ разумныхъ maximum'а и minimum'а; другіе требовали для крестьянъ нормальныхъ надѣловъ, достаточныхъ для обезпеченія крестьянскаго существованія; многіе же сокращали мірскія земли до того, что давали крестьянамъ земли какъ будто только на образчикъ. Такое наше разногласіе было весьма отрадно и забавно для редакціонной комиссіи, и она опровергала доводы депутатовъ по сему предмету одной губерніи доказательствами и мнѣніями депутатовъ смежной губерніи. Будьте увѣрены, что теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, возможно отступить отъ начала существующаго надѣла. Всегда въ пользу его было много доводовъ: и удобства по опредѣленію величины надѣловъ, и по размежеванію, и то, что крестьяне безусловно стоятъ за сохраненіе въ своемъ владѣніи тѣхъ земель, которыми они нынѣ пользуются; но теперь, сверхъ того, есть обстоятельство, крайне важное, которое окончательно говоритъ за существующій надѣлъ: это начало, т. е. начало существующаго надѣла, положительно провозглашено редакціонною комиссіею, сильно поддерживается нѣкоторыми изъ помѣщиковъ и составляетъ

задушевное желаніе крестьянъ; какъ же ихъ лишить благъ, которыя оно имъ обѣщаетъ? Прежде это было опасно; теперь это совершенно невозможно. Редакціонная комиссія составила произвольныя выписки изъ недостаточныхъ, губернскими комитетами доставленныхъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ; изъ этого вышли по многимъ губерніямъ и уѣздамъ странные, ни съ чѣмъ несообразные высшіе надѣлы. Депутатамъ нужно стоять за существующіе надѣлы, но съ измѣненіемъ maximum'а, опредѣленнаго редакціонною комиссіею.

„Теперь подхожу я къ самому важному пункту — къ тому, на который главнѣйше должны быть обращены ваши заботы и усилія. Права помѣщиковъ на людей отмѣняются; немногіе изъ насъ, конечно, будутъ скорбѣть о нихъ; вскорѣ всѣ должны почувствовать, что не одни крестьяне и дворовые люди, а что и мы освобождаемся отъ крѣпостной зависимости. Иго, подъ которымъ одни держатъ другихъ, порабощаетъ самихъ поработителей; снятіе его съ нашихъ людей должно на насъ имѣть самое благое дѣйствіе: мы возвратимъ себѣ наши человѣческія и гражданскія права во всей ихъ полнотѣ... Но вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостного права, часть нашихъ земель имѣетъ отойти въ безповоротное пользованіе крестьянъ; это дѣло совершенно иное. Земля есть обильнѣйшій и вѣрнѣйшій источникъ богатства и власти; лишась части земли, мы лишаемся части нашего богатства и власти. За первую мы должны быть вознаграждены деньгами, которыя освободятъ насъ отъ долговъ кредитнымъ установленіямъ и дадутъ намъ возможность поставить наше хозяйство на вольнонаемный ладъ. Но чѣмъ вознаграждены мы будемъ за потерю власти? Доселѣ права дворянства по владѣнію имѣніями, по выборамъ и совѣщаніямъ, были крайне неопредѣленны и невѣрны. Можно сказать, что собственно мы правъ не имѣли, а пользовались нѣкоторыми привилегіями по упомянутымъ статьямъ... Всю власть, все значеніе захватила бюрократія, которая своевольствовала, угнетала народъ вездѣ и всячески и припрягала къ себѣ дворянство чинами, званіями и жалованіями. Дворянство было тѣстомъ, изъ котораго преимущественно пеклись чиновники; подкладкою, которою подбивалась мантія бюрократіи, и архивомъ, куда сдавались неудавшіеся и престарѣлые чиновники. Званіе, владѣющее одною третьею всего населенія и чуть-чуть не половиною всѣхъ земель Европейской Россіи, наполняющее собою почти всѣ правительственныя и судебныя мѣста и пользовавшееся разными преимуществами — это привилегированное званіе не имѣло почти никакой силы, никакого значенія въ государствѣ. Какая тому причина? Очень простая, безпочвенность дворянскаго положенія. *Сами по себѣ* мы быть не

могли; отъ народа отдѣляли насъ ненавистныя для него наши привилегіи, а правительство, всегда сознававшее, что въ Россіи сила въ совокупности народа, а не существующихъ сословіяхъ, покровительствовало намъ только *изъ милости*. Теперь это должно измѣниться: какъ право владѣть людьми отмѣняется, какъ почти половина нашихъ земель должна отъ насъ отойти и какъ многія наши привилегіи должны рушиться сами собою, то чѣмъ же мы будемъ? Неужели мы всѣ кинемся въ колесницу бюрократіи, захотимъ туда вскарабкиваться и въ ней прогуливаться по головамъ отставшаго населенія? Но такая мостовая ненадежна и слишкомъ легко перекувырнуться не намъ однимъ, а и всему государственному устройству. Одно спасеніе для насъ, для народа и для государства есть принятіе нами благого рѣшенія присоединиться къ народу, слиться съ нимъ и стать во главѣ его. Этого требуютъ выгоды народа, нуждающагося въ предводительствѣ, выгоды собственныя наши, ибо одни мы слишкомъ много- или малочисленны, а потому немочны; наконецъ, выгоды государства, самого самодержавія, могущаго быть сильнымъ только при единствѣ его съ совокупностью народа русскаго. Но все это возможно только при условіяхъ: во-первыхъ, безобиднаго и окончательнаго рѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, во-вторыхъ, самостоятельности народа и въ-третьихъ, ограниченія бюрократіи и усиленія мѣстнаго самоуправленія. О первыхъ двухъ статьяхъ я уже достаточно говорилъ въ моемъ письмѣ, здѣсь считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о мѣстномъ самоуправленіи, единственномъ исходѣ изъ своеволія бюрократіи, изъ угнетенія чиновничьяго, церковничьяго, помѣщичьяго, купеческаго и мѣщанскаго... Для землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ одно обезпеченіе противъ своеволій мѣстнаго управленія есть собственное ихъ избраніе ближайшихъ къ нимъ должностныхъ лицъ, домашній надзоръ за ними и отвѣтственность ихъ не одному отдаленному правительству, а непосредственно окружающему ихъ народонаселенію. Въ трудахъ редакціонной комиссіи мы не находимъ, къ великому нашему прискорбію, ничего для насъ успокоительнаго въ семъ отношеніи. Тамъ всѣ дѣла, административныя, хозяйственныя и судебныя, въ окончательной инстанціи, поручены лицу или мѣсту еще не существующему. Но что это будетъ за лицо или мѣсто? Въ этомъ заключается вся сущность дѣла. Намъ, депутатамъ перваго призыва, не показали ни офиціально, ни даже частно проекта о преобразованіи уѣзднаго управленія. Слухи ходили и ходятъ самые тревожные. Говорятъ, что и мѣстная полиція, и уѣздное управленіе, и мировые судьи (посредники) будутъ по назначенію администраціи, т. е. начальниковъ губерній. Ну, что тогда дѣлать и намъ,

и крестьянамъ? Крестьяне окажутся неосвобожденными отъ крѣпостной зависимости и мы въ нее попавшими. Эту бѣду, горшую изъ всѣхъ бѣдъ, необходимо устранить. Въ этомъ заключается вашъ самый неотложный и самый существенный долгъ. Не полагайтесь по этому дѣлу на слова и увѣренія бюрократіи. Она будетъ угощать васъ вѣжливостями и фразами, и потомъ сама будетъ надъ вами смѣяться и обвинять васъ въ томъ, въ чемъ одна она виновата; вамъ необходимо обратиться по сему предмету со всеподданнѣйшею просьбою и ходатайствовать о сообщеніи вамъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ по преобразованію уѣзднаго управленія и по учрежденію мировыхъ судей (посредниковъ). *Предоставленіе права самоуправленія мѣстностямъ, представляемымъ не однимъ, а всѣми состояніями, въ нихъ живущими; отвѣтственность должностныхъ лицъ не предъ однимъ отдаленнымъ правительствомъ, а и предъ окружающимъ ихъ населеніемъ, и устройство суда гласнаго и изустнаго—вотъ наши кровныя нужды*, безъ удолетворенія которыхъ и самое освобожденіе крѣпостныхъ людей не принесетъ пользы ни крестьянамъ, ни государству. На этомъ стойте пуще всего, и если достигнете этого, *то все остальное придетъ само собою*".

Эти совѣты автора „записки" о единодушіи и согласіи въ дѣятельности и требованіяхъ не достигли цѣли, депутаты второго призыва разошлись въ своихъ мнѣніяхъ, представленныхъ редакціонной комиссіи. Правда, составилось большинство, но именно это большинство и не послѣдовало указаніямъ упомянутой записки, которыя, за исключеніемъ вопроса о надѣлахъ, были мудры и практичны. Весьма вѣроятно, что одною изъ главныхъ причинъ уклоненія депутатовъ отъ указаній записки была смерть Ростовцева и назначеніе, въ февралѣ 1860 года, предсѣдателемъ редакціонной комиссіи министра юстиціи гр. Панина—назначеніе, вызвавшее какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи толки о перемѣнѣ взгляда на крестьянское дѣло. На эту мысль наводитъ насъ слѣдующее совпаденіе фактовъ. До смерти Ростовцева, изъ числа депутатовъ второго призыва большинство, именно 27 человѣкъ, было за обязательный выкупъ; по назначеніи же предсѣдателемъ редакціонной комиссіи гр. Панина, депутаты, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ человѣкъ, отказались отъ защиты въ комиссіи обязательнаго выкупа.

Въ слѣдующей главѣ будетъ разсмотрѣнъ вопросъ о собственности въ крестьянской реформѣ.

VI.

Вопросъ о собственности въ крестьянской реформѣ.

Установленіе неограниченнаго права собственности въ новѣйшей исторіи.— Идея о „неприкосновенности“ права собственности.— *Относительность* права собственности.—Измѣненія въ правѣ собственности, заявленныя въ рескриптѣ 20 ноября 1857 г., въ „Программѣ“ губернскимъ комитетамъ и въ циркулярѣ *Ланского* губернаторамъ.—Неопредѣленность рескрипта по вопросу о надѣленіи крестьянъ землею, давшая губернскимъ комитетамъ возможность составить „Положеніе“ беззземельнаго освобожденія крестьянъ.—Юридическія заключенія Редакціонной Комиссіи по предметамъ надѣленія крестьянъ землею и выкупа.— Возраженіе депутатовъ противъ *безсрочнаго* надѣленія крестьянъ землею.—Признаніе Редакціонной Комиссіей справедливости доводовъ депутатовъ, что надѣленіе крестьянъ землею есть нарушеніе дѣйствующихъ законовъ, и объясненіе, что это нарушеніе вызывается настоятельною государственною необходимостью.— Значительная часть депутатовъ указываетъ на *обязательный* выкупъ, какъ на средство совершить надѣленіе крестьянъ землею на юридической почвѣ.—Невѣрность этого указанія.—Депутаты, открыто высказавшіе, что крестьянская реформа не можетъ быть совершена на почвѣ гражданскаго права.—Совершенныя крестьянскою реформою перемѣны въ порядкахъ собственности.

Экономическія условія новѣйшей эпохи создали для имущихъ классовъ интересъ въ установленіи возможно неограниченнаго права собственности. Движеніе къ организаціи народнаго хозяйства на принципѣ неограниченной частной собственности, т. е. невмѣшательства государства въ экономическія отношенія гражданъ, начинавшееся въ Англіи и Франціи съ половины XVIII вѣка, представлялось современникамъ логическимъ слѣдствіемъ борьбы противъ абсолютизма, привилегій феодальнаго порядка, обветшалыхъ регламентацій труда и собственности. А потому это движеніе было лозунгомъ всѣхъ передовыхъ людей, радикальныхъ политиковъ, философовъ, пользовалось сочувствіемъ народной массы и проведено въ жизнь французской революціей. Экономическія и юридическія теоріи придали началу неограниченной частной собственности значеніе краеугольнаго камня правильнаго общественнаго строя.

Творецъ политической экономіи, Адамъ Смитъ, училъ, что первое требованіе „абсолютнаго“, „наилучшаго“ порядка вещей въ народномъ хозяйствѣ состоитъ въ неограниченной частной собственности, въ полномъ невмѣшательствѣ государства въ экономическую дѣятельность и въ предоставленіи ея волѣ индивидуумовъ. Это убѣжденіе вѣка послужило основнымъ исходнымъ пунктомъ всей экономической теоріи Адама Смита и помѣшало ему замѣтить, что его ученіе, на которое онъ взиралъ какъ на совершеннѣйшее воплощеніе разума, какъ на стоящее внѣ зависимости времени и мѣста, является само не болѣе, какъ знаменіемъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

самымъ вѣрнымъ слугою интересамъ общественнаго класса, получившаго въ Англіи и Франціи, къ концу XVIII вѣка, значеніе преобладающей общественной силы. Невмѣшательство государства въ хозяйственныя отношенія общества, какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, составляетъ интересъ крупной буржуазіи, какъ представительницы капитала, и поэтому оно есть услуга, оказываемая государствомъ капиталу на счетъ труда.

Соотвѣтствіе теоріи, прославлявшей блага свободной конкуренціи, видѣвшей въ свободной конкуренціи *идеалъ, заключительный моментъ экономическаго развитія человѣчества*, интересамъ имущихъ классовъ; отсутствіе до послѣдняго времени обширныхъ, цѣлесообразно-классифицированныхъ данныхъ по экономической статистикѣ; недостаточное знакомство экономистовъ съ существовавшими статистическими данными были причинами, что Смитовская школа въ теченіе семидесяти лѣтъ сохраняла за собой господство въ экономической наукѣ.

Разумѣется, человѣческая мысль въ XIX столѣтіи не могла застыть на абсолютномъ, метафизическомъ и притомъ анти-соціальномъ ученіи смитовской школы. Во Франціи, Англіи, Германіи появлялись сочиненія, враждебныя господствовавшей школѣ. Самый ходъ промышленной жизни вызывалъ сомнѣнія въ истинности смитовскаго ученія. Развитіе машиннаго производства оказывало гибельное вліяніе на рабочіе классы; работники не только получали скудные заработки, при увеличивавшемся числѣ рабочихъ часовъ, но часто не могли найти себѣ занятіе и обращались въ нищихъ; пауперизмъ усиливался. Среди англійскихъ работниковъ быстро росли коалиціонное и чартистское движенія. Послѣднее угрожало революціею. 10 апрѣля 1848 года, герцогъ Веллингтонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ военныхъ силъ, собранныхъ въ Лондонѣ для защиты общественнаго порядка. Іюльская революція во Франціи написала на своемъ знамени „droit au travail“. Чѣмъ громче заявляли рабочіе классы свое недовольство, тѣмъ болѣе обращалось вниманіе на ихъ положеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ росла экономическая и соціальная литература, проникнутая сочувствіемъ къ интересамъ труда, подвергшая критикѣ господствовавшую экономическую школу и оказывавшая все большее вліяніе на умы. Уже къ концу 40-хъ годовъ критическое направленіе считало своими представителями такихъ замѣчательныхъ писателей, какъ С. Симонъ, Сисмонди, Фурье, Родбертусъ, Прудонъ, Луи-Бланъ, Марло (Винкельблэхъ).

Рядомъ съ критикою экономическаго порядка свободной конкуренціи, идутъ попытки изслѣдовать историческій ходъ развитія эко-

номическихъ явленій и указать связь каждой народно-хозяйственной организаціи съ прочими сторонами жизни. Такія попытки были въ началѣ односторонни и неполны. Но, съ умноженіемъ массы разработаннаго матеріала, историческое направленіе высказывалось все яснѣе и полнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхи „эволюціоннаго“ направленія въ естественныхъ наукахъ, паденіе метафизики и возрастающее вліяніе позитивной философіи способствовали торжеству историко-физіологическаго метода. Раскрытіе „закона развитія“, составляющее конечную цѣль каждой науки, сдѣлалось главною задачею историческаго направленія политической экономіи.

Критическое и историческое направленія заняли къ концу 40-хъ годовъ уже видное мѣсто въ экономической литературѣ. Тѣмъ не менѣе, потребовалось еще двадцать лѣтъ — въ теченіе которыхъ движеніе рабочихъ классовъ изъ мѣстнаго національнаго сдѣлалось интернаціональнымъ, что и выразилось въ образованіи „международной ассоціаціи рабочихъ“; сознаніе о темныхъ сторонахъ неограниченной свободы конкуренціи распространялось—чтобы лишить смитовскую школу господствующаго значенія, чтобы на университетскія каѳедры взошли профессора, не считающіе ея ученія десятью заповѣдями, чтобы явилась пресса, вступившая въ борьбу съ нею, чтобы сомнѣніе въ ея благотворности проникло въ совѣты министровъ и парламенты. Новыя идеи въ соціальной наукѣ, затрогивая интересы людей, пробиваютъ себѣ путь гораздо медленнѣе, чѣмъ новыя изслѣдованія въ физическихъ наукахъ. Кто-то (кажется, Гоббесъ) остроумно замѣтилъ, что если бы вопросъ о числѣ происходящемъ изъ умноженія двухъ на два, затрагивалъ интересы людей, то онъ и понынѣ не былъ бы рѣшенъ единодушно.

Въ настоящее время отрицательное отношеніе къ Смитовской школѣ и замѣна послѣдней новымъ позитивнымъ направленіемъ въ Политической экономіи, называемымъ „историческимъ“, а также „реалистическимъ“, пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все большее значеніе. Достигнувъ уже господствующаго значенія въ университетахъ Германіи, реалистическая школа имѣетъ своими представителями почти всѣхъ молодыхъ экономистовъ Англіи и Италіи, и Лавеле въ Бельгіи. Во Франціи, родинѣ главы „позитивной философіи“, позитивное направленіе въ наукѣ имѣетъ уже десять лѣтъ свой спеціальный журналъ „La philosophie positive“, въ которомъ часто встрѣчаются замѣчательныя историческія и соціологическія работы. Но спеціально-экономическая литература Франціи находится въ застоѣ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ нельзя указать ни одного сочиненія, обратившаго на себя вниманіе. Тщетныя усилія „Journal des Economistes“ остановить новое движеніе въ полити-

ческой экономіи имѣетъ результатомъ лишь то, что въ немъ помѣщаются статьи, какъ напримѣръ, статьи Мориса Блока: Les deux Ecoles économiques. La nouvelle Ecole autoritaire ou les Socialistes en chaire“ [1]); l' Harmonie des intèrêts, l'égoisme, le laissez-faire“ [2]); „La quintescence du socialisme de la chaire“ [3]), которыя могутъ служить очевиднѣйшимъ доказательствомъ, что школа свободной конкуренціи доживаетъ свои послѣдніе дни.

Идеи XVIII вѣка, породившія въ политической экономіи теорію Адама Смита, выразились въ юриспруденціи ученіемъ объ „*естественномъ правѣ*“, объ естественныхъ прирожденныхъ правахъ человѣка. Въ число этихъ естественныхъ, а потому и „*неприкосновенныхъ*“ правъ человѣка было отнесено и право собственности. Утверждалось, что никакая власть, хотя бы то было само государство, никакія обстоятельства, никакая необходимость не могутъ нарушить „естественныхъ правъ“ индивидуума, что эти права явились ранѣе возникновенія государства, съ этимъ правомъ вошелъ человѣкъ въ міръ. Въ ученіи объ „естественомъ правѣ“ *индивидуализмъ* дошелъ до своего крайняго развитія. Если и смитовская школа народнаго хозяйства покоится на *индивидуализмѣ*, если и она требуетъ предоставленія всѣхъ экономическихъ отношеній свободной борьбѣ личныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе, существуетъ весьма существенное различіе между обновленіемъ индивидуализма, какое дѣлаетъ смитовская школа, и обновленіемъ его юридическою теоріею „естественнаго права“.

Смитовская школа защищаетъ организацію народнаго хозяйства на принципѣ „*свободной конкуренцій*“, потому что такая организація ведетъ къ благу какъ цѣлаго, такъ и каждаго отдѣльнаго индивидуума. „Всякій человѣкъ, говоритъ Адамъ Смитъ:—старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала; правда, онъ имѣетъ въ виду свой собственной интересъ, а вовсе не общественную пользу, но забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества... Преслѣдуя свою собственную выгоду, человѣкъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если бы задался такою цѣлью“. (Wealth of Nations. B. IV. Ch. II). Такимъ образомъ, *индивидуализмъ* возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ лишь потому, что *частные индивидуальные интересы отоже-*

---

[1]) Августъ 1876 года.
[2]) Сентябрь 1877 года.
[3]) Ноябрь 1878 года.

ствляются имъ съ интересами общества, съ интересами цѣлаго. Та же мысль лежитъ въ основаніи сочиненій всѣхъ представителей Смитовской школы. Всѣ они утверждаютъ, что при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимаго эгоизмомъ и конкуренціей, сами собою развиваются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣнъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатствъ; каждый факторъ производства получитъ при распредѣленіи его результатовъ такую долю, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ степени его участія въ производствѣ.

Въ виду такого обоснованія *индивидуализма* само собою слѣдуетъ, что, разъ доказаны вредныя соціальныя слѣдствія системы народнаго хозяйства, покоющагося на принципѣ свободной конкуренціи, падаетъ и экономическая теорія, выставившая на своемъ знамени требованіе неограниченной частной собственности.

Совсѣмъ иначе обосновываетъ *индивидуализмъ* юридическая теорія „естественнаго права". Здѣсь исходятъ изъ представленія о прирожденныхъ человѣку правахъ, которыя признаются „*абсолютными*" и нарушить которыя никто не въ правѣ, хотя бы это нарушеніе требовалось въ интересѣ цѣлаго, ради блага всѣхъ гражданъ государства. Здѣсь индивидуумъ съ его неприкосновенными правами противупоставляется всему міру. „Да торжествуетъ право, восклицаетъ Кантъ:—хотя бы въ силу этого погибъ весь міръ".

Въ настоящемъ трудѣ нѣтъ мѣста подробному разбору юридической теоріи естественнаго права. Замѣтимъ только, что *понятіе о естественныхъ правахъ человѣка чрезвычайно различно въ разныя эпохи у разныхъ народовъ.* Въ Россіи еще недавно не признавалась естественнымъ правомъ человѣка личная свобода, а въ Англіи много вѣковъ уже признается за такое право: быть обвиненнымъ и наказаннымъ не иначе, какъ по суду. Многія изъ естественныхъ правъ человѣка, объявленныхъ французской конституціей 1789 года, были отмѣнены послѣдующими конституціями. Каждый народъ въ различное время имѣетъ разныя понятія о неотъемлемыхъ правахъ человѣка. *Абсолютныхъ естественныхъ правъ не существуетъ вплоть до права на жизнь.* Но въ каждое данное время существуютъ представленія о такихъ неотъемлемыхъ правахъ, нарушеніе коихъ было бы признано всѣми вопіющей несправедливостью. По весьма распространенному мнѣнію, къ числу такихъ неприкосновенныхъ правъ относится и право собственности. Разсмотримъ это мнѣніе.

Прежде, чѣмъ говорить о неприкосновенности какого-либо права, надо, разумѣется, точно опредѣлить, въ чемъ состоитъ это право А потому, казалось бы, разъ право собственности отнесено къ числу „неприкосновенныхъ“ правъ, мы можемъ ожидать найти самое точное опредѣленіе содержанія этого права. Между тѣмъ, такое предположеніе совершенно тщетно. Опредѣленія права собственности, какъ единаго понятія, опредѣленія, приложимаго не только ко всѣмъ эпохамъ и народамъ, но хотя бы къ различнымъ объектамъ собственности у одного и того же народа и въ извѣстный моментъ времени—такого опредѣленія не существуетъ.

Римское опредѣленіе права собственности, повторяемое европейскими кодексами, есть чисто *формальное*, не опредѣляющее его состава. „Dominium, по римскому праву, est jus utendi et abutendi re sua quatenus juris ratio patitur“. Но „juris ratio“, который есть не что иное, какъ *общественный интересъ*, въ разныя эпохи, у разныхъ народовъ, въ отношеніи разныхъ объектовъ собственности, понимается различно, а потому и составъ права собственности постоянно измѣняется, и у разныхъ народовъ въ разныя эпохи не одинаковъ. Сегодня существуетъ право собственности на извѣстные предметы; завтра *общественный интересъ* потребуетъ исключенія тѣхъ или другихъ предметовъ изъ объектовъ собственности и они могутъ и должны быть исключены, согласно даже съ самимъ опредѣленіемъ права, сдѣланнаго знаменитыми римскими юристами. Но если *общественный интересъ*, опредѣляющій матеріальное содержаніе права собственности, не есть нѣчто постоянное, а напротивъ, непрерывно измѣняющееся, и сообразно съ этимъ измѣненіемъ измѣняется составъ права собственности—то, значитъ, право собственности не есть право „неприкосновенное“. И именно тѣмъ, что оно не есть право безусловное, неприкосновенное, а относительное, постоянно измѣняющееся въ своемъ содержаніи, и объясняется, почему оно такъ разнообразно и въ исторіи и у современныхъ народовъ. И далѣе, тѣмъ же объясняется, почему нельзя дать праву собственности единаго *матеріальнаго* опредѣленія. *Матеріальныя* опредѣленія права собственности, указывающія его содержаніе, даются лишь положительными кодексами. Эти опредѣленія весьма различны и, сверхъ того, постоянно измѣняются. Можно говорить лишь о правѣ собственности русскомъ, французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и т. д., и то лишь на сегодняшній день. Завтра это право собственности можетъ измѣниться. Постоянно измѣняющіяся экономическія и политическія условія жизни народа необходимо вызываютъ измѣненія въ законахъ относительно содержанія права собственности. А потому право собственности не представляетъ собою нѣчто неподвижное; оно есть

право многообразное, которое подвергалось въ исторіи большимъ измѣненіямъ и, конечно, подвергнется еще большимъ.

Въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ постоянно измѣнялась область предметовъ, могущихъ быть объектомъ частной собственности и капитала. И, говоря вообще, мысль Лассаля, что исторія развитія права состоитъ *въ постепенно большемъ ограниченіи объектовъ* частной собственности, совершенно вѣрна. При рабской организаціи труда, въ число объектовъ частной собственности входилъ и человѣкъ. Рабство смягчается въ крѣпостничество; правомъ собственности на жизнь человѣка уменьшается право собственности на его пожизненную рабочую силу. Крѣпостничество опять умаляется въ ленную зависимость въ разныхъ степеняхъ, т. е. право собственности на всю рабочую силу другого нисходитъ къ праву собственности на извѣстныя дѣйствія ея. Въ настоящее время личность человѣка и его трудъ признаны свободными, но орудія труда составляютъ объектъ частной собственности. *Въ этомъ и заключается корень всего соціальнаго вопроса.*

Исторія свидѣтельствуетъ объ измѣненіяхъ громадной важности въ сферѣ объектовъ собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самое содержаніе права собственности на различные объекты всегда было и остается до сихъ поръ неодинаковымъ, и эта неодинаковость опять, въ свою очередь, различна у разныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи самое существенное различеніе всегда дѣлалось между 1) собственностью недвижимою и 2) движимою. Въ этихъ главныхъ отдѣлахъ всегда дѣлались дальнѣйшія различенія объектовъ собственности. Такъ, объемъ правъ собственности всегда былъ и есть на полевую землю одинъ, на лѣса другой, на руды третій, на городскую собственность четвертый, на дороги пятый, на денежные капиталы шестой, на орудія труда (промышленные капиталы) седьмой, на предметы непосредственнаго потребленія восьмой и проч. И далѣе, эти различенія объектовъ собственности постоянно мѣняются, содержаніе вещнаго права на нихъ то расширяется, то суживается, и у разныхъ современныхъ другъ другу народовъ оба эти предмета представляютъ большое разнообразіе. Въ отношеніи послѣдняго положенія достаточно указать, напримѣръ, на современное англійское право поземельной собственности съ его маіоратами, французское, установившее мобилизацію поземельной собственности, общинную собственность въ Россіи и Швейцаріи, родовую собственность въ Россіи, на различіе фабричныхъ законодательствъ разныхъ государствъ, ограничивающихъ право распоряженія промышленными капиталами и налагающихъ на эти капиталы извѣстныя обязательства.

Все вышеизложенное, кажется, не оставляетъ уже никакого сомнѣнія, что такое универсальное опредѣленіе права собственности, которое указывало бы объемъ заключающихся въ немъ вещныхъ правъ, невозможно. Принадлежность вещи лицу есть единственный существенный признакъ, отличающій собственность отъ другихъ вещныхъ правъ. А какимъ правомъ пользуется лицо, которому вещь принадлежитъ, опредѣляется въ каждое данное время законодательствомъ. По феодальному праву собственности, земля считалась принадлежащею сеньерамъ, тѣмъ не менѣе, они не имѣли права отбирать ее у своихъ вассаловъ, если послѣдніе исправно уплачивали повинности. Такимъ образомъ, отъ собственности были отдѣлены права владѣнія и распоряженія. И причина этой многообразности права собственности заключается въ томъ, что институтъ собственности не есть явленіе, данное физическою природою, явленіе само въ себѣ опредѣленное, а есть учрежденіе соціальное, обусловливаемое въ своихъ проявленіяхъ, главнѣйшимъ образомъ, экономическими условіями каждаго даннаго народа. Измѣняются экономическія условія жизни народа—измѣняются и законы о собственности. Измѣненія въ законахъ о собственности бываютъ радикальны, знаменуютъ собою новую соціальную эпоху, когда какой-либо важный объектъ частной собственности исключается изъ предметовъ ея. Такія измѣненія были сдѣланы, напримѣръ, въ послѣднее время съ отмѣною феодальныхъ правъ собственности въ западной Европѣ, замѣненныхъ гражданскимъ кодексомъ французской революціи; въ Россіи съ отмѣной крѣпостного права, т. е. исключеніемъ изъ объектовъ собственности труда и воли человѣка, и, сверхъ того, надѣленіемъ крестьянъ поземельною собственностью изъ собственности ихъ прежнихъ господъ. Но такія коренныя измѣненія въ порядкахъ собственности, именно потому, что они знаменуютъ собою переворотъ во всемъ общественномъ строѣ, совершаются не часто. Что же касается частныхъ измѣненій въ порядкахъ собственности, ограничивающихъ права собственности, то они происходятъ, можно сказать, непрерывно. Недолго удержалась вѣра въ блага „свободной конкуренціи“. Новѣйшій либеральный экономическій порядокъ западной Европы, основанный на принципѣ неограниченной частной собственности на матеріальные предметы, не просуществовавъ столѣтія, потерялъ уже свой кредитъ въ наукѣ и начинаетъ терять его въ практикѣ. Англія, наиболѣе развившая свободу промышленности, первая вынуждена была выступить съ фабричнымъ законодательствомъ, ограничивающимъ права собственности промышленнаго капитала. За ней послѣдовали и всѣ прочія западно-европейскія государства. Теперь въ Англіи на очереди стоитъ аграрный вопросъ, имѣющій ограничить права поземельной собственности.

Но если право собственности не представляетъ собою нѣчто безусловное, само въ себѣ опредѣленное, а есть фактъ относительный, обусловливаемый временемъ и мѣстомъ, слѣдовательно постоянно измѣняющійся, то какой же смыслъ имѣетъ выраженіе „*неприкосновенность права* собственности“, такъ часто употребляемое, когда дѣло идетъ объ измѣненіяхъ въ законодательствѣ о собственности? На этотъ вопросъ нельзя дать другого отвѣта, какъ только, что или сами употребляющіе это выраженіе, не понимаютъ, что говорятъ, или пользуются этимъ выраженіемъ, производящимъ всегда на массу впечатлѣніе, ради какихъ-либо практическихъ цѣлей.

Въ одномъ лишь смыслѣ можно понять мысль о неприкосновенности частной собственности, именно въ томъ смыслѣ, что право собственности не можетъ быть нарушено, въ цѣломъ или въ части, иначе, какъ съ вознагражденіемъ собственника за такое нарушеніе. Но дѣйствительная жизнь показываетъ намъ, что законодательствамъ всѣхъ европейскихъ государствъ приходится нарушать этотъ принципъ, и далѣе, что общественная жизнь представляетъ иногда такія условія, при которыхъ и законное правительство, и само общество вынуждено признать государственную необходимость нарушить этотъ принципъ.

Мы не станемъ говорить уже о такихъ очевидныхъ нарушеніяхъ принципа вознагражденія за теряемое право, какія имѣли мѣсто при безвозмездной отмѣнѣ французскимъ національнымъ собраніемъ многихъ имущественныхъ феодальныхъ правъ и въ уничтоженіи рабства въ Соединенныхъ Штатахъ Америки въ послѣднюю гражданскую войну. Мы укажемъ на современное и постоянно расширяющееся, развивающееся во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ фабричное законодательство, гдѣ нарушеніе этого принципа не столь очевидно, хотя не менѣе дѣйствительно.

Наканунѣ изданія фабричныхъ законовъ, промышленный капиталъ пользовался полною свободою въ заключеніи условій найма рабочей силы и не несъ никакихъ спеціальныхъ обязанностей; право собственности на промышленный капиталъ было столь же неограниченное, какъ право собственности на предметы непосредственнаго потребленія. Изданіемъ фабричныхъ законовъ право собственности на промышленный капиталъ уменьшено и уменьшено безъ вознагражденія. Собственники этихъ капиталовъ были ограничены въ правѣ *пользованія* ими, они лишились права функціонировать ими сообразно условіямъ рынка. Рынокъ позволяетъ нанять рабочаго на 14 часовъ ежедневнаго труда, а законъ воспретилъ нанимать болѣе какъ на 10 часовъ. Мало того, законъ ограничилъ права собственности на промышленные капиталы и въ другомъ отношеніи; онъ

наложилъ на эти капиталы новыя, спеціальныя обязанности. Собственникамъ промышленныхъ капиталовъ вмѣнено въ обязанность устраивать на свой счетъ при фабрикахъ и заводахъ школы и нанимать врача для рабочихъ. Когда въ англійскомъ парламентѣ впервые былъ поднятъ вопросъ объ изданіи фабричныхъ законовъ, буржуазная пресса вовопила о „нарушеніи принципа неприкосновенности права собственности", и она была совершенно права съ точки зрѣнія господствующаго до нынѣ юридическаго положенія, что *„никакое вещное право не можетъ быть нарушено безъ вознагражденія"*. Если бы какое-либо законодательство нашло полезнымъ и необходимымъ нормировать рабочую плату, обязать промышленниковъ допустить рабочихъ къ участію въ прибыли, то, въ юридическомъ смыслѣ, это было бы ни чуть не большее нарушеніе права собственности сравнительно съ нарушеніями, совершенными изданными до нынѣ фабричными законами.

Колоссальный примѣръ отмѣны права собственности на одни объекты совершенно безъ вознагражденія, на другіе съ вознагражденіемъ, установленнымъ не на основаніи дѣйствующихъ законовъ, представляетъ наша крестьянская реформа. Право собственности на рабочую силу человѣка было отмѣнено вполнѣ безвозмездно и этотъ объектъ собственности былъ выброшенъ изъ законодательства; экспропріація половины помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ была совершена не на основаніи дѣйствующихъ законовъ. И, между тѣмъ, правительство, литература, меньшинство въ губернскихъ комитетахъ, большинство депутатовъ перваго призыва вынуждены были признать безусловную политическую необходимость совершить такую радикальную операцію въ порядкахъ собственности, ибо *элементы крестьянскаго вопроса были таковы, что разрѣшеніе его на почвѣ юридической воочію грозило государству страшными опасностями и бѣдствіями.*

Всѣ вышеизложенныя соображенія высказаны мною предварительно изслѣдованія вопроса о собственности въ крестьянской реформѣ съ цѣлью, во-первыхъ, не прерывать дальнѣйшее изложеніе моими личными замѣчаніями, полемикою; во-вторыхъ, отмѣтить важное значеніе крестьянской реформы, какъ одного изъ крупныхъ фактовъ, чрезъ посредство котораго дѣйствительная жизнь смѣется надъ господствующей въ юриспруденціи метафизической теоріей о собственности.

Приступая къ изложенію судьбы вопроса о собственности въ крестьянской реформѣ, считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что въ настоящей главѣ этотъ вопросъ разсматривается исключительно съ юридической точки зрѣнія. Политико-экономическія же

основанія для разрѣшенія его тѣмъ или другимъ способомъ, какія выставлялись защитниками безземельнаго освобожденія крестьянъ, защитниками надѣленія крестьянъ землею въ безсрочное пользованіе, защитниками добровольнаго выкупа и защитниками обязательнаго выкупа, разсѣяны въ различныхъ главахъ, какъ того требовала система изложенія.

Въ высочайшемъ рескриптѣ 20-го ноября 1857 года, этомъ первомъ официальномъ приступѣ къ дѣлу крестьянской реформы, непосредственно вслѣдъ за заявленіемъ, что „помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю", постановляется: „но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа, сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику".

Въ главѣ 1-й програмы, данной правительствомъ, въ апрѣлѣ 1858 года, губернскимъ комитетамъ въ руководство при составленіи ими Положеній объ улучшеніи быта крестьянъ, было постановлено: „Личное крѣпостное право прекращается на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ".

Министръ внутреннихъ дѣлъ, усматривая изъ представленныхъ разными губернаторами вѣдомостей о занятіяхъ губернскихъ комитетовъ по устройству быта крестьянъ, что нѣкоторые изъ нихъ опредѣлили войти въ разсмотрѣніе вопроса о вознагражденіи помѣщиковъ за теряемое ими крѣпостное право на личность крестьянъ, просилъ начальниковъ губерній обратить вниманіе комитетовъ, что „Государь Императоръ повелѣлъ: мнѣніе это отвергнуть, ибо Его Величество неоднократно уже призналъ, что личность крестьянъ и обязательный ихъ трудъ выкупу подлежать не могутъ".

Эти высочайшія повелѣнія имѣли значеніе исходныхъ основаній при составленіи губернскими комитетами проектовъ Положеній объ улучшеніи быта крестьянъ. Но такъ какъ въ рескриптѣ 20-го ноября не было опредѣлено съ точностью, недопускающею сомнѣній и различныхъ толкованій, срочное или безсрочное право пользованія помѣщичьими землями получаютъ крестьяне, то проекты Положеній губернскихъ комитетовъ рѣшали этотъ основной вопросъ реформы различно. Почти половина губернскихъ комитетовъ отвели крестьянамъ надѣлъ безсрочный, постоянный; остальные лишь на пе-

реходное время, которое должно продолжаться не долѣе 12-ти лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернскіе комитеты подняли вопросъ о выкупѣ крестьянами земли въ собственность, который не входилъ въ первоначальный правительственный планъ реформы. Изъ разсмотрѣнія комитетскихъ проектовъ оказывается, что только въ проектахъ семи комитетовъ не содержится никакихъ указаній на пріобрѣтеніе крестьянами земель въ собственность; 14 губернскихъ комитетовъ высказали мысль о продажѣ крестьянамъ угодій, предоставляемымъ имъ въ пользованіе; по 11-ти губерніямъ представлены болѣе или менѣе подробныя соображенія по этому предмету; а изъ комитетовъ 14-ти губерній поступили цѣлые планы выкупной операціи. Наконецъ, изъ отзывовъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ оказывается, что девять депутатовъ признали выкупъ, при содѣйствіи правительства, необходимымъ, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Выкупъ при содѣйствіи правительства могъ имѣть двоякую форму: или *выкупа обязательнаго*, или *выкупа добровольнаго*. Наибольшее число дворянскихъ комитетовъ склонялось въ пользу второго; со времени же представленія ими своихъ проектовъ, число приверженцевъ не только выкупа вообще, но и выкупа *обязательнаго* значительно увеличилось, какъ это видно изъ отзывовъ депутатовъ. Большинство депутатовъ перваго призыва доказывали необходимость и полезность обязательнаго выкупа. Къ требованію обязательнаго выкупа присоединились многіе депутаты даже отъ тѣхъ комитетовъ, которые въ своихъ проектахъ постановили лишь *срочное* надѣленіе крестьянъ помѣщичьими землями, иначе сказать—освобожденіе безъ земли; они присоединились къ такому требованію потому, что находили проектированное редакціонной комиссіею безсрочное пользованіе крестьянами помѣщичьими землями съ *нормированнымъ* добровольнымъ выкупомъ менѣе выгоднымъ *даже* для помѣщиковъ, сравнительно съ обязательнымъ выкупомъ.

Представленныя депутатами юридическія заключенія редакціонной комиссіи по предметамъ надѣленія крестьянъ землею и выкупа были слѣдующія:

„1. Помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли.

„2. На усадьбы и земли, поступающія въ надѣлъ крестьянамъ, помѣщики сохраняютъ право собственности, ограничиваемое предоставленнымъ крестьянамъ правомъ безсрочнаго и постояннаго пользованія усадьбами и землями и правомъ выкупа усадебной осѣдлости, на основаніяхъ, опредѣленныхъ Положеніемъ. Это право помѣщиковъ, по 432 ст. Св. Зак. гражд. Т. X, ч. I, есть право *неполной* собственности.

„3. Земли, которыя, за предоставленіемъ усадебъ и за надѣломъ крестьянъ, останутся во владѣніи помѣщиковъ, принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности.

„4. Крестьянамъ предоставляется, на основаніяхъ, установленныхъ Положеніемъ, право безсрочнаго и постояннаго, за опредѣленныя повинности, пользованія усадьбами (съ правомъ выкупа оныхъ) и землями, которыя поступятъ къ нимъ по надѣлу". (Матер. ред. ком. Т. XII. Гл. XIX).

По вопросу о выкупѣ:

„1. Сдѣлки между помѣщиками и крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, о пріобрѣтеніи послѣдними поземельныхъ угодій въ собственность, могутъ быть заключаемы: либо а) безъ участія правительства, на основаніи общихъ законовъ, либо б) при содѣйствіи правительства, на основаніи Положенія.

„2. Выкупъ производится по добровольному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянами. Изъ сего основного правила допускается слѣдующее изъятіе. Выкупъ производится по *требованію одного помѣщика*, на слѣдующихъ условіяхъ:

а) чтобы надѣлъ, отведенный, на основаніи Положенія, въ пользованіе крестьянъ, не былъ отнюдь сокращаемъ, развѣ сами крестьяне потребовали бы уменьшенія выкупаемаго надѣла согласно съ правилами Положенія,

и б) чтобы помѣщикъ изъявилъ согласіе ограничиться полученіемъ отъ правительства одной выкупной ссуды, на основаніи Положенія, не требуя отъ крестьянъ никакого дополнительнаго взноса" (Ibid. Т. XI. Гл. III).

Допущеніе выкупа по требованію одного помѣщика редакціонная комиссія мотивировала тѣмъ, что крестьяне черезъ это ничего не теряютъ, такъ какъ размѣръ выкупного платежа, который, при такого рода выкупѣ, они должны вносить правительству, не превышаетъ размѣра установленнаго оброка, вносимаго ими помѣщику за безсрочное пользованіе его землею.

Съ этими заключеніями редакціонной комиссіи были согласны весьма немногіе депутаты. Большинство депутатовъ перваго призыва настаивало на обязательномъ выкупѣ, видя въ немъ единственное правильное разрѣшеніе крестьянскаго дѣла. Въ числѣ этихъ депутатовъ было много и такихъ, которые, въ интересахъ помѣщиковъ, не одобряли отдачи земель крестьянамъ въ выкупъ, но согласились на него и требовали его обязательности, во избѣжаніе большаго зла для помѣщиковъ, т. е. оставленіе земель въ *безсрочномъ* пользованіи крестьянъ.

Можетъ показаться непонятнымъ протестъ противъ заключеній

редакціонной комиссіи о выкупѣ, насколько онъ исходилъ изъ защиты помѣщичьихъ интересовъ. Комиссія признала, какъ мы видѣли, выкупъ *„по требованію одного помѣщика“*; слѣдовательно, съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ, повидимому, не было уже надобности добиваться обязательности выкупа; напротивъ, такое постановленіе комиссіи должно было представиться болѣе выгоднымъ для помѣщичьихъ интересовъ, нежели выкупъ обязательный. Но дѣло въ томъ, что депутаты опасались, что если разъ установится безсрочное пользованіе крестьянъ помѣщичьими землями, то правительство успокоится и долго-долго не озаботится устройствомъ выкупа или же будетъ вести это дѣло слишкомъ медленно, растянетъ выкупную операцію на очень продолжительное число лѣтъ, и помѣщику, изъявившему согласіе на выкупъ, придется ждать очень многіе годы.

Между депутатами второго призыва преобладали стремленія совершенно противоположныя требованіямъ перваго призыва. Они прибыли въ Петербургъ, когда тамъ упорно держался слухъ о недовольствѣ высшимъ правительствомъ демократическимъ характеромъ трудовъ редакціонной комиссіи, объ измѣненіи взгляда правительства на крестьянскую реформу въ пользу помѣщичьихъ интересовъ, что постановленія редакціонной комиссіи будутъ радикально передѣланы въ главномъ комитетѣ. Слухъ этотъ получилъ особенную силу вслѣдствіе назначенія гр. Панина предсѣдателемъ редакціонной комиссіи. Въ виду настроенія умовъ въ правительственныхъ кружкахъ, депутатамъ казалось, что уже прошло время для дилеммы: или обязательный выкупъ, или безсрочное пользованіе. Они задумали требовать безземельнаго освобожденія крестьянъ и на почвѣ этого стремленія вступили въ борьбу съ редакціонной комиссіею, въ надеждѣ, что ихъ доводы будутъ впослѣдствіи поддержаны въ главномъ комитетѣ, при разсмотрѣніи въ послѣднемъ трудовъ редакціонной комиссіи.

Ради удобства изложенія, мы сначала скажемъ о борьбѣ за принципъ собственности депутатовъ второго призыва, а потомъ укажемъ юридическія соображенія сторонниковъ обязательнаго выкупа.

Сорокъ депутатовъ второго приглашенія, въ отношеніи юридическаго смысла установленія редакціонной комиссіею безсрочнаго права крестьянъ на пользованіе помѣщичьими землями, дали слѣдующій отзывъ:

Безсрочное пользованіе крестьянами помѣщичьими землями, на которыя помѣщики сохраняютъ лишь *неполное* право собственности, не можетъ быть обосновано на дѣйствующихъ въ Россіи законахъ. Въ Сводѣ Законовъ нѣтъ опредѣленія о безсрочномъ пользованіи

чужою собственностью противъ воли собственника, и потому редакціонная комиссія, взявшаяся разрѣшить эти свои предначертанія на основаніи русскаго гражданскаго права, задала себѣ задачу неразрѣшимую.

По ст. 514-й, владѣніе отдѣляется отъ права собственности и уступается другому только съ согласія собственника, по договору, дарственной записи или другому какому-либо акту; а заключеніе редакціонной комиссіи отнимаетъ право владѣнія и пользованія безъ всякаго добровольнаго акта со стороны владѣльца.

Передача или уступка пользованія частною собственностью положительно опредѣляется въ законѣ, какъ *„срочная и временная“* (ст. 514 и 521), такъ что недвижимыя частныя имущества запрещается отдавать въ наемъ или въ содержаніе срокомъ свыше двѣнадцати лѣтъ (ст. 1692), за исключеніемъ двухъ опредѣленныхъ случаевъ, когда допускается отдача пустопорожнихъ земель въ аренду или содержаніе и на продолжительнѣйшіе сроки, полагая до 30-ти лѣтъ (ст. 1693).

Итакъ, прежде введенія въ законодательство заключеній редакціонной комиссіи о безсрочномъ пользованіи крестьянъ помѣщичьими землями, необходимо, по мнѣнію сорока депутатовъ, отмѣнить всѣ статьи Свода Законовъ, утверждающіе неприкосновенность права собственности вообще; если же онѣ останутся не отмѣненными, то неужели придется постановить, *что права собственности дворянства, какъ привилегированнаго сословія, ставятся внѣ закона?*

Кромѣ постановленій дѣйствующихъ законовъ, продолжаютъ эти же депутаты, редакціонная комиссія ищетъ основанія для своихъ заключеній въ началахъ, указанныхъ рескриптами и пояснительнымъ отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Что же находимъ, спрашиваютъ сорокъ депутатовъ, въ рескриптахъ касательно неполной собственности и „безсрочнаго“ права пользованія?

По точному смыслу ихъ, „крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа“, т. е. за крестьянами утверждается временное владѣніе ихъ усадьбами, на пріобрѣтеніе которыхъ въ собственность, посредствомъ выкупа, имъ открывается срочное право. Усадьбы не предоставляютъ крестьянамъ окончательно; онѣ только оставляются за ними на срочно-обязанное время, въ теченіе котораго даруется крестьянамъ право выкупа усадебъ, иначе, говорятъ эти депутаты, въ рескриптахъ было бы положительно выражено, что усадьбы отдаются крестьянамъ въ безсрочное и постоянное пользованіе. При безсрочномъ пользованіи, не было бы повода къ дарованію права выкупа въ теченіе опредѣ-

леннаго времени, потому что не было бы основанія ограничивать право выкупа при неограниченномъ правѣ пользованія; да и самый выкупъ былъ бы излишнимъ и не могъ бы состояться, какъ скоро обезпечено неотъемлемое владѣніе. Ограниченіе права выкупа опредѣленнымъ временемъ показываетъ срочность пользованія, право на которое, въ случаѣ невыкупа, должно прекратиться съ истеченіемъ извѣстнаго времени, иначе, что было бы, спрашиваютъ эти депутаты, съ усадьбами, невыкупленными въ теченіе этого опредѣленнаго времени, или которыя крестьяне вовсе не пожелали бы купить? Получивъ усадьбы въ безсрочное владѣніе, крестьяне на самомъ дѣлѣ сдѣлались бы собственниками ихъ, а право собственности помѣщиковъ исчезло бы совершенно. Только срочность права пользованія, говорятъ они, можетъ служить побужденіемъ къ выкупу усадебъ.

Далѣе, продолжаютъ эти депутаты, въ рескриптахъ выражено, что „предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщика“. Въ этихъ словахъ нѣтъ и намека о *безсрочности* права пользованія крестьянъ землею; напротивъ того, въ высочайше утвержденной программѣ для занятій губернскихъ комитетовъ требовалось опредѣленіе крайняго срока для переходняго періода, т. е. для окончательнаго прекращенія всѣхъ обоюдно обязательныхъ правилъ, временно установляемыхъ для постепеннаго перехода отъ крѣпостныхъ отношеній къ свободнымъ. Если бы была необходимость и возможность даровать крестьянамъ право безсрочнаго пользованія отведенными имъ землями, *то такое существенное условіе непремѣнно было бы выражено въ рескриптахъ*, призывавшихъ дворянство каждой губерніи къ составленію Положеній о срочно-обязанномъ состояніи.

Впрочемъ, въ пояснительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ Ланского (въ 5 ст.) значится: „Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянамъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра, и обмѣнъ ея или части оной, съ присоединеніемъ къ господскимъ полямъ, не можетъ быть допущенъ иначе, какъ по соглашенію съ міромъ“. Этими словами довольно опредѣлительно высказывается мысль о безсрочности права крестьянъ на пользованіе отведенными имъ землями; и на этой статьѣ преимущественно основаны настоящія заключенія редакціонной комиссіи. Но депутаты обращаютъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) Комитеты могли основываться *только на словахъ рескриптовъ*, а они торжественно подтверждаютъ ненарушимость права собственности помѣщиковъ на всѣ принадлежащія имъ земли. *Это право собственности обратилось бы въ простое слово, при безсрочномъ правѣ пользованія кре-*

стьянъ за однажды опредѣленныя повинности. 2) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ частей: первая, безусловно-обязательная, по высочайшему повелѣнію, установляетъ правила для избранія членовъ и для производства работъ въ губернскихъ комитетахъ; вторая же, *не обязательная, а только вспомогательная*, содержитъ соображенія министра въ видѣ пособія для занятій губернскихъ комитетовъ, и вышеприведенная *ст. 5-я помѣщена въ числѣ такихъ необязательныхъ соображеній.* Самъ министръ прямо объясняетъ необязательность этихъ соображеній въ заключеніи того же пояснительнаго отношенія. 3) Нѣтъ сомнѣнія, что если бы считалось необходимымъ подчинить собственность помѣщиковъ такимъ тягостнымъ обязательствамъ, какія предлагается наложить на нее въ заключеніяхъ редакціонной комиссіи, *то объ этомъ состоялось бы особое положительное высочайшее повелѣніе*, и такая важная мѣра не была бы введена въ числѣ вспомогательныхъ для губернскихъ комитетовъ соображеній министра внутреннихъ дѣлъ.

Но важнѣе всего то, говорятъ сорокъ депутатовъ, что въ рескриптахъ и въ пояснительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ не упоминается *объ уничтоженіи крѣпостного права, а только объ улучшеніи быта* крестьянъ во время срочно-обязаннаго періода, *по истеченіи котораго должно было дароваться крестьянамъ право перехода, т. е. полное освобожденіе*, по особому распоряженію правительства. И соображенія министра могли относиться только къ этому срочно-обязанному періоду. Только на этотъ періодъ устанавливались рескриптами и отношеніемъ министра взаимно обязательныя отношенія, какъ остатокъ прежнихъ крѣпостныхъ отношеній. Но редакціонная комиссія дѣлаетъ это временное ограниченіе права собственности помѣщиковъ безсрочнымъ и по совершенной отмѣнѣ крѣпостного права; она предоставляетъ безсрочное право пользованія помѣщичьими землями не срочно-обязаннымъ крестьянамъ, которыхъ бытъ, ограниченный прикрѣпленіемъ, требуетъ обезпеченія, а совершенно свободнымъ людямъ, не имѣющимъ никакого права на собственность помѣщиковъ и не связаннымъ съ ними никакими зависимыми отношеніями, за упраздненіемъ крѣпостного права. Такого обезпеченія не требовали рескрипты и не предлагало отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ; напротивъ того, первые положительно подтверждали право собственности помѣщиковъ на всѣ принадлежащія имъ земли; слѣдовательно, сохраняли и подтверждали то право на земли, которымъ помѣщики пользуются въ настоящее время, т. е. *полное право собственности*, какъ оно опредѣляется въ ст. 420 и 423-й т. X-го. Поэтому предположенія редак-

ціонной комиссіи, заключаютъ сорокъ депутатовъ, точно такъ же противорѣчатъ словамъ и духу рескриптовъ, какъ они противорѣчатъ постановленіямъ дѣйствующихъ законовъ.

Всякій новый законъ гражданскій, говорятъ эти депутаты, долженъ носить на себѣ печать строгой справедливости и ненарушимости чьихъ бы то ни было правъ; онъ не долженъ противорѣчить законоположеніямъ дѣйствующаго законодательства, остающимся неотмѣненными.

Между тѣмъ, заключенія редакціонной комиссіи самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчатъ существующимъ узаконеніямъ.

Въ Сводѣ Законовъ изложены всѣ законные способы пріобрѣтенія правъ на имущество (въ собственность и въ пользованіе), и *ни одинъ* изъ этихъ способовъ недостаточенъ, чтобы законно обратить поземельную собственность помѣщиковъ въ „*неполную*" и чтобы пріобрѣсти для крестьянъ права безсрочнаго и постояннаго пользованія, независимо отъ каждаго собственника.

Такимъ образомъ, предлагаемый редакціонной комиссіею проектъ новаго закона найдетъ препятствія для своего исполненія въ самыхъ основныхъ законахъ нашего гражданскаго права.

Редакціонными комиссіями вводится въ наше законодательство новое начало: безсрочная, вѣчная и потомственная совмѣстность правъ собственника и наемщика на одно и тоже имущество; право собственности раздробляется; правда, изъ него часть, но только *номинальная*, оставляется собственнику, а другая большая и самая существенная, отдается наемщикамъ, *безъ согласія собственника.* Какія, спрашиваютъ сорокъ депутатовъ, могутъ быть послѣдствія такой запутанности правъ?

Первымъ послѣдствіемъ такого закона были бы взаимныя неудовольствія, несогласія и борьба двухъ сословій, живущихъ вмѣстѣ, занимающихся однимъ хозяйственнымъ дѣломъ и заинтересованныхъ въ сохраненіи добраго согласія. Безъ этого закона такое согласіе непремѣнно сохранилось бы: землевладѣльцамъ нужны наемщики земли и работники; крестьянамъ нужна наемная земля и заработная плата; поэтому обоюдные интересы привели бы къ взаимной уступчивости, которой почти никогда не бываетъ при совмѣстномъ правѣ нѣсколькихъ лицъ на одно и то же имущество.

Вторымъ послѣдствіемъ того же начала было бы развитіе общаго недовѣрія. Признаніе безсрочнаго права пользованія за наемщикомъ, противъ воли собственника, составляетъ несомнѣнное нарушеніе права собственности; а всякое такое нарушеніе возбуждаетъ опасенія насчетъ другихъ подобныхъ мѣръ на будущее время. На одномъ нарушеніи нельзя остановиться: одно нарушеніе

открываетъ путь другому. Теперь собственность признается неполною, потому что редакціонная комиссія считаетъ такое ограниченіе „*нужнымъ*“ для крестьянъ; точно также, черезъ нѣсколько времени, тѣ же самыя соображенія могутъ привести къ обращенію этого неполнаго права собственности крестьянскихъ общинъ. Неизмѣнная рента за неотъемлемыя земли превратится, въ народныхъ понятіяхъ, въ налогъ на одно сословіе въ пользу другого; отмѣна ея скоро сдѣлается необходимою. Недовѣріе возбудится не въ одномъ дворянскомъ, а и въ прочихъ сословіяхъ, потому что никто не можетъ думать, „*будто правительство нарушаетъ право собственности владѣльцевъ потому только, что они дворяне*; всѣ будутъ увѣрены, что такія мѣры приняты потому, что правительство считаетъ ихъ справедливыми и законными, и, слѣдовательно, всякій собственникъ можетъ, въ свою очередь, имъ подвергнуться“.

Третьимъ послѣдствіемъ того же узаконенія было бы общее потрясеніе и смѣшеніе понятій о правѣ собственности, о справедливости и законности. Если одинъ разъ законодательство отступитъ отъ законнаго пути, то не останется никакихъ твердыхъ основаній. Нѣкоторые утверждаютъ, что крестьяне убѣждены, будто земля принадлежитъ имъ. Если они имѣютъ неясныя и шаткія понятія о правѣ собственности, то признаніе за ними неотъемлемаго и безсрочнаго права пользованія приведетъ еще къ большей запутанности въ понятіяхъ. А что затѣмъ послѣдуетъ, легко предвидѣть.

Четвертымъ послѣдствіемъ того же самаго закона была бы привычка ожидать и требовать обезпеченія потребностей посредствомъ распоряженій правительства. Если бы правительство приняло на себя обязанность устраивать участь однихъ лицъ на счетъ другихъ, то явилось бы всеобщее требованіе касательно такого обезпеченія, которое поведетъ только къ раздорамъ и ненависти, а не къ правильному распредѣленію богатствъ и имуществъ. Мѣры касательно распредѣленія частной собственности и не добровольнаго перехода ея отъ однихъ лицъ къ другимъ никогда не могутъ принести пользы. Законъ долженъ только ограждать и охранять существующія и вновь пріобрѣтаемыя права собственности; но онъ не можетъ создавать новыхъ собственниковъ на счетъ собственности существующей. Въ видахъ умноженія числа собственниковъ, онъ можетъ только облегчать пріобрѣтеніе собственности открытіемъ кредита и огражденіемъ труда и дѣятельности отъ всякихъ притѣсненій, *потому что трудъ есть начало и источникъ всякой законной собственности.* (О, господа депутаты, очевидно, вы не знали, какіе выводы логически слѣдуютъ изъ положенія, что „*трудъ есть начало и источникъ всякой законной собственности!*“).

Наконецъ, пятымъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предлагаемаго закона былъ бы всеобщій упадокъ дѣятельности и остановка въ развитіи промышленности. Съ одной стороны, *угрожаемые капиталы скроются*; съ другой стороны, не будетъ побужденій къ труду, когда увидятъ, что не одинъ трудъ можетъ быть источникомъ благосостоянія и собственности, а что есть другія, болѣе легкія средства къ пріобрѣтенію ихъ. Безъ ненарушимости собственности, свобода труда не приведетъ къ возбужденію общей дѣятельности, къ оживленію промышленности и къ развитію предпріимчивости.

До этихъ поръ наши законы охраняли права собственности. Въ настоящее время еще болѣе нужны твердость и непоколебимость закона въ охраненіи правъ каждаго, потому что, при неизбѣжномъ броженіи умовъ, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, легко поколебать понятіе о правѣ. Никакая несправедливая или двусмысленная мѣра не должна быть предлагаема, какими бы громкими фразами она ни была оправдываема и какіе бы доводы ни приводились въ доказательство ея необходимости.

Какъ скоро принято условіе безсрочнаго права пользованія крестьянъ, право собственности на землю уже совершенно утрачено собственникомъ. Редакціонная комиссія сознаетъ это, и потому землевладѣлецъ называется ею только „законнымъ обладателемъ той повинности, которую общество обязано ему платить", слѣдовательно, помѣщикъ является уже не собственникомъ земли, а только имѣющимъ право на полученіе нѣкоторой годовой платы, о замѣнѣ которой единовременнымъ взносомъ соотвѣтственнаго капитала ему предоставлено вступать въ добровольное соглашеніе съ крестьянами; его собственность уже отчуждена недобровольно, хотя въ журналѣ общаго присутствія редакціонной комиссіи и говорится *о полюбовной продажѣ* земель; все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы уговориться, въ какомъ видѣ собственнику получить уплату: въ видѣ ли единовременной суммы облигаціями или въ видѣ ежегодныхъ платежей, нисколько не зависящихъ отъ цѣнности бывшей его собственности. Если такая экспропріація справедлива, то не для чего прикрывать ее выраженіями о добровольной продажѣ и о неприкосновенности права собственности; не для чего называть земли, отведенныя помѣщикомъ подъ крестьянскія запашки, его собственностью, когда на эту собственность налагаются условія, вовсе отнимающія у нея характеръ собственности; гораздо прямѣе и проще было бы опредѣлить количество земли, отчуждаемой отъ каждаго помѣщика, и затѣмъ свести съ нимъ счеты на основаніи существующихъ узаконеній.

Но всего справедливѣе и удобнѣе было бы не нарушать ни

чьихъ имущественныхъ правъ. Безсрочное право пользованія затрогиваетъ слишкомъ много интересовъ, и провозглашеніе такого *коммунистическаго* начала поведетъ ко многимъ замѣшательствамъ. А, между тѣмъ, провозгласивши это начало, уже нельзя будетъ воротиться назадъ и отмѣнить его.

Изъ всего сказаннаго, сорокъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ заключаютъ, что, по ихъ мнѣнію, „предлагаемыя редакціонными комиссіями новыя начала неполной собственности и безсрочнаго права пользованія находятся въ прямомъ противорѣчіи съ основными законами нашего гражданскаго права и несогласны со смысломъ рескриптовъ; не имѣя никакого юридическаго основанія и нарушая права собственности, они ведутъ къ стѣсненію крестьянъ и къ развитію непріязненныхъ отношеній между землевладѣльческимъ и крестьянскимъ сословіями. При возбужденіи общаго недовѣрія и при смѣшеніи понятій о правѣ, подобныя узаконенія могутъ остановить развитіе промышленности и парализовать всю пользу, которую можно было ожидать отъ освобожденія крестьянъ" („Крест. дѣло". Скребицкій Т. I. Гл. VIII).

Приблизительно такіе же доводы приводились противъ предначертаній редакціонной комиссіи о безсрочномъ пользованіи крестьянъ землею тѣми изъ депутатовъ перваго призыва, которые защищали принципъ *неприкосновенности* права собственности. Ограничимся указаніемъ самой характерной рѣчи по этому предмету, именно рѣчи воронежскаго депутата кн. Гагарина.

Послѣ краткаго вступленія, въ которомъ кн. Гагаринъ упомянулъ объ *единогласномъ отказѣ комитетовъ отъ помѣщичьяго права на личность крестьянъ* (?), о потерѣ значительной части дворянскаго достоянія, сопряженной съ регулированіемъ будущей общественной дѣятельности крестьянъ, объ тепломъ участіи къ возрождаемому сословію, которое обезпечивалось, на первое время своего существованія, значительною частью достоянія дворянскаго, кн. Гагаринъ переходитъ къ тому моменту эмансипаціонной дѣятельности, когда проекты губернскихъ комитетовъ поступили наконецъ на утвержденіе высшаго правительства, которое для согласованія ихъ по мѣстностямъ, пространствамъ, или полосамъ, образовало редакціонныя комиссіи, и поручило имъ это дѣло, оградивъ притомъ дворянство призваніемъ депутатовъ отъ каждой губерніи, для личнаго объясненія мѣстныхъ проектовъ. Все до сихъ поръ, продолжаетъ князь, дѣлалось хотя и внѣ закона, *но на основаніяхъ согласія;* законъ не установляетъ и не предписываетъ жертвъ, изъ которыхъ слагается добро; *онъ можетъ утвердить только фактъ общаго согласія на совершеніе добра*, если оно предположено не въ противорѣчіе

съ общимъ благомъ страны, и внести его въ свои скрижали. Поэтому ничѣмъ неоправдываемымъ покушеніемъ на его святыню будетъ сплетеніе изъ его уставовъ такихъ искусственныхъ формулъ, послѣдствіемъ которыхъ будетъ колебаніе недоступныхъ для него самого началъ общественныхъ и охраненіе которыхъ есть жизненное его призваніе. Поэтому, никто не долженъ прямо или косвенно впутывать его въ иниціативу перестановки общественныхъ отношеній, а тѣмъ болѣе невѣрными толкованіями его опредѣленій содѣлывать его участникомъ посягательства на начала, *стоящія выше его, то есть на неприкосновенность правъ собственности.* Самъ августѣйшій Монархъ нашъ, восклицаетъ кн. Гагаринъ, не коснулся самодержавнымъ скипертомъ Своимъ святыни закона; не сдѣлалъ его органомъ воли Своей; но, найдя возможнымъ и полезнымъ ввести преобразованія въ общественномъ устройствѣ, предложилъ ихъ осуществленіе высшему сословію Своего народа. Общая готовность этого сословія сообразоваться и послѣдовать благостнымъ видамъ своего Монарха выразилась тогда всѣми комитетскими постановленіями; слѣдовало только привести ихъ въ одно стройное, правильное цѣлое, и внести для храненія на страницы закона. *Такимъ образомъ преобразованіе сословныхъ отношеній было бы, какъ и должно оно быть, послѣдствіемъ общаго согласія, а не иниціативой закона*, что противно его природѣ". А потому, князь не понимаетъ, какое участіе въ этомъ дѣлѣ могутъ имѣть редакціонныя комиссіи, и какимъ путемъ онѣ дошли до того, чтобы, вмѣсто благостныхъ видовъ Монарха и согласной готовности высшаго сословія послѣдовать Его указаніямъ, заставить говорить законъ? Послѣдствіемъ такого направленія естествено вышло то, что законъ является низведеннымъ съ высоты его, дабы говорить то, что толкованія, безнужно придуманныя для установленія новаго порядка, влагаютъ въ его уста.

Такимъ образомъ редакціонныя комиссіи, для подкрѣпленія своихъ постановленій, заставляютъ законъ дѣйствовать противно охранительному началу своему: превращать полную собственность въ неполную и опредѣлять безсрочность договоровъ на владѣніе тою собственностью.

Указывая на ст. 1-ю заключеній редакціонныхъ комиссій [1]),

---

[1]) Въ этой статьѣ сказано: „Высочайшими рескриптами сохраняется за помѣщиками право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли. Право собственности по закону пріобрѣтается и отчуждается только способами въ законѣ опредѣленными, и потому, пока крестьяне не выкупятъ свою усадебную осѣдлость и не пріобрѣтутъ, по добровольному съ помѣщикомъ соглашенію, поземельный надѣлъ въ собственность, до тѣхъ поръ помѣщики должны быть признаваемы собственниками принадлежащихъ имъ нынѣ земель".

кн. Гагаринъ замѣтилъ, что, при всей видимой простотѣ и ясности этого положенія, въ немъ заключается мысль, нисколько не успокаивающая собственниковъ; стало быть, право помѣщиковъ на земли имъ принадлежащія есть еще вопросъ, нынѣ разрѣшаемый редакціонными комиссіями утвердительно, но завтра могущій, по мнѣнію князя, разрѣшиться и отрицательно. Такая мысль еще болѣе должна, по его мнѣнію, озаботить собственниковъ при постановленіи 2-й статьи [1]). Тутъ князь восклицаетъ: итакъ, вотъ уже полный по закону собственникъ земли является ограниченнымъ по положенію, оставаясь собственникомъ только по имени, за предоставленіемъ крестьянамъ безсрочнаго права на пользованіе своею землею. Выше мы замѣтили, что право собственности есть право, стоящее выше закона, и ввѣряется только его охраненію; но стало быть есть нѣчто выше и этого права, и самаго закона: это есть Положеніе, утвержденное редакціонными комиссіями!

По смыслу статьи 3-й [2]), продолжаетъ кн. Гагаринъ, помѣщики изъ полныхъ собственниковъ своихъ земель дѣлаются неполными, нетолько въ части, но и во всемъ своемъ имѣніи, ибо изъ другихъ статей проекта Положенія князю извѣстно, что по *minimum*'у могутъ отойти отъ нихъ всѣ земли, имъ принадлежащія, въ пользованіе крестьянъ. Чѣмъ же оправдывается, спрашиваетъ онъ, такая перестановка правъ? По смыслу послѣдней статьи 4-й [3]), земли помѣщиковъ отходятъ во владѣніе крестьянъ на безсрочное время и не по договору, а за опредѣленныя повинности, а въ другомъ мѣстѣ Положенія мы видимъ, что эти повинности опредѣляются неизмѣнными, одинъ разъ навсегда.

Такимъ образомъ, установляется для помѣщиковъ новый видъ собственности и на то имущество, которое имъ принадлежало по

---

[1]) Статья эта постановляетъ: „Въ отношеніи усадебъ и земель, которыя поступятъ въ надѣлъ крестьянамъ, общее право собственности помѣщиковъ, до выкупа усадьбъ и пріобрѣтенія крестьянами земель, должно быть ограничено правомъ безсрочнаго и постояннаго пользованія крестьянъ. На семъ основаніи, усадьбы крестьянскія и отведенныя въ надѣлъ земли будутъ принадлежать помѣщикамъ на правѣ неполной собственности“.

[2]) Текстъ статьи: „затѣмъ земли, которыя, за предоставленіемъ усадебъ и земельнаго надѣла крестьянамъ, останутся свободными, будутъ принадлежать помѣщикамъ на правѣ полной собственности“.

[3]) Текстъ статьи: „Право собственности пріобрѣтается только способами, законами опредѣленными. Гдѣ не совершенъ или не соблюденъ сей установленный закономъ охранительный порядокъ пріобрѣтенія правъ собственности, тамъ нѣтъ и права собственности, а потому, до пріобрѣтенія крестьянами въ собственность усадебъ и земель, которыя отданы имъ будутъ въ надѣлъ, крестьяне будутъ имѣть на нихъ одно только безсрочное и постоянное право пользованія“.

вѣковымъ законамъ, подъ названіемъ неполной собственности. И это редакціонныя комиссіи устанавливаютъ будто бы на основаніи рескриптовъ и министерскихъ разъясненій, восклицаетъ кн. Гагаринъ!

Но рескрипты, говоритъ онъ, требовали *улучшенія положенія крестьянъ*, предоставляя имъ только право *въ теченіе опредѣленнаго времени*, выкупать усадебную осѣдлость, и пользоваться отведенными имъ за повинности землями, *совсѣмъ не обязывая помѣщиковъ уступкою этихъ земель навсегда*, и еще за неизмѣняемыя повинности. Сверхъ того, и разъясненія министра, хотя и необязательныя, ограничивали это опредѣленное время 12-ю годами обязаннаго періода, послѣ котораго крестьяне имѣли получить полныя права гражданскія, съ правомъ перехода въ другія мѣстности. *Какою же волею, какою властію, какимъ закономъ*, спрашиваетъ кн. Гагаринъ, обязывались помѣщики на отдѣленіе своихъ земель, въ безсрочное и постоянное пользованіе и за опредѣленныя редакціонными комиссіями разъ навсегда одинаковыя повинности? Такое опредѣленіе переходитъ уже границы указаннаго свыше улучшенія положенія крестьянъ помѣщичьихъ; это уже есть улучшеніе быта крестьянъ свободныхъ, и при томъ на счетъ правъ собственности помѣщиковъ. По какому же это праву? Редакціонныя комиссіи должны были бы, по крайней мѣрѣ, объяснить это. Мы, говоритъ князь, нѣсколько разъ слышали, послѣ объясненія о необходимости обязаннаго для крестьянъ надѣла землями помѣщиковъ, что эта необходимость признана будто бы и закономъ въ ст. 575 т. X. Считаемъ необходимымъ предупредить превратное толкованіе этой статьи, хотя редакціонныя комиссіи и сами не сочли возможнымъ сослаться на оную, въ приведенныхъ выше соображеніяхъ своихъ. Эта статья дѣйствительно признаетъ за государствомъ право отчуждать частную собственность на пользу и употребленіе общія; причемъ владѣльцу возвращается стоимость этой собственности, въ размѣрѣ и на основаніяхъ, опредѣленныхъ послѣдующими до 593-й статьями по сему предмету. Но, несмотря на охранительную силу всѣхъ этихъ статей и правомѣрность вознагражденія, ими указанную, онѣ не относятся къ настоящему вопросу: онѣ узаконяютъ отчужденія частной собственности за приличное вознагражденіе, по *добровольному соглашенію, или по публичной оцѣнкѣ*, въ пользу и *на употребленіе общественное*, стало быть собственникъ, кромѣ правомѣрнаго вознагражденія, остается еще, сверхъ того, участникомъ и общественной пользы и употребленія въ отчужденной отъ него собственности. Но развѣ, спрашиваетъ князь, вышеупомянутая 575 ст. и послѣдующія, до 593-й, узаконяютъ пересвоеніе собственности цѣлаго сословія, и

притомъ не въ пользу общую, государственную, а въ пользу другого сословія? Здѣсь столь огромная разница въ смыслѣ и во всѣхъ послѣдствіяхъ, что примѣненіе къ настоящему вопросу этихъ статей есть оскорбленіе достоинства закона, неоправдываемое никакими придуманными необходимостями. Итакъ, о пересвоеніи собственности отъ одного сословія къ другому, не можетъ быть и рѣчи на основаніи законовъ.

Обращаясь затѣмъ, говоритъ кн. Гагаринъ, къ соображеніямъ, которыми отдѣляется отъ права собственности помѣщиковъ на землю право владѣнія и пользованія оною для крестьянъ, редакціонныя комиссіи ссылаются на законъ и приводятъ въ свидѣтельство того статьи 514 и 535 ч. I т. X. Послѣдняя изъ этихъ статей относится къ движимому имуществу, а потому объ ней кн. Гагаринъ и не говоритъ, какъ къ дѣлу не относящейся. Но посмотримъ, спрашиваетъ онъ, что опредѣляетъ ст. 514.

Въ этой статьѣ сказано: „Когда частный владѣлецъ, удержавъ за собою право собственности по укрѣпленію, отдѣлитъ отъ него владѣніе и передастъ или уступитъ оное по договору, дарственной записи, или другому какому-либо акту, тогда сіе отдѣльное владѣніе составляетъ само по себѣ особое право, коего пространство, пожизненность или срочность опредѣляется тѣмъ самымъ актомъ, какимъ оно установлено“.

Такимъ образомъ, при отдѣленіи права владѣнія или пользованія отъ права собственности, законъ требуетъ: 1) *„свободнаго произвола владѣльца“* на таковое отдѣленіе, и 2) уступки пользованія или владѣнія *„по договору или иному акту“;* слѣдовательно, уступки не безсрочной, а на опредѣленный срокъ; ибо всѣ акты, которыми совершается не перекрѣпленіе недвижимыхъ имуществъ, а передача оныхъ въ пользованіе или владѣніе, „срочны“. Далѣе редакціонныя комиссіи приводятъ въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ о безсрочномъ надѣленіи крестьянъ помѣщичьею землею ст. 515-ю того же тома законовъ. Въ этой статьѣ сказано: Подобнымъ сему образомъ (т. е. указанномъ въ 514), когда по распоряженію правительства, отводятся казенныя земли или угодья городамъ или казеннымъ селеніямъ въ надѣленіе, тогда право собственности на сіи земли сохраняется казнѣ, а тѣмъ городамъ и селеніямъ принадлежитъ одно право владѣнія“.

Очевидно, замѣчаетъ кн. Гагаринъ, что статья эта не можетъ быть примѣнена къ частному имуществу, по самому коренному различію, существующему между государственною и частною собственностію. Это ясно выражаетъ и самый законъ, изъясненный въ сей статьѣ, ибо онъ не основываетъ право собственности казны на землю,

а городовъ и селеній—на владѣнія оною по 514 ст., прямо относящейся къ частнымъ владѣльцамъ, а только уподобляетъ къ ней это право. Но наконецъ, и по этой статьѣ отводъ земель дѣлается по распоряженію правительства, слѣдовательно, *по произволу собственника*, ибо правительство, въ отношеніи казеннаго имущества, представляетъ собою собственника.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, говоритъ кн. Гагаринъ, что заключенія редакціонныхъ комиссій противны смыслу рескриптовъ и духу существующаго гражданскаго права. Они содержатъ въ себѣ какъ бы оправданіе „*споліаціи помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ*". Но споліація не можетъ быть оправдана ни въ какомъ случаѣ, и если она вводится въ законъ, и потомъ уже, какъ законная, приводится въ исполненіе силою или изворотами, то смыслъ ея нисколько не измѣняется, а только виновникомъ въ захватѣ чужой собственности представляется не тотъ, кто тѣмъ воспользуется, а законъ. И здѣсь новое оскорбленіе святыни закона! Законъ существуетъ для охраненія личности, правъ и собственности каждаго отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ. Но когда вмѣсто его административная власть воспользуется силою, ей врученной, чтобы ограничивать произвольно и право, и собственность гражданъ, то законъ упраздняется, перестаетъ быть охранителемъ, и тогда является болѣе, нежели споліація правъ и собственности, но споліація силы закона.

Въ заключеніе кн. Гагаринъ дополнилъ, что „нѣкогда государство, въ видахъ болѣе прочнаго для себя устройства, создало законъ, которымъ установило такъ называемое крѣпостное право, то есть споліировало въ свою пользу право гражданской свободы народа. Если теперь оно, въ подражаніе тому времени, создастъ новый законъ, по которому предоставлено будетъ административной власти произвольное распредѣленіе поземельнаго владѣнія, то оно споліируетъ право собственности землевладѣльцевъ, и уже не въ пользу свою, а въ пользу частную. Тогда по *необходимости* оно поколебало понятіе о правѣ личности и свободы гражданской; теперь *безнужно* потрясетъ понятіе о правѣ собственности. Развѣ можетъ устоять, спрашиваетъ кн. Гагаринъ, общественный миръ и спокойствіе на такой зыбкой почвѣ? Если допустить только, что какое бы ни было учрежденіе, установленное съ административною (?) цѣлью, имѣетъ право по своему произволу устраивать благосостояніе общественное, самыя коренныя основы права гражданъ, безъ всякаго въ томъ ихъ участія, и присвоивать себѣ безотчетное распредѣленіе частнаго богатства, то неминуемымъ послѣдствіемъ того будетъ постоянно тревожное положеніе всѣхъ классовъ народа, ненависть одного сословія къ другому и безпрерывное волненіе. Итакъ, если, какъ выше

сказано, государство нѣкогда признало необходимость закона, которымъ одно сословіе народа лишалось правъ личности и гражданской свободы и ввѣрено было опекѣ, а потомъ и власти другого высшаго сословія, то, когда нынѣ оно признало, что *необходимость въ томъ миновалась*, оно можетъ прекратить силу и дѣйствіе того закона, *согласно* заявленному на то общему согласію, возвративъ одному сословію права гражданскія и *вознаградивъ* другое за ущербъ, ему тѣмъ наносимый. Такое уравновѣшиваніе и возрожденіе правъ гражданскихъ составляютъ аттрибуты силы и власти государственной. Но право собственности не можетъ и не должно быть при томъ потрясаемо: оно есть высшее право; *оно не создано государствомъ, а предшествовало ему*; оно есть родовое начало въ жизни народа; государство и законъ, призванные къ его охраненію, не могутъ располагать его добромъ, имъ ввѣреннымъ. Конечно, можно это предложить, быть можетъ, въ томъ и успѣть, но такой успѣхъ поколеблетъ то самое начало, изъ котораго истекаютъ и сила, и власть, и въ которомъ заключено условіе ихъ жизненности. Къ счастію, въ настоящемъ случаѣ не нужны ни подобныя предложенія, ни искусственная обстановка и опасная ссылка на законы: дворянство, какъ собственникъ и первый охранитель порядка, *пошло впереди предложенія, и само* своимъ состояніемъ обезпечиваетъ мирное и законное развитіе предпринятаго преобразованія. Въ какой степени оно того достигаетъ, ему это извѣстно не изъ умозрѣній; оно возникло изъ народа, оно живетъ въ народѣ, всегда звалось и всегда было „кормилицемъ и отцемъ его“ и знаетъ не изъ теорій его потребности, его характеръ и обычаи; пользы и нужды у него общія съ народомъ, не правомъ завоеванія, но правомъ поколѣннымъ оно осоюжено съ нимъ, и всякій судья, извнѣ и не вратами входящій въ огражденіе того народа, не будетъ ему пастыремъ добрымъ“. (Ibid. стр. 147—152).

Этими громкими фразами кн. Иванъ Васильевичъ Гагаринъ заключилъ свой безтолковый отзывъ.

Все сказанное депутатами о нарушеніи правъ собственности чрезъ дарованіе крестьянамъ права безсрочнаго владѣнія помѣщичьими землями было совершенно справедливо. Съ этимъ, какъ увидимъ ниже, принуждена была согласиться и редакціонная комиссія. Но не правы были депутаты, когда указывали будто только *одна* редакціонная комиссія нарушаетъ права собственности и нарушаетъ ихъ единственно установленіемъ безсрочнаго пользованія на помѣщичьи земли — будто возможно разрѣшить крестьянское дѣло безъ нарушенія правъ собственности. Разъ депутаты сочли необходимымъ напасть на предначертанія редакціонной комиссіи о безсрочномъ пользованіи, потому что ими нарушаются права соб-

ственности, на томъ же самомъ основаніи они должны были противостать относительно и другихъ заключеній редакціонной комиссіи, не менѣе нарушавшихъ права собственности, а именно: отмѣна безъ вознагражденія помѣщичьяго права на личность и трудовую силу крестьянъ, обязательство, наложенное на помѣщиковъ, продать крестьянамъ усадьбы, по цѣнѣ, опредѣленной правительствомъ и опредѣленной не на основаніи 575 ст. X т., говорящей объ экспропріаціи. Мало того, если бы даже исполнить, чего требовали сорокъ депутатовъ второго призыва и нѣсколько депутатовъ перваго, а именно: предоставить крестьянамъ помѣщичьи земли въ пользованіе *лишь на переходное время*—постановленія, безусловная необходимость котораго признавалась большинствомъ депутатовъ—то и тогда права собственности были бы нарушены, такъ какъ это сдѣлано было бы вопреки желаніямъ нѣкоторыхъ комитетовъ и депутатовъ, слѣдовательно, не по добровольной уступкѣ собственникомъ права пользованія на свое имущество, какъ того требуетъ Сводъ Законовъ. За немногими исключеніями, депутаты, защищавшіе безземельное освобожденіе, обходили эти вопросы молчаніемъ, ибо въ отношеніи двухъ первыхъ—отмѣны права собственности на трудовую силу и обязательства продать усадьбы—имъ пришлось бы возражать противъ высочайшихъ постановленій, что они не считали удобнымъ и практичнымъ; а признаніе же съ ихъ стороны, что и предлагавшееся ими, какъ безусловная необходимость, временное пользованіе крестьянъ помѣщичьими землями не могло быть приведено въ согласіе съ дѣйствующими законами о правахъ собственности, отняло бы у нихъ возможность нападать на заключенія редакціонной комиссіи о безсрочномъ пользованіи, какъ на нарушающія права собственниковъ.

Только нѣкоторые изъ этой группы депутатовъ, предвидя возраженія, пытались разными софизмами обосновать мысль, будто лишь одна редакціонная комиссія своими постановленіями нарушаетъ права собственности, и будто, если устранить безсрочное пользованіе крестьянъ помѣщичьими землями, то крестьянская реформа можетъ быть совершена безъ нарушенія законовъ о собственности. Образчики этихъ софизмовъ въ достаточномъ количествѣ читатель можетъ найти въ отрывкахъ приведенной выше рѣчи кн. Гагарина, которые мы, съ цѣлью обратить на нихъ вниманіе, написали курсивомъ. Софизмы эти построены были на *утвержденіи*, будто до учрежденія редакціонной комиссіи все дѣлалось хотя и *внѣ закона*, но на *основаніяхъ согласія дворянства*. А гдѣ есть согласіе на пожертвованіе правомъ, тамъ нѣтъ нарушенія права. Читатель видитъ, сколько фактической лжи заключается въ этомъ

утвержденіи. Онъ знаетъ объ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній, въ которомъ говорилось: усмотрѣно, что нѣкоторые изъ губернскихъ комитетовъ опредѣлили вознагражденіе помѣщиковъ за теряемое ими крѣпостное право на личность крестьянъ; въ виду этого, министръ проситъ обратить вниманіе комитетовъ, что „Государь Императоръ повелѣлъ мнѣніе это отвергнуть, ибо Его Величество неоднократно уже призналъ, что личность крестьянъ и обязательный трудъ выкупу подлежать не могутъ".

Но, не ограничиваясь указаніемъ на завѣдомую ложь указаннаго *утвержденія,* поставимъ вопросъ: въ какихъ формахъ разрѣшилось бы крестьянское дѣло, какія новыя условія сельскаго быта возникли бы на Руси, если бы былъ проведенъ принципъ отмѣны помѣщичьихъ правъ *лишь на основаніи согласія губернскихъ комитетовъ,* т. е. согласно составленнымъ комитетами положеніямъ? Изъ отвѣта на этотъ вопросъ можно увидѣть ясно, возможно ли было совершеніе крестьянской реформы на принципѣ *добровольнаго отреченія отъ правъ;* иначе—*возможно ли было преобразованіе безъ принудительнаго нарушенія правъ собственности.*

Положивъ въ основаніе крестьянской реформы принципъ добровольнаго отреченія собственниковъ отъ правъ, пришлось бы для каждой губерніи установить условія сельскаго быта согласно съ предначертаніями дворянскихъ комитетовъ. А предначертанія комитетовъ были чрезвычайно различны. Не говоря уже о различныхъ нормахъ оцѣнки усадебъ, надѣловъ, повинностей, изъ коихъ большая часть были такъ высоки, что не только въ конецъ разорили бы крестьянъ, но послѣдніе и не могли бы уплачивать ихъ, что повело бы къ непрерывнымъ и повсемѣстнымъ вмѣшательствамъ властей, войска—а результаты такого положенія дѣлъ предвидѣть не трудно—мы укажемъ на самыя основныя различія въ „положеніяхъ" губернскихъ комитетовъ. Одни полагали надѣлить крестьянъ землею лишь на переходное время; другіе—въ постоянное пользованіе, причемъ разные комитеты въ неодинаковой степени удерживали за помѣщиками крѣпостныя права на личность крестьянъ и ихъ трудъ; третьи предоставляли крестьянамъ право выкупа съ согласія помѣщика поземельныхъ угодій; четвертые установили обязательный выкупъ. Такимъ образомъ, если бы былъ принятъ принципъ добровольнаго отреченія отъ правъ за основаніе преобразованія, то устройство сельскаго быта на Руси представило бы слѣдующую картину. Въ однѣхъ губерніяхъ крестьяне сдѣлались поземельными собственниками, въ другихъ они обратились въ бездомныхъ батраковъ, въ третьихъ—сохраняютъ право пользованія землями, но,

вмѣстѣ съ тѣмъ, на нихъ продолжаютъ тяготѣть барщины и другіе виды крѣпостного права. И часъ уничтоженія крѣпостного права пробьетъ не раньше, какъ пока помѣщики не согласятся отречься отъ него. Возможно ли было бы такое положеніе дѣлъ? Не коренились ли въ немъ источники смуты? Возможны ли были при такихъ условіяхъ сельскаго быта тѣ реформы, которыя совершены послѣ крестьянской, или пришлось бы ограничиться введеніемъ этихъ реформъ лишь въ губерніяхъ, гдѣ крестьяне получили всѣ права свободнаго состоянія? Вотъ тотъ невозможный, нелѣпый порядокъ вещей, долженствовавшій явиться результатомъ переустройства крестьянскаго быта на принципѣ „неприкосновенности частной собственности", „добровольнаго пожертвованія правами".

Такова была уже природа крестьянской реформы, что нарушеніе ею правъ собственности было неизбѣжно. Совершить уничтоженіе крѣпостного права въ Россіи, при наличныхъ жизненныхъ условіяхъ, и не нарушить правъ собственности было дѣломъ невозможнымъ. Это убѣжденіе открыто высказали многіе депутаты.

Редакціонная комиссія не могла не признать справедливости доводовъ, представленныхъ депутатами, что надѣленіе крестьянъ помѣщичьею землею, на которую помѣщики сохраняютъ лишь право *неполной* собственности, есть нарушеніе дѣйствующихъ законовъ о собственности. А потому, по выслушаніи отзывовъ депутатовъ, комиссія открыто заявила, что она „*не могла выводить вновь создаваемыхъ имущественныхъ отношеній изъ существующихъ узаконеній;* она руководствовалась въ своихъ работахъ *высочайше* утвержденными началами и уже къ нимъ примѣняла дѣйствующіе законы". (Матер. ред. ком. т. XII, стр. 79).

Но это нарушеніе дѣйствующаго гражданскаго права вызывается какъ это и заявила редакціонная комиссія, настоятельною государственною необходимостью. Поэтому, „оставивъ въ сторонѣ безплодную, по словамъ комиссіи, въ данномъ случаѣ, юридическую полемику съ депутатами", комиссія отвѣчала защитникамъ безземельнаго освобожденія ссылками на государственный интересъ. Укажемъ нѣсколько самыхъ существенныхъ соображеній комиссіи по этому предмету.

По предложенію сторонниковъ безземельнаго освобожденія, — говоритъ редакціонная комиссія: — крестьяне обезпечиваются пользованіемъ землею, за установленную повинность, только на возможно краткій, срочно-обязанный періодъ, а по истеченіи этого періода, всякое право на пользованіе вѣковымъ ихъ надѣломъ прекращается для нихъ, и они, становясь къ владѣльцамъ въ положеніе простыхъ наемщиковъ или батраковъ, могутъ быть произвольно сгоняемы съ

земли, если не согласятся держать ее на тѣхъ условіяхъ, какія будутъ предписаны владѣльцемъ. Другими словами: безземельное освобожденіе отсрочивается только на нѣсколько лѣтъ (по мнѣнію 37 депутатовъ—на 3 года), и по истеченіи этого срока, правительство должно будетъ взять на себя насильственное приведеніе въ исполненіе, въ отношеніи къ крестьянамъ, того, что уже нынѣ оно считаетъ несправедливымъ и на самомъ дѣлѣ неосуществимымъ. Редакціонная комиссія недоумѣвала передъ возможностью заявлять въ настоящее время подобныя требованія, и желать или надѣяться возвращенія Россіи къ тѣмъ временамъ, когда законъ объ Юрьевѣ днѣ составлялъ единственное обезпеченіе крестьянъ, и послѣдніе были приведены въ состояніе крайняго нищенства и разоренія, не взирая ни на многоземеліе, которымъ русская земля отличалась тогда, конечно, болѣе чѣмъ теперь, несмотря даже на личную свободу и безграничное право перехода, не стѣсненнаго ни паспортною, ни фискальною или рекрутскою системою. Казалось, общественное мнѣніе, уже безусловно осудило подобныя несбыточныя мечты и единожды навсегда признало ихъ практическую несостоятельность.

34 члена губернскихъ комитетовъ основываютъ свое требованіе „безземельнаго" освобожденія крестьянъ, главнымъ образомъ, на томъ, что, по ихъ мнѣнію, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякаго закона, не отнимающаго у крестьянъ права постояннаго пользованія прежнею ихъ землею, за умѣренныя повинности, должны быть: „всеобщій упадокъ дѣятельности и остановка развитія промышленности; привычка крестьянъ ожидать и требовать обезпеченія своихъ потребностей отъ правительства; наконецъ, несогласія и борьба двухъ сословій". Но, кажется, упадка въ дѣятельности и остановки въ развитіи промышленности можно бы скорѣе ожидать отъ внезапнаго, теперь или черезъ три года, и единовременнаго вдругъ извращенія всѣхъ хозяйственныхъ привычекъ, обычаевъ и выгодъ 20-ти милліоновъ жителей, отъ насильственнаго и единовременнаго отобранія у нихъ, часто противъ ихъ воли, обычнаго и главнаго ихъ орудія производства (instrument de travail)—земли, или насильственнаго наложенія на нихъ обязанности пользоваться этимъ орудіемъ не по обычаю, а на новыхъ, ими неизвѣданныхъ, и для нихъ часто стѣснительныхъ условіяхъ. Что касается до страха поселить въ крестьянахъ привычку ожидать и требовать обезпеченія своихъ потребностей отъ правительства, то повсемѣстный опытъ могъ бы убѣдить 34 членовъ, что правительство болѣе и чаще всего вынуждается приходить на помощь рабочимъ сословіямъ тамъ, гдѣ послѣднія обречены на тотъ пролетаріатъ, который черезъ три года наступилъ бы для крестьянъ русскихъ, въ случаѣ лишенія ихъ права на

пользованіе землею, и гдѣ до крайности ослабла общинная связь, въ пользу насильственнаго упраздненія которой 34 члена говорятъ. Они могли бы убѣдиться изъ примѣра самой Англіи, что подать въ пользу бѣдныхъ (poortax) получила полнѣйшее свое осуществленіе именно тамъ, гдѣ издавна водворилась самая полная личная, безземельная свобода рабочихъ классовъ, и притомъ, несмотря на то, что тамъ эта личная гражданская свобода успѣла окрѣпнуть уже вѣками, равно охраняемая закономъ, обычаемъ и жизнью.

Наконецъ, безпристрастный взглядъ на дѣло и твердое памятованіе исторіи достаточно убѣждаютъ, что безземельная свобода крестьянъ не есть еще достаточное ручательство за устраненіе несогласій и борьбы двухъ сословій. Примѣровъ противнаго много кругомъ Россіи, въ отдаленной и ближайшей исторіи всѣхъ народовъ, особенно Германіи и Австріи. Неудачный опытъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ и губерніяхъ Эстляндской и Лифляндской, въ началѣ нынѣшняго вѣка, служатъ также полновѣснымъ къ тому доказательствомъ.

Если правительство, по необходимости, видитъ себя вынужденнымъ вводить безсрочное очиншеваніе тамъ, гдѣ доселѣ поземельныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ опредѣлялись одними добровольными соглашеніями, то трудно предполагать, чтобы въ настоящее время въ областяхъ собственно русскихъ, въ большей части которыхъ крестьянинъ, уже два съ половиною вѣка, крѣпокъ землѣ, можно было отказаться отъ добрыхъ результатовъ, добытыхъ предшествующимъ развитіемъ, и лишить крестьянское сословіе того обезпеченія, право на которое имъ куплено цѣною такого тяжелаго и долговременнаго испытанія.

Въ послѣднемъ совокупномъ отзывѣ своемъ отъ 13-го апрѣля 1860 г., въ которомъ тридцать семь членовъ второго приглашенія излагаютъ, по собственному ихъ выраженію, свое окончательное мнѣніе объ общемъ характерѣ и результатахъ трудовъ редакціонныхъ комиссій и предлагаютъ главныя основанія для рѣшенія крестьянскаго вопроса, вновь повторены ими прежніе ихъ доводы и, сверхъ того, введены нѣкоторыя новыя соображенія о тѣхъ размѣрахъ, которыми они признаютъ полезнымъ ограничить выкупъ крестьянскихъ земель. Отзывъ этотъ особенно замѣчателенъ, какъ потому, что въ немъ еще нагляднѣе выясняется мысль безземельнаго освобожденія крестьянъ, такъ и потому, что въ немъ, даже и наружнымъ образомъ, не скрыто направленіе, клонящееся къ одностороннему огражденію и развитію выгодъ однихъ владѣльцевъ, безотносительно къ настоятельнѣйшимъ потребностямъ крестьянскаго сословія, многократно и ясно указаннымъ правительствомъ.

Отрекшись отъ своихъ крѣпостныхъ правъ, говорятъ тридцать семь членовъ второго приглашенія:—дворянство не считаетъ возможнымъ принять на себя, сверхъ того, какія-нибудь земельныя пожертвованія. Затѣмъ вся послѣдующая часть указаннаго отзыва есть не что иное, какъ развитіе этой основной мысли. Переходъ къ свободнымъ отношеніямъ, говорятъ они:—былъ бы весьма легокъ и простъ: нужно только предоставить крестьянамъ пользованіе помѣщичьею землею на опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго остатки отъ крѣпостныхъ отношеній должны замѣниться правильнымъ договоромъ. Срокъ этотъ назначается тридцатью семью членами трехлѣтній; въ теченіе этого срока могутъ быть заключаемы добровольные срочные договоры, на шесть лѣтъ и болѣе, и съ заключеніемъ такого договора прекращается навсегда для помѣщика обязательное обезпеченіе крестьянъ землею.

Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ къ концу приготовительнаго (трехлѣтняго) періода не состоится добровольныхъ договоровъ съ крестьянами и не будетъ заявлено самимъ помѣщикомъ желаніе предоставить имъ землю въ выкупъ, тамъ крестьянамъ дается право немедленнаго перехода на казенныя земли и земли другихъ помѣщиковъ. Объ обязанности для владѣльцевъ продать крестьянамъ усадьбы въ предположеніи тридцати семи членовъ умалчивается вовсе. Такимъ образомъ, въ свободныхъ контрактахъ помѣщика съ крестьянами, тридцать семь членовъ видятъ единственную возможную форму для будущихъ поземельныхъ отношеній обоихъ сословій и всемѣрно стремятся оправдать ее началами политико-экономической науки. Призывая ее къ себѣ на помощь, тридцать семь членовъ забываютъ лишь одно—уроки историческаго опыта, научившаго государства цѣнить важность твердаго земельнаго обезпеченія сельскихъ рабочихъ классовъ, и крайнее своеобразіе тѣхъ мѣстныхъ и временныхъ условій, среди которыхъ совершается настоящее преобразованіе и которыя кладутъ рѣзкую черту различія между настоящимъ экономическимъ бытомъ Россіи и хозяйственнымъ бытомъ нѣкоторыхъ другихъ странъ.

Между тѣмъ, полезно и естественно было бы защитникамъ личной свободы дать себѣ безпристрастный отчетъ въ томъ, какія оказались бы на практикѣ дѣйствительныя послѣдствія предлагаемой ими системы, если бы она, сверхъ ожиданія, была принята правительствомъ? Обращаясь къ дѣйствительности, тридцать семь членовъ легко убѣдились бы, что, лишая крестьянина того прочнаго земельнаго обезпеченія, котораго ищетъ для него правительство, и суля ему, взамѣнъ того, мнимую безграничную свободу передвиженія и предложенія своего труда всюду, гдѣ

трудъ этотъ лучше вознаграждается, они на дѣлѣ подготовляютъ крестьянину самую горькую будущность; ибо, если вездѣ трудно безземельному работнику выдержать неравную борьбу съ капиталомъ, и если вездѣ переселеніе на новое мѣсто считается горькою необходимостью, разорительною для простолюдина, то у насъ при кратковременности лѣтняго періода, при несовершенствѣ путей сообщенія и особенномъ устройствѣ обществъ, тѣсно связанномъ со всею системою казеннаго управленія, сулимая безграничная свобода передвиженія будетъ еще долгое время далека отъ дѣйствительнаго своего осуществленія. Самое устраненіе этихъ препятствій къ свободѣ передвиженія зависитъ не отъ одного только правительства, но еще и отъ множества другихъ обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ со всею нашею общественною жизнью и природными условіями страны. Во всякомъ случаѣ, надежда и разсчетъ на возможность немедленнаго и безусловнаго ихъ устраненія, хотя бы и при самомъ усердномъ стремленіи къ тому правительства, обличаютъ въ лицахъ, на такомъ разсчетѣ исключительно основывающихъ одностороннее разрѣшеніе крѣпостного вопроса, совершенную неопытность или совершенное пренебреженіе условій дѣйствительной жизни.

Впрочемъ, уже одно желаніе соблюсти выгоды владѣльцевъ не могло окончательно не привести тридцать семь членовъ къ сознанію, что предлагаемая ими система безземельнаго освобожденія крестьянъ должна во многихъ случаяхъ оказаться разорительною для самого дворянства. На это обстоятельство многократно указывали редакціонныя комиссіи; оно было вновь подтверждено и нѣкоторыми членами перваго приглашенія, особенно ярославскими, рязанскими и проч. Тридцать семь членовъ, въ послѣднемъ отзывѣ своемъ, высказались въ слѣдующихъ словахъ: „впрочемъ, считая добровольные договоры самымъ лучшимъ и правильнымъ средствомъ къ установленію новыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, мы не можемъ не сознаться, что полное и немедленное примѣненіе этого начала могло бы, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, привести помѣщиковъ къ совершенному разоренію“. На этомъ основаніи, тридцать семь членовъ предполагаютъ:

1) Предоставить каждому помѣщику право требовать выкупа крестьянскихъ угодій, по оцѣнкѣ, какая будетъ установлена мѣстными комиссіями.

2) Выкупъ можетъ быть распространенъ и на цѣлую губернію постановленіемъ губернскаго дворянскаго собранія.

3) Но и въ такомъ случаѣ необходимо предоставить отдѣльнымъ

собственникамъ право отказаться отъ продажи земель, если мѣстныя условія дѣлаютъ ее затруднительною.

Первое очевидное и неизбѣжное послѣдствіе всей совокупности предлагаемой тридцатью семью членами системы заключается въ слѣдующемъ: вездѣ, гдѣ земля цѣнная и гдѣ густое народонаселеніе обезпечиваетъ наемъ ея у помѣщиковъ по высокой цѣнѣ, тамъ владѣльцы будутъ стараться отдавать землю въ аренду крестьянамъ по контрактамъ. Само собой разумѣется, что при этомъ они будутъ искать имѣть дѣло лишь съ самыми зажиточными крестьянами, и потому арендованіе земель сосредоточится въ рукахъ немногихъ крестьянъ богатыхъ; бѣдные должны будутъ или снимать ее у послѣднихъ, изъ вторыхъ рукъ, съ непомѣрнымъ возвышеніемъ платы, или обратятся въ простыхъ работниковъ и бродячее сельское населеніе. То и другое, особенно при обычномъ и давно развившемся у насъ отсутствіи (абсентеизмѣ) помѣщиковъ изъ ихъ имѣній, неизбѣжно подастъ поводъ къ постепенному устройству у насъ поземельной собственности, на основаніяхъ, весьма сходныхъ съ тою системою, которая господствовала въ Ирландіи.

Въ сравненіи съ послѣднею, положеніе нашихъ крестьянъ будетъ, однако, хуже въ томъ отношеніи: 1-е, что свобода передвиженія будетъ болѣе или менѣе стѣснена (независимо отъ физическихъ условій страны) еще законами о паспортахъ и обязанностью искать увольненія отъ общества и приписываться къ новому обществу; 2-е, что тѣ же члены второго приглашенія предлагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ безземельномъ освобожденіи крестьянъ, сохранить за владѣльцами наслѣдственную, патримоніальную власть; а власть эта, во многихъ случаяхъ, сдѣлаетъ владѣльца судьею въ собственномъ дѣлѣ и будетъ исключительно обращена къ одностороннему огражденію хозяйственныхъ выгодъ помѣщика, въ ущербъ подсудныхъ крестьянъ.

Второе неизбѣжное послѣдствіе системы, предлагаемой тридцатью семью членами, будетъ то, что во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ и имѣніяхъ, гдѣ земля имѣетъ сравнительно малую цѣнность, тамъ правительство обязано будетъ выкупить оную у владѣльцевъ по произвольнымъ оцѣнкамъ, которыя будутъ установляемы комиссіями подъ мѣстнымъ вліяніемъ своихъ помѣщиковъ.

Такимъ образомъ, у крестьянина будетъ отнято постоянное право на пользованіе землею тамъ, гдѣ послѣдняя имѣетъ цѣнность; и наоборотъ, земля будетъ продажею навязана и правительству, и крестьянамъ, и притомъ по болѣе или менѣе произвольной оцѣнкѣ именно тамъ, гдѣ она малоцѣнна или непроизводительна.

Редакціонныя комиссіи полагали, что такой порядокъ не обезпе-

чить ни крестьянъ, ни финансовыхъ интересовъ правительства, и не послужитъ къ мирному и удовлетворительному разрѣшенію крестьянскаго вопроса.

Онѣ были убѣждены, что всѣ эти разнообразныя цѣли лучше достигаются и лучше примиряются съ законными интересами дворянства въ той системѣ, которая предположена редакціонными комиссіями, сообразно даннымъ Императоромъ указаніямъ. Крестьяне получаютъ постоянное и безсрочное право пользоваться достаточнымъ количествомъ земли; помѣщикамъ предоставляется взамѣнъ того повинность въ видѣ оброковъ, близко подходящихъ къ дѣйствительно существующимъ; государство и общество ограждаются отъ опаснаго водворенія безграничнаго бродяжничества. Затѣмъ подготовляется постепенный и правильный исходъ изъ всегда тягостныхъ обязательныхъ отношеній посредствомъ выкупа. *Редакціонныя комиссіи признали за крестьянами право пользованія безсрочное, но не вѣчное. Между тѣмъ и другимъ есть существенная разница*, истекающая изъ необходимости, согласно журналу главнаго комитета 4-го декабря, не увѣковѣчивать срочно-обязанныхъ отношеній и прекратить современемъ такое безсрочное пользованіе посредствомъ полюбовнаго выкупа. Странно, что тридцать семь членовъ второго призыва, столь тщательно занимавшіеся юридическою стороною вопроса, не подмѣтили *этого важнаго различія*. Выкупъ угодій производится, съ гарантіею правительства, на основаніи добровольныхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами; помѣщику дозволяется на извѣстныхъ условіяхъ требовать выкупа, по одностороннему своему желанію, но не на основаніи какихъ-либо произвольныхъ мѣстныхъ оцѣнокъ, а съ строгимъ соблюденіемъ охранительныхъ для казны и крестьянъ правилъ, единожды твердо начертанныхъ, и отъ которыхъ не допускаются отступленія въ силу мѣстнаго произвола. Редакціонная комиссія не видѣла ни малѣйшей возможности отступить отъ этихъ основаній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія замѣчала, что она, съ своей стороны, не отвергаетъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, но, напротивъ, даетъ имъ возможный просторъ, какъ при опредѣленіи количества надѣла, отводимаго крестьянамъ въ пользованіе или на выкупъ, такъ и для установленія размѣра крестьянскихъ повинностей. Но существенное, въ этомъ отношеніи, различіе системы комиссій отъ системы членовъ губернскихъ комитетовъ состоитъ въ томъ, что послѣдніе предаютъ крестьянина безусловно на произволъ случая, не ограждая его какими бы то ни было нормальными правилами; комиссія же допускаетъ добровольныя соглашенія каждый разъ, когда обѣ стороны сочтутъ таковыя

для себя болѣе выгодными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, установляетъ, въ огражденіе крестьянъ, и нормальныя правила, которыя немедленно входятъ въ дѣйствіе, коль скоро добровольнаго соглашенія не состоится (Скреб. Т. II, ч. I, стр. 586—595).

Всѣ вышеизложенныя соображенія убѣдили редакціонную комиссію въ томъ, что въ силу политическихъ соображеній громадной важности земельный надѣлъ *не можетъ не быть предоставленъ крестьянамъ въ пользованіе постоянное и безсрочное.*

Что касается возраженій, будто безсрочное право пользованія крестьянъ помѣщичьею землею „находится въ прямомъ противорѣчіи со смысломъ рескриптовъ“, съ этимъ редакціонная комиссія также не могла согласиться, и вотъ почему: Рескриптъ, предоставляя въ пользованіе крестьянъ надлежащее, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ помѣщикомъ и правительствомъ, количество земли, имѣлъ въ виду *постоянныя* потребности крестьянскаго сословія, а именно: нужду обезпеченія ихъ быта; поэтому онъ, очевидно, не могъ, для удовлетворенія таковыхъ *постоянныхъ* нуждъ, предписывать одинъ лишь срочный или временной надѣлъ землею, ибо, по истеченіи такого срока, крестьянское сословіе оказалось бы вновь ни мало не обезпеченнымъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что и разъясненіе министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ было сказано, что „земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра“, относилось не единственно къ срочно-обязанному періоду, а указывало на *безсрочное* пользованіе крестьянъ помѣщичьею землею (Ibid. стр. 589 и 590).

Рядомъ со сторонниками безземельнаго освобожденія была другая многочисленная группа депутатовъ, также протестовавшая противъ установленія редакціонной комиссіею безсрочнаго пользованія крестьянами помѣщичьею землею, но требовавшая не обезземеленія крестьянъ, а *обязательнаго* выкупа поземельныхъ угодій при посредствѣ правительства. Но такъ какъ обязательный выкупъ былъ предначертанъ только немногими положеніями губернскихъ комитетовъ и не могъ быть обоснованъ дѣйствующими законами, то, казалось бы, сторонники обязательнаго выкупа уже никоимъ образомъ не могли нападать на безсрочное пользованіе съ точки зрѣнія, что такое пользованіе есть нарушеніе правъ собственности. Еще можно понять такой доводъ въ отзывахъ депутатовъ, желавшихъ безземельнаго освобожденія и соглашавшихся на обязательный выкупъ только ради устраненія безсрочнаго пользованія, какъ бо́льшаго зла. Но совершенно не было мѣста возраженіямъ по поводу нарушенія права собственности въ

отзывахъ депутатовъ, стоявшихъ за надѣленіе крестьянъ землею и обязательный выкупъ ея при посредствѣ правительства. Очевидно, для этихъ депутатовъ, составлявшихъ добрую половину перваго призыва, умѣстно было нападать на безсрочное пользованіе лишь по основаніямъ политико-экономическимъ. Но какъ ни очевидно это, значительная часть депутатовъ, стоявшихъ за обязательный выкупъ, какъ за единственно правильное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, не могли отказать себѣ въ удовольствіи язвительно поговорить насчетъ нарушенія редакціонной комиссіею правъ собственности, а непосредственно за тѣмъ высказывали требованіе обязательнаго выкупа, представлявшаго собою такое же нарушеніе права собственности, какъ и постановленіе безсрочнаго пользованія крестьянами помѣщичьею землею. Для примѣра укажемъ на отзывъ депутатовъ: *Офросимова и кн. Волконскаго.*

Установленіе безсрочнаго пользованія крестьянами помѣщичьею землею, говорятъ эти депутаты, было бы явною, ничѣмъ неоправданною споліаціею въ отношеніи къ помѣщикамъ. Подъ словомъ споліація разумѣется здѣсь вообще тотъ фактъ, когда отъ собственника отнимается, безъ его на то соизволенія и безъ надлежащаго вознагражденія, вся или часть его собственности въ пользу несобственника.

Что помѣщики имѣли всегда полное право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, и что крестьяне не имѣли ни юридическаго, ни фактическаго права ни на какую часть этихъ земель—это Офросимовъ и кн. Волконскій доказывали слѣдующимъ:

Помѣщикъ имѣлъ право владѣть крѣпостными людьми, но обязывался приписать ихъ къ какой либо недвижимой собственности, или даже къ капиталу. Въ случаѣ неисполненія этого правила, крѣпостной человѣкъ дѣлался свободнымъ, помѣщикъ же не лишался ни своей недвижимой собственности и не обязывался снабжать его землею.

Помѣщикъ обязывался давать своимъ крѣпостнымъ людямъ достаточное пропитаніе; но отводилъ ли онъ имъ для сего землю въ томъ или другомъ количествѣ, или содержалъ на мѣсячинѣ, или отпускалъ на заработки, все равно, законъ требовалъ только чтобы матеріально крѣпостные люди не терпѣли нужды.

Для обезпеченія крѣпостныхъ людей, правда, законъ обязывалъ помѣщиковъ при продажѣ земли изъ населенныхъ имѣній оставлять $4^1/_2$ десятины на душу; но въ случаѣ неисполненія сего правила, крѣпостные люди отбирались въ казну; поземельныя же права помѣщиковъ оставались неприкосновенными.

Фактическое пользованіе крѣпостными помѣщичьею землею не

только не было постоянное, но даже не было опредѣлено никакимъ обычаемъ.

Помѣщики брали крестьянъ во дворъ; лишали ихъ земли; перемѣняли надѣлы по своему усмотрѣнію, и налагали на крестьянъ за данную имъ землю, повинности, какія считали возможными.

Итакъ вводимое редакціонными комиссіями безсрочное пользованіе крестьянами помѣщичьею землею по мнѣнію Офросимова и кн. Волконскаго, есть не что иное, какъ „споліація".

„Споліація" не можетъ быть оправдана ни въ какомъ случаѣ, и если она вводится въ законъ и приводится въ исполненіе силою или хитростію, то смыслъ ея нисколько не измѣняется, а лишь только виновникомъ въ „споліаціи" представляется не тотъ, который получаетъ отъ нея выгоду, а самъ законъ.

Обязанность закона — охранять личность, свободу и собственность каждаго. Всякая „споліація" нарушаетъ эти условія и носитъ въ себѣ начало революціонное.

Изъ всего вышеописаннаго ясно, что, юридически говоря, „самое справедливое было бы освобожденіе крестьянъ безъ земли, съ признаніемъ за помѣщиками права полной собственности на всю землю".

Но затѣмъ является вопросъ: возможно ли въ Россіи, государствѣ земледѣльческомъ, освобожденіе болѣе 20-ти милліоновъ земледѣльцевъ безъ земли? Офросимовъ и кн. Волконскій сознаются сами, что на вопросъ этотъ нельзя отвѣчать иначе, какъ отрицательно.

Народъ нашъ, говорятъ эти депутаты, никогда не пойметъ тѣхъ юридическихъ началъ, въ силу которыхъ онъ будетъ пущенъ на волю безъ земли, безъ крова и безъ хлѣба.

Государь при спутанности въ народѣ (вслѣдствіе крѣпостного права) идей общей справедливости, не будетъ въ состояніи удержать безземельное народонаселеніе въ предѣлахъ необходимыхъ для гражданскаго устройства и порядка.

Однимъ словомъ: „пріобрѣтеніе земель для крестьянъ является необходимостью государственною".

Въ виду такой государственной необходимости, Офросимовъ и кн. Волконскій предлагаютъ примѣнить для разрѣшенія крестьянскаго дѣла 575 ст. X т., говорящую объ отчужденіи частной собственности въ пользу общую или государственную за приличное вознагражденіе собственника, и находятъ, что на почвѣ этой статьи можно обосновать надѣленіе крестьянъ землею дѣйствующимъ законодательствомъ и, такимъ образомъ, совершить реформу безъ потрясенія гражданскаго права. („Крест. дѣло". Скреб., т. I гл. VIII).

Но каждый прочитавшій 575 ст. X т. и слѣдующія, находящіяся

съ нею въ связи, до 594, убѣдится, что на нихъ никоимъ образомъ нельзя было основать надѣленіе крестьянъ помѣщичьею землею. Статья 575 говоритъ:

„Когда частное недвижимое имущество потребуется для какой либо государственной или общественной пользы или необходимаго употребленія, тогда владѣльцу онаго должно быть опредѣлено въ то же время приличное вознагражденіе“.

Статья 576-я — „Всѣ случаи, въ коихъ можетъ представиться нужнымъ обратить частное недвижимое имущество на государственную или общественную пользу, какъ-то: для открытія и устроенія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, для возведенія необходимыхъ казенныхъ и публичныхъ зданій, и *тому подобныхъ потребностей*, опредѣляются не иначе, какъ именными высочайшими указами“.

Спрашиваемъ возможно ли было примѣнить слова 576-й ст. „*и тому подобныя потребности*“ къ экспропріаціи помѣщичьей земли, для отдачи ея въ собственность крестьянъ? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ самый правильный. Ибо ст. 576-я прямо указываетъ для какого рода государственныхъ цѣлей законъ допускаетъ экспропріацію. Надо сдѣлать большую натяжку, чтобы подъ слова „и тому подобныя потребности“ подвести отчужденіе частной недвижимой собственности для надѣленія ею какого-либо класса людей.

Но даже уступивъ эту очевидную натяжку, и тогда предлагавшійся обязательный выкупъ не могъ быть обоснованъ дѣйствующимъ законодательствомъ; ибо способъ вознагражденія собственниковъ за отчуждаемое у нихъ имущество, *который пришлось бы примѣнить при обязательномъ выкупѣ*, находился бы въ полномъ противорѣчіи съ статьями законовъ, опредѣляющими порядокъ вознагражденія за имущества, отходящія изъ частнаго владѣнія по распоряженію правительства. (См. ст. X т. отъ 577 до 594).

Невозможность обосновать обязательный выкупъ дѣйствующими законами до того очевидна, что мы склонны скорѣе видѣть адвокатскую уловку въ защитѣ тезиса, будто „статьи свода законовъ 575—593 даютъ правительству возможность исполнить долгъ государственный, т. е. надѣлить крестьянъ землею, и вмѣстѣ съ тѣмъ не нарушать правъ собственности помѣщиковъ“, нежели серьезное убѣжденіе, которое свидѣтельствовало бы о крайней неспособности къ пониманію самыхъ простыхъ вещей. Но только одно непонятно: какихъ это ужь слишкомъ легковѣрныхъ людей имѣли въ виду тѣ изъ сторонниковъ обязательнаго выкупа, которые защищали указанный тезисъ?

Но не всѣ сторонники обязательнаго выкупа ссылались на 575-ю

и слѣдующія статьи, какъ на дающія возможность совершить преобразованіе сельскаго быта согласно съ дѣйствующими законами. Напротивъ, многіе изъ нихъ ясно высказали, что крестьянская реформа не можетъ быть совершена на почвѣ гражданскаго права. Всего сильнѣе эта мысль выражена въ отзывахъ харьковскихъ депутатовъ *Хрущева* и *Шретера*.

Указавъ политико-экономическія соображенія въ доказательство положенія, что единственная мѣра, посредствомъ которой можно развязать крестьянское дѣло спокойно и плодотворно для обѣихъ сторонъ, есть выкупъ земельныхъ участковъ въ пользу крестьянъ, съ содѣйствіемъ финансовой операціи; и притомъ выкупъ принудительный, то есть: какъ дворяне для блага общаго, обязаны уступить часть своихъ земель, такъ и крестьяне обязаны выкупить оныя, для той же цѣли, ибо безъ этого они сдѣлаются рабами капитала; *Хрущевъ и Шретеръ* продолжаютъ:

Говорятъ, принудительный выкупъ несправедливъ. Да, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія гражданскаго права, то мнѣніе это не подлежитъ сомнѣнію.—Но можетъ ли крестьянское дѣло рѣшаться въ предѣлахъ гражданскаго права?

Реформа, вызванная высшими государственными потребностями, должна рѣшаться въ сферѣ государственнаго права и государственной экономіи; въ противномъ случаѣ ежеминутно будутъ встрѣчаться затрудненія, стѣсненія и нарушенія правъ.

На основаніи гражданскихъ законовъ, въ настоящемъ преобразованіи крестьянскаго быта все несправедливо: несправедливо освобожденіе крестьянина, который, по силѣ существующихъ узаконеній, былъ закономъ признанная собственность помѣщика; несправедливо требовать отъ помѣщиковъ продажи усадьбы крестьянамъ; несправедливо вмѣнять владѣльцамъ въ обязанность надѣлять крестьянъ землею, ибо всѣ эти требованія, съ узкой точки зрѣнія гражданскаго права, суть нарушенія права собственности.—Но всѣ эти нарушенія правъ и стѣсненія исчезаютъ при взглядѣ на предметъ съ точки зрѣнія государственнаго права.—Государству неопровержимо принадлежитъ полное право на извѣстную долю свободы и собственности своихъ подданныхъ. Государство имѣетъ право на это для обезпеченія внѣшняго и внутренняго спокойствія и блага. А какъ крестьяне, вслѣдствіе историческихъ причинъ, не мыслятъ свободы безъ земли; какъ они безъ земли, несмотря на личную свободу, останутся въ тяжкой зависимости отъ земли; какъ благо государства требовать освобожденія крестьянъ съ землею, для избѣжанія бродяжничества, которое повело бы къ гибельнымъ послѣдствіямъ и неминуемо образовало бы въ нашемъ отечествѣ про-

летаріатъ—эту ненасытную гидру, съѣдающую лучшія силы западныхъ государствъ—и, наконецъ, какъ для поддержанія въ Россіи земледѣлія необходимо образованіе постояннаго осѣдлаго земледѣльческаго сословія, которое могло бы или обезпечить сельское хозяйство работниками, или со временемъ образовать классъ фермеровъ-собственниковъ, которыхъ у насъ нѣтъ и въ которыхъ теперь крайняя необходимость, ибо, съ упраздненіемъ крѣпостного права помѣщичье обветшалое хозяйство должно исчезнуть и замѣниться фермерскимъ, представляющимъ, при живительной силѣ свободнаго труда, неизмѣримо болѣе выгодъ, то, соображая всю совокупность этихъ интересовъ, и что цѣль настоящей великой реформы состоитъ въ томъ, чтобы крестьянъ сдѣлать собственниками — государство имѣетъ полное право требовать отъ крестьянъ принудительнаго выкупа земли, нисколько не опасаясь стѣснить этимъ ихъ свободу, ибо они и не понимаютъ свободы иначе, какъ съ землею.

Итакъ обязательный выкупъ, говорятъ Хрущевъ и Шретеръ въ заключеніе своего отзыва, съ точки зрѣнія государственнаго права, совершенно справедливъ, тѣмъ болѣе, что крестьяне жаждутъ имѣть собственность, безъ которой они превратятся рано или поздно въ пролетаріевъ, опасныхъ для общаго спокойствія. („Крест. дѣло". Скреб. Т. II, ч. I, стр. 563—568).

На требованіе обязательнаго выкупа редакціонная комиссія высказала, что предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, въ засѣданіи 20-го мая 1859 года, заявилъ, что по высочайшей волѣ, выкупъ крестьянами земли долженъ быть не обязательный, а полюбовный, и что за тѣмъ продажа усадебъ будетъ обязательна только для тѣхъ помѣщиковъ, которые не изъявятъ согласія на продажу угодій полевыхъ. За такою ясно выраженною волею Императора, редакціонныя комиссіи не считали нужнымъ входить въ подробный разборъ указанной системы и разнородныхъ неудобствъ, ею представляемыхъ. И только лишь для большаго поясненія предмета онѣ указали нѣкоторыя соображенія о несостоятельности обязательнаго выкупа въ финансовомъ отношеніи, о невозможности привести его немедленно и одновременно въ исполненіе безъ опасности для финансоваго рынка. (См. Мат. ред. ком., т. XI, ч. II, отд. I).

Останавливаться на этихъ финансовыхъ соображеніяхъ редакціонной комиссіи, воспроизводить ту справедливую, убѣдительную критику, которой подверглись они въ отзывахъ депутатовъ — дѣло совершенно излишнее. Замѣтимъ только, что каждый, кто просмотритъ въ „Матеріалахъ редакціонной комиссіи" отдѣлъ о выкупѣ, убѣдится какъ были слабы высказанныя комиссіею соображенія въ опроверженіе обязательнаго выкупа.

Но такъ какъ сама редакціонная комиссія хорошо понимала неудовлетворительность обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, и видѣла единственный способъ выйти изъ этого ненормальнаго положенія обоихъ сословій въ выкупѣ повинности при гарантіи со стороны правительства, то она, насколько могла безъ нарушенія высочайшаго повелѣнія клонила всѣ свои заключенія къ выкупу; и даже установила обязательный выкупъ для крестьянъ по требованію помѣщика, мотивируя это тѣмъ, что здѣсь обязательность только кажущаяся, такъ какъ уплачиваемый крестьяниномъ правительству выкупной платежъ не превышаетъ размѣра повинности выполняемой крестьяниномъ въ пользу помѣщика за пользованіе землею, каковое пользованіе для крестьянина обязательно. Но, за всѣмъ тѣмъ, оставался открытымъ вопросъ: можно ли надѣяться, что если не для всѣхъ то, по крайней мѣрѣ, для громаднаго большинства помѣщиковъ явится, при новыхъ установленныхъ редакціонной комиссіею обязательныхъ отношеніяхъ, интересъ развязаться окончательно съ крестьянами и, вмѣсто взимаемыхъ съ нихъ ежегодныхъ оброковъ, получить разомъ выкупную сумму отъ правительства? Редакціонная комиссія вѣрила въ такой ходъ дѣла и выставляла это на видъ защитникамъ обязательнаго выкупа, чтобы убѣдить послѣднихъ, что не только цѣли у нихъ однѣ, но и осуществимость этихъ цѣлей, *при добровольномъ выкупѣ, обставленномъ условіями, предположенными редакціонной комиссіей*, обезпечена едва ли менѣе, чѣмъ при обязательномъ выкупѣ. Единственное различіе, говорила редакціонная комиссія, будетъ заключаться лишь въ томъ, что, при добровольномъ выкупѣ, прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ совершится не разомъ, а въ промежутокъ времени болѣе продолжительный. *При дарованіи личныхъ правъ крестьянамъ вмѣстѣ съ введеніемъ обязательнаго пользованія землею за постоянныя повинности*, можно надѣяться, говорила редакціонная комиссія, что и помѣщики, и крестьяне оцѣнятъ обоюдныя выгоды выкупа. Помѣщики, имѣя въ виду, съ одной стороны — гарантію правительства, а съ другой — невозможность полнаго распоряженія поземельною собственностью, предоставленную крестьянамъ въ безсрочное пользованіе на опредѣленныхъ условіяхъ, найдутъ для себя выгоднымъ отчужденіе ея за соотвѣтствующее единовременное вознагражденіе, которое дастъ имъ средства улучшить и упрочить свое собственное хозяйство. Точно также для крестьянъ выкупъ представитъ несомнѣнныя выгоды, если онъ не будетъ сопряженъ для нихъ ни съ потерею какихъ-либо выгодъ, ни съ усиленіемъ повинностей. Платя одно и то же, они получаютъ возможность сдѣлаться

поземельными собственниками и выдти изъ обязательныхъ отношеній; а при такихъ условіяхъ, противодѣйствіе съ ихъ стороны было бы очевидно противно собственнымъ ихъ интересамъ. (Ibid.).

Редакціонная комиссія, имѣя въ виду, съ одной стороны—постановленіе, *что выкупъ долженъ быть добровольный*, съ другой—высшіе государственные интересы, требовавшіе возможно скорой развязки обязательныхъ отношеній, начертала „Положеніе“ о выкупѣ, представляющее собою компромиссъ этихъ двухъ требованій. Начало *добровольнаго выкупа* было принесено въ жертву государственнымъ интересамъ столь значительно, оно было обставленно редакціонной комиссіей такими нормирующими условіями, что депутаты признали установленный комиссіею *„добровольный“* выкупъ выкупомъ *„вынужденнымъ“*.

Предположенія редакціонной комиссіи: а) объ измѣненіяхъ въ правахъ собственности помѣщиковъ на личность крестьянъ и ихъ трудъ, на усадьбы и полевыя земли и б) объ условіяхъ выкупа, въ общемъ смыслѣ, вошли въ „Положеніе“ 19-го февраля 1861 года. Такимъ образомъ, крестьянская реформа совершила слѣдующія перемѣны въ порядкахъ собственности:

1) Право собственности на личность и трудъ крестьянъ было отмѣнено безъ вознагражденія собственниковъ и самый объектъ собственности былъ вычеркнутъ изъ законодательства.

2) Помѣщики лишились права владѣнія, пользованія и распоряженія почти половиною ихъ земли, которая была отдана въ безсрочное пользованіе крестьянъ. И хотя титулъ собственности на эту землю былъ сохраненъ за помѣщиками, но все содержаніе этого права собственности было сведено единственно лишь къ праву получать извѣстную, опредѣленную правительствомъ ренту. Такимъ образомъ, явился видъ собственности на вещь безъ права владѣнія, пользованія и распоряженія вещью.

3) На помѣщиковъ была возложена обязанность продать усадьбы крестьянамъ по установленной правительствомъ цѣнѣ; причемъ порядокъ опредѣленія этой цѣны не былъ основанъ на статьяхъ дѣйствовавшаго законодательства, относящихся до отчужденія государствомъ недвижимаго имущества.

4) На крестьянъ возложенъ былъ обязательный выкупъ полевыхъ угодій.

5) Для помѣщика было установлено начало добровольнаго выкупа. Крестьяне не могли выкупить надѣлы безъ согласія помѣщика. Но это начало было ограничено опредѣленіями о minimum'ѣ количества земли для выкупа и maximum'ѣ цѣны ея.

Всѣ эти постановленія, совершившія колоссальный переворотъ

въ имущественныхъ отношеніяхъ, не могли быть обоснованы на дѣйствующемъ гражданскомъ правѣ. И тѣмъ не менѣе, жизненныя условія, при которыхъ совершалась крестьянская реформа, были таковы, что выполненіе преобразованія сельскаго быта на почвѣ юридической представлялось почти невозможнымъ, и во всякомъ случаѣ крайне бѣдственнымъ и опаснымъ. А потому, правительство, литература, значительная часть губернскихъ комитетовъ и депутатовъ вынуждены были признать государственную необходимость въ измѣненіи порядковъ собственности *внѣ* дѣйствующаго законодательства о вещныхъ правахъ.

VII.

Надѣлы и повинности крестьянъ.

Основанія, принятыя губернскими комитетами для определѣнія размѣровъ крестьянскаго дѣла.—Доводы редакціонной комиссіи за необходимость сохранить крестьянамъ существующіе надѣлы.—Установленіе комиссіей высшихъ и низшихъ размѣровъ надѣла.—Комиссія поступилась, въ интересахъ помѣщиковъ, началомъ сохраненія существующихъ надѣловъ.—Уступки комиссіей помѣщичьимъ интересамъ и по другимъ вопросамъ аграрнаго устройства.—Отношеніе депутатовъ къ предначертаніямъ комиссіи по предмету надѣленія крестьянъ землею.—Окончательныя заключенія комиссіи по этому предмету.—Основанія, принятыя комитетами для опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ повинностей.—Комиссія принимаетъ существующій фактъ за исходную точку для опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ повинностей.—Правила, принятыя ею для регулированія существующаго факта.—Отзывы депутатовъ на принятую комиссіей систему регулированія повинностей.—Уступки комиссіи помѣщичьимъ интересамъ.—„Положеніе“ 19-го февраля измѣнило предначертанія комиссіи по предметамъ надѣловъ и повинностей еще болѣе въ пользу помѣщиковъ.—Улучшилось или ухудшилось *экономическое* положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ послѣ отмѣны крѣпостного права?—Современныя экономическія условія крестьянскаго быта.—Ближайшія государственныя задачи Россіи въ области экономической политики.

Высочайшимъ рескриптомъ 2-го ноября 1857 года въ основу надѣленія крестьянъ землею положено, какъ извѣстно, слѣдующее начало: *крестьянамъ отводится надлежащее по мѣстнымъ условіямъ количество земли для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ.*

Намъ надлежитъ разсмотрѣть въ настоящей главѣ: какъ отнеслись къ этому началу губернскіе комитеты, депутаты отъ нихъ и редакціонная комиссія, когда пришлось его поставить на практическую почву, опредѣлить, какое въ той или другой мѣстности пространство земли слѣдуетъ предоставить въ пользованіе крестьянъ? Выясненіе этого вопроса, помимо своей самостоятельной важности, имѣетъ еще то значеніе, что раскрываетъ условія, которыми опредѣлилось современное состояніе крестьянскаго землевладѣнія.

За основаніе для опредѣленія *размѣра крестьянскаго надѣла* шестнадцать комитетовъ принимали существующій надѣлъ, ограничивая его тѣмъ или другимъ *maximum'омъ*, прочіе комитеты полагали ту или другую числовую норму, достаточную, по ихъ мнѣнію, для обезпеченія быта крестьянъ. (Матеріалы редакціонныхъ комиссій, т. I, кн. 2, гл. V; т. VII, гл. V. Систематическій сводъ проектовъ положеній, составленныхъ губернскими комитетами т. III, кн. I, гл. 1; т. IV, журналъ № 70). Комитеты, оставлявшіе существующій размѣръ надѣла, принадлежали почти всѣ къ нечерноземнымъ губерніямъ. Изъ комитетовъ, устанавливавшихъ нормальный надѣлъ (извѣстное количество десятинъ на тягло или на душу), одни принимали одинаковую норму для всѣхъ имѣній губерніи, другіе полагали различныя нормы, раздѣляя имѣнія: а) по относительному количеству земли: на многоземельныя, среднеземельныя и малоземельныя; б) по качеству почвы; в) по различнымъ въ имѣніяхъ системамъ хозяйства; г) по свойству имѣній: на земледѣльческія, промысловыя и лѣсныя, на издѣльныя и оброчныя и проч.; д) по цѣнности земли.

Всѣ комитеты, устанавливавшіе нормальные надѣлы, уменьшали болѣе или менѣе существовавшій размѣръ крестьянскихъ земель. Уменьшеніе это менѣе замѣтно въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Многіе комитеты этой полосы находили выгоднымъ для помѣщиковъ предоставить крестьянамъ даже весь существующій надѣлъ, потому что въ ихъ губерніяхъ почва неблагодарная, безъ сильнаго удобренія ничего не производящая; помѣщики этихъ губерній получали доходъ по большей части не отъ земледѣлія, а отъ личнаго труда крестьянъ, и потому въ интересѣ комитетовъ было не уменьшать существующихъ надѣловъ, такъ какъ съ такимъ уменьшеніемъ связано было и уменьшеніе повинностей. Въ мѣстахъ же хлѣбородныхъ и не степныхъ комитеты допускали весьма малые надѣлы, въ среднемъ выводѣ отъ 1 до $1^1/_2$ десятины на душу, что составляло почти вдвое менѣе существовавшихъ надѣловъ. Такіе малые надѣлы, очевидно, не только не обезпечивали быта крестьянъ, но и не могли доставить количество хлѣба, достаточное для прокормленія крестьянской семьи; слѣдовательно, установленіе такихъ надѣловъ находилось въ противорѣчіи съ великимъ принципомъ, высказаннымъ въ рескриптѣ, что крестьянамъ отводится количество земли, достаточное для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ. Многіе комитеты ни слова не проронили насчетъ этого противорѣчія, какъ будто и не замѣтили его. Другіе примиряли его тѣмъ, что дали этому требованію рескрипта толкованіе, что *величина надѣла можетъ*

быть поставлена въ зависимость отъ промысловыхъ выгодъ, то есть, что рескриптъ не требуетъ, чтобы *одна* земля обезпечивала бытъ крестьянъ. Были комитеты, какъ, напримѣръ, симбирскій, черниговскій, въ которыхъ большинство утверждало, что собственная польза крестьянина требуетъ возможнаго уменьшенія поземельнаго надѣла, которое и есть шагъ къ совершенному замѣненію надѣла впослѣдствіи свободнымъ контрактомъ и къ уничтоженію обязательныхъ повинностей (Матер. ред. ком., т. III, стр. 13).

Опредѣленіе нормальнаго надѣла по соображеніямъ, принятымъ комитетами, открывало большой просторъ произволу, а потому неудивительно, что не только комитеты однохарактерныхъ сосѣднихъ мѣстностей, но большинство и меньшинство одного и того же комитета полагали весьма различныя нормы; напримѣръ, въ симбирскомъ комитетѣ большинство положило $1^1/_2$ десятины на душу; пять членовъ отъ 2 до 3 десятинъ; два члена оставляли существующій надѣлъ—около 7 десятинъ на тягло.

Въ интересахъ охраненія дворянскаго землевладѣнія, комитеты постановляли уменьшеніе какъ нормальныхъ, такъ и существующихъ надѣловъ въ случаяхъ, когда у помѣщиковъ, за надѣломъ крестьянъ, осталось бы земли въ имѣніи менѣе извѣстнаго количества. Одни комитеты урѣзывали надѣлы, когда у помѣщика осталось бы менѣе $^1/_3$ всей земли имѣнія, другіе—менѣе $^1/_2$, третьи—менѣе $^2/_3$. Орловскій комитетъ и тульское большинство шли еще дальше; они распространяли уменьшеніе крестьянскаго надѣла и на тѣ случаи, если *впослѣдствіи* часть земли отойдетъ отъ помѣщика по тяжбѣ. Одинъ только ярославскій комитетъ полагалъ нормальный надѣлъ неизмѣннымъ, хотя бы затѣмъ у помѣщика не осталось вовсе земли.

Доводы, приведенные комитетами противъ сохраненія крестьянами существующаго надѣла и въ пользу опредѣленія крестьянскаго надѣла посредствомъ искусственной нормы, редакціонная комиссія подвела совершенно правильно, подъ слѣдующія главныя основанія:

1) Одно только опредѣленіе нормальнаго крестьянскаго надѣла, и притомъ въ возможно меньшихъ размѣрахъ, можетъ, съ одной стороны, привести къ скорому и естественному замѣщенію въ сельскомъ быту обязательнаго труда трудомъ свободнымъ, а съ другой, доставить помѣщику постоянныхъ работниковъ для его хозяйства, въ лицѣ свободныхъ крестьянъ, если они будутъ „*недостаточно*“ обезпечены землею въ пользованіе.

2) Сохраненіе существующаго надѣла было бы, во-первыхъ, несправедливостью въ отношеніи къ тѣмъ помѣщикамъ, которые донынѣ предоставляли крестьянамъ большіе и иногда даже несораз-

мѣрные съ повинностями надѣлы; во-вторыхъ, безнравственнымъ поощреніемъ и награжденіемъ тѣхъ владѣльцевъ, которые заблаговременно и нерѣдко чрезмѣрно сократили крестьянское земельное пользованіе, наконецъ, въ-третьихъ, тягостью для самихъ крестьянъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подобное сохраненіе существующаго надѣла повлекло бы за собой обремененіе крестьянъ, свыше мѣры, повинностями.

3) Сохраненіе существующаго надѣла невозможно, особенно въ сѣверныхъ и степныхъ полосахъ Россіи, гдѣ весьма часто, при совершенномъ отсутствіи всякаго помѣщичьяго хозяйства и при существованіи крайне огромныхъ дачъ, крестьяне пользовались почти безпредѣльными пространствами и притомъ самымъ неправильнымъ образомъ.

4) Наконецъ, самый нынѣ существующій надѣлъ не менѣе произволенъ въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ всякая вновь опредѣленная норма, ибо онъ установился исключительно подъ вліяніемъ крѣпостного права и во множествѣ случаевъ не находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ условіями мѣстной хозяйственной жизни (Матер. ред. ком., т. III, гл. 1).

На эти соображенія комитетовъ редакціонная комиссія высказала, что изъ изложенныхъ доводовъ, направленныхъ противъ сохраненія нынѣ существующаго надѣла, нѣкоторые, какъ, напримѣръ, 3-й и отчасти 2-й, очевидно, имѣютъ значеніе лишь во столько, во сколько новымъ положеніемъ не было бы допущено ни малѣйшихъ ограниченій въ этомъ надѣлѣ, или не было бы принято никакихъ мѣръ къ обезпеченію тѣхъ изъ крестьянъ, поземельные надѣлы которыхъ предварительно чрезъ мѣру сокращены владѣльцами. Другіе же доводы, формулированные въ параграфѣ 1-мъ, полагаютъ въ основаніе будущаго устройства преднамѣренное недостаточное обезпеченіе крестьянъ землею, дабы лишить ихъ средствъ къ веденію, въ прежнихъ размѣрахъ, собственнаго самостоятельнаго хозяйства и заранѣе осуждаютъ большую часть крестьянскаго сословія на батрачество, неминуемо сопряженное съ подобнымъ, разорительнымъ для крестьянскаго сословія порядкомъ вещей. Понятно, что подобный доводъ не могъ, по словамъ комиссіи, возбудить къ себѣ сочувствія правительства, а слѣдовательно, не могъ быть принятъ имъ во вниманіе, ибо главная цѣль его состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей, а отнюдь не въ лишеніи этого сословія, съ первой же поры его образованія, лучшихъ средствъ къ самостоятельному развитію.

Затѣмъ, въ опровержені 4-го довода и въ доказательство необходимости сохранить крестьянамъ за повинность по возможности

существующій надѣлъ, комиссія приводила слѣдующее объясненіе:

Врядъ ли справедливо, что существующій надѣлъ былъ явленіемъ произвольнымъ и лишеннымъ разумнаго основанія, ибо онъ установился самъ собою, путемъ самымъ естественнымъ, въ силу вѣковыхъ отношеній и взаимныхъ выгодъ того и другого сословія, налагавшихъ на помѣщика и нравственную, и матеріальную необходимость обезпечить въ достаточныхъ размѣрахъ бытъ своего крестьянина. Такая система, постоянно доселѣ поддерживавшаяся самимъ дворянствомъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть опровергнута указаніемъ на сравнительно рѣдкую случайность существованія нѣкоторыхъ или слишкомъ щедрыхъ, или слишкомъ скупыхъ надѣловъ, къ исправленію которыхъ всегда могутъ быть приложены самыя простыя мѣры. Можно, поэтому, съ совершенною достовѣрностью сказать, что существующій нынѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, крестьянскій надѣлъ есть, за немногими исключеніями, лучшее, и даже единственное правильное, практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина.

Искусственное опредѣленіе нормы надѣла въ каждой мѣстности представляетъ чрезвычайныя трудности и можетъ считаться дѣломъ совершенно несбыточнымъ. Несбыточность эта, кромѣ многихъ другихъ причинъ, обусловливается, главнымъ образомъ, тройственною невозможностью: опредѣлить съ надлежащей точностью самыя нужды крестьянина въ каждой мѣстности, исчислить дѣйствительную производительность поземельнаго надѣла въ каждой отдѣльной полосѣ Россіи, наконецъ, оцѣнить, даже съ приблизительною достовѣрностью, степень выгоды, извлекаемой каждымъ крестьяниномъ изъ главныхъ и въ особенности вспомогательныхъ промысловъ, служащихъ восполненіемъ дохода, получаемаго отъ земли.

Но еслибы даже норма надѣла и была дѣйствительно удобоопредѣлима, то и въ такомъ случаѣ повсемѣстное и сколько-нибудь быстрое приведеніе ея въ исполненіе должно встрѣтить на дѣлѣ почти непреодолимыя препятствія по недостаточности необходимыхъ для введенія ея межевыхъ и кадастровыхъ средствъ. Эти средства, конечно, нужны также для утвержденія за крестьянами существующаго надѣла и для производства въ послѣднемъ самыхъ необходимыхъ измѣненій, но въ несравненно меньшей мѣрѣ.

Во всякомъ случаѣ введеніе подобной искусственной нормы, подъ опредѣленіе которой не можетъ подойти ни одинъ изъ нынѣ существующихъ въ Россіи крестьянскихъ надѣловъ, произведя повсемѣстную ломку и крестьянскаго, и господскаго хозяйства, и выну-

ждая преобразованіе перваго на новыхъ и неизвѣданныхъ еще основаніяхъ, не можетъ не подвергнуть страшному разстройству оба сословія.

Наконецъ при такомъ всеобщемъ потрясеніи всѣхъ хозяйственныхъ условій сельскаго быта и при одновременномъ, болѣе или менѣе общемъ сокращеніи крестьянскаго надѣла, было бы, безъ всякаго сомнѣнія, совершенно невозможно для правительства отвѣчать за сохраненіе общественнаго спокойствія, или, по крайней мѣрѣ, достигать этой цѣли иначе, какъ съ помощію такихъ средствъ, которыхъ самое простое благоразуміе предписываетъ тщательно избѣгать.

Взаимное сличеніе силы и убѣдительности всѣхъ приведенныхъ доводовъ, какъ противъ принятія существующаго надѣла, такъ и за возможное его сохраненіе, привело редакціонную комиссію къ убѣжденію, что размѣръ крестьянскаго надѣла не можетъ быть опредѣленъ посредствомъ какой бы то ни было искусственной нормы, но что за крестьянскимъ сословіемъ должно быть, по возможности, сохранено право пользованія, за опредѣленныя повинности, тѣмъ же самымъ надѣломъ, которымъ существованіе его обезпечивалось до этихъ поръ; т. е. въ размѣрѣ, въ которомъ онъ находился въ 1859 году (Ibid.).

Итакъ, редакціонная комиссія отказалась отъ опредѣленія нормальнаго надѣла, признавъ для того „тройственную невозможность“: 1) опредѣлить нужды крестьянина; 2) исчислить дѣйствительную производительность надѣла въ каждой отдѣльной полосѣ Россіи, и, наконецъ, 3) оцѣнить степень выгоды, извлекаемой каждымъ крестьяниномъ изъ главныхъ и въ особенности вспомогательныхъ промысловъ, служащихъ восполненіемъ дохода, получаемаго отъ земли.

Дѣйствительно, опредѣлить степень выгоды, извлекаемой каждымъ крестьяниномъ изъ промысловъ, представлялось дѣломъ почти невозможнымъ и, во всякомъ случаѣ, крайне труднымъ и требующимъ много времени, а редакціонной комиссіи необходимо было, по самому характеру преобразованія, вести работу возможно скорѣе. Но дѣло въ томъ, что рескриптъ вовсе не требовалъ ставить величину надѣла въ зависимость отъ промысловыхъ выгодъ; а потому редакціонная комиссія не была обязана собирать данныя о промысловыхъ заработкахъ крестьянъ.

Что же касается опредѣленія нуждъ крестьянина и исчисленія дѣйствительной производительности надѣла въ каждой отдѣльной полосѣ Россіи, то трудно согласиться съ комиссіей, что такое дѣло было „невозможно“; намъ кажется, что оно даже не потребовало бы болѣе времени и труда сравнительно съ тѣмъ, какое понадоби-

лось комиссіи для опредѣленія по уѣздамъ высшихъ и низшихъ размѣровъ надѣловъ.

Само собой разумѣется, никто не потребовалъ бы отъ работы опредѣленія нормальныхъ надѣловъ, на основаніи исчисленія нуждъ крестьянъ и производительности земли, математической точности, созданія ею полнаго равенства выгодъ для крестьянскаго населенія. Очень и очень достаточно было бы уже и того, что такая система была гораздо справедливѣе, доставляла крестьянамъ несравненно болѣе одинаковыя выгоды отъ преобразованія, нежели система сохраненія существующихъ надѣловъ.

Другой вопросъ: возможно ли было, при данныхъ условіяхъ дѣйствительности, осуществленіе системы нормальныхъ надѣловъ. установленныхъ на основаніи исчисленія нуждъ крестьянина и опредѣленія производительности земли по полосамъ? Нѣтъ, невозможно! Если бы редакціонная комиссія, исчисляя нужды крестьянина, ввела въ счетъ лишь *безусловно* необходимыя потребности: хлѣбъ, одежду, топливо, возстановленіе орудій труда и размѣръ податей и повинностей, и, сообразно съ этими нуждами, опредѣлила нормальные надѣлы, крестьянское землевладѣніе поглотило бы помѣщичье во всей черноземной не степной полосѣ, нечерноземныхъ промышленныхъ губерніяхъ, юго и сѣверо-западныхъ губерніяхъ. На такую радикальную мѣру не была склонна редакціонная комиссія. Борясь противъ слишкомъ скудныхъ надѣловъ, установленныхъ большинствомъ губернскихъ комитетовъ, она тѣмъ не менѣе, неоднократно высказывала убѣжденіе о необходимости сохранить значеніе помѣстнаго элемента во всѣхъ углахъ Россіи; для чего она постановила, какъ увидимъ ниже, что за помѣщикомъ, во всякомъ случаѣ, должно остаться не менѣе $^1/_3$ всей земли имѣнія, хотя бы для того потребовалось уменьшить существующіе надѣлы.

Но если бы редакціонная комиссія и не считала нужнымъ заботиться о сохраненіе дворянскаго землевладѣнія, то ей не позволено было бы *свыше* упразднить въ какой-либо части Россіи помѣстное значеніе дворянства. На это указываютъ уже тѣ уступки, какія пришлось сдѣлать комиссіи, по отношенію къ размѣрамъ надѣловъ въ концѣ 1859 и въ 1860 году. Вслѣдствіе агитаціи дворянства, комиссія два раза принуждена была уменьшать первоначально предположенные ею надѣлы. А Положеніе 19-го февраля повело это уменьшеніе еще дальше.

Правда, редакціонной комиссіи представлялась возможность принять систему нормальныхъ надѣловъ, основанныхъ на обезпеченіи крестьянскаго быта землею, безъ нарушенія помѣстнаго значенія дворянства въ густо-населенныхъ мѣстностяхъ; эта возможность заклю-

чалась въ организаціи переселеній на государственныя земли. Но комиссія наталкивалась здѣсь на застарѣлыя традиціонныя опасенія правительства предъ передвиженіемъ сельскаго населенія.

Вотъ истинныя причины, почему редакціонная комиссія не могла принять систему нормальныхъ надѣловъ, основанную на обезпеченіи крестьянскаго быта землею, а не выставленная ею невозможность исчисленія крестьянскихъ нуждъ и опредѣленія производительности земли. Высказанное въ рескриптѣ великое начало о надѣленіи крестьянъ землею въ количествѣ, достаточномъ для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, поставленное на практическую почву, вело къ такому ослабленію дворянскаго землевладѣнія въ значительной части Россіи, какого не предвидѣлъ и не желалъ рескриптъ. — *Начало не могло быть выполнено.*

Редакціонной комиссіи оставалось или открыто признать это обстоятельство, или дать словамъ рескрипта о надѣленіи крестьянъ землею то же толкованіе, какое сдѣлали многіе губернскіе комитеты, то есть, что земля должна служить лишь однимъ изъ источниковъ крестьянскаго дохода, а потому размѣръ надѣла можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ побочныхъ заработковъ. Хотя редакціонная комиссія не высказалась ясно по этому предмету, но характеръ ея работъ примкнулъ ко второму толкованію указанныхъ словъ рескрипта.

Но разъ редакціонная комиссія не признала возможнымъ, или не могла провести обезпеченіе быта крестьянина землею, и стала на точку зрѣнія, что величина надѣла можетъ быть поставлена въ зависимость отъ промысловыхъ выгодъ, тогда сохраненіе существующихъ надѣловъ, дѣйствительно, являлось самой правильной системой; ибо оцѣнить, даже съ приблизительной достовѣрностью, степень выгоды, извлекаемой крестьянами каждаго отдѣльнаго имѣнія, изъ вспомогательныхъ промысловъ, было дѣло невозможное; а потому сравнительно съ *такою* системою нормальныхъ надѣловъ, которая должна принять этотъ элементъ во вниманіе, система существующихъ надѣловъ, съ извѣстными поправками, преставляла не только болѣе вѣрное, но даже единственное правильное практическое мѣрило того количества земли, которое, *въ связи съ промыслами,* обезпечивало, въ эпоху преобразованія, бытъ крестьянина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта система заключала въ себѣ одинъ изъ сильнѣйшихъ доводовъ въ защиту интересовъ крестьянъ противъ предлагавшихся большинствомъ губернскихъ комитетовъ и депутатовъ скудныхъ нормальныхъ надѣловъ; а именно она позволяла выдвинуть такой вѣскій доводъ, какъ невозможность для правительства отвѣчать за

сохраненіе общественнаго спокойствія въ случаѣ одновремяннаго и, болѣе или менѣе, общаго сокращенія крестьянскаго надѣла. Немаловажное значеніе въ глазахъ правительства имѣлъ и тотъ доводъ въ пользу этой системы, приводимый редакціонной комиссіей, что народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ преобразованія, между тѣмъ, повсемѣстное и сколько-нибудь быстрое приведеніе въ исполненіе нормальныхъ надѣловъ должно встрѣтить на дѣлѣ почти непреодолимыя препятствія по недостатку необходимыхъ для введенія ихъ межевыхъ и кадастровыхъ средствъ.

Редакціонная комиссія, принявъ систему существующихъ надѣловъ, понимала необходимость сдѣлать въ ней поправки въ направленіи уравненія крестьянскаго землевладѣнія. Были помѣщики, которые всю землю свою предоставляли крестьянамъ за оброкъ; были и такіе, которые совершенно обезземелили ихъ. Комиссія знала эти факты помѣщичьяго произвола, и если защищала систему существующихъ надѣловъ, то только потому, что *среднія* цифры надѣловъ земли на душу близки между собою въ сходныхъ мѣстностяхъ. Но такъ какъ *среднія* цифры на душу или на тягло не устраняли возраженія существованія произвола и случайности въ величинѣ существующихъ надѣловъ, то комиссія рѣшилась сгладить крайности неравенства надѣловъ крѣпостного порядка. Средствомъ для охраненія выгодъ помѣщиковъ съ одной, и выгодъ обезземеленныхъ или владѣющихъ слишкомъ малыми надѣлами крестьянъ съ другой стороны—комиссія избрала назначеніе высшихъ и низшихъ нормъ надѣла по полосамъ. Выгоды дворянства, разсуждала комиссія:—могутъ въ двоякомъ отношеніи быть нарушены безусловнымъ проведеніемъ начала существующихъ надѣловъ, если бы въ развитіи его не было допущено никакихъ ограниченій и изъятій: во-первыхъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики по своему великодушію предоставили крестьянамъ чрезмѣрно большіе земельные надѣлы, они потеряли бы возможность возвратить въ свое непосредственное хозяйственное распоряженіе всю ту часть этого надѣла, которая превосходитъ обыкновенный и дѣйствительно нужный размѣръ обезпеченія крестьянъ землею; во-вторыхъ, въ цѣлыхъ мѣстностяхъ, гдѣ по многимъ разнообразнымъ причинамъ не развилось хозяйство помѣщичье, и гдѣ поэтому, при особомъ преобладаніи повинности оброчной, вся принадлежащая помѣщику земля оставлялась въ безотчетномъ неограниченномъ пользованіи крестьянъ, тамъ безусловное признаніе того же начала лишило бы дворянство возможности принять въ непосредственное свое пользованіе часть своей собственности, хотя бы даже послѣдняя и не находилась въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ. Съ другой стороны, чувство справедливости требуетъ,

чтобы новое законоположенiе не освѣщало вопiющей неправды въ пользу тѣхъ владѣльцевъ, которые заранѣе отобрали всѣ или почти всѣ земли крестьянскаго надѣла, оставивъ крестьянъ или вовсе безъ земли, или лишь при самомъ скудномъ количествѣ ея. На основанiи этихъ соображенiй, редакцiонная комиссiя признала полезнымъ: во-первыхъ, въ огражденiе помѣщиковъ установить высшiй предѣлъ (maximum) крестьянскаго поземельнаго надѣла на тотъ конецъ, чтобы каждый разъ, когда крестьянскiй надѣлъ превышаетъ этотъ высшiй предѣлъ, помѣщику было предоставлено, съ соблюденiемъ извѣстныхъ правилъ, отрѣзать изъ крестьянскаго пользованiя излишнюю часть надѣла; во-вторыхъ, долженъ быть установленъ низшiй предѣлъ (minimum) крестьянскаго надѣла для того, чтобы крестьяне не могли быть надѣлены меньшимъ противъ этого размѣра количествомъ земли. (Матер. ред. ком. Т. III, гл. I).

Приступая къ опредѣленiю высшихъ и низшихъ нормъ надѣловъ, комиссiя выразила необходимость назначить такiе высшiе размѣры ихъ, чтобы отрѣзка „излишнихъ" крестьянскихъ угодiй не могла сдѣлаться общимъ явленiемъ, но всегда сохраняла бы характеръ исключенiя (Ibid).

Данныя, на которыхъ основала редакцiонная комиссiя свои постановленiя о высшихъ надѣлахъ, были свѣдѣнiя о надѣлахъ въ имѣнiяхъ въ 100 и болѣе душъ, доставленныя комиссiи губернскими комитетами. Свѣдѣнiя эти, провѣренныя членами комиссiи по 36 губернiямъ [1]), оказались не настолько точными, чтобы могли быть приняты за единственное руководство для цѣлей комиссiи. Поэтому, въ помощь даннымъ о надѣлахъ, извлеченнымъ изъ „свѣдѣнiй о помѣщичьихъ имѣнiяхъ", воспользовались данными объ общемъ количествѣ земли въ дворянскихъ имѣнiяхъ, доставленными изъ комитетовъ о земскихъ повинностяхъ, дававшими возможность судить объ относительномъ многоземельи помѣщичьихъ имѣнiй въ той или другой мѣстности.

На основанiи этихъ данныхъ, редакцiонная комиссiя, для опредѣленiя высшаго и низшаго размѣровъ надѣла, раздѣлила губернiи, согласно хозяйственнымъ условiямъ и размѣрамъ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, на *полосы*, а эти послѣднiя на *мѣстности*, и для каждой полосы и мѣстности опредѣлила различныя нормы высшихъ и низшихъ надѣловъ.

Но дальнѣйшiя, болѣе подробныя, розысканiя открыли, во-первыхъ, что въ мѣстахъ густо-населенныхъ высшiй тягловой надѣлъ,

---

[1]) Повѣрочныя работы членовъ комиссiи напечатаны въ XV и XVI томахъ „Матерiаловъ редакцiонныхъ комиссiй".

при тяглѣ въ 3 души, понижается до 8 десятинъ съ небольшимъ; во-вторыхъ, что есть въ этой полосѣ переходныя мѣстности отъ залежнаго хозяйства къ трехпольному, гдѣ существующіе надѣлы ниже степныхъ мѣстностей и выше тѣхъ черноземныхъ, въ которыхъ исключительно господствуетъ трехпольное хозяйство. Поэтому редакціонная комиссія признала необходимымъ, съ одной стороны, понизить наименьшій изъ означенныхъ высшихъ надѣловъ до $2^3/_4$ десятины для тѣхъ исключительныхъ мѣстностей, которыя по густотѣ населенія и по высокимъ цѣнамъ на землю, рѣзко отличаются отъ другихъ; съ другой—повысить наибольшій изъ упомянутыхъ надѣловъ до $5^1/_2$ и 6 десятинъ для черноземнаго пространства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, вмѣстѣ съ трехпольнымъ хозяйствомъ, встрѣчается и залежное, и которыя служатъ такимъ образомъ переходомъ къ степнымъ мѣстностямъ. Такимъ образомъ, составилось для черноземной полосы пять мѣстностей съ высшими надѣлами въ $2^3/_4$, 3, $3^1/_2$, 4 и $4^1/_2$ десятины на душу, и, сверхъ того, къ ней присоединена шестая переходная мѣстность, съ двоякимъ высшимъ размѣромъ надѣла, смотря по большему или меньшему сохраненію признаковъ залежнаго хозяйства, въ $5^1/_2$ и 6 десятинъ на душу. Эти нормы надѣловъ были установлены комиссіею во второмъ періодѣ ея занятій (съ 5-го сентября 1859 г. по 12-е марта 1860 г.); и она выразила „*опасеніе, что принятыя ею нормы наибольшихъ надѣловъ малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ*“.

Для степной полосы въ первый періодъ своихъ занятій комиссія приняла надѣлы въ $6^1/_2$, $8^1/_2$, $10^1/_2$ и 12 десятинъ; во второмъ—12-тидесятинный надѣлъ былъ уничтоженъ.

Не черноземныя губерніи были раздѣлены комиссіей на 7 мѣстностей съ надѣлами въ $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4, $4^1/_2$, 5, 6 и 8 десятинъ. Сопоставляя проектированные наибольшіе размѣры надѣловъ для нечерноземныхъ губерній съ дѣйствительно существующими, редакціонная комиссія убѣдилась, что число имѣній, въ которыхъ придется сдѣлать отрѣзки земли у крестьянъ, значительнѣе, чѣмъ въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Весьма немного уѣздовъ, въ которыхъ число это оказалось менѣе $^1/_5$ части всѣхъ имѣній; большинство же уѣздовъ колеблется между $^1/_4$ и $^1/_3$. Нельзя также сказать, чтобы только незначительная часть уѣздовъ превышала это отношеніе, которое въ нѣкоторыхъ уѣздахъ доходило до $^1/_2$ и даже болѣе. Но комиссія, говоря ея словами, несмотря на это, не рѣшилась идти далѣе въ возвышеніи наибольшаго размѣра, въ видахъ огражденія интересовъ помѣщиковъ.

Юго-западныя губерніи были также раздѣлены на мѣстности: Кіевская на 4, съ надѣлами въ $9^1/_2$, $7^1/_2$, $5^1/_2$ и $4^1/_2$ десятинъ на дворъ; Во-

лынская на 4, съ надѣлами въ $10^1/_2$, $9^1/_2$, 7, $4^1/_2$; и Подольская на двѣ—въ $5^1/_2$ и $4^1/_2$ десятины на дворъ. Для Новороссіи было принято слѣдующее дѣленіе: Екатеринославская на 3 мѣстности, съ надѣлами въ $2^3/_4$, 4 и 5 десятинъ на душу; Херсонская на 4 мѣстности, съ надѣлами въ $2^3/_4$, 4, $5^1/_2$ и 7 десятинъ на душу; Таврическая на 3 мѣстности, съ надѣлами въ 3, $5^1/_2$ и 7 дес. на душу (Матер. ред. ком. Т. VI).

Затѣмъ послѣдовала повѣрка предположенныхъ надѣловъ на мѣстахъ и разборъ возраженій, представленныхъ депутатами. Результатомъ этихъ работъ, а главнымъ образомъ, оппозиція депутатовъ, въ третьемъ періодѣ занятій редакціонной комиссіи, когда предсѣдателемъ ея былъ уже гр. Панинъ, было новое распредѣленіе губерній на мѣстности, сопряженное съ новымъ пониженіемъ высшей нормы надѣловъ. Пониженіе послѣдовало въ черноземной полосѣ: на $^1/_4$ десятины на душу въ 7 цѣлыхъ уѣздахъ и въ части 8 уѣздовъ, на $^1/_2$ десятины въ 25 уѣздахъ и еще въ двухъ уѣздахъ на $^3/_4$ десятины и на цѣлую десятину, такъ что пониженіе коснулось 42 уѣздовъ, и образовалось 10 мѣстностей вмѣсто 6. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ пониженія произведены еще въ большемъ числѣ уѣздовъ и на большую величину, а именно: на $^1/_4$ десятины въ 3 цѣлыхъ уѣздахъ и части 6-ти уѣздовъ, на $^1/_2$ десятины въ 21 цѣлыхъ уѣздахъ и части 7-ми уѣздовъ, на $^3/_4$ въ 11 уѣздахъ и части 2 уѣздовъ, на 1 десят. въ 3 уѣздахъ и части 5 уѣздовъ, на $1^1/_2$ десятины въ 3 уѣздахъ и части одного уѣзда, и еще болѣе значительныя пониженія въ 11 уѣздахъ, всего пониженіе имѣло мѣсто въ 73 уѣздахъ. Вмѣсто прежнихъ 7, было принято 13 мѣстностей. Пониженіе коснулось также и Новороссійскаго края, и Малороссіи, и Бѣлороссіи. Повышеніе размѣра высшей нормы надѣла было: для черноземной полосы въ 3 уѣздахъ; для нечерноземной въ частяхъ 4 уѣздовъ; для степной возстановленъ надѣлъ въ $12^1/_2$ десятинъ (Т. VII, XIII и XIV).

Насколько, при такомъ пониженіи надѣловъ, редакціонной комиссіи пришлось поступиться принятыми ею въ началѣ работъ основными правилами, чтобы отрѣзки отъ существующихъ надѣловъ были не болѣе, какъ исключеніемъ, видно изъ выводовъ, сдѣланныхъ во второмъ періодѣ работъ самою комиссіею. При проектированныхъ въ то время высшихъ нормахъ, отрѣзки подверглись бы, въ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, въ черноземной полосѣ: въ 1-й мѣстности, смотря по уѣздамъ, отъ 9 до 57% всѣхъ крестьянъ, и величина отрѣзки была бы отъ $^1/_3$ до 0,88 десятины на душу; во 2-й мѣстности—33 и 49% при отрѣзкѣ отъ 0,5 до 0,75 десятины; въ 3-й мѣстности—33 до 84% съ отрѣзкою болѣе 1 десятины; въ

4-й мѣстности—39 до 50%; въ нечерноземной полосѣ: въ 1-й мѣстности 29% всего числа душъ, во 2-й—отъ 0,33 до 51%, въ 3-й—до 55% въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, въ 4-й—до 76%, въ 5-й—до 49%, съ величиной отрѣзки до 1 и болѣе десятинъ (т. VI). Съ пониженіемъ надѣловъ въ третьемъ періодѣ работъ комиссіи, отрѣзки должны были имѣть мѣсто еще въ большемъ числѣ случаевъ и на большую величину.

Главный комитетъ и государственный совѣтъ, давшій окончательную форму Положенію 19-го февраля, провели еще дальше пониженіе нормы высшаго надѣла. Въ черноземной трехпольной полосѣ великорусскихъ губерній надѣлы уменьшены:

На $^1/_4$ десятины		въ 21	уѣздѣ.
» $^1/_2$ »		» 21	»
» 1 »		» 3	»
» 2 »		» 1	»
» 3 и $3^1/_2$ »		» 4	»

Такимъ образомъ, уменьшеніе произведено въ 50-ти уѣздахъ изъ 142, вошедшихъ въ составъ этой полосы. Наиболѣе чувствительно было такое пониженіе для тѣхъ уѣздовъ, для которыхъ и безъ того назначены были незначительные размѣры высшихъ надѣловъ. Въ первую мѣстность (высшій надѣлъ $2^3/_4$ дес.) вошло при пониженіи на $^1/_4$ десятины 11 уѣздовъ изъ 23 (около 48%); во вторую (в. над. 3 дес.), съ пониженіемъ на $^1/_4$ и $^1/_2$ десятины—7 уѣздовъ изъ 42 (около 17%); въ третью (в. над. $3^1/_4$ дес.), съ пониженіемъ на $^1/_4$ десятины—4 изъ 11 (около 37%); въ четвертую (в. над. $3^1/_2$ дес.), съ пониженіемъ на $^1/_2$ дес.—6 уѣздовъ изъ 21 (29%); въ пятую (в. над. 4 дес.), съ пониженіемъ на $^1/_2$ и $^1/_4$ дес.—4 изъ 15 (26%); въ шестую (в. над. $4^1/_2$ дес.), съ пониженіемъ на $^1/_2$ и 1 дес.—2 уѣзда изъ 11 (20%); въ седьмую и восьмую (в. над. 5 дес.), съ пониженіемъ отъ $^1/_2$ до $3^1/_2$ дес.—16 уѣздовъ изъ 19 (84%). Увеличеніе размѣровъ высшаго надѣла произошло всего по 5 уѣздамъ (въ 3-хъ на $^1/_4$ дес., въ 2-хъ на $^1/_2$) четвертой и пятой мѣстностей. Въ степной полосѣ почти во всѣхъ уѣздахъ надѣлъ пониженъ на $^1/_2$ десятины.

Проектъ редакціонной комиссіи для нечерноземной полосы подвергся, въ окончательной редакціи „Положенія" 19-го февраля, значительнымъ измѣненіямъ въ распредѣленіи мѣстностей, при чемъ нѣкоторые уѣзды, раздѣленные прежде на части, соединены въ одно цѣлое и проч. Вслѣдствіе этого въ 36 уѣздахъ или частяхъ ихъ надѣлы были возвышены; а именно: на $^1/_4$ дес. въ 8 уѣздахъ, на $^1/_2$ дес. въ 12, на $^3/_4$ въ 3 и на 1—2 дес. въ 13—всего въ 36 изъ 232 уѣздовъ, т. е. въ 15%.

*

Пониженіе высшаго надѣла имѣло мѣсто въ 107 уѣздахъ или частяхъ ихъ, то есть въ 46% [1]).

Редакціонная комиссія, уступая притязаніямъ депутатовъ, агитировавшихъ въ Петербургѣ и обвинявшихъ ее „въ разграбленіи дворянства, чего вовсе не желалъ рескриптъ", уменьшила, какъ мы видѣли, надѣлы сплошь для цѣлыхъ уѣздовъ и это уменьшеніе коснулось во многихъ уѣздахъ болѣе половины крестьянскаго населенія. Такимъ пониженіемъ надѣловъ она стала въ противорѣчіе съ собственнымъ основаніемъ надѣленія крестьянъ землею. Комиссія, по ея словамъ, приняла систему существующихъ надѣловъ, „потому что такіе надѣлы, *за немногими исключеніями*, представляютъ лучшее и даже *единственое* правильное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина". Отсюда логически слѣдовало и другое первоначальное постановленіе комиссіи, что „отрѣзки земли у крестьянъ должны имѣть характеръ *лишь* исключенія, а никакъ не общаго правила". Но можно ли назвать исключеніемъ такое уменьшеніе надѣловъ, при которомъ подвергается ему въ уѣздѣ болѣе половины населенія и когда число такихъ уѣздовъ весьма значительно. Не очевидно ли, что если существующіе надѣлы, за

---

[1]) Распредѣленіе убавки и прибавки было слѣдующее:

Мѣстности.	Высш. над.	Число уѣзд.	Уменьшеніе.		Увеличеніе.	
1-я	3	10	на 1/4 дес.— 3 » 1/2 » — 1	4 (40%)	на 1/4 дес.—5	5 (50%)
2-я	3 1/4	19	» 1/4 » — 7	(36%)		
3-я	3 1/2	20	» 1/2 » — 4 » 3/4 и 1 » — 2	6 (30%)	» 1/4 » —3	(15%)
4-я	4	69	» 1/4 » — 2 » 1/2 » — 22 » 1 » — 6	31 (45%)	» 1/4 » —6 » 1/2 » —2 » 1 » —1	9 (12%)
5-я	4 1/2	46	» 1/2 » —15 » 1 » — 2 » 1 1/2 » — 5	21 (45%)	» 1/2 » —3 » 1 » —2	5 (10%)
6-я	5	18	» 1/2 » — 6 » 1 » — 7 » 3 » — 1	14 (79%)	» 1/2 » —1 » 3/4 » —1 » 1 » —1	3 (16%)
7-я	5 1/2	18	» 1/2 » — 6 » 1 1/2 » — 1 » 2 1/2 » — 1	8 (44%)	» 1/2 » —2 » 1 » —2	4 (22%)
8-я	6	15	» 1/2 » — 1 » 1 » — 1 » 2 » — 7	9 (67%)	» 1 » —1	(7%)
9-я	7	17	» 1 » — 6	(35%)	» 1 » —2 » 1 1/2 » —2 » 2 » —2	6 (35%)

(„Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ", стр. 134, Янсонъ).

рѣдкими исключеніями, выражали собою то количество земли, котораго хватало на удовлетвореніе лишь самаго скуднаго уровня потребностей крестьянскаго населенія при крѣпостныхъ порядкахъ, то уменьшеніе ихъ, какое было сдѣлано редакціонной комиссіей, а потомъ проведено еще дальше „Положеніемъ“ 19-го февраля, необходимо должно было поставить населеніе обширныхъ мѣстностей въ положеніе, при которомъ недостатокъ пищи, страданія и болѣзни голода дѣлаются явленіемъ постояннымъ. Редакціонная комиссія, понижая надѣлы, *какъ бы* забыла высказанное ею въ первомъ и лучшемъ періодѣ ея занятій убѣжденіе, что, „при болѣе или менѣе общемъ сокращеніи крестьянскаго надѣла, было бы, безъ всякаго сомнѣнія, совершенно невозможно для правительства отвѣчать за сохраненіе общественнаго спокойствія, или, по крайней мѣрѣ, достигать этой цѣли иначе, какъ съ помощью такихъ средствъ, которыхъ самое простое благоразуміе предписываетъ тщательно избѣгать“. И редакціонная комиссія не ошиблась въ этомъ убѣжденіи. Предвидѣніе ея сбылось. Много печально окончившихся крестьянскихъ безпорядковъ имѣли мѣсто при введеніи уставныхъ грамотъ.

Но если начало сохраненія существующихъ надѣловъ не было выдержано редакціонной комиссіею при опредѣленіи наивысшей нормы надѣла, зато оно было выдержано во всей строгости при установленіи *наименьшаго размѣра крестьянскаго надѣла*, то есть, когда дѣло коснулось отрѣзки земли отъ помѣщиковъ.

При опредѣленіи наименьшей нормы надѣла, комиссія устранила отъ себя мысль вывести какую либо норму надѣла, основанную на соображеніяхъ о нуждахъ крестьянскаго семейства. Цѣль установленія низшаго предѣла крестьянскаго надѣла заключается, по словамъ комиссіи, въ томъ, чтобы новое законоположеніе не освящало вопіющей неправды въ пользу тѣхъ владѣльцевъ, которые заранѣе отобрали всѣ, или почти всѣ земли крестьянскаго надѣла, оставивъ крестьянъ или вовсе безъ земли, или лишь при самомъ скудномъ количествѣ ея. Разумѣется, продолжаетъ комиссія, *при строгомъ примѣненіи начала предоставленія крестьянамъ ихъ земельныхъ надѣловъ, слѣдовало бы возвратить имъ то, что было у нихъ отобрано: но тогда пришлось бы сдѣлать значительныя отрѣзки земли у помѣщиковъ.* Во избѣжаніе этого, низшій предѣлъ крестьянскихъ надѣловъ долженъ быть поставленъ въ такія узкія границы, чтобы прирѣзка крестьянамъ недостающаго количества угодій была явленіемъ исключительнымъ. Къ сказанному комиссія прибавила еще слѣдующія соображенія:

1) Что обезземеленные помѣщиками крестьяне *все-таки окажутся въ выигрышѣ, какъ бы малъ ни былъ данный имъ надѣлъ.*

2) Что недостаточность надѣла, какъ исключенія изъ общаго правила, не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій, заключающихся въ томъ, что крестьяне впадутъ въ тяжкую матеріальную зависимость отъ помѣщиковъ.

3) Что опредѣленіе низшаго надѣла для степной полосы излишне въ виду многоземелья.

Сначала редакціонная комиссія остановилась на предположеніи принять для наименьшаго размѣра $^2/_5$ наибольшаго. Сравненіе съ существующими надѣлами показало, что число случаевъ надѣла крестьянъ ниже предположеннаго наименьшаго размѣра будетъ составлять исключенія, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и вовсе нѣтъ такихъ имѣній. Казалось бы, комиссія достигла своей цѣли: отрѣзка земли у помѣщиковъ введена въ самыя тѣсныя границы. Тѣмъ не менѣе, и эти тѣсныя границы показались комиссіи недостаточно суженными. При установленіи наименьшей нормы надѣловъ, она проявила несравненно большее рвеніе къ соблюденію правила объ исключительности отрѣзки земли, нежели при опредѣленіи наибольшаго надѣла. Обративъ вниманіе, что свѣдѣнія разработаны только объ имѣніяхъ выше 100 душъ, и что, „*по мнѣнію многихъ*“ (?), въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ надѣлы менѣе щедры, чѣмъ въ большихъ, комиссія „признала нужнымъ, *для строгаго соблюденія правила объ исключительности прирѣзки земли*, еще понизить наименьшій размѣръ, принявъ его въ $^1/_3$ противъ наивысшаго предѣла крестьянскихъ надѣловъ“ (Т. III).

При дальнѣйшемъ пониженіи высшихъ надѣловъ, это отношеніе удержано и вошло въ „Положеніе“ 19-го февраля; вслѣдствіе чего, низшія нормы надѣловъ подверглись еще болѣе значительному уменьшенію.

Большинство депутатовъ второго приглашенія протестовало и противъ $^1/_3$; но были и такіе, которые рѣшительно не видѣли причины, почему значительной части крестьянъ слѣдуетъ назначить недостаточное количество земли.

Статья 123-я „Положенія“ 19-го февраля, установившая *даровые надѣлы*, въ $^1/_4$ противъ высшей нормы, была дальнѣйшею уступкою помѣщичьимъ интересамъ и сильнѣйшимъ образомъ способствовала расширенію сферы недостаточнаго надѣленія крестьянъ землею.

Наконецъ, въ отношеніи надѣленія крестьянъ землею, уже въ положеніяхъ губернскихъ комитетовъ проектировалась весьма важная мѣра—*сохраненіе за помѣщикомъ извѣстной опредѣленной части принадлежащей ему земли въ тѣхъ случаяхъ, когда, за отводомъ крестьянамъ опредѣленнаго надѣла, у помѣщика осталась бы незначительная часть земли.* Норма того пространства, которое должно

было непремѣнно остаться за помѣщикомъ, опредѣлялась комитетами различно. Одни полагали $^1/_3$, другіе $^1/_2$, $^2/_3$, $^1/_4$. Наибольшее число проектовъ было за $^1/_3$ и за $^1/_2$. Редакціонная комиссія сознавала, что примѣненіе этого правила нанесетъ большой ущербъ крестьянскимъ интересамъ, уменьшая во многихъ мѣстностяхъ и имѣніяхъ и безъ того скудно предположенные надѣлы. Но, несмотря на это сознаніе, комиссія приняла правило о непремѣнномъ сохраненіи за помѣщикомъ извѣстной нормы принадлежавшей ему земли, и приняла его, по собственнымъ ея словамъ, „*уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти губернскихъ комитетовъ, въ соединеніи съ желаніемъ устранить по возможности разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащею ему землею*“. Комиссія постановила сохранить въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика $^1/_3$ принадлежащей ему земли, что и вошло въ „Положеніе“ 19-го февраля. При этомъ, въ первомъ періодѣ работъ, это правило было ограничено, однако, условіемъ, чтобы земля отрѣзывалась отъ крестьянъ не внезапно, но по мѣрѣ уменьшенія въ имѣніи населенія, для чего предполагалось облегчить выходъ части его въ другія званія и даже допустить переселенія на другія земли, съ возможнымъ отъ правительства пособіемъ. Во второмъ періодѣ своихъ занятій, комиссія, „*въ видахъ удовлетворенія желаній, выраженныхъ многими членами комитетовъ*“, отмѣнила это ограничительное условіе (Т. III и XII).

Комиссія сдѣлала еще другую важную уступку по этому предмету притязаніямъ дворянства. Въ первомъ періодѣ работъ комиссіи предполагалось, что при исчисленіи $^1/_3$ части земли, сохраняемой за помѣщикомъ, должна разумѣться общая совокупность земель, принадлежащихъ помѣщику въ уѣздѣ и смежныхъ уѣздахъ. Во второмъ же періодѣ работъ комиссія постановила: 1) брать означенную треть лишь по отношенію однихъ удобныхъ земель и лѣсовъ и 2) принимать въ счетъ не общую совокупность принадлежащей помѣщику земли въ уѣздѣ и смежныхъ уѣздахъ, а только ту землю, которая находится не далѣе двадцатипятиверстнаго разстоянія отъ надѣляемаго селенія (Ibid.). „Положеніе“ 19-го февраля сократило двадцатипятиверстное разстояніе до 12-ти верстъ.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись депутаты къ предположеніямъ редакціонной комиссіи по вопросу о надѣлахъ.

Большая половина депутатовъ высказалась противъ сохраненія существующаго надѣла и предлагала уменьшенные нормальные надѣлы. Изъ остального меньшинства одни безусловно соглашались съ заключеніями редакціонной комиссіи, другіе допускали систему существующихъ надѣловъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ предположеніяхъ комиссіи.

Сторонники нормальныхъ надѣловъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одна группа предполагала установить *различныя* нормы надѣловъ, смотря по мѣстности и принимая во вниманіе размѣръ надѣла, предположенный каждымъ отдѣльнымъ губернскимъ комитетомъ; другая защищала *однообразный* надѣлъ для всей имперіи. Отзывы двухъ рязанскихъ депутатовъ, *кн. Волконскаго* и *Офросимова,* и двухъ харьковскихъ, *Хрущова* и *Шретера,* представляютъ наиболѣе полные образчики воззрѣній депутатовъ первой группы по вопросу о надѣлахъ. Изъ сорока депутатовъ второго призыва, 34 принадлежали къ защитникамъ однообразнаго надѣла, сторонниковъ котораго въ первомъ призывѣ было весьма немного; эти 34 депутата высказали свои воззрѣнія по предмету надѣленія крестьянъ землею въ пространномъ отзывѣ за общимъ подписомъ.

Эти отзывы отчетливо обрисовываютъ стремленія дворянства въ земельномъ вопросѣ. Передадимъ самыя существенныя мѣста ихъ стараясь держаться возможно ближе подлинника.

Единственное законное требованіе, говорили *Офросимовъ* и *кн. Волконскій,* которое можетъ изъявить при предстоящемъ преобразованіи государство на частную собственность помѣщиковъ, заключается въ томъ, чтобы крестьянинъ не бродяжничалъ и сохранилъ земледѣльческій характеръ. Для этого нужна земля. Но, чтобы требованіе государства было законно, надо, чтобы оно простиралось на такую именно часть помѣщичьей земли, которая необходима для государственныхъ цѣлей; всякое лишнее требованіе будетъ уже споліація. Послѣдняго не требовалъ ни рескриптъ, ни Императоръ въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ дворянству разныхъ губерній во время своего путешествія. Вездѣ Государь требовалъ, чтобы комитеты разрѣшали вопросъ безобидно для обѣихъ сторонъ. Редакціонная комиссія, устанавливая сохраненіе существующихъ надѣловъ, приноситъ въ жертву интересы помѣщиковъ въ степени большей, нежели того требуетъ государственная необходимость. Существующій надѣлъ, съ извѣстными ограниченіями, еще можетъ оставаться въ оброчныхъ промысловыхъ мѣстностяхъ сѣверныхъ губерній, гдѣ, по малопроизводительности почвы, его едва достаточно для продовольствія крестьянъ. Но въ черноземныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ нынѣшній надѣлъ не только обезпечивалъ всѣ потребности крестьянъ, а также и давалъ имъ средства отправлять барщину. Съ уничтоженіемъ барщины, крестьяне пріобрѣтаютъ весь чистый доходъ отъ настоящаго ихъ надѣла, безъ исключенія того, что поглощала барщина, и, кромѣ того, новый промыселъ: работу по найму. Чѣмъ больше прибыль отъ уничтоженія барщины будетъ покрывать потребности и новыя повинности кре-

стьянъ, тѣмъ менѣе они захотятъ воспользоваться новымъ промыcломъ, т. е. работою по найму у помѣщиковъ, и тѣмъ менѣе хозяйства послѣднихъ будутъ имѣть возможность поддерживаться. А потому оставить и послѣ упраздненія крѣпостного права существующіе размѣры крестьянскихъ надѣловъ значитъ лишить произвольно большинство помѣщиковъ не только части ихъ земель, но и возможности продолжать свои хозяйства.

Для всѣхъ черноземныхъ земледѣльческихъ мѣстностей, съ правильнымъ трехпольнымъ хозяйствомъ, рязанскіе депутаты, согласно постановленію ихъ комитета, предлагали принять за высшій размѣръ надѣла $2^1/_2$ десятины на душу, оставивъ во всѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ нынѣшній надѣлъ менѣе $2^1/_2$ десятинъ, существующій надѣлъ безъ измѣненія, какъ фактъ того, что крестьяне вполнѣ обезпечены землею, даже и при крѣпостномъ правѣ. Всякая сажень, заключали они, превышающая эту цифру, будетъ уже произвольнымъ отчужденіемъ частной собственности, не оправдываемымъ никакими государственными видами („Крестьянское дѣло". Скребицкій. Т. II. Ч. 1-я, стр. 81—89, и ч. 2-я, стр. 1196).

Хрущовъ и *Шретеръ* объяснили, что харьковскій комитетъ опредѣлилъ нормальный надѣлъ земли на душу, въ предѣлахъ maximum'a и minimum'a, соразмѣривъ оный съ потребностями крестьянъ и принявъ притомъ въ соображеніе слѣдующее:

1) Не объемъ земли, данный крестьянину, дѣлаетъ его богатымъ, а свободный трудъ. Крестьянину выгоднѣе употребить свой трудъ на заработки, чѣмъ заниматься хлѣбопашествомъ въ большомъ объемѣ. При утвержденіи за крестьянами существующаго надѣла, выкупъ невозможенъ, если земля будетъ оцѣнена справедливо, по дѣйствительной ея стоимости; въ противномъ случаѣ это будетъ уже не выкупъ, а безвозмездное отчужденіе владѣльческой собственности. Предоставленіе крестьянамъ большихъ надѣловъ, безъ надлежащаго денежнаго вознагражденія владѣльцевъ, лишаетъ помѣщиковъ средствъ для воздѣлыванія ихъ полей. Полезно ли это для государственной экономіи? До этихъ поръ продовольствіе войскъ и всѣхъ внутреннихъ потребностей обезпечивалось произведеніями помѣщичьяго хозяйства; въ отпускѣ за границу поступалъ исключительно помѣщичій хлѣбъ. Если поля помѣщиковъ останутся необработанными, то Россія лишится самой важной статьи заграничной торговли и намъ придется, вмѣсто обмѣна произведеній на произведенія, платить за все звонкою монетою. Не станетъ для этого не только нашихъ, но и калифорнійскихъ рудниковъ. Редакціонная комиссія мнѣніе свое о необходимости утвердить за крестьянами существующій надѣлъ основала, какъ *Хрущову* и *Шре-*

теру кажется, на доводахъ, представленныхъ объ этомъ комитетами сѣверныхъ губерній. Эти комитеты, по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ, могутъ находить разсчетъ предоставить крестьянамъ существующій надѣлъ. Но что полезно для Вятской губерніи, то можетъ быть вредно для Кіевской; что полезно для Харьковской, то можетъ быть разорительно для Петербургской. По климатическимъ условіямъ, по характеру и свойству почвы, въ Харьковской губерніи земля имѣетъ огромную цѣнность, независимую отъ крестьянскаго труда. Въ видахъ государственной пользы и блага народа, харьковское дворянство согласилось уступить часть лучшихъ своихъ земель въ собственность крестьянъ; но степень этой добровольной жертвы даетъ ему право желать, чтобы жертвы эти имѣли справедливый предѣлъ. Съ другой стороны, крестьяне, которыхъ *Шретеръ* и *Хрущовъ* близко знаютъ, живя постоянно съ ними и слыша ихъ откровенныя сужденія о реформѣ, не гонятся за существующимъ надѣломъ, а желаютъ получить землю, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, но не иначе, какъ въ обезпеченную собственность; а потому они полагали, что сокращеніе существующихъ надѣловъ не произведетъ безпорядковъ; если же безпорядки неизбѣжны, то они не менѣе того явятся и при утвержденіи существующаго надѣла, ибо что такое существующій надѣлъ? Развѣ это фактъ, который легко доказать? Развѣ много имѣній, въ которыхъ крестьянскія земли отдѣлены отъ господскихъ? Надѣлъ измѣняется съ каждымъ годомъ; участки крестьянъ, необозначенные никакими межевыми знаками разбросаны по всѣмъ полямъ; замѣнъ ихъ производится ежегодно. При утвержденіи существующаго надѣла, каждая сторона будетъ искать своихъ выгодъ: будутъ споры, недоразумѣнія, столкновенія. Кого винить? какъ знать, кто правъ, кто виноватъ? встрѣтятся помѣщики стяжавивные, а крестьяне миролюбивые; найдутся нерѣдко и крестьяне алчные, а владѣльцы добрые и честные. Кто будетъ разбирать ихъ и найдутся ли средства рѣшать подобные споры безобидно для обѣихъ сторонъ? Пройдутъ цѣлые годы, покуда опредѣлится существующій надѣлъ; между тѣмъ, какъ опредѣленіе нормы, поставивъ обѣ стороны въ совершенную опредѣленность, устранитъ всякую возможность и всякій поводъ къ тяжбамъ. Кто жилъ съ крестьянами, кто знакомъ съ ихъ наклонностями хорошими и дурными, кто не менѣе того знаетъ и помѣщиковъ, тотъ повѣритъ всему сказанному и согласится съ неоспоримою истиною, что крестьянамъ, для избѣжанія гибельныхъ послѣдствій, необходимо дать немедленно свободу и землю въ собственность, но и въ то же самое время твердо и рѣшительно опредѣлить границы ихъ правъ; въ противномъ случаѣ, никто не можетъ ручаться, что они,

усилившись матеріально, окрѣпнувъ духомъ, не захотятъ сами расширить своихъ правъ.

Хрущовъ и *Шретеръ* заключали, что они отъ всей души сочувствуютъ полному освобожденію крѣпостныхъ, но въ то же время пламенно желаютъ, чтобы возведеніе ихъ въ полноправныхъ гражданъ произошло правомѣрно и на твердой почвѣ законности (Ibid. Т. II, ч. 1-ая, стр. 94—97).

Тридцать четыре члена второго приглашенія, подавшіе общій отзывъ, объясняли, что отводимый редакціонною комиссіею надѣлъ, отдаваемый крестьянамъ въ безсрочное пользованіе, съ отнятіемъ всякаго права на эту землю у собственника ея, и за плату неизмѣнную—такой надѣлъ не можетъ быть установленъ въ томъ размѣрѣ, какой опредѣлялся доброю волей собственника и выгодными для него условіями пользованія крестьянъ землею. Когда помѣщикъ былъ полноправнымъ собственникомъ своей земли и не лишался права владѣнія, пользованія и распоряженія ею, то онъ могъ отводить всѣ свои земли крестьянамъ, потому что онъ самъ находилъ удобнымъ, полезнымъ, выгоднымъ, или пріятнымъ такъ распоряжаться своею собственностью; чрезъ то онъ не лишался ни своего землевладѣльческаго значенія, ни права на высшій доходъ при возвышеніи цѣнности земли, ни возможности продать свою собственность за справедливую цѣну. Но какъ скоро собственникъ лишается всѣхъ этихъ правъ, несомнѣнно ему принадлежащихъ, и какъ скоро этого лишенія требуютъ во имя государственной пользы, то можетъ быть установленъ только нормальный надѣлъ. Говорятъ: государственный интересъ требуетъ надѣленія крестьянъ землею для предотвращенія бродяжничества и обезпеченія быта крестьянъ. Если и согласиться съ этимъ, то для устраненія бродяжничества нѣтъ необходимости въ большихъ надѣлахъ; нѣтъ необходимости въ этомъ также и для обезпеченія быта крестьянъ, потому что, при свободномъ трудѣ, промыслы и работы у помѣщиковъ будутъ также доставлять доходъ освобожденнымъ крестьянамъ и обезпечивать ихъ бытъ. Притомъ, всѣ земли, не нужныя помѣщику, непремѣнно останутся въ крестьянскомъ пользованіи; но пусть излишнее количество ихъ будетъ отдано крестьянамъ на основаніи добровольныхъ уговоровъ, при которыхъ, можетъ быть, помѣщикъ отдастъ ихъ въ наймы и за низшую противъ установленной плату, да, по крайней мѣрѣ, безъ принужденія и безъ лишенія правъ на нихъ въ будущемъ времени. Если, для обезпеченія крестьянъ, нужно принимать насильственныя мѣры въ отношеніи къ собственности, то пусть онѣ распространяются на возможно меньшую часть собственности и не простираются

за предѣлы необходимаго, чтобы нарушеніе правъ собственности оставалось въ возможно меньшемъ размѣрѣ. „*Потребности же быта крестьянъ опредѣляетъ не maximum, а minimum существующаго надѣла, потому что, и при самомъ меньшемъ размѣрѣ надѣла, крестьяне получали отъ земледѣлія достаточно хлѣба для своего продовольствія, и часто пользовались даже большимъ благосостояніемъ, чѣмъ при самыхъ обширныхъ размѣрахъ надѣла*".

Существующій надѣлъ, въ отношеніи размѣра его въ разныхъ имѣніяхъ и въ разныхъ мѣстностяхъ, носилъ на себѣ характеръ совершеннаго произвола и случайности. Многіе помѣщики, имѣя мало земли, оставляли въ пользованіе крестьянъ всю свою поземельную собственность; другіе, при большемъ количествѣ земли, предоставляли гораздо меньшій надѣлъ; въ мѣстахъ, гдѣ цѣнность земли высокая, встрѣчаются большіе надѣлы; точно также, какъ и при дешевизнѣ земли, бываютъ самые незначительные размѣры пользованія крестьянъ. Сохранить подобное неравенство несправедливо и въ высшей степени неудобно въ томъ отношеніи, что неравномѣрность надѣла поведетъ къ неизбѣжнымъ неудовольствіямъ и помѣщиковъ, и крестьянъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, *тридцать четыре депутата* считали недобровольный надѣлъ нужнымъ только до тѣхъ поръ, пока сохраняются взаимно-обязательныя отношенія. Съ прекращеніемъ же ихъ, не должно быть ничего принудительнаго для обѣихъ сторонъ: какъ скоро принужденіе отмѣняется для одной стороны, оно должно быть отмѣнено и для другой. Перемѣщеніе недобровольныхъ обязанностей съ одного сословія на другое не удовлетворитъ требованіямъ справедливости и современнымъ потребностямъ общества.

Чтобы успокоить, продолжаютъ *тридцать четыре* депутата, собственность, встревоженную нарушеніемъ ея правъ, редакціонная комиссія постановила, что помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ не обязанъ впослѣдствіи увеличивать крестьянскій поземельный надѣлъ; но эти обѣщанія, относительно будущаго, не могутъ успокоить, когда имъ противорѣчатъ предлагаемыя мѣры касательно настоящаго. Если теперь требуется принудительный надѣлъ всего количества земли, состоящаго подъ крестьянскими запашками, то, съ увеличеніемъ народонаселенія и увеличеніемъ крестьянскихъ запашекъ на вновь нанятыя земли, нѣтъ причины не присоединить и эти земли къ надѣлу, такъ какъ новыя потребности увеличившагося крестьянскаго населенія, удовлетвореніе которыхъ взяло бы на себя правительство, опредѣляются уже не прежнимъ, а вновь устроившимся размѣромъ пользованія. Та же самая государственная потребность, которая побуждаетъ, въ настоящее время, къ утвержде-

нію существующаго надѣла за крестьянами, можетъ быть признана для увеличенія надѣла усилившагося народонасенія. Если нынѣшнія предположенія правильны и законны, то нельзя не признать законными подобныя мѣры и для будущаго времени.

Никакая государственная потребность не можетъ состоять въ томъ, чтобы принимать мѣры, нарушающія права частной собственности [1]). Законъ не можетъ опредѣлить правила для уклоненія отъ законности. Редакціонныя комиссіи стараются о томъ, чтобы снабдить крестьянъ возможно большимъ количествомъ земли; но средства для этой цѣли не могутъ заключаться въ нарушеніи права собственности. Всѣ интересы общественной жизни такъ тѣсно связаны между собой, что нарушеніе одного изъ коренныхъ началъ, на которыхъ утверждается общество, поведетъ къ разстройству общественнаго организма.

Касательно указываемой редакціонной комиссіею трудности опредѣлить нормы для каждой мѣстности, депутаты эти возражали, что не менѣе трудно опредѣлить и высшій надѣлъ, принимаемый редакціонной комиссіей. Но опредѣленіе слишкомъ разнообразныхъ нормъ, по мнѣнію депутатовъ, и не нужно. Почти вездѣ потребно одинаковое количество земли для обезпеченія быта крестьянъ. Размѣръ хозяйства фермера сообразуется съ имѣющимся капиталомъ; а пространство безкапитальнаго хозяйства крестьянъ соразмѣряется съ количествомъ необходимыхъ потребностей работника. Поэтому „обязательный размѣръ надѣла можетъ быть почти вездѣ однообразный, съ различіемъ въ платѣ, сообразно съ цѣнностью земли".

Относительно замѣчанія о ломкѣ крестьянскаго и господскаго хозяйства *тридцать четыре* депутата объяснили, что такая повсемѣстная ломка неизбѣжна также при утвержденіи существующаго надѣла, при разграниченіи угодій, при обмѣнѣ земель и при переселеніи крестьянъ. Редакціонная комиссія не нашла возможнымъ избѣгнуть ея въ своихъ предположеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, при новыхъ отношеніяхъ сельскихъ сословій, невозможно оставить прежнюю чрезполосность и неопредѣленность владѣнія.

Депутаты эти вовсе не считали серьезнымъ доводъ редакціонной комиссіи касательно невозможности для правительства отвѣчать за сохраненіе общественнаго спокойствія при уменьшеніи надѣла крестьянъ. Крестьяне вовсе не ожидаютъ, чтобы, при освобожденіи ихъ отъ власти помѣщиковъ, могло быть оставлено имъ прежнее коли-

---

[1]) Здѣсь *тридцать четыре члена* впадаютъ въ очевидное самопротиворѣчіе, Нѣсколько выше они признали, какъ мы видѣли, *ради государственной пользы*, надобность въ установленіи *недобровольнаго* надѣла на время взаимно-обязательныхъ отношеній.

чество помѣщичьей земли; а потому опредѣленіе нормальнаго надѣла не можетъ подать повода къ нарушенію общественнаго спокойствія. Дворянство хорошо знаетъ условія сельскаго быта и не могло бы предложить опасную мѣру, тѣмъ болѣе, что эта опасность прежде всего обратилась бы на самихъ помѣщиковъ. Правительство также не откажется отъ своей обязанности поддерживать и защищать права собственности, *хотя бы и старались его увѣрить, что такая защита опасна для общественнаго спокойствія;* напротивъ того, общественное спокойствіе основано на поддержаніи частныхъ правъ; и гораздо болѣе опасно для общественнаго спокойствія и для общей безопасности потрясеніе въ народѣ понятій о правѣ собственности и о законности.

Касательно недостатка въ межевыхъ и кадастровыхъ средствахъ депутаты замѣчали, что эти средства будутъ нужны въ меньшей степени при отводѣ опредѣленнаго количества земли, чѣмъ при измѣреніи существующаго надѣла для опредѣленія повинностей. Принятіемъ существующаго надѣла редакціонныя комиссіи не устранили необходимости всѣхъ работъ по опредѣленію, исчисленію и разграниченію надѣла, по увеличенію или уменьшенію прежняго размѣра его. *Существующій надѣлъ признается только для того, чтобы норма надѣла была сколь возможно большая и стѣснительная для собственниковъ.* Затѣмъ, установленіе высшаго и низшаго размѣровъ, измѣненіе прежняго надѣла, отрѣзка и прирѣзка земель все-таки признаются необходимыми для регулированія повинностей (Ibid. стр. 106—112).

Весьма характеренъ и не лишенъ остроумія отзывъ воронежскаго депутата *кн. Гагарина*, представителя группы депутатовъ, принявшихъ въ отношеніе редакціонной комиссіи положеніе обвинителей въ потрясеніи ею государственныхъ основъ и произносившихъ по каждому изъ ея предположеній страстныя филиппики.

Князь Гагаринъ, приступая къ разсмотрѣнію соображеній редакціонной комиссіи по вопросу о надѣлахъ, обращалъ вниманіе на „*общій духъ*, господствующій вообще во всѣхъ опредѣленіяхъ этой комиссіи...“ Иностранцу, явившемуся изъ другой части свѣта, говоритъ кн. *Гагаринъ*, и потому не знающему ни Россіи, ни ея законовъ, ни существованія сословныхъ раздѣленій, ни цѣли и условій предпринятой реформы, должно представиться, что въ этой неизвѣстной ему странѣ предпринято образованіе какого-то новаго сословія контрагентовъ, подрядчиковъ, арендаторовъ, или чего-то въ родѣ, что подъ названіемъ помѣщиковъ принимаетъ отъ казеннаго вѣдомства населенныя земли въ оброчное содержаніе. При чемъ, чтобы это новое сословіе не разоряло населенія своими корыстными рас-

поряженіями, то принимаются всевозможныя предосторожности противъ корыстолюбивыхъ видовъ его, предполагая, какъ слѣдуетъ, и безъ церемоній, что, конечно, однѣ только выгоды и побуждаютъ это сословіе вступать въ договоры съ казною на счетъ пользованія населенными землями. А потому нисколько не удивятъ помянутаго иностранца выраженія, подобныя слѣдующимъ, употребляемымъ. какъ въ настоящей, такъ и во всѣхъ другихъ главныхъ работахъ комиссіи, для опредѣленія круга дѣйствія и правъ этихъ контрагентовъ или помѣщиковъ:

„Нельзя не дать помѣщику простора. Должно быть ему дозволено. Должно быть ему предоставлено. Дозволить помѣщикамъ. Вмѣняется имъ въ обязанность. Должно быть предоставлено помѣщику съ разрѣшенія члена и проч. Помѣщикъ не можетъ и не долженъ. Помѣщику предоставляется право. Не открывая простора произволу помѣщика. Помѣщику можетъ быть дозволено. Помѣщику предоставляется право отрѣзать и проч. Помѣщику воспрещается отрѣзать и проч. Помѣщику дозволяется отрѣзать и проч. Помѣщикъ можетъ отрѣзать и проч. Помѣщику не дозволяется. Помѣщикъ обязанъ. Помѣщикъ можетъ. Помѣщикъ обусловливается. Помѣщикъ имѣетъ право и проч., и проч., и проч.“.

Все это очень естественно, замѣчаетъ *кн. Гагаринъ*, при опредѣленіи кондицій, составляемыхъ въ казенныхъ палатахъ, въ строительныхъ комиссіяхъ и другихъ присутствіяхъ, для подрядчиковъ дровъ, муки, кулей и проч., или для съемщиковъ земель, рыбной ловли и другихъ оброчныхъ статей. Но какъ будетъ удивленъ не иностранецъ уже, а всякій русскій человѣкъ, когда онъ въ подобномъ регламентѣ, вдругъ встрѣтится съ выраженіемъ, опредѣляющимъ что-то въ родѣ уже насмѣшки, что помѣщикъ тотъ есть будто бы дѣйствительный вотчинникъ всего имѣнія, а въ томъ числѣ и угодій, поступающихъ въ пользованіе крестьянъ. Какимъ образомъ помѣщикъ изъ контрагента и подрядчика попалъ въ вотчинники, или, лучше, какъ такой вотчинникъ обращенъ въ контрагента, рѣшеніе такого вопроса есть хотя тайна редакціонныхъ комиссій, однако, дворянство, не можетъ не видѣть между строкъ настоящаго смысла его.

При обсужденіи трудовъ редакціонной комиссіи по юридическому отдѣлу, по словамъ *кн. Гагарина*, имъ подробно разсмотрѣна и доказана неправильность проектируемаго редакціонною комиссіею надѣленія крестьянъ землею и создаваніе новыхъ видовъ и правъ на собственность вообще. А потому *князь* здѣсь только замѣтилъ, что упоминаемая, какъ бы мимоходомъ, безсрочность отвода земель крестьянамъ, есть та же самая споліація собственности, о которой ска-

зано въ упомянутомъ разсмотрѣніи. По крайней мѣрѣ, долженъ быть изданъ новый законъ для подобнаго пересвоенія собственности отъ одного сословія въ пользу другого, а административнымъ путемъ того предпринимать нельзя. Затѣмъ, руководствуясь началомъ, освященнымъ всѣми законами, что помѣщикъ есть *полноправный вотчинникъ* принадлежащей ему земли; что дворянство призывалось довѣріемъ Императора только къ улучшенію положенія крестьянъ, а не къ отчужденію или пересвоенію своей собственности; что въ самомъ этомъ улучшеніи должна быть соблюдена разумная постепенность; что, изъявляя полное сочувствіе и готовность содѣйствовать столь благой цѣли, дворянство не только отказалось отъ личныхъ своихъ правъ въ пользу правъ гражданскихъ укрѣпленныхъ за ними крестьянъ, но и озаботилось доставленіемъ имъ средствъ на первое, опредѣленное извѣстнымъ срокомъ, время продолжать земледѣльческій свой промыселъ безъ затрудненія, съ полною свободою труда и тѣмъ обезпечивать свое благосостояніе, дворянство, говоритъ *кн. Гагаринъ*, руководясь этими основаніями, не можетъ согласиться на правила, предлагаемыя редакціонными комиссіями и въ вопросахъ настоящей главы, какъ, напримѣръ: 1) на безсрочный отводъ земель своихъ въ пользованіе крестьянъ; 2) на правила отрѣзки и прирѣзки по придуманному maximum'у и minimum'у. Эти предлагаемыя правила противорѣчатъ прямому пониманію о правахъ собственности, *вводятъ административнымъ путемъ начало коммунизма* и колеблютъ всѣ основы государственнаго благоустройства уничтоженіемъ довѣрія въ охранительную силу закона (Ibid. стр. 394—397).

Комитеты и депутаты литовскихъ и юго-западныхъ губерній, всѣ, безъ исключенія, предлагали уменьшенные противъ существующихъ нормальные надѣлы. Кіевская общая комиссія и депутаты ея считали сохраненіе существующихъ надѣловъ невыгоднымъ для экономической будущности края вообще, для крестьянъ и помѣщичьяго хозяйства въ особенности. Климатъ и торговое положеніе страны, говорили они, не благопріятствуютъ образованію второстепенныхъ хозяйствъ; ибо земледѣліе можетъ приносить выгоды и выдерживать соперничество съ другими странами только тогда, когда оно производится въ значительныхъ размѣрахъ (la grande culture). Для помѣщиковъ опасно отвести крестьянамъ такое количество земли, которое бы вполнѣ обезпечило послѣднихъ и поглотило весь ихъ трудъ, а, напротивъ, „*гораздо выгоднѣе*, оставивъ крестьянъ при скудномъ надѣлѣ и легкой повинности, обратить ихъ къ вольнонаемному труду, необходимому для поддержанія помѣщичьихъ запашекъ. Съ другой стороны, сами крестьяне были бы

не въ состоянiи управиться съ большими надѣлами и отбывать соразмѣрныя повинности". Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣлить такой размѣръ надѣла, который, будучи достаточенъ для обезпеченiя крестьянъ въ ихъ существенныхъ и общихъ потребностяхъ, соотвѣтствовалъ бы обыкновеннымъ ихъ средствамъ и ставилъ бы ихъ въ положенiе „*довольно независимое*" для свободныхъ заработковъ.

Приведенныя существеннѣйшiя мѣста изъ отзывовъ депутатовъ достаточно выясняютъ роль дворянства въ дѣлѣ надѣленiя крестьянъ землею. А потому нѣтъ надобности останавливаться на притязанiяхъ депутатовъ относительно другихъ важныхъ аграрныхъ вопросовъ, какъ-то: объ отрѣзкѣ земли у крестьянъ; о прирѣзкѣ земли крестьянамъ въ случаѣ, если они имѣютъ въ своемъ пользованiи количество меньшее установленнаго редакцiонною комиссiей *minimum'а*; о количествѣ земли, которое непремѣнно должно остаться въ непосредственномъ распоряженiи помѣщика, какiя помѣщичьи земли должны идти въ счетъ при исчисленiи количества земли, долженствующаго остаться въ непосредственномъ распоряженiи владѣльца. Всѣ эти притязанiя проникнуты тѣмъ же духомъ своекорыстiя дворянства, политическою близорукостью, софизмами и утвержденiями, лживыми до наглости. Ограничимся указанiемъ выводовъ.

Половина депутатовъ перваго приглашенiя возражала противъ правила, первоначально принятаго комиссiею въ первомъ перiодѣ ея занятiй, въ силу котораго *отрѣзка у крестьянъ земли, съ цѣлью сохраненiя въ непосредственномъ распоряженiи владѣльца не менѣе* $^1/_3$ *доли общаго количества угодiй въ имѣнiи, должна была производиться не немедленно по введенiи Положенiя, но постепенно, по мѣрѣ выхода крестьянъ изъ обществъ, на основанiи нѣкоторыхъ облегчительныхъ для того правилъ.* Комиссiя сдѣлала уступку и во второмъ перiодѣ отмѣнила первоначальное свое постановленiе.

Почти половина депутатовъ перваго приглашенiя и тридцать четыре депутата второго высказались, что *не должно вовсе назначать низшаго размѣра (minimum) надѣла*, до котораго владѣлецъ былъ бы обязанъ нарѣзать крестьянамъ земли, въ случаѣ, еслибъ крестьяне имѣли ея въ своемъ пользованiи меньшее количество.

За исключенiемъ нѣсколькихъ лицъ, всѣ депутаты требовали, *чтобы въ непосредственномъ распоряженiи владѣльца во всякомъ случаѣ осталось не менѣе цѣлыхъ двухъ третей или цѣлой половины общаго количества угодiй;* редакцiонная же комиссiя установила одну треть.

Значительнымъ большинствомъ требовалось, чтобы при исчис-

леніи того количества угодій, изъ которыхъ помѣщикъ сохраняетъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе двухъ третей, по предложенію другихъ—половины, *не принимать вовсе въ соображеніе господскихъ лѣсовъ.* Сверхъ того, высказывались притязанія, имѣвшія цѣлью, тѣмъ или другимъ путемъ, *установить возможность ограниченнѣйшее исчисленіе этого общаго количества угодій,* дабы сохранить больше земли за владѣльцемъ, и имѣть возможность больше отрѣзать изъ нынѣ существующаго владѣнія крестьянъ. Такъ, напримѣръ, большинство депутатовъ перваго призыва настаивало, чтобы при исчисленіи общаго количества земли, принадлежащаго помѣщику, исчисленіе это было ограничено *ближайшими землями* послѣдняго.

Въ первомъ періодѣ своей дѣятельности, комиссія полагала принимать въ соображеніе всѣ земли, принадлежащія владѣльцу, какъ въ томъ самомъ, такъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ. „Во вниманіе къ возраженіямъ, говоритъ редакціонная комиссія, представленнымъ членами перваго приглашенія, указывавшимъ на разноцѣнность земель въ сосѣднихъ уѣздахъ—первоначально принятое измѣнено въ томъ отношеніи, что при такомъ исчисленіи принимать во вниманіе только удобныя земли, помѣщику принадлежащія, какъ въ томъ самомъ селеніи, гдѣ часть крестьянской земли подлежитъ отрѣзкѣ въ пользу владѣльца, такъ и въ другихъ селеніяхъ и не заселенныхъ дачахъ, отстоящихъ отъ перваго не далѣе, какъ на 25 верстъ.

Съ предположеніями редакціонной комиссіи по предмету надѣленія крестьянъ землею согласилось только незначительное меньшинство депутатовъ. При этомъ одни согласились безусловно; другіе—съ нѣкоторыми измѣненіями.

Депутатъ отъ меньшинства рязанскаго комитета, *Кошелевъ,* объяснилъ, что редакціонная комиссія установила, по разнымъ мѣстностямъ, весьма высокіе maximum'ы и весьма низкіе minimum'ы крестьянскаго поземельнаго надѣла. Главнымъ соображеніемъ, которымъ она въ этомъ случаѣ руководствовалась, есть то, чтобы избѣжать, по возможности, какъ урѣзокъ, такъ и прирѣзокъ земли. Сознавая, что это соображеніе, въ видахъ спокойнаго и удовлетворительнаго разрѣшенія прежней задачи, не лишено основательности, Кошелевъ полагалъ, однако, что есть другія уваженія, еще болѣе настоятельныя, и которыя устранить нѣтъ никакой возможности.

Надѣленіе крестьянъ землею въ постоянное безповоротное ихъ пользованіе, говорилъ онъ—есть отчужденіе частной собственности, ради общественной и государственной пользы. Это не подлежитъ

никакому сомнѣнію. Оправданіе такой мѣры заключается лишь въ ея необходимости: гдѣ эта необходимость прекращается, тамъ прекращается и законность этой мѣры. Эта истинность лежитъ въ основѣ рескриптовъ, гдѣ сказано: „предоставляется въ пользованіе крестьянъ *надлежащее*, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику". Этими словами ясно указана норма крестьянскаго надѣла.

Раздѣляя вполнѣ мнѣніе редакціонной комиссіи насчетъ трудности и почти невозможности установить искусственную, строго опредѣленную норму для крестьянскаго надѣла, и насчетъ великихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ осуществленіемъ ея на дѣлѣ, *Кошелевъ* не соглашался, однако, съ комиссіей въ томъ, что между высшими и низшими предѣлами долженъ быть широкій просторъ. Онъ считалъ это неудобнымъ, несправедливымъ и даже противозаконнымъ.

Высокій maximum и низкій minimum неудобны и несправедливы потому, что у однихъ помѣщиковъ отойдетъ земли слишкомъ много, а у другихъ несоразмѣрно мало; что добрые помѣщики, въ сравненіи съ владѣльцами, дававшими скудные надѣлы, понесутъ большіе, ни чѣмъ не заслуженные и ни чѣмъ не вынужденные убытки, и что крестьяне, вѣчно нуждавшіеся въ землѣ и лишенные оной, не по малоземелью, а по произволу помѣщика, останутся и на будущее время въ томъ же положеніи. Кромѣ того, такое неравенство въ надѣлахъ возбудитъ сильное неудовольствіе въ нашемъ народѣ, въ которомъ особенно сильна потребность въ равенствѣ и которому трудно будетъ понять, что его обездоленіе есть слѣдствіе уваженія правительства къ совершившемуся факту.

Сверхъ того, по мнѣнію *Кошелева*, широкій просторъ между высшими и низшими размѣрами противозаконенъ, потому что отчуждается земли въ пользу крестьянъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало, что совершенно противно рескриптамъ и вышеупомянутому общему закону о насильственномъ отчужденіи частной собственности, ради пользы общественной или государственной. Нужды земледѣльцевъ въ извѣстной мѣстности почти одинаковы, почему же отчуждать въ пользу крестьянъ у однихъ помѣщиковъ по три десятины на душу, а у другихъ по одной. Неотразимо представляется Кошелеву заключеніе: или первое, или послѣднее, или оба эти количества совершенно произвольны, и потому условіемъ необходимости оправданы быть не могутъ.

Потому-то Кошелевъ, хотя и соглашался съ началомъ суще-

*

ствующихъ надѣловъ, полагалъ, однако, замѣнить систему, принятую редакціонною комиссіей слѣдующею системою. Всѣ барщинскія имѣнія каждаго уѣзда, о которыхъ имѣются удовлетворительныя свѣдѣнія внести въ списокъ по величинѣ надѣла, начиная съ высшихъ размѣровъ и оканчивая низшими; потомъ раздѣлить эти имѣнія на три части, и, откинувши первую и послѣднюю части, какъ содержащую въ себѣ самые высокіе и самые малые надѣлы, признать въ средней части высшій надѣлъ за *maximum*, а низшій—за *minimum*. Такимъ образомъ, говоритъ Кошелевъ: а) справедливое требованіе рескриптовъ было бы выполнено; цѣль самихъ комиссій насчетъ избѣжанія урѣзокъ по возможности достигнута, ибо двѣ трети не подверглись бы этой операціи; в) крестьяне получили бы въ надѣлъ надлежащее количество земли; г) изъ помѣщиковъ должны были бы прирѣзывать къ крестьянскому надѣлу тѣ, которые дѣйствительно лишали крестьянъ земли, и д) особенно важно было бы въ этомъ дѣлѣ отсутствіе произвола въ дѣйствіяхъ комиссіи; нечего было бы сказать противъ такого вполнѣ основательнаго вывода ихъ и пришлось бы только безъ дальнѣйшихъ толковъ на него согласиться. (Ibid., стр. 1123—1130).

Нѣсколько депутатовъ, признававшихъ необходимость сохраненія по возможности за крестьянами существующихъ надѣловъ, находили однако, что низшій размѣръ надѣла или *minimum* назначенъ редакціонной комиссіей слишкомъ низкій и долженъ быть поднятъ до $^2/_3$ высшаго размѣра. (Т. II, ч. 1, стр. 123—167 и Т. II, ч. 2, стр. 1123—1135).

Редакціонная комиссія, разсмотрѣвъ отзывы депутатовъ по вопросу надѣленія крестьянъ землею, пришла къ заключенію, что, кромѣ множества частныхъ возраженій, въ отзывахъ большинства развиваются главнымъ образомъ двѣ мысли: съ одной стороны, *несправедливость начала существующаго надѣла* доказываемая крайнею неуравнительностью потерь, падающихъ на помѣщиковъ и не въ одинаковой мѣрѣ поражающихъ владѣльцевъ, щедрыхъ къ своимъ крестьянамъ, и тѣхъ, которые предварительно отняли у нихъ большую часть надѣла; съ другой стороны, *необходимость искусственнымъ образомъ уменьшить степень нынѣшняго вещественнаго обезпеченія освобожденныхъ крестьянъ*; дабы немедленнымъ ограниченіемъ ихъ земельнаго надѣла поставить ихъ въ большую зависимость отъ капитала и землевладѣльца.

Мысль искусственнаго сокращенія крестьянскихъ надѣловъ не только не раздѣлялась редакціонной комиссіей, но послѣдняя еще полагала, что осуществленіе этой мысли противорѣчило бы здраво понятымъ экономическимъ интересамъ всей страны и всѣхъ сосло-

вій, и не могло бы не быть сопряжено съ значительными опасностями для будущаго развитія общественной жизни. Какъ бы ни были основательны надежды на будущее экономическое развитіе, говорила комиссія:—но трудно, или лучше сказать, невозможно приносить въ жертву настоящее вѣрное поземельное обезпеченіе огромнаго населенія въ 23 милліона людей одному разсчету на будущее улучшеніе его средствъ къ жизни вслѣдствіе развитія промышленной дѣятельности и вольнаго труда. Еще труднѣе полагать, чтобы такое правильное и безболѣзненное развитіе не иначе могло быть подготовлено, какъ посредствомъ предварительнаго сокращенія всѣхъ вещественныхъ средствъ рабочаго класса, даже посредствомъ положительнаго отобранія у него земли, т. е. изъятія изъ его рукъ значительной доли самаго обычнаго и самаго любимаго орудія производства. Трудно думать, чтобы мгновенный, ни чѣмъ не подготовленный переломъ въ образѣ обычнаго пользованія землею, который при томъ предполагается совершить насильственно въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, могъ послужить къ прочному и правильному водворенію народнаго благосостоянія и быть необходимымъ условіемъ экономическаго развитія. Подобныя умозрѣнія едва ли было бы благоразумно осуществлять на опытѣ, въ дѣйствительной жизни

Замѣчаніе объ относительной неуравнительности потерь для владѣльцевъ, при сохраненіи существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе справедливаго. Но подобная неуравнительность есть неизбѣжный спутникъ *всякаго* безъ изъятія разрѣшенія крестьянскаго вопроса. *Тридцать четыре* члена губернскихъ комитетовъ полагаютъ необходимымъ установить для всей Россіи нормальные надѣлы почти однообразные, хотя и разноцѣнные. Но думаютъ ли они, что при этомъ потери помѣщиковъ сѣверныхъ и южныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, многоземельныхъ и малоземельныхъ, имѣющихъ капиталы и задолжавшихъ, владѣющихъ имѣніями хлѣбопашественными и владѣющихъ селами промысловыми, будутъ, хотя бы приблизительно, одинаковы? Будутъ ли потери эти одинаковы для помѣщика тамбовскаго даже и въ такомъ случаѣ, если крестьяне того и другого будутъ надѣлены однѣми усадьбами? Даже если крестьяне того и другого будутъ отпущены на волю безъ земли? Но можно было идти еще дальше и, обративъ вопросъ, поставленный членами губернскихъ комитетовъ, спросить: однообразно ли пострадаютъ и выиграютъ всѣ крестьяне въ Россіи при повсемѣстномъ введеніи разнообразныхъ нормальныхъ надѣловъ? Между тѣмъ, и это соображеніе не лишено практической важности въ настоящее время и при настоящихъ обстоятельствахъ, когда дѣло идетъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Комиссія не считала нужнымъ возражать противъ другого замѣчанія депутатовъ, будто нарѣзка нормальныхъ надѣловъ потребуетъ не болѣе или даже менѣе межевыхъ средствъ, чѣмъ сохраненіе надѣловъ существующихъ. Замѣчаніе это имѣло бы нѣкоторый вѣсъ исключительно лишь въ томъ случаѣ, если бы былъ предположенъ отводъ земельнаго надѣла самаго ничтожнаго, при которомъ крестьянинъ былъ бы лишенъ средствъ къ существованію и который, вслѣдствіе этой самой крайней его ничтожности, было бы слишкомъ легко обмѣрить. Но на отводъ такого ничтожнаго надѣла комиссія не можетъ согласиться.

Наконецъ, 34 депутата не признавали вовсе тѣхъ затрудненій, которыя можетъ испытать правительство при насильственномъ введеніи въ дѣйствіе требуемаго ими сокращенія крестьянскихъ надѣловъ. „Мы вовсе не считаемъ, говорятъ они:—серьезнымъ доводъ редакціонной комиссіи, касательно невозможности для правительства отвѣчать за сохраненіе общественнаго спокойствія при уменьшеніи надѣла крестьянъ... Дворянство хорошо знаетъ условія сельскаго быта и не могло бы предложить опасную мѣру тѣмъ болѣе, что эта опасность прежде всего обратилась бы на самихъ помѣщиковъ. *Правительство также не откажется отъ своей обязанности поддерживать и защищать права собственности, хотя бы и старались его увѣрить, что такая защита опасна для общественнаго спокойствія*".

Едва ли нужно, замѣчаетъ комиссія:—распространяться противъ возраженія, сдѣланнаго въ такой формѣ. Конечно, никто въ Россіи не сомнѣвается, что правительство имѣетъ не только твердую волю, но и силу, нужную для охраненія основныхъ началъ гражданской жизни. Вопросъ заключается вовсе не въ этомъ, но въ томъ, полезно ли вводить такое крестьянское положеніе, поддержаніе котораго потребовало бы употребленія этой силы? Можетъ ли быть названо прочнымъ гражданское учрежденіе, исключительно покоющееся на такомъ основаніи? И не гораздо ли благоразумнѣе будетъ начертать законъ, приложеніе котораго не вызоветъ опасныхъ столкновеній и не потребуетъ обузданія ихъ силою государственною? Комиссія увѣрена, что зрѣлое разсмотрѣніе этого важнаго вопроса убѣдило бы означенныхъ депутатовъ, что въ этомъ, какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, невозможно отдѣлять выгоды правительства отъ выгодъ и обязанностей прочихъ сословій, и что здраво понятый интересъ владѣльцевъ безусловно совпадаетъ при этомъ съ мирнымъ разрѣшеніемъ настоящей задачи, разрѣшеніемъ, не возвышающимъ такого сопротивленія, противъ котораго должна бы быть направлена сила. (Матер. ред. ком. т. XIII, стр. 27—34).

Изъ приведенныхъ заключеній комиссіи мы видѣли, что она

признавала слабую сторону принятой ею системы существующихъ надѣловъ, заключающуюся въ неуравнительности потерь для владѣльцевъ и слишкомъ большихъ различiяхъ между *maximum* и *minimum* надѣловъ, предоставляемыхъ крестьянамъ. И если комиссiя полагала, что „подобная неуравнительность есть неизбѣжный спутникъ всякаго безъ изъятiя разрѣшенiя крестьянскаго вопроса“, то и тогда ей слѣдовало употребить всѣ мѣры, для возможнаго уменьшенiя такой неуравнительности. Именно эту цѣль и преслѣдовала указанная выше система надѣленiя крестьянъ землею, предложенная рязанскимъ депутатомъ *Кошелевымъ*. Комиссiя не могла пройти этотъ проектъ молчанiемъ и выставила противъ него слѣдующiя соображенiя:

Система, предложенная рязанскимъ депутатомъ, говоритъ комиссiя:—была бы весьма удобна, если-бъ только нашлась возможность установить ее. Но предлагаемая система основана исключительно на томъ предположенiи, что свѣдѣнiя о цифрѣ крестьянскихъ надѣловъ въ помѣщичьихъ имѣнiяхъ имѣются весьма полныя, и что онѣ притомъ совершенно и повсемѣстно удовлетворительны. Только при этомъ условiи, такая система сколько нибудь приложима и можетъ не повести къ очевиднымъ несообразностямъ. Между тѣмъ, комиссiя, по долгомъ и тщательномъ изученiи этихъ свѣдѣнiй о помѣщичьихъ имѣнiяхъ, пришла къ этому окончательному убѣжденiю, что *цифры, въ этихъ свѣдѣнiяхъ заключающiяся и составляющiя, во всякомъ случаѣ, драгоцѣнный статистическiй матерiалъ, не могутъ, однако, быть принимаемы за данныя непогрѣшительныя и подлежатъ, при употребленiи своемъ, самой тщательной и многотрудной критической оцѣнкѣ*, при необходимости которой приложенiе однихъ механическихъ прiемовъ и исчисленiй невозможно, ибо оно привело бы къ результатамъ, часто между собою не согласнымъ.

Причины такого свойства этихъ цифръ весьма различны, но дѣйствiе и влiянiе этихъ причинъ несомнѣнны. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ свѣдѣнiя доставлялись владѣльцами съ замѣчательною добросовѣстностью и собирались губернскими комитетами весьма тщательно, то, къ сожалѣнiю, нельзя сказать, чтобы дѣло происходило такимъ же порядкомъ повсемѣстно. Во множествѣ свѣдѣнiй размѣры крестьянскаго поземельнаго владѣнiя показаны гораздо ниже дѣйствительнаго. Въ нѣкоторыхъ имѣнiяхъ, правильность показанiй была затруднена самою неопредѣленностью въ этихъ имѣнiяхъ крестьянскаго пользованiя, или тѣмъ обстоятельствомъ, что свѣдѣнiя доставлялись, въ отсутствiи владѣльцевъ, или повѣренными, или старостами, руководившимися, при исполненiи этой обязанности, самыми разнообразными побужденiями, большею ча-

стію—страхомъ отвѣтственности предъ помѣщикомъ. Въ цѣлыхъ значительныхъ полосахъ Россіи свѣдѣнія не точны, по самому свойству тамъ хозяйственныхъ условій; особенно замѣтно это въ полосѣ степной, гдѣ преобладаетъ залежное хозяйство, гдѣ нѣтъ постоянныхъ крестьянскихъ пахатныхъ полей, и гдѣ поэтому показывалось, большею частію, одно только количество годового засѣва, но не предъявлялось количество залежей соотвѣтствующее такому засѣву, и безъ включенія котораго крестьянскій надѣлъ сокращается на большую свою часть; и также въ сѣверной лѣсной полосѣ, гдѣ, большею частію, лѣса показаны въ исключительномъ владѣніи помѣщиковъ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности крестьяне нынѣ почти безотчетно распоряжаются лѣсными дачами, основывая на нихъ свои домашніе промыслы, или производя въ нихъ пашню по пожогамъ (хозяйство лядинное). Ко всѣмъ этимъ причинамъ неточности слѣдуетъ присовокупить еще два другихъ, не менѣе важныхъ, обстоятельства, а именно: во-первыхъ, то, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напримѣръ с.-петербургской, не только всѣ усилія губернскаго комитета, но даже и неоднократныя настоянія министра внутреннихъ дѣлъ, не могли привести къ собранію свѣдѣній, хоть нѣсколько полныхъ, такъ что въ с.-петербургской губерніи свѣдѣнія эти обнимаютъ менѣе $1/2$ всего крѣпостного народонаселенія; во-вторыхъ, тѣ же усилія и настоянія, въ отношеніи къ землѣ войска Донского, не могли привести даже къ высылкѣ въ С.-Петербургъ, въ редакціонную комиссію, и тѣхъ неполныхъ свѣдѣній, которыя были собраны мѣстнымъ комитетомъ. Очевидно, что, при совокупномъ дѣйствіи всѣхъ этихъ причинъ, степень достовѣрности имѣющихся свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ весьма разнообразна. По этому самому, слѣпой, механическій, лишенный критики выводъ изъ нихъ могъ бы повести лишь къ результатамъ, по разнымъ мѣстностямъ, между собою несообразнымъ.

Съ другой стороны совершенно несправедливо было бы полагать и надѣяться, что полныя и точныя свѣдѣнія могли бы быть получены при вторичномъ, офиціальномъ ихъ затребованіи, прежде чѣмъ эти свѣдѣнія сами собою неизбѣжно обнаружатся въ то время, когда станетъ вводиться Положеніе о крестьянахъ, уже по утвержденіи его верховною властью. Редакціонная комиссія была увѣрена, что всякое вторичное предварительное собраніе свѣдѣній о надѣлахъ крестьянскихъ не принесло бы никакой пользы, и послужило бы лишь къ еще большему преднамѣренному или случайному затемнѣнію вопроса. Между тѣмъ, настоятельно ожидаемое преобразованіе можетъ черезъ это только замедлиться на все время, необходимо нужное для такой безплодной работы.

Очевидно, при такой совокупности обстоятельствъ, по словамъ комиссіи, ей не предстояло ни малѣйшей возможности принять систему, предлагаемую *Кошелевымъ.*

Между тѣмъ, для системы, принятой комиссіею, можно было къ свѣдѣніямъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ призвать на помощь и постороннія статистическія данныя. Такъ что комиссія, независимо отъ цифръ надѣловъ, могла принять въ соображеніе, по возможности, всю совокупность мѣстныхъ хозяйственныхъ и промышленныхъ условій каждаго края. А съ этой помощью ей возможно было удовлетвориться свѣдѣніями о помѣщичьихъ имѣніяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они имѣются подъ рукой. Комиссія, принявъ за исходную точку фактъ существующій, со всѣми разнообразными его случайными и мѣстными оттѣнками, и стремясь лишь къ отсѣченію самыхъ разительныхъ крайностей въ лѣстницѣ существующихъ нынѣ надѣловъ, т. е. къ устраненію только надѣловъ, завѣдомо представляющихся слишкомъ высокими или слишкомъ низкими, не нуждалась ни въ недостижимости безусловной полнотѣ свѣдѣній, ни въ безусловной достовѣрности каждаго изъ нихъ. *Вѣрныя свѣдѣнія, въ довольно значительномъ числѣ разнородныхъ цѣлыхъ мѣстностей собранныя,* служили комиссіи въ этомъ дѣлѣ драгоцѣнною руководящею нитью, дополняясь общею совокупностію прочихъ свѣдѣній и находя себѣ дальнѣйшую повѣрку въ тѣхъ совершенно благонадежныхъ свѣдѣніяхъ объ отдѣльныхъ имѣніяхъ, которыя постоянно встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ, для каждой мѣстности и по каждому уѣзду. Для этой цѣли, имѣющіяся свѣдѣнія представляютъ драгоцѣнный матеріалъ, по своему обилію и важности, превосходящій едва ли не всѣ до нынѣ когда либо собиравшіяся въ Россіи данныя по хозяйственной статистикѣ. (Ibid. стр. 42—50).

Какъ видитъ читатель, изъ объясненій комиссіи трудно понять, какія техническія затрудненія мѣшали ей принять систему рязанскаго депутата, большую правильность которой, сравнительно съ собственной, она сама признала. Тѣ же дополнительныя данныя, которыя послужили комиссіи для исправленія неточностей въ свѣдѣніяхъ о существующихъ надѣлахъ, доставленныхъ губернскими комитетами, могли столь же удобно послужить и для примѣненія системы, предложенной г. *Кошелевымъ.* А отрѣзокъ земли отъ крестьянъ при этой системѣ было бы не болѣе, нежели то количество, которое явилось результатомъ постановленій комиссіи. Было бы, правда, гораздо болѣе прирѣзокъ земли къ крестьянскому владѣнію; но всѣ соображенія справедливости и государственной пользы говорили въ пользу такой мѣры.

По поводу требованій депутатовъ:

1) что не должно вовсе назначать низшаго размѣра надѣла, до котораго владѣлецъ былъ бы обязанъ нарѣзать крестьянамъ земли, въ случаѣ, если-бъ крестьяне имѣли оной въ своемъ пользованіи меньшее количество;

2) что въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца должно оставаться не менѣе цѣлыхъ двухъ третей или цѣлой половины общаго количества угодій; и

3) что при исчисленіи того общаго количества угодій, изъ которыхъ помѣщикъ сохраняетъ не менѣе двухъ третей или половины, должно не принимать вовсе въ соображеніе господскихъ лѣсовъ.

Редакціонная комиссія указывала, что, для огражденія интересовъ помѣщиковъ, низшій размѣръ повсемѣстно назначенъ ею самый необременительный, а именно только въ одну треть противъ высшаго для каждой мѣстности размѣра. Такимъ образомъ, въ самыхъ цѣнныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тульской и Рязанской губерній, *minimum* этотъ будетъ менѣе даже одной десятины на душу. Такой низшій размѣръ или *minimum* поднятъ нѣсколько (а именно до половины высшаго размѣра) только для губерній малороссійскихъ, гдѣ крестьянскій надѣлъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, оскудѣлъ уже до крайности.

Что касается до второго требованія, то комиссія находила несправедливымъ, чтобы отъ крестьянъ, надѣленныхъ землею въ количествѣ ниже высшаго размѣра, было отрѣзаемо земли болѣе, чѣмъ сколько нужно для пополненія непосредственнаго владѣнія помѣщика до одной полной трети общаго количества принадлежащихъ ему угодій. Комиссія полагала, что она въ достаточной мѣрѣ оградила выгоды помѣщиковъ, сохранивъ, *во всякомъ случаѣ*, въ непосредственномъ распоряженіи каждаго изъ нихъ часть земли въ указанномъ наименьшемъ размѣрѣ. Идти далѣе, и требовать, чтобы отъ крестьянъ, и безъ того не въ полномъ размѣрѣ надѣленныхъ, была бы отрѣзаема еще часть надѣла, для увеличенія этой трети до цѣлой половины, или до цѣлыхъ $^2/_3$ общаго количества земли, значило бы подкашивать въ своемъ основаніи принципъ сохраненія существующихъ надѣловъ и, обративъ его лишь въ пустое слово, допустить нарушеніе его въ безчисленномъ множествѣ случаевъ. Вслѣдствіе чего затруднится для правительства самое введеніе въ дѣйствіе Положенія. Никто, конечно, не можетъ желать подобнаго исхода дѣла.

По поводу третьяго изъ указанныхъ притязаній дворянства, чтобы при исчисленіи общаго количества угодій не были принимаемы во вниманіе лѣса, остающіяся въ господскомъ владѣніи, комиссія указывала, что на этомъ основаніи, владѣлецъ, имѣю-

щій въ непосредственномъ своемъ распоряженіи даже огромныя лѣсныя дачи, имѣлъ бы право весьма часто еще, сверхъ того, отбирать у крестьянъ, часто надѣленныхъ и безъ того не въ полномъ количествѣ, треть ихъ выпусковъ, треть пашни и треть покосовъ и пастбищъ. На этомъ основаніи, кромѣ многочисленныхъ случаевъ отрѣзки земли у крестьянъ въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, еще во всей сѣверной оброчной полосѣ, гдѣ числится до 2,000,000 крестьянъ, осталось бы весьма мало имѣній, гдѣ бы крестьяне не подверглись отрѣзкѣ цѣлой трети ихъ покосовъ и пашни, ими самими удобренной. И такой, невозможный въ исполненіи своемъ, порядокъ, былъ бы принятъ въ уваженіе того приводимаго депутами довода, будто лѣса не могутъ быть принимаемы за землю удобную, и не имѣютъ никакой цѣнности, тогда какъ ими самими доказывается мнѣніе противное каждый разъ, когда дѣло идетъ о снабженіи крестьянъ лѣсомъ или топливомъ, хотя бы и въ скудномъ количествѣ, по опредѣленію мѣстныхъ учрежденій. (Ibid. стр. 68—76).

На заявленіе небольшого числа депутатовъ о необходимости, ради справедливости и устраненія надѣленія массы крестьянъ слишкомъ скуднымъ надѣломъ, повысить предположенный комиссіею *minimum*, послѣдняя не дала никакого прямого объясненія. Только косвеннымъ путемъ, изъ мотивовъ установленія комиссіею *minimum'a*, можно вывести, что она не согласилась на это изъ опасенія, усилить еще болѣе обвиненія ея въ пристрастіи къ интересамъ крестьянъ.

Переходимъ къ вопросу о повинностяхъ крестьянъ за предоставленные имъ надѣлы.

Въ отношеніи повинностей, въ рескриптахъ было сказано только, что „за предоставляемое крестьянамъ количество земли они платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику“. Глава VI программы занятій губернскихъ комитетовъ говоритъ по этому же предмету слѣдующее: „*Повинности къ помѣщику.* Повинность денежная (оброкъ). Повинность натуральная (поденная работа). Размѣръ ихъ, основанный на цѣнности усадебъ, поземельныхъ угодій и промышленныхъ выгодъ мѣстности“.

Изъ 47 проектовъ положеній, составленныхъ губернскими комитетами, 20 проектовъ, по преимуществу губерній сѣверныхъ, нечерноземныхъ, гдѣ земля имѣла малую цѣнность, высказались за невозможность обосновать повинности на цѣнности земли; и приняли за общую исходную точку *существующій фактъ, т. е. отбываемую крестьянами повинность,* уменьшая ее въ случаяхъ, когда

комитетъ понижалъ размѣръ существующихъ надѣловъ. Признавая регулированіе повинностей цѣнностью земли единственнымъ правомѣрнымъ основаніемъ для опредѣленія хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и для устраненія нынѣ существующаго въ нихъ произвола, они, однако, считали такое регулированіи неосуществимымъ, по недостаточности и невѣрности данныхъ, служащихъ для оцѣнки земли и труда.

Противъ *опредѣленія стоимости земли по купчимъ крѣпостямъ* эти комитеты приводили, что, при продажѣ населенныхъ имѣній, уступается не одна земля, но и право на крестьянскій трудъ, а потому получаемая продавцомъ цѣна выражаетъ не одну стоимость земли, но и отношеніе рабочихъ силъ къ недвижимому имуществу.

Противъ *оцѣнки по наемной платѣ* возражали, что сдача земель подъ пашню и подъ покосъ встрѣчается далеко не повсемѣстно; что воздѣлываніе чужой земли, снятой въ оброчное содержаніе, очень рѣдко происходитъ отъ свободнаго обращенія капитала и труда на этого рода предпріятія, а почти всегда вынуждается случайными обстоятельствами, находящимися въ прямой зависимости отъ прикрѣпленія рабочихъ силъ къ землѣ; что разнообразіе наемныхъ цѣнъ въ однородныхъ и смежныхъ мѣстностяхъ указываетъ на неестественность экономическихъ условій нашего сельскаго хозяйства и на отсутствіе свободнаго отношенія запроса къ предложенію.

Что касается до *оцѣнки земли по доходу, отъ нея получаемому*, то противъ этого способа возражали, что свѣдѣнія о частныхъ доходахъ принадлежатъ къ числу тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыя наиболѣе ускользаютъ отъ повѣрки; что доходъ, получаемый отъ земледѣлія, извлекается не изъ одной почвы, а изъ приложенія къ ней капитала, основного и оборотнаго, и труда, и что при условіяхъ нашего сельскаго хозяйства нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, насколько въ образованіи дохода участвовали земля, трудъ крестьянъ, капиталъ, употребленный помѣщикомъ, и личная его заботливость.

Депутаты отъ комитетовъ, принявшихъ за исходную точку для опредѣленія повинностей существующій фактъ, предостерегали редакціонную комиссію противъ излишней довѣренности къ оцѣнкамъ земли, представленнымъ положеніями губернскихъ комитетовъ, предлагавшихъ регулировать повинности цѣнностью земли.

Если трудно, говорилось депутатами отъ упомянутыхъ комитетовъ, изъ какихъ бы то ни было данныхъ вывести оцѣнку земли, то еще менѣе можно надѣяться *опредѣлить стоимость земледѣльческаго труда*, что необходимо въ виду сохраненія на нѣкоторое время барщиннаго труда. Эти депутаты, вслѣдъ за своими комите-

тами, указывали, что количество свободнаго труда, употребляемаго въ сельскомъ хозяйствѣ, по незначительности своей, исчезаетъ въ массѣ труда принудительнаго и, какъ рѣдкое исключеніе, не имѣетъ постоянной, установившейся цѣнности. Далѣе, что крѣпостное право, отдавая въ распоряженіе одного сословія рабочія силы другого и, такъ сказать, приковывая эти силы къ землѣ, чрезъ это самое поднимало цѣну на вольной трудъ до искусственной высоты.

Въ пользу же системы сохраненія существующихъ повинностей, комитеты приводили слѣдующія соображенія: неоспоримое значеніе господствующаго факта, какъ основанія существующаго порядка вещей; необходимость въ практическомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ судьба двухъ сословій, связать подготовленную для нихъ будущность съ ихъ настоящимъ положеніемъ, а не съ отвлеченными формулами; наконецъ, дознанную невозможность достигнуть справедливой оцѣнки предметовъ тамъ, гдѣ она не опредѣляется сама собою свободнымъ запросомъ и таковымъ же предложеніемъ.

На это комитеты, предлагавшіе регулированіе повинностей цѣнностью земли, возражали, что существующія повинности установились въ силу принудительной власти, данной одному сословію надъ другимъ, а потому, съ упраздненіемъ этой власти, теряютъ всякое значеніе; и что принятіе за основаніе существующаго факта, хотя бы даже съ цѣлью измѣнить, улучшить его, заключило бы начинающееся преобразованіе въ безвыходномъ кругѣ прежняго произвола. А потому, хотя данныя о цѣнности земли и труда и не представляютъ совершенной достовѣрности, все-таки обоснованіе повинностей этими данными несравненно справедливѣе, нежели принятіе за исходную точку существующаго факта. (Скребицкій. „Крестьянское дѣло“., т. III, гл. X).

Итакъ, большинство комитетовъ стало на ту точку зрѣнія, что величина повинностей должна соразмѣряться съ цѣнностью надѣловъ. Такая постановка вопроса вполнѣ соотвѣтствовала корысти помѣщиковъ; ибо, при отсутствіи точныхъ данныхъ о цѣности земли, можно было, ссылаясь на принятое основаніе, опредѣлить весьма высокія нормы повинностей. Не благодушествовалъ русскій помѣщикъ, говоря вообще, въ дѣлѣ взиманія съ крестьянъ при крѣпостномъ правѣ оброковъ и барщинъ. Бралось съ послѣднихъ все, что можно было взять. Съ освобожденнаго крестьянина онъ надѣялся выжать еще больше; и вотъ, основываясь на совершенно произвольной оцѣнкѣ земли, комитеты, по признанію редакціонной комиссіи, признанію, подтвержденному цифрами, „*въ большей части случаевъ установили оброки, превосходившіе оброки крѣпостного права*“ (Ibid., стр. 32).

Согласиться на такое повышеніе крестьянскихъ повинностей редакціонная комиссія не могла. Сколько-нибудь точныхъ данныхъ для соразмѣренія повинностей съ цѣнностью земли она не имѣла. Производство кадастра потребовало бы много времени. Поэтому комиссія отвергла системы регулированія повинностей съ цѣнностью надѣла, заявивъ, что приведенныя многими комитетами возраженія противъ этихъ системъ имѣютъ значеніе полновѣсныхъ доказательствъ.

Отвергнувъ эти системы, комиссія присоединилась къ предложенію меньшинства комитетовъ—принять существующій фактъ за исходную точку для опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ повинностей помѣщику. Мотивированіе комиссіею этого просоединенія весьма курьезно. „Въ настоящее время, говорила она:—надѣлъ крестьянъ землею или, вѣрнѣе, вся совокупность выгодъ, которыми они пользуются отъ помѣщика, *соразмѣряется съ ихъ потребностями*, повинности же, которыми они обложены—*съ ихъ средствами*, и практика, сложившаяся у насъ подъ вліяніемъ закона и обычая, представляетъ какъ бы попытку, конечно, далеко не удовлетворительную, разрѣшить слѣдующую задачу: опредѣлить мѣру того *безобиднаго* для крестьянина вознагражденія, котораго можетъ требовать помѣщикъ, на свой счетъ обезпечивающій хозяйственный бытъ крестьянина“ (Матер. ред. ком., т. III, кн. 2-я, стр. 22).

Неужели редакціонная комиссія *въ самомъ дѣлѣ* думала, что повинности крестьянъ при крѣпостномъ правѣ „*соразмѣрялись съ ихъ средствами*“ и что практика крѣпостного права *старалась* разрѣшить задачу: опредѣлить мѣру „*безобидныхъ*“ для крестьянина требованій помѣщика? Нельзя же было назвать требованія помѣщика безобидными и соразмѣрными съ средствами крестьянъ только потому, что крестьяне могли эти требованія удовлетворить! Кажется, надо было обратить вниманіе на то, что оставалось крестьянину за удовлетвореніемъ этихъ требованій. Если для удовлетворенія требованій, крестьянину приходилось никогда не имѣть на своемъ столѣ мяса, не говоря уже о сколько-нибудь сносномъ удовлетвореніи другихъ не менѣе насущныхъ потребностей: жилища, одежды, чистоты, медицинской помощи, образованія, то, думаемъ, такія требованія нельзя назвать „безобидными“ и „соразмѣрными съ средствами“.

Высказанный редакціонною комиссіею оптимистическій взглядъ на характеръ повинностей крѣпостного права имѣлъ весьма важное практическое значеніе въ дѣлѣ опредѣленія размѣровъ повинностей крестьянъ. Оправдывать принятіе существующаго факта за исходную точку при опредѣленіи величины повинностей можно было многими весьма вѣскими доводами; значительная часть сооб-

раженій, приведенныхъ редакціонною комиссіею въ защиту сохраненія существующихъ надѣловъ, годилась бы и сюда; но высказать вышеприведенный, слишкомъ уже не согласный съ дѣйствительностью, взглядъ на крестьянскія повинности можно было только съ цѣлью оправдать высокій средній размѣръ повинностей, существовавшій при крѣпостномъ правѣ, такъ чтобы пониженіе повинностей могло коснуться лишь крайностей. Ибо, разъ крестьянскія повинности, въ среднемъ выводѣ, безобидны и соразмѣрны съ средствами, то не было и основанія для ихъ пониженія, иначе какъ съ явнымъ и въ глазахъ „культурнаго" класса не могущимъ быть защищеннымъ нарушеніемъ интересовъ помѣщиковъ. Другое дѣло, если-бъ редакціонная комиссія, за неимѣніемъ даже приблизительно точныхъ данныхъ о цѣнности земли и въ виду невозможности, *болѣе фактической*, чѣмъ отвлеченной, принять какое-либо другое основаніе для опредѣленія нормы повинностей, *напримѣръ, потребности крестьянъ*—остановившись на системѣ существующихъ повинностей, констатировала фактъ, который былъ слишкомъ универсаленъ и нагляденъ, чтобы не быть ей извѣстнымъ, что крестьянскія повинности крѣпостного права чрезмѣрны, такъ какъ, въ среднемъ выводѣ, требованія помѣщика съ крестьянъ ограничивались лишь предѣломъ возможнаго, крестьянину оставлялось лишь на столько, чтобы онъ не умеръ съ голода и могъ работать. Констатируя этотъ, вполнѣ согласный съ дѣйствительностью, фактъ, редакціонная комиссія могла и должна была предначертать, ради возвышенія матеріальнаго благосостоянія народа, пониженіе среднихъ повинностей. Если-бы ей не удалось провести свои предположенія, она, по крайней мѣрѣ, не была бы повинна въ злѣ затемнѣнія дѣйствительности и за ней осталась бы ничѣмъ не запятнанная добрая память, что она никогда не прибѣгала къ софизмамъ для защиты помѣщичьихъ интересовъ. Много разъ мы видѣли выше, что редакціонную комиссію обвиняли въ пристрастіи къ интересамъ крестьянъ. Это обвиненіе вѣрно лишь въ томъ *ограниченномъ* смыслѣ, что комиссія не стояла *цѣликомъ* на сторонѣ помѣщиковъ. И съ этой точки зрѣнія мы снова повторимъ однажды высказанное нами: большое счастіе для Россіи, что предварительное начертаніе „Положенія" о крестьянахъ было изъято изъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и передано редакціонной комиссіи. Но до полнаго безпристрастія въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса комиссія не возвысилась. Интересы помѣщиковъ все-таки были для нея ближе, чѣмъ интересы народа. Въ послѣднемъ журналѣ съ представленіемъ проекта „Положеній" о крестьянахъ въ главный комитетъ, редакціонная комисія сама откровенно заявила, что, при опредѣленіи надѣловъ и

повинностей, она постоянно имѣла въ виду: „улучшить бытъ крестьянъ съ *наименьшими, по возможности, потерями для помѣщиковъ*“. Эту „*возможность*“ комиссія вставила слишкомъ въ тѣсныя рамки и въ своихъ предначертаніяхъ по *экономическимъ вопросамъ* она заявила себя несравненно чувствительнѣе къ „потерямъ“ помѣщиковъ, чѣмъ къ „улучшенію“ быта крестьянъ.

Итакъ, редакціонная комиссія приняла существующія крестьянскія повинности за исходную точку для своихъ работъ по этому предмету, мотивируя такое принятіе тѣмъ, что установившіеся при крѣпостномъ правѣ платежи крестьянъ вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ средствамъ. Это положеніе комиссія признавала вѣрнымъ, какъ *средній* выводъ. А потому сохраненіе существующихъ повинностей безъ всякаго ограниченія представлялось комиссіи невозможнымъ, подобно удержанію безъ ограниченія существующихъ надѣловъ. Отбросивъ крайности, она постановила, чтобы высшему въ каждой мѣстности размѣру надѣла соотвѣтствовалъ высшій, установленный ею на основаніи существующихъ повинностей, размѣръ оброка и натуральныхъ работъ, съ тѣмъ, чтобы при уменьшеніи надѣла по извѣстнымъ правиламъ уменьшились и повинности.

Для этого комиссія въ первомъ періодѣ занятій раздѣлила великорусскія, новороссійскія и бѣлорусскія губерніи на *четыре* полосы: 1) нечерноземную оброчную полосу, гдѣ болѣе $^1/_3$ крестьянъ состоитъ на оброкѣ и гдѣ вездѣ существуетъ удобреніе полей; 2) черноземную, гдѣ болѣе $^2/_3$ крестьянъ состоитъ на барщинѣ; 3) такую же нечерноземную; и 4) степную. Для первой полосы комиссія полагала назначить оброкъ за высшій надѣлъ въ 9 руб., исключая нѣкоторыя особенно промышленныя мѣстности губерній: Ярославской, Владимірской, Московской, Петербургской и Нижегородской; для которыхъ оброкъ возвышался до 10 руб.;. для остальныхъ полосъ оброкъ опредѣленъ былъ въ 8 руб. Натуральная повинность за высшій душевой надѣлъ была опредѣлена въ 40 мужскихъ и 30 женскихъ рабочихъ дней.

Съ уменьшеніемъ величины душевого надѣла должна была уменьшиться и повинность. Но это уменьшеніе, по постановленіямъ комиссіи, происходило не пропорціонально. Безусловно равномѣрное обложеніе повинностью всѣхъ десятинъ крестьянскаго надѣла и пониженіе этой повинности пропорціонально съ уменьшеніемъ размѣра надѣла не соотвѣтствовало бы, по мнѣнію комиссіи, дѣйствительнымъ выгодамъ, извлекаемымъ крестьяниномъ изъ земли. Крестьянинъ, говорила комиссія, надѣленный одной десятиной на душу, извлекаетъ изъ нея все, что она можетъ дать; при надѣленіи его другою десятиною, также необходимою для его

хозяйства, выгоды его безъ сомнѣнія увеличиваются, но *не у вваиваются, ибо онъ не въ состояніи употребить на нее столько труда и оборотнаго капитала, какъ на первую*; еще менѣе относительныя выгоды, извлекаемыя имъ изъ третьей и четвертой десятины. Изъ предположенія вытекла система градаціи повинностей, при которой первая десятина облагалась выше, чѣмъ прочія; при уменьшеніи величины надѣла уменьшались и повинности, но уменьшались не пропорціонально. Въ первый періодъ занятій высшій размѣръ платежа за первую десятину былъ назначенъ не ниже 3 р. 50 к., и не выше 4 р.; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено постоянное искусственное удобреніе крестьянскихъ полей, вторая десятина душевого надѣла должна была облагаться ниже первой, но выше остальныхъ; въ тѣхъ же, гдѣ такое удобреніе вовсе не употребляется, всѣ десятины, кромѣ первой, облагались поровну.

Система градаціи повинности занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ среди причинъ большой неравномѣрности въ крестьянскихъ платежахъ и развитія *сельскаго пролетаріата, надѣленнаго землею* Чѣмъ меньшій надѣлъ, сравнительно съ высшею нормою, получилъ крестьянинъ, тѣмъ экономическое положеніе его, обезпеченіе быта, ставилось, говоря вообще, въ худшее положеніе. А принятая редакціонною комиссіею система градаціи повинностей ухудшала это положеніе еще болѣе. И это потому, что *обоснованіе* этой системы было совершенно ложно. Крестьянскіе надѣлы, даже высшіе, такъ незначительны по своимъ размѣрамъ, что они не даютъ полнаго занятія рабочимъ силамъ крестьянина: они меньше рабочихъ силъ владѣльцевъ. И далѣе, дѣйствительность показала, что предположеніе редакціонной комиссіи вѣрно какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, т. е., что чѣмъ надѣлъ значительнѣе, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, онъ приноситъ не только абсолютно больше дохода, но также и съ каждой десятины въ отдѣльности. И причина этого заключается въ томъ, что при большихъ надѣлахъ является возможность отвести и большее, не только абсолютно, но и относительно, пространство для луговъ и выгоновъ и чрезъ это лучше удобрить землю. Чѣмъ надѣлы ниже высшей нормы, тѣмъ болѣе затрудненій для полученія необходимаго удобренія, вслѣдствіе чего крестьяне поставлены въ необходимость нанимать луга и выгоны у сосѣднихъ помѣщиковъ за очень дорогія цѣны.

Во второмъ періодѣ работъ редакціонной комиссіи, какъ мы видѣли, надѣлы были уменьшены для многихъ мѣстностей. И въ то же время, комиссія, уступая притязаніямъ депутатовъ, рядомъ съ уменьшеніемъ надѣла, возвысила для всей черноземной полосы оброкъ съ 8 на 9 руб.; такъ что, комиссія и провозгласила правило,

что установленныя ею повинности ни въ какомъ случаѣ не должны превышать существующія, *„ибо иначе не произошло бы улучшенія быта крестьянъ, котораго требуетъ рескриптъ и что составляетъ цѣль ея работъ"*; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе уменьшенія существующихъ надѣловъ, повинности, въ сущности, были возвышены во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ редакціонная комиссія понизила существующій надѣлъ.

Въ „Положеніи" 19 февраля, какъ мы видѣли, надѣлы потерпѣли еще болѣе значительное уменьшеніе въ большей части уѣздовъ, а размѣръ повинностей, въ цѣломъ, былъ оставленъ тотъ же какой установила редакціонная комиссія; вмѣстѣ съ тѣмъ была измѣнена система градаціи въ направленіи возвышенія платежей за первую десятину. Такимъ образомъ, прогрессивно шло и уменьшеніе высшихъ нормъ надѣловъ и возвышеніе платежей для тѣхъ крестьянъ, которые не могли получить полнаго надѣла, а такихъ было большинство.

Изъ 83 депутатовъ, 32 согласились съ системою повинностей, предначертанною редакціонною комиссіею или, по крайней мѣрѣ, не возражали противъ нея. Отзывы остальныхъ депутатовъ могутъ быть сведены къ двумъ группамъ:

1) *Большинство* предлагало принять системы и цифры, предположенныя губернскими комитетами, ссылаясь на большій авторитетъ помѣстнаго дворянства, сравнительно съ редакціонною комиссіею, въ дѣлѣ правильнаго регулированія мѣстныхъ экономическихъ отношеній.

2) *Двадцать два* депутата второго приглашенія, не возвращаясь къ цифрамъ и системамъ пославшихъ ихъ губернскихъ комитетовъ, предлагали передать дѣло установленія размѣровъ повинностей *мѣстнымъ оцѣночнымъ комиссіямъ, подъ наблюденіемъ губернскихъ комитетовъ*. Основаніемъ своему предположенію эти члены, какъ и первая группа депутатовъ, выставляли некомпетентность редакціонной комиссіи въ дѣлѣ установленія повинностей, доказанная ихъ работами и предположеніями. Всѣ нынѣшнія крестьянскія повинности, говорили эти члены, до безконечности разнообразныя, установились совершенно произвольно. Между тѣмъ, комиссія приняла этотъ произволъ за исходную точку своихъ предположеній. И, такимъ образомъ, не приняли въ разсчетъ такіе важные элементы для регулированія повинностей, какъ качество и цѣнность земли, а также мѣстныя удобства хозяйства и сбыта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, размѣры повинностей, предположенные редакціонною комиссіею, *ведутъ за собою слишкомъ большія потери для помѣщиковъ*. (Матер. редак. ком., т. XIII).

Для удовлетворенія перваго требованія, редакціонной комиссіи предстояло бы принять безусловно цифры, предложенныя комите. тами, не обращая вниманія на способъ ихъ вывода. Понятно, комиссія не могла согласиться на это. Уже не говоря о томъ, что системы, предлагавшіяся комитетами, были разнообразны до безконечности и съ трудомъ могли бы быть подведены подъ *девять* различныхъ основаній, принятіе ихъ привело бы къ далеко между собою расходящимся и самымъ несоотвѣтственнымъ результатамъ въ мѣстностяхъ однородныхъ и смежныхъ; сверхъ того, въ большей части случаевъ, оно имѣло бы послѣдствіемъ установленіе оброковъ, несоразмѣрныхъ съ средствами крестьянъ и значительно превосходящихъ ихъ нынѣшніе оброки.

Въ доказательство комиссія взяла на выдержку слѣдующіе примѣры: двухъ черноземныхъ губерній—одной малоземельной, другой многоземельной, и двухъ нечерноземныхъ—одной богатой, другой бѣдной промыслами.

Оброки, назначаемые рязанскимъ положеніемъ, въ примѣненіи къ лучшему, по отзыву членовъ комитета, уѣзду губерніи (Михайловскому), выходятъ, среднимъ числомъ, за десятину:

	Съ десятины.
По положенію большинства рязанскаго комитета.	6 р. 85 к.
Меньшинства того-же комитета	5 „ — „
По примѣненію системы, принятой редакціонною комиссіею, оброка на десятину, также со включеніемъ усадьбы, приходится	3 „ 27 „
Нынѣ существующіе оброки, разсчитанные по всѣмъ оброчнымъ имѣніямъ, составляютъ около 10 р. сер. съ души, при среднемъ надѣлѣ въ 3,18 дес., а на десятину.	3 „ 14 „

Примѣняя проектъ положенія воронежскаго комитета къ многоземельному Бобровскому уѣзду, приходится на десятину *6 р. 46 к.* т. е. на 60% болѣе повинности, предлагаемой членами рязанскаго комитета за земли Михайловскаго уѣзда, тогда какъ, наоборотъ, михайловскія земли на 50% цѣннѣе земель Бобровскаго уѣзда.

Между тѣмъ, нынѣ существующіе въ послѣднемъ уѣздѣ оброки составляютъ 8 р. 54 к. съ души, при надѣлѣ въ 3,75 дес., а на десятину *2 р. 28 к.*

По положенію редакціонной комиссіи, въ Бобровскомъ уѣздѣ придется оброка за десятину, среднимъ числомъ, со включеніемъ *усадьбы 2 р. 57 к.*

*

Такимъ образомъ, предлагаемыя большинствомъ рязанскаго комитета и воронежскимъ комитетомъ повинности превосходятъ нынѣ существующія въ 2 и $2^1/_2$ раза.

Примѣненіе оброковъ предположеныхъ ярославскимъ комитетомъ къ Ростовскому уѣзду, одному изъ самыхъ лучшихъ въ губерніи, даетъ слѣдующіе результаты:

1) Изъ состоящихъ въ немъ на чистомъ оброкѣ 49 имѣній свыше 100 душъ, только въ трехъ имѣніяхъ произошло бы уменьшеніе оброка: въ одномъ, при уменьшеніи надѣла—на половину, въ другомъ—на 3 дес., въ третьемъ—на $1^1/_2$ дес. на душу.

Во всѣхъ остальныхъ имѣніяхъ оброкъ былъ бы увеличенъ не рѣдко при отрѣзкѣ земли а именно.

болѣе чѣмъ на 100% въ 5 имѣніяхъ	изъ 44-хъ.
отъ 50% до 100% „ 13 „	
отъ 20% до 50% „ 11 „	

2) Въ имѣніяхъ ниже 100 душъ, изъ 73 имѣній, уменьшеніе повинностей произошло бы только въ 7, и то при значительномъ уменьшеніи надѣловъ, а въ остальныхъ оброки увеличились бы иногда болѣе, чѣмъ на 100%.

Примѣняя оброки, опредѣленные положеніемъ калужскаго большинства, къ оброчнымъ имѣніямъ Медынскаго уѣзда, оказывается что изъ 30 состоящихъ тамъ на оброкѣ имѣній свыше 100 душъ, повинность была бы возвышена во всѣхъ безъ исключенія, а именно

болѣе чѣмъ на 100% въ 9 имѣніяхъ.
„ „ „ 75% „ 5 „
„ „ „ 50% „ 4 „
„ „ „ 20% „ 8 „
„ „ „ 10% „ 1 „
менѣе „ „ 10% „ 3 „

При этомъ въ 29 имѣніяхъ, количество земли, состоявшей въ пользованіи у крестьянъ, уменьшилось бы, и притомъ весьма значительно, а именно: въ 12 имѣніяхъ болѣе чѣмъ, на 50% а въ 26—болѣе чѣмъ на 25%. За основаніе исчисленія повинности большинство калужскаго комитета принимало разсчетъ дохода отъ земли. Повинность *съ души* составляетъ по этому проекту отъ 11 до 17 р., при 2-хъ десятинахъ 300 саженяхъ надѣла на душу.

Редакціонная комиссія, ограничиваясь исчисленіемъ результатовъ примѣненія четырехъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ, замѣтила, что проекты эти, взятые только для примѣра, отнюдь не составляютъ исключенія изъ общаго правила, и что значитель-

ная часть остальныхъ проектовъ приведетъ къ подобнымъ же результатамъ, т. е. ухудшенію быта крестьянъ, вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, т. е. потому, что, не принимая за точку исхода существующій фактъ и поставивъ себѣ задачею не регулировать прежнія повинности, а создать новыя, едва ли можно было придти къ другимъ результатамъ (Ibid., стр. 7—15).

Въ отношеніи предложенія *двадцати двухъ* членовъ второго приглашенія, редакціонная комиссія высказала совершенную невозможность отказаться отъ законодательнаго разрѣшенія важнѣйшаго для народнаго благосостоянія вопроса, *возложивъ его исключительно на мѣстныя комиссіи.* Если губернскіе комитеты, замѣчала комиссія, составленные изъ немногихъ избранныхъ отъ перваго сословія въ государствѣ, при всей ихъ благонамѣренности, отправляясь отъ различныхъ началъ и точекъ зрѣнія, пришли къ результатамъ, одинъ другому противорѣчащимъ и не всегда достигающимъ указанной правительствомъ цѣли—улучшенія быта крестьянъ, то легко себѣ представить, къ какому безвыходному хаосу пришло бы множество мѣстныхъ учрежденій, обязанныхъ не регулировать существующія повинности, а создать новыя, безъ соображенія нынѣшнихъ оброковъ, безъ общихъ правилъ для опредѣленія этихъ повинностей, безъ поземельнаго кадастра, на составленіе котораго, очевидно, нѣтъ ни времени, ни средствъ. (Ibid., стр. 15—19).

Отстоявъ существующій фактъ, какъ исходный пунктъ для своихъ работъ по вопросу о повинностяхъ, редакціонная комиссія, тѣмъ не менѣе, сдѣлала, какъ мы выше видѣли, уступку требованіямъ депутатовъ повышеніемъ предположенныхъ ею размѣровъ повинностей. Для всей черноземной полосы оброки были повышены съ 8 на 9 рублей.

Вторую уступку требованіямъ депутатовъ сдѣлала редакціонная комиссія по вопросу о *неизмѣнности* повинности. Одна изъ главныхъ причинъ повышенія цѣнности земли, разсуждала комиссія, заключается, независимо отъ колебанія въ денежной системѣ, остановить каковое всегда находится въ рукахъ правительства, въ умноженіи народонаселенія; послѣдній фактъ усиливаетъ запросъ на ничѣмъ незамѣнимые продукты земли; и отъ невозможности увеличить ихъ количество и удешевить ихъ выработку въ той мѣрѣ, въ какой размножаются и дешевѣютъ, напримѣръ, фабричныя издѣлія, постоянно возвышается цѣнность земли. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что допущеніе срочной переоброчки земли подготовило бы въ будущемъ періодическое возвышеніе крестьянской повинности и тѣмъ самымъ оказало бы гибельное вліяніе на благосостояніе крестьянъ. Переходя отъ хозяйственныхъ послѣдствій разбираемаго предполо-

женія къ другого рода соображеніямъ, комиссія выясняла, какое нравственное вліяніе можетъ имѣть на крестьянъ допущеніе періодической переоцѣнки. Не подлежитъ сомнѣнію, говорила она, что упроченіе осѣдлости и установленіе твердыхъ отношеній земледѣльческаго класса къ землѣ заключаетъ въ себѣ главное обезпеченіе успѣшнаго и мирнаго исхода начатого преобразованія. Для этого, открывая передъ крестьянами новую будущность, необходимо заранѣе устранить изъ нея все загадочное, шаткое, и все, что могло бы возбудить въ нихъ опасеніе какой бы то ни было перемѣны къ худшему. Нѣтъ сомнѣнія, что отводъ существующаго надѣла въ безсрочное пользованіе совпадаетъ съ надеждами крестьянъ; но если главное условіе этого пользованія, а именно—размѣръ повинностей, будетъ подвергаться срочнымъ измѣненіямъ, если крестьяне, при обнародованіи уставной граматы, услышатъ, что, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, сообразно съ цѣнностью ржи, будутъ перечисляться всѣ обязательные между ними и помѣщиками разсчеты, то едва ли утвердится осѣдлость на прочномъ основаніи. Неминуемое при всякой переоцѣнкѣ столкновеніе противуположныхъ интересовъ вотчинниковъ и поселянъ, расшевеливая всякій разъ раздражительныя воспоминанія о прошломъ, увѣковѣчитъ надолго сословную борьбу. Періодическое ослабленіе народнаго труда и періодическое возбужденіе вопроса объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ—таковы неизбѣжныя послѣдствія разсматриваемыхъ мѣръ.

Затѣмъ, становясь на точку зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ, комиссія не могла не признать, что неизмѣняемость повинности, по прошествіи продолжительнаго времени, будетъ имѣть дѣйствіе, несогласное съ интересами помѣщиковъ. Неизмѣняемость повинности сопряжена съ уступкою въ пользу крестьянъ той разницы между оброкомъ и рентою, которая должна произойти впослѣдствіи отъ возвышенія цѣнности земель. Въ огражденіе интересовъ помѣщиковъ, комиссія, въ проектѣ о выкупной операціи, высказалась за предоставленіе имъ права требовать, въ замѣнъ ежегодной повинности, соотвѣтственнаго капитала отъ правительства, видя въ этой мѣрѣ самое дѣйствительное и едва ли не единственное средство къ огражденію помѣщиковъ отъ потерь. Этимъ, по мнѣнію комиссіи, устранились бы всѣ основательныя возраженія, сдѣланныя противъ неизмѣнной повинности, безъ потрясеній государственныхъ, безъ всякаго, въ ущербъ крестьянамъ, отступленія отъ принятаго начала и въ то же время былъ бы расширенъ выходъ изъ отношеній обоюдной зависимости къ послѣдней признанной цѣли преобразованія сельскаго быта. (Матер. ред. ком., т. III, кн. 2, стр. 45—51 и т. XIII, ст. 19—36).

Постановленіе редакціонной комиссіи о неизмѣняемости повинности вызвало горячія возраженія громаднаго большинства депутатовъ. *Кн. Гагаринъ и Шидловскій* замѣтили, между прочимъ, по этому предмету, „что такое откровенное изложеніе мыслей, руководившихъ редакціонными комиссіями, значительно облегчаетъ возможность слѣдить за направленіемъ, ими принятымъ. Изложеннымъ соображеніемъ комиссіи подвергаютъ помѣщиковъ неминуемымъ потерямъ, предоставляя крестьянамъ всѣ выгоды, которыя они получатъ при возвышеніи цѣнностей на произведенія земель, имъ отъ помѣщиковъ отведенныхъ". *Шидловскій* прибавлялъ, что комиссіи здѣсь явно сознаются въ исключительномъ участіи къ судьбѣ крестьянъ.

Меньшинство депутатовъ заявляло, что они согласились бы на установленіе неизмѣнной повинности, если бы были твердо убѣждены, что правительство приметъ ихъ предложеніе обязательнаго выкупа. Вотъ что говорилъ одинъ изъ представителей этого меньшинства, *Кошелевъ*: „Признавая начало неизмѣнности повинностей необходимымъ, въ видахъ дѣйствительнаго улучшенія быта крестьянъ, и нравственнымъ долгомъ государства, въ отношеніи къ этому сословію, я считаю, однако, невозможнымъ утвердить его закономъ, ибо несправедливость въ отношеніи къ помѣщикамъ слишкомъ ясна и вопіюща. Цѣнность земель постоянно поднимается, цѣнность же денегъ постоянно упадаетъ: это явленіе, общее всему міру, совершается въ Россіи и на нашихъ глазахъ съ быстротою разительною; какъ же при этихъ обстоятельствахъ устанавливать на вѣчныя времена одну неизмѣнную цифру денежныхъ повинностей? Такое постановленіе своею грубою несправедливостью оскорбило бы не только дворянство, но и всякаго посторонняго безпристрастнаго человѣка".

Да и къ чему, спрашиваетъ *Кошелевъ*, включать въ законъ такое положеніе? Благая цѣль этой мѣры можетъ быть вполнѣ достигнута безъ озлобленія помѣщиковъ и безъ нарушенія ихъ правъ собственности.

Правительство имѣетъ въ виду выкупъ; дворянство его желаетъ, ибо и то, и другое убѣждены, что иного исхода предпринятое преобразованіе имѣть не можетъ. Стоитъ только постановить, что нынѣ установляются повинности на срочно-обязанный періодъ, въ теченіе котораго они имѣютъ быть выкуплены крестьянскими обществами, при пособіи правительства, чрезъ уплату помѣщикамъ капитализированной суммы этихъ повинностей.

Такимъ образомъ, говоритъ *Кошелевъ*, были бы ограждены крестьяне на будущее время отъ повышенія повинностей; помѣщики знали бы, что въ теченіе такого-то срока они получатъ деньги или

равностоющія имъ кредитныя бумаги; правительство же совершило бы дѣло высокой мудрости, съ соблюденіемъ, притомъ, по возможности, законовъ о правѣ собственности. Иные отвергаютъ обязательный выкупъ только потому, что имъ нарушаются права собственности помѣщиковъ; но эти же люди рѣшаются на установленіе безсрочнаго пользованія крестьянами помѣщичьею землею и на опредѣленіе за оную неизмѣнныхъ повинностей. Какъ объяснить это странное явленіе? Оно напоминало *Кошелеву* того кобденскаго англичанина, который желалъ отрубить хвостъ своей собакѣ, но не рѣшался разомъ сдѣлать ей эту операцію: онъ предпочелъ каждый день отрубать по кусочку хвоста. Что же вышло? Повторенныя отсѣчки произвели антоновъ огонь, и собака околѣла. (Скребицкій. „Крест. дѣло", т. III, стр. 84).

Редакціонная комиссія приняла обязательный выкупъ для крестьянъ по требованію помѣщика, и, несмотря на то, отказалась отъ начала неизмѣняемости повинности, которое она такъ энергично защищала въ первомъ періодѣ работъ. Она отказалась отъ этого начала, какъ сама заявила, „уступая единственно единодушнымъ требованіямъ губернскихъ комитетовъ" (Матер. ред. ком., т. XIII, стр. 33). Но, дѣлая эту уступку, комиссія, все-таки позаботилась оградить крестьянъ отъ возможности слишкомъ значительнаго повышенія повинности. Комиссія постановила:

1) Опредѣляемая въ уставной граматѣ денежная повинность подлежитъ переоброчкѣ не прежде, какъ по истеченіи двадцати-лѣтняго срока отъ утвержденія положенія.

2) Возвышеніе или пониженіе оброка, по истеченіи 20-ти лѣтъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выше или ниже прежняго оброка болѣе, чѣмъ на 20%. (Ibid., стр. 35).

Сдѣланная редакціонною комиссіею уступка, едва ли будетъ имѣть практическое значеніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ требовали ее помѣщики. Малые надѣлы и высокія повинности, установленные комиссіею, создали крайне неудовлетворительное экономическое положеніе двухъ третей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Срокъ переоброчки наступаетъ. Всѣ серьезные изслѣдователи крестьянскаго быта видятъ въ ней поводъ къ уравненію поземельныхъ платежей съ средствами крестьянъ и тѣми хозяйственными отношеніями, какія опредѣлились двадцатилѣтнимъ опытомъ. При уравненіи же поземельныхъ платежей съ средствами крестьянъ, желѣзныя условія дѣйствительности не только не позволяютъ повысить платежи для громаднаго большинства крестьянства, а, напротивъ, указываютъ на неотложную необходимость понизить ихъ.

„Положеніе" 19-го февраля, какъ мы уже упомянули, исправило

предположенія редакціонной комиссіи въ отношеніи размѣра повинностей въ направленіи возвышенія ихъ. Такъ, десятирублевый оброкъ, назначенный комиссіею для Ярославской и нѣкоторыхъ мѣстностей Московской губерніи, „Положеніе“ распространило на часть губерній Владимірской и Нижегородской. Далѣе, оно отмѣнило ст. 169 и 173 окончательнаго проекта комиссіи, возлагавшія на мѣстныя учрежденія выводъ по каждой отдѣльной мѣстности дѣйствительныхъ среднихъ оброковъ, которые бы и принимались за соотвѣтствующіе высшему въ тѣхъ мѣстностяхъ надѣлу въ томъ случаѣ, если бы они оказались ниже установленныхъ нормъ. Ст. 173 и 174 „Положенія“ допускаютъ даже возвышеніе оброка свыше нормы, въ случаяхъ, въ этихъ статьяхъ поименованныхъ, по ходатайству о томъ помѣщика. Въ числѣ обстоятельствъ, дающихъ поводъ къ возвышенію повинностей, находятся такія, которыя указываютъ на возможность особыхъ промысловыхъ заработковъ.

Установленными „Положеніемъ“ 19-го февраля размѣрами крестьянскихъ оброковъ опредѣлились нормы выкупныхъ платежей, когда надѣлы выкупались крестьянами при помощи правительства, что получило въ дѣйствительности значеніе общаго правила. При выкупѣ крестьянами земли, причитающіеся съ нихъ въ пользу помѣщика оброки капитализировались изъ 6%; правительство выдавало помѣщику выкупную ссуду; всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику прекращались; крестьяне дѣлались должниками правительства. Выкупною операціей разрывалась вѣковая, законами опредѣленная зависимость крестьянина отъ помѣщика.

Таковъ путь, которымъ опредѣлились землевладѣніе и платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Прошло немного лѣтъ со времени крестьянской реформы, какъ самой жизнью былъ выдвинутъ вопросъ: „улучшилось или ухудшилось *экономическое* положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ послѣ отмѣны крѣпостного права“, или, формулируя этотъ вопросъ точнѣе—„Положеніе“ 19-го февраля создало для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ лучшія или худшія *экономическія* условія сравнительно съ тѣми, въ которыхъ они пребывали при крѣпостномъ правѣ?

Многознаменательна уже самая возможность подобнаго вопроса. Улучшись сколько-нибудь замѣтно условія матеріальной жизни народа, подобный вопросъ былъ бы невозможенъ.

Но выяснить *съ полной опредѣленностью* разницу въ матеріальномъ бытѣ народа до и послѣ крѣпостного права было невозможно,

по недостатку всѣхъ необходимыхъ для этого данныхъ. Если бы для рѣшенія этого вопроса вполнѣ достаточны были данныя о количествѣ крестьянской земли и размѣрахъ повинностей крестьянъ до и послѣ крѣпостного права, то отвѣтъ на него былъ бы самый опредѣленный. А именно, въ этомъ отношеніи условія быта крестьянъ послѣ реформы ухудшились. „Положеніе" 19-го февраля уменьшило значительно крестьянское землевладѣніе, а повинности сохранило существовавшія, слѣдовательно, относительно увеличило ихъ. Далѣе, къ повинностямъ, существовавшимъ при крѣпостномъ правѣ, прибавились разнообразные и значительные земскіе сборы и платежи для содержанія внутренней крестьянской администраціи.

Но дѣло въ томъ, что крестьяне извлекаютъ средства существованія не изъ одной земли, а также изъ промысловъ. А потому, для вполнѣ точнаго выясненія вышепоставленнаго вопроса, необходимо было знать: какое количество средствъ существованія получали крестьяне изъ промысловъ до реформы, и какое количество добываютъ они теперь. Точныхъ данныхъ для опредѣленія этихъ величинъ не имѣется и понынѣ.

Существуютъ, однако, важныя косвенныя указанія, оправдывающія весьма распространенное мнѣніе, что „Положеніе" 19-го февраля ухудшило вообще экономическое положеніе крестьянъ. Во-первыхъ, *почти повсемѣстное уменьшеніе количества крестьянскаго скота*, что ведетъ за собою болѣе скудное удобреніе, а слѣдовательно, и болѣе скудные урожаи. Во-вторыхъ, *ухудшеніе пищи народа.* Много мрачныхъ памятниковъ осталось намъ отъ эпохи крѣпостного права. Но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о томъ, чтобы народу недоставало хлѣба; чтобы народъ былъ вынужденъ замѣнять хлѣбъ вредными суррогатами, что въ большихъ размѣрахъ имѣетъ мѣсто въ пореформенное время. Достаточное продовольствіе народа хлѣбомъ въ эпоху крѣпостного права свидѣтельствуютъ самые искренніе сторонники реформы, проведшіе много лѣтъ въ крѣпостной деревнѣ и хорошо знающіе тогдашнія условія продовольствія народа. Нѣтъ надобности объяснять этотъ фактъ единственно добрыми чувствами помѣщиковъ. Даже такой помѣщикъ, который относился къ крѣпостнымъ крестьянамъ, какъ къ рабочему скоту, и тотъ, по весьма очевидному разсчету, долженъ былъ оставлять крестьянамъ количество хлѣба, достаточное для продовольствія. Помѣщикъ жилъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ. Ему необходимо было давать крестьянамъ достаточно корму по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ извозчикъ даетъ достаточный кормъ своей лошади. Крѣпостные составляли важную составную часть капитала помѣщика. Увеличеніе смертности между ними отъ недостатка въ пищѣ уменьшало самымъ прямымъ образомъ богатство помѣщика.

Впрочемъ, въ смыслѣ практическомъ, гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ вопросъ не о томъ: улучшило или ухудшило „Положеніе“ 19 февраля матеріальный бытъ крестьянина; *для постановки вопросовъ государственной политики самое важное выяснить современное состояніе дѣлъ*; въ данномъ случаѣ—*современныя экономическія условія крестьянскаго быта*. Отвѣты по этому вопросу впервые были даны въ извѣстной книгѣ профессора Янсона, „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, и въ изданномъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ 16-мъ выпускѣ его трудовъ, озаглавленномъ: „Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи“.

Весьма кстати было бы привести здѣсь общіе выводы изслѣдованія г. Янсона. Но для этого потребовалось бы сдѣлать слишкомъ длинныя выписки. Каждая страница этого изслѣдованія представляетъ *крупныя черты* картины экономическаго положенія крестьянъ. 16-й выпускъ центральнаго статистическаго комитета (употребляемъ эту нумерацію для краткости, на обложкѣ ея нѣтъ) представляетъ начало обширнаго труда по предмету землевладѣнія въ Россіи [1]). Изданный выпускъ посвященъ губерніямъ: Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Курской, Орловской, Рязанской, Тульской и Калужской; слѣдовательно, такимъ, гдѣ земельная статистика особенно интересна, такъ какъ въ этихъ губерніяхъ земледѣліе составляетъ главный промыселъ. Трудъ центральнаго статистическаго комитета имѣетъ то особенно важное значеніе, что, благодаря этому труду, впервые получилась возможность (для 8-ми губерній) весьма близко опредѣлить: какая часть крестьянъ получила достаточные для обезпеченія ихъ быта надѣлы, какая скудные и какая совсѣмъ обездолена. Между тѣмъ, до изданія этого труда для характеристики крестьянскаго землевладѣнія довольствовались лишь валовыми итогами, средними выводами; можно было только сказать, какое количество крестьянской земли въ среднемъ выводѣ приходится на душу въ извѣстномъ раіонѣ, а о томъ, какъ *распредѣляется* эта земля между самими крестьянами—данныхъ не существовало.

Этотъ важный пробѣлъ въ статистическихъ данныхъ о крестьянскомъ землевладѣніи не позволилъ профессору Янсону выяснить вопросъ о надѣлахъ съ желательной полнотой. „Безъ сомнѣнія, говоритъ г. Янсонъ:—если бы статистическіе матеріалы были болѣе обстоятельны, чѣмъ тѣ, которыми мы пользовались, выводы были

[1]) Прекрасный разборъ 16-го выпуска статистическаго комитета помѣщенъ въ сентябрьской книжкѣ журнала „Слово“ 1880 г.: „Наше Землевладѣніе“, статья г. Воропонова. Эта статья сократила намъ трудъ оріентированія и выкладокъ изъ данныхъ, помѣщенныхъ въ выпускѣ.

бы болѣе детальны и болѣе убѣдительны. Одна уже возможность, если бы она существовала, разработывать матеріалъ по уѣздамъ, а не по губерніямъ, много прибавила бы цѣны всякому подобному изслѣдованію. Смѣемъ думать, что если двѣ правительственныя комиссіи (доклады комиссіи по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства и труды податной комиссіи), работами коихъ мы пользовались преимущественно, не могли собрать данныхъ болѣе обстоятельныхъ, то едва ли таковыя могутъ быть доступны частному изслѣдователю, поставленному далеко отъ первоначальныхъ статистическихъ источниковъ. Въ изслѣдованіи нашемъ мы должны были ограничиться средними величинами не только по губерніямъ, но и по цѣлымъ крупнымъ разрядамъ крестьянскаго землевладѣнія: крестьянъ бывшихъ государственныхъ, бывшихъ удѣльныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ. Кто знаетъ, какое значеніе имѣютъ среднія величины, тотъ пойметъ, что въ дѣйствительности онѣ не только не могутъ служить выраженіемъ отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ, но что онѣ не могутъ служить выраженіемъ и свойствъ отдѣльныхъ сложныхъ элементовъ цѣлаго, суммы многихъ или нѣсколькихъ конкретныхъ случаевъ, вмѣстѣ взятыхъ. Но мы не могли подраздѣлить цѣлаго на составные элементы такъ, какъ бы это необходимо было для болѣе тщательнаго статистическаго анализа. Мы не знаемъ, напримѣръ, въ группѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, какое именно число ихъ въ данной губерніи получило высшій надѣлъ, какое—низшій, какое—надѣлъ, приходящійся между высшимъ и низшимъ, и можемъ говорить только о надѣлѣ среднемъ, о степени обезпеченности, *имъ* представляемой, о платежахъ, причитающихся на десятину *этого* средняго надѣла и т. д. Но подобныя среднія величины, не обладая достоинствомъ частичныхъ, такъ сказать, среднихъ, имѣютъ то несомнѣнное преимущество, что онѣ способствуютъ въ высшей степени обобщенію всякаго рода фактовъ, даютъ общій выводъ, уклоненія отъ коего въ частностяхъ, затѣмъ могутъ и должны быть отыскиваемы и разъясняемы". („Опытъ статист. изслѣдов. о крест. надѣлахъ и платежахъ", стр. VI).

Пользуясь матеріаломъ упомянутаго выпуска центральнаго статистическаго комитета, мы можемъ пополнить для 8-ми губерній изслѣдованіе г. Янсона. Съ большею подробностью, чѣмъ это могъ сдѣлать Янсонъ, мы выяснимъ условія крестьянскаго землевладѣнія въ упомянутыхъ 8-ми губерніяхъ, условія, *въ образованіи которыхъ участвовали „Положеніе" 19-го февраля и реформа 1866 года*, обратившая въ земельныхъ собственниковъ 26 милліоновъ крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Но прежде умѣстно привести самое общее резюме труда профессора Янсона.

Г. Янсонъ группируетъ весь наличный статистическій матеріалъ о крестьянскомъ землевладѣніи и платежахъ крестьянъ въ Европейской Россіи по полосамъ: нечерноземная, черноземная и юго и сѣверо-западныя окраины. Разсмотрѣвъ размѣръ надѣловъ и платежей въ нечерноземной и черноземной полосахъ, Янсонъ ставитъ вопросъ: обезпечиваетъ ли и въ этой (черноземной) части Россіи земля, отведенная въ собственность крестьянину, его бытъ и возможность уплаты слѣдуемыхъ съ него сборовъ? И отвѣчаетъ слѣдующее:

„Насколько для нечерноземной полосы достаточно имѣется положительныхъ данныхъ, чтобы отвѣчать на поставленный вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, настолько недостаточно данныхъ для полосы черноземной. Нужды нечерноземнаго крестьянина сдѣлались общеизвѣстными; мѣру ихъ тщательно изслѣдовало земство и правительство, о нихъ всякій знаетъ; но не многіе знаютъ, что такую же, если не большую, нужду терпитъ и крестьянинъ, сидящій на черноземѣ. Для огромнаго большинства слово „черноземъ“ связано съ понятіемъ сытаго народа, полныхъ хлѣба закромовъ; если тамъ и сямъ на черноземѣ обнаруживается повальное голоданье населенія, его приписываютъ неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ или безпечности, нерадѣнію самого земледѣльца, у котораго такъ много плодородной земли, что ему не къ чему заботиться объ улучшеніи хозяйства и о болѣе прочномъ обезпеченіи своего быта. Есть люди, которые и теперь еще находятъ, что многоземелье въ черноземной полосѣ тормозитъ всякое улучшеніе въ хозяйствѣ, которые не прочь даже, для облегченія участи нечерноземнаго крестьянина, снять съ него часть платежей, переложивъ на черноземнаго. Знаютъ ли они, что для улучшенія хозяйства необходимо, чтобы не только были обезпечены насущныя нужды хозяина, но чтобы у него были избытки, которые можно было обратить на увеличеніе скотоводства, обзаведеніе лучшими орудіями; знаютъ ли они, наконецъ, есть ли и могутъ ли быть у черноземнаго крестьянина эти избытки?

„За отсутствіемъ достаточнаго числа указаній на степень обезпеченія черноземныхъ крестьянъ въ разныхъ мѣстностяхъ трехпольной и степной полосы въ офиціальныхъ источникахъ, приходится, по необходимости, прибѣгнуть къ соображеніямъ, на основаніи данныхъ другого рода. Зная приблизительно численность крестьянской семьи, урожайность крестьянскихъ полей, количество хлѣба, необходимое для прокормленія этой семьи и хозяйственнаго скота, мы легко можемъ дать положительный отвѣтъ на вопросъ о томъ, насколько надѣлъ обезпечиваетъ существованіе и платежныя

способности крестьянъ тѣхъ или другихъ категорій. Остановимся сначала на черноземной трехпольной полосѣ, въ которой помѣщается главная масса крестьянскаго населенія и преимущественно бывшаго крѣпостного, которое, по густотѣ населенія, составляетъ самое ядро государства. Косвенный способъ оцѣнки достаточности надѣловъ отчасти находитъ себѣ оправданіе, въ примѣненіи къ трехпольной черноземной полосѣ, въ томъ, что никакая другая мѣстность не представляетъ, для разныхъ частей своихъ большаго сходства и въ почвенныхъ, и въ климатическихъ, въ бытовыхъ и, наконецъ, въ хозяйственныхъ условіяхъ.

„Средняя крестьянская семья въ черноземной трехпольной полосѣ имѣетъ 5,94 челов. обоего пола. Въ томъ числѣ считается 1,62 м. работника, 1,65 работницъ, остальное (3,67) малолѣтки и старики. Такая крестьянская семья не можетъ въ среднемъ имѣть болѣе двухъ надѣловъ. Предположимъ, что она имѣетъ 2 лошадей, 1 корову, 2 овцы и 1 свинью. Сколько же нужно собственно хлѣба, чтобы прокормить семью съ ея хозяйственнымъ скотомъ? На прокормленіе взрослаго работника, при ничтожномъ количествѣ мяса, которое онъ потребляетъ, надобно minimum 24 пуда озимаго зерна, половину на малолѣтковъ и стариковъ; ярового на пироги, кашу, блины и проч. 4 гарнца въ мѣсяцъ для взрослаго и 2 для малолѣтковъ и стариковъ. Затѣмъ на кормъ скоту необходимо при самомъ скудномъ разсчетѣ:

На 2 лошади по 1 гарнцу овса въ 160 дней . .	5 четвертей.
Имъ же сѣна по 15 ф. каждой	120 пудовъ,
2 овцамъ	80 „
Коровѣ на пойло и птицѣ.	0,5 четверти.

Солома вся на кормъ коровѣ, крышу, подстилку; предпологаемъ, что ее достаетъ на эти потребности.

Такимъ образомъ потребность семьи выразится:

Озимаго хлѣба	10,6 четвертей.
Ярового	9,3 „
Сѣна.	200 пудовъ.

Урожаи озимаго и ярового, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ средней за трехлѣтіе 1870—1872 г. были для озимаго самъ-4,86, для ярового самъ-4,11. При такомъ урожаѣ валовой сборъ долженъ равняться—озимаго 16,8 четвертей, ярового 12,5 четвертей. Чтобы при такомъ урожаѣ получать такой сборъ, надобно при трехпольномъ хозяйствѣ имѣть не менѣе 8,5 десятины пахаты. Для полученія 200 пудовъ сѣна необходимо имѣть, кромѣ того, 1,5 десятины луга;

объ особомъ выгонѣ въ трехпольной полосѣ не можетъ быть и рѣчи, для него остается паровое поле и скошенный лугъ. Слѣдовательно, съ усадьбой и подворнымъ выпускомъ не можетъ быть менѣе 10 дес. или по 5 дес. въ душевомъ надѣлѣ. При такомъ надѣлѣ почти не можетъ быть, за покрытіемъ потребности въ кормовыхъ средствахъ, никакихъ избытковъ; на необходимые расходы для покупки соли, дегтя, на ремонтъ одежды и хозяйственныхъ орудій, покупка лѣсного матеріала, на церковныя требы и проч, и проч. не остается ничего, тѣмъ болѣе на уплату податей. Противъ нашего разсчета можно возразить, что цифра урожаевъ, взятая изъ офиціальнаго источника ниже дѣйствительной. Допустимъ и это, хотя въ общую цифру посѣвовъ и сборовъ входятъ и запашки помѣщиковъ, у которыхъ урожаи болѣе крестьянскихъ. Во всякомъ случаѣ не только среднiе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе вообще 3 десятинъ, *но и высшіе ихъ надѣлы, въ 3—3$^1/_2$ десятины (по „Положенію“ 19-го февраля), даже надѣлы государственныхъ крестьянъ не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія.* Что же сказать о среднихъ надѣлахъ въ 2 съ небольшимъ десятины, и особенно о тѣхъ крестьянахъ, которые получили надѣлы ниже средней и низшіе надѣлы? А такихъ въ черноземной трехпольной полосѣ, по крайней мѣрѣ, половина, а мѣстами и большинство! Чѣмъ положеніе черноземнаго крестьянина лучше положенія новгородскаго? Тотъ съ своего надѣла въ 5,6 десятины получаетъ хлѣба ровно столько же, сколько черноземный съ 3$^1/_4$ десятины, то есть, столько же, сколько самый зажиточный изъ помѣщичьихъ крестьянъ этой полосы. Немногія селенія государственныхъ крестьянъ получили 6—8 десятинъ на душу: ихъ можно считать достаточными; нѣкоторые получили менѣе 4-хъ десятинъ; но такихъ не много, такъ какъ среднiе надѣлы ихъ, за исключеніемъ губерній Рязанской и Симбирской, выше 4-хъ десятинъ; большинство государственныхъ крестьянъ получило надѣлы въ четыре десятины и болѣе. Они, по крайней мѣрѣ, въ продовольствіи и насущныхъ нуждахъ обезпечены. При очень хорошихъ урожаяхъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне съ высшимъ надѣломъ въ 4, даже 3$^1/_2$ десятины спасены отъ отысканія *средствъ пропитанія*; но такіе высшіе надѣлы назначены въ 45 уѣздахъ—въ Новохоперскомъ, Воронежскомъ, Валуйскомъ, (Воронежской губерніи), въ большей части черноземныхъ уѣздовъ Казанской губерніи, въ Дмитріевскомъ—Курской, въ Нижнеломовскомъ, Чембарскомъ и Пензенскомъ—Пензенской, въ двухъ съ небольшимъ уѣздахъ Рязанской, въ Саратовской губерніи, Самарской, въ пяти уѣздахъ Симбирской, въ двухъ уѣздахъ Тамбов-

ской и въ пяти уѣздахъ Харьковской то есть, въ 38% всѣхъ уѣздовъ черноземной не-степной полосы; въ остальныхъ 62% уѣздовъ даже высшіе надѣлы положительно не могутъ прокормить крестьянъ. Низшіе надѣлы при самыхъ лучшихъ условіяхъ спускаются до 1,33 десятины (т. е. въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ высшій надѣлъ 4 десятины); при худшихъ они равняются всего 0,9 десятины на душу. Въ уѣздахъ въ 4 и $3^1/_2$ десятины высшаго надѣла зато особенно много крестьянъ съ четвертнымъ даровымъ надѣломъ. Въ Чистопольскомъ и Спасскомъ уѣздахъ высшій надѣлъ 4 дес.; но многіе ли могли получить его, если половина крестьянъ осталась при четвертномъ надѣлѣ? Итакъ, въ 62% уѣздовъ черноземной трехпольной полосы всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ получать съ своихъ надѣловъ даже насущнаго хлѣба, а въ остальныхъ 32% уѣздовъ въ такомъ положеніи находится значительнѣйшая часть этихъ крестьянъ. Особенно тяжело положеніе тѣхъ, которые получили надѣлы ниже средней и низшіе; четвертные и меньше платятъ, и свободны идти куда угодно; имѣющіе же низшіе надѣлы, не многимъ превышающіе четвертные, все равно существовать съ надѣла не могутъ, платятъ они болѣе и прикрѣплены къ землѣ на 49 лѣтъ, по крайней мѣрѣ.

„Ихъ положеніе хуже, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ, когда они были, по крайности, сыты и когда помѣщикъ платилъ за нихъ подати. Если стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обезпеченности, то едва ли не всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ черноземной трехпольной полосы было легче, въ среднемъ выводѣ, при крѣпостномъ правѣ. Надѣлы крестьянъ уменьшились сравнительно съ временемъ крѣпостного права, и въ то же время къ оброкамъ и повинностямъ крестьянъ прибавились значительные другіе платежи. Къ тому же, нѣтъ ни выгона, ни полѣна дровъ; некому прокормить въ неурожайный годъ, некому внести подати, постоянная возможность лишиться за недоимки скота и домашняго скарба... Было бы, конечно, нелѣпостью видѣть въ приведенныхъ фактахъ доводы въ защиту крѣпостного права, но изъ нихъ вытекаетъ то заключеніе, что сама по себѣ собственность на землю, безъ вниманія къ ея размѣрамъ и безъ другихъ гарантій благосостоянія, еще не избавляетъ отъ нищеты и пролетаріата, иногда даже лишаетъ насущнаго хлѣба“.

Въ юго- и сѣверо-западныхъ губерніяхъ условія крестьянскаго быта до послѣдней польской революціи были еще хуже, нежели въ Великороссіи. Наступили событія 1863 года и оказали весьма благодѣтельные результаты для крестьянъ. Они имѣли своимъ послѣдствіемъ указы 1-го марта и 2-го ноября 1863 года и 28-го апрѣля

1855 г. Введенъ былъ обязательный выкупъ, съ пониженіемъ выкупныхъ платежей на 20% противъ оброковъ; допущено было въ особенныхъ случаяхъ пониженіе исчисляемаго оброка болѣе, чѣмъ на 15%, противъ опредѣленнаго „Положеніемъ" 19-го февраля (законъ 2-го сентября 1864 г.), крестьянамъ должна была быть отведена вся земля, находившаяся *дѣйствительно* въ ихъ пользованіи.

Результатомъ этихъ мѣропріятій было увеличеніе пространства крестьянскихъ надѣловъ отъ 25 до 70% и уменьшеніе повинностей отъ 60 до 182% въ юго-западныхъ и отъ 2 до 16% въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ.

Такимъ образомъ, благодаря польской революціи въ юго- и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, сравнительно съ сосѣдними великорусскими и малороссійскими губерніями, среднія величины земли на душу вездѣ почти больше, а платежи на десятину у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вездѣ меньше. Но такое положеніе крестьянъ въ юго- и сѣверо-западныхъ губерніяхъ портится тѣмъ, что тѣ различія въ матеріальномъ бытѣ крестьянъ, которыя въ великорусскихъ губерніяхъ проистекаютъ отъ высшихъ, низшихъ и четвертныхъ надѣловъ, здѣсь еще болѣе усиливаются различіемъ между надѣлами тяглыми, пѣшими, огородными и батрачными, наконецъ, существованіемъ во всѣхъ губерніяхъ большого числа крестьянъ безземельныхъ, несмотря на мѣры, до сихъ поръ принятыя для устройства ихъ быта. Имѣются положительныя указанія на то, что пѣшіе хозяева отдавали и отдаютъ свои надѣлы въ обработку тягловымъ изъ-за части, болѣе или менѣе значительной, урожая, а сами принуждены идти въ сельскіе заработки, въ батраки при помѣщичьихъ хозяйствахъ. Еще менѣе обезпечено землею положеніе огородниковъ (кутниковъ). Такимъ образомъ, въ средѣ крестьянскаго населенія, надѣленнаго землею, рѣзко выдѣляется разрядъ болѣе состоятельныхъ, обезпеченныхъ достаточнымъ количествомъ земли—и разрядъ почти вовсе необезпеченныхъ, живущихъ почти исключительно однимъ заработкомъ, и такихъ огромное большинство. Поэтому масса крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, несмотря на помощь, оказанную имъ указами 1863 года, далеко не можетъ нетолько уплатить съ своихъ надѣловъ податей и повинностей, но и доставить средства существованія своимъ семействамъ. Помимо совершенной необезпеченности землею значительной части крестьянъ, получившихъ надѣлы, остается затѣмъ во всѣхъ западныхъ губерніяхъ весьма большое число крестьянъ совершенно безземельныхъ, однодворцевъ, бобылей и проч. Не имѣя даже своей усадьбы они или за большую плату берутъ участки земли у помѣщиковъ, селятся даже въ ими выстроенныхъ усадьбахъ, какъ однодворцы (чиншевики)

юго-западныхъ губерній, или снискиваютъ средства къ существованію единственно личнымъ трудомъ.

Итакъ, всѣ безземельные, огородники, значительная часть получившихъ пѣшіе надѣлы—все это въ западныхъ губерніяхъ принуждено жить не надѣломъ, а заработками. А между тѣмъ обработывающая промышленность, какъ крестьянскій промыселъ, развита въ западныхъ губерніяхъ весьма слабо.

Свое изслѣдованіе профессоръ Янсонъ заключаетъ слѣдующими словами: „Мы прошли всю Россію Европейскую, отъ сѣвера Вятской губерніи и степей оренбургскихъ и самарскихъ до Подоліи, Волыни и Литвы, отъ болотъ Новгородскаго полѣсья до степей Новороссіи—и вездѣ нашли много сходнаго въ положеніи массы нашего крестьянства. Вездѣ мы нашли въ немъ слабую обезпеченность хозяйственнаго быта, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 года призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда [1]). Гдѣ нѣтъ экономической обезпеченности, тамъ почти излишне дополнять картину состоянія народа изображеніемъ явленій, отъ нея зависящихъ и отсутствіемъ ея объясняющихся. Плохое питаніе, дурныя физическія и моральныя условія жизни, большая болѣзненность и сильная смертность—все это имѣетъ свою ближайшую причину въ бѣдности населенія, а бѣдность сама, если и проистекаетъ отъ слабости нравственныхъ силъ и недостатка трудовой энергіи, то не отъ нихъ она пошла и не ими она стоитъ на русской землѣ. Ведетъ она свое начало не съ послѣднихъ временъ: ее создало вѣковое крѣпостное состояніе; но поддерживаетъ ее тамъ скудная почва, къ которой фактически привязано населеніе; здѣсь ничтожный надѣлъ, съ котораго нельзя сойти, тамъ безземелье, здѣсь отсутствіе всякихъ заработковъ и происходящее отъ того и другого низкое вознагражденіе труда; наконецъ, тяжесть общихъ государственныхъ, земскихъ и мѣстныхъ податей и сборовъ, лежащихъ не на имуществѣ и его доходѣ, а на личномъ трудѣ, и высокая плата за землю, которая едва кормитъ того, кто ее обработываетъ".

Таково резюме изслѣдованія профессора Янсона объ экономическихъ условіяхъ русскаго народа.

Неудовлетворительное состояніе матеріальнаго быта народа, про-

[1]) Въ существующихъ поземельныхъ отношеніяхъ, въ которыя поставлены крестьяне, наиболѣе выдающійся фактъ—разница, обнаружившаяся въ положеніи крестьянъ бывшихъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ. Рядомъ, въ одной и той же мѣстности, первые имѣютъ большіе надѣлы и меньшіе платежи, вторые—меньшіе надѣлы и большіе платежи. Ниже намъ придется еще говорить объ этомъ фактѣ.

должающееся и понынѣ, есть прямой плодъ того процесса, которымъ создавалось „Положеніе“ 19-го февраля. *Великій принципъ, высказанный въ рескриптѣ 20-го ноября 1857 года, что „крестьянамъ должно быть отведено надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ количество земли для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ“, не былъ, какъ мы видѣли, проведенъ въ дѣйствительность.* Редакціонная комиссія при первомъ же приступѣ къ дѣлу отказалась, по указаннымъ выше причинамъ, отъ соображенія *о нуждахъ крестьянъ и доходности надѣловъ*; сверхъ того, съ перваго же шага она стала на ту точку зрѣнія, что *величина надѣла можетъ быть поставлена въ зависимость отъ промысловыхъ выгодъ.* Но комиссія не предвидѣла, что крестьянскіе платежи въ самомъ скоромъ времени возвысятся до такой высокой степени, что превысятъ, въ среднемъ выводѣ, отъ *трехъ* до *пяти* разъ доходность земли, т. е. почти всецѣло лягутъ на заработки. Она смотрѣла на промысловые заработки лишь какъ на пособіе къ главному доходу, доходу отъ земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія, какъ и депутаты, возлагала слишкомъ розовыя надежды на общее экономическое преуспѣяніе Россіи, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ; предполагалось, что крестьяне никогда и нигдѣ не встрѣтятъ затрудненій въ нахожденіи промысловыхъ заработковъ, за хорошее вознагражденіе. Сорокалѣтняя дѣйствительность показала насколько эти надежды были преувеличены. Расширеніе рынка для промысловыхъ заработковъ крестьянъ не шло такъ быстро, какъ возвышеніе крестьянскихъ платежей. Крестьяне были и есть не въ состояніи находить такое количество заработковъ, которое доставляло бы имъ возможность выполнять платежи, превышающіе отъ трехъ до пяти разъ доходность земли. Отсюда, какъ неизбѣжный результатъ, постоянное и въ чрезвычайно большихъ размѣрахъ возрастаніе недоимокъ. И, слѣдовательно, яснѣе божьяго дня, пока не будутъ измѣнены существеннымъ образомъ условія экономическаго быта крестьянъ, до тѣхъ поръ большинство русскаго народа будетъ находиться въ состояніи крайней нужды, необезпеченности въ удовлетвореніи самыхъ скудныхъ и необходимѣйшихъ потребностей.

Изслѣдованіе профессора Янсона выяснило намъ *въ среднихъ цифрахъ* условія экономическаго положенія народа. Но, какъ мы уже выше замѣтили, для выработки подробной программы государственной политики необходимо знать дѣйствительность въ ея детальныхъ конкретныхъ проявленіяхъ. Пользуясь 16-мъ выпускомъ центральнаго статистическаго комитета, мы, на основаніи вышеупомянутой статьи г. Воропонова, пополнимъ изслѣдованіе г. Янсона данными *о распредѣленіи земли между крестьянами* для вышеуказанныхъ 8 губерній. *

Говоря о крестьянскомъ землевладѣніи, мы имѣемъ въ виду исключительно земли, отведенныя крестьянамъ въ надѣлъ. Земли же, пріобрѣтенныя крестьянами, посредствомъ купли, въ личную собственность, представляютъ пока столь незначительные размѣры, что ни оказываютъ никакого вліянія на поднятіе благосостоянія массы.

Какое именно количество земли нужно для обезпеченія крестьянскаго быта—на этотъ вопросъ могутъ быть даны, конечно, болѣе или менѣе различныя рѣшенія. Извѣстный знатокъ сельскаго быта, покойный Чаславскій, въ изслѣдованіи „о хлѣбной торговлѣ въ центральномъ районѣ Россіи", путемъ подробныхъ разсчетовъ вывелъ, что 4 десятины на душу есть наименьшій размѣръ надѣла въ трехпольной черноземной полосѣ (къ которой относятся разсматриваемыя нами 8 губерній), обезпечивающій бытъ крестьянина; т. е. что при меньшемъ надѣлѣ неизбѣжны крайняя нужда и недоимки.

Такимъ размѣромъ надѣла въ разсматриваемыхъ 8 губерніяхъ пользуются лишь государственные крестьяне; бывшіе же помѣщичьи ни въ одной изъ этихъ губерній не имѣютъ въ среднемъ выводѣ подобнаго надѣла. Наибольшая норма ихъ надѣла $3^1/_3$ десятины, да и то въ малоплодородной Калужской губерніи, гдѣ надѣлъ требуется уже большій, чѣмъ въ прочихъ. Въ остальныхъ же губерніяхъ норма душевого надѣла приближается къ $2^1/_2$ десятинамъ.

Если средній земельный надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ даетъ уже недостаточное обезпеченіе, то положеніе тѣхъ, которые получили надѣлъ ниже средняго, представляется еще болѣе затруднительнымъ. Землевладѣніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ отличается большею неровностью распредѣленія, несравненно болѣе значительной, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ. Четвертные низшіе и тому подобные надѣлы поставили наше крестьянство слишкомъ въ неодинаковыя экономическія условія. Эта сторона дѣла такъ важна, что полезно привести выясняющія ее цифры.

Въ Тамбовской губерніи наибольшее число бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (180.000) имѣетъ отъ 2 до 3 десятинъ на душу, 64 тысячи—отъ 3 до 4 десятинъ, 52 тысячи—отъ 1 до 2 десятинъ, 41 тысяча—1 десятину и менѣе; надѣлы болѣе 4 десятинъ—ничтожныя исключенія.

Въ Тульской—отъ 2 до 3 десятинъ имѣетъ 274 тысячи душъ, отъ 3 до 4—42 тысячи, отъ 1 до 2—41 тысяча, а менѣе 1 десятины—$4^1/_2$ тысячи. Крестьянъ съ высшими надѣлами—тысяча.

Въ Пензенской — наибольшее число крестьянъ (88 тысячъ) имѣетъ—3—4 десятины, далѣе 75 тысячъ—2—3 десятины, 30 тысячъ отъ 1 до 2 десятинъ, 47 тысячъ—менѣе десятины, 8 тысячъ—болѣе 4 десятинъ.

Въ Калужской—большинство (188 тыс.) имѣетъ 3—4 десятины затѣмъ 48 тысячъ имѣютъ 2—3 дес., 33 тысячи—болѣе 4 десятинъ, $8^1/_2$ тысячъ—1—2 десятины и $8^1/_2$ тысячъ—менѣе 1 десятины.

Въ Воронежской—большинству (79 тыс.) достались только 2—3 десятинные участки, 63 тысячамъ—отъ 3 до 4 дес., 47 тысячамъ—1—2 дес., 42 тысячамъ—менѣе десятины, 9 тысячамъ—болѣе чѣмъ по 4 десятины.

Въ Орловской—участки отъ 2 до 3 десятинъ достались 200 тысячамъ душъ, отъ 3 до 4 дес.—66 тысячамъ, болѣе 4 дес.—25 тысячамъ, отъ 1 до 2 дес.—22 тысячамъ и менѣе десятины—8 тыс.,

„Въ Курской—173 тысячи имѣютъ 2—3 десятины, 71 тысяча отъ одной до двухъ десятинъ, 26 тысячъ—менѣе десятины, 22 тысячи—3—4 десятины, а высшіе надѣлы—ничтожное исключеніе.

Въ Рязанской—у 199 тысячъ отъ 2—3 десятины, у 80 тысячъ 3—4 десятины, у 41 тысячи 1—2 десятины, у 23 тысячъ менѣе десятины, у 22 тысячъ—высшіе участки, т. е. болѣе 4 десятинъ.

Вотъ какъ разнообразны надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мы видимъ, что даже скудный надѣлъ въ 2—$2^1/_2$ десятины на душу не достался весьма значительной части крестьянства. Надѣлъ же „обезпечивающій", т. е. 4-десятинный, получила едва одна *двадцать пятая* часть бывшаго крѣпостного населенія! Даже преобладаніе участковъ отъ 3 до 4 десятинъ замѣчается только въ двухъ губерніяхъ, Калужской и Орловской, гдѣ есть наименѣе цѣнныя земли. Особенно обращаетъ на себя вниманіе значительность числа участковъ менѣе одной десятины; да и участки отъ 1 до 3 десятинъ теперь, вслѣдствіе прироста населенія, понизились до одно-десятиннаго размѣра. Въ Воронежской и Пензенской губерніяхъ почти пятая часть всѣхъ крестьянъ имѣетъ менѣе одной десятины на душу. Но отдѣльные уѣзды представляютъ еще большее процентное отношеніе этихъ обдѣленныхъ землею крестьянъ. Вотъ, напримѣръ, наиболѣе выдающіеся въ этомъ отношеніи уѣзды:

	Процентъ крестьянъ съ надѣломъ менѣе десятины.
Павловскій (Вор. губ.)	39
Бобровскій (Ворон. губ.)	36
Сапожковскій (Рязан. губ.)	36
Саранскій (Пензен. губ.)	35
Нижнедѣвицкій (Ворон. губ.)	29
Спасскій (Тамб. губ)	28
Корочанскій (Курск. губ.)	26
Темниковскій (Тамб. губ.)	26

„Эти мелкіе надѣлы, конечно, образовались главнымъ образомъ вслѣдствіе развязки поземельныхъ отношеній отдачею крестьянамъ даровой четверти надѣла, которая въ иныхъ мѣстностяхъ имѣла особенно широкое примѣненіе. Въ объясненіе послѣднему приводятъ нерѣдко то, что крестьяне сами охотно отказывались отъ большей части земли, дабы избавиться отъ оброковъ и выкупныхъ платежей и въ надеждѣ на возможность впослѣдствіи дешево арендовать тѣ же самыя земли, т. е. платить за нихъ, въ видѣ арендной платы, меньше цифры узаконеннаго оброка. Но, по какимъ бы причинамъ ни образовались мелкіе крестьянскіе участки, для насъ теперь важно не историческое ихъ происхожденіе, а современное ихъ экономическое значеніе. Во всякомъ случаѣ дѣло вышло плохо. Разсчеты на возможность дешеваго арендованія земли если у крестьянъ и были, то рѣшительно не оправдались. Земли вездѣ сильно поднялись въ цѣнѣ, и въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ крестьяне должны теперь платить при арендѣ прежнихъ своихъ земель втрое больше, чѣмъ приходилось бы за нихъ оброка или выкупного платежа. Вести же хозяйство только на собственныхъ клочкахъ—дѣло невозможное. Многочисленность подобныхъ надѣловъ—тяжелое наслѣдіе, оставленное реформою 19-го февраля.

„Едва ли лучше и положеніе владѣльцевъ участковъ отъ 1 до 2 десятинъ. Этотъ размѣръ надѣла, послѣ прироста населенія, обратился уже въ одно-десятинный на душу. Подобные участки имѣютъ уже иное происхожденіе. Это большею частью не даровые нищенскіе надѣлы, такъ какъ они составляютъ болѣе четверти высшаго или указнаго надѣла, а участки уменьшенные по другимъ причинамъ, участки уже оплачиваемые оброкомъ или выкупнымъ платежемъ и при томъ оплачиваемые гораздо дороже, чѣмъ полные участки. Такимъ образомъ, крестьяне, о которыхъ идетъ рѣчь, пользуясь самою ничтожною прибавкою земли противъ владѣльцевъ нищенскихъ надѣловъ, платятъ за нее большую повинность, отъ которой избавлены послѣдніе; разумѣется выгода земельной прибавки тутъ слишкомъ перевѣшивается невыгодою платежа. Поэтому-то преимущество владѣющихъ участками отъ 1 до 2 десятинъ только кажущееся, а на самомъ дѣлѣ ихъ слѣдуетъ включать въ одинъ разрядъ съ владѣльцами надѣловъ меньше десятины. Между тѣмъ, мы видѣли, какъ много подобныхъ надѣловъ въ разсматриваемыхъ восьми губерніяхъ; ихъ больше, чѣмъ даровыхъ четвертей. Только крупныя земельныя пріобрѣтенія, въ добавокъ къ надѣламъ подобныхъ обществъ, или значительныя выселенія изъ подобныхъ обществъ смогли бы поправить крестьянское положеніе; если бы на мѣстахъ осталась только третья часть прежняго населенія, а двѣ трети выселились—

развѣ тогда положеніе оставшихся сдѣлалось бы сколько нибудь самостоятельнымъ, вслѣдствіе открывшагося простора. До того же, состояніе обдѣленныхъ землею крестьянъ вовсе не далеко ушло отъ состоянія пролетаріевъ.

„Сводя данныя о распредѣленіи крестьянскаго землевладѣнія въ итоги по всѣмъ восьми губерніямъ, мы получаемъ довольно наглядное представленіе устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Фактическое примѣненіе „Положенія“ 19-го февраля въ восьми центральныхъ губерніяхъ дало слѣдующіе результаты:

Изъ 2.457,000 душъ бывшаго крѣпостного населенія:

200	тысячъ	получили	менѣе	1	дес.
313	„	„	„	1—2	„
1,228	„	„	„	2—3	„
615	„	„	„	3—4	„
101	„	„	болѣе	4	„

Переводя эти цифры, по объясненнымъ выше соображеніямъ, на слова, получаемъ такіе выводы:

„Одна двадцать-пятая часть крестьянства получила удовлетворительное устройство; одна четверть кое-какъ перебивается; половина получила неудовлетворительное; болѣе пятой части совсѣмъ обдѣлены.

„Надо еще вспомнить, что осталось и безземельное населеніе, бывшіе дворовые, о которыхъ статистика „поземельной“ собственности, конечно, ничего не говоритъ.

„Подобные результаты „Положенія“ 19-го февраля мудрено назвать удовлетворительными. И если бы все наше крестьянство было устроено по такому образцу, то есть, если бы показанные результаты не были подкрашены послѣдствіями реформы 1866 года (устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ), то Россія далеко не въ такой степени имѣла бы право считаться представительницею принципа обезпеченія сельскаго рабочаго населенія земли, въ какой она имѣетъ это право теперь.

„Бывшіе государственные крестьяне не только въ общей совокупности имѣютъ больше земли, чѣмъ бывшіе помѣщичьи, у нихъ не только выше средній выводъ земли на душу, но и самое распредѣленіе ихъ землевладѣнія на большіе и малые участки представляется въ другомъ, лучшемъ видѣ“.

Причины этого факта заключаются въ томъ, что надѣленіе государственныхъ крестьянъ не встрѣчало той оппозиціи, съ какой приходилось имѣть дѣло при опредѣленіи размѣровъ надѣла помѣщичьихъ крестьянъ. Благодаря этому, реформа 1866 года, обратившая въ земельныхъ собственниковъ массу крестьянъ вѣдомства государ-

ственныхъ имуществъ, гораздо въ большей степени послужила дѣлу народнаго благосостоянія, нежели реформа 19-го февраля; она въ несравненно большей степени осуществила идею обезпеченія крестьянъ землею. Нижеприведенныя данныя ярко засвидѣтельствуютъ это утвержденіе.

Крестьянское населеніе разсматриваемой нами области дѣлится между бывшими государственными и бывшими помѣщичьями крестьянами почти поровну. Первыхъ 2.278,000 ревизскихъ душъ мужского пола, а послѣднихъ—2.457,000. Сверхъ того, есть еще 40 тысячъ удѣльныхъ крестьянъ. Но при такомъ равенствѣ числа душъ первыхъ двухъ категорій земельный надѣлъ ихъ представляетъ огромное несходство. Въ то время, какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ 11 милліоновъ десятинъ, у бывшихъ помѣщичьихъ только $6^1/_2$ милліоновъ десятинъ, или почти вдвое менѣе. На душу у первыхъ среднимъ числомъ приходится почти 5 десятинъ, а у послѣднихъ—едва $2^1/_2$ десятины. Удѣльные крестьяне получили около 4 десятинъ на душу, то есть заняли среднее мѣсто между бывшими помѣщичьими и государственными. Средніе выводы по цѣлой области внушительны, но все-таки говорятъ меньше, чѣмъ выводы по губерніямъ и уѣздамъ. Приведемъ сперва цифры душевого надѣла по губерніямъ:

ГУБЕРНІИ.	Земли на душу.	
	У быв. госуд. крест.	У бывш. пом. крест.
Тамбовская	5 д.	$2^2/_5$ д.
Тульская	$4^1/_2$ „	$2^3/_5$ „
Пензенская	5 „	$2^1/_2$ „
Калужская	$4^5/_4$ „	$3^1/_2$ „
Воронежская	$5^3/_5$ „	$2^2/_5$ „
Орловская	4 „	3 „
Курская	$4^1/_3$ „	$2^1/_3$ „
Рязанская	4 „	$2^3/_4$ „

Выходитъ, что различіе въ нормахъ надѣла менѣе рѣзко въ мѣстностяхъ менѣе плодородныхъ, какъ Калужская губернія и часть Орловской; но гдѣ земля лучше, тамъ вездѣ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ досталось вдвое меньше земли. Это, конечно, еще болѣе увеличиваетъ сравнительныя выгоды бывшихъ крестьянъ казеннаго вѣдомства, получившихъ наибольшіе надѣлы въ лучшихъ мѣстностяхъ. Еще рѣзче выступаетъ это различіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ: напримѣръ, въ Тимскомъ и Грайворонскомъ Курской губерніи, бывшимъ государственнымъ крестьянамъ досталось по

$5^1/_4$ десятинъ на душу, тогда какъ бывшимъ помѣщичьимъ лишь около 2 десятинъ. Одна норма выше другой слишкомъ въ $2^1/_2$ раза [1])".

Но не только средній размѣръ земли на душу у бывшихъ государственныхъ крестьянъ значительно выше, чѣмъ у помѣщичьихъ, а и самое распредѣленіе ихъ землевладѣнія на большіе и малые участки представляется, какъ мы уже выше замѣтили, въ другомъ, лучшемъ видѣ.

Ни въ одной изъ губерній разсматриваемаго нами района преобладающій размѣръ надѣла государственныхъ крестьянъ не понижается противъ 3 десятинъ. Въ губерніяхъ Курской и Тульской чаще встрѣчаются участки отъ 4 до 5 десятинъ, въ Тамбовской и Пензенской—отъ 5 до 6 десятинъ, а въ Воронежской даже выше 6 десятинъ. Малые участки, отъ 1 до 3 десятинъ, вездѣ составляютъ самое слабое меньшинство, а одно-десятинные и меньшіе—самое ничтожное исключеніе. Въ шести губерніяхъ, болѣе половины крестьянъ имѣютъ надѣлы выше четырехъ десятинъ на душу; только въ Орловской и Рязанской такими участками владѣетъ меньшинство.

Въ Тамбовской губерніи 66 тысячъ душъ имѣютъ болѣе, чѣмъ по 6 десятинъ, 139 тысячъ—отъ 5 до 6 дес., 135 тысячъ—отъ 4 до 5 дес., 74 тысячи—отъ 3 до 4 дес., 14 тысячъ—отъ 2 до 3 дес., 5 тысячъ—отъ 1 до 2 дес. и 229 душъ—менѣе 1 десятины.

Въ Тульской—8 тысячъ душъ имѣютъ болѣе 6 десятинъ, 15 тысячъ—отъ 5 до 6 дес., 29 тысячъ—отъ 4 до 5 дес., 25 тысячъ—отъ 3 до 4 дес., 12 тысячъ—отъ 2 до 3 дес., 3 тысячи—отъ 1 до 2 дес. и 553 души—менѣе десятины.

Въ Пензенской—болѣе 6 десятинъ имѣютъ 46 тысячъ душъ, отъ 5 до 6 дес.—65 тысячъ, отъ 4 до 5 дес.—64 тысячи, отъ 3 до 4 дес.—50 тысячъ, отъ 2 до 3 дес.—10 тысячъ, отъ 1 до 2 дес.—тысяча, менѣе десятины—224 души.

Въ Калужской—19 тысячъ получили болѣе 6 десятинъ, 15 тысячъ—отъ 5 до 6 дес., 20 тысячъ—отъ 4 до 5 дес., 24 тысячи—отъ 3 до 4 дес., 13 тысячъ—отъ 2 до 3 дес., $3^1/_2$ тысячи—отъ 1 до 2 дес. и 43 души менѣе десятины.

Въ Воронежской—224 тысячамъ досталось болѣе 6 десятинъ на душу, 135 тысячамъ—отъ 5 до 6 дес., 122 тысячамъ—отъ 4 до 5 дес., 68 тысячамъ—отъ 3 до 4 дес., 14 тысячамъ—отъ 2 до 3 дес., 1 тысячѣ—отъ 1 до 2 дес. и 840 душамъ менѣе десятины.

Въ Орловской—16 тысячъ получили болѣе 6 десятинъ, 23 тысячи—отъ 5 до 6 дес., 73 тысячи—отъ 4 до 5 дес., 113 тысячъ—

---

[1]) „Слово" 1880 г. Ст. г. Воронова.

отъ 3 до 4 дес., 29 тысячъ—отъ 2 до 3 дес., 4 тысячи—отъ 1 до 2 дес. и 585 душъ—менѣе десятины.

Въ Курской—38 тысячъ имѣютъ болѣе, чѣмъ по 6 десятинъ, 81 тысяча—отъ 5 до 6 дес., 118 тысячъ—отъ 4 до 5 дес., 109 тысячъ—отъ 3 до 4 дес,, 64 тысячи—отъ 2 до 3 дес., 11 тысячъ—отъ 1 до 2 дес. и 1 тысяча—менѣе десятины.

Въ Рязанской—болѣе чѣмъ по 6 десятинъ получили 17 тысячъ душъ, отъ 5 до 6 дес.—32 тысячи, отъ 4 до 5 дес.—40 тысячъ, отъ 3 до 4 дес.—89 тысячъ, отъ 2 до 3 дес.—32 тысячи, отъ 1 до 2 дес.—7 тысячъ и менѣе десятины—339 душъ.

Мелкіе участки государственныхъ крестьянъ сосредоточены главнымъ образомъ въ Курской губерніи, гдѣ ихъ находится третья часть всего числа (преимущественно въ Курскомъ и Старооскольскомъ уѣздахъ). Но и между ними число участковъ отъ 1 до 2 десятинъ почти въ девять разъ больше числа участковъ менѣе десятины. При томъ участки перваго рода не обложены такъ платежами, какъ у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Общіе итоги участковъ разной величины у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, по всѣмъ 8-ми губерніямъ, получаются слѣдующіе:

Надѣловъ болѣе 6 дес.	435	тысячъ.
отъ 5 до 6 „	505	„
„ 4 „ 5 „	601	„
„ 3 „ 4 „	551	„
„ 2 „ 3 „	186	„
„ 1 „ 2 „	36	„
менѣе 1 „	4	„

Такимъ образомъ, совсѣмъ обдѣленное землею крестьяне здѣсь составляютъ менѣе $^1/_5$ части процента, а если къ нимъ присоединить и владѣльцевъ участковъ отъ 1 до 2 десятинъ на душу—менѣе $2^0/_0$, то есть вдесятеро меньше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Какъ не сказать послѣ этого, что устройствомъ государственныхъ крестьянъ сильно подкрашиваются послѣдствія реформы 19-го февраля 1861 года!

Въ заключеніе, сводя итоги о размѣрахъ надѣла для всей совокупности бывшихъ крѣпостныхъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ въ восьми центральныхъ губерніяхъ, получаемъ, на основаніи работы г. Воропанова, слѣдующіе результаты:

„Болѣе 6 десятинъ имѣютъ	442	тыс. душъ.
Отъ 5 до 6 дес. „	516	„ „

Отъ 4 до 5 дес.	имѣютъ	684 тыс.	душъ
„ 3 „ 4 „	„	1,165 „	„
„ 2 „ 3 „	„	1,414 „	„
„ 1 „ 2 „	„	350 „	„
Менѣе одной десятины	„	204 „	„

Принявъ 4 десятины за норму удовлетворительнаго крестьянскаго надѣла, а участки ниже двухъ десятинъ за совершенно необезпечивающій крестьянскій бытъ, мы получаемъ слѣдующіе процентные выводы относительно окончательнаго результата поземельныхъ реформъ:

Достаточное обезпеченіе получили . . . . $34^1/_2$% кр.
Скудное обезпеченіе получили . . . . 54% „
Остались необезпеченными землею . . . . . $11^1/_2$% „ [1]).

Не такіе результаты ожидались отъ крестьянской реформы современниками ея. Высказанное въ рескриптахъ начало о надѣленіи крестьянъ землею *въ количествѣ, достаточномъ для обезпеченія ихъ быта*, было привѣтствовано литературою какъ великій фактъ, долженствовавшій положить такія прочныя основы нашему хозяйственному и соціальному развитію, какихъ лишена была западная Европа. „Исходъ крестьянскаго вопроса, писалъ Я. И. Ростовцевъ Государю Императору изъ-за границы:—представляется мнѣ въ радужномъ цвѣтѣ: крестьяне получаютъ свободу полную; они зачнутъ богатѣть, цѣнность помѣщичьихъ имѣній возрастетъ быстро, закоренѣлыя заблужденія начнутъ исчезать, оба сословія будутъ ограждены въ своихъ интересахъ". Редакціонная комиссія, съ своей стороны, выражала убѣжденіе, что у крестьянъ уже во время проектированія ею краткаго переходнаго періода явятся немедленно сбереженія; что не только выкупные платежи будутъ для нихъ необременительны и будутъ поступать исправно, но и государственные финансы будутъ облегчены исправнымъ поступленіемъ налоговъ. „Переходъ съ барщины на оброкъ, большое обезпеченіе крестьянъ въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи, читаемъ мы въ разсужденіяхъ редакціонной комиссіи:—наконецъ, самое развитіе въ нихъ чувства личной самостоятельности и охоты къ собственности—не могутъ не оказать самаго благотворнаго вліянія на возвышеніе уровня ихъ вещественнаго благосостоянія, а послѣднее должно неизбѣжно, *въ скоромъ времени*, не только облегчить сборъ налоговъ прямыхъ, но еще послужитъ къ усиленію и всѣхъ налоговъ косвенныхъ, и преимущественно налоговъ съ потребленія".

---

[1]) Ibid.

По причинамъ, изложеннымъ выше, ожиданія эти не сбылись. Экономическая сторона реформы дала крайне неудовлетворительные результаты, а вслѣдствіе этого величайшее преобразованіе не принесло до сихъ поръ и во всѣхъ прочихъ сторонахъ жизни тѣхъ благихъ послѣдствій, которыхъ отъ него ожидали. Медленный ростъ образованія въ народѣ, грубость нравовъ, неурядицы въ крестьянскомъ самоуправленіи, произволъ администраціи въ сношеніяхъ съ крестьянскимъ міромъ, ограниченность земскихъ средствъ, ничтожное значеніе въ земствѣ крестьяскаго представительства, развитіе кулачества, слабые, сравнительно съ числомъ населенія Россіи, успѣхи и неустойчивость обработывающей промышленности—все это прямые результаты неудовлетворительнаго устройства экономическаго быта крестьянъ. А потому, пока это устройство не будетъ измѣнено къ лучшему, надо оставить всякую надежду на расцвѣтъ жизни въ массѣ нашего народа. Въ Россіи же, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, судьба народа есть судьба страны.

Здѣсь не мѣсто излагать подробную програму экономической реформы, весьма ясно указываемую данными современной дѣйствительности. Сказать же объ ней вскользь имѣетъ весьма мало значенія. А потому ограничимся сказаннымъ нами уже по этому предмету во введеніи къ настоящему труду.

Земство, наука и литература неутомимо указывали мѣропріятія, легко осуществимыя, для развитія матеріальнаго благосостоянія, а съ нимъ вмѣстѣ преуспѣнія и прочихъ сторонъ народной жизни. Главнѣйшія изъ этихъ мѣропріятій: организація переселеній крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній на свободныя государственныя земли [1]), устройство кредитныхъ учрежденій для сельскаго

---

[1]) Вопросъ о переселеніяхъ—самый настоятельный и существенный вопросъ современной дѣйствительности, ибо измѣненіе поземельныхъ отношеній въ крестьянскомъ бытѣ не можетъ быть совершено удобно и въ значительныхъ размѣрахъ безъ организаціи переселенія на государственныя земли, вопросъ болѣе важный, чѣмъ какая бы то ни была реформа въ финансовомъ хозяйствѣ и чѣмъ устройство поземельнаго кредита, ибо, во-первыхъ, безъ измѣненія, устраняющаго *коренные* недостатки экономическаго быта крестьянъ, невозможно думать о правильномъ финансовомъ хозяйствѣ и, во-вторыхъ, только тогда поземельный кредитъ, для покупки крестьянами помѣщичьихъ земель, принесетъ дѣйствительно большую пользу, когда, вслѣдствіе разрѣженія населенія въ малоземельныхъ мѣстностяхъ и уменьшенія поэтому существующаго здѣсь спроса крестьянъ на землю (въ родѣ ирландскаго), уменьшатся цѣны на помѣщичьи земли—вопросъ этотъ былъ затронутъ уже редакціонною комиссіею.

Редакціонная комиссія, принявъ правило объ оставленіи за помѣщикомъ $^1/_3$ удобныхъ земель, имѣла, однако, въ виду и возможное черезъ то стѣсненіе для крестьянъ, и трудность подчасъ согласить требованіе надѣленія ихъ даже

населенія какъ для общихъ цѣлей, такъ и для покупки крестьянами помѣщичьихъ земель; податная и паспортная реформы; пересмотръ выкупныхъ платежей для исправленія ошибочныхъ разсчетовъ въ трудахъ редакціонной комиссіи и приведенія этихъ платежей въ соотвѣтствіе съ дѣйствительной доходностью земли и средствами крестьянъ; мѣры къ развитію кустарной промышленности; фабричное законодательство по образцу западно-европей-

низшимъ размѣромъ съ требованіемъ, чтобы одна треть земли оставалась въ распоряженіи помѣщика. Редакціонной комиссіи не менѣе яснымъ представлялось и то обстоятельство, что въ малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ придется крестьянамъ ограничиться полученіемъ небольшого надѣла, они будутъ поставлены въ положеніе далеко не обезпеченное. Кромѣ того, неодинаковая обезпеченность всѣхъ крестьянъ требовала такой мѣры, которая бы дала возможность населенію размѣститься сообразнѣе съ поземельными условіями, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ. Такимъ средствомъ въ первомъ же періодѣ занятій редакціонная комиссія считала *переселеніе*. Самое предоставленіе помѣщикамъ права удержать въ своемъ распоряженіи $^1/_3$ земли комиссія обусловливала именно не только свободою переселенія, но и пособіемъ для этой цѣли со стороны правительства. Такимъ образомъ, въ первоначальную редакцію проекта комиссіей было внесено въ *статью 6-ю* постановленіе, буквальный текстъ котораго говоритъ, что „къ отрѣзкѣ крестьянскаго надѣла (для оставленія за помѣщикомъ $^1/_3$ земельныхъ угодій) приступается въ то время, когда уменьшится, въ той же соразмѣрности, число переселенныхъ въ имѣніи крестьянъ: или посредствомъ перехода въ другія званія, или посредствомъ переселенія на другія земли. Для скорѣйшаго достиженія того и другого, даются особенныя облегченія, а для переселенія на казенныя земли оказываются отъ правительства всѣ возможныя пособія“. Статьею 11-ю, „о правахъ пользованія надѣломъ“, равнымъ образомъ предоставлялось крестьянамъ право, по истеченіи девятилѣтняго срока, безъ согласія помѣщика, въ цѣломъ составѣ общества отказаться отъ пользованія всѣмъ земельнымъ надѣломъ въ случаѣ переселенія на казенныя земли. За переселенія стояли и многіе губернскіе комитеты и депутаты ихъ, когда отстаивали помѣщичьи выгоды (безусловную добровольность надѣла) и протестовали противъ $^1/_3$, требуя больше. Они говорили, что для предупрежденія слишкомъ малаго надѣла или неудобнаго расположенія земель достаточно дать крестьянамъ право *немедленно* выходить въ другія мѣста или переходить въ другія сословія до уменьшенія числа населенныхъ крестьянъ до извѣстной цифры. Другіе предлагали, надѣливъ часть крестьянъ полными участками, остальнымъ предоставить немедленно право свободнаго перехода, или предоставить имъ право переселенія на казенныя земли.

Во второмъ періодѣ работъ комиссіи вопросъ о переселеніи былъ совершенно устраненъ и были опущены ст. 11 и изъ ст. 6 постановленіе, которое приведено выше. Такой отмѣнѣ способствовало прежде всего опасеніе значительнаго нарушенія существующихъ хозяйственныхъ отношеній, вслѣдствіе того, что крестьяне могли бы большими массами бросить свои земли, опасеніе, которое само правительство, повидимому, имѣло уже въ самомъ началѣ крестьянской реформы, когда предоставляло крестьянамъ усадебную осѣдлость въ видахъ предотвращенія „вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи“ и устанавливало двѣнадцати-лѣтній періодъ, въ теченіе котораго пользованіе

скихъ; увеличеніе государственныхъ средствъ на общее и техническое образованіе народа.

Ближайшія государственныя задачи Россіи намѣчены ясно и согласно съ условіями дѣйствительности. Кажется, настало время, когда можно вѣрить, что мы наканунѣ эксплуатаціи нашихъ богатыхъ силъ природы, нашихъ обширныхъ пространствъ государ-

---

отведеннымъ надѣломъ было для крестьянъ обязательно. Другимъ мотивомъ отмѣны было опасеніе, чтобы разрѣшеніе переселеній не сдѣлалось орудіемъ обезземеленія крестьянъ, къ которому совершенно очевидно и откровенно стремилась многочисленная партія депутатовъ обоихъ приглашеній. *Но отъ мысли о необходимости рано или поздно допустить и организовать переселенія редакціонная комиссія не отказалась.* „Внимательный пересмотръ этого вопроса,—читаемъ мы:—еще болѣе убѣдилъ редакціонную комиссію въ томъ, что по оному едва ли могутъ быть *нынѣ* составлены какія бы то ни было удовлетворительныя предположенія. Разрѣшеніе его потребуетъ особенной осторожности, дабы не нарушить основныхъ началъ преобразованія; къ тому же, оно можетъ быть постепенно подготовлено лишь тѣми практическими требованіями, которыя обнаружатся впослѣдствіи по мѣрѣ того, какъ будутъ возникать отдѣльные случаи. Поэтому редакціонная комиссія, удовольствовавшись однимъ лишь общимъ указаніемъ предмета, *который впослѣдствіи не можетъ не обратить на себя вниманія правительства,* полагала устранить *въ моментъ освобожденія* всякое составленіе какихъ-либо дальнѣйшихъ по этому предмету правилъ или предположеній, и *даже, во избѣжаніе недоразумѣній,* вовсе опустить въ проектѣ положенія статью заключеній, касающуюся онаго".

Вопросъ остается въ томъ же положеніи до настоящаго времени и едва ли можетъ быть поднятъ иначе, какъ по иниціативѣ самого правительства. Уже не говоря объ организаціи правительствомъ переселеній крестьянъ на государственныя земли, но и всѣ статьи положеній, какъ общаго, такъ и мѣстныхъ, дѣлаютъ фактически даже выходъ крестьянъ изъ общества доступнымъ для самаго незначительнаго меньшинства, наименѣе въ немъ нуждающагося. Полученіе увольнительнаго приговора отъ одного сельскаго общества и пріемнаго отъ другого (или свидѣтельства отъ управленія государственными имуществами), отсутствіе всякихъ недоимокъ, уплата впередъ податей, отсутствіе безспорныхъ частныхъ взысканій и пр.—все это такія условія, подъ которыя въ настоящее время можетъ подойти только зажиточное меньшинство, которому выгодъ никакихъ переселеніе не представляетъ. Для большинства же оно вызывается именно нуждою, необходимостью найти средства платить подати, внести недоимки, выйти изъ положенія, непоправимаго при сложившихся неблагопріятно мѣстныхъ условіяхъ, съ другой стороны, отысканіе свободныхъ земель, расходы по переселенію, убытки при ликвидаціи своихъ дѣлъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства, расходы на обзаведеніе въ новомъ дѣлаютъ переселенія съ одной стороны разорительными, съ другой стороны, лишенными всякой правильной организаціи. Совокупность всѣхъ требованій, обращаемыхъ къ переселенцамъ, выражаетъ просто „запретительную", въ отношеніи къ переселеніямъ, систему, и мы видѣли, какія послѣдствія ведетъ за собою несоотвѣтствіе между пространствомъ земли и системою хозяйства съ одной стороны и населенностью съ другой, послѣдствія, отъ которыхъ населеніе стремится избавиться и несомнѣнно избавилось бы, если бы имѣло въ своемъ распоряженіи необходимыя средства.

ственной земли, приносящихъ поразительно ничтожную выгоду сравнительно съ возможной; намъ кажется, что сила обстоятельствъ— прогрессирующіе неурожаи, голоданіе народа въ обширныхъ районахъ, неустойчивость промышленности, трудныя условія государственнаго хозяйства, обремененіе крестьянской массы чрезмѣрными податями и налогами—все это породило, наконецъ, время, когда можно надѣяться, что великое дѣло возвышенія уровня матеріальнаго быта народа, задуманное, но не выполненное крестьянскою реформой, поставлено нашимъ правительствомъ какъ самая важная и неотложная государственная задача.

VIII.

Борьба дворянства за сохраненіе власти надъ крестьянами.—Права, которыя присвоивало большинство губернскихъ комитетовъ помѣщику, какъ начальнику сельскаго общества.—Основанія, по которымъ редакціонная комиссія отвергла притязанія большинства дворянства на сохраненіе за нимъ власти надъ крестьянами.—Принципы, положенные редакціонною комиссіей въ основаніе своихъ работъ по административному отдѣлу.—Отношеніе депутатовъ къ вопросу о вотчинной власти.—Основное различіе въ требованіяхъ депутатами реформы полиціи, суда и управленія.—Основанія, выставленныя депутатами въ доказательство необходимости такой реформы.—Отзывы Безобразова, Косаговскаго, Кошелева, Унковскаго.—Заявленіе редакціонной комиссіи о настоятельной необходимости указанной депутатами реформы.—Заключеніе о трудахъ редакціонной комиссіи.

Крестьянской реформой, какъ и всякой реформой или насильственнымъ переворотомъ въ пользу народа, отмѣненныя привилегіи сводятся къ двумъ предметамъ: къ полной отмѣнѣ или ослабленію привилегій экономическихъ и политическихъ. Въ предшествовавшихъ двухъ главахъ мы показали роль дворянства въ вопросахъ кошелька, въ настоящей главѣ покажемъ борьбу его за власть.

При крѣпостномъ правѣ, какъ читателю извѣстно, помѣщики соединяли въ своихъ рукахъ полицейскую, судебную и исполнительную власть надъ своими крестьянами. И это соединеніе властей въ однѣхъ рукахъ было тѣмъ страшнѣе, что крестьяне были лишены права жалобы на помѣщиковъ. Такое узаконеніе фактически обращало крестьянъ въ рабовъ. Даже право на жизнь не было на самомъ дѣлѣ гарантировано крестьянамъ. Засѣканіе крестьянъ до смерти, въ большинствѣ случаевъ, сходило помѣщикамъ съ рукъ, такъ какъ правительственныя распоряженія о томъ, чтобы губернаторы преслѣдовали жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, имѣли, говоря вообще, лишь значеніе листа исписанной бумаги.

Такая крупная перемѣна, какъ переходъ отъ рабскаго состоя-

нія крестьянъ къ полной отмѣнѣ помѣщичьей власти надъ ними, къ дарованію крестьянамъ всѣхъ правъ свободнаго состоянія и устройству крестьянскаго самоуправленія, представляетъ самую поразительную сторону крестьянской реформы. Здѣсь всего сильнѣе и очевиднѣе отразилось вліяніе на ходъ развитія въ Россіи западноевропейскихъ порядковъ и идей. Идея полной отмѣны юридической зависимости одного сословія отъ другого защищалась интеллигентнымъ слоемъ русскаго общества, стоявшимъ на уровнѣ европейскаго образованія и европейскихъ понятій. Люди этого слоя работали для осуществленія указанной идеи въ литературѣ и губернскихъ комитетахъ. Проведена же въ жизнь эта идея была редакціонной комиссіей, большинство членовъ которой было солидарно въ воззрѣніяхъ на основныя начала реформъ съ литературой и либеральными меньшинствами въ губернскихъ комитетахъ.

Полная отмѣна помѣщичьей власти надъ крестьянами не входила, какъ мы знаемъ, въ первоначальный правительственный планъ реформы. Въ рескриптѣ 20-го ноября было сказано: „крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція“. Глава IX „Программа занятій губернскихъ комитетовъ“ присвоивала помѣщику званіе „*начальника общества*“ и поручала губернскимъ комитетамъ опредѣлить „права и отношенія помѣщика къ обществу: а) по сельскому благоустройству и порядку; б) по внутреннему управленію; в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами; г) по отправленію крестьянами повинностей; д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ“.

Съ момента приступа правительства къ преобразованію сельскаго быта, литература тотчасъ обращается къ защитѣ и развитію мысли, что, какъ въ интересахъ правильнаго государственнаго устройства, такъ и ради благополучнаго разрѣшенія преобразованія, необходимо упразднить помѣщичью власть и слить въ административномъ отношеніи освобожденныхъ крестьянъ съ другими сословіями. По цензурѣ разсылается циркуляръ, предписывающій преслѣдовать такую мысль, какъ противную смыслу высочайшаго рескрипта и программы занятій губернскихъ комитетовъ. Литература не складываетъ рукъ, но въ виду цензурныхъ стѣсненій продолжаетъ высказываться за возможно меньшее сохраненіе власти помѣщиковъ и вмѣшательства ихъ въ дѣла крестьянскаго міра. Идея полной отмѣны помѣщичьей власти, какъ одно изъ основныхъ началъ предпринятой реформы, поддерживается также въ салонѣ великой княгини Елены Павловны.

Въ теченіе 1858 года, въ средѣ высшаго правительства замѣтны колебанія по всѣмъ основнымъ вопросамъ реформы, въ томъ числѣ и по предмету удержанія за помѣщиками вотчинныхъ правъ; и колебанія эти болѣе и болѣе склоняются въ сторону плана реформы, выставленнаго литературою. Измѣненіе воззрѣній въ отношеніи вотчинной полиціи выразилось офиціально въ журналѣ Главнаго комитета, отъ 4-го декабря 1858 года. Въ журналѣ этомъ сказано: „Государь Императоръ повелѣлъ сообразить, *можетъ ли IX глава программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, оставаться въ прежней силѣ или слѣдуетъ ее измѣнить*". Это высочайшее предложеніе главному комитету, хотя и не выразило съ полной опредѣленностью взгляда Императора, получило тѣмъ не менѣе важное значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ вопроса о вотчинныхъ правахъ. Ссылкою на это высочайшее предложеніе редакціонная комиссія отражала обвиненія, что отмѣною помѣщичьей власти она нарушила одно изъ постановленій рескрипта.

Мы видѣли высокую степень корысти, которую проявили большинства въ губернскихъ комитетахъ по предметамъ надѣленія крестьянъ землею и обложенія ихъ повинностями. Теперь мы увидимъ, какъ эти большинства стремились удержать власть помѣщиковъ надъ крестьянами въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и притомъ въ такихъ формахъ, что ихъ предначертанія по IX главѣ „Программы" сохраняли въ значительной степени крѣпостную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ.

Проекты большинствъ большей части губернскихъ комитетовъ представляя по вопросу о вотчинныхъ правахъ множество различій въ частностяхъ, по существу дѣла весьма однородны. Всѣ они, составляя сельскія общества изъ крестьянъ одного помѣстья, если число душъ въ немъ не менѣе предположеннаго комитетами размѣра, или, въ случаѣ недостаточности числа душъ, изъ нѣсколькихъ разнопомѣстныхъ имѣній, назначали, подъ разными наименованіями, *начальниками сельскихъ обществъ;* въ первомъ случаѣ владѣльца однопомѣстнаго имѣнія, а въ другомъ—одного изъ владѣльцевъ имѣній, вошедшихъ въ составъ общества, по избранію собственниковъ населенныхъ имѣній.

Основаніемъ для сохраненія за помѣщиками офиціальнаго положенія начальниковъ сельскихъ обществъ одни комитеты выставляли *сословныя права помѣстнаго дворянства.* Съ особенной настойчивостью упирали на это комитеты западныхъ губерній. Другіе выдвигали на первый планъ: необходимость сохранить первенство въ мѣстной администраціи за дворянами, владѣющими большими имѣніями и представляющими аристократическое начало въ составѣ

обществъ; далѣе выгоду, имѣющую произойти отъ передачи полицейской власти изъ рукъ чиновниковъ, часто далеко не соотвѣтствующихъ своему назначенію, лицамъ съ высшимъ образованіемъ, независимымъ по состоянію и образу мыслей, которые охотно обойдутся безъ жалованья и представятъ всевозможныя гарантіи безпристрастія, уваженія къ закону и просвѣщеннаго пониманію видовъ правительства; наконецъ, неспособность крестьянъ къ управленію ихъ общественными дѣлами безъ непосредственнаго надъ ними контроля и руководства. (Матер. ред. ком., т. I, кн. 2-я, гл. IX).

Только въ шести комитетахъ (тверской, владимірскій, ярославскій, калужскій, харьковскій, саратовскій) большинство не разошлось съ меньшинствомъ въ воззрѣніяхъ на вотчинную власть помѣщиковъ. Эти комитеты устраняли помѣщичью власть надъ крестьянами и представляли послѣднихъ ихъ собственному мірскому управленію. Изъ этого само собою возникаетъ для нихъ задача начертать основы судебныхъ и административныхъ учрежденій, взамѣнъ упраздняемаго начала помѣщичьей власти. При начертаніи этихъ основъ, комитеты, согласно съ меньшинствами комитетовъ другихъ губерній, высказались *за судъ присяжныхъ, мировыя учрежденія, административную юстицію и за несравненно болѣе широкое самоуправленіе, нежели то, какое отмежевано „земскими учрежденіями“*.

Одно исчисленіе правъ, которыя присвоивали большинства комитетовъ помѣщику, какъ начальнику сельскаго общества, занимаетъ въ матеріалахъ редакціонной комиссіи тринадцать страницъ (См. т. II, кн. 2-я, гл. VIII, стр. 276—289). Укажемъ на самыя характерныя требованія по предметамъ сельскаго благоустройства и внутренняго управленія. „*Начальникъ общества имѣетъ общее наблюденіе за благоустройствомъ и порядкомъ въ сельскомъ обществѣ. Онъ наблюдаетъ за тишиною и спокойствіемъ въ сельскомъ обществѣ, за отвращеніемъ пьянства, буйства, распутства. Наблюдая также за посторонними лицами всякаго званія, постоянно или временно проживающими въ обществѣ, онъ можетъ распорядиться о взятіи подъ стражу всякаго нарушителя общественнаго спокойствія и порядка, несмотря на званіе его и должность, равно лицъ развратнаго и буйнаго поведенія, и выслать ихъ изъ общества или передать въ распоряженіе мѣстной земской полиціи, содержа до того времени подъ арестомъ не болѣе трехъ дней. Въ начальникѣ общества сосредоточиваются всѣ полицейскія распоряженія, и ему непосредственно подчинены всѣ должностныя лица въ обществѣ.* По однимъ проектамъ, *начальникъ общества назначаетъ и увольняетъ самъ сельскихъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: сотскихъ, десятскихъ*; по другимъ—*при злоупотребленіи и неисполненіи сельскими должностными лицами*

своихъ обязанностей, передаетъ дѣйствія ихъ на обсужденіе мірского схода, требуя ихъ смѣны или же удаляя самъ и замѣщая ихъ кандидатами, или новыми лицами по выбору; по третьимъ — *представляетъ о смѣщеніи ихъ уѣздному предводителю или уѣздному присутствію. Крестьяне принадлежащіе къ обществу, а также проживающіе въ ономъ временно крестьяне и дворовые люди, состоятъ въ полномъ повиновеніи у начальника общества и исполняютъ всѣ его законныя требованія. Онъ наблюдаетъ за поведеніемъ крестьянъ. Уклоняющихся отъ исполненія религіозныхъ обязанностей, нарушающихъ нравственныя правила (?), предающихся праздности (?), нарушающихъ общественный порядокъ, виновныхъ въ грубости, ослушаніи, онъ имѣетъ право отсылать для наказанія въ распоряженіе мірского схода или сельской управы, или, безъ участія сельскаго управленія, подвергать наказанію чрезъ подлежащее присутственное мѣсто, городскую или уѣздную полицейскую власть, или, наконецъ, наказывать собственнымъ распоряженіемъ, подвергая виновныхъ тѣлесному наказанію отъ 10-ти до 20-ти ударовъ розгами, штрафу до 3 рублей или аресту до 3 дней. Злоумышленное возбужденіе крестьянъ къ неповиновенію начальнику общества судится уголовнымъ судомъ. Порочныхъ и неисправимыхъ въ поведеніи крестьянъ, а также крестьянъ, нанесшихъ помѣщику, его семейству или уполномоченному по довѣренности на управленіе его имѣніемъ, публично тяжкое оскорбленіе, уличенныхъ въ полевомъ или лѣсномъ воровствѣ, начальникъ общества можетъ, безъ согласія общества, съ утвержденія мѣстнаго уѣзднаго присутствія, представить въ распоряженіе правительства, для удаленія вовсе изъ общества.* По внутреннему управленію въ обществѣ: *начальникъ общества имѣетъ непосредственное законное вліяніе на личный составъ сельскаго управленія. Всѣ дѣйствія мірского схода, сельской управы и должностныхъ лицъ подчинены начальнику общества, который есть безусловный распорядитель по части хозяйственно-административной въ обществѣ.* По однимъ проектамъ, *начальникъ общества утверждаетъ всѣ приговоры мірского схода и сельской управы*, по другимъ—только важнѣйшіе изъ нихъ, именно изъ приговоровъ схода: *объ удаленіи и пріемѣ въ общество новыхъ членовъ, по выбору и удаленію должностныхъ лицъ, по раздѣлу семействъ, по назначенію въ рекруты, по распредѣленію и отправленію разныхъ повинностей и взысканію недоимокъ, по учрежденію на земляхъ, отведенныхъ крестьянамъ, фабрикъ* и *другихъ заведеній, равно по дѣламъ, передаваемымъ помѣщиками на обсужденіе схода, и вообще по всѣмъ предметамъ общественнаго благоустройства; а изъ приговоровъ управы: всѣ рѣшенія по тяжебнымъ и спорнымъ дѣламъ и по жалобамъ между крестьянами.*

Помѣщикъ не только самъ пользуется всѣми этими правами, *но*

можетъ и передать ихъ другому лицу. По проектамъ однихъ комитетовъ, владѣлецъ имѣнія, составляющаго отдѣльное сельское общество, въ случаѣ нежеланія начальствовать надъ обществомъ, а также во время отсутствія своего изъ общества, или болѣзни, можетъ передать право начальства надъ нимъ *только потомственному дворянину;* по проектамъ другихъ—*лицамъ всѣхъ сословій.* Послѣднее постановленіе мотивировалось желаніемъ устранить затрудненія, могущія встрѣтиться для отсутствующихъ помѣщиковъ въ пріисканіи для управленія имѣніями распорядителей изъ потомственныхъ дворянъ.

Мы уже упомянули, что въ промежутокъ времени между открытіемъ губернскихъ комитетовъ и учрежденіемъ редакціонной комиссіи въ средѣ высшаго правительства явились колебанія по всѣмъ основнымъ вопросамъ реформы, въ томъ числѣ и по вопросу о сохраненіи власти помѣщиковъ надъ крестьянами, что̀ и выразилось въ журналѣ главнаго комитета отъ 4-го декабря. Редакціонная комиссія, стоявшая *по политическимъ вопросамъ* на уровнѣ передовой русской мысли, дала неопредѣленностямъ журнала 4-го декабря желательное ей направленіе. Отвергая притязанія губернскихъ комитетовъ и депутатовъ на вотчинныя права, она защищала себя журналомъ главнаго комитета, заявляя, что изъ журнала этого несомнѣнно вытекаетъ, что *„смыслъ преобразованія измѣнился“*, а потому предначертанія губернскихъ комитетовъ о вотчинныхъ правахъ, хотя и солидарны съ „рескриптомъ“ и „программою“, не могутъ быть приняты. Въ законодательныхъ мѣрахъ, продолжала комиссія, постепенно ведущихъ къ гражданской свободѣ, недомолвки, пробѣлы, уклоненія пополняются по мѣрѣ разъясненія проходимаго пути. Открывавшіяся съ каждымъ шагомъ новыя стороны вопроса, направленія, даваемыя силою обстоятельствъ, приближеніе крѣпостного права къ естественному, всѣми ожидаемому прекращенію—все это заставляетъ отказаться отъ „Программы“ и дать дѣлу преобразованія рѣшеніе современное, рѣшеніе, согласованное съ развитымъ общественнымъ сознаніемъ и со степенью зрѣлости крестьянскаго вопроса. Упраздненіе крѣпостного права и присвоеніе помѣщику званія начальника общества—вещи несовмѣстимыя. Самое полное разъясненіе и оправданіе этого утвержденія редакціонная комиссія нашла въ обзорѣ основаній тульскаго *большинства* по предмету о вотчинной полиціи.

„Всѣ предначертанія комитета, сказано въ этомъ обзорѣ, заключающіяся въ IX главѣ его проекта, суть развитіе вотчинныхъ правъ помѣщика и сохраненіе за нимъ преимуществъ, дарованныхъ дворянству монархами Россіи по владѣнію населенными имѣніями“.

Но такъ какъ, замѣчаетъ редакціонная комиссія, изъ этихъ-то именно преимуществъ и слагалось крѣпостное право, отмѣна котораго есть вопросъ рѣшенный, то развитіе будущихъ отношеній, въ смыслѣ сохраненія за помѣщикомъ подобнаго отмѣняемаго прошедшаго, было бы ничѣмъ другимъ, какъ повтореніемъ большей части явленій крѣпостного времени.

Далѣе, продолжаетъ комиссія, трудно представить себѣ общество крестьянъ, устроенное на началахъ самоуправленія, чего требуетъ журналъ главнаго комитета, въ которомъ начальническое званіе и право вмѣшательства въ общественныя дѣла были бы оставлены за помѣщикомъ. Какое столкновеніе различныхъ несовмѣстныхъ одинъ съ другимъ интересовъ! какое колебаніе въ самобытности и жизни мірскихъ учрежденій, часто зависящее отъ нрава помѣщика, отъ его болѣе или менѣе частаго пребыванія въ имѣніи, и отъ неизбѣжнаго вліянія его на подчиненнаго ему старосту! И затѣмъ, какія же послѣдствія, какъ не безусловное преобладаніе одного сословія и стремленіе другого добыть права, которыхъ оно ожидаетъ? Не будетъ ли это повтореніемъ большей части явленій крѣпостного времени?

Что касается до нравственнаго положенія помѣщика въ отношеніи къ крестьянскому обществу, то предоставляемыя помѣщику права попечительства и заступничества за крестьянъ открываютъ, по мнѣнію комиссіи, поприще для благородной, истинно полезной дѣятельности. Это мнѣніе весьма вѣрно выражено въ обзорѣ основаній владимірскаго проекта, слѣдующими словами: „Нравственное и умственное вліяніе помѣщиковъ въ тѣхъ его проявленіяхъ, въ которыхъ оно можетъ принести дѣйствительную пользу, вовсе не нуждается въ принудительной власти, а, напротивъ, еще усилится и очистится по ея упраздненіи“. Залогъ исполненія такихъ ожиданій заключается въ томъ значеніи, которое предполагается комиссіею присвоить владѣльцу населенной мѣстности. Становясь отнынѣ, въ понятіяхъ сельскаго жителя, лицомъ, которому неотъемлемо причитается платежъ или повинность, не по личному его произволу, а закономъ опредѣленные, помѣщикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется въ глазахъ крестьянъ надежною опорою въ тѣхъ случаяхъ, когда они при неопытности своей, не зная ни законовъ, ни порядка веденія самыхъ простыхъ дѣлъ, могли бы сдѣлаться жертвою недобросовѣстности и притѣсненія. Съ цѣлію связать помѣщика съ крестьянами нравственными отношеніями, комиссія постановила: „Помѣщикъ, какъ попечитель общества крестьянъ, водворенныхъ на его землѣ, сохраняетъ право *заступничества и ходатайства* за нихъ по дѣламъ, касающимся до цѣлаго общества или до отдѣльныхъ

лицъ, а также можетъ, по просьбѣ крестьянъ входить въ разбирательство ихъ тяжбъ и споровъ между собою. Въ случаѣ неправильнаго обложенія сельскаго общества казенными податями и повинностями, помѣщику предоставляется обращать на такую неправильность того мѣста или учрежденія, отъ котораго зависитъ устраненіе оной".

Въ довершеніе къ сказанному, комиссія упоминала и о томъ, что присвоеніе помѣщику полнаго права вмѣшательства въ дѣла общества имѣло бы вредное вліяніе на самый бытъ крестьянъ. Это право служило бы только къ тому, чтобы поддержать въ крестьянахъ привычку безпечнаго разсчитыванія на предусмотрительность вотчиннаго начальства, ожиданія во всѣхъ случаяхъ его приказаній и распоряженій, и равнодушія къ успѣхамъ управленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, это право вмѣшательства не скоро могло бы потерять характеръ произвола, съ которымъ оно срослось, послѣ долгаго навыка. Власть помѣщичья невольно, по старой памяти, стала бы переступать постановленные предѣлы и возвращаться къ прежнимъ началамъ. Съ другой стороны, крестьянину не легко было бы понять различіе между бывшимъ полновластіемъ помѣщика и званіемъ начальника, присвояемымъ этому послѣднему закономъ. Онъ продолжалъ бы видѣть въ помѣщикѣ того же барина и, не чувствуя приращенія личныхъ правъ, при самомъ началѣ реформы ощутилъ бы разочарованіе въ своихъ надеждахъ.

Эти мысли, заявила комиссія, не суть только ея мнѣніе. Онѣ высказаны также *меньшинствами* въ комитетскихъ трудахъ и въ литературѣ.

Отвергнувъ притязанія дворянства на сохраненіе за нимъ власти надъ крестьянами, редакціонная комиссія, въ заключеніяхъ своихъ по административному отдѣлу, преслѣдовала, по ея словамъ, слѣдующія цѣли:

1) Упрочить за крестьянскими обществами независимое распоряженіе внутренними дѣлами своими, сохранивъ за ними неприкосновеннымъ право имѣть начальниками людей, изъ среды своей избираемыхъ.

2) Охранить за помѣщикомъ тѣ права, которыя могутъ служить къ огражденію его земледѣльческихъ интересовъ и споспѣшествовать свободѣ его дѣйствій въ полезномъ для общества направленіи.

и 3) Предоставить крестьянину возможность находить въ помѣщикѣ, когда этотъ послѣдній изъявитъ на то свое согласіе, защиту отъ возможныхъ притѣсненій (Матер. ред. ком., т. II, кн. 2-я, гл. VIII).

Вмѣстѣ съ тѣмъ редакціонная комиссія обратила вниманіе на

мысль, высказанную нѣкоторыми комитетами и повторенную большинствомъ депутатовъ перваго приглашенія, *о необходимости, вмѣстѣ съ изъятіемъ отъ помѣщиковъ вотчинной полиціи и суда по крестьянскимъ обществамъ, предоставить помѣстному дворянству дѣятельность въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, долженствующихъ быть устроенными на началахъ выбора и самоуправленія.*

Эта мысль, по мнѣнію комиссіи, тѣмъ болѣе достойна вниманія, что, представляя собою разумное вознагражденіе за тѣ права, которыя устраняются отъ помѣстнаго дворянства, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаетъ въ себѣ лучшій нынѣ залогъ благосостоянія крестьянъ. Дѣйствительно нельзя не признать, что образованіе мѣстныхъ учрежденій, исключительно изъ лицъ, назначаемыхъ отъ правительства, съ совершеннымъ устраненіемъ помѣстнаго элемента, ни въ какомъ случаѣ не могло бы привести къ удовлетворительнымъ результатамъ. Но что касается самыхъ основаній преобразованія мѣстной администраціи и суда, то редакціонная комиссія не считала себя въ правѣ подвергать ихъ разсмотрѣнію, такъ какъ предметъ этотъ выходилъ изъ высочайше опредѣленнаго круга дѣятельности комиссіи. Комиссія заявила лишь, что ей извѣстно, что правительствомъ уже учреждена особая комиссія при министерствѣ внутренихъ дѣлъ, которая занимается составленіемъ проекта преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій.

Изъ депутатовъ перваго призыва значительная часть отступилась отъ предначертаній ихъ комитетовъ, сохранявшихъ вотчинныя права за помѣщиками. Права эти продолжали отстаивать только *меньшая* часть депутатовъ. Въ современной преобразованію прессѣ объяснили этотъ фактъ вліяніемъ на депутатовъ постепенно распространявшихся въ обществѣ правильныхъ воззрѣній на желательный въ интересахъ государства исходъ реформы. Но невольно возникаетъ вопросъ: почему это вліяніе отразилось лишь на депутатахъ перваго приглашенія и не имѣло никакого дѣйствія на депутатовъ второго призыва? Лица, бывшія депутатами, къ которымъ намъ приходилось обращаться за объясненіемъ этого факта, склонны приписывать единодушные и проникнутые сословными притязаніями отзывы депутатовъ второго призыва вліянію на нихъ одной личности, въ указаніи на которую свидѣтельствующіе не расходятся.

Но не правдоподобнѣе ли будетъ объяснить этотъ фактъ перемѣною господствующаго режима въ высшей правительственной сферѣ, случившеюся въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ призывомъ депутатовъ. Время второго призыва депута-

товъ совпало съ наступленіемъ правительственной реакціи, что весьма естественно внушило имъ надежду, что обвиненія ихъ редакціонной комиссіи въ демократическихъ и коммунистическихъ стремленіяхъ, въ нарушеніи ею высочайшихъ рескриптовъ, будутъ услышаны, и труды комиссіи наполнятъ шкафы архивовъ. Надежда, на которую барометръ политической атмосферы въ августѣ и сентябрѣ 1859 года не давалъ основаній. А потому, депутатамъ перваго призыва, вмѣсто того, чтобы тщетно защищать вотчинныя права, представлялось болѣе цѣлесообразнымъ, въ собственныхъ интересахъ доказывать необходимость введенія мѣстныхъ автономныхъ учрежденій. Обращаемъ вниманіе читателя на то, что предположенія депутатовъ перваго приглашенія о мѣстныхъ учрежденіяхъ расходились по двумъ направленіямъ: большинство настаивало, чтобы участіе въ этихъ учрежденіяхъ было предоставлено *исключительно* помѣстному дворянству; и только меньшая часть депутатовъ говорила за то, чтобы къ нему были допущены, совмѣстно съ дворянскимъ сословіемъ, представители и другихъ классовъ. Путемъ привилегированныхъ мѣстныхъ учрежденій, депутаты разсчитывали сохранить сословное значеніе дворянства, его обособленность отъ прочихъ классовъ, исчезавшую съ отмѣною вотчинныхъ правъ, отстоять которыя депутаты перваго приглашенія имѣли мало надежды, что свидѣтельствуется и въ лейпцигской брошюрѣ.

За сохраненіе вотчинныхъ правъ стояла, какъ выше замѣчено, меньшая часть депутатовъ перваго призыва. Да и они защищали эти права не энергично; въ рѣчахъ ихъ чувствуется недостатокъ вѣры въ успѣхъ дѣла. Защита построена, главнымъ образомъ, на обвиненіи редакціонной комиссіи въ нарушеніи высочайшей воли. Наиболѣе полный отзывъ былъ данъ депутатами полтавскаго комитета, *Позеномъ* и *Богдановичемъ*. Эти депутаты объяснили, что, по высочайшему рескрипту, помѣщикамъ поручается вотчинная полиція, а въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, ст. 3, именно сказано, что завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляются мірскимъ сходамъ и составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, *подъ надзоромъ и съ утвержденія помѣщика*. Какъ же, спрашиваютъ *Позенъ* и *Богдановичъ*, согласить съ этими началами опредѣленія, принятыя редакціонной комиссіей по административному устройству? Самыя обширнѣйшія изъ правъ, предоставляемыхъ помѣщику комиссіей, заключаются въ заступничествѣ и ходатайствѣ за крестьянъ, если они того пожелаютъ; но это не право: заступаться и ходатайствовать за обиженнаго и угнетеннаго можетъ всякій и за всякаго; въ остальныхъ же случаяхъ, гдѣ помѣщикъ могъ бы однимъ словомъ предупредить безпорядокъ и на-

править мірское общество или должностныхъ сельскаго управленія къ исправленію ихъ обязанностей, онъ лишается всякой власти и отсылается къ мѣстнымъ учрежденіямъ, даже къ волостному старшинѣ. Права, предоставляемыя редакціонной комиссіей помѣщику, слишкомъ ничтожны, и могутъ сдѣлать его посмѣшищемъ, а не лицомъ уважаемымъ, какимъ онъ долженъ быть поставленъ въ глазахъ крестьянъ, для спокойнаго и мирнаго исхода самой реформы. И потому депутаты эти считали долгомъ выразить еще разъ свое глубокое убѣжденіе, что для самаго успѣха реформы необходимо, чтобы на все срочно-обязательное время, пока будутъ продолжаться обязательныя поземельныя отношенія, вліяніе помѣщика на сельское общество было достаточно сильно, и подлежало тому лишь ограниченію, которое постановлено въ журналѣ главнаго комитета 4-го декабря 1858 года, именно, что помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей. *Въ этихъ немногихъ словахъ выражена вся форма будущихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ; но они далеко не ведутъ къ заключеніямъ, принятымъ комиссіей.* Личность каждаго крестьянина, какъ человѣка свободнаго, неприкосновенна, и помѣщикъ не долженъ ею распоряжаться; но сельское управленіе должно состоять подъ непосредственнымъ его надзоромъ и исполнять его требованія, сохраняя за собою право жалобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно признаетъ требованіе помѣщика неправильнымъ или незаконнымъ. (Скреб. „Крестьянское дѣло", т. I, стр. 669).

Совсѣмъ другой тонъ звучитъ въ отзывѣ за общимъ подписомъ *тридцати шести* депутатовъ второго приглашенія, въ число коихъ входили *всѣ безъ исключенія* депутаты западныхъ губерній, которые, какъ и ихъ комитеты, настойчиво проводили мысль о необходимости предоставить дворянству начальническую власть надъ крестьянскимъ сословіемъ.

Тридцать шесть депутатовъ второго приглашенія объясняли, что редакціонная комиссія, признавая, что большая часть дворянскихъ комитетовъ присвояютъ помѣщикамъ административныя права надъ крестьянскими обществами, приходитъ, не менѣе того, совершенно къ противоположному заключенію, именно: къ полному отрицанію этихъ правъ, подтвержденныхъ дворянству въ высочайшихъ рескриптахъ 1857 и 1858 годовъ.

Итакъ, редакціонная комиссія отвергаетъ всякій административный надзоръ владѣльца-дворянина надъ обществомъ крестьянъ, поселенныхъ въ предѣлахъ волости, признавая, такимъ образомъ, согласное утвержденіе дворянства однимъ отголоскомъ истекающаго крѣпостного состоянія.

Не останавливаясь на дурномъ впечатлѣніи, которое это и подобныя этимъ мнѣнія редакціонной комиссіи производятъ на дворянское сословіе, *тридцать шесть* депутатовъ объясняли, что такое недовѣріе къ высшему классу, оставляя низшіе слои общества безъ всякаго контроля и руководства, тревожитъ поземельную собственность, которая чувствуетъ себя беззащитною на случай смятеній и безпорядковъ.

Дворянство, увѣряли эти депутаты, искренно желаетъ освобожденія крестьянъ; но оно не оправдало бы высокаго довѣрія своего монарха, умолчавъ предъ нимъ, что устраненіе владѣльческаго класса отъ участія въ волостной администраціи можетъ повлечь за собой разстройство всего внутренняго управленія.

Нельзя не согласиться, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи народъ еще мало подготовленъ для самоуправленія и что въ критическую минуту освобожденія, когда крѣпостное народонаселеніе получитъ непривычныя для него права и столь же новыя обязанности, трудно предоставить ему самому устроивать свои собственныя дѣла; еще труднѣе понадѣяться на бдительность чиновниковъ, которыхъ безпечность и неспособность доказываются столькими примѣрами, и потому нѣтъ возможности, при первыхъ попыткахъ къ самоуправленію, обойтись безъ личнаго содѣйствія дворянъ-собственниковъ, которыхъ интересы столь тѣсно связаны съ сохраненіемъ общественнаго спокойствія и благосостоянія.

Тридцать шесть депутатовъ замѣчали, что если одна категорія постановленій редакціонной комиссіи, въ которыхъ излагается въ общихъ чертахъ, безъ всякихъ подробностей, будущее устройство сельскаго управленія, представляетъ много неопредѣленнаго, то совершенно обратное замѣчается въ другой категоріи постановленій того же отдѣла, въ которыхъ отчетливо и послѣдовательно развивается мысль: *устроить мѣстное самоуправленіе исключительно на общинномъ началѣ, устраняя отъ всякаго участія въ дѣлахъ консервативный элементъ личной собственности.* Сюда относится: 1) устройство хозяйственной общины во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, даже и тамъ, гдѣ господствуетъ участковая система пользованія; 2) предоставленіе однимъ только членамъ хозяйственной общины права участія въ сходахъ и выборѣ должностныхъ лицъ; 3) присвоеніе этимъ лицамъ и депутатамъ отъ домохозяевъ общины всей полноты административной и хозяйственно-распорядительной власти, съ устраненіемъ всѣхъ личныхъ собственниковъ, а въ томъ числѣ и помѣщиковъ отъ участія въ дѣлахъ, касающихся общества; 4) обширное письмоводство, требующее, за безграмотствомъ крестьянъ, безпрестаннаго надзора со стороны чиновниковъ; 5) огромная судебная

власть, предоставленная домохозяевамъ, призываемымъ по очереди для засѣданія въ волостномъ судѣ; 6) дозволеніе крестьянскому сходу нарушать, по своему усмотрѣнію, права состоянія каждаго изъ членовъ общества, безъ всякаго судебнаго разбирательства; 7) трудность избавиться отъ произвола общества и воспользоваться правомъ выхода при существованіи личной круговой поруки въ податяхъ и повинностяхъ.

Простой перечень этихъ постановленій уже не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, какимъ образомъ редакціонная комиссія понимаетъ будущее устройство сельскаго населенія. Но что же, спрашиваютъ депутаты, выиграетъ крестьянинъ, промѣнявъ прежнюю крѣпостную зависимость отъ помѣщика на такую же, если не болѣе, тяжелую зависимость отъ своего общества? Какое улучшеніе послѣдуетъ въ его домашнемъ быту—при подчиненіи его исключительному произволу старшины или старосты, отъ самоуправства которыхъ онъ въ прежнее время искалъ и находилъ защиту у помѣщика? Наконецъ, сколько потеряетъ онъ, лишившись безвозмезднаго разбирательства и суда помѣщика, въ замѣну котораго ему предлагаютъ безграмотный судъ очередныхъ домохозяевъ чужой деревни, которымъ предоставлено вершать безъ апелляціи гражданскіе иски до 300 руб. сер., т. е. большею частію на все достояніе крестьянина? Трудно предположить, чтобы въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ его участь, крестьянинъ могъ всегда разсчитывать на благодѣтельное вмѣшательство лица или учрежденія, которому дана будетъ власть смѣнять сельскихъ начальниковъ, обличаемыхъ въ злонамѣренности. Главный вопросъ будетъ для него состоять въ томъ: захочетъ ли это лицо или учрежденіе вступаться за него, и не нужны ли будутъ для этого особыя побудительныя средства, такъ часто употребляемыя въ прочихъ вѣдомствахъ?

Изъ сказаннаго видно, что предлагаемая редакціонной комиссіей система не ограждаетъ ни личныхъ, ни имущественныхъ правъ крестьянина, оставляя его, вопреки общему ожиданію, подъ тяжестью двойной крѣпостной зависимости. Посмотримъ теперь, продолжаютъ *тридать шесть* депутатовъ, въ какой мѣрѣ она ограждаетъ хозяйственный бытъ членовъ общества.

Неоспоримо, что редакціонная комиссія имѣла въ особенности въ виду обезпечить освобожденнаго крестьянина отъ предполагаемыхъ притѣсненій со стороны помѣщика. Для этого она признала нужнымъ лишить этого послѣдняго большей части его поземельной собственности, чтобы обезпечить за крестьянами полную независимость въ землевладѣльческомъ отношеніи. Идя далѣе по этому

пути, ей оставалось только, въ ожиданіи скораго требованія на вольный трудъ, организовать, подъ именемъ сельскихъ обществъ, какъ бы *постоянную коалицію работниковъ* и тѣмъ поставить самого землевладѣльца въ прямую зависимость отъ прихоти наемщиковъ.

Эта задача и разрѣшена въ такомъ смыслѣ постановленіями редакціонной комиссіи, и, вслѣдствіе этого, всѣ крестьяне, покупающіе отдѣльный участокъ земли, уже не допускаются къ личному участію на сходахъ, такъ какъ, въ качествѣ землевладѣльцевъ, они могутъ имѣть интересы, общіе съ помѣщикомъ. Такая предусмотрительность не ведетъ къ установленію между помѣщиками и крестьянами обоюдно выгодныхъ отношеній; напротивъ того, она заставляетъ опасаться усиленнаго антагонизма сословій, при которомъ *организованныя артели работниковъ воспользуются своимъ численнымъ превосходствомъ, чтобы одолѣть умственный трудъ и капиталъ.* Крайнимъ послѣдствіемъ борьбы будетъ остановка большихъ земледѣльческихъ работъ и обращеніе капиталовъ на такія отрасли промышленности, которыя представятъ болѣе залоговъ для успѣшной и производительной дѣятельности.

Такимъ образомъ оказывается, что въ конечномъ результатѣ своемъ предположенія редакціонной комиссіи не доставляютъ крестьянамъ прочнаго обезпеченія ихъ хозяйственнаго быта, потому что *на враждѣ и насиліи* не могутъ никогда установиться правомѣрныя отношенія между частными лицами и цѣлыми сословіями.— Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса, какъ будетъ дѣйствовать новая организація въ связи съ существующими нынѣ общими государственными учрежденіями, *тридцать шесть* депутатовъ останавливаются въ совершенномъ недоумѣніи предъ картиной, которая имъ представляется въ будущности.

Они съ трудомъ могутъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи, распредѣленное *на десять тысячъ какихъ-то республикъ*, съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи, и которое, между тѣмъ, не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходкахъ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ.

Члены опасаются, что устраненіе консервативнаго элемента частной собственности и соединеннаго съ нею умственнаго развитія введетъ въ русскую жизнь *такой крайній демократическій принципъ, который несовмѣстенъ съ сильной правительственной властью и*

отъ котораго могутъ пострадать общественный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ.

Только одно соображеніе редакціонной комиссіи, говорятъ *тридцать шесть* депутатовъ, имѣетъ, повидимому, нѣкоторое основаніе, именно, что присвоеніе помѣщику административныхъ правъ надъ крестьянами несовмѣстно съ упраздненіемъ крѣпостного состоянія; но практическое пониманіе дѣла и постоянное обращеніе съ народомъ заставляютъ этихъ депутатовъ думать, что если нынѣшнія отношенія между помѣщикомъ и крестьянами и могли быть дурны, то это *не потому* собственно, *что онъ ими управлялъ*, а, напротивъ того, отсутствіе положительной отвѣтственности и возможность злоупотреблять правомъ на трудъ позволяли помѣщику *не обращать должнаго вниманія на управленіе* людьми, поселенными на его землѣ; но какъ скоро помѣщичьи крестьяне вступятъ во всѣ права, свободному состоянію присвоенныя, то не будетъ никакой опасности, чтобы они подпали опять крѣпостной зависимости, и администрація ихъ можетъ только выиграть, подчинившись вліянію людей, стоящихъ на высшей степени образованія *и представляющихъ болѣе залоговъ нравственности и разумнаго пониманія своего долга.*

Что касается до соображенія редакціонной комиссіи, что за потерю законнаго и офиціальнаго значенія помѣщикъ можетъ вознаградить себя на поприщѣ моральной дѣятельности, то подобное убѣжденіе кажется депутатамъ болѣе, чѣмъ парадоксальнымъ, *развѣ только допустить, что дворянство, лишенное своего поземельнаго и сословнаго значенія, станетъ въ ряды податныхъ классовъ и дастъ имъ вождей для сопротивленія бюрократіи; но дворянство еще не привыкло вступать на такое поприще моральнаго преобладанія и сознательно отъ него отказывается.*

Въ отвѣтъ на предположенія редакціонной комиссіи *тридцать шесть* депутатовъ выставили слѣдующія требованія:

1) Волостная администрація не должна быть оставлена безъ контроля и наблюденія, и обязанность эту можно возложить только на мѣстное дворянство.

2) Подобное наблюденіе не можетъ быть дѣйствительнымъ издалека, а потому оно должно быть предоставлено въ каждой волости одному изъ мѣстныхъ дворянъ, котораго имѣніе принадлежитъ къ составу волости.

3) Званіе волостного начальника должно быть *безсрочное.*

4) На случай отсутствія волостного начальника долженъ быть всегда назначаемъ исправляющій его должность изъ числа дворянъ той же мѣстности, и именно: въ разнопомѣстной волости—по избранію на уѣздномъ дворянскомъ собраніи, а въ однопомѣстной—по

избранію отъ самого волостного начальника съ утвержденія уѣзднымъ предводителемъ дворянства (Ibid., стр. 670, 811—813).

Несовмѣстимость сохраненія начальства помѣщиковъ надъ крестьянами съ упраздненіемъ крѣпостного права была слишкомъ очевидна, а потому неудивительно, что редакціонная комиссія обнаружила въ отношеніи *политической* стороны преобразованія гораздо большую твердость, нежели въ отношеніи стороны *экономической*. Она осталась при своихъ первоначальныхъ заключеніяхъ (аргументаціи см. въ „Матер. ред. ком.“, т, XII, №№ журн. 119, 120, 121 и 122) и они вошли въ томъ видѣ, какъ ихъ начертала комиссія, въ „Положеніе“ 19-го февраля.

Приведенными отзывами депутатовъ очерчивается только одна сторона ихъ воззрѣній и притязаній, именно: по отношенію къ вопросу о сохраненіи вотчиной власти. Но рядомъ съ этой стороной, въ отзывахъ депутатовъ по административнымъ предположеніямъ редакціонной комиссіи существуетъ еще другая: громадное большинство депутатовъ весьма рѣшительно высказалось за необходимость немедленнаго и коренного измѣненія учрежденій полиціи, суда и управленія.

Мы не будемъ останавливаться на изложеніи и разборѣ проектировавшихся комитетами и депутатами измѣненій въ государственныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ всѣ они удобно могутъ быть сведены къ двумъ характернымъ группамъ, а именно: большая часть депутатовъ, какъ и большинство губернскихъ комитетовъ, предоставляли участіе въ новыхъ, основанныхъ на началѣ самоуправленія, учрежденіяхъ исключительно помѣстному дворянству; меньшинство же проводило принципъ *гражданской равноправности* и потому высказалось за слитіе въ политическомъ отношеніи крестьянъ съ другими сословіями.

Но, оставляя въ сторонѣ изложеніе и разборъ помянутыхъ проектовъ, весьма поучительно остановиться на *основаніяхъ*, которыя выставили депутаты въ доказательство необходимости немедленнаго и коренного преобразованія государственныхъ учрежденій.

По высказаннымъ депутатами *основаніямъ* мы видимъ, какъ велики были среди помѣстнаго дворянства недовѣріе и непріязнь къ бюрократіи и бюрократическому устройству полиціи, суда и управленія. Въ этихъ чувствахъ помѣстное дворянство было единодушно. Отсюда видно, что непріязненное отношеніе къ бюрократизму не есть только явленіе нашихъ дней; оно было всегда въ Россіи и было высказано правительству открыто, рѣзко и полными

словами, какъ только была дана возможность откровенной рѣчи по этому предмету. Депутаты пользовались въ редакціонной комиссіи свободою слова, еще небывалою въ Россіи ни до, ни послѣ дѣятельности комиссіи. Въ отзывахъ ихъ мы находимъ мастерски нарисованную картину государственныхъ учрежденій Россіи, рѣзкую, но справедливую критику этихъ учрежденій и планы организаціи мѣстнаго самоуправленія на болѣе широкихъ началахъ, сравнительно съ самоуправленіемъ, даннымъ обществу мировыми, земскими и городскими учрежденіями.

Почти всѣ депутаты обоихъ приглашеній обращали вниманіе на то, что редакціонная комиссія занималась устройствомъ сельскихъ обществъ, опредѣленіемъ состава и предметовъ вѣдомства сельскаго управленія, *не касаясь вовсе уѣздной и губернской администраціи и отношеній сельскаго управленія къ высшимъ мѣстнымъ учрежденіямъ.* Между тѣмъ, переустройство этой администраціи есть крайняя необходимость, и безъ него главная цѣль предпринятаго преобразованія—улучшеніе быта крестьянъ—не будетъ достигнута.

Большинство депутатовъ перваго приглашенія, подвергая подробному разсмотрѣнію недостатки настоящей системы администраціи, находило, что они заключаются въ мелочной правительственной опекѣ надъ всею жизнью народа, въ соединеніи всего управленія въ рукахъ одной, безотвѣтственной исполнительной власти. По этимъ кореннымъ недостаткамъ, вся администрація наша, говорили они, представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, которыя могутъ быть устранены только радикальною реформою управленія. Въ основаніе этой реформы должны быть поставлены: *гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской, и самоуправленіе общества въ хозяйственномъ отношеніи.* На этихъ главныхъ началахъ должно быть немедленно организовано новое управленіе, иначе Россію ожидаетъ полный произволъ чиновниковъ, ведущій къ волненіямъ и безпорядкамъ.

Таковъ общій смыслъ отзывовъ большинства депутатовъ перваго приглашенія. Причемъ отзывы не ограничились только общими заявленіями и положеніями, а представили болѣе или менѣе подробное мотивированіе необходимости реорганизаціи суда и управленія. Приведемъ существенныя мѣста изъ наиболѣе выдающихся отзывовъ.

Мы, говорилъ владимірскій депутатъ *Безобразовъ*:—одушевлены одною цѣлью: устроить бытъ новаго свободнаго сословія. Много трудовъ на пути къ достиженію этой цѣли; не обойдется и безъ жертвъ, болѣе или менѣе значительныхъ, со стороны дворянства.

Что же, если всѣ эти труды, всѣ эти жертвы послужатъ не къ тому, чтобы упрочить быть крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, а только къ тому, чтобы, лишивъ ихъ защиты крѣпостной власти, передать на жертву произвола, жадности и лихоимства чиновниковъ? Напрасны будутъ настоящіе труды, напрасны жертвы. Для достиженія великой предназначенной цѣли не должно останавливаться на полдорогѣ, не должно ограничиваться полумѣрами: иначе цѣль не будетъ достигнута. Чтобы оправдать довѣріе Государя и осуществить его ожиданія, на дворянахъ лежитъ священная обязанность указать твердыя основанія къ благоденствію страны, и, возрождая народъ, дать ему не однѣ только средства къ жизни, но вполнѣ оградить его отъ всякаго произвола и стѣсненій—указать ему широкій путь къ разумному развитію и положить предѣлъ злоупотребленіямъ. Это можетъ быть достигнуто только тогда, когда во всей администраціи будутъ проведены слѣдующія начала:

1) „Строгое раздѣленіе властей административной, судебной и полицейской (особенно въ высшихъ сферахъ; въ низшихъ можетъ быть допущено нѣкоторое смѣшеніе).

2) „Управленіе, общее для всѣхъ сословій, живущихъ въ данной мѣстности (волости, уѣздѣ, губерніи).

3) „Хозяйственно-распорядительное управленіе, выборное отъ всѣхъ сословій и отвѣтственное только предъ судомъ и обществомъ, причемъ выборныя лица утверждаются правильностью самого избранія, безъ утвержденія административныхъ властей.

4) „Полицейское управленіе правительственное и централизованное въ чисто охранительномъ духѣ (Полиція должна быть другомъ народа, охранительницей порядка: надобно отнять отъ нея всякій карательный характеръ; приведеніе въ исполненіе приговоровъ судомъ, наказанія не должны быть дѣломъ полиціи).

5) „Судебныя учрежденія, независимыя ни отъ правительственной власти, ни отъ общества, съ введеніемъ гласности и словоговоренія; уголовный судъ, гласный, словесный и по совѣсти, т. е. судъ присяжныхъ.

6) „Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

7) „Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ въ исполненіи ими своихъ обязанностей, безъ права ссылаться на предписанія своего начальства.

„Только хорошо и послѣдовательно устроенныя сельскія общества и уѣздное, и губернское управленіе могутъ обезпечить будущее благоденствіе Россіи и привести ее путемъ мирнымъ къ начатому преобразованію. Тогда только истинныя и полезныя намѣренія и ра-

зумныя начала, которыя видны въ трудахъ редакціонной комиссіи по административнымъ вопросамъ, могли бы быть выполнимы на самомъ дѣлѣ, а не оставаться мертвой буквой закона“ (Скреб., „Крест. дѣло“. Т. I, стр. 769 и 700).

Новгородскій депутатъ *Косаговскій*, развивая въ своемъ отзывѣ мысль о трехъ видахъ рабства: крѣпостной зависимости, нищенствѣ и раболѣпіи, объяснялъ, что послѣднее есть рабство по доброй волѣ, сознательное и потому самое безнравственное, происходящее отъ циническаго убѣжденія, что должно бояться не суда, а судьи, т. е., что всякій служащій можетъ обвинить праваго и оправдать виновнаго. Такого рода рабство распространено преимущественно тамъ, гдѣ служащіе состоятъ изъ людей пришлыхъ, посторонних и, слѣдовательно, не связанныхъ съ окружающимъ ихъ обществомъ никакими интересами.

Крѣпостная зависимость прекратится скоро; но если, вмѣсто ея, на долю крестьянъ выпадетъ нищенство или же они будутъ вынуждены раболѣпствовать передъ такъ называемыми *властями*, то положеніе ихъ будетъ гораздо хуже теперешняго; поэтому крестьянскій вопросъ касается не только уничтоженія крѣпостного состоянія, но и всякаго вида рабства.

Для уничтоженія раболѣпія, уже заразившаго не одни низшіе слои общества, необходимо принять мѣры административныя; лучшая изъ нихъ есть „хозяйственно-распорядительное самоуправленіе“. Идея самоуправленія раздѣляется и редакціонной комиссіей, но она ограничилась начертаніемъ проекта объ устройствѣ однихъ только сельскихъ обществъ; слабыя указанія ея на уѣздныя учрежденія и на нѣкоторыя неизвѣстныя мѣста и лица не даютъ яснаго понятія о будущемъ положеніи дѣлъ, а между тѣмъ, измѣненія, допускаемыя въ сельскомъ управленіи, должны необходимо отразиться на уѣздной и на губернской администраціи; поэтому проектировать измѣненіе сельскаго управленія возможно не иначе, какъ вводя соотвѣтственныя измѣненія въ управленіи уѣздномъ и даже губернскомъ.

Косаговскій представилъ подробный проектъ сельскихъ управленій, въ связи съ уѣзднымъ и губернскимъ, подписанный также *Безобразовымъ* и харьковскими депутатами: *Хрущовымъ* и *Шретеромъ* (Ibid., стр. 762—766).

Рязанскій депутатъ *Кошелевъ*, не усматривая, изъ предложенныхъ на обсужденіе депутатовъ трудовъ редакціонной комиссіи, къ кому перейдетъ упраздняемая административная власть помѣщика, ссылался на постановленіе меньшинства рязанскаго комитета, по которому предполагалось устройство округовъ, какъ той первой инстан-

ціи, гдѣ крестьяне и личные землевладѣльцы должны встрѣтиться для совмѣстнаго совѣщанія и завѣдыванія общими и мѣстными дѣлами; второю инстанціею долженъ быть уѣздъ и, наконецъ, послѣднею—губернія.

Далѣе, *Кошелевъ*, замѣчая, что, по смыслу VIII-й главы трудовъ редакціонной комиссіи по административному отдѣлу, помѣщичья власть упраздняется, сказалъ: „Конечно, не плачъ по ней подниму я здѣсь, нѣтъ! *Вѣчная память*, которую мы ей теперь поемъ, налагаетъ на насъ обязанность de mortuis aut bene, aut nihil; а потому я избираю послѣднее“. Но *Кошелевъ* предлагалъ вопросъ: къ кому же эта власть перейдетъ? „Сельскія общества получатъ часть ея, относящуюся до хозяйственнаго устройства и до первоначальныхъ полицейскихъ и судебныхъ дѣйствій; но остальная затѣмъ часть, та, которая, и этой, такъ сказать, домашней, даетъ жизнь и значеніе, въ чьи руки она поступитъ? Неужели къ чиновникамъ? Но въ такомъ случаѣ и благо освобожденія крѣпостныхъ людей не только не можетъ, но неминуемо должно превратиться во зло, и во зло тѣмъ большее, что въ будущемъ оно одно, безъ раздѣла съ сдерживавшимъ его доселѣ зломъ крѣпостного владѣнія, будетъ пожирать лучшіе соки народа русскаго. Нѣтъ! Такое предположеніе невозможно, и подобное опасеніе совершенно неумѣстно. Наше правительство само теперь вполнѣ убѣждено въ несостоятельности чиновничьяго управленія и въ пагубномъ его дѣйствіи на развитіе духовныхъ и вещественныхъ, общественныхъ и частныхъ силъ Россіи; а потому, уничтоживъ одно зло, оно, конечно, не захочетъ усилить другое, и только-что освобождаемыхъ людей и образующихся здоровыхъ, крѣпостнымъ правомъ неискажаемыхъ, землевладѣльцевъ передать на окончательное разореніе и порабощеніе чиновниковъ“. Нѣтъ! говоритъ *Кошелевъ*, невозмножное—невозможно всегда, и въ особенности въ царствованіе Александра II

Къ кому же перейдетъ упраздняемая власть помѣщика? „Но развѣ, спрашиваетъ онъ, землевладѣльцы не могутъ ее сохранить и на будущее время?“ И нѣтъ, и да, отвѣчаетъ *Кошелевъ*. Какъ лица, они не могутъ удержать ни начальства, ни вотчинной полиціи, ни высшаго суда по крестьянскимъ обществамъ, иначе крѣпостное право воскресло бы, и даже въ еще худшемъ видѣ; но дворянство, какъ классъ самый образованный и какъ главный землевладѣлецъ, должно, для блага всего края, сохранить преимущественный въ немъ голосъ. И этотъ его голосъ не будетъ раздаваться одиночкою. Для того, чтобы землевладѣльцы были дѣйствительными членами сельскаго населенія, они должны быть въ свободныхъ, близкихъ отношеніяхъ къ земледѣльцамъ. Это можетъ осуществиться только при условіяхъ

одноправности тѣхъ и другихъ, общности ихъ интересовъ и единства подвѣдомственности.

Дворянство, продолжаетъ Кошелевъ, утрачивая важное, хотя и неправедное преимущество владѣнія людьми и лишаясь значительной части земель, ему въ собственность принадлежащихъ, въ правѣ, конечно, надѣяться, что ему не будетъ отказано въ участіи въ мѣстномъ управленіи. И правительству нѣтъ надобности ему въ томъ отказывать; напротивъ, государственная польза требуетъ, чтобы оно, въ видахъ лучшаго общаго управленія, передало самоуправленіе, въ извѣстныхъ границахъ, самимъ мѣстностямъ. Наша имперія такъ обширна, потребности различныхъ ея краевъ такъ разнообразны, что мудро, благодѣтельно, успѣшно можетъ дѣйствовать правительство только при условіи централизаціи высшихъ дѣлъ и децентрализаціи низшихъ и среднихъ. Послѣдніе два разряда дѣлъ не могутъ быть переданы одному чиновничеству, не только нынѣшнему, но и будущему. Чиновничество, нѣтъ сомнѣнія, омоетъ себя отъ тѣхъ пятенъ, которыми оно теперь покрыто. Подъ этимъ *Кошелевъ* разумѣлъ не однѣ взятки; онѣ составляютъ, конечно, пятно весьма грязное, но есть еще другія, которыя для гражданъ чуть-чуть не тяжче взятокъ, а именно: „формализмъ чиновниковъ, ихъ произволъ въ дѣйствіяхъ, неуваженіе къ людямъ, пренебреженіе частными интересами гражданъ“ и проч., и проч. Но, допустивъ даже, что чиновники русскіе сдѣлаются чиновниками прусскими, т. е. лучшими, какіе только въ мірѣ существуютъ; за всѣмъ тѣмъ они могутъ хорошо дѣйствовать только подъ близкимъ надворомъ правительства и при строгой положительной, словомъ, мелочной нѣмецкой регламентаціи; но первое невозможно по причинѣ великихъ пространствъ нашего государства, а второе совсѣмъ противно духу, нравамъ и обычаямъ нашего народа. У насъ улучшеніе внутренняго управленія возможно только при условіи передачи его, въ возможныхъ предѣлахъ, мѣстной общественной дѣятельности. Эта дѣятельность не должна быть заключена въ тѣсный кругъ сословій; въ округѣ она должна принадлежать всему сельскому населенію: землевладѣльцамъ всѣхъ наименованій, которыя должны всѣ исчезнуть въ одномъ для нихъ всѣхъ общемъ. Въ уѣздахъ все сельское и все городское населеніе должно также имѣть одно собраніе, одно управленіе, одну полицію, одинъ судъ. То же *Кошелевъ* утверждалъ и о высшей инстанціи—о губерніи.

Такое устройство, продолжаетъ *Кошелевъ*, не противорѣчитъ нашимъ общимъ государственнымъ законамъ и учрежденіямъ, ибо выборное начало у насъ освящено и распространено законодательствомъ на всѣ сословія и на главныя отправленія ихъ внутренней

жизни. Къ сожалѣнію, это устройство дѣйствовало доселѣ неудовлетворительно; но почему? Потому что одни (купцы, мѣщане и крестьяне) страдали недостаткомъ въ образованіи; другіе (дворяне), разъединенные съ народомъ преимущественно своею привилегіею душевладѣнія и поставленные ею въ непріязненныя отношенія къ остальнымъ сословіямъ, и въ особенности къ окружающимъ ихъ крестьянамъ, были лишены возможности дѣйствовать на другихъ могуществомъ большаго образованія и сильнѣе развитой гражданственности. Теперь эти препятствія къ успѣшному дѣйствію тѣхъ и другихъ уничтожаются; теперь возможно всѣхъ русскихъ гражданъ слить въ одно цѣлое и соединить силу просвѣщенія немногихъ съ матеріальными средствами всѣхъ остальныхъ. Опасности въ этомъ для государства нѣтъ: древнее правило divide et impera, какъ обветшалое, схоронено, и должно быть замѣнено инымъ: concordia res crescunt. Только это соединеніе можетъ доставить правительству возможность правильно устроить сельскій бытъ, т. е. разрѣшить важнѣйшую задачу нашего земледѣльческаго государства и нынѣшняго преобразовательнаго времени. (Ibid., стр. 764 и 780—782).

Одинъ изъ самыхъ полныхъ отзывовъ о необходимости, вмѣстѣ съ новымъ сельскимъ устройствомъ, немедленнаго и коренного преобразованія учрежденій полиціи, суда и управленія былъ представленъ тверскимъ депутатомъ *Унковскимъ*. Отзывъ этотъ имѣетъ особенно важное значеніе, потому что онъ, какъ это заявилъ и Унковскій, представляетъ мнѣніе всего тверского комитета, котораго Унковскій былъ предсѣдателемъ. Начинается этотъ отзывъ заявленіемъ, что труды редакціонной комиссіи, по отдѣлу административному, не могутъ быть подвергнуты полному и добросовѣстному критическому разбору. Редакціонная комиссія, говоритъ *Унковскій*, занималась только административнымъ устройствомъ однихъ сельскихъ обществъ и опредѣлила составъ и предметы вѣдомства сельскаго управленія, не касаясь вовсе уѣздной и губернской администраціи и отношеній сельскаго управленія къ высшимъ мѣстнымъ учрежденіямъ; между тѣмъ, административное устройство сельскихъ обществъ не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ общаго мѣстнаго управленія. Здѣсь все условно, и безотносительнаго ничего быть не можетъ. Русскія сельскія общества — не отдѣльные народы, изолированные другъ отъ друга; они живутъ одною общею жизнію; имѣютъ общіе интересы, и составляютъ уѣзды, губерніи и, наконецъ, государство, а потому по необходимости должны находиться въ постоянныхъ отношеніяхъ съ одною общею центральною властью. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что все

административное устройство края должно представлять одно неразрывное цѣлое, одинъ механизмъ, въ которомъ всѣ части должны соотвѣтствовать одна другой и вести къ одной общей цѣли. Можно ли судить о достоинствѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей одной машины, не имѣя никакого понятія объ остальныхъ и не зная отношенія предъявляемыхъ частей къ общему ея составу? Взять на себя такое дѣло все равно, что вызваться опредѣлить размѣры нѣсколькихъ частей для неизвѣстной машины или судить о достоинствѣ вновь изобрѣтенныхъ часовъ по одному маятнику или циферблату. Естественно, что въ такомъ случаѣ производство и оцѣнка отдѣльныхъ частей механизма возможны только при дополненіи остальныхъ собственнымъ воображеніемъ производителя или цѣновщика.

По этимъ причинамъ, *Унковскій* считалъ невозможнымъ произнести безусловное сужденіе о постановленіяхъ редакціонной коммиссіи по административному отдѣлу.

Но Унковскій считаетъ недостойнымъ депутата отдѣлаться однимъ такимъ заявленіемъ. Онъ понимаетъ вполнѣ насущную потребность и безотлагательную необходимость въ измѣненіи порядковъ управленія и потому признаетъ всякую неоткровенность по этому предмету преступленіемъ. Поэтому онъ выскажетъ въ отзывѣ мотивированный взглядъ на то, при какихъ реформахъ въ управленіи, предначертанія редакціонной комиссіи о сельскомъ устройствѣ и вообще все предпринятое преобразованіе въ его цѣломъ могутъ привести къ благимъ результатамъ.

„Въ настоящее время,—говоритъ Унковскій:—новое устройство управленія является въ Россіи первою и главною потребностью. При существованіи крѣпостного права, настоящее управленіе, близкое по характеру своему къ вотчиннымъ крѣпостнымъ отношеніямъ еще могло быть терпимо. Вся Россія раздѣляется на вотчины частныя и вотчины государственныя, и повсюду господствуетъ полный произволъ; въ одной половинѣ—въ частныхъ вотчинахъ, этотъ произволъ умѣряется собственными выгодами владѣльцевъ, которые болѣе или менѣе связаны съ благосостояніемъ подвластныхъ лицъ; въ этой обоюдной связи интересовъ коренятся до этого времени остатки прежняго патріархальнаго быта русскаго народа, того быта, при которомъ безграничный произволъ былъ явленіемъ естественнымъ и находилъ оправданія; другая—казенная половина Россіи, разбросанная среди частныхъ имѣній и совершенно однородная по нравамъ и быту поселянъ, не могла быть управляема иначе. Сознаніе единства русскаго народа, живущее наперекоръ всѣмъ дѣленіямъ по вѣдомствамъ, брало всегда верхъ надъ всякими административными мѣ-

рами; наперекоръ всякимъ ограниченіямъ правъ и обязанностей должностныхъ лицъ, оно сохранило до этого времени во всѣхъ вѣдомствахъ одно вотчиное произвольное управленіе, съ крѣпостными обычаями. Несмотря на постоянное стремленіе верховной власти ограничить произволъ мѣстныхъ управленій и поставить ихъ въ законные предѣлы, эти благія намѣренія никогда на дѣлѣ не исполнялись. Само правительство, видя невозможность управленія однимъ народомъ на разныхъ началахъ, противилось своимъ собственнымъ побужденіямъ и, при составленіи законоположеній, полагало въ самихъ законахъ незамѣтныя, но не менѣе того существенныя преграды къ ихъ исполненію. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить положеніе государственныхъ крестьянъ, имѣющихъ, повидимому, большія общественныя права, но лишенныхъ на дѣлѣ всякой возможности ими пользоваться. То же можно сказать и о правахъ всѣхъ другихъ сословій. Если само правительство охраняло систему административнаго произвола, то о низшихъ должностныхъ лицахъ и говорить нечего. Что касается помѣщиковъ, то они, принадлежа къ сословію, имѣвшему вотчинныя права на половину Россіи, и будучи лично заинтересованы въ системѣ произвольнаго крѣпостного управленія, не могли не быть солидарны съ общимъ характеромъ существующаго порядка вещей. Такимъ образомъ, во всемъ нашемъ управленіи и даже въ судахъ господствуетъ одинъ произволъ. Законы лежатъ подъ спудомъ въ тяжелыхъ и толстыхъ книгахъ, не имѣя никакого отношенія къ народной жизни. До этихъ поръ народъ жилъ своею жизнію и молчалъ. Помѣщичья половина Россіи молчала по слѣдующимъ причинамъ: произволъ владѣльцевъ умѣрялся отчасти ихъ собственными выгодами и нѣкоторыми остатками древнихъ патріархальныхъ отношеній, и поэтому не казался возмутительнымъ; все государственное управленіе было основано на произволѣ: всѣ правительственныя учрежденія уважали только званія, чины и вообще общественное положеніе, а при такомъ всеобщемъ порядкѣ вещей крѣпостные люди видѣли въ помѣщикахъ единственныхъ защитниковъ отъ притѣсненій и грабительства чиновниковъ; наконецъ, крѣпостные люди имѣли только выборъ между совершеннымъ безмолвіемъ и явнымъ возстаніемъ. Другая половина Россіи, росписанная по разнымъ вѣдомствамъ, не знала иного порядка вещей и, принадлежа по правамъ и положенію къ крѣпостному сословію, терпѣливо сносила произволъ въ своемъ управленіи, тѣмъ болѣе, что помѣстное дворянство, имѣвшее выгоду въ сохраненіи общественнаго спокойствія, умѣряло произволъ мѣстныхъ чиновниковъ, не допуская ихъ до открытаго грабежа. Дворяне-владѣльцы, будучи въ нѣсколько враждебныхъ отношеніяхъ

къ сельскому народонаселенію, уединенные отъ всѣхъ сословій и притомъ нѣсколько огражденные выборными правами отъ притѣсненій мѣстнаго управленія, молча пользовались вотчинными правами; чиновники, имѣвшіе личныя выгоды въ произвольномъ и неотвѣтственномъ управленіи, заботились только о благоспѣшномъ продолженіи этой системы управленія, и различными средствами (цензурою и т. п.) не допускали истины до престола; поэтому весь народъ молчалъ, и *сверху казалось* все хорошо и спокойно".

Вотъ истинныя причины, по которымъ могъ держаться до этого времени настоящій порядокъ вещей. „Далѣе мы покажемъ,—говоритъ *Унковскій:*—что при освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ этотъ порядокъ лишится всякой опоры, но, прежде всего, заглянемъ въ лицо настоящей системѣ управленія и посмотримъ, какъ она существуетъ на практикѣ:

„Вся исполнительная власть находится въ рукахъ чиновниковъ-бюрократовъ, чуждыхъ народу и отвѣтственныхъ передъ судомъ только тогда, когда это будетъ угодно ихъ начальникамъ, такимъ же бюрократамъ. Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства, и потому дѣлъ бездна. Нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу; все дѣлается съ разрѣшенія высшихъ властей. Народъ не смѣетъ нанять общими средствами одной подводы или лачужки для исполненія подводной или квартирной повинности; не можетъ починить дрянного мостика; даже не имѣетъ права нанять общаго учителя грамотѣ, на все нужно позволеніе разныхъ властей. Наконецъ, эта централизація доведена до того, что планы самыхъ незначительныхъ общественныхъ строеній, не стоящихъ вниманія, должны быть представляемы на утвержденіе высшихъ властей. При всемъ этомъ исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ: и хозяйственныя, и полицейскія, и судебно-слѣдственныя, и даже чисто судебныя. Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣетъ надъ человѣческой личностью всѣ роды властей, и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически. Суда въ Россіи вовсе нѣтъ, ибо нашъ судъ въ дѣйствительности не имѣетъ никакой власти. Будучи обязанъ произносить приговоръ на основаніи статей закона регламентирующихъ всѣ роды доказательствъ, всѣ случаи, и не оставляющихъ ничего на усмотрѣніе и совѣсть судей, основываясь на письменныхъ изслѣдованіяхъ производимыхъ втайнѣ исполнительными властями, и не имѣя никакой возможности повѣрять дѣйствія слѣдователей, нашъ судъ является только безполезною формальностью, машиною, исполняющею волю полновластной исполнительной власти. При всемъ томъ, судебныя должностныя лица у насъ поставлены косвеннымъ путемъ въ совершенную

зависимость отъ той же власти. Вся служебная дѣятельность этихъ лицъ отдана подъ надзоръ исполнительныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій. Такимъ образомъ, судъ у насъ не значитъ ничего, и все управленіе находится, въ дѣйствительности, въ рукахъ однѣхъ исполнительныхъ властей. Притомъ, порядокъ дѣлопроизводства повсюду письменный до послѣдней крайности. Дѣла по управленію, при ихъ безчисленномъ множествѣ, являются вездѣ, во всѣхъ исполнительныхъ учрежденіяхъ, въ видѣ огромныхъ лабазовъ, наполненныхъ исписанной бумагой, для разбора которой нужны десятки и даже сотни канцелярскихъ чиновниковъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно узнать о количествѣ бумаги, исписываемой ежегодно въ любомъ губернскомъ правленіи или земскомъ судѣ. Одно количество дѣлъ, исполняемыхъ въ этихъ учрежденіяхъ въ извѣстный періодъ времени, докажетъ, что лица, которымъ поручено ихъ исполненіе, должны имѣть для этого, по крайней мѣрѣ, пять дней въ однѣ сутки. Ясно, что такая правительственная опека надъ всею жизнію народа невозможна на практикѣ и дѣлается сама причиною беззаконій. Неисполнимые законы никогда не исполняются, и даже само правительство должно снисходительно смотрѣть на неисполненіе ихъ.

„Все это привело къ тому, что дѣла управленія находятся вовсе не въ тѣхъ рукахъ, которымъ они ввѣрены. Большая часть ихъ необходимо должна была перейти отъ начальниковъ къ ихъ канцеляріямъ, имѣющимъ возможность казнить и миловать подчиненныхъ и дѣйствующимъ за чужою спиною и безъ всякой отвѣтственности. Естественно, что при этомъ порядкѣ вещей низшія исполнительныя учрежденія, поставленныя въ совершенную невозможность исполнять свои обязанности, не имѣющія никакой самостоятельности и состоящія въ произвольномъ распоряженіи своихъ административныхъ начальниковъ, а всего чаще въ распоряженіи ихъ канцелярій, наполнялись большею частію людьми, отказавшимися отъ своего человѣческаго достоинства и обратившими государственную службу въ самое постыдное ремесло. Ясно, что при этомъ положеніи низшихъ исполнительныхъ учрежденій, рѣдкій порядочный человѣкъ возьметъ на себя государственную должность: даромъ никто не отдастъ свою свободу и человѣческое достоинство. Въ такое положеніе согласится стать только тотъ, кто рѣшается извлечь изъ-за него какія-либо личныя выгоды. Съ другой стороны, чтобы держаться въ этихъ должностяхъ, необходимо ублаготворять власти, отъ произвола которыхъ зависитъ благополучное теченіе службы. Отъ этого, въ большей части случаевъ, низшія исполнительныя должностныя лица являются постоянными оброчниками канцелярій высшихъ учре-

жденій, а иногда и самихъ начальниковъ, и при точномъ соблюденіи они могутъ безнаказанно злоупотреблять своею властью. При всемъ этомъ въ губерніяхъ почти нѣтъ высшаго надзора за ходомъ всей администраціи. Начальникъ губерніи, которому порученъ этотъ надзоръ, находится въ странномъ положеніи: онъ состоитъ членомъ всѣхъ губернскихъ присутствій и, подписывая ихъ журналы, является участникомъ во всѣхъ дѣлахъ. Мудрено работать и въ то же время имѣть надзоръ за своею работою! Трудно принимать жалобу на самого себя.

„По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, то-есть: по причинѣ неограниченной правительственной опеки надъ всею жизнію народа, соединенія всего управленія въ рукахъ одной неотвѣтственной исполнительной власти и совершеннаго отсутствія судебной власти, вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведенную на степень государственнаго устройства.

„Система этого управленія или, лучше сказать, злоупотребленія властью, такъ сильна и послѣдовательна, что она покрываетъ собою всю Россію, не оставляя ни одного живого мѣста для разумно-свободной жизни. При этой системѣ нигдѣ нѣтъ права и господствуетъ одинъ, ничѣмъ не обузданный произволъ, уважающій только деньги и общественное положеніе; въ ней, если и встрѣчаются на службѣ благородныя личности, онѣ ничего не могутъ сдѣлать. При хорошемъ и дурномъ начальникѣ губерніи идетъ одинъ и тотъ же порядокъ. Разумѣется, при хорошемъ губернаторѣ не дѣлается вопіющихъ злоупотребленій; но развѣ дѣло состоитъ въ искорененіи только тѣхъ злоупотребленій, которыя выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ и потому самому уже чрезвычайно рѣдки? Нужно искорененіе обыкновеннаго, обыденнаго грабежа чиновниковъ, этой піявки, постоянно сосущей народъ и вытягивающій изъ него живыя, производительныя силы; но противъ этого зла, при настоящемъ порядкѣ вещей, никто не въ состояніи бороться; это зло въ самой системѣ управленія, а не въ ея примѣненіяхъ“. „Что дѣлать,—спрашиваетъ *Унковскій:*— начальнику губерніи, желающему преслѣдовать зло? Положимъ, что онъ слышитъ объ этихъ обыкновенныхъ злоупотребленіяхъ. Удалить безъ суда?—Но развѣ возможно постоянно слѣдовать этому правилу, основываться на одних слухахъ? При такомъ образѣ дѣйствій можно удалить невинныхъ. Производить слѣдствія и отдавать подъ судъ?... А гдѣ у насъ слѣдователи, которыхъ дѣйствія обезпечивались бы ихъ положеніемъ; гдѣ средства повѣрять правильность ихъ изслѣдованій? Всѣ чиновники не отвѣтственны; всѣ дѣла производятся въ глубочайшей тайнѣ, и печатное слово связано правительственными запрещеніями и произволомъ

цензуры. Наконецъ, кто будетъ способствовать открытію преступленій при этомъ порядкѣ вещей? Народъ не участвуетъ въ дѣлахъ управленія; его грабятъ чиновники; онъ старается избѣжать столкновенія съ ними, и всякій свидѣтель бѣжитъ отъ слѣдователя, отзываясь, что онъ ничего не видалъ и не слыхалъ. Безчисленныя формальности, необходимыя при тайномъ и письменномъ дѣлопроизводствѣ, уничтожаютъ всякую возможность открывать что бы то ни было. Да и какъ уличить въ служебныхъ злоупотребленіяхъ при нашей регламентаціи судебныхъ доказательствъ и тайномъ дѣлопроизводствѣ? Вѣдь служебныя дѣйствія и злоупотребленія происходятъ безъ свидѣтелей. При всемъ этомъ, безчисленность и повсемѣстность злоупотребленій дѣлаютъ ихъ изслѣдованія совсѣмъ невозможными. Если при настоящемъ порядкѣ поставить себѣ за правило изслѣдовать всѣ злоупотребленія, то надобно заготовить болѣе слѣдователей, нежели числится жителей во всемъ государствѣ".

„Но положимъ,—говоритъ *Унковскій:*—что начальникъ лично убѣдился въ злоупотребленіяхъ своего подчиненнаго. Кѣмъ онъ его замѣнитъ? Кто изъ порядочныхъ людей пойдетъ на эти мѣста, при настоящихъ условіяхъ служебной дѣятельности, и въ особенности при томъ условіи, что въ этихъ-то обыденныхъ злоупотребленіяхъ и заключается все возмездіе за свободу и отреченіе отъ права на разумно-свободную дѣятельность? Все это приводитъ къ тому заключенію, что все зло коренится въ самой системѣ нашей администраціи, и не можетъ быть устранено какими бы то ни было паліативными средствами.

„Многіе говорятъ, что зло не въ системѣ, а въ людяхъ, и въ доказательство того приводятъ права разныхъ обществъ по своду законовъ, утверждая, что общества имѣютъ всѣ средства искоренить зло, но не умѣютъ пользоваться данными имъ правами. Но справедливо ли это? Гдѣ же тѣ права, которыми общества могли бы воспользоваться для искорененія зла? Они существуютъ только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности, и притомъ самыя законоположенія дѣлаютъ ихъ неосуществимыми. Начнемъ съ дворянства, которое, какъ высшее сословіе, пользуется *особыми* правами. Въ чемъ же состоятъ его права *на самомъ дѣлѣ?* Оно избираетъ должностныхъ лицъ въ нѣкоторыя судебныя и полицейскія учрежденія; право избранія судебныхъ должностныхъ лицъ не можетъ имѣть большого значенія, когда судъ не имѣетъ никакой власти; что же касается до низшихъ полицейскихъ должностей, то положеніе этихъ чиновъ, какъ уже доказано выше, до того жалко и низко, что право выбора въ эти должности почти ничего не значитъ. Можетъ ли быть серьезная рѣчь о правѣ выбора, когда выборныя лица отдаются въ совершенно

произвольное распоряженіе правительственныхъ канцелярій и когда избиратели не имѣютъ никакой возможности защитить своихъ избранныхъ отъ произвола начальства? Притомъ еще выборъ этихъ лицъ долженъ быть утвержденъ начальникомъ губерніи. Одно это право утвержденія часто уничтожаетъ совершенно выборное начало. Остальныя выборныя лица имѣли чисто сословное значеніе и были посредниками въ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными людьми, или членами присутствій, въ которыхъ голоса ихъ ничего не значили, вслѣдствіе огромнаго перевѣса бюрократіи. При этихъ условіяхъ, могло ли дворянство имѣть какое-нибудь вліяніе въ дѣлѣ управленія? Скажутъ, что дворянство имѣло право представлять правительству о своихъ нуждахъ и пользахъ и такъ далѣе, какъ написано въ сводѣ законовъ; но это могутъ говорить только тѣ, которые не знаютъ практическаго примѣненія нашихъ законовъ. Дворянство убѣдилось опытомъ въ совершенной безполезности этихъ представленій; довольно заглянуть въ архивъ любого дворянскаго депутатскаго собранія, чтобы признать справедливость этихъ словъ". *Унковскій* приводитъ здѣсь одинъ только примѣръ, но весьма убѣдительный: „Тверское губернское собраніе дворянства два трехлѣтія представляло правительству о томъ, что депутаты, назначаемые имъ для ревизіи отчетовъ по земскимъ повинностямъ, не получаютъ никакихъ свѣдѣній о предметахъ расхода этихъ суммъ, и просило измѣнить формы отчетовъ, на тотъ конецъ, чтобы повѣрка ихъ была возможна; но министерство финансовъ нашло это затруднительнымъ, и просьбы остались безъ удовлетворенія. О чемъ же будетъ представлять дворянство? Какія представленія его будутъ уважены при этомъ порядкѣ вещей? О мѣстныхъ злоупотребленіяхъ по частнымъ дѣламъ оно представлять не можетъ, потому что, при тайномъ дѣлопроизводствѣ и отсутствіи гласности, эти злоупотребленія не могутъ быть хорошо извѣстны всѣмъ членамъ дворянскихъ собраній. О злоупотребленіяхъ по общественнымъ дѣламъ? Но какія же послѣдствія могутъ имѣть эти представленія? При отсутствіи гласнаго судопроизводства, правительство можетъ только потребовать объясненія отъ мѣстныхъ властей и, въ большей части случаевъ, удовольствоваться этимъ объясненіемъ. Вѣдь правительство находится къ губернскимъ властямъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ губернскія власти къ уѣзднымъ. Дворянство представляло иногда объ административныхъ злоупотребленіяхъ вообще и о мѣрахъ къ искорененію ихъ, но на это смотрѣли, какъ на вмѣшательство дворянства въ неприсвоенныя ему дѣла; поэтому дворянство на дѣлѣ не могло имѣть почти никакого вліянія на мѣстное управленіе".

„Сверхъ того,—продолжаетъ *Унковскій:*—никакое сословіе не можетъ совершенно отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ интересовъ; иначе не можетъ быть и жизни въ сословіи. Дворянство не могло сильно протестовать противъ существующаго порядка управленія, потому что оно само произвольно управляло половиною русскаго народа. Освободить крестьянъ безъ помощи правительства оно также не могло. Достаточно вспомнить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ проекты освобожденія крестьянъ считались „возмутительными сочиненіями".

„Духовенство, какъ сословіе, у насъ не имѣетъ никакого политическаго значенія.

„Городскія сословія пользуются только нѣкоторыми личными преимуществами; но въ общественныхъ дѣлахъ совершенно безгласны. Ихъ думы и ратуши ничего не смѣютъ дѣлать безъ позволенія или приказанія; на самомъ дѣлѣ городскимъ хозяйствомъ распоряжаются губернскія правленія. Притомъ правительственная опека надъ всѣмъ подчинила торговлю и городскую промышленность совершенному произволу полицейской исполнительной власти. Точное исполненіе нашихъ безчисленныхъ правилъ о торговлѣ до того невозможно, что полицеймейстеръ или городничій имѣетъ полную возможность во всякое время запереть всѣ лавки „на законномъ основаніи". Какую же самостоятельность можетъ имѣть торговое и промышленное сословіе? Оттого купцы и мѣщане совершенно безгласны; ихъ головы и гласные платятъ оброки губернскимъ канцеляріямъ и даже иногда находятся въ дѣйствительномъ подчиненіи у секретарей, назначаемыхъ начальствомъ и обыкновенно играющихъ роль посредниковъ при передачѣ оброковъ. Ратманы въ полиціяхъ исполняютъ только приказанія полицеймейстеровъ и городничихъ, не смѣя подать голоса и исправляя иногда должности сторожей; засѣдатели въ палатахъ и судахъ, при нашемъ порядкѣ судопроизводства, ничего не значатъ; наконецъ, собранія этихъ сословій имѣютъ право обсуждать только то, что разрѣшитъ или прикажетъ начальство.

„Положеніе государственныхъ крестьянъ еще хуже. Совершенная зависимость сельскихъ начальствъ отъ бюрократіи, чуждой интересамъ народа, отняла у крестьянъ всякую возможность пользоваться ихъ общественными правами; она привела къ тому, что въ сельскіе начальники теперь не пойдетъ ни одинъ честный крестьянинъ. Въ этихъ должностяхъ необходимо грабить и доставлять начальству, иначе начальство всегда найдетъ причину удалить отъ должности, отдать подъ судъ или сдѣлать такой денежный начетъ, что всего имѣнія не достанетъ на пополненіе взысканія.

Найти случай къ этому начальство легко можетъ. Голова, старшина и другія должностныя лица, большею частью, едва грамотные крестьяне, а порядокъ дѣлопроизводства письменный; между тѣмъ, писарь опредѣляется по усмотрѣнію начальства; стоитъ только приказать писарю сдѣлать безпорядокъ, и крестьяне попались; притомъ государственные крестьяне вовсе не имѣютъ выборныхъ правъ; эти права зависятъ отъ усмотрѣнія начальства уже потому, что оно имѣетъ право утверждать прежнихъ выборныхъ на будущее время. По всѣмъ этимъ причинамъ, съ правами государственныхъ крестьянъ начальство обращается безъ всякой церемоніи; напримѣръ, законъ дозволяетъ окружнымъ начальникамъ подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію не иначе, какъ по приговору міра; чиновникъ, несмотря на это, сѣчетъ кого ему угодно, и потомъ приказываетъ писарю написать приговоръ и приложить за всѣхъ руки. Что дѣлать крестьянину въ случаѣ нарушенія его правъ? Идти жаловаться? Но куда? Прямо въ судъ жаловаться нельзя; чиновники отвѣтственны передъ судомъ только тогда, когда ихъ найдетъ виновными административное начальство. Идти къ этому начальству? Но тамъ дѣло должно попасть въ руки именно той канцеляріи, которой чиновникъ платитъ оброкъ, слѣдовательно, все будетъ скрыто, и еще затаскаютъ самого просителя къ допросамъ и дознаніямъ. Такимъ образомъ, крестьяне должны молчать и сносить терпѣливо всѣ притѣсненія".

Вотъ дѣйствительное положеніе всѣхъ нашихъ сословій!! „Кто же,—спрашиваетъ *Унковскій*:—виноватъ въ этомъ порядкѣ? Одна только система управленія и безпредѣльная кротость славянской природы. Пользуясь этимъ порядкомъ, чиновники управляютъ деспотически всѣмъ народомъ, не допуская до правительства истины и затыкая всѣ отверстія, изъ которыхъ могутъ слышаться стоны подавленнаго народа. Такимъ образомъ, верховная власть не имѣетъ средствъ знать истинное положеніе дѣлъ.

„Ясно, что этотъ порядокъ вовсе не можетъ держаться по освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. При этой реформѣ онъ не будетъ имѣть никакой опоры. Если управленіе останется попрежнему, то помѣщичьи крестьяне должны неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ. Въ сущности вѣдь все равно—быть ли крѣпостнымъ помѣщика, или крѣпостнымъ чиновника, и даже еще лучше быть крѣпостнымъ помѣщичьимъ. Помѣщикъ имѣетъ выгоду въ благосостояніи крѣпостныхъ людей, и власть его не переходитъ изъ рукъ въ руки; къ произволу одного скорѣй можно привыкнуть. Поэтому помѣщичьи крестьяне останутся въ такомъ же положеніи, какъ теперь, если не въ худшемъ. Государственные крестьяне, какъ слышно въ деревняхъ, также ожидаютъ свободы. Что

же можно ждать отъ народа, если онъ будетъ обманутъ въ своихъ надеждахъ? *Дворяне-владѣльцы не будутъ нисколько заинтересованы въ этомъ порядкѣ вещей; чиновники навѣрное не измѣнятъ своего образа дѣйствій, если будутъ неотвѣтственны попрежнему.* Притомъ, съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ, непремѣнно должно увеличиться число дѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилится и произволъ канцелярій. Разсчитывать на личныя качества чиновниковъ, на перемѣну персонала въ управленіи—совершенно невозможно; тѣ или другія личныя качества чиновника ни болѣе ни менѣе, какъ случайныя явленія, а разсчитывать на случайность, *на авось*, въ дѣлѣ государственной безопасности нельзя. Цѣль государственнаго устройства и состоитъ въ обезпеченіи личной и имущественной безопасности каждаго отъ преступныхъ стремленій. Если бы всѣ люди были безусловно хороши, если бы они имѣли полное сознаніе своихъ правъ и обязанностей, то не нужно бы было ни государства ни правительства; если бы всѣ чиновники были хороши, не нужно бы было и говорить о реформахъ. Для охраненія общественнаго порядка нужно прочное обезпеченіе строгаго исполненія законовъ, а при нынѣшнемъ управленіи гдѣ это обезпеченіе? Иные говорятъ, что прибавка жалованья или возвышеніе должностей разными отличіями могутъ привлечь лучшихъ людей къ государственной службѣ, но они забываютъ, что алчность человѣческая, а еще болѣе чиновничья, не удовлетворится никакимъ жалованьемъ; они забываютъ, что и теперь нѣкоторые чиновники, получающіе 300—400 руб. и не имѣющіе никакого состоянія, проживаютъ 8—10 тысячъ. Возвышеніе должности внѣшними отличіями не соблазнитъ никого, кромѣ мелочныхъ людей, которые всегда оказываются ни къ чему не способными. Привлечь къ службѣ лучшихъ людей можно только нравственнымъ возвышеніемъ должностей, а это нравственное возвышеніе можетъ быть произведено только самостоятельностью должностныхъ лицъ, возможною лишь при гласности дѣлопроизводства и отвѣтственности передъ независимою судебною властью".

Итакъ „*все дѣло въ гласности; въ учрежденіи независимаго суда; въ отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ, въ строгомъ раздѣленіи властей и въ самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи*". Безъ этого, строгое исполненіе законовъ ничѣмъ не можетъ быть обезпечено, и самое „Положеніе" о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, останется мертвою бумагою, наравнѣ со всѣми прочими томами нашихъ государственныхъ законовъ.

Унковскій не считалъ нужнымъ доказывать пользу этихъ учрежденій; всѣ признаютъ ихъ безусловное достоинство; ему удавалось

только слышать сужденія о невозможности ихъ въ настоящее время, и потому онъ считалъ обязанностью доказать неосновательность этихъ возраженій.

Говорятъ, что судъ присяжныхъ у насъ въ настоящее время невозможенъ, потому что народъ недостаточно развитъ для этого учрежденія. Унковскій не понималъ вовсе этого возраженія. „Что значитъ: *недостаточно развитъ*, и какая нужна степень развитія для нагляднаго сужденія о фактѣ по совѣсти и здравому смыслу? Присяжнымъ именно это только и нужно, а русскій народъ, конечно, не имѣетъ недостатка ни въ здравомъ смыслѣ ни въ добросовѣстности. Судъ присяжныхъ, судъ гласный и по совѣсти требуетъ въ судьяхъ гораздо менѣе умственнаго развитія и образованія, нежели всякій другой судъ, а тѣмъ болѣе наше сложное судопроизводство; поэтому, можно скорѣе сказать, что у насъ возможенъ только одинъ судъ присяжныхъ, и менѣе всего возможно наше настоящее судопроизводство. Если скажутъ, что у насъ не всѣ сословія одинаково развиты, и потому не всѣ сословія могутъ быть допущены къ произнесенію приговора, то и это не имѣетъ основанія. И теперь у насъ засѣдаютъ въ судахъ лица всѣхъ сословій, между тѣмъ они развиты не болѣе своихъ собратій; конечно, при отсутствіи всякаго значенія суда и при письменномъ судопроизводствѣ, городскія и сельскія сословія считаютъ эту службу повинностью, и засѣдатели ихъ, не получившіе никакого образованія, необходимаго для письменнаго судопроизводства, большею частію подписываютъ только подаваемыя имъ бумаги, прикладываютъ къ нимъ печати или снимаютъ шубы съ почетныхъ посѣтителей; но вѣдь это и происходитъ именно отъ сложности нашего письменнаго процесса, противнаго духу русскаго народа, а всего больше отъ того, что судъ не имѣетъ никакого значенія. Устройте самостоятельный судъ, независимый отъ исполнительной власти, и притомъ словесный и гласный, т. е. судъ присяжныхъ (потому что другого независимаго суда на свѣтѣ нѣтъ и не бывало); и тѣ же люди, будучи присяжными, поймутъ всю важность своего назначенія и окажутся способными къ произнесенію приговоровъ; это ясно, какъ день, и противиться этому благодѣтельному учрежденію могутъ только тѣ, которымъ безсудность и безнаказанность выгодны. Говорятъ еще, что судъ присяжныхъ есть начало, противное духу настоящихъ государственныхъ учрежденій и въ особенности понятію о самодержавной власти; но это возраженіе уже не имѣетъ никакого смысла. Опытъ показываетъ намъ, что судъ присяжныхъ можетъ существовать при всякой системѣ государственнаго управленія. Понятно, что это возраженіе дѣлается только съ единственною цѣлью отклонить прави-

тельство отъ судебной реформы и заставить молчать защитниковъ суда присяжныхъ подъ страхомъ обвиненія ихъ въ *преступномъ образѣ мыслей*, какъ привыкли у насъ выражаться". *Унковскій* полагалъ, однако, что противники суда присяжныхъ уже однимъ этимъ возраженіемъ ставятъ себя на мѣсто, заготовленное ими для своихъ антагонистовъ. „Мы желаемъ учрежденія самостоятельной судебной власти въ видахъ уничтоженія настоящей грабительственной системы управленія, позорящей государственную власть, мы желаемъ этого въ видахъ утвержденія самой власти и сосредоточенія ея въ законныхъ рукахъ, и вѣримъ, что судъ и правда могутъ существовать и при нашей формѣ правленія, которая даже болѣе другихъ нуждается въ строгомъ исполненіи самодержавной воли. Противники же суда присяжныхъ сами высказываются противъ основныхъ государственныхъ законовъ, считая ихъ несовмѣстными съ началами безпристрастнаго суда и справедливости".

„То же самое возраженіе слышится иногда и противъ непосредственной отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ. Здѣсь это возраженіе еще неосновательнѣе. Непосредственная отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ выгодна для самой власти. При настоящемъ порядкѣ вещей, всякій начальникъ, узнавъ о злоупотребленіяхъ подчиненныхъ, становится втупикъ и не знаетъ, что ему дѣлать, потому что въ большей части случаевъ нѣтъ никакихъ средствъ узнать истину. Во всѣхъ дѣлахъ власть идетъ ощупью и принимаетъ все на совѣсть. При отсутствіи гласнаго независимаго суда и непосредственной отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ передъ судомъ, власть, во всѣхъ распоряженіяхъ, можетъ быть подозрѣваема въ пристрастіи, и эти подозрѣнія ничѣмъ не могутъ быть уничтожены. По этой одной причинѣ, власть съ каждымъ днемъ теряетъ болѣе и болѣе свое нравственное вліяніе, необходимое для существованія всякой власти, и быстро идетъ къ упадку; напротивъ, при существованіи дѣйствительнаго, независимаго отъ правительственной власти, суда и отвѣтственности передъ нимъ всѣхъ должностныхъ лицъ безъ всякаго исключенія, положеніе власти совсѣмъ другое: она не задумается, какъ поступить съ злоупотребителями. Открытый судъ по совѣсти даетъ всѣ средства къ пресѣченію зла, а если и не обнаружитъ иногда преступленія, то власть остается, во всякомъ случаѣ, чистою отъ всякихъ подозрѣній. Самый нравственный авторитетъ независимаго суда поддерживаетъ власть: всякій согласится, что онъ въ этомъ отношеніи сильнѣе милліона штыковъ. Почему же невозможна непостредственная отвѣтственность передъ судомъ безъ согласія административнаго начальства, и для чего нужно это согласіе? Разумѣется, для того

только, чтобы начальники, или всего чаще ихъ канцеляріи, имѣли возможность покрывать выгодныя для нихъ злоупотребленія; другого основанія и быть не можетъ. Нѣтъ! Противники радикальныхъ судебныхъ и административныхъ реформъ не заботятся вовсе о поддержаніи настоящей системы государственнаго управленія и прикрываются только фразами. Напротивъ, они противятся тому, чтобы власть была въ законныхъ рукахъ; они хотятъ, чтобы самодержавный Государь не имѣлъ никакихъ средствъ знать правду; они стараются только удержать за собою свое собственное самодержавіе; они стараются объ удержаніи всѣми средствами настоящаго порядка управленія только потому, что онъ для нихъ выгоденъ; и когда Государь смѣло поднялъ разные вопросы о государственныхъ реформахъ, они лишь стараются изподтишка подставить ногу исполненію Его святыхъ намѣреній, ибо, при отсутствіи безпристрастнаго суда, исполненіе Его воли должно зависѣть отъ ихъ произвола. Чего можетъ ожидать Россія, при освобожденіи крестьянъ, безъ учрежденія независимаго суда и отвѣтственныхъ чиновниковъ? Безпорядковъ, смутъ! А безпорядки выгодны бюрократамъ; они оправдаютъ ихъ безграничный произволъ и отдалятъ на сколько-нибудь измѣненіе ихъ положенія. Если же эти безпорядки и дойдутъ до ужасающихъ размѣровъ, то имъ нечего бояться: у нихъ нѣтъ семействъ въ деревняхъ; многіе изъ нихъ не имѣютъ недвижимой собственности или не дорожатъ ею; въ случаѣ опасности, они сядутъ на первый пароходъ и благополучно доѣдутъ до чужеземной пристани, гдѣ они могутъ дожить свой вѣкъ покойно съ своими благопріобрѣтенными богатствами.

„Многіе говорятъ противъ возможности немедленнаго образованія общаго управленія, высказывая мысль, что на первый разъ необходимо раздѣленіе на вѣдомства или, по крайней мѣрѣ, сословія. Въ доказательство этого они приводятъ трудность совершенія нѣсколькихъ реформъ въ одно время и настоящее отчужденіе сословій, при которомъ высшему классу народонаселенія будетъ оскорбительно занимать равныя мѣста съ лицами низшихъ сословій“.

Первая изъ этихъ отговорокъ для *Унковскаго* совершенно непонятна. Когда всѣ эти реформы требуются одновременно, во имя блага и спокойствія государства, одна трудность ихъ исполненія не можетъ быть отговоркою, если нѣтъ совершенной невозможности. Во-вторыхъ, уничтоженіе вѣдомствъ можетъ казаться труднымъ только бюрократамъ, которые привыкли заниматься съ особенною любовью мелочами письменнаго дѣла, и на глаза которыхъ передача дѣлъ отъ одного столоначальника другому кажется уже важнымъ государственнымъ вопросомъ, требующимъ многолѣтнихъ соображе-

ній. „Мы полагаемъ,—говоритъ *Унковскій*:—что для уничтоженія вѣдомствъ нужно только убѣжденіе правительства въ необходимости этой реформы, и опредѣленіе порядка управленія обществъ въ хозяйственномъ отношеніи (что и безъ того должно быть сдѣлано при составленіи „Положенія" о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости). Затѣмъ, остается только сдѣлать распоряженіе о выборѣ новыхъ должностныхъ лицъ хозяйственно-распорядительнаго управленія, передать имъ всѣ дѣла изъ уничтожаемыхъ вѣдомствъ, а зданія, которыя занимались этими управленіями, назначить къ другому употребленію. Говорятъ: что же дѣлать съ чиновниками, занимающими упраздняемыя мѣста? Да что же дѣлать? Разумѣется ничего. Развѣ общество обязано содержать ихъ на своемъ иждивеніи, не имѣя въ нихъ надобности? Да если это и такъ, то лучше продолжать имъ выдачу жалованья, но все-таки упразднить занимаемыя ими должности. Въ этомъ положеніи они будутъ, по крайней мѣрѣ, безвредными инвалидами и обойдутся гораздо дешевле, потому что, въ противномъ случаѣ, они станутъ преградою на пути государственнаго развитія, и вдобавокъ, большая часть ихъ будетъ пользоваться еще незаконными доходами, вдесятеро превышающими получаемое ими содержаніе. Притомъ государство и при новомъ управленіи будетъ нуждаться въ способныхъ людяхъ, поэтому всѣ способные и нравственные чиновники найдутъ себѣ новое назначеніе и, пожалуй, еще лучше настоящаго. Что же касается до отчужденія сословій другъ отъ друга, то оно и не можетъ прекратиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ общаго управленія. Странно думать, чтобы помѣщики могли оскорбиться предоставленіемъ имъ участія въ дѣлахъ общаго управленія, въ которомъ они всегда должны занимать первое мѣсто по одному уже нравственному вліянію, неразлучному съ образованіемъ и нѣкоторою опытностью въ дѣлахъ общественныхъ; напротивъ, дворянство достаточно развито, чтобы оскорбиться отчужденіемъ его отъ дѣлъ прочихъ сословій; оно хорошо пойметъ унизительное положеніе человѣка, носящаго парадный мундиръ и удаленнаго отъ всякаго дѣйствительнаго участія въ дѣлахъ своей страны. Внѣшними отличіями и однѣми личными привилегіями въ настоящее время никого нельзя соблазнить; даже и купцы, жадные къ знакамъ отличій, перестаютъ платить за нихъ деньги.

„Безъ общаго управленія не можетъ быть никакого толка. Если судебная власть будетъ, по прежнему, раздѣлена по вѣдомствамъ или сословіямъ, она никогда не будетъ самостоятельною—это очевидно. Раздѣленіе власти административной, полицейской, судебной, при отдѣльномъ управленіи вѣдомствъ или сословій, поведетъ только къ тому, что всѣ власти будутъ не самостоятельны и разрушатъ всякое

понятіе о власти; останется то же бюрократическое управленіе, но оно будетъ еще произвольнѣе. Раздѣленныя общества ничего не будутъ значить. Сверхъ того, управленіе по сословіямъ, при образованіи еще новаго класса народа, будетъ стѣснено еще большими формальностями. Сѣть взяточничества и грабежа, покрывающая теперь Россію, сдѣлается еще чаще, и дѣло дойдетъ до того, что власть запутается сама въ разставленныхъ ею сѣтяхъ. Одно общее управленіе можетъ соединить интересы народа и создать надежные органы для неуклоннаго исполненія державной воли".

Унковскій не говоритъ ничего въ доказательство необходимости раздѣленія властей полицейской, судебной и распорядительной. Никто противъ этого не споритъ.

Вотъ начала, на которыхъ должно быть немедленно создано новое управленіе, иначе Россію ожидаетъ полный произволъ чиновниковъ, ведущій къ волненіямъ и безпорядкамъ.

Далѣе *Унковскій* говоритъ *о способѣ развитія этихъ началъ.* „Очевидно, что между принятіемъ какихъ бы то ни было началъ и окончательнымъ развитіемъ ихъ лежитъ цѣлая бездна. Эта истина на практикѣ дѣлается еще чувствительнѣе, когда дѣло касается вопросовъ, въ которыхъ замѣшаны личныя выгоды общественныхъ дѣятелей. Таково именно дѣло судебной и административной реформы. Ему грозитъ большая опасность. Въ проекты этихъ реформъ легко и незамѣтно могутъ вкрасться подробности, повидимому, ничего не значащія, но уничтожающія на практикѣ весь смыслъ задуманныхъ реформъ; поэтому развитіе началъ, которыя будутъ приняты верховною властью въ основаніе судебныхъ и административныхъ преобразованій, должно быть непремѣнно поручено лицамъ, не состоящимъ на службѣ и не ожидающимъ отъ нея какихъ-либо великихъ и богатыхъ милостей. Правильное развитіе этихъ началъ было бы болѣе всего обезпечено, если бы оно было поручено не должностнымъ лицамъ, а людямъ науки, наиболѣе всѣхъ прочихъ безпристрастнымъ къ лицамъ и партіямъ, предпочтительно спеціалистамъ по части государственныхъ наукъ, и отчасти жителямъ разныхъ мѣстностей, испытавшимъ на себѣ всѣ неудобства настоящаго порядка вещей. Эти неудобства, разумѣется, ближе извѣстны управляемымъ, нежели управляющимъ; притомъ самыя реформы имѣютъ въ виду болѣе первыхъ, нежели послѣднихъ. Если же проекты реформъ будутъ составляться исключительно лицами управляющими, то они, вѣроятно, не будутъ вполнѣ соотвѣтствовать ихъ цѣли и скорѣе всего ограничатся нѣкоторыми измѣненіями, въ видахъ еще большаго усиленія власти мѣстныхъ должностныхъ лицъ, ограниченія ихъ отвѣтственности и возможнаго облегченія ихъ трудовъ.

*

„Вотъ мой взглядъ на предстоящія реформы,—заключаетъ *Унковскій* свой отзывъ:—онъ совершенно согласенъ со взглядомъ большинства тверского комитета, выраженнымъ въ его проектѣ положенія и обзорѣ оснований“. *Унковскій* счелъ нужнымъ только дополнить его болѣе откровеннымъ изложеніемъ и отвѣтами на тѣ возраженія, которыя ему удавалось слышать уже послѣ окончанія занятій комитета, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ (Ibid., стр. 767 и 785—799).

На бюрократизмъ, на чиновничье управленіе нападала и та группа депутатовъ, которая высказалась за сохраненіе начальнической власти помѣщика въ сельско-общественномъ управленіи. Выставляя на видъ крайнюю неудовлетворительность чиновничьяго управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ незрѣлость крестьянъ для самоуправленія, эта группа выводила отсюда необходимость предоставленія помѣстному дворянству ближайшаго надзора за сельскимъ управленіемъ и организаціи мѣстныхъ учрежденій исключительно изъ лицъ мѣстнаго дворянства по выбору помѣщиковъ. Такимъ образомъ, факту новѣйшей исторіи—бюрократическому режиму—противуставлялся средневѣковой принципъ, по которому политическія права составляютъ исключительное достояніе дворянскаго землевладѣнія. Желали, слѣдовательно, не только задержать развитіе духа нашего времени, враждебнаго всякимъ юридическимъ привилегіямъ, но и поворотить назадъ колесо исторіи. Такія стремленія рѣдко имѣютъ успѣхъ; а если и достигаютъ его, то на весьма непродолжительное время.

Редакціонная комиссія заявила, что и она, съ своей стороны, признаетъ настоятельную необходимость реформы суда, полиціи и управленія, и притомъ на базисѣ гражданской равноправности, т. е. полнаго слиянія въ политическомъ отношеніи освобождаемыхъ крестьянъ съ другими сословіями. Но подвергать обсужденію основанія реформы, указываемыя депутатами перваго призыва, комиссія не считала себя въ правѣ, такъ какъ предметъ этотъ выходитъ изъ высочайше опредѣленнаго для нея круга дѣятельности, и, сверхъ того, ей было извѣстно, что правительствомъ уже образована особая комиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которая занимается составленіемъ проекта преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Дѣлая это заявленіе, редакціонная комиссія, вмѣстѣ съ тѣмъ, сочла своею обязанностью высказать полное свое согласіе съ взглядами депутатовъ, что предположенія ея по административному отдѣлу только тогда принесутъ всѣ ожидаемыя отъ нихъ благія результаты, если предполагаемая реформа суда, губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій будетъ поставлена въ тѣсную зависимость съ началами, на которыхъ комиссія построила организацію сельско-общественнаго управленія.

Судебныя, земскія и городскія учрежденія были отвѣтомъ на выставленную временемъ потребность въ коренной реформѣ государственныхъ учрежденій эпохи крѣпостного права. Введеніемъ этихъ учрежденій былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ на пути къ децентрализаціи и самоуправленію. Но все-таки этотъ шагъ не догналъ потребностей дѣйствительной жизни и нуждъ всѣхъ общественныхъ классовъ Россіи. Настоятельность расширенія сферы самоуправленія, общественной самодѣятельности громко заявляетъ о себѣ и въ наши дни.

Въ послѣднихъ трехъ главахъ мы показали отношеніе дворянства и редакціонной комиссіи къ самымъ крупнымъ вопросамъ крестьянской реформы. Всѣ остальные вопросы преобразованія имѣли уже болѣе частное значеніе и притомъ, большею частью, вытекали логически изъ характера рѣшенія основныхъ проблемъ. А потому, для цѣли нашего труда, нѣтъ надобности останавливаться на нихъ.

Редакціонная комиссія рѣшила, какъ мы видѣли, радикально вопросы о неприкосновенности права собственности и о помѣщичьей власти и въ то же время начертала крайне паліативныя, не достигающія цѣли мѣры въ дѣлѣ обезпеченія быта крестьянъ. По первымъ вопросамъ она не сдѣлала ни малѣйшей уступки притязаніямъ дворянства, по послѣднему сдѣлала весьма значительныя.

Такое различное отношеніе редакціонной комиссіи къ этимъ вопросамъ коренилось въ самой природѣ вещей. Безусловная необходимость надѣленія крестьянъ землей и отмѣны помѣщичьей власти, *ради благополучнаго, въ любомъ смыслѣ, разрѣшенія крестьянской реформы,* была очевидна каждому просвѣщенному человѣку. Только ограниченность, невѣжество, только люди, незнавшіе или непонимавшіе наличныхъ условій жизни или на образъ мыслей которыхъ оказывали уже слишкомъ сильное вліяніе личный интересъ и предразсудки, могли не видѣть этой истины. Литература и меньшинства въ губернскихъ комитетахъ—выразители взглядовъ просвѣщеннаго общества на задачи преобразованій — были въ этомъ отношеніи солидарны до послѣдней степени. Совсѣмъ другое представляетъ вопросъ о *достаточномъ* для обезпеченія быта крестьянъ и выполненія ими повинностей размѣрѣ надѣла. Вопросъ этотъ, уже по самой своей *относительности,* заключалъ въ себѣ сѣмена различныхъ рѣшеній, и потому, естественно, что какъ въ литературѣ, такъ и въ средѣ меньшинствъ губернскихъ комитетовъ существовали по отношенію къ нему весьма различные взгляды. Неопредѣленность вопроса особенно еще усилилась оттого, что въ

число элементовъ, обезпечивающихъ бытъ крестьянъ, были допущены сторонніе заработки крестьянъ, а не единственно доходъ отъ земли, и притомъ заработки не исчисленные, какъ они были въ дѣйствительности, а предполагаемые, возможные, воображаемые. Этотъ элементъ внесла и редакціонная комиссія при опредѣленіи размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ и повинностей. Да и не могла не внести, если бы и не желала того, ибо иначе ей пришлось бы отрѣзать отъ помѣщиковъ столь значительное количество земли и уменьшить настолько крестьянскія повинности, что она встрѣтила бы неодолимыя препятствія со стороны *власти*. Свидѣтельствомъ этому служитъ пониженіе предположенныхъ редакціонной комиссіей размѣровъ надѣла въ „Положеніи" 19-го февраля. Не малое вліяніе на работы редакціонной комиссіи по предмету крестьянскихъ надѣловъ и платежей оказали также ея слишкомъ оптимистическія надежды на увеличеніе крестьянскихъ заработковъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права. Если бы волшебница раскрыла передъ комиссіей картину крестьянскаго быта, какъ онъ есть 40 лѣтъ спустя послѣ уничтоженія крѣпостного права, и комиссія увидѣла, что одна изъ главныхъ причинъ бѣдственнаго положенія крестьянства установленные скудные надѣлы и высокія повинности—картина, думаемъ, произвела бы на большинство членовъ комиссіи тяжелое, полное разочарованій впечатлѣніе.

По принципіальнымъ вопросамъ политическаго свойства работы редакціонной комиссіи безупречны и имѣютъ радикальный характеръ. Задуманная первоначальнымъ правительственнымъ планомъ реформа сельскихъ порядковъ только въ смыслѣ „улучшенія быта крестьянъ" съ сохраненіемъ помѣщичьей власти и опеки преобразилась въ трудахъ комиссіи въ полное уничтоженіе крѣпостного права. Все предыдущее изложеніе есть исторія этой метаморфозы. И метаморфоза совершилась не какъ дѣло случая, а какъ результатъ связной цѣпи явленій и событій, необходимо вызванной силою вещей.

Мысль объ уничтоженіи крѣпостного права, какъ тормаза государственному развитію, занимала престолъ со времени царствованія Екатерины II, что и выразилось въ рядѣ законовъ, изданныхъ въ каждое изъ послѣдующихъ царствованій. Императоромъ Николаемъ Павловичемъ было учреждаемо до 1848 года послѣдовательно семь секретныхъ комитетовъ для обсужденія вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права, и предсѣдателемъ одного изъ этихъ комитетовъ былъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II. Французская революція 1848 года заставила императора Николая отказаться отъ мысли дарованія свободы народу; но на смертномъ одрѣ онъ вер-

нулся къ этой мысли и завѣщалъ ее Наслѣднику престола. Въ этотъ же періодъ времени идея уничтоженія крѣпостного права ростетъ болѣе и болѣе въ средѣ русскаго интеллигентнаго общества. Она составляетъ главную тему литературы 40-хъ годовъ; ее, хотя подъ необходимыми прикрытіями, тѣмъ не менѣе, вполнѣ ясно, проводятъ съ университетскихъ каѳедръ. Къ концу царствованія Николая Павловича идея эта носится въ воздухѣ, какъ государственная мѣра къ осуществленію которой не сегодня, такъ завтра придется приступить. Императоръ Александръ II явился воплощеніемъ мысли, назрѣвавшей въ Россіи цѣлое столѣтіе и сдѣлавшейся при вступленіи Его на престолъ настоятельнѣйшимъ жизненнымъ вопросомъ и горячимъ, можно сказать, фанатическимъ ожиданіемъ народной массы.

Такая колоссальная реформа, какъ уничтоженіе крѣпостного права, естественно поручается Императоромъ высшимъ правительственнымъ лицамъ, изъ которыхъ образуется секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Секретный комитетъ высказывается за постепенность въ осуществленіи ея и на первое время находитъ нужнымъ ограничиться нѣкоторымъ нормированіемъ произвола помѣщиковъ, нѣкоторымъ „улучшеніемъ" быта крестьянъ. Рядомъ съ этимъ господствующимъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ взглядомъ, существуетъ другой, сильными представителями котораго являются покойная Императрица и великая княгиня Елена Павловна. Этотъ другой взглядъ видитъ задачу преобразованія въ полномъ уничтоженіи крѣпостного права. Этотъ же взглядъ высказывается во многихъ иностранныхъ и русскихъ рукописяхъ, обращающихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Какъ средина между обоими взглядами, являются рескриптъ и дополнительное къ нему отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Съ изданіемъ рескрипта обществу разрѣшается открыто высказаться путемъ литературы и въ губернскихъ комитетахъ. Литература, за исключеніемъ одного органа, и меньшинства въ губернскихъ комитетахъ, высказываются за полное уничтоженіе крѣпостного права, за надѣленіе крестьянъ землею въ собственность, за организацію выкупа надѣловъ при пособіи правительства. Всѣ эти мысли находятъ поддержку въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ образованъ земскій отдѣлъ для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ, которымъ орудуетъ государственный человѣкъ замѣчательнаго ума и чистой совѣсти—Н. А. Милютинъ, звѣзда кружка великой княгини Елены Павловны и правая рука министра внутреннихъ дѣлъ.

Разумѣется, не случайность, что въ высшей правительственной

сферѣ нашлись лица, желавшія и считавшія возможнымъ полное уничтоженіе крѣпостного права. Столѣтіемъ назрѣвшая идея о необходимости отмѣнить рабство не могла не найти своихъ представителей и въ этой средѣ, какъ и въ другихъ. И хотя сторонники ея въ высшихъ сферахъ были въ меньшинствѣ, но дальнѣйшія обстоятельства, болѣе и болѣе развиваемое литературою общественное сознаніе о благополучномъ и благотворномъ исходѣ преобразованія, передали въ скоромъ времени дѣло реформы въ руки этого меньшинства.

Главный комитетъ (бывшій секретный), получивъ порученіе составить проектъ „Положенія" о крестьянахъ въ направленіи указанномъ рескриптомъ и дополнительнымъ къ нему отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ направленіи, которому большинство членовъ комитета не сочувствовало, не только работалъ вяло, но разными косвенными путями агитировалъ противъ сколько-нибудь солиднаго измѣненія условій сельскаго быта. Такимъ образомъ, представлялось крайне неудобнымъ оставить дѣло реформы въ рукахъ главнаго комитета.

Съ весны 1858 года, членъ главнаго комитета, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, начинаетъ обращать на себя вниманіе горячимъ сочувствіемъ къ дѣлу преобразованія. Письма его изъ-за границы Государю дышать искреннею преданностью видамъ Императора и вѣрою въ великое благо реформы. По возвращеніи Ростовцева изъ-за границы, Государь имѣетъ конфиденціальныя совѣщанія съ нимъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Къ этому же времени выясненіе необходимости измѣнить первоначальный правительственный планъ реформы, не ограничиться только, улучшеніемъ быта крестьянъ, а совершенно раздѣлаться съ крѣпостнымъ правомъ, дѣлаетъ большой шагъ впередъ. Взглядъ этотъ болѣе и болѣе рѣшительно высказывается литературой и въ губернскихъ комитетахъ. Ростовцевъ и Ланской, какъ и каждый искренній сторонникъ преобразованія, идутъ за общимъ теченіемъ развивающейся, разъясняющей мысли о задачахъ преобразованія. Повелѣніями, данными Императоромъ главному комитету осенью 1858 года, планъ реформы измѣняется; и тѣмъ болѣе становится необходимымъ влить новое вино въ новые мѣха. Самое важное, самое трудное дѣло—составленіе законопроекта о преобразованіи сельскаго быта—изъемлется изъ рукъ главнаго комитета и передается новому учрежденію: редакціоннымъ комиссіямъ, предсѣдателемъ которыхъ назначается Ростовцевъ. Государь знаетъ преданность Ростовцева дѣлу преобразованія и вручаетъ ему важное полномочіе: выборъ членовъ комиссій, какъ правительственныхъ изъ министерствъ, такъ и членовъ-экспертовъ изъ неслужащихъ дворянъ.

Ростовцевъ страшится громадности возложенной на него задачи, онъ понимаетъ отвѣтственность свою предъ потомствомъ. Дѣло требуетъ людей большого ума, образованія, практической проницательности. Ростовцевъ проситъ великую княгиню Елену Павловну, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева указать ему людей. Изъ среды меньшинствъ губернскихъ комитетовъ приглашаются въ комиссію членами-экспертами лица, заявившія радикальный взглядъ на дѣло преобразованія. Къ членамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, состоящимъ при Виленской и Кіевской общихъ комиссіяхъ, посылается запросъ: указать, какіе изъ помѣщиковъ имѣютъ репутацію *„либерала“*, *„краснаго“*, съ цѣлію вызвать ихъ въ редакціонныя комиссіи. Чтобы составить большинство комиссіи изъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу преобразовавания, чтобы имѣть въ числѣ содрудниковъ людей большого ума и образованія, Ростовцеву приходится поступиться своими привычками къ командованію, бюрократическимъ нетерпѣніемъ возраженій и брать людей самостоятельнаго образа мыслей и независимаго характера. Образовалось законодательное учрежденіе подъ скромнымъ названіемъ редакціонной комиссіи, на которое была возложена громадная задача. Оно должно было не только разорвать вѣковую цѣпь рабства, но и разрѣшить самые деликатные вопросы собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему вручалось выработать для сельского населенія обширной имперіи совсѣмъ новую организацію администраціи, полиціи и суда. Никогда въ Европѣ, какъ справедлино замѣчаетъ біографъ Н. А. Милютина, Леруа-Болье, ни одно законодательное собраніе не имѣло предъ собою такой трудной задачи. И весьма замѣчательный фактъ, что такая громадная, трудная, эпоху дѣлающая задача была, въ силу необходимости, изъята изъ рукъ министровъ и передана второстепеннымъ чиновникамъ и либеральнымъ членамъ губернскихъ комитетовъ. Этотъ фактъ есть логическое послѣдствіе бюрократической системы управленія, крайне неблагопріятной для развитія въ правительственныхъ сферахъ живого отношенія къ дѣйствительной жизни, пониманія ея потребностей и задачъ, для проявленія способностей талантовъ. Сила событій заставила искать людей и оставить на время табель о рангахъ.

Редакціонная комиссія составилась изъ 17 правительственныхъ членовъ, 18 членовъ-экспертовъ и одного профессора университета, Н. Х. Бунге, назначеннаго впослѣдствіи министромъ финансовъ. Читатель, просмотрѣвъ имена членовъ комиссіи, приведенныя нами въ III главѣ, увидитъ, что большинство ихъ пріобрѣли впослѣдствіи почетную извѣстность на поприщахъ науки, литературы и государственной дѣятельности. Самыми же крупными талантами, самыми вліятельными членами редакціонной комиссіи были: отъ правительства

Н. А. Милютинъ, отъ членовъ-экспертовъ князь Черкасскій и Ю. Самаринъ [1]).

[1]) Съ октябрьской книжки 1880 года „Revue des deux Mondes" начался рядъ статей Леруа-Болье, посвященныхъ жизни и дѣятельности Н. А. Милютина. Въ двухъ первыхъ своихъ статьяхъ Леруа-Болье излагаетъ, по неизданнымъ письмамъ и матеріаламъ, самый интересный періодъ дѣятельности Милютина—его дѣятельность въ крестьянской реформѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что не у насъ въ Россіи, а на страницахъ иностраннаго журнала впервые является полная оцѣнка личности и дѣятельности государственнаго человѣка положившаго всѣ свои силы на благо русскаго народа и родины. Статьи Леруа-Болье вырѣзаны изъ журнала; изъ чего очевидно слѣдуетъ, что въ русской печати невозможно и по настоящее время (ноябрь 1880 года) возстановить въ полномъ свѣтѣ чудный нравственный обликъ Н. А. Милютина, выступающій ярко только при подробномъ изображеніи его дѣятельности и вынесенной имъ борьбы. По по поводу упомянутаго изслѣдованія Леруа-Болье была помѣщена въ 266 № „Русскихъ Вѣдомостей" передовая статья. Такъ какъ этотъ номеръ не задержанъ, то мы вправѣ привести выдержки изъ помѣщенной въ немъ статьи, изъ которыхъ читатель догадается: почему изслѣдованіе Леруа-Болье не пропущено цензурой и почему жизнь Милютина заслуживаетъ серьезнаго изученія, ибо изученіе ея ведетъ къ отчетливому пониманію нашихъ порядковъ и тѣмъ способствуетъ развитію политическаго самосознанія. Итакъ, вотъ что говорится въ указанной статьѣ по поводу изслѣдованія Леруа-Болье:

„Умѣнье отмѣчать и цѣнить людей, поработавшихъ съ пользой на общее благо — есть одинъ изъ признаковъ извѣстной степени политическаго развитія общества. Чѣмъ выше это развитіе, тѣмъ ярче и чаще проявляется и названное свойство. Русское общество, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не можетъ похвалиться тѣмъ же, хотя мы далеки отъ мысли упрекнуть его за это: оно слишкомъ долго отдѣлено было высокой стѣной недоступныхъ постороннему взгляду офиціальныхъ канцелярій отъ той области, въ которой возбуждались и рѣшались насущнѣйшіе вопросы государственной и общественной жизни, чтобы за этой стѣной имѣть возможность скоро и вѣрно распознавать, кому оно обязано той или другой услугой. Десятки лѣтъ проходятъ, прежде чѣмъ является эта возможность, тѣмъ болѣе, что ее отдаляютъ и многія другія ненормальныя условія, въ силу которыхъ въ теченіе долгихъ годовъ хранится въ тайнѣ то, что должно было стать общественнымъ достояніемъ при другихъ условіяхъ. Не диво, поэтому, что мы не умѣемъ и не можемъ чествовать имена нашихъ общественныхъ дѣятелей и крупныхъ государственныхъ людей такъ, какъ это дѣлаютъ европейцы; не мудрено, что честь и слава нерѣдко выпадаютъ у насъ на долю не по заслугамъ, а имена, вполнѣ достойныя ихъ, не пользуются даже умѣренной долей извѣстности.

„Въ виду такихъ ненормальныхъ условій, намъ приходится зачастую знакомиться изъ иностранныхъ источниковъ съ жизнью и дѣятельностью нашихъ русскихъ дѣятелей, а драгоцѣннѣйшіе матеріалы, бросающіе свѣтъ на эту жизнь и дѣятельность, недоступны русской публикѣ и волей-неволей дѣлаются достояніемъ иностранной литературы и предметомъ изслѣдованія чужеземныхъ писателей.

„Дѣятельность Н. А. Милютина представляется одной изъ тѣхъ, которыя заслуживаютъ самаго серьезнаго изученія. Періодъ наиболѣе яркаго и сильнаго ея проявленія совпадаетъ съ самой знаменательной эпохой новѣйшей исторіи

Такимъ образомъ, сама природа преобразованія при данныхъ *общихъ, а не случайныхъ* условіяхъ дѣйствительности, привела къ тому, что, несмотря на противодѣйствіе большинства высшаго правительства радикальному преобразованію условій сельскаго быта, составленіе законопроекта реформы попало въ руки людей, считавшихъ необходимымъ покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Ибо все выдающееся, талантливое, просвѣщенное, силою ума и образованія побѣдившее въ себѣ вліяніе на воззрѣнія предразсудковъ и личныхъ интересовъ, впитало въ себя это убѣжденіе и послѣднее стало для

нашего отечества. Подробное изслѣдованіе дѣятельности покойнаго во время подготовленія великаго акта освобожденія крестьянъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, изученіе жизни и развитія русскаго государства. Н. А. Милютинъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ крестьянской реформѣ, и всѣ тѣ разнообразныя вліянія и вѣянія, дѣйствіе которыхъ отразилось на ходѣ и осуществленіи реформы, отражались изо дня въ день, съ часу на часъ, на жизни и личности этого выдающагося государственнаго человѣка.

„Великая реформа, въ которой Н. А. Милютину выпало на долю играть крупную роль, хотя и входила уже въ виды правительства задолго до ея осуществленія, хотя заранѣе и подвергалась обсужденію въ печати, насколько это было возможно при тогдашнихъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе, встрѣтила въ высшей степени неблагодарную почву, когда дѣло дошло до проведенія ея въ жизнь. Первымъ камнемъ преткновенія были страшная бѣдность силъ, недостатокъ въ людяхъ, привыкшихъ къ серьезной работѣ, въ руководящихъ сферахъ того времени. Это печальное послѣдствіе недавняго прошлаго нашей бюрократіи, и въ настоящее время еще дающее себя чувствовать въ достаточной степени, въ періодъ эмансипаціи проявлялось съ полной силой. Когда нужно было приступать къ дѣлу, пришлось искать людей свѣжихъ, большею частью дѣйствовавшихъ внѣ этихъ сферъ. Они нашлись; но имъ пришлось вести тяжелую борьбу и шагъ за шагомъ отстаивать дѣло, за которое они взялись. Со всѣхъ сторонъ дѣлу освобожденія грозила опасность, всюду оно встрѣчало на своемъ пути непреодолимыя препятствія; съ одной стороны—узкіе эгоистическіе интересы, стремленія замять и оттянуть реформу, или, въ крайнемъ случаѣ, исказить ее и свести на нѣтъ; съ другой—ложный страхъ и подозрительность, недовѣріе, колебанія, интриги и закулисныя вліянія—вотъ подводные камни, которые встрѣчались на каждомъ шагу и между которыми должны были лавировать люди, искренно служившіе дѣлу и безкорыстно посвятившія свои силы его осуществленію. Имъ приходилось, въ одно и то же время, безъ устали трудиться, проводить планъ преобразованія, и еще болѣе неустанно, шагъ за шагомъ, изо дня въ день, ограждать плоды своихъ трудовъ отъ непрерывныхъ посягательствъ, которыя со всѣхъ сторонъ направлялись противъ великой реформы ея многочисленными и сильными недругами. Это была борьба на жизнь и смерть, гдѣ не было средствъ, которыя не считались бы позволительными, борьба отживающаго порядка съ новымъ, стараго поколѣнія съ молодымъ; и, несмотря на то, что реформа входила въ виды и была, повидимому, неизмѣннымъ желаніемъ власти, представителей перваго направленія насчитывалось въ руководящихъ сферахъ больше, чѣмъ послѣдняго, а двуличное, неискреннее отношеніе къ дѣлу преобладало надъ честнымъ и искреннимъ. Тѣмъ болѣе долженъ былъ сплотиться тѣсный офи

него страстнымъ стремленіемъ. А дѣло реформы, по своей громадной, трудной задачѣ, требовало людей не заурядныхъ. Людей этихъ пришлось искать: ихъ нашли и они сказали свое слово. Слово ихъ было слишкомъ убѣдительно, да къ тому же обстоятельства заставляли торопиться съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, и реформа, начертанная редакціонной комиссіей, прошла.

Въ сдѣланномъ нами анализѣ необходимой связи явленій читатель можетъ усмотрѣть лишь одинъ, но весьма важный *случайный* элементъ; случайный въ томъ смыслѣ, что онъ не вызывался *необходимо*

ціальный кружокъ вѣрныхъ слугъ дѣла и напрягать всѣ свои силы, чтобы отстоять его. Они это и сдѣлали; съ неимовѣрными усиліями довели они до конца свою работу; они сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ. Главой и душой этого кружка былъ Н. А. Милютинъ, и вся трудность борьбы, вся тяжесть ударовъ противниковъ, всѣ козни, вся злоба—все, чѣмъ старались уничтожить благое дѣло, обрушивалось главнымъ образомъ на его голову. Нужна была его желѣзная воля, горячая преданность дѣлу, неподкупная честность, нужны были всѣ свѣтлыя черты, тѣмъ ярче выступающія, чѣмъ ближе знакомишься съ дѣятельностью этого могучаго человѣка, чтобы выдержать такую борьбу и не пасть подъ напоромъ комплота враждебныхъ силъ.

„Но кромѣ историческаго значенія, личность Милютина представляетъ сама по себѣ громадный интересъ. Мы вчужѣ преклоняемся передъ крупными людьми, какъ Вильямъ Питтъ, Робертъ Пиль и другіе. Мы знаемъ мельчайшія подробности ихъ жизни и дѣятельности. Мы дивимся блестящему проявленію силы ихъ ума, таланта, характера, ихъ стойкости и неуклонности въ борьбѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что обстановка, въ которой дѣйствовали и боролись эти люди, была неизмѣримо благопріятнѣе условій, съ какими приходилось считаться борцамъ освободительной реформы у насъ. Борьба, выпавшая на долю тамъ и здѣсь, представляетъ громадную разницу. Тамъ противники стоятъ другъ передъ другомъ открыто, здѣсь — враги большею частью скрывались за чужой спиной, не всегда сразу можно было распознать и оружіе, которымъ они дѣйствовали; тамъ—борьба партій съ ясно очерченными интересами, здѣсь—борьба съ закулисною интригой, необходимость распознавать, розыскивать и порывать ея скрытыя нити; тамъ—твердая и осязательная опора въ общественномъ мнѣніи, здѣсь—величайшая изъ реформъ, отъ которой зависѣла участь милліоновъ людей, зачастую вынуждена была искать поддержки въ салонахъ, будуарахъ, чуть ли не въ переднихъ сильныхъ міра сего; тамъ люди открыто говорили съ публичной трибуны, здѣсь участники реформы даже свою частную переписку не рѣшались ввѣрять почтѣ и ждали „оказій“, чтобы обмѣняться письмами. Такова разница въ условіяхъ борьбы, если не считать еще одного: большей или меньшей степени увѣренности въ ея результатахъ. Между тѣмъ какъ тамъ, разъ борьба кончена, побѣдитель считалъ свое дѣло упроченнымъ, находя высшее удовлетвореніе въ увѣренности, что дѣло не погибнетъ за отсутствіемъ людей, которые поддержали бы его, и что имя побѣдителя будетъ служить ободряющимъ лозунгомъ для его послѣдователей—здѣсь, едва успѣли борцы народнаго дѣла окончить первую свою работу, они сошли со сцены и сдѣлались посторонними свидѣтелями плодовъ своей работы; одно оставалось при нихъ: мучительно тревожное опасеніе, что не сегодня-завтра дѣло рукъ ихъ, дѣло, которое они готовы защищать до

общими законами жизни общества. Мы разумѣемъ здѣсь воззрѣнія Монарха. Хотя всякій Монархъ, какъ сынъ своего времени, отражаетъ въ себѣ духъ этого времени, но это отраженіе можетъ быть болѣе или менѣе яркимъ, рѣшительнымъ. Императоръ Александръ II явился воплощеніемъ мысли, назрѣвавшей въ Россіи цѣлое столѣтіе и сдѣлавшейся при вступленіи Его на престолъ настоятельнѣйшимъ жизненнымъ вопросомъ, и Его воззрѣнія на задачи преобразованія были шире взглядовъ и желаній большинства высшаго правительства; но, разумѣется, въ такомъ дѣлѣ, какъ условія, формирующія образъ мыслей и чувства отдѣльнаго лица, дѣлѣ зависящемъ отъ многихъ случайностей, и потому стоящемъ внѣ закона общихъ чиселъ, могло случиться, что воззрѣнія и стремленія Императора по вопросамъ преобразованія не представили бы того яснаго пониманія положенія дѣлъ, того рѣшительнаго характера какія имѣли мѣсто на самомъ дѣлѣ. Тогда весьма возможно, „Положеніе" о крестьянахъ явилось бы въ свѣтъ съ характеромъ, близкимъ воззрѣніямъ и стремленіямъ большинства высшаго правительства. Каковы были бы результаты такого разрѣшенія крестьянскаго вопроса, долго ли бы удержалось такое законодательство, благополучно ли разрѣшилось бы крестьянское дѣло—это иные вопросы, входить въ разсмотрѣніе которыхъ не представляется надобности.

послѣдней капли крови, попадетъ въ другія, враждебныя руки. Гдѣ теперь эти борцы? Главные изъ нихъ, начиная съ Н. А. Милютина, сошли въ могилу, одни на чужбинѣ, вдали отъ народа, для котораго они потрудились, другіе — на родинѣ, но въ сторонѣ отъ дѣла, за которое они положили жизнь, почти въ полномъ забвеніи... Гдѣ слава, которою по справедливости должны были покрыться ихъ имена? Больно сознаться въ этомъ, а имя и дѣянія иного биржевого туза болѣе извѣстны современному поколѣнію, чѣмъ имена этихъ людей. Гдѣ, наконецъ, ихъ послѣдователи, гдѣ та школа, которая продолжала бы дѣло съ усердіемъ и энергіей, достойными его начинателей?..

„Замученный и истерзанный неустанной борьбой, превышавшей силы одного человѣка, Н. А. Милютинъ преждевременно сошелъ въ могилу. Мало отраднаго видѣлъ покойный въ теченіе своей многотрудной жизни. Если что поддерживало его и не давало опускаться рукамъ, положившимъ начало великаго дѣла, то это только глубокая и горячая любовь къ народу, во имя котораго онъ трудился.

„Воспоминаніе о его честной и свѣтлой личности особенно дорого теперь, когда наше отечество переживаетъ время, во многомъ сходное съ періодомъ дѣятельности членовъ кружка Милютина. Если мы вновь не наканунѣ обширныхъ внутреннихъ реформъ, то во всякомъ случаѣ довершеніе прежнихъ, пополненіе тѣхъ пробѣловъ, которые обнаружились уже послѣ ихъ проведенія, переустройство и обновленіе многихъ отраслей внутренней жизни государства является дѣломъ неотложнымъ и потребуетъ большихъ усилій. Тѣ, на чью долю выпадаетъ выполненіе вновь народившихся широкихъ задачъ, могутъ почерпнуть необходимую энергію и силу въ такихъ высоконравственныхъ и дорогихъ для всякаго русскаго образцахъ, какими являются лучшіе дѣятели реформъ начала нынѣшняго царствованія".

Условія дѣйствительности, при которыхъ разрѣшался крестьянскій вопросъ, привели къ тому, что въ члены редакціонной комиссіи попалъ цвѣтъ петербургскаго офиціальнаго міра. Члены-эксперты, большинство которыхъ были люди выдающихся способностей, еще болѣе украсили составъ комиссіи. Комиссія блистала талантами, умомъ, знаніемъ, широтою воззрѣній. Читать ея разсужденія, полемику съ депутатами—истинное наслажденіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія проявила необычайную дѣятельность. Громадный, крайне сложный трудъ: на развалинахъ рабства построить новый порядокъ сельскаго быта, съ надѣленіемъ крестьянъ землею, организацiей выкупа ея при содѣйствіи правительства, устройствомъ крестьянскаго самоуправленія —комиссія исполнила въ годъ и семь мѣсяцевъ. Въ теченіе этого періода комиссія имѣла засѣданій:

По общему присутствію	134
„ отдѣленіямъ:	
„ юридическому	32
„ административному	34
„ хозяйственному.	146
„ финансовому.	15
„ кодификаціонному.	43
„ экстраординарныхъ	5
Всего	409

Большую помощь оказали редакціонной комиссіи проекты меньшинствъ въ губернскихъ комитетахъ и статьи по крестьянскому вопросу, печатавшіяся въ журналахъ. Комиссія не только развивала въ подробностяхъ основныя задачи реформы, какъ ихъ высказали литература и меньшинства въ губернскихъ комитетахъ, но и нерѣдко извлекала изъ проектовъ меньшинствъ губернскихъ комитетовъ и журнальныхъ статей аргументы для обоснованія своихъ постановленій. Редакціонная комиссія стояла на уровнѣ передовой русской мысли, а это — высшая похвала для правительственнаго учрежденія.

IX.

Начало реакціи.—Впечатлѣніе, произведенное назначеніемъ гр. Панина предсѣдателемъ редакціонной комиссіи.—Дѣятельность его въ комиссіи.—Перемѣна въ притязаніяхъ депутатовъ второго призыва.—Объясненіе факта: почему восторжествованіе партіи, враждебной разрѣшенію крестьянскаго вопроса на основаніяхъ, выработанныхъ редакціонной комиссіей, не повело за собой ни распущенія комиссіи, ни устраненія ея трудовъ въ главномъ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ.—Смыслъ реакціи.—Характеръ порожденнаго реакціей общественнаго движенія.—Стремленія въ средѣ помѣстнаго дворянства, обнаружившіяся на дворянскихъ собраніяхъ конца 1859 и начала 1860 годовъ.—Закрытіе редакціонной комиссіи и передача ея трудовъ на разсмотрѣніе главнаго комитета.—Характеръ работъ главнаго комитета.—Перенесеніе крестьянскаго дѣла въ послѣднюю инстанцію—въ государственный совѣтъ.—Рѣчь Императора при открытіи засѣданій государственнаго совѣта.—Важнѣйшія измѣненія въ законо-проектѣ редакціонной комиссіи, сдѣланныя государственнымъ совѣтомъ и утвержденныя Императоромъ.—Обнародованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Въ прошедшей главѣ были резюмированы обстоятельства, заставившія передать важное дѣло составленія законопроекта крестьянской реформы въ руки либераловъ, составлявшихъ меньшинство какъ въ правительственной, такъ и дворянской средѣ. Редакціонная комиссія воспользовавшись нѣсколькими статьями журнала главнаго комитета отъ 4-го декабря, уклонилась отъ предположенной правительственнымъ планомъ *постепенности* въ дѣлѣ освобожденія крѣпостныхъ отъ власти помѣщика и повела свои работы въ направленіи полнаго уничтоженія крѣпостного права и обращенія крестьянъ въ классъ землевладѣльцевъ-собственниковъ. Труды комиссіи печатались и вызывали озлобленіе и агатицію. Комиссію обвинили „въ нарушеніи высочайшихъ постановленій, въ соціалистическихъ стремленіяхъ, въ желаніи вызвать революцію и анархію“. Ростовцеву, Ланскому, Милютину (получившему назначеніе товарища министра внутреннихъ дѣлъ), имѣвшимъ непосредственныя сношенія съ Императоромъ, приходилось напрягать всѣ силы въ борьбѣ съ консервативными элементами для защиты и оправданія работъ комиссіи. Милютинъ воодушевлялъ Ростовцева и Ланского. Они выражали его мысли. Сочувствіе работамъ комиссіи супруги императора и полная энергіи и такта дѣятельность великой княгини Елены Павловны были весьма сильными союзниками Милютина въ его непрестанной борьбѣ за устраненіе внѣшняго вмѣшательства въ работы комиссіи, на чемъ настаивала враждебная комиссіи агитація.

Къ концу 1859 года, редакціонная комиссія, послѣ 8-ми мѣсячныхъ усиленныхъ трудовъ, разработала уже въ главныхъ чертахъ всѣ вопросы крестьянской реформы.

Въ это время заболѣваетъ желчной лихорадкой предсѣдатель комиссіи. Воспріимчивая, непривычная къ борьбѣ натура Ростовцева надломилась отъ интригъ, непрестанно окружавшихъ его, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлавшись предсѣдателемъ комиссіи, сталъ сторонникомъ воззрѣній интеллигентной части русскаго общества. Болѣзнь Ростовцева усиливалась съ каждымъ днемъ и подавала мало надежды на выздоровленіе. Вопросъ, кто займетъ его мѣсто, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ интересовъ дня. Въ публикѣ указывали на фельдмаршала Барятинскаго, министра государственныхъ имуществъ Муравьева, Чевкина, графа Муравьева-Амурскаго, государственнаго секретаря Буткова. Самъ Ростовцевъ указывалъ, какъ говорили, на графа Киселева.

Одни уже эти имена свидѣтельствуютъ, что въ правительственной средѣ продолжалось отсутствіе твердо установившагося направленія даже по отношенію къ крестьянской реформѣ, несмотря на то, что главная работа редакціонной комиссіи была уже окончена. Одни изъ указываемыхъ публикою замѣстителей Ростовцева были представителями традицій предшествовавшаго царствованія; другіе считались либералами. Возможность толковъ, что преемникомъ Ростовцева предназначается министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ, этотъ крайній противникъ разрѣшенія крестьянскаго дѣла на широкихъ началахъ, объясняется тѣмъ, что къ концу 1859 года стали обнаруживаться признаки приближающейся реакціи; голосъ консервативной правительственной партіи пріобрѣталъ все большую силу.

Часъ смерти Ростовцева приближался. Въ ранѣ, послѣ вырѣзаннаго карбункула, образовался антоновъ огонь. Въ ночь на 6-е февраля Государя извѣстили, что Ростовцевъ умираетъ. Въ присутствіи Государя, умирающій былъ еще въ памяти около часу. Открывая время отъ времени глаза онъ говорилъ Государю: „не бойтесь не бойтесь“. Въ седьмомъ часу утра Ростовцева не стало [1]).

---

[1]) Первый некрологъ о Ростовцевѣ былъ напечатанъ въ журналѣ „Наше Время“ (14-го февраля 1860 г. № 5), подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о генералъ-адъютантѣ Ростовцевѣ“. Приведемъ то мѣсто изъ некролога, въ которомъ выразился взглядъ интеллигентнаго общества на значеніе дѣятельности Ростовцева въ крестьянской реформѣ.

„На дняхъ скончался въ Петербургѣ генералъ-адъютантъ Ростовцевъ. Его поприще подвергалось разнаго рода нареканіямъ. Онъ стоялъ одиноко, не имѣлъ сильнаго родства, могущественныхъ связей и, слава Богу, не оставилъ по себѣ никого, кому писатель, съ низкой пользой для себя, могъ бы угодить воспоминаніемъ о покойникѣ. Мы не принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, которые находятъ нужнымъ рыться въ чужой совѣсти и объяснять всякое доброе дѣло корыстнымъ побужденіемъ. Горькая черта невѣрующаго общества! Мы знаемъ, что Ростов-

Спустя четыре дня по смерти Ростовцева, по городу разнеслась вѣсть о назначеніи предсѣдателемъ редакціонной комиссіи министра юстиціи графа Панина.

Партіи консервативная и помѣщичья торжествовали. „Ну, это значитъ, говорилось въ этой средѣ:—что дѣло отложено въ долгій ящикъ“... „Да и пора положить преграду слишкомъ далеко зашедшимъ увлеченіямъ друзей „Колокола“, послѣдователей соціализма“. (Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія. Т. II, стр. 383).

Н. А. Милютинъ приготовился къ отставкѣ, какъ получилъ извѣщеніе отъ Ланскаго, что новый предсѣдатель назначенъ съ условіемъ не дѣлать никакихъ измѣненій ни въ ходѣ дѣла, ни въ личномъ составѣ редакціонной комиссіи [1]). Такое же успокоительное извѣстіе получилъ Милютинъ отъ великой княгини Елены Павловны.

Дѣйствительно, личный составъ комиссіи остался безъ перемѣнъ до послѣдняго дня ея закрытія. Дѣйствительно, новый предсѣдатель ни разу не внесъ какого-либо предложенія, обязательнаго для комиссіи, въ силу высочайшей воли. Но, однако, онъ дѣлалъ не мало попытокъ измѣнить не только частности, но и основные принципы, на которыхъ были построены работы комиссіи. Надѣлъ крестьянъ землею, безсрочность повинностей, судебно-полицейскія права помѣщиковъ, дворовые—эти главнѣйшіе вопросы реформы были предметами разномыслія между предсѣдателемъ и большинствомъ членовъ комиссіи.

цевъ горячо дѣйствовалъ для освобожденія крестьянъ съ надѣломъ землею, и намъ довольно. Какія были его личныя цѣли, это—не наше дѣло, этого доищется Богъ. У насъ, пожалуй, найдутся охотники и подвиги самого Вильберфорса истолковать эгоистическими видами. Важно то, къ чему стремится человѣкъ, а эгоизмъ одушевляетъ его или самоотверженіе—для общества все равно. Мы знаемъ, что предсѣдатель редакціонной комиссіи окружилъ себя сотрудниками, которыхъ указалъ ему говоръ, похожій на общественное мнѣніе. Онъ сдѣлалъ выборъ не по чинамъ, не по долговременной службѣ, не по рекомендаціи. Это было нововведеніе многозначительное и не безъ будущности. Онъ преслѣдовалъ осуществленіе великой идеи, несмотря, что тучи носились кругомъ и каждый шагъ его подвергался празднымъ сплетнямъ, злобнымъ толкованіямъ, порицанію, клеветѣ. Исторія будетъ знать, что Ростовцевъ сошелъ въ могилу во время пламеннаго служенія лучшимъ надеждамъ его отечества, что онъ умеръ и не выпустилъ изъ рукъ дорогого знамени, во имя той идеи, которой были подчинены всѣ послѣднія минуты его жизни. Мы находимъ справедливымъ, съ этой точки зрѣнія, причислить его смерть къ разряду общественныхъ бѣдствій“.

[1]) „C'est Panine qui remplace Rostovtsef à la présidence de la commission, à la condition de ne rien changer à la marche des affaires, ni au personnel“ (Lettres de Lanskoi à Milutine. Revue des deux Mondes. 1 Octobre, 1880 art. Leroy-Beaulieu. p. 584).

Въ отношеніи поземельнаго надѣла гр. Панинъ высказался за добровольное соглашеніе. Высшій надѣлъ, *maximum*, онъ находилъ слишкомъ великимъ; низшій надѣлъ, *minimum*, излишнимъ; безсрочность повинностей—вопіющимъ нарушеніемъ правъ помѣщиковъ. Въ одно изъ засѣданій онъ прочелъ составленную дома записку о нарушеніи комиссіей высочайше указанныхъ началъ, вслѣдствіе устраненія ею вотчинно-полицейскихъ правъ помѣщиковъ. Обязательную службу дворовыхъ гр. Панинъ полагалъ сдѣлать продолжительнѣе и усилить надъ ними права господъ, болѣе чѣмъ предположила комиссія.

Образъ дѣйствій предсѣдателя былъ достаточно рѣшительный, и, только благодаря независимому характеру большинства членовъ комиссіи, не имѣлъ успѣха. Отмѣтимъ два интересные казуса.

Во время доклада въ общемъ присутствіи, 9-го апрѣля, о поземельномъ надѣлѣ въ малороссійскихъ губерніяхъ, гр. Панинъ сказалъ рѣчь противъ предоставленія крестьянамъ надѣла въ *„безсрочное“* пользованіе. Всѣ убѣжденія предсѣдателя оказались тщетны. Большинство членовъ осталось непоколебимо за безсрочное пользованіе надѣлами. Предсѣдатель закрылъ засѣданіе, объявивъ, что онъ самъ составитъ журналъ о высказанныхъ въ засѣданіи мнѣніяхъ. По выслушаніи въ слѣдующемъ засѣданіи журнала, собственноручно написаннаго предсѣдателемъ, комиссія отказалась его подписать въ виду полнаго его несоотвѣтствія съ высказанными мнѣніями. Панинъ пробовалъ еще разъ убѣдить членовъ; но увидя, что всѣ его усилія и маневры безполезны, подписалъ журналъ, составленный секретаремъ комиссіи.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, гр. Панинъ повторилъ описанный маневръ. Имъ было внесено въ комиссію предложеніе присоединить къ новому крестьянскому положенію полицейскій уставъ министерства государственныхъ имуществъ. Предсѣдателю отвѣчали, что обстоятельство это уже прежде имѣлось въ виду, но что означенный полицейскій уставъ найденъ во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ и устарѣлымъ, а потому рѣшено его не вводить. Гр. Панинъ сказалъ нѣсколько словъ въ защиту своего предложенія, и тѣмъ дѣло казалось конченымъ. Возвращая журналъ засѣданія, предсѣдатель написалъ на немъ: „прошу внести въ журналъ постановленіе о полицейскомъ уставѣ, согласно принятому о семъ рѣшенію редакціонной комиссіи“. Комиссія была изумлена. Начались объясненія. Одинъ изъ членовъ доказывалъ предсѣдателю, что предложеніе его было отвергнуто съ полной очевидностью. Гр. Панинъ поблѣднѣлъ и, задыхаясь отъ волненія отвѣчалъ: „Такъ это значитъ вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ; это случается со мной въ

первый разъ въ моей жизни". (Матер. для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія. Т. III, стр. 95).

Послѣ этого случая онъ сталъ рѣже ѣздить въ засѣданія комиссіи и задерживалъ журналы по нѣсколькимъ недѣлямъ. Являясь въ комиссію, былъ очень сумраченъ, здоровался лишь съ немногими единомышленниками, молча выслушивалъ журналъ, не вмѣшивался въ пренія и аккуратно закрывалъ засѣданіе по прошествіи двухъ часовъ съ минуты своего пріѣзда. Однажды, когда работы комиссіи подходили уже къ концу, гр. Панинъ закрывая засѣданіе спросилъ, когда бы можно было назначить слѣдующее засѣданіе? отвѣчали: въ субботу или понедѣльникъ. Гр. Панинъ назначилъ воскресенье. Такихъ случаевъ, рисующихъ любезное отношеніе предсѣдателя къ членамъ комиссіи, множество. Оставаясь постоянно въ меньшинствѣ, испытывая неудачи въ маневрахъ для проведенія своихъ предположеній, гр. Панинъ сказалъ однажды со вздохомъ одному изъ членовъ комиссіи: „Нѣтъ, надо признаться, время тайныхъ совѣтниковъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошло безвозвратно".

Крестьянское дѣло, по самой своей природѣ, требовало возможно скорѣйшаго разрѣшенія. Между тѣмъ, предсѣдатель комиссіи употреблялъ всѣ уловки, чтобы тормозить работы. Государь повелѣлъ ускорить окончаніемъ дѣла. Панинъ обѣщалъ представить трудъ комиссіи къ 10-му октября, тогда какъ, по заявленію Милютина, онъ могъ быть оконченъ въ іюлѣ (Revue des deux Mondes p. 586). Въ механическомъ отношеніи Панина къ работамъ редакціонной комиссіи, обнаруженномъ имъ впослѣдніи три мѣсяца своего предсѣдательства, никто не видѣлъ признака потери Панинымъ и его партіей вѣры въ успѣхъ дѣла. Въ столицахъ и провинціи говорили, что Панинъ убѣдился въ безполезности давленія на комиссію, но мало этимъ безпокоится, такъ какъ убѣжденъ, что труды комиссіи будутъ до основанія передѣланы въ главномъ комитетѣ. Въ Москвѣ читали письмо одного изъ депутатовъ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что, при прощаніи его съ гр. Панинымъ, на вопросъ, какого можно ожидать окончанія крестьянскаго дѣла, послѣдній отвѣчалъ: „Во всякомъ случаѣ, не въ томъ видѣ, въ какомъ предположено редакціонною комиссіею". (Матер. для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія, Т. II, стр. 454).

Назначеніе гр. Панина предсѣдателемъ редакціонной комиссіи укрѣпило вѣру депутатовъ второго призыва въ распространявшійся съ января 1860 года болѣе и болѣе слухъ о перемѣнѣ взгляда *„власти"* на крестьянское дѣло и даже о предстоящемъ распущеніи редакціонной комиссіи. Съѣхавшись въ Петербургъ съ

намѣреніемъ ограничить борьбу съ комиссіей лишь сферою экономическою, направивъ всѣ усилія на уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ и увеличеніе оброковъ, ибо лишь въ одномъ этомъ дѣлѣ предполагалось достичь какого-нибудь успѣха, депутаты, видя перемѣну вѣтра, начали расширять свои притязанія, а съ момента назначенія Панина поставили себѣ цѣлью разрушить до основанія зданіе, воздвигнутое комиссіею, и на обломкахъ его построить новое, соотвѣтствующее помѣщичьимъ интересамъ, какъ они ихъ понимали. Было условлено скомпрометировать въ глазахъ правительства труды комиссіи, выставляя на видъ, что въ основаніи этихъ трудовъ кроются преступные и опасные для общественнаго спокойствія замыслы, и настаивать на безземельномъ освобожденіи крестьянъ съ сохраненіемъ вотчинныхъ правъ, какъ на самомъ желательномъ, благотворномъ, справедливомъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Стремленія и надежды предсѣдателя редакціонной комиссіи и депутатовъ второго призыва, какъ извѣстно, не осуществились. Правда, главный комитетъ и государственный совѣтъ измѣнили въ интересахъ помѣщичьихъ проектъ „Положенія" комиссіи по предметамъ надѣловъ и платежей крестьянъ, ввели статью о даровомъ надѣлѣ, совершенно противорѣчащую духу проекта комиссіи; но основные принципы, которыми были проникнуты труды комиссіи, а именно: освобожденіе крестьянъ съ землей, полная отмѣна помѣщичьей власти, организація крестьянскаго самоуправленія, остались нетронутыми и вошли въ „Положеніе" 19-го февраля.

Упорно державшійся, съ начала 1860 г., какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи слухъ объ измѣненіи взгляда „*власти*" на характеръ разрѣшенія крестьянскаго вопроса и о намѣреніи распустить редакціонную комиссію для передачи дѣла въ другія руки, назначеніе и образъ дѣйствій гр. Панина въ комиссіи, притязаніе депутатовъ второго призыва и нескрываемая ими вѣра въ успѣхъ своей агитаціи, тревожное состояніе членовъ редакціонной комиссіи за судьбу ихъ работъ—все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о восторжествованіи къ этому времени партіи, враждебной разрѣшенію крестьянскаго вопроса на основаніяхъ, выработанныхъ комиссіею. И, однако, комиссія была закрыта не ранѣе, какъ по окончаніи своихъ работъ; и далѣе, ни главный комитетъ, ни государственный совѣтъ, большинство членовъ которыхъ было враждебно начертанному комиссіей разрѣшенію крестьянскаго вопроса, не измѣнили коренныхъ основаній законопроекта комиссіи.

Въ чемъ заключаются причины этого интереснаго факта? Въ

трудахъ Леруа-Болье, которому болѣе, чѣмъ намъ, открытъ былъ свободный доступъ къ матеріаламъ эпохи крестьянской реформы, мы не находимъ прямыхъ указаній, которыя объясняли бы этотъ фактъ. Интимныхъ документовъ по крестьянскому дѣлу извѣстно пока весьма мало. Итакъ, въ объясненіе указаннаго факта остается высказать предположеніе, въ справедливости котораго, впрочемъ, мы твердо убѣждены.

Крестьянское дѣло затрогивало сильные интересы и предразсудки господствующаго класса. Переданное сначала для разрѣшенія въ руки высшихъ сановниковъ государства, оно тормозилось и обѣщало окончиться лишь небольшимъ смягченіемъ крѣпостныхъ порядковъ. Между тѣмъ, оффиціальныя донесенія изъ провинціи сообщали, что народъ лихорадочно ждетъ свободы, „*чистой воли*", понимая подъ чистой волей полное освобожденіе отъ власти помѣщика и полученіе въ собственность мірской земли. Дѣло, составляющее эпоху въ русской исторіи, было передано въ руки людей, сочувствовавшихъ освобожденію, и, при томъ, не только не взирая на ихъ ранги, но даже и не находившихся на государственной службѣ. Это было нѣчто совсѣмъ новое въ оффиціальномъ мірѣ петербургскаго періода. Эти люди повели дѣло реформы гораздо далѣе первоначальныхъ предположеній ихъ шефа, Ростовцева, и мало-по-малу увлекли его за собой. Съ работами редакціонной комиссіи гармонировали литературное движеніе и возбужденіе въ интеллигентной общественной средѣ, получившія, во-первыхъ, нѣкоторую возможность высказаться, благодаря небольшому облегченію стѣсненій свободы слова со вступленіемъ на престолъ императора Александра II, и, во-вторыхъ, пріобщиться вѣры въ перспективу лучшихъ общественныхъ порядковъ, въ виду поднятаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ и предполагавшихся за этимъ дальнѣйшихъ реформъ. Это вполнѣ легальное общественное возбужденіе, это скромное проявленіе свободной мысли и общественной самодѣятельности было, тѣмъ не менѣе, до того ново сравнительно съ недавними порядками, что представилось правительству опаснымъ. Къ концу 1859 года привычки и понятія традиціоннаго режима одерживаютъ верхъ, и правительство, на стремленія общества заявлять свою мысль, отвѣчаетъ рядомъ такихъ стѣснительныхъ цензурныхъ распоряженій, какія не практиковались уже въ теченіе четырехъ лѣтъ. Измѣненіе въ общемъ направленіи господствующаго правительственнаго режима естественно отражается и на редакціонной комиссіи. Предначертаніями ея недовольны. Но что же можно было предпринять правительству въ этомъ дѣлѣ? Распустить комиссію и передать крестьянскій вопросъ снова въ руки главнаго комитета представлялось

крайне неудобнымъ, если не совсѣмъ невозможнымъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, главный комитетъ заявилъ уже себя противникомъ сколько-нибудь существеннаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла—а ожиданія народной массы были извѣстны и не принимать ихъ въ соображеніе было невозможно. Назначить новую комиссію? Изъ кого? Середины не было: въ средѣ правительства существовали или сторонники освобожденія, солидарные съ предначертаніями комиссіи, или сторонники сохраненія крѣпостныхъ порядковъ. Во-вторыхъ, въ виду возбужденія умовъ дѣло требовало возможно скорѣйшаго разрѣшенія. Работы же редакціонной комиссіи къ началу 1860 г. были почти закончены; остались частности и кодификаціи. Въ какой степени правительство сознавало необходимость торопиться манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ, свидѣтельствуетъ чрезвычайная спѣшность обсужденія „Положенія". въ главномъ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ. Этими двумя обстоятельствами: невозможностью передать дѣло разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ руки людей, не сочувствовавшихъ освобожденію, и необходимостью спѣшить изданіемъ манифеста, объясняется, по нашему мнѣнію, почему главный комитетъ и государственный совѣтъ не могли передѣлать до основанія поступившій на ихъ разсмотрѣніе законопроектъ редакціонной комиссіи. Безъ большого труда и потери времени поддавались измѣненію количественныя отношенія въ экономической сферѣ, и они подверглись поправкамъ въ интересахъ помѣщиковъ. Но передѣлывать, даже въ частностяхъ, юридическую и административную стороны законопроекта, было невозможно, не измѣнивъ основаній, изъ которыхъ онѣ вытекали [1]). Въ-третьихъ, наконецъ, къ этому присоединилось также немаловажное обстоятельство, что труды комиссіи печатались и разсылались въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ, благодаря чему въ обществѣ и средѣ народа укрѣпились опредѣленныя ожиданія отъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Очевидно, что каждое изъ указанныхъ обстоятельствъ, даже взятое въ отдѣльности, представляло достаточно сильный мотивъ, чтобы оставить крестьянское дѣло въ рукахъ редакціонной комиссіи. Взятые же вмѣстѣ, они получали въ полномъ смыслѣ слова значеніе внѣшней непреодолимой силы. Такимъ образомъ, можно сказать, что сама природа крестьянскаго дѣла, обстоятельства, при которыхъ

---

[1]) Въ журналахъ главнаго комитета мы находимъ признаніе, что необходимость торопиться окончаніемъ реформы заставляетъ комитетъ ограничиться лишь такими измѣненіями законопроекта редакціонной комиссіи, которыя не требуютъ сложнаго труда и значительнаго количества времени (См. Т. II, стр. 137).

оно разрѣшалось, были причиной, что наступившая въ 1860 году реакція отразилась на немъ гораздо менѣе сравнительно съ стремленіями и намѣреніями восторжествовавшаго къ этому времени режима. *А это имѣло важное значеніе не только для крестьянскаго дѣла, но и для всѣхъ послѣдующихъ реформъ, ибо характеръ ихъ въ значительной степени обусловливался способомъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса.*

Посмотримъ теперь ближе на то, чѣмъ была вызвана реакція, въ чемъ она проявилась, какой былъ ея смыслъ, чему она противодѣйствовала.

Періодъ отъ 1856 до 1860 года представляетъ, какъ извѣстно, такое лихорадочное общественное возбужденіе, какого никогда еще не переживала Россія. Это была эпоха напряженной умственной работы, исканія нравственныхъ идеаловъ, вѣры въ крупныя реформы и обновленіе русской жизни. Въ провинціи не менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, жизнь разцвѣла послѣ тридцатилѣтняго гнета. Гнетъ этотъ привелъ къ крымскимъ пораженіямъ и сдѣлалъ безполезнымъ героизмъ солдатъ, героизмъ—парализованный язвами бюрократической системы и военной администраціи. Необходимость реформы общественныхъ порядковъ стала очевидной. Естественно, на первомъ планѣ, былъ поставленъ крестьянскій вопросъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ стало необходимымъ облегчить нѣсколько узду, стягивавшую мысль и слово въ теченіе тридцати лѣтъ. Открылась заря новой жизни, открылась возможность высказаться хоть наполовину и, какъ бы волшебствомъ какимъ, исчезла апатія, въ которой такъ долго пребывало русское общество. Россія, казалось, пробудилась отъ летаргическаго сна; все оживилось, заговорило. Вопросы философскіе, политическіе, экономическіе стали предметомъ самаго живого обсужденія, какъ въ литературѣ, такъ и въ гостиныхъ. Масса новыхъ идей была пущена въ оборотъ; спѣшили переводомъ сочиненій извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, открылись новые журналы и газеты; книжные магазины торговали какъ никогда. Всюду провозглашалась необходимость цѣлаго ряда крупныхъ реформъ съ твердою вѣрой, что Императоръ одушевленъ горячимъ сочувствіемъ къ преобразованіямъ. Искреннее и глубокое благоговѣніе интеллигентнаго общества предъ Монархомъ составляло также одну изъ отличительныхъ чертъ этой эпохи.

Въ салонахъ, дворянскихъ собраніяхъ, губернскихъ комитетахъ, литературѣ, офиціальномъ мірѣ началась ожесточенная борьба мнѣній и стремленій. Все молодое, благородное ликовало въ ожиданіи реформъ; противъ нихъ—рутина, эгоизмъ, взяточничество, самовластіе, солдатская грубость. Оппозиція крестьянской реформѣ

большинства дворянства, бюрократіи и высшихъ сановниковъ государства дѣлала борьбу либеральнаго правительственнаго меньшинства весьма трудной. Представители традицій предшествовавшаго царствованія продолжали занимать высшіе посты. Въ правительственной политикѣ не было рѣшительности, не было однородной системы дѣйствій. Вся исторія крестьянской реформы запечатлѣна этой нерѣшительностью, скачками. Тоже самое выразилось и въ отношеніи другихъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Вопросъ о гласномъ судопроизводствѣ то ставился, то устранялся. Выработали новый смягченный законопроектъ по дѣламъ печати и затормозили его. Одни вѣдомства усиливали цензуру, другія ослабляли ее. Рядомъ съ этимъ, продолжали совершаться въ бюрократическихъ канцеляріяхъ, судахъ, въ административныхъ сферахъ крупныя злоупотребленія, вопіющіе факты, которые предавались огласкѣ въ заграничныхъ русскихъ изданіяхъ, такъ какъ внутренняя печать не смѣла идти далѣе оглашенія злоупотребленій мелкихъ чиновниковъ, да и въ этомъ даже встрѣчала большія стѣсненія. И, несмотря на все это—фактъ приступа правительства къ преобразованію крестьянскаго быта затмѣвалъ собой все и позволялъ образованному обществу вѣрить въ близкое и прочное торжество новаго режима. Тѣмъ болѣе, что рядомъ съ фактами, удручавшими истинныхъ патріотовъ, были также факты, заявлявшіе о новыхъ вѣяніяхъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно было, что отмѣна откуповъ есть дѣло рѣшенное Императоромъ. Большое значеніе придавали тому, что въ теченіе трехъ лѣтъ царствованія никто не посаженъ безъ суда въ крѣпость и не сосланъ административнымъ порядкомъ за политическіе разговоры, убѣжденія. Сильное впечатлѣніе произвело возвращеніе декабристовъ изъ Сибири. Какъ на крупное событіе, знаменующее собою наступленіе новыхъ порядковъ, взглянули и на повелѣніе Императора, чтобъ въ гражданскія учебныя заведенія не назначали воспитателей изъ военныхъ.

Такого рода распоряженія поддерживали вѣру общества, что направленіе внутренней политики перейдетъ въ скоромъ времени рѣшительно въ руки людей, сочувствующихъ движенію, которые замѣнятъ враждебныхъ реформамъ сановниковъ, оставшихся отъ предшествовавшаго царствованія. Эта вѣра раздѣлялась и заграничными русскими органами, и европейской печатью. Въ обществѣ не только не было анархическихъ элементовъ, о которыхъ постоянно говорилъ шефъ жандармовъ, поддерживаемый хоромъ враждебной реформамъ и малѣйшему проявленію свободнаго слова партіи, но и нетерпѣливыхъ, недовольныхъ хожденіемъ правительства по двумъ дорогамъ, была ничтожная горсть. Недовольство

было лишь въ средѣ дворянства и реакціонеровъ. Но, разумѣется, не эту общественную сферу имѣло въ виду бюро государственной полиціи въ своихъ докладахъ о быстро усиливающемся ростѣ анархическихъ элементовъ; не эту сферу имѣлъ въ виду мрачной памяти генералъ-губернаторъ Закревскій, донося объ опасномъ броженіи умовъ въ Москвѣ.

Проходилъ годъ за годомъ и факты внутренней политики все болѣе ослабляли вѣру, что власть уразумѣетъ нравственныя потребности общественной среды, сознательно относившейся къ главнымъ недостаткамъ общественнаго быта. Сколько-нибудь сносная свобода прессы — этотъ единственный, при отсутствіи общественнаго представительства, свѣтъ жизни, единственный органъ, посредствомъ котораго общество можетъ высказать свои нужды — стала считаться неосуществимой мечтой. Все болѣе усиливался скептицизмъ и въ отношеніи самаго основнаго вопроса русской жизни, въ отношеніи правильнаго, въ интересахъ народа, разрѣшенія крестьянскаго дѣла. Въ литературѣ зазвучала нота разочарованій. И эта нота имѣла тѣмъ болѣе основаній и находила отголосокъ въ обществѣ, что, вмѣсто движенія впередъ, въ правительственной средѣ все большій перевѣсъ и силу получала старая партія, почему и характеръ офиціальныхъ распоряженій обнаруживалъ болѣе и болѣе стремленіе держать общественную мысль въ крѣпостномъ состояніи. Вторая половина 1859 года такъ богата этими распоряженіями, разочарованіе общества начинаетъ высказываться столь сильно, что это время можно считать началомъ рѣшительнаго поворота въ отношеніяхъ власти къ обществу. Укажемъ въ хронологическомъ порядкѣ образчики этихъ распоряженій въ концѣ 1859 и въ началѣ 1860 года до момента назначенія гр. Панина предсѣдателемъ редакціонной комиссіи, въ чемъ увидѣли поворотъ правительственнаго режима уже и въ основномъ вопросѣ русской жизни.

Въ началѣ 1859 г. была запрещена газета „Парусъ“, издававшаяся И. С. Аксаковымъ въ Москвѣ, за статью о пользѣ свободнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ. Причемъ, 1) былъ сдѣланъ выговоръ московскому цензурному комитету за пропускъ статьи; 2) цензоръ Капнистъ смѣщенъ съ должности; 3) редактору „Русской Газеты“ сдѣлано строгое предостереженіе за обнаруженіе сочувствія къ направленію газеты „Парусъ“.

Въ маѣ 1859 года, циркуляръ комитета по дѣламъ книгопечатанія, предписавшій, чтобы „текущія политическія извѣстія въ изданіяхъ, печатаемыхъ въ Москвѣ, заимствовать исключительно изъ газетъ петербургскихъ, которыхъ политическіе отдѣлы разрѣшаются къ печати цензурою министра иностранныхъ дѣлъ“.

Съ этого же времени начинается преслѣдованіе обществъ трезвости, починъ которому положенъ слѣдующимъ циркуляромъ литовскаго генералъ-губернатора: — „Г. министръ финансовъ, получивъ донесеніе, что католическое духовенство ковенской губерніи, безъ вѣдома правительства, учредило братство, *причиняющее вредъ казеннымъ доходамъ,* проситъ г. виленскаго военнаго губернатора и генералъ-губернатора гродненскаго и ковенскаго о недопущеніи образованія сихъ братствъ во ввѣренной вамъ губерніи... О чемъ извѣщая васъ къ точному исполненію, предписываю, въ случаѣ образованія въ вѣдомствѣ вашемъ недозволенныхъ закономъ братствъ или обществъ трезвости, каждый разъ тотчасъ же рапортовать мнѣ".

А вотъ образчикъ духовной цензуры. Въ казанскую духовную академію было прислано изъ святѣйшаго правительствующаго синода замѣчаніе о несвойственномъ духовному изданію направленіи „Православнаго Собесѣдника". Такъ, напримѣръ, въ „январской книгѣ за текущій годъ, въ статьѣ: „Голосъ древней церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей", преподобный Зосима Соловецкій, преподобный Іосифъ Волоколамскій и другіе святые отцы называются пророками *грядущей славы* чадъ Божіихъ, подъ которою разумѣются настоящія правительственныя распоряженія объ улучшеніи быта крестьянъ. Далѣе говорится:—„Теперь Россія на зарѣ своего возрожденія"— какъ будто возрожденіе одного человѣка, или цѣлаго народа могло быть что-либо иное, кромѣ св. крещенія, и какъ будто позволительно правительственнымъ мѣрамъ присвоивать одинаковое названіе со св. таинствомъ и одинаковую силу съ благодатію, нисходящею въ этомъ таинствѣ. При всемъ этомъ, въ статьѣ изобиліе иностранныхъ словъ: гуманность, идеальность, прогрессъ, цивилизація, комфортъ, арена и др., вовсе не соотвѣтствующихъ достоинству духовнаго изданія".

По поводу домашней исторіи въ московскомъ университетѣ, состоявшей въ томъ, что студенты не пришли на лекцію профессора Варнека, выставивъ причиной неудовлетворительное чтеніе профессоромъ лекцій, были изданы очень подробныя правила для студентовъ, понятіе о которыхъ могутъ дать слѣдующія статьи:

„§ 1. Казенные и своекоштные студенты, православнаго и другихъ христіанскихъ исповѣданій, должны говѣть и пріобщаться св. таинъ ежегодно, и объ исполненіи этой важнѣйшей обязанности представлять своевременно инспектору законныя письменныя свидѣтельства.

„За несоблюденіе общей христіанской обязанности говѣнія и причащенія св. таинъ во время великаго поста, студенты подвергаются въ 1-й разъ — замѣчанію со стороны инспектора, во

2-й разъ — выговору въ присутствіи правленія и въ 3-й разъ — увольненію изъ университета.

„§ 26. Ношеніе формы должно строго сообразоваться съ утвержденными образцами и выполняться установленнымъ порядкомъ. Волосы имѣть *коротко остриженными*; *ношеніе усовъ, бороды и эспаньелокъ воспрещается. Трости носить также запрещается.* Всякое отступленіе отъ указанной формы считается нарушеніемъ университетскаго постановленія и подлежитъ опредѣленному наказанію".

По цензурѣ разосланъ новый циркуляръ, въ которомъ сказано, что „цензоръ не долженъ пропускать ни одной обличительной статьи о какомъ-нибудь взяточничествѣ, несправедливости, безпорядкѣ и проч., если онъ не имѣетъ положительныхъ доказательствъ и *документовъ* о происшествіи, описываемомъ въ статьѣ"... А въ заключеніе сказано, что „правительство не видитъ никакой пользы въ гласности, ибо *считаетъ унизительнымъ для себя* обращать вниманіе на всѣ жалобы и замѣчанія, заключающіяся въ статьяхъ обличительнаго содержанія".

Приведемъ еще одно курьезное отношеніе главнаго управленія цензуры въ московскій комитетъ. „Въ № 11 за сей годъ журнала „Развлеченіе" напечатано нѣсколько статей, не заслуживающихъ цензурнаго одобренія. На 1-й страницѣ помѣщена неприличная каррикатура, *оскорбляющая военный мундиръ.* Въ городской хроникѣ, на страницѣ 131, есть *язвительная* выходка противъ московскаго почтамта: „Итакъ стоитъ чиновнику умереть, чтобъ ходъ дѣла ему порученнаго покрылся мракомъ неизвѣстности. Поучительно!" Въ стихотвореніи изъ Гейне, стр. 132, цвѣтъ воротника квартальнаго надзирателя и комиссаріатскаго чиновника названъ *дурацкимъ.* Этотъ № „Развлеченія" одобренъ къ печати цензоромъ Драшусовымъ. Имъ же допущена въ № 10 „Московскаго Вѣстника", въ отдѣлѣ: внутреннія извѣстія, на стр. 150, неумѣстная выходка противъ школъ дѣтей канцелярскихъ служителей, которыхъ и учрежденіе, и устройство представляется въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, и на стр. 161, той же, газеты, въ замѣткахъ *„кое о чемъ"* употреблено странное въ печати слово: *языкоблудіе*, въ примѣненіи къ ложнымъ толкамъ о литературныхъ произведеніяхъ. Главное управленіе цензуры, обративъ вниманіе на непрерывно дѣлаемыя цензоромъ Драшусовымъ упущенія, за которыя онъ неоднократно подвергался замѣчаніямъ, находитъ невозможнымъ оставлять его долѣе цензоромъ, а потому проситъ ваше превосходительство предложить, отъ имени главнаго управленія цензуры, статскому совѣтнику Драшусову подать просьбу объ увольненіи его отъ службы. Редактору же журнала „Развлеченіе" сдѣлать предвареніе, что если

сіе изданіе останется при нынѣшнемъ направленіи, то подвергнется запрещенію“.

Рядъ циркуляровъ по цензурѣ, стѣснявшихъ обсужденіе крестьянскаго вопроса въ литературѣ, вслѣдствіе чего, къ концу 1859 года, разработка крестьянскаго дѣла въ періодическихъ изданіяхъ прекратилась.

Поворотъ правительственной политики въ концѣ 1859 года коснулся также депутатовъ и правъ дворянскихъ собраній, что повело за собой событія, которыя мы сейчасъ разскажемъ. Событія эти стоятъ въ непосредственной связи съ крестьянской реформой; но главная причина, почему мы не считаемъ возможнымъ обойти ихъ молчаніемъ, состоитъ въ томъ, что въ нихъ выразилось движеніе помѣстнаго, нечиновнаго дворянства. Событія эти дополняютъ матеріалъ о существовавшихъ въ эпоху крестьянской реформы стремленіяхъ въ средѣ дворянства, часть каковаго матеріала сообщена нами уже въ главѣ по вопросу о вотчинной полиціи.

Выше (въ V главѣ) приведены всеподданнѣйшіе адресы депутатовъ перваго призыва, поданные ими въ концѣ 1859 года, по окончаніи работъ въ редакціонной комиссіи, въ которыхъ, между прочимъ, высказаны были желанія: реформъ въ администраціи, гласнаго суда и свободы слова. Подавшіе такіе адресы подверглись выговору черезъ губернаторовъ, а нѣкоторые изъ нихъ были отданы подъ надзоръ полиціи. Это распоряженіе правительства было въ глазахъ общества новымъ свидѣтельствомъ поворота правительственной политики. Въ немъ всѣ увидѣли преслѣдованіе за одно лишь свободное выраженіе мысли. Непріятное впечатлѣніе, произведенное на значительную часть дворянства взысканіями лишь за одну подачу всеподданнѣйшаго адреса, усилилось еще болѣе циркуляромъ начальникамъ губерній (ноябрь 1859 года) о недозволеніи дворянству на выборахъ имѣть сужденіе по предметамъ, до крестьянскаго быта касающимся.

Въ декабрѣ 1859 года и въ первые мѣсяцы 1860 года, предстояли дворянскія собранія въ губерніяхъ: рязанской, тверской, ярославской, владимірской, новгородской и калужской. Послѣдствія циркуляра не замедлили обнаружиться на этихъ собраніяхъ. Началось съ рязанской губерніи.

Какъ только губернскій предводитель прочелъ передъ собраніемъ дворянства циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, собраніе заявило, что видитъ въ циркулярѣ посягательство на права дворянства, и постановило подать по этому поводу всеподданнѣйшій адресъ. Въ адресѣ говорилось, что дворянству коренными законами дано

право разсуждать на выборахъ о своихъ пользахъ и нуждахъ; въ виду же циркуляра это дѣлается невозможнымъ, ибо всѣ пользы и нужды дворянскія такъ тѣсно связаны съ крестьянскимъ вопросомъ, что нельзя ни о чемъ заговорить, не коснувшись этого вопроса.

Адресъ дворянства былъ переданъ на разсмотрѣніе въ главный комитетъ, и рѣшено отвѣчать отказомъ и подтвержденіемъ циркуляра. Отвѣтъ посланъ по телеграфу.

Губернскій предводитель Повалишинъ объявилъ, что закроетъ немедленно собраніе, какъ только будетъ произнесено слово „крестьянское дѣло". Собраніе, чтобы не оставаться совершенно безмолвнымъ, по окончаніи выборовъ, приняло слѣдующее постановленіе: „Г-ну губернскому предводителю извѣстны наши крайнія нужды; но такъ какъ мы не имѣемъ права о нихъ разсуждать, то, на основаніи сего протокола, даемъ право губернскому предводителю довести оныя до свѣдѣнія Государя Императора". („Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія". Т. II, стр. 266). Редакція всеподданнѣйшаго прошенія была предварительно одобрена собраніемъ. Губернскій предводитель, по окончаніи выборовъ, представилъ отъ себя одобренное собраніемъ прошеніе и получилъ за это выговоръ.

За рязанскимъ собраніемъ послѣдовало тверское.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что тверской губернскій комитетъ представилъ не только относительно самый лучшій, но и абсолютно разумный и либеральный проектъ освобожденія крестьянъ. Депутатомъ отъ большинства былъ выбранъ губернскій предводитель дворянства г. *Унковскій*. Окончивъ занятія въ редакціонной комиссіи, Унковскій участвовалъ во всеподданнѣйшемъ адресѣ пяти депутатовъ, въ которомъ излагалась насущная необходимость административной и судебной реформъ. За подачу адреса онъ не только получилъ выговоръ, но и отданъ былъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Открывая 8-го декабря губернское дворянское собраніе, Унковскій прочиталъ извѣстный намъ уже циркуляръ. Тогда нѣсколько голосовъ предложили, на основаніи 77-й статьи I тома основныхъ законовъ, „не чиня исполненія" начать говорить о крестьянскомъ вопросѣ. На это помѣщикъ *Европеусъ* сказалъ слѣдующее: „Господа! По прочтеніи 77-й статьи было высказано, что такъ какъ въ ней упомянуто о представленіи г. министру, не чиня исполненія, то предполагаютъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ. По моему мнѣнію, такое толкованіе статьи неправильно. Она означаетъ болѣе, а именно, что мы должны пріостановиться въ сужденіяхъ нашихъ до

разрѣшенія недоумѣнія административнымъ порядкомъ, указаннымъ статьей. Настало время господа, понять, что пользованіе правами не есть исключительная привилегія одного сословія, но исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ковсему обществу. Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы и служить единственной законной гарантіей противъ произвола бюрократіи, все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся; бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества, и волѣ Государя Императора. Изъ представленнаго намъ отчета о земскихъ повинностяхъ и нашемъ капиталѣ, вы можете видѣть, господа, до какой степени простирается произволъ и неисполненіе законовъ. Не станемъ же подражать въ нашихъ дѣйствіяхъ этой бюрократіи, которая для своихъ выгодъ искажаетъ законы. Докажемъ нашими дѣйствіями, что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими и что мы можемъ со всѣмъ достоинствомъ правильнаго совѣщательнаго собранія протестовать официальнымъ образомъ и на основаніи закона. Это составляетъ нашъ долгъ предъ лицомъ общества и всей Россіи. Въ заключеніе прошу позволенія прочесть слѣдующее предложеніе: циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ воспрещается губернскому собранію входить въ какія бы то ни было сужденія, относящіяся до крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, на насъ возложено сужденіе о пользахъ и нуждахъ дворянства, о которыхъ мы не можемъ ничего сказать, не нарушая означеннаго запрещенія, по причинѣ тѣсной и неразрывной его связи со всѣми интересами нашими. А потому, принимая во вниманіе, что ограниченіе это нарушаетъ свободу пользованія нашими правами и прямо отмѣняетъ 112-ю и 135-ю статьи IX тома, я, на основаніи 72-й, 73-й и 77-й статей I тома, предлагаю просить г. губернскаго предводителя немедленно пріостановить собраніе и поступить по точному смыслу 77-й статьи, телеграфируя г. министру, а предложеніе это прошу баллотировать". Предложеніе принято большинствомъ 184 шаровъ противъ 54. Вслѣдствіе отказа губернатора переслать министру заявленіе дворянскаго собранія, послѣднее большинствомъ голосовъ рѣшило „составить прошеніе въ собственныя руки Государя", которое и было послано съ экстреннымъ поѣздомъ. Въ этомъ прошеніи дворянство ходатайствовало объ отмѣнѣ циркуляра, какъ противорѣчащаго основнымъ законамъ. Спустя три дня, губернаторъ извѣстилъ губернскаго предводителя дворянства, что всеподданнѣйшее прошеніе повелѣно оставить безъ

послѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно: тверского губернскаго предводителя дворянства Унковскаго, допустившаго постановленіе дворянства о подачѣ такого прошенія и даже перваго, подписавшаго это прошеніе, немедленно удалить отъ должности губернскаго предводителя. 20-го декабря, по открытіи собранія, прочтено было дворянству высочайшее рѣшеніе. По прочтеніи его никто изъ дворянъ не сказалъ ни слова. Тверской уѣздный предводитель, по порядку замѣстившій отставленнаго губернскаго предводителя, объявилъ, что, въ исполненіе высочайшей воли, въ слѣдующее собраніе дворянство должно приступить къ выборамъ, и затѣмъ засѣданіе кончилось. Партія, противная большинству, надѣялась, что начнутся протесты противъ высочайшаго рѣшенія; на это также разсчитывали въ бюрократическихъ сферахъ Петербурга, гдѣ уже разглашалось, что дворянство тверской губерніи бунтуетъ, и многія лица изъ него выставлялись какъ революціонеры.

Дворянство дѣйствительно протестовало, но легальнымъ образомъ. Оно согласилось: исполняя высочайшую волю, произвести выборы, но никого не выбрать.

21-го происходили выборы уѣздные, и въ 8 уѣздахъ не было выбрано ни предводителей, ни депутатовъ; большая часть изъ наличныхъ дворянъ отказалась отъ службы по выборамъ; выразившихъ же желаніе баллотироваться—забаллотировали. Но въ четырехъ уѣздахъ, Кашинскомъ, Бѣжецкомъ, Калязинскомъ и Зубцовскомъ, въ которыхъ либеральная партія была въ меньшинствѣ, выбрали предводителей. Въ губернскіе предводители выразили желаніе баллотироваться только двое—и были забаллотированы. Дворянство, признательное Унковскому за его полезную дѣятельность, пожелало учредить 12 стипендій въ московскомъ университетѣ, подъ названіемъ стипендій А. М. Унковскаго, съ предоставленіемъ ему права назначенія лицъ для пользованія стипендіями.

Губернскимъ предводителемъ былъ назначенъ отъ правительства *Клокачевъ*, имѣвшій весьма плохую нравственную репутацію среди тверского дворянства. Немедленно по вступленіи въ должность онъ получилъ рѣзкое письмо отъ помѣщика Головачева; послалъ письмо министру внутреннихъ дѣлъ, и Головачовъ былъ преданъ суду. Клокачевъ сообщалъ въ Петербургъ, что присутствіе въ Твери Унковскаго, Головачева и Европеуса волнуетъ умы дворянства; и этимъ сообщеніямъ старались придать въ Петербургѣ важное, полное опасностей значеніе. Было рѣшено: сослать Унковскаго въ Вятку, Европеуса—въ Пермь, а Головачева оставить лишь до окончанія надъ нимъ суда за письмо къ Клокачеву. (Матер. для исторіи упраздненія крѣп. сост. Т. II, стр. 268—295).

Въ Ярославлѣ циркуляръ имѣлъ послѣдствіемъ подачу дворянскимъ собраніемъ слѣдующаго всеподданнѣйшаго адреса: „Вѣруя Вашей великой любви въ благоденствіе и счастіе Россіи и проникнутые чувствомъ безпредѣльной преданности къ престолу и отечеству, мы, какъ вѣрные Россіи подданные осмѣливаемся чистосердечно повергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ ходатайство наше о современной существенной потребности для насъ и всей любезной отчизны. Внимая Вашему слову, мы готовимся слѣдовать за Вами по великому пути правды и свѣта. Но чтобы достигнуть этого Вами указаннаго пути, по нашему искреннему убѣжденію, необходимо осуществленіе трехъ началъ, о которыхъ мы осмѣливаемся всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество: 1) Объ образованіи уѣзднаго и губернскаго хозяйственно-распорядительнаго управленія, общаго для всѣхъ сословій, основаннаго на выборномъ началѣ; 2) объ учрежденіи дѣйствительно независимой судебной власти, т. е. суда присяжныхъ съ публичнымъ словеснымъ судопроизводствомъ и непосредственною отвѣтственностью предъ судомъ и обществомъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ и 3) о допущеніи общества, посредствомъ гласности, обнаруживать предъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій". Спустя нѣсколько дней, былъ полученъ отвѣтъ, что ходатайство дворянства оставлено безъ уваженія. (Матер. для ист. упраздн. крѣп. сост. Т. II, стр. 295—300).

Владимірское дворянское собраніе заставило говорить о себѣ столь же много, какъ и тверское.

По объявленіи циркуляра послѣдовали двѣ рѣчи, принятыя собраніемъ съ величайшимъ одобреніемъ. Первая—ковровскаго предводителя *Безобразова*, бывшаго депутата отъ меньшинства губернскаго комитета; другая—помѣщика *Протопопова*.

„Мм. гг.! началъ Безобразовъ:—нисколько не касаясь крестьянскаго вопроса, для рѣшенія котораго правительство, вѣроятно, находитъ достаточными свѣдѣнія, доставленныя ему отъ насъ, а потому и останавливаетъ дальнѣйшее разсужденіе, я прошу вниманія вашего, господа, къ изображенію будущаго нашего положенія.

„По желанію добродушнаго Монарха, Россія вызывается къ другой жизни, и дворянство проникнутое новыми началами не колеблясь, отрекается отъ крѣпостного владѣнія 22-мя милліонами людей. Поступокъ, достойный русскаго дворянина! Но, при общемъ стремленіи нашемъ къ благоденствію страны и къ осуществленію желаній нашего благодушнаго Государя, не лежитъ ли на насъ, господа, еще обязанность подумать о томъ, что ожидаетъ Россію при новомъ порядкѣ дѣлъ?

„Способъ управленія въ нашемъ любезномъ отечествѣ, наше судопроизводство, всѣмъ вамъ хорошо извѣстны — кто изъ васъ, господа, не испыталъ на себѣ тяжелаго гнета чиновничьяго произвола и не убѣдился въ вопіющей несправедливости судопроизводства? и все это тяготѣло надъ нами тогда, когда значеніе дворянства было неприкосновенно, когда дворянское сословіе считалось первымъ сословіемъ въ государствѣ и, обладая средствами, имѣло возможность противустать насилію!..

„Что же будетъ теперь, милостивые государи!.. Новое управленіе и судопроизводство будутъ ли настолько справедливы и правосудны, чтобы мы сами и остатокъ нашей собственности были бы достаточно ограждены отъ произвола и всякаго насилія?..

„Гдѣ залогъ этого желаемаго будущаго?.. Что, ежели, за радушныя жертвы дворянства, его исключатъ изъ общаго самоуправленія, оставятъ одинокимъ, отнимутъ возможность слиться съ народомъ и, добросовѣстнымъ участіемъ въ дѣлѣ управленія, доказать своимъ собратамъ постоянную готовность трудиться для пользы общей? Что, ежели дворянство предадутъ на произволъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ народомъ, у котораго эти новые попечители отнимутъ все, чѣмъ мы готовы наградить его? Наконецъ, если уменьшеніе права выбора изъ среды дворянства должностныхъ лицъ отниметъ у насъ окончательно участіе въ управленіи страной?.. Господство чиновниковъ подавитъ все, и русское дворянство, столько вѣковъ бывшее опорой трона и не щадившее жизни для блага своего отечества, исчезнетъ въ хаосѣ новаго управленія!.. Ропотъ и справедливое негодованіе обоихъ сословій неизбѣжны и повлекутъ за собой самыя гибельныя послѣдствія!

„Неужели, господа, предвидя общія бѣдствія, мы будетъ колебаться и правдивымъ, задушевнымъ словомъ не выскажемъ нашему доброму Государю всей истины, которую могутъ скрывать отъ него одни только враги Россіи и человѣчества!..

„Проникнутый этимъ желаніемъ и руководимый чувствомъ душевной скорби, я въ своимъ отвѣтахъ правительству, въ качествѣ депутата отъ Владимірской губерніи, высказалъ все, что тяготило меня. Теперь, милостивые государи, передавая вамъ свои убѣжденія, я ищу вашего сочувствія... Ежели вы свой сильный голосъ присоедините къ моему, тогда нѣтъ сомнѣнія, что, ходатайствуя предъ нашимъ возлюбленнымъ Монархомъ о благѣ отечества, мы успѣемъ отвратить грозящую всѣмъ опасность!..“

Изъ рѣчи *Протопопова* мы приведемъ конецъ, гдѣ сформированы желанія дворянства.

„Для общихъ пользъ и нуждъ государства потребны:

„1) Свободныя общія выборныя начала, не стѣсняемыя никакимъ особымъ произволомъ.

„2) Строжайшее охраненіе неприкосновенности правъ и нравственное уваженіе человѣческаго достоинства въ каждой служащей личности.

„3) Строжайшая и равная отвѣтственность за неисполненіе своихъ обязанностей всякой служащей личности предъ судомъ и закономъ.

„4) Гласное судопроизводство,

„и 5) Судъ присяжныхъ.

„Безъ таковыхъ предварительныхъ и единственно полезныхъ государственныхъ измѣненій, если мы нынѣ воспользуемся прежними выборными правами, то мы сами какъ будто отодвинемся назадъ навсегда и выключимъ себя добровольно изъ общей массы государственнаго народонаселенія въ какой-то отдаленный, высшій классъ, ничего не значащій, а вмѣстѣ съ тѣмъ желающій удержать за собою какое-то особое, безполезное значеніе.

„Нынѣ, господа, пользы и нужды наши должны идти нераздѣльно съ пользами и нуждами всѣхъ сословій, а слѣдовательно, цѣлаго государства.

„Пожертвуемъ же сами для новой, возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и за все это прежнее гордое и суетно-безполезное величіе наше всеподданнѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ, вполнѣ признающихъ самодержавную власть, да общую законную отвѣтственность всякой личности не передъ административнымъ произволомъ, но передъ гласнымъ судопроизводствомъ и общимъ выборнымъ судомъ присяжныхъ!

„Вотъ, господа, чего требуютъ наши общія пользы и нужды, а законъ обязываетъ насъ, прежде еще избранія въ должности, выразить эту общественную потребность!

„Воспользуемся же этимъ разумнымъ законнымъ правомъ! Будемъ вполнѣ достойны всегдашняго къ намъ довѣрія Августѣйшаго Монарха. Не хитрыми, недостойными происками, а чистымъ и честнымъ откровеніемъ повергнемъ къ престолу Государя разумѣнія и сознанія наши!

„Онъ самъ созналъ и пробудилъ въ народѣ эту жизнь. Онъ пойметъ чувства наши.

„А мы, съ своей стороны, свято и неукоризненно исполнимъ цѣль высшаго божественнаго призванія человѣка въ жизни и наше земное предназначеніе.

„Озари же, Государь, Россію вполнѣ свѣтомъ истины! дай намъ средства быть вѣрными Тебѣ помощниками и сынами отечества! уничтожь темные доклады произвола!

„Мгновенно оживутъ всѣ, воскреснутъ павшія жертвы добра и истины и обще и дружно пойдутъ къ свѣтлой жизни и къ новому, честному служенію Тебѣ и Россіи.

„Только такимъ чистымъ возрожденіемъ можетъ быть предано совершенному забвенію все несправедливое и произвольное старое".

По выслушаніи этихъ рѣчей избрана была комиссія для составленія проекта адреса Государю. На другой день былъ принятъ большинствомъ 186 голосовъ противъ 34 и отправленъ въ Петербургъ слѣдующій всеподданнѣйшій адресъ:

„Августѣйшій Монархъ!

„Дворянство Владимірской губерніи, вполнѣ сочувствуя благотворнымъ видамъ Вашего Императорскаго Величества и сознавая всю важность настоящаго времени, въ которое готовятся столь великія преобразованія и отечество наше возрождается къ новой жизни, не можетъ утаить своихъ задушевныхъ убѣжденій и осмѣливается изложить ихъ съ прямымъ чистосердечіемъ и съ полнымъ довѣріемъ къ Вашимъ благодѣтельнымъ заботамъ о счастіи Вашего народа. Всемилостивѣйшій Государь! Благоволите выслушать Вашихъ вѣрноподданныхъ:

„Вступая на путь вѣковыхъ преобразованій въ законодательствѣ, при измѣненіи быта многочисленнѣйшаго въ государствѣ сословія, отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона. Вся администрація наша основана на бюрократическомъ началѣ, всѣ общества управляются людьми, чуждыми интересамъ тѣхъ обществъ, которыя, притомъ, будучи раздѣлены на уединенныя другъ отъ друга сословія, при совершенной безгласности дѣлопроизводства и безотвѣтственности должностныхъ лицъ, не только не могутъ содѣйствовать правительству къ достиженію его цѣлей, но даже не имѣютъ возможности пещись и о собственныхъ своихъ мѣстныхъ пользахъ. Къ тому же правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши обязаны производить дѣла въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изслѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламентаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственныхъ убѣжденій; суды наши совершенно зависятъ отъ произвола слѣдователей и ихъ начальствъ, а поэтому не представляютъ никакихъ гарантій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Наконецъ, всѣ должностныя лица, въ случаѣ нарушенія своихъ закон-

ныхъ обязанностей, подлежатъ суду только тогда, когда это угодно ихъ административному начальству.

„Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что исполненіе законовъ нашихъ зависитъ, большею частію, отъ личнаго произвола.

„До сихъ поръ подобный порядокъ могъ существовать, ибо страна, въ которой допускалось крѣпостное право на людей, не могла имѣть правильнаго понятія о законности; но съ уничтоженіемъ этого права, разумныя и единодушныя содѣйствія мѣстныхъ обществъ правительственнымъ цѣлямъ и строгое исполненіе законовъ необходимы не только для успѣшнаго хода самой реформы, но и для осуществленія собственныхъ благотворныхъ цѣлей Вашего Императорскаго Величества, потому что освобожденные крестьяне, лишенные защиты помѣщика, при отсутствіи правосудія и отвѣтственности должностныхъ лицъ, подвергнутся еще большей и невыносимой зависимости отъ произвола чиновниковъ и чрезъ то могутъ совсѣмъ потерять уваженіе къ дѣйствительной законности.

„Всемилостивѣйшій Государь! Дворянство считаетъ своею священнѣйшею обязанностью повергнуть на Всемилостивѣйшее возрѣніе Вашего Императорскаго Величества, что для мирнаго и благополучнаго исхода предстоящей реформы и осуществленія Вашихъ благодѣтельныхъ преднамѣреній, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, необходимо слѣдующее:

I. Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II. Управленіе, общее для всѣхъ сословій.

III. Хозяйственно-распорядительное управленіе для всѣхъ сословій и отвѣтственное только предъ судомъ и обществомъ, причемъ выборныя лица утверждаются не административною властію, но единственно правильностью избранія.

IV. Полицейское управленіе, правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

V. Руководимое только закономъ гласное гражданское судопроизводство, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI. Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго предъ судомъ.

VII. Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей, безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

VIII. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита.

„На этихъ основаніяхъ владимірское дворянство осмѣливается всеподданнѣйше испросить предполагаемыя измѣненія, для всѣхъ сословій необходимыя при новой жизни русскаго народа.

„Всемилостивѣйшій Государь! Вы первые пробудили въ народѣ русскомъ эту жизнь! При величіи души Вашей, Вы поймете чувства Вашихъ вѣрноподданныхъ.

„Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣемъ честь именоваться Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданные" (слѣдуютъ подписи).

Адресъ владимірскаго дворянства разсматривался въ комитетѣ министровъ. Были голоса, требовавшіе строгаго наказанія Безобразова и Протопопова. Кончилось дѣло замѣчаніемъ губернскому предводителю. (Ibid. стр. 303—315).

На калужскихъ выборахъ начались было движенія и готовился адресъ; но вышли разногласія, которыми воспользовались губернаторъ и губернскій предводитель дворянства, и выборы кончились безъ адреса.

По цензурѣ былъ разосланъ циркуляръ, предписывавшій не пропускать никакихъ извѣстій о происшествіяхъ на дворянскихъ собраніяхъ, кромѣ сообщеній о выборныхъ лицахъ и увеселеніяхъ, которымъ предается дворянство. (Ibid. стр. 327).

Недружелюбное отношеніе правительства къ дворянскимъ ходатайствамъ объ учрежденіи хозяйственно-распорядительнаго управленія на выборномъ началѣ, о введеніи гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ можетъ показаться страннымъ, кто знаетъ, что правительство, уже въ это время, пришло къ сознанію неотложной необходимости въ этихъ реформахъ, а, спустя нѣкоторое время, и осуществило ихъ...

Нами указано восторжествовавшее направленіе въ правительственной сферѣ и охарактеризованы общественныя теченія, среди которыхъ редакціонная комиссія заканчивала свои работы. Наступило 10-е октября—день, назначенный для закрытія комиссіи. Члены собрались и долго прождали предсѣдателя. Вмѣсто гр. Панина явилось отъ него письмо на имя Булгакова, въ которомъ онъ поручалъ Булгакову объявить комиссіи высочайшее повелѣніе о закрытіи ея.

Съ крестьянскимъ дѣломъ приходилось такъ торопиться, что въ тотъ же день, когда была закрыта редакціонная комиссія, были

возобновлены, по высочайшему повелѣнію, засѣданія главнаго комитета для разсмотрѣнія внесеннаго въ комитетъ проекта положенія, составленнаго редакціонною комиссіею. Наканунѣ перенесенія крестьянскаго дѣла въ главный комитетъ, предсѣдатель его, князь Орловъ, главный защитникъ дворянскихъ правъ и противникъ редакціонной комиссіи, неожиданно былъ пораженъ параличемъ, затруднявшимъ ему исполненіе служебныхъ обязанностей. На мѣсто князя Орлова былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, который какъ мы видѣли, уже въ началѣ далъ сильный и рѣшительный толчокъ рефромѣ, поддержавъ разсылку и обнародованіе высочайшихъ рескриптовъ. Какъ только великая княгиня Елена Павловна узнала объ этомъ назначеніи, она немедленно извѣстила о немъ Н. А. Милютина, какъ о радостной новости. Вотъ подлинное письмо, написанное, по порученію великой княгини, одною изъ ея фрейлинъ:—„Je suis chargée de vous annoncer une bonne nouvelle, secrète encore, c'est que le grand-duc Constantin est nommé président du grand comité et qu'à son retour l'Empereur présidera lui-même. Avais-je raison de matin de croire à une providence spéciale pour la Russie et pour vous tous? R. 8-го октября“ („Revue des deux Mondes“, p. 587). Сочувствіе великаго князя Константина Николаевича трудамъ редакціонной комиссіи, слухи о чемъ давно ходили въ Петербургѣ, подтверждается слѣдующимъ письмомъ великой княгини Елены Павловны къ заболѣвшему въ это время отъ чрезмѣрныхъ трудовъ Милютину, написаннымъ нѣсколько дней послѣ вышеприведеннаго. „J'ai dit au grand-duc Constantin que la discrétion seule vous empêchait de vous présenter chez lui pour le remercier de l'intérêt qu'il vous avait témoigné pendant votre maladie.—„Je le ferai venir, dit-il avec beaucoup d'aménité, je dois et veux le voir; si je ne l'ai pas fait encore, c'est que je voulais parcourir les *pologenia* afin de pouvoir les discuter. Je les ai lus à présent, c'est un monument qui à jamais fera le plus grand honneur à la commission, de quelque opinion qu'on puisse être“.—Le grand-duc est indigné du qrocédé de Panine envers vous tous. Je l'ai vu ce matin (Panine) et je lui ai dit mon opinion là-dessus: Il répond par de mauvaises raisons».

Во время внесенія законопроекта редакціонной комиссіи въ главный комитетъ, членами его состояли: гр. Блудовъ, гр. Адлербергъ, кн. Гагаринъ, Ланской, гр. Панинъ, кн. Долгоруковъ, Муравьевъ. Чевкинъ и Княжевичъ.

О происходившемъ въ главномъ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ при разсмотрѣніи законопроекта редакціонной комиссіи, мы имѣетъ лишь свѣдѣнія, помѣщенныя въ официальныхъ журналахъ, да еще нѣсколько сообщеній, напечатанныхъ въ III томѣ „Мате-

ріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи". Но провѣрить сообщенія „Матеріаловъ", отрывочныя, притомъ большею частію анекдотическаго характера, мы не имѣли возможности. Да если бы мы и могли провѣрить ихъ, а потому и воспользоваться ими, то и тогда представленіе о закулисной сторонѣ происходившаго въ засѣданіяхъ главнаго комитета и государственнаго совѣта получилось бы очень ограниченное, скудное. Анекдотическій матеріалъ этотъ весьма мало относится непосредственно къ крестьянскому дѣлу; правда, онъ можетъ послужить хорошимъ пособіемъ для характеристики лицъ, заправлявшихъ высшими государственными функціями, для характеристики ихъ отношеній къ интересамъ страны и народа; но говорить объ этомъ какъ слѣдуетъ, представляя дѣло во всей его конкретной обстановкѣ, съ надлежащимъ историческимъ освѣщеніемъ и выводами, пока еще нельзя. Мы можемъ предложить лишь нѣсколько немаловажныхъ указаній на ходъ крестьянскаго дѣла до 19-го февраля 1861 года.

Въ виду объявленной главному комитету высочайшей воли торопиться окончаніемъ крестьянскаго дѣла, такъ чтобы журналъ комитета могъ быть уже въ январѣ мѣсяцѣ представленъ въ государственный совѣтъ, а къ 15-му февраля могъ быть изданъ манифестъ, комитетъ имѣлъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ сорокъ пять засѣданій, начинавшихся въ часъ по-полудни и продолжавшихся нерѣдко до семи часовъ вечера. „Положенія" редакціонной комиссіи поддерживали почти во всѣхъ пунктахъ:—предсѣдатель, гр. Блудовъ, Ланской и Чевкинъ; всѣ прочіе урѣзывали ихъ болѣе или менѣе въ интересахъ дворянства. Но достойно вниманія, что большинство шести членовъ сходились между собой только въ одномъ: въ стремленіи увеличить выгоды дворянства—хотя уже и редакціонная комиссія въ послѣднемъ своемъ журналѣ откровенно и совершенно справедливо заявила, что ея проектъ законоположеній объ освобожденіи крестьянъ представляетъ не строгое проведеніе какой-либо отвлеченной теоріи о справедливости, а только „улучшеніе быта одного сословія съ *наименьшими*, по возможности, *потерями для другого*; въ предложеніяхъ же своихъ къ осуществленію этого стремленія означенные члены оппонировали между собою. Такимъ образомъ, по *двадцати девяти* вопросамъ, по которымъ возникли разногласія въ главномъ комитетѣ, мнѣнія большею частію разбивались не только на три части, но и болѣе, такъ какъ кн. Гагаринъ, Муравьевъ, гр. Панинъ подавали часто отдѣльныя мнѣнія (см. „Журналъ главнаго комитета. Томы II и III). Вслѣдствіе этого, *четыре* голоса защитниковъ „Положеній" редакціонной комиссіи являлись въ большинствѣ случаевъ относительнымъ большинствомъ.

14-го января, главный комитетъ окончилъ свои занятія, и крестьянскому дѣлу предстояло пройти послѣднюю инстанцію—государственный совѣтъ. Членамъ государственнаго совѣта дано было тридцать дней для ознакомленія: 1) съ проектомъ законоположеній объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, составленнымъ редакціонной комиссіей, и 2) съ журналомъ главнаго комитета. 28-го января было назначено первое засѣданіе государственнаго совѣта подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Его Величество изволилъ открыть это собраніе государственнаго совѣта слѣдующими словами:

„Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, по важности своей, Я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и Я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему Я требую отъ государственнаго совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ. Повторяю, и это Моя непремѣнная воля, чтобы дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства, до нѣкоторой степени, понятны, ибо они касаются самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и Я счастливъ, что Мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ предъ потомствомъ. При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и во время путешествій Моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, Я не скрывалъ Моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе Мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ государственный совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ,

сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить или добавить представляемую работу, то Я готовъ принять ваши замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

„Прежде чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самаго проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла.

„Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало: право это установлено Самодержавною властью, и только Самодержавная власть можетъ уничтожить его, а на это есть Моя прямая воля.

„Предшественники Мои чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились, если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти.

„Съ этою цѣлью при императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ; при императорѣ Александрѣ, въ 1803 году, законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ; а при Родителѣ Моемъ въ 1842 г., указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100,000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого Государя. Мысль была благая и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствія, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразованіе. Покойный Мой Родитель постоянно былъ занятъ мыслію освобожденія крестьянъ. Я, вполнѣ ей сочувствуя, еще въ 1856 году, передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться и что потому лучше, чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того въ началѣ 1857 года, Я учредилъ, подъ личнымъ Моимъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года, поступило прошеніе отъ трехъ Литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостью и отвѣчалъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ

этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершиться преобразованіе; эти главныя начала должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ, какъ для помѣщика, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь государственному совѣту главнымъ комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ преобразованіе совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое и только теперь, послѣ 40 лѣтъ, Намъ едва удалось улучшить ихъ быть, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго Родителя Моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ.

„Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ Мною началахъ. Вслѣдствіе того были учреждены губернскіе комитеты, которымъ для облегченія ихъ работъ была дана особая программа. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, Я разрѣшилъ составить особыя редакціонныя комиссіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдателемъ этихъ комиссій былъ сначала генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, а по кончинѣ его графъ Панинъ. Редакціонныя комиссіи трудились впродолженіи года и семи мѣсяцевъ и, несмотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти и справедливыя, которымъ комиссіи подвергались, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ главный комитетъ. — Главный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Моего Брата, трудился съ неутомимою дѣятельностію и усердіемъ. Я считаю обязан-

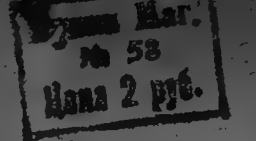
ностію благодарить всѣхъ членовъ комитета, а Брата Моего въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ.

„Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія Я выслушаю охотно, но Я въ правѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали какъ государственные сановники, облеченные Моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, Я не скрывалъ отъ Себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, Я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь съ Божіею помощію приступимъ къ самому дѣлу". („Русская Старина", февраль, 1880 г., стр. 375).

Засѣданія государственнаго совѣта продолжались всего двѣ съ половиною недѣли. Предсѣдательствовалъ гр. Блудовъ. На каждое засѣданіе назначенъ былъ урокъ — количество статей, которыя должны были быть разсмотрѣны совѣтомъ; ранѣе окончанія заданной работы, собраніе не могло быть закрыто. Засѣданія были очень бурны. Предсѣдатель съ трудомъ возстанавливалъ порядокъ преній. Въ Петербургѣ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ малѣйшимъ извѣстіямъ, приподнимавшимъ завѣсу съ тайны происходившаго въ засѣданіяхъ. Вѣсть о скоромъ окончаніи крестьянскаго дѣла распространилась и среди народа; изъ провинціи получались извѣстія, что въ народѣ ожиданіе свободы достигло крайняго напряженія и между крестьянами идетъ слухъ, что воля будетъ объявлена въ Благовѣщеніе. Журналъ каждаго засѣданія представлялся отдѣльно Государю и былъ утверждаемъ большею частію согласно мнѣнію меньшинства. Самыя существенныя измѣненія законопроекта редакціонной комиссіи, принятыя громаднымъ большинствомъ и утвержденныя Государемъ, были: 1) уменьшеніе для большаго числа мѣстностей *maximum*'а надѣла и соотвѣтствующее этому пониженіе и *minimum*'а, 2) введеніе дарового надѣла. Вѣсть объ этихъ измѣненіяхъ быстро разнеслась въ Петербургѣ, и дворянство говорило о нихъ съ восторгомъ. Февраля 17-го было послѣднее засѣданіе государственнаго совѣта, а 19-го проектъ законоположеній получилъ уже силу закона.

5-го марта былъ обнародованъ во всѣхъ церквахъ имперіи манифестъ объ *освобожденіи крестьянъ*.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Больш. Подъяч. 93.

Объявленія дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 19 Марта 1903 г.

